

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования
(Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ
- В. И. Елинский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
академик РАН
- О. В. Зиборов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- О. Г. Карпович,**
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. И. Клименко,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России
- Н. А. Колоколов,**
доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education
(Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia
- V. I. Elinskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Member of RANS
- O. V. Ziborov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- O. Yu. Il'ina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- O. G. Karpovich,**
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia
- A. I. Klimenko,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- N. A. Kolokolov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраннный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

В. Л. Дементьев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник физической культуры РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

V. L. Dementyev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Physical Culture of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 4 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

Аминов Д. И., Ушакова Е. В. К вопросу о защитных механизмах в природе и обществе.....	11
Батюкова В. Е. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовой аспект.....	16
Беженцев А. А. Соучастие в преступлении: проблемы, связанные с установлением формы.....	19
Бобров В. К., Алонцева Е. Ю., Андреев А. В. Электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве: понятие и классификация.....	25
Боул Д. В. Договор эквайринга и договор об осуществлении расчетов через Систему быстрых платежей: сравнительная характеристика.....	31
Грошев С. Н., Усов Е. Г. Права и обязанности мужчин в Российской империи в XVIII столетии в аспекте правового положения военных инвалидов.....	38
Елинский В. И. О работе криминалистических подразделений следственных органов СК Российской Федерации.....	42
Елифанов А. Е. К вопросу взаимодействия войск НКВД СССР и Красной Армии в борьбе с бандформированиями ОУН/УПА в 1944–1946 гг.	47
Зарина А. М., Бессонова Т. С. К вопросу о преддоговорных нарушениях.....	53
Иванцов С. В. Профессиональная преступность и ее характеристики.....	58
Ильин И. С. Специфика организационно-подготовительной фазы цикла демонстративно-протестной преступности.....	63
Казанина Т. В., Шагиева Р. В. Юридическое образование: подходы к формулированию цели, структуре, методическому обеспечению.....	72
Кулахезян С. К., Григорян Д. К. К вопросу о криминалистической характеристике провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.....	79
Кульчиков Д. Е., Матвеев Д. А. Актуальные особенности гражданско-правовой ответственности продавца за односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи.....	85

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
https://vk.com/mosumvd.official

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 172

Подписано в печать
12.11.2024 г.
Цена свободная

Молчанова Т. В., Сухаренко А. Н. Внешнеэкономическая преступность в условиях специальной военной операции.....	91
Нечай С. Л. Международные стандарты и сотрудничество Российской Федерации в сфере внешней трудовой миграции.....	98
Попов В. В. Правовой режим собственности Союзного государства	103
Прудников А. С., Соколова А. Ю. Зарубежный опыт реализации полномочий в сфере миграции	108
Сальникова А. А. Предпосылки формирования фабрично-заводской полиции в России в конце XIX века.....	113
Саморока В. А. Интеллектуальные технологии в достижении целей уголовного судопроизводства	117
Саудаханов М. В. Частная собственность сквозь призму конституционно-правового регулирования	120
Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Механизм реализации органами внутренних дел законодательства Российской Федерации об административной ответственности	124
Староверова О. В. Уголовно-правовые средства противодействия злоупотреблениям должностными полномочиями	129
Сычѳв П. Г. Проблематика правового регулирования деятельности органов предварительного следствия МВД России	133
Титор С. Е. Правовое регулирование образовательных отношений уставами Медико-хирургической академии (1808 и 1835 гг.)	137
Тутынин И. Б. Залог как мера пресечения: взгляды научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя на воплощение в законе и правоприменительную практику.....	144
Худяков В. В., Куриленко Ю. А. Межведомственное сотрудничество по информационному взаимодействию в рамках расследования преступлений.....	147
Чижик А. П. Право народов и наций на самоопределение в конституционном праве.....	153
Шеленговский П. Г. Понятие и сущность защиты прав человека и гражданина в системе теории права	158
Шибасев А. Н. Генезис и современное состояние криминалистической идентификации в свете реализации ее основ в транспортной трасологии	165
Щелоков К. С. К вопросу о дисфункциональности ценностей либеральной правовой идеологии в российской правовой культуре	169
Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Концепция определения доходов для целей международного налогообложения: налоговые «схемы» и их последствия.....	174
Юлова Е. С. Основания отказа во введении процедуры финансового оздоровления в судебной практике.....	181

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Буздалина О. Б. Фискальное пространство Российской Федерации в условиях санкций.....	188
Бурякова Е. В. Режимы государственного финансового регулирования реализации современной экологической повестки.....	193
Дианов Д. В. Статистическая оценка негативных последствий внешней миграции	198
Дятлова А. Ф., Свирина М. В., Шманева Л. В. Значение искусственного интеллекта при выявлении следов преступлений в экономике	205
Косов М. Е. Система бюджетного федерализма в Российской Федерации	210
Лапенкова Н. В. Стратегическое планирование Республики Индонезия в призме национального развития.....	217
Маноян К. А. Инновационные подходы в гостиничном бизнесе.....	221
Скляренко Р. П., Лошаков А. С. Технология трансформации экономики: от роста к замкнутому циклу	225
Цхададзе Н. В. Блокчейн технологии как перспективный механизм развития	232
Шманев С. В., Аразгелдиев Г. Пути совершенствования антиинфляционного регулирования в России.....	237

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования Методология и технология профессионального образования

Казанцева Л. А., Казанцев С. Я. Компетентностный подход в саморазвитии курсантов вузов МВД РФ в условиях глобальных вызовов	243
Качурина И. Б., Белокурова Ю. С., Качурин Д. В. Функции и задачи беспилотных воздушных судов	248
Корнюхин В. В., Славко А. Л. Повышение эффективности образовательного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России на основе технологий системы кроссфита	255
Кушнарченко И. А., Хомутов А. М. Тренировочные макеты и реплики снаряжения на занятиях по обучению действиям с палкой специальной	259
Нурadiniнов Ш. М., Константинов А. В., Палий В. М. Использование органами внутренних дел потенциала добровольческих (волонтерских) организаций в гражданско-патриотическом воспитании и сохранении исторической памяти.....	265
Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А. Поликультурная образовательная среда вуза: готовность преподавателя к творческому взаимодействию	269
Тоноян Х. А., Лахтин А. Ю. Становление и квинтэссенция рукопашного боя в деятельности общественных организаций и учреждений на примере российского казачества	274

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник экономической безопасности» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агенства
«Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker
of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. V. Peshkov

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 4 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (State Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Aminov D. I., Ushakova E. V.

On the issue of protective mechanisms in nature and society 11

Batyukova V. E.

Illegal business: the criminal law aspect..... 16

Bezhtentsev A. A. Complicity in a crime:

problems associated with form establishment 19

Bobrov V. K., Alontseva E. Yu., Andreev A. V.

Electronic media in criminal proceedings:
concept and classification 25

Boul D. V. Acquiring agreement and agreement

on settlements through the Fast Payment System:
comparative characteristics..... 31

Groshev S. N., Usov E. G. The rights and duties of men

in the Russian Empire in the XVIII century in the aspect
of the legal status of military invalids..... 38

Elinskiy V. I. On the work of the forensic units

of the investigative bodies of the Investigative Committee
of the Russian Federation..... 42

Epifanov A. E. On the issue of interaction between the troops

of the NKVD of the USSR and the Red Army
in the fight against the OUN/UPA gangs in 1944–1946 47

Zarina A. M., Bessonova T. S.

On the issue of pre-contractual violations 53

Ivantsov S. V. Professional crime and its characteristics 58

Ilyin I. S. The specifics of the organizational

and preparatory phase of the cycle of demonstrative-protest crime 63

Kazanina T. V., Shagieva R. V. Legal education:

approaches to goal formulation, structure, methodological support..... 72

Kulakhszyan S. K., Grigoryan D. C. On the criminalistic characterization

of bribe provocation, commercial bribery or bribery
in the sphere of procurement of goods, works and services
to ensure state or municipal needs 79

Kulchikov D. E., Matveev D. A. Actual peculiarities of civil liability of the seller

for unilateral refusal to execute the sale and purchase agreement..... 85

Molchanova T. V., Sukharensko A. N. Foreign economic crime in the context of a special military operation.....	91
Nechay S. L. International standards and cooperation of the Russian Federation in the field of external labor migration	98
Popov V. V. The legal regime of the property of the Union State	103
Prudnikov A. S., Sokolova A. Yu. Foreign experience in implementing powers in the field of migration.....	108
Salnikova A. A. Prerequisites for the formation of the factory police in Russia at the end of the XIX century.....	113
Samoroka V. A. Intelligent technologies in achieving the goals of criminal proceedings	117
Saudakhanov M. V. Private property through the prism of constitutional and legal regulation.....	120
Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. The mechanism of implementation by the internal affairs bodies of the legislation of the Russian Federation on administrative responsibility	124
Staroverova O. V. Criminal law means of countering abuse of official authority.....	129
Sychev P. G. The problems of legal regulation of the activities of the preliminary investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	133
Titor S. E. Legal regulation of educational relations by the charters of the Medical and Surgical Academy (1808 and 1835).....	137
Tutyinin I. B. Bail as a preventive measure: views of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' on the implementation in law and law enforcement practice	144
Khudyakov V. V., Kurilenko Yu. A. Inter-agency cooperation on information cooperation in the investigation of offences	147
Chizhik A. P. The right of peoples and nations to self-determination in constitutional law	153
Shelengovsky P. G. The concept and essence of the protection of human and civil rights in the system of theory of law	158
Shibaev A. N. The genesis and current state of forensic identification in the light of the implementation of its fundamentals in transport tracology	165
Shchelokov K. S. On the issue of the dysfunctionality of the values of liberal legal ideology in the Russian legal culture	169
Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. The concept of determining income for international taxation purposes: tax «schemes» and their consequences	174
Yulova E. S. Grounds for the court's refusal to introduce a financial recovery procedure in judicial practice	181

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 172

Issued
12.11.2024
The price is not fixed

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of economic security» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» **81108**,
or on the website Scientific
electronic library:

<http://elibrary.ru>

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

- Buzdalina O. B.** Fiscal space of the Russian Federation under sanctions 188
- Buryakova E. V.** Regimes of state financial regulation
of the implementation of the modern environmental agenda 193
- Dianov D. V.** Statistical assessment of the negative effects of external migration..... 198
- Dyatlova A. F., Svirina M. V., Shmaneva L. V.**
The importance of artificial intelligence
in detecting traces of crimes in the economy..... 205
- Kosov M. E.** The system of budgetary federalism in the Russian Federation 210
- Lapenkova N. V.** Strategic planning of the Republic
of Indonesia in the prism of national development..... 217
- Manoyan K. A.** Innovative approaches in the hotel business..... 221
- Skliarenko R. P., Loshakov A. S.** Technology for economic transformation:
from growth to a cycle economy 225
- Tskhadadze N. V.** Blockchain technology as a promising development mechanism..... 232
- Shmanev S. V., Arazgeldiev G.** Ways to improve anti-inflationary regulation in Russia..... 237

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education Methodology and technology of vocational education

- Kazantseva L. A., Kazantsev S. Ya.** Competence approach
in self-development of cadets of higher educational institutions
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of global challenges 243
- Kachurina I. B., Belokurova Yu. S., Kachurin D. V.**
Functions and tasks of unmanned aircraft 248
- Kornyukhin V. V., Slavko A. L.**
Improving the efficiency of the educational process in the discipline «Physical training»
in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs
of Russia based on the technologies of the crossfit system 255
- Kushnarenko I. A., Khomutov A. M.**
Training models and replicas of equipment
for training with a special stick..... 259
- Nuradinov Sh. M., Konstantinov A. V., Paliy V. M.**
Use by the internal affairs bodies of the potential of volunteer (volunteer)
organizations in civic and patriotic education
and preservation of historical memory 265
- Skripkina A. V., Turavets N. R., Shchurov E. A.**
Multicultural educational environment of the university:
teacher's readiness for creative interaction..... 269
- Tonoyan H. A., Lakhtin A. Yu.** Formation and quintessence
of hand-to-hand combat in the activities of public organizations
and institutions on the example of the Russian Cossacks..... 274

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-11-15>

EDN: <https://elibrary.ru/smjucr>

НИОН: 2015-0066-4/24-048

MOSURED: 77/27-011-2024-04-247

К вопросу о защитных механизмах в природе и обществе

Давид Исакович Аминов¹, Екатерина Владимировна Ушакова²

¹ aminovdi59@mail.ru

² Российская таможенная академия, Люберцы, Россия,
ushakova19@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные виды защитных механизмов, присущих живой природе и человеку. Обращается внимание на то, что при большом биологическом сходстве представителей животного мира и человека, имеются и существенные различия. Отмечается, что именно эти различия и предопределяют предпочтения человека тем защитным механизмам, которые наиболее эффективно справляются со своими задачами в его социуме. Подчеркивается, что за свою многовековую историю человеческое общество выработало и апробировало ряд социально значимых институтов, включая систему правового регулирования. В статье делается попытка доказать, что применительно к человеку и обществу только названные институты способны обеспечить искомую защиту от любых вызовов и угроз. И наконец, обращается внимание на ряд важных условий, требующихся для придания системе правовых отношений по-настоящему действенного характера.

Ключевые слова: защитный механизм, социальная справедливость, инстинкт самосохранения, феномен толпы, массовые беспорядки, общественная опасность, обычаи, традиции, механизм защиты, закон и право, механизм защиты, индивид и социум

Для цитирования: Аминов Д. И., Ушакова Е. В. К вопросу о защитных механизмах в природе и обществе // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 11–15. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-11-15>. EDN: SMJUCR.

Original article

On the issue of protective mechanisms in nature and society

David I. Aminov¹, Ekaterina V. Ushakova²

¹ aminovdi59@mail.ru

² Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia,
ushakova19@mail.ru

Abstract. The various types of protective mechanisms inherent in wildlife and humans are considered. Attention is drawn to the fact that despite the great biological similarity of representatives of the animal world and humans, there are also significant differences. It is noted that it is these differences that determine a person's preferences for those protective mechanisms that most effectively cope with their tasks in his society. It is emphasized that over its centuries-old history, human society has developed and tested a number of socially significant institutions, including a system of legal regulation. The article attempts to prove that, in relation to man and society, only these institutions are able to provide the required protection from any challenges and threats. Finally, attention is drawn to a number of important conditions required to make the system of legal relations truly effective.

Keywords: protective mechanism, social justice, instinct of self-preservation, crowd phenomenon, mass riots, public danger, customs, traditions, protection mechanism, law and law, protection mechanism, individual and society

For citation: Aminov D. I., Ushakova E. V. On the issue of protective mechanisms in nature and society. Bulletin of economic security. 2024;(4):11–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-11-15>. EDN: SMJUCR.

© Аминов Д. И., Ушакова Е. В., 2024

Исходной точкой осмысления заявленной проблемы следует признать некую совокупность инстинктов, которые присущи всему живому на планете Земля. При этом человек в контексте данного утверждения исключением не является. В ряду множества инстинктов (например, продолжение рода, родительский инстинкт, стремление к сохранению энергии своего организма, инстинкт лидерства, охотничий инстинкт, голод, жажда и пр.) именно инстинкт самосохранения всегда был и остается наиболее сильным и значимым.

При всей сложности работы любого природного механизма ответ на вопрос, чем же обусловлено преобладание упомянутого инстинкта над остальными, лежит на поверхности. Не вызывает сомнений то, что стремление к самосохранению каждым в отдельности индивидом в конечном счете позитивно сказывается на сохранении всей популяции. По сути, инстинкт самосохранения можно отнести к последнему рубежу защиты любого живого организма. Он «включается» через страх, а тот, в свою очередь, предопределяет стремление индивида нейтрализовать для себя угрозу, с одной единственной целью – выжить. Вместе с тем, при всей справедливости данного утверждения, практика изобилует случаями, когда упомянутый столь значимый и в живой природе и в человеческом Мире инстинкт не «срабатывает», уступая «пальму первенства» другим инстинктам – материнскому, родительскому, патриотизму и пр. Индивид в определенных ситуациях все же готов жертвовать собой. И это нельзя признать неким сбоем в работе основополагающих природных механизмов. Напротив, большое множество таких проявлений указывает на необходимость полного отказа от упрощенного понимания сущности механизмов защиты, действующих в природе и обществе.

Помимо инстинкта самосохранения, вторым контуром защиты любых популяций в природе является действие другого инстинкта. Его специфика направлена на выживание одновременно сразу значительного скопления на определенной территории одних и тех же видов животных. Речь, в частности, идет о ситуациях, при которых индивидуальное сознание, (для насекомых и рыб предпочтителен термин «природный алгоритм действий»), инстинкты и поведение отдельных видов живых существ как бы встраиваются в жизнедеятельность некой их совокупности, образуя своего рода единый организм. Соответственно, преобладающим в поведении такого «организма» является подчиненность многочисленных особей единому управлению. У насекомых – это рой (иногда могут наблюдаться образования многомиллионных колоний насекомых), у парнокопытных животных – стадо, у птиц – стая, у рыб – косяк и пр.

Как считают специалисты, такие объединения возникают благодаря продуцированию в этих общностях единых унифицированных ритмов мозговых колебаний. Их трансляторами становятся конкретные лидеры объединений, а реципиентами – подавляющая часть особей.

Наиболее наглядными проявлениями этого феномена могут служить резкие изменения вектора передвижений у соответствующего скопления живых существ. Например, как только на пути миграций массовых сосредоточений парнокопытных животных, рыб или птиц возникают препятствия или угрозы, то такое объединение практически мгновенно меняет направление своего следования.

Что же мы наблюдаем, когда речь заходит о человеке и его социуме? В контексте отмеченного необходимо обратить внимание на то, что специалистами в области социальной психологии и юриспруденции хорошо изучены внешние контуры феномена, именуемого толпой. Как известно, данное образование появляется тогда, когда в одно и то же время значительное число индивидов, «распаленных» определенными событиями, собирается на площадях или улицах. После того, как эти лица влились в толпу, они практически в одночасье перестают думать и действовать автономно. Более того, значительная часть этих лиц начинает безропотно подчиняться влиянию извне.

Своеобразным триггером или пусковым устройством, включающим в работу соответствующий механизм, являются действия конкретных лиц (одного или нескольких), которые своими призывами не только «идейно» «цементируют» собравшуюся массу людей, но и направляют усилия и мощь такой массы на достижение определенных целей, заявленных как социально справедливые. Результатами таких призывов, как правило, становятся массовые беспорядки, а последствиями – разбитые витрины, перевернутые и/или сожженные автомашины, причинение вреда здоровью различной степени тяжести конкретным лицам и пр.

Во всех таких случаях большая масса людей на какое-то время превращается в единый ревущий «рой», сметающий все на своем пути. Контролер или сторож, ранее присутствующий в сознании каждого в отдельности индивида, в условиях толпы свои функции выполнять перестает. Иными словами, индивидуальное сознание и воля каждого в отдельности лица попросту отключаются, и человек перестает властвовать над собой. При этом все механизмы самоконтроля, свойственные конкретному индивиду, на время переходят в ведение толпы, а точнее ее идейных вдохновителей.

В контексте отмеченного немалый исследовательский интерес представляют психологические метаморфозы, которые наблюдаются у участников завершившихся побоищ, после того как толпа распадается. Еще недавний участник бурных событий, как правило, не в состоянии вразумительно пояснить, что именно его побудило пренебречь правилами и нормами поведения.

Столь необычный характер действий индивида в толпе и сам названный феномен закономерно заставляют осмыслить их сущность с точки зрения роли и значения в общем природном механизме. В настоящее время практически все без исключения научные трактаты, так или иначе затрагивающие проблему толпы, рассматрива-

ют ее в сугубо негативном контексте. К примеру, с точки зрения предмета науки уголовного права указанный феномен всегда ассоциируется с массовыми беспорядками и их последствиями. Юридическо-методологический подтекст таких исследований вполне предсказуем: в первую очередь обращается внимание на весьма значительную общественную опасность подобных явлений, а во вторую, – указывается на необходимость очередного ужесточения санкций, адресованных инициаторам и активным участникам массовых беспорядков.

И действительно, было бы принципиальной ошибкой отрицать потенциальную угрозу, которую всегда несет в себе феномен толпы. Однако исследовательский интерес этого явления, видимо, должен охватывать и другие его аспекты. В частности, существенное значение имеет изучение вопроса о роли и направленности данного феномена в условиях зарождения и формирования человеческих социумов.

Попытки его осмыслить не с точки зрения современных реалий, а с позиций существования и выживания доисторических социальных образований позволяют обратить внимание на наличие соответствующих упоминаний в специальной литературе. В частности, история изобилует примерами, когда та или иная группа воинственно настроенных лиц с легкостью одерживала победу над многократно превосходившим по численности противником. При этом многие летописцы, канувших в лету исторических баталий, обращали внимание на одно важное обстоятельство. В первую очередь на то, что главной причиной этих побед было не наличие у победившего меньшинства какого-то исключительно оружия или возможности следовать некой военной хитрости, а умение в нужный момент войти в определенное измененное сознание (боевой транс). Самое интересное здесь то, что способность погружаться в боевой транс было свойственно культам самых различных народностей. История сохранила, например, сведения о такого рода уникальных способностях у викингов, у народов древней Руси, а также в древней Греции и Риме.

Сказанное позволяет задаться следующим вопросом: какое же преимущество давало измененное сознание воинам в столь ответственный момент? С точки зрения современных исследований в области психики и психологии, помимо того, что вхождение в боевой транс позволяло максимизировать воинственный дух и мотивацию воина на победу, такое состояние многократно ускоряло реакцию воина во время любых угроз и вызовов. Иными словами, замах меча, копья или ожидаемый выстрел из лука противника, длящиеся какие-то мгновения, в измененном сознании воин заблаговременно мог как в замедленном кино не только увидеть, но и предотвратить (уклониться либо контратаковать). Таким образом, указанные действия вполне позволяли такому лицу гарантировать себе защиту от смертельного увечья. В то же время названный защитный механизм следует рассматривать не только применительно к каж-

дому в отдельности воину. Он, с большой долей вероятности, объясняет как слаженность ведения совместных действий воинским подразделением, так и принятие безошибочных тактических решений в бою.

Из указанного следует, что современный феномен толпы, по своей сути, является ни чем иным, как отголоском тех природных механизмов, которые на заре человечества позволяли социуму обеспечивать себе защиту в условиях возникновения многочисленных угроз или вызовов.

Отрицая позитивную роль феномена толпы применительно к современным условиям, мы, однако, не даем ответ на вопрос – канули ли в лету многочисленные вызовы и угрозы для ныне живущего индивида и социума? Ответ на указанный вопрос очевиден – человек и общество продолжают сталкиваться со многими прежними и уже новыми вызовами и угрозами. И для своей защиты индивид по-прежнему во многом полагается на свой социум, а социум на своих индивидов. Именно находясь внутри социума, индивид может обеспечить свою безопасность со значительно большей вероятностью, чем если бы он действовал, полагаясь только на свои силы. И именно социум позволяет индивиду с наибольшей эффективностью реализовать свои права и законные интересы. И чем большее число лиц в этом будут убеждены, тем более устойчивым и защищенным будет становиться его социум.

По этой причине среднестатистический индивид всегда стремится быть частью социума. Поскольку именно от его сограждан зависит не только безопасность, но и во многом возможность реализовать себя как личность. И здесь мы вполне отчетливо наблюдаем движение индивида и общества навстречу друг другу.

При значительном сходстве защитных природных механизмов в животном мире и человеческом обществе, имеются также и существенные различия. По красноречивому свидетельству известного американского писателя, журналиста и общественного деятеля Марка Твена, «человек – единственное животное, которое краснеет или, при определенных обстоятельствах, должно краснеть» [1]. Конечно же такое высказывание автора следует трактовать в переносном смысле. Но его подтекст указывает на то, что в подавляющем большинстве случаев человек ориентируется на свое сознание и логику. Каждый раз он оценивает все происходящее через собственный внутренний мир. И чем он богаче (мораль, нравственность, культура, образование, менталитет и пр.), тем его поступки будут в большей степени гуманными. Все указанное говорит о большей зависимостью человека от общества и выработанных им институтов.

Всю свою историю человечество шаг за шагом выработывало механизмы, позволявшие ему объединить индивидов в малые и большие социальные группы. Соответственно, и полноценным общество становилось только тогда, когда оно обогащалось социальными связями самой различной природы. Хорошо известно, что эти связи образуются через обычаи и традиции, мента-

литет населения, религию, культуру, идеологию, человеколюбие и, конечно же, благодаря институтам государства и права.

Каждый из перечисленных социальных элементов направлен не только на цементирование общества, но и на обеспечение его жизнеспособности, включая продуцирование специальных механизмов, способных сводить к минимуму присущие обществу социальные «болезни» и «пороки». При этом отмеченное возможно только тогда, когда социальное воздействие осуществляется в первую очередь на сознание и волю конкретных индивидов. А искомый эффект достигается тогда, когда подавляющее большинство граждан убеждено, что все социальные ценности, которыми оперирует общество, направлены на обеспечение их собственного блага.

В то же время целенаправленное развитие общества, именуемое нами как прогресс, немыслимо без столкновения между собой противоречий. Разные интересы людей и групп, как малых, так и больших, вступая в противоречия, вынуждают, в конечном итоге, к поиску согласованных позиций. Согласование данных интересов – главная задача любой отрасли права. Все отмеченное является предтечей множества исследований, включая исследования эффективности правовой политики, задачей которой является необходимость приведения социума к доминанте общечеловеческих ценностей.

Несомненно, за несколько тысячелетий человечество шаг за шагом выработало самый главный и эффективный механизм защиты, обращенный как ко всему обществу в целом, так и к отдельным его членам. Этим механизмом, как известно, является закон и право. Поскольку только с помощью действия его норм, принципов и категорий становится возможным достичь искомого эффекта защиты.

При всей правоте данного утверждения, Закон идеализировать ни в коем случае нельзя. Поскольку в ряде случаев те или иные нормативные акты либо не эффективны, либо и вовсе могут наносить существенный вред. В указанном контексте следует обратиться к этимологии таких терминов как «правовой» и «неправовой» закон, а также «правовая» или «неправовая» норма. Хорошо известно, что эти термины по своей сути антонимы. Они легко разграничиваются через призму того, насколько соответствующий свод законов или его отдельные нормы отвечают или не отвечают интересам граждан. То есть «работают» они или, напротив, становятся барьером в реализации принципа социальной справедливости.

Закон может отражать, но может и не отражать фактические отношения людей в обществе и фактические потребности самого этого общества. Закон может быть полезен, но может быть и вреден. Закон – это не право. Право – это воплощение справедливости, а закон – творение рук человеческих. Закон подвержен влиянию различных факторов и может быть социально вредным,

и даже социально опасным. Любое беззаконие может быть облечено в форму закона. Именно поэтому не только право, но и закон, а также практика его применения должны быть пропитаны моральными принципами. Только это всегда являлось и, видимо, будет являться питательной средой правосознания.

При всем отмеченном, среднестатистический гражданин регулярно сталкивается с многочисленными случаями, когда, казалось бы, сакральный характер юридической нормы игнорируется (пассивное отношение) либо нарушается (активные действия). При этом речь не идет только о фактах правонарушений. Не меньший интерес представляют ситуации, при которых инициаторами законопроектов априори не принимаются в расчет механизм и условия, при которых их законодательные новеллы в недалеком будущем смогут реально функционировать, а, следовательно, обладать искомым позитивным эффектом.

В указанном ключе следует обратить внимание на многовариантный характер подходов к осмыслению заявленной проблемы. В частности, идеальной следует признать ситуацию, при которой тот или иной закон (или его отдельная норма) соответствующим законодательным органом принимается не только с учетом механизма и условий его действия, но и в целях обеспечения гарантий реализации принципа социальной справедливости.

К сожалению, практика изобилует примерами, когда о названном фундаментальном принципе инициаторы законопроектов попросту забывают. Исследование таких случаев показывает, что неправовой, по своей сути, закон, как правило, имеет весьма низкий коэффициент полезного действия. Так как неправовые нормативные акты в большинстве случаев либо не исполняются, либо их исполнение всячески тормозится. При этом неисполнение закона прямо пропорционально той глубине несправедливости, которая изначально была инкорпорирована в принимаемый акт.

Здесь же нельзя не принять во внимание уже давно используемые в специальной литературе в качестве расхожих «штампов» утверждения о неумолимом характере действий как законов природы, так и (несколько отсроченном действии) законов социальных. В первом случае, как известно, «отрезвление» соответствующих нигилистов происходит почти мгновенно, а во втором – с небольшой задержкой во времени.

Из всего сказанного представляется весьма значимым сделать единственно возможный вывод. Инициаторы принятия любых законопроектов, а так же представители высшего судебного органа страны, при выработке своих рекомендаций нижестоящим судам, в обязательном порядке должны «оглядываться» как на исходные точки работы социальных механизмов, так и на его «величество» принцип социальной справедливости.

Очевидно, что только учет названных постоянных величин в общем механизме функционирования норм

и предписаний, когда во главу угла ставятся интересы человека и гражданина, а следовательно, и социума в целом, позволяют сделать правовую систему эффективной. Объяснение отмеченному утверждению достаточно простое: функционирование социально справедливой правовой системы не требует значительного административного ресурса, необходимого для поддержания ее работоспособности.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть следующее. Самым действенным защитным механизмом в современном обществе следует признать систему отношений, жестко корреспондируемую с правовыми предписаниями. При всей безальтернативности данного умозаключения нельзя не упомянуть два важных условия эффективности упомянутой системы: 1) органам

законодательной власти следует отказаться от принятия любых неправовых нормативных актов; 2) весь нормативный инструментарий в обязательном порядке должен корреспондировать не только с целями вновь принимаемого закона, но и со складывающимися в социуме реалиями.

Все указанное становится возможным тогда, когда на стадии подготовки того или иного законопроекта мнения специалистов различных отраслей знаний ставятся во главу угла.

Список источников / References

1. URL://<https://www.обществознание-онлайн.рф/info/news/chelovek-dinstvennoe-zhivotnoe-kotoroe-krasneet-ili-pri-opredelennykh-obstoyatelstvakh-olzhno-kras/>.

Информация об авторах

Д. И. Аминов – доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Ушакова – доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии, кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. I. Aminov – Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Ushakova – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 29.07.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 29.07.2024.

Общая теория права и государства. Курс лекций. Учебное пособие. Малахов В. П. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Центральной проблемой общей теории права и государства и ее главной целью, важной и для практики, и для юридического образования, являются правопонимание и государствовопонимание. При этом понимание природы и сущности права невозможно без понимания природы и сущности государства, и наоборот.

В предлагаемом курсе лекций правопонимание достигается через видение природы и сущности как права в целом, так и множества его элементов, моментов содержания, взятое в существенном отличии, с одной стороны, от догматического выстраивания действительного права как регулятора общественных отношений, а с другой – от философского понимания права как социально-духовного феномена.

В контексте правовой теории понимание природы и сущности государства формируется посредством выявления многообразия его связей с правом и раскрытия их взаимной противоречивости.

Курс лекций соответствует действующему образовательному стандарту для вузов системы МВД России. Предназначен для студентов (слушателей), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей юридических вузов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-16-18>

EDN: <https://elibrary.ru/sivxqq>

НИОН: 2015-0066-4/24-049

MOSURED: 77/27-011-2024-04-248

Незаконное предпринимательство: уголовно-правовой аспект

Вера Евгеньевна Батюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

Batuykova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые сложные вопросы, влияющие на квалификацию преступлений в предпринимательской сфере. Анализируется официальная статистика по привлечению лиц к уголовной ответственности. Приводятся доводы о необходимости изучения преступлений этого вида для принятия решения о возможности декриминализации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, преступление, квалификация, крупный ущерб, крупный размер, доход в крупном размере, систематичность, криминализация, декриминализация

Для цитирования: Батюкова В. Е. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 16–18. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-16-18>. EDN: SIVXQQ.

Original article

Illegal business: the criminal law aspect

Vera E. Batuykova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

Batuykova@yandex.ru

Abstract. Some complex issues affecting the qualification of crimes in the business sphere are being examined. The official statistics on bringing persons to criminal responsibility is analyzed. It is argued for the need to study crimes of this type in order to make a decision on the possibility of decriminalization.

Keywords: entrepreneurial activity, crime, qualification, large damage, large size, large income, systematization, criminalization, decriminalization

For citation: Batuykova V. E. Illegal business: the criminal law aspect. Bulletin of economic security. 2024;(4):16–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-16-18>. EDN: SIVXQQ.

Предпринимательская деятельность регулируется законодательством Российской Федерации, однако количество совершаемых преступлений в этой сфере остается достаточно высоким.

Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ количество лиц, осужденных за незаконное предпринимательство, банковскую деятельность и лжепредпринимательство, т. е. преступления, предусмотренные ст.ст. 171–173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в 2023 году составило 7 277 человек, что соответствует 65,7 % от общего количества лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности [1]. Представленные данные позволяют заключить, что более половины преступлений экономической направлен-

ности приходится на незаконное предпринимательство в различных сферах, при этом отмечаем, что в данную статистику не вошли преступления в сфере незаконной медицинской или фармацевтической деятельности.

В соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Понятие же прибыли раскрывает 247 статья Налогового кодекса Российской Федерации, прибыль – доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов, которые определяются в соответствии со статьей 25, содержащей налог на прибыль. Однако данные опреде-

ления учитывают предпринимательскую деятельность только как деятельность, осуществляемую исключительно для получения прибыли, и в данном случае нет ни единого упоминания о том, что предпринимательская деятельность имеет и иные цели, например, удовлетворяет потребности конкретных людей, общества и государства. На наш взгляд, и в определение предпринимательской деятельности необходимо включить положения о том, что предпринимательская деятельность – созидательная, осуществляемая самостоятельно, на свой страх и риск деятельность, направленная на создание материальных благ и иных ценностей, помогающих достичь определенных общественно полезных целей и извлечь прибыль путем экономической деятельности. Кравец Ю. П. предлагает свое определение предпринимательской деятельности: «Предпринимательская деятельность является разновидностью законной экономической деятельности, осуществляемая самостоятельно и инициативно на профессиональной, инновационной основе, совершаемая целенаправленно и постоянно в целях удовлетворения общественных потребностей и государственных интересов в процессе производства товаров и их реализации, выполнения работ, оказания услуг, воспроизводства иных материальных благ для рынка лицами, зарегистрированными в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица в установленном законом порядке, связанная с риском неполучения предполагаемых доходов, наступления убытков и направленная на систематическое получение прибыли или предпринимательского дохода любыми, не запрещенными законом способами» [2]. Внесение изменений в анализируемое понятие позволит правоприменителю четко устанавливать признаки преступления в сфере предпринимательства, поскольку с правовой точки зрения появится определение социальной ответственности бизнеса, можно будет определить, в какой степени нарушаются интересы государства и общества, поскольку на данный момент определение размера ущерба определяется лишь на основе денежного эквивалента. Поскольку Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию как социальное государство с рыночной экономикой, внесение «социальной категории» в определение предпринимательской деятельности будет способствовать дальнейшему развитию рыночных экономических отношений и построить государство, ориентирующееся на социально-рыночные экономические отношения.

При осуществлении самостоятельной деятельности физические лица должны быть зарегистрированы в федеральной налоговой службе в качестве индивидуальных предпринимателей, самозанятых. Порядок регистрации в качестве ИП определяется Федеральным законом № 129 от 8 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3] и Федеральный закон № 422 от 27 ноября 2018 г. «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима-налог

на профессиональный доход» [4]. Тем не менее, данные судебной статистики позволяют констатировать, что распространенность анализируемых преступлений остается значительной, несмотря на тот факт, что получение статуса индивидуального предпринимателя не занимает больше трех рабочих дней, а для самозанятых действует специальный налоговый режим и налоговые льготы. Выявление факта осуществления предпринимательской деятельности без получения соответствующей регистрации ведет к привлечению данных лиц к административной или уголовной ответственности. Однако применение данных мер ответственности вызывает ряд сложностей. Во-первых, чтобы доказать виновность лица, нужно доказать осуществление им предпринимательской деятельности. Как уже отмечалось ранее, само определение носит достаточно абстрактный характер, оперирование категориями «на свой страх и риск» и «самостоятельная деятельность» не являются удобными элементами при доказывании осуществления лицом предпринимательской деятельности. В правоприменительной практике получило отражение установления «систематического получения прибыли», в этой связи трудностей не возникает. Однако возникает сложность с тем, с какого момента считать, что получение прибыли является систематическим. Например, в ряде отдельных случаев объем выполненных работ не свидетельствует о том, что целью данной деятельности являлось именно систематическое извлечение прибыли. А также, с какого момента определять, что эти действия уже являются систематическими? Законодательство не дает ответов на эти вопросы. Следует обратить внимание, что в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [5] при определении наличия в действиях лица признаков состава преступления, определенных статьей 171 УК РФ указывает на то, что необходимо выяснить, содержатся ли в этих действиях признаки предпринимательской деятельности, о которых уже ранее говорилось. В связи с этим возникает вывод о том, что необходима трансформация определения предпринимательской деятельности, перечень признаков предпринимательской деятельности должен быть расширен для того, чтобы можно было четче определять грань между тем, когда лицо осуществляет предпринимательскую деятельность, а в каких случаях нет.

Немаловажной проблемой для применения норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконное предпринимательство, в различных ее видах, остается установление крупного ущерба (например, ст. 171 УК РФ и др.), крупного размера (ст. 171.3 УК РФ и др.), дохода в крупном размере (ст. 172 УК РФ и др.). Прежде всего, это связано с тем, что правоприменителю не всегда удастся точно установить анализируемые понятия, учитывая, что они являются криминализирующими признаками для этих составов преступлений.

Кроме этого, следует отметить, что при определении признаков незаконного предпринимательства, необходимо учитывать опасность осуществления таких действий для государства, общества, граждан. Именно поэтому, на наш взгляд, нельзя говорить о полной декриминализации этого вида преступлений.

Представляется, что эффективной мерой по выявлению данных преступлений будет являться более частое проведение так называемых скрытых проверок, когда сотрудник налоговых или правоохранительных органов будет являться тайным покупателем и проверять, выдаются ли необходимые документы при покупке товаров или услуг и каким образом происходит выдача этого документа.

Предложения некоторых авторов об «ограничении возможности квалификации действий предпринимателей по ст. 210 УК РФ», на наш взгляд, является преждевременным и необоснованным. Ведь для установления признаков состава преступления необходимо учитывать все деяния, совершенные виновным лицом [6].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что необдуманная либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере незаконной предпринимательской деятельности может пагубно отразиться на всем обществе. В то же время, допускать «перегибы» в любую сторону представляется опасным, поэтому декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности должна быть обоснованной и исследованной.

Список источников

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 02.07.2024).
2. Кравец Ю. П. Пробелы в уголовно-правовом регулировании отношений в сфере предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. № 6. 2011. С. 170–176.
3. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2024).

Информация об авторе

В. Е. Батюкова – доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. E. Batyukova – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 12.09.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 12.09.2024.

4. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2024).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2024).

6. Надмитов А. Либерализация для предпринимателей // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/21/801982-liberalizatsiya-predprinimatelei> (дата обращения: 01.07.2024).

References

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed: 02.07.2024).
2. Kravets Yu. P. Gaps in the criminal law regulation of relations in the field of entrepreneurial activity // Gaps in Russian legislation. № 6. 2011. P. 170–176.
3. Federal Law № 129-FZ of August 8, 2001 (as amended on 25.12.2023) «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 02.07.2024).
4. Federal Law № 422-FZ of November 27, 2018 (as amended on 28.12.2022) «On conducting an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income» (with amendments and additions, intr. effective from 01.07.2023) // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 02.07.2024).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 18, 2004 № 23 (ed. dated 07.07.2015) «On judicial practice in cases of illegal entrepreneurship» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 02.07.2024).
6. Nadmitov A. Liberalization for entrepreneurs // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/21/801982-liberalizatsiya-predprinimatelei> (accessed: 01.07.2024).

Научная статья

УДК 343.237

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-19-24>

EDN: <https://elibrary.ru/sjkcmc>

NIION: 2015-0066-4/24-050

MOSURED: 77/27-011-2024-04-249

Соучастие в преступлении: проблемы, связанные с установлением формы

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования соучастия в преступлении в качестве института уголовного права, в первую очередь, объясняется высоким уровнем совершаемой групповой преступности. В уголовном праве институт соучастия – сложный институт. На сегодня требуется модернизировать: а) понятие и признаки соучастия в преступлении в уголовном праве; б) определить институт соучастия в преступлении в истории отечественного уголовного права; в) рассмотреть виды соучастия в преступлении; г) выявить основания и пределы уголовной ответственности соучастников преступления; д) уточнить вопросы, связанные с установлением формы соучастия. Автор проанализированы проблемы, сопряженные с установлением формы соучастия в преступных действиях/бездействиях, предложены оптимизационные пути их конструктивного решения.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, форма соучастия в преступлении, исполнитель преступления, соисполнитель преступления, организатор преступления, подстрекатель к преступлению, пособник преступления, организованная группа, преступное сообщество, преступная организация, субъект преступления

Для цитирования: Беженцев А. А. Соучастие в преступлении: проблемы, связанные с установлением формы // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 19–24. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-19-24>. EDN: SJKCMC.

Original article

Complicity in a crime: problems associated with form establishment

Alexander A. Bezhentsev

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
adovd@mail.ru

Abstract. The relevance of the study of complicity in crime as an institution of criminal law is primarily explained by the high level of group crime committed. In criminal law, the institution of complicity is a complex institution. Today it is necessary to modernize: a) the concept and signs of complicity in a crime in criminal law; b) determine the institution of complicity in a crime in the history of domestic criminal law; c) consider the types of complicity in a crime; d) identify the grounds and limits of criminal liability of accomplices in the crime; e) clarify issues related to establishing the form of complicity. The author analyzed the problems associated with establishing the form of complicity in criminal actions/inactions, and proposed optimization ways for their constructive solution.

Keywords: complicity in a crime, form of complicity in a crime, perpetrator of a crime, co-perpetrator of a crime, organizer of a crime, instigator of a crime, accomplice to a crime, organized group, criminal community, criminal organization, subject of a crime

For citation: Bezhentsev A. A. Complicity in a crime: problems associated with form establishment. Bulletin of economic security. 2024;(4):19–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-19-24>. EDN: SJKCMC.

Соучастие в преступлении – древнейший институт, 24]. Признаками соучастия в преступлении являются
который представлен в уголовном праве [19; 15; 21; 14; осознание соучастниками опасного для общества ха-

© Беженцев А. А., 2024

рактера деяния, сознательное или желаемое допущение преступных последствий, их понимание, преследование противозаконных целей, наличие общих намерений. Ст. 33 УК РФ содержит такие виды соучастников, как: 1) исполнитель; 2) организатор; 3) подстрекатель; 4) пособник. Они определяются через характер действий/бездействия и указанное деление предоставляет возможность для установления уровня вовлеченности в преступление для назначения объективного наказания.

Концепция соучастия – сложнейшая в уголовной правовой теории [25; 2; 12; 10; 20]. Основная проблема – отсутствие конкурентных споров исследователей о многих вопросах соучастия. По этой причине появляются трудности для того, чтобы однозначно квалифицировать рассматриваемые уголовные деяния, уточнить индивидуализацию ответственности.

Обязательным условием соучастия в преступлении является критерий вменяемости лиц, а также достижение ими возраста уголовной ответственности. Необходимым условием совместности нанесения объекту вреда, должна быть причинно-следственная связь между поступками каждого соучастника и достигнутыми криминальными итогами в комплексе.

Еще одним важным признаком соучастия является то, что оно образуется исключительно умышленной деятельностью субъектов преступления, которая состоит во взаимном выражении намерения и желания лица участвовать совместно с другим лицом/лицами в совершении преступления. Отметим, что нередко степень участия соучастников различна, и ее надлежит устанавливать в каждом случае и учитывать для индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Единообразных представлений по поводу *форм соучастия в совершении преступления* в уголовно-правовой доктрине также не сложилось. Если проанализировать предоставленные ст. 35 УК РФ формы соучастия можно выделить: а) группу лиц; б) группу лиц по предварительному сговору; в) организованную группу; г) преступное сообщество. Как видим, каждая из последующих форм имеет более высокий порядок внутренней организации, чем предыдущая [7, с. 97].

На законодательном уровне дефиниция «*преступная группа*» рассматривается в качестве консолидации нескольких лиц в криминальном деянии, она обладает высокой степенью общественной опасности. В то же время, несмотря на необходимость правильного понимания сущности преступной группы, законодатель не приводит ее определения в УК РФ, в связи с чем, в рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть различные позиции ученых по данному вопросу и на основе анализа данных точек зрения выработать определение преступной группы.

Уголовный закон различные проявления совокупной криминальной деятельности упоминает под различными названиями: соучастие, группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному

сговору, организованная группа, групповое преступление. В то же время, как верно отмечает И. С. Копнин, не каждое из приведенных понятий можно рассматривать как равнозначное по отношению к понятию «преступная группа» [9, с. 51]. Отметим, что данный термин законодатель практически не использует, приведя его лишь в ст. 150 УК РФ при установлении ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.

Отметим, что каких-либо существенных проблем при разграничении таких форм соучастия, как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору практически не возникает. Единственной проблемой является установление факта предварительного сговора.

Достаточно много проблем, возникает при разграничении таких видов преступных групп, как *организованная группа* и *преступное сообщество*. Представляется, что конкретное понимание того, что же понимается под *организованной группой*, какое объединение лиц подходит под данную категорию, может быть достигнуто исключительно путем анализа ее признаков. По данному поводу серьезных разногласий у исследователей не имеется, практически все они в качестве необходимых называют одни и те же признаки организованной группы [23, с. 234].

Так, Н. Ф. Кузнецова полагает, что организованной группе характерны такие признаки, как устойчивость, объединенность с целью совершения одного или нескольких преступлений [22, с. 211]. Аналогичной точки зрения придерживается и А. Н. Мондохонов, указывая те же самые признаки, лишь в иной последовательности [13, с. 96]. Выделяются и подходы о том, что необходимыми признаками организованной группы является наличие нескольких лиц, постоянство этой группы, объединение лиц заранее для совершения одного или нескольких преступлений [4, с. 296].

Недостатком нам видится позиция о том, что имеется возможность признания организованной преступной группой группы лиц из двух человек, в связи с чем, представляется целесообразным отразить в законе указание на то, что число участников организованной группы не может быть менее трех.

Мы полагаем, что наиболее конструктивным было бы внесение изменений в ч. 3 ст. 35 УК РФ и указание в ней, что: «Преступление признается совершенным организованной группой в случае, если оно совершено устойчивой группой лиц в количестве не менее трех участников, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений».

Важным признаком организованной группы является ее масштабная устойчивость, проявление которой состоит в длительности ее существования, объединении участников группы в целях совершения одного либо нескольких преступных действий/бездействий. Среди подобных признаков отметим способность преступной системы, находящейся под действием сил в равновесии, следом за небольшим отклонением возвращаться в положение деструктивного равновесия и продолжать свой

преступный замысел. Следовательно, постоянство группы является оценочным явлением, собирательным признаком, объем и содержание которого обнаруживаются с помощью субъективно-объективных признаков. Считаем, что в контексте соучастия в преступлении цель, содержащаяся в совершении одного или нескольких преступных действий/бездействий, всегда предшествует объединению лиц в группу, и именно появление такой цели является предопределяющим для объединения лиц в организованную преступную группу.

Не случайным является вопрос о том, может ли разбираться в уголовно-юридическом поле в качестве организованной группы группа лиц, которая создавалась с правомерной целью, а лишь после определенного времени возникла идея о совершении преступного действия/бездействия.

А. Д. Алымова полагает, что, таковая группа рассматриваться в качестве организованной не может по той причине, что в ч. 3 ст. 35 УК РФ четко указано, что целью соединения лиц в организованную группу является совершение одного или нескольких преступлений, в данном контексте, даже признак постоянства группы не будет являться определяющим [1, с. 51].

Но сплочение лиц в группу не может рассматриваться исключительно в связи с тем, что лица начали любую совместную деятельность, считаем, что «перепрофилирование» деятельности группы всецело возможно рассматривать как объединение. Итак, мы мыслим, что и группу, созданную изначально не в целях реализации преступной деятельности, однако, в дальнейшем поставившую перед собой задачи совершения преступлений, целесообразно расценивать как организованную группу преступников.

Предложим дополнить *по нашей концепции соучастия в преступлении* конструкцию ч. 3 ст. 35 УК РФ и продолжить ее диспозицией: «*Организованной группой признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а равно объединившихся с иной целью, но совместно совершивших одно или несколько преступлений*».

Помимо организованной группы заслуживает внимания анализ **преступного сообщества**, которое может существовать в двух формах: 1) структурированная организованная группа; 2) объединение организованных групп. Что касается второй формы преступного сообщества, то она структурирована изначально, так как в данном случае объединено две и более самостоятельно организованных групп под единым руководством. В связи с этим, первая форма преступного сообщества – структурированная преступная группа, далеко не всегда правильно понимается правоприменителями.

Подразделение преступного сообщества не всегда может рассматриваться в качестве организованной группы. Нередко отмечается, что поскольку криминализованы любые преступные сообщества, то и всякие действия, направленные на создание условий для их

функционирования, также выступают в аналогичном преступном качестве. Думается, указанный подход вступает в противоречие со ст. 8 УК РФ, согласно которой статусом основания для уголовной ответственности выступает совершение деяния, в котором присутствуют все признаки состава преступления. Все участники подобной группы должны предварительно объединиться для преступлений, что делает вряд ли возможным существование той или иной структуры, участники которой вступили в нее для других целей участия.

Важным критерием наличия подобной структуры выступает факт совместной деятельности как участников, так и сообщества в целом. Следующим объективным критерием структурированности является совместность действий членов структурных подразделений и преступного сообщества в целом. Большое значение в рамках понимания данного признака уделяется совместности стремлений к достижению единообразного преступного результата посредством аккумуляирования усилий всех участвующих лиц [11, с. 220].

Д. А. Григорьев и В. И. Морозов выделяют такие существенные признаки совместности, как: а) единообразие стремлений всех участников; б) причинно-следственную обусловленность деятельности участников и сообщества в целом; в) вклад в достижение результата каждого участника [6, с. 52].

Полагаем, что данный подход представляется верным. В отношении субъективного критерия следует выделить такие сущностные свойства преступного сообщества, как: 1) единообразие умысла участников; 2) единство целеполагания, охватываемого получением той или иной преступной выгоды; 3) понимание всеми членами преступного сообщества особенностей руководства и участия в сообществе. Думается, данные объективный и субъективный критерии структурности преступного сообщества (преступной организации) следует закрепить и раскрыть на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что позволит обеспечить единообразие судебной правоприменительной практики.

Отсутствует единообразие мнений и в отношении такого важного признака, как цель – совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Нет единства мнений применительно к ситуации, в которой преступное сообщество формируется для совершения посягательств, основные составы преступлений которых относятся к средней тяжести, однако в процессе расследования нарушители права, могут инкрементироваться и квалифицированные составы, которые уже являются тяжкими и особо тяжкими. Полагаем, подобное сообщество также обладает признаками преступного. В целях устранения возможной правовой неопределенности предлагается внести изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ, предусмотрев в качестве *цели создания преступного сообщества осуществление преступной деятельности*.

С точки зрения Л. М. Прокументова, нет никакой необходимости законодательно закреплять цель деятель-

ности преступного сообщества, устанавливая стремление их участников к получению материальных благ или тому подобному. Согласимся с его мнением, что нет никаких сомнений, что сообщество может стремиться к решению принципиально отличных задач, в отношении которых не может идти речи о получении выгоды. Однако, единственная цель, без которой сообщество не будет существовать в качестве преступного – это стремление осуществлять преступную деятельность [18, с. 141].

Данный подход представляется последовательным и правильным, а его конструктивное внедрение в уголовный закон даст возможность инкриминировать преступным объединениям признак совершения преступления преступным сообществом и в тех случаях, когда такое объединение создано не только для совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

В целях устранения правовой неопределенности также требуется унифицировать такие признаки преступного сообщества, как: а) длительность его деятельности; б) неоднократность совершения преступлений, изменив содержание ч. 4 ст. 35 УК РФ: «4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно подготовлено (и) или совершено структурированным, состоящим из двух или более организованных групп, объединением, созданным для длительного неоднократного совершения преступлений».

Итак, в науке уголовного права существенный элемент института соучастия в совершении преступления – форма соучастия, так как она влияет на юридическую оценку совершаемых субъектами преступления действий/бездействия. *Форма соучастия* – это типы разных преступных объединений, которые установлены УК РФ, для которых предусмотрены основания, правила квалификации: а) состав субъектов преступления в соучастии; б) распределение среди них ролей; в) стабильность, внутренняя структура объединения; г) достижение преступного результата. Законодательная классификация данных форм отражает разные формы, способы объединения лиц для совершения преступления [8, с. 260; 3, с. 54; 5, с. 51].

Считаем нужными отдельно отметить такую проблему, как отсутствие единых правил квалификации форм соучастия. В своих Постановлениях Верховный Суд Российской Федерации раскрыл довольно много вопросов, соединенных с соучастием, но сделано это было исключительно для отдельных составов преступлений. Существует Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [16]. Полагаем, что наблюдается потребность в выработке Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и разработки единых подходов к приговорам судов общей юрисдикции [17] по каждой из *форм соучастия*, чтобы систематизировать и упорядочить систему соучастия с

целью избежать ошибок при квалификации соучастия в совершении преступления.

Список источников

1. Алымова А. Д. Понятие и признаки организованной группы в российском уголовном праве // Юридическая наука. 2015. № 1.
2. Борисевич М. М. Некоторые проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом и пути их разрешения // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 192–203.
3. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах : учебное пособие. М. : Проспект, 2020.
4. Голиева Ф. О. Вопросы отграничения организованной группы от других видов преступных групп // Научные труды Горского государственного аграрного университета. 2019.
5. Грачева Ю. В., Есаков Г. А., Князькина А. К. [и др.]. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (под ред. Г. А. Есакова). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018.
6. Григорьев Д. А., Морозов, В. И. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (21).
7. Грудинин Н. С. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2.
8. Коленко Р. С. Основные проблемы института соучастия в российском уголовном праве // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7.
9. Копнин И. С. Понятие преступной группы и ее разновидности // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2 (69).
10. Куликов Е. А. Специальные правила усиления наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ: правовая и социальная обусловленность // Социальная компетентность. 2022. Т. 7, № 2–3 (24–25). С. 130–141.
11. Лебедев М. А. О разграничении признаков преступного сообщества и организованной группы // Государственная служба и кадры. 2019. № 3.
12. Мелешко Д. А. Соучастие и иные формы причастности нескольких лиц к совершению преступления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 72–80.
13. Мондохонов А. Н. К вопросу о понятии организованной группы в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2.
14. Некоз С. С. Эволюция научных представлений об ответственности за пособничество в совершении преступления // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 4. С. 86–96.
15. Овчаров А. В. Развитие института соучастия : от Уголовного Уложения 1903 г. до первого Уголовного

кодекса РСФСР. Часть первая // Юридическое образование и наука. 2023. № 10. С. 37–41.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. 2010. 11 июля.

17. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) (Республика Саха (Якутия)) № 2-18/2017 от 28 декабря 2017 г. по делу № 2-18/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Прокументов Л. М. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 352.

19. Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия : опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 102–112.

20. Сафонов В. Н. Проблема квалификации группового преступления с одним субъектом и институт соучастия // Закон. Право. Государство. 2022. № 3 (35). С. 297–305.

21. Скорилкин Н. М. Основные понятия и сущность развития института соучастия в уголовном праве России // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы межвузовской научно-практической конференции, Тула, 6–7 июня 2018 года / Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) ; ответственный редактор И. А. Кузнецова. Тула : Папирус, 2018. С. 118–129.

22. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др. ; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чуцаев. М. : Контракт, 2017.

23. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко Г. П. Новоселов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018.

24. Федорова М. В. Институт соучастия в законодательстве России в 10–17 веках // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 77–85.

25. Шеслер А. В. Особенности причинной связи при соучастии в преступлении // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 33–38.

References

1. Alymova A. D. The concept and characteristics of an organized group in Russian criminal law // Legal science. 2015. № 1.

2. Borisevich M. M. Some problems of complicity in a crime with a special subject and ways to resolve them // Questions of Russian and international law. 2022. V. 12, № 6A. P. 192–203.

3. Brilliantov A.V., Chetvertakova E.Yu. Criminal law of the Russian Federation in schemes. Tutorial. M. : Prospekt. 2020.

4. Golieva F. O. Issues of distinguishing an organized group from other types of criminal groups // Scientific works of the Mountain State Agrarian University. 2019.

5. Gracheva Yu. V., Esakov G. A., Knyazkina A. K. [etc.]. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) (edited by G. A. Esakov). 3rd ed., revised. and add. M. : Prospekt, 2018.

6. Grigoriev D. A., Morozov V. I. On the issue of the content of the sign of structure of a criminal community (criminal organization) // Legal science and law enforcement practice. 2018. № 3 (21).

7. Grudin N. S. Institute of complicity in crime in Russian criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2.

8. Kolenko R. S. Main problems of the institution of complicity in Russian criminal law // Eurasian Legal Journal. 2019. № 7.

9. Kopnin I. S. The concept of a criminal group and its varieties // Man: crime and punishment. 2010. № 2 (69).

10. Kulikov E. A. Special rules for increasing punishment for a crime committed in complicity, according to the Criminal Code of the Russian Federation: legal and social conditions // Social competence. 2022. V. 7, № 2–3 (24–25). P. 130–141.

11. Lebedev M. A. On the distinction between the characteristics of a criminal community and an organized group // State service and personnel. 2019. № 3.

12. Meleshko D. A. Complicity and other forms of involvement of several persons in the commission of a crime // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL). 2022. № 10 (98). P. 72–80.

13. Mondokhonov A. N. On the issue of the concept of an organized group in the criminal legislation of Russia // Siberian Legal Bulletin. 2011. № 2.

14. Nekoz S. S. Evolution of scientific ideas about responsibility for complicity in committing a crime // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2020. Vol. 17, № 4. P. 86–96.

15. Ovcharov A. V. Development of the institution of complicity: from the Criminal Code of 1903 to the first Criminal Code of the RSFSR. Part one // Legal education and science. 2023. № 10. P. 37–41.

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 № 12 «On the judicial practice of considering criminal cases about the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it)» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. July 11.

17. Verdict of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) (Republic of Sakha (Yakutia)) № 2-18/2017 of December 28, 2017 in case № 2-18/2017 // LRS «ConsultantPlus».

18. Prozumentov L. M. Criminal community (criminal organization) as a form of complicity in crime // Bulletin of Tomsk State University. 2019. № 352.

19. Pudovochkin Yu. E. The concept of complicity: experience of theoretical development and normative consolidation // Journal of Russian Law. 2018. № 8 (260). P. 102–112.

20. Safonov V. N. The problem of qualifying a group crime with one subject and the institution of complicity // Law. Right. State. 2022. № 3 (35). P. 297–305.

21. Skorilkin N. M. Basic concepts and essence of the development of the institution of complicity in criminal law of Russia // Problems of development of the legal system of Russia: history and modernity : Materials of the interuniversity scientific and practical conference, Tula, June 6–7, 2018 / Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of

Russia) ; Executive editor I. A. Kuznetsova. Tula : Papyrus, 2018. P. 118–129.

22. Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / A. A. Aryamov, T. B. Basova, E. V. Blagov and others ; resp. ed. Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchayev. M. : Contract, 2017.

23. Criminal law. General part : textbook for bachelor's and specialist degrees / I. Ya. Kozachenko G. P. Novoselov. 5th ed., revised. and add. M. : Yurayt, 2018.

24. Fedorova M. V. Institute of complicity in Russian legislation in the 10th–17th centuries // Questions of Russian justice. 2020. № 6. P. 77–85.

25. Shesler A. V. Features of the causal relationship in complicity in a crime // Criminal justice. 2022. № 19. P. 33–38.

Информация об авторе

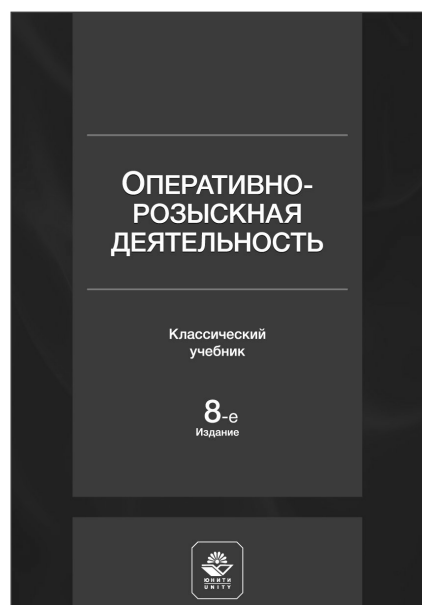
А. А. Беженцев – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Bezhentsev – Associate Professor of the Department of criminal law, North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Оперативно-розыскная деятельность. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.14

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-25-30>

EDN: <https://elibrary.ru/rsiuih>

NIION: 2015-0066-4/24-051

MOSURED: 77/27-011-2024-04-250

Электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве: понятие и классификация

Виталий Константинович Бобров¹, Елена Юрьевна Алонцева², Алексей Владимирович Андреев³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ upk_miv@mail.ru

² Alontseva.alena@yandex.ru

³ Andreev68rus@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовно-процессуальной дефиниции «электронный носитель информации». Авторами анализируются различные подходы к пониманию электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве России. На основе анализа доктринального толкования и практики применения выделяются ключевые признаки указанного понятия. Помимо формулировки исследуемого термина авторами приводится классификация электронных носителей информации, имеющая значение для уголовно-процессуальных и криминалистических правоотношений.

Ключевые слова: электронный носитель информации, электронный носитель, информация, процесс доказывания, классификация электронных носителей информации

Для цитирования: Бобров В. К., Алонцева Е. Ю., Андреев А. В. Электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве: понятие и классификация // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 25–30. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-25-30>. EDN: RSIUIH.

Original article

Electronic media in criminal proceedings: concept and classification

Vitaly K. Bobrov¹, Elena Yu. Alontseva², Alexey V. Andreev³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ upk_miv@mail.ru

² Alontseva.alena@yandex.ru

³ Andreev68rus@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the criminal procedural definition of «electronic media». The authors analyze various approaches to understanding electronic media in criminal proceedings in Russia. Based on the analysis of doctrinal interpretation and practice of application, the key features of this concept are highlighted. In addition to the formulation of the term under study, the authors provide a classification of electronic media that has implications for criminal procedural and criminalistic legal relations.

Keywords: electronic media, electronic media, information, the process of proof, classification of electronic media

For citation: Bobrov V. K., Alontseva E. Yu., Andreev A. V. Electronic media in criminal proceedings: concept and classification. Bulletin of economic security. 2024;(4):25–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-25-30>. EDN: RSIUIH.

Уровень информатизации общества оказывает значительное влияние на все сферы жизнедеятельности, в связи с этим, феномен цифровизации набирает все большую актуальность. Наряду с большим количеством плюсов данного явления, оно порождает и некоторые негативные последствия. Одним из таких последствий является использование информационных технологий

в подготовке и непосредственном совершении преступных действий.

В последнее время в России отмечается две устойчивые тенденции: во-первых, это снижение общего количества совершаемых преступлений, и, во-вторых, ежегодный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных

© Бобров В. К., Алонцева Е. Ю., Андреев А. В., 2024

технологий. Так, общее количество преступлений в 2023 году по сравнению с 2022 годом снизилось на 1 %, и составило 1947,2 тыс. преступлений. Однако рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составил 29,7 %. В настоящее время, практически каждое третье преступление (26,5 %) совершается в информационном пространстве или связано с применением информационных технологий [10].

Для объективности стоит отметить, что государство принимает меры к сокращению указанной категории преступлений и повышению их раскрываемости. Одним из первых шагов к повышению качества расследования стало введение и правовое регулирование в уголовном судопроизводстве термина «электронный носитель информации». Такое изменение было введено Федеральным законом № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данный закон дополнил ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ [1]) ч. 4.1, а также ввел ст. 164.1 УПК РФ. Однако, указанная норма и последующие изменения не определили понятие «электронного носителя информации» и его ключевые признаки, а лишь частично урегулировали процессуальный порядок использования в процессе доказывания. В связи с этим, можно выделить ряд проблем, возникающих как в теории, так и в практической деятельности правоохранительных органов.

Первая проблема связана с пониманием исследуемого термина. Она ведет к различным трактовкам в практике применения, и, соответственно, в некоторых случаях к выполнению или не выполнению правовых предписаний, закрепленных в УПК РФ. Отметим, что имеется технический термин «электронный носитель», под которым понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [3]. В совокупности с термином «информация» – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [2], можно сделать вывод что под «электронный носитель информации» может быть определен, как материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения сведений, независимо от формы их представления, обрабатываемых с помощью средств вычислительной техники. Такое понимание возможно только в обще юридическом аспекте, так как оно не отображает специальные признаки отдельных отраслей права. Если его использовать в уголовном судопроизводстве, то у лица, производящего расследование по уголовному делу, будет правовая возможность изымать любой носитель электронный информации, что в свою очередь может привести к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

С другой стороны, если в уголовном судопроизводстве использовать общее юридическое понимание термина электронный носитель информации, то к нему

можно отнести практически любой объект, используемых в информационных технологиях. Например, используя такое понимание, А. Ю. Федюкина пришла к выводу, что к электронным носителям информации следует относить банковские карты и другие электронные средства платежа [15]. Мы полагаем, что такой подход ошибочен. Обосновывая свою позицию, отметим, что банковская карта не хранит информацию о каких-либо действиях, она позволяет оперативно осуществлять банковские операции, упрощая их. Информация о самих операциях храниться на другом электронном носителе информации, который находится в соответствующем отделении банка. Неправильное понимание, может привести к тому, что при изъятии и осмотре банковских карт будет применяться усложненный порядок, что вызовет чрезмерное использование сил и средств правоохранительных органов, и может привести к необоснованному продлению сроков расследования преступлений.

Указанное выше говорит о необходимости выработки термина электронный носитель информации для реализации назначения уголовного судопроизводства.

В доктринальном понимании изучаемого термина отсутствует единообразный подход. Так, Ю. В. Гаврилин под термином «электронный носитель информации» понимает устройство, предназначенное для многократного использования при записи, хранении и обработке информации [12, с. 47]. Другие ученые, отмечая чрезмерно расширенное толкование данного подхода, указывают, что необходимо включить такие признаки как информация, содержащаяся на носителе, должна иметь значение для уголовного дела и быть выражена в форме графической, звуковой или видеозаписи [13, с. 59–60].

Споры о рассматриваемом термине ведутся не только в научных кругах. Практика применения ст. 164.1 УПК РФ разнообразна. Например, если рассматривать переносные CD-R (DVD-R) диски как носители электронной информации, то некоторые судебные решения называют их таковыми [6; 7]. Некоторые Суды, рассматривая их в качестве доказательств, используют другие формулировки: «оптический диск DVD-R с электронной информацией» [8], «магнитный диск CD-R, содержащий электронную информацию» [9] и др. Использование любого другого термина, отличного от электронного носителя информации, может приводить к тому, что требование уголовно-процессуального законодательства не будет соблюдаться.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что отсутствие закрепленного в законе понятия электронного носителя информации приводит к различному его толкованию, что может привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Как верно отмечает С. Н. Воробей, необходимо правовое закрепление данного понятия, при этом оно должно отображать одновременно и технические и процессуальные признаки [11, с. 113]. Для определения термина, попробуем определить его основные признаки.

Первый признак электронного носителя информации, это его материальность. Данный признак прямо

вытекает из определения носителя информации, закреплённого в ГОСТ 2.051-2013. Мы считаем, что ошибочно полагать, что информация может содержаться в отрыве от материального носителя. Современные информационные технологии, такие как «облачное хранилище», «распределённого хранения информации» и другие, могут создавать впечатление, что информация не привязана к какому-то объекту, однако такие суждения ложные. Указанный признак является обязательным и имеет ключевое значение при проверке информации в процессе доказывания.

Второй признак определяет назначения электронного носителя информации. В большинстве рассматриваемых нами примеров, указано, что он служит для записи, хранения и воспроизведения информации. Однако мы полагаем, что такой подход имеет узкое понимание всей совокупности носителей информации. Современные информационные технологии развиваются с гиперболической скоростью. Разработчики стремятся к ускорению и оптимизации различных процессов, разрабатывая новые методы. Одним из направлений развития информационных технологий является передача данных. Однако устройства передающие данные не включаются большинством исследователей в понятие электронные носители информации. Что бы избежать указанного пробела, мы полагаем, что необходимо назначение электронного носителя информации, как один из признаков, изложить более широко. Такой подход в расширении круга объектов, которые могут быть использованы в процессе доказывания по уголовному делу. Открытый список процессов, осуществляемых носителем информации, позволит предусмотреть будущее развитие информационных технологий, включая в себя и другие возможные действия (обработка, передача, создание новой информации искусственным интеллектом и другое).

Третьим признаком электронного носителя информации, является неразрывная связь между формой (носителем информации) и содержанием (информацией). Безусловно, электронный носитель информации может не содержать информацию, устанавливающую обстоятельства, подлежащие доказыванию. В данном случае, такой носитель информации не будет отвечать свойству относимости доказательств и не может быть использован в процессе доказывания.

Следующим признаком является форма выражения или представления информации, содержащейся на электронном носителе. Форма выражения информации является признаком термина «информации», и должна быть определена. Изучая рассматриваемую проблематику, можно сделать вывод, что большинство полагают, что на электронном носителе информации содержится именно электронная информация. Например, к такому выводу пришла К. Ю. Яковлева, проведя диссертационное исследование [16, с. 14]. Однако мы полагаем такое суждение ошибочным, так как не всегда если какой-либо признак фигурирует в названии термина, то это отображает обязательность его содержания. Так, можно

привести пример, что следователю необходимо изъять запись с камер видеонаблюдения путем перекопирования на CD-R диск. Информация (в виде видеозаписи) по своему содержанию относится к визуальной (зрительной); по способу фиксации относится к электронной; сам CD-R диск является оптическим; информация закодирована бинарным кодом – т. е. по способу обработки она цифровая; для использования в процессе доказывания (например, в ходе осмотра предмета) будет использован компьютер, т. е. можно сказать компьютерная информация; некоторые видеозаписи нельзя воспроизвести (проверить и оценить) без специального оборудования – машинная информация. В приведенном примере наглядно показано, что одна информация, записанная на электронный носитель, может преобразовываться в различные формы. Мы полагаем, что первичным надо считать не форму передачи, воспроизведения или обработки информации, а форму ее выражения. Все информационные технологии построены на том, что любая информация, будь то изображение, звук или другое, кодируется и обрабатывается в цифровой (бинарной) форме. Другими словами, мы считаем, что обязательным признаком электронного носителя информации, является тот факт, что информация, содержащаяся на нем, должна быть выражена в цифровой форме. Данный подход, с одной стороны, позволит унифицировать все другие процессы использования в процессе доказывания, и обеспечит взаимосвязь технической стороны рассматриваемого термина с юриспруденцией.

Указанные выше признаки носят технический аспект термина электронный носитель информации. Как мы указывали ранее, для уголовного судопроизводства важно отметить и специальные признаки, которые будут отражать специфику применения в процессе доказывания по уголовному делу. Анализ правоприменительной практики показал, что в большинстве случаев электронные носители информации признаются вещественными доказательствами без учета содержания доказательственной информации. С одной стороны стоит согласиться с суждением Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина о том, что электронные носители недокументированной информации, а также документированной информации, несущей на себе следы преступления (например, модификации компьютерной информации), или отвечающие иным признакам, указанным в ст. 81 УПК РФ, относятся к вещественным доказательствам [14, с. 42–43]. Мы полагаем, что сфера применения электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве гораздо шире. Так, ч. 1 ст. 81 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень предметов, которые могут и должны признаваться вещественными доказательствами по уголовному делу. Вместе с тем ч. 1 ст. 74 УПК РФ, закрепляя понятие доказательства, говорит о том, что ими являются не только сведения, устанавливающие предмет доказывания по уголовному делу, но и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Сведения, содержащиеся на электронном носителе информации, могут являться фактическим основанием для производ-

ства следственных и иных процессуальных действий; устанавливать основания для избрания мер пресечения (угрозы участникам уголовного судопроизводства) или факты нарушения ранее избранной меры пресечения.

Вторым специальным признаком будет тот факт, что информация, содержащиеся на электронном носителе, может быть использована в процессе доказывания только если она получена в установленном законом порядке. При формулировке данного признака мы хотели бы отметить два фактора. Во-первых, закон предусматривает возможность копирования информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ). Во-вторых, в некоторых случаях нельзя установить место нахождения носителя информации и (или) он находится за пределами действия уголовно-процессуального закона России. К таким случаям можно отнести электронные носители информации, которые находятся за пределами Российской Федерации, но используемые для совершения преступлений на территории нашей страны. В данном случае, фактически отсутствует возможность и самого носителя информации, и информации путем перекопирования с него. Закрепление указанного признака рассматриваемого понятия, по нашему мнению, приведет к дальнейшему правовому закреплению процедуры фиксации информации, содержащейся на электронном носителе, в случаях, когда невозможно получить доступ к самому носителю информации.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что под электронным носителем информации в уголовно-процессуальном аспекте следует понимать материальный носитель цифровой информации, которая содержит сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, или иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Все электронные носители информации по своей природе не однородны. По этой причине невозможно выработать единый механизм правового регулирования их использования в процессе доказывания. Из-за этого необходима выработка классификации, которая позволит определить основные аспекты, влияющие уголовно-процессуальные и криминалистические особенности, связанные с изъятием электронных носителей информации.

Для проведения любого следственного действия необходимы фактические и юридические основания. Если фактические основания будут схожи для всех носителей электронной информации, то юридические основания имеют свою специфику. Мы полагаем, что все электронные носители информации в уголовно-процессуальном аспекте целесообразно разделить на 3 группы.

К первой группе необходимо отнести электронные носители информации, на которых содержится информация, не ограничивающая права граждан и юридических лиц, которые возможно изъять в соответствии с законодательством России.

Ко второй группе относятся электронные носители, которые содержат информацию, ограничивающую права граждан и юридических лиц, и которые возможно изъять в соответствии с законодательством России. Разни-

ца между первой и второй группой частично отражена в позиции Конституционного Суда РФ, выразившейся в определении от 25 января 2018 г. № 189-О [4]: «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения». В определении Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 338-О [5] прямо указано, что если владелец телефона самостоятельно предоставляет к нему доступ и не возражает против проведения исследования, содержащейся в памяти телефона информации, то нарушения конституционных прав не усматривается.

К третьей группе относятся электронные носители информации, которые находятся за пределами Российской Федерации. В данном случае доступ к ним невозможен. В законодательстве необходимо предусмотреть механизм фиксации информации и последующей ее проверке и оценке.

Данная классификация позволит разработать правовые предписания по использованию информации в процессе доказывания и исключит необоснованное ограничение прав и свобод граждан.

Вторая классификация, которую мы предлагаем, основывается на криминалистических началах. Электронные носители информации возможно разделить на три категории.

К первой группе стоит отнести носители информации, находящиеся в пользовании физического или юридического лица, которые обеспечивают хранение, обработку и воспроизведение цифровой информации. К данной группе относятся: а) любые электронно-вычислительные устройства (компьютеры, сотовые телефоны, планшеты, видео-регистраторы, фотокамеры и др. устройства); б) устройства хранения информации (USB-накопители, различные оптические диски, различные накопители информации (например флеш-карты) и др.).

Вторая группа электронных носителей информации – это различные устройства, предназначенные для создания локальных сетей, в том числе и домашних (рабочих) сетей, обеспечивающих доступ к сети Интернет. К данной группе относятся различные Wi-Fi роутеры, маршрутизаторы и т. д. Обычно их объединяют термином – «сетевые устройства». Указанная группа электронных носителей информации отличается от первой тем фактом, что в большинстве случаев они не хранят какие-либо цифровые следы в форме файлов, а фиксируют порядок подключения и доступа различных устройств к локальной сети (сети Интернет), определяют порядок и режим доступа к различным сетевым ресурсам.

Третья группа электронных носителей информации включает в себя выделенные или специализированные компьютеры для выполнения сервисного программного обеспечения, которое включает в себя хранение общедоступной для локальной сети или сети Интернет инфор-

мации, определяет порядок доступа до нее и порядок ее изменения.

Вторая предложенная нами классификация позволит на теоретическом уровне рассмотреть тактику и методику обнаружения сведений, имеющих значение для уголовного дела, механизм их фиксации и дальнейшего использования в процессе доказывания по уголовному делу. Она позволит разработать методические рекомендации, не требующие правовой регламентации, которые улучшат качество расследования преступлений и позволят экономить силы и средства правоохранительных органов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов, которые способны усовершенствовать процесс доказывания по уголовным делам, связанным с изъятием электронных носителей информации:

во-первых, отсутствие правового регулирования термина «электронный носитель информации» приводит с одной стороны, к различному доктринальному толкованию, и, с другой стороны, к отсутствию единообразной практики использования в процессе доказывания по уголовным делам. Полагаем, что для устранения указанной проблемы необходимо закрепление рассматриваемого термина в ст. 5 УПК РФ;

во-вторых, при правовой регламентации электронных носителей информации необходимо учитывать как технические признаки данного понятия, так и специально юридические, которые будут определять возможность их изъятия в ходе уголовного судопроизводства;

в-третьих, многообразие видов электронных носителей информации, по нашему мнению, не позволяет унифицировать порядок их использования. Полагаем, что предложенная нами классификация, основывающаяся на специфике уголовно-процессуальных отношений и криминалистических особенностях отдельных видов, позволит дифференцировать порядок использования в процессе доказывания электронных носителей информации.

Список источников

1. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 12.12.2023) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
3. Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. №1628-ст. // URL://<https://rags.ru/gosts/gost/55715/>.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893#gy10J4U4ecAAAtMQB>.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=493858#c4X0J4UK38ZJoftB1>.

6. Приговор Трусковского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 22 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-180/2020 // URL://<https://sudact.ru/>.

7. Приговор Краснокамского городского суда Забайкальского края от 19 ноября 2019 г. по уголовному делу № 1-368/2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/jVVqvtJCStYc/>.

8. Приговор Шарьинского районного суда (Костромской области) от 19 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-66/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/uIVlxz8pmZ1/>.

9. Приговор Чертовского районного суда Ростовской области от 26 декабря 2019 г. по уголовному делу № 1-53/2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/XYqaknoL1rHC/>.

10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // URL://<https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.

11. Воробей С. Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Закон и право. 2020. № 1. С. 112–115.

12. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Тр. Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 45–47.

13. Зуев С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4. С. 58–60.

14. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании. Учебное пособие / Балашова А. А., Васюков В. Ф., Гаврилин В. Ф. [и др.] ; под ред. Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина. М. : Академия управления МВД России. 2021. 138 с.

15. Федюкина А. Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-nositel-informatsii-kak-dokazatelstvo-po-ugolovnym-delam/viewer>.

16. Яковлева К. Ю. Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Диссертация кандидата юридических наук: 5.1.4. М., 2023. 202 с.

References

1. Federal Law № 174-FZ dated 18.12.2001 «Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» (as amended on 25.12.2023) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

2. Federal Law № 149-FZ dated 27.07.2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» (as amended on 12.12.2023) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

3. Interstate standard GOST 2.051-2013 «Unified system of design documentation. Electronic documents. General provisions» approved by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 22, 2013 № 1628-art. // URL://<https://rags.ru/gost/gost/55715/>.

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.01.2018 № 189-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Alexandrovich Prozorovsky for violation of his constitutional rights by Articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893#gy10J4U4ecAAAtMQB>.

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.02.2017 № 338-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Popov Anatoly Nikolaevich for violation of his constitutional rights by Articles 176 and 177 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=493858#c4X0J4UK38ZJoftB1>.

6. The verdict of the Trusovsky District Court of Astrakhan (Astrakhan region) dated July 22, 2020 in criminal case № 1-180/2020 // URL://<https://sudact.ru/>.

7. The verdict of the Krasnokamensk City Court of the Trans-Baikal Territory dated November 19, 2019 in criminal case № 1-368/2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/jVVqvtJCStYC/>.

8. The verdict of the Sharyinsky District Court (Kostroma region) dated May 19, 2020 in criminal case № 1-66/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/uIVlxz8pmZ1/>.

9. The verdict of the Chertkovsky District Court of the Rostov region dated December 26, 2019 in criminal case № 1-53/2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/XYqaknoLlrHC/>.

10. A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January – December 2023 // URL://<https://мвд.пф/reports/item/47055751>.

11. Vorobey S. N. Problems of legal regulation of the procedural procedure for the seizure of electronic media and copying of information contained on them // Law and law. 2020. № 1. P. 112–115.

12. Gavrilin Yu. V. Electronic media in criminal proceedings // Tr. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4. P. 45–47.

13. Zuev S. V. Inspection and seizure of electronic media during investigative actions and operational search activities // Legality. 2018. № 4. P. 58–60.

14. The use of information contained on electronic media in criminal procedural evidence. A study guide / Balashova A. A., Vasyukov V. F., Gavrilin V. F. [et al.]; edited by Yu. V. Gavrilin and A. V. Pobedkin. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. 138 p.

15. Fedyukina A. Yu. Electronic information carrier as evidence in criminal cases // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-nositel-informatsii-kak-dokazatelstvo-po-ugolovnym-delam/viewer>.

16. Yakovleva K. Yu. The use of electronic information in criminal procedural evidence. Dissertation of candidate of leg. sciences: 5.1.4. M., 2023. 202 p.

Информация об авторах

В. К. Бобров – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Ю. Алонцева – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Андреев – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. K. Bobrov – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. Yu. Alontseva – Associate of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Andreev – Associate of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 11.07.2024.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 11.07.2024.

Научная статья

УДК 347.42

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-31-37>

EDN: <https://elibrary.ru/rtcnxb>

NIION: 2015-0066-4/24-052

MOSURED: 77/27-011-2024-04-251

Договор эквайринга и договор об осуществлении расчетов через Систему быстрых платежей: сравнительная характеристика

Даниил Владиславович Боул

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

bouldaniil@gmail.ru

Аннотация. Осуществлен сравнительный анализ договора эквайринга и договора об осуществлении расчетов через Систему быстрых платежей. Делается вывод о том, что оба рассматриваемых договора имеют сходную правовую природу, а также сходные источники регулирования.

Ключевые слова: покупатель, договор эквайринга, предприятие, Система быстрых платежей, платежные услуги

Для цитирования: Боул Д. В. Договор эквайринга и договор об осуществлении расчетов через Систему быстрых платежей: сравнительная характеристика // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 31–37. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-31-37>. EDN: RTCNXB.

Original article

Acquiring agreement and agreement on settlements through the Fast Payment System: comparative characteristics

Daniil V. Boul

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

bouldaniil@gmail.ru

Abstract. The comparative analysis of the acquiring agreement and the agreement on settlements through the Faster Payments System is being made. It is concluded that both treaties under consideration have a similar legal nature, as well as similar sources of regulation.

Keywords: buyer, acquiring agreement, enterprise, Fast payment system, payment services

For citation: Boul D. V. Acquiring agreement and agreement on settlements through the Fast Payment System: comparative characteristics. Bulletin of economic security. 2024;(4):31–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-31-37>. EDN: RTCNXB.

Развитие рынка расчетных услуг Российской Федерации повлекло за собой масштабные изменения в сфере регулирования отношений участников расчетов. Правовое регулирование было дополнено актами специального законодательства, основным из которых стал Федеральный закон «О национальной платежной системе». Частноправовое регулирование правоотношений в сфере расчетов пополнилось многими формами договорных конструкций, публичного и индивидуального характера. Изменения эти в целом базировались на двух основных банковских продуктах, получивших массовое распространение: услугах, предоставляемых с использованием платежных карт и услугах, предоставляемых с использованием Системы быстрых платежей.

Проводя разграничение этих продуктов по критерию потребителя расчетной услуги можно отметить, что существуют две основные категории потребителей: физические лица, как субъекты, использующие соответствующую расчетную услугу для личных нужд, и коммерческие субъекты, юридические лица, индивидуальные предприниматели и т. п., использующие расчетные услуги в коммерческой деятельности.

Для каждой категории потребителей рынком были выработаны свои договоры: для личного потребления в большей части используются договоры о выдаче и использовании платежных карт или иных электронных средств платежа (как СБП), а для коммерческой деятельности используются договоры о

© Боул Д. В., 2024

предоставлении расчетных услуг, подобные договорам эквайринга.

В рамках настоящей статьи будет проведена сравнительная характеристика двух видов договоров, используемых коммерческими субъектами в сфере расчетных услуг, таких как договор эквайринга и договор об осуществлении расчетов с использованием Системы быстрых платежей.

Хронологически эти договоры появились на рынке расчетов в разное время: договор эквайринга появился на российском рынке на рубеже 2000–2010 годов, а договор об осуществлении расчетов с использованием Системы быстрых платежей получил свое распространение с 2020 года. Однако такой значительный разрыв не сильно повлиял на изучение этих договорных конструкций, так как и договор эквайринга и договор об осуществлении счетов с использованием СБП являются самыми неизученными договорами в сфере расчетов. В части договора эквайринга, можно только отметить несколько исследований Л. Г. Ефимовой [1; 2] и отдельные правоприменительные акты¹, в которых дана правовая квалификация этой услуги и соответствующего ей договора.

С точки зрения источников регулирования, оба договора регулируются как актами законодательства, так и локальными актами участников расчетов.

По отношению к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации оба этих договора являются непоименованными и могут быть отнесены к смешанным договорам, с применением к ним правил об оказании услуг (глава 39 ГК РФ), правил о расчетах (глава 46 ГК РФ) и правил о банковском счете (глава 45 ГК РФ).

Нормами специального законодательства в отношении и договора эквайринга, и договора СБП будут положения Федерального закона «О национальной платежной системе» (прежде всего, положений главы 2 указанного закона, регуливающей порядок оказания платежных услуг и использования электронных средств платежа) и Положение о правилах осуществления перевода денежных средств, применимые к ним в части общих положений о расчетах. К специальным нормам, регулирующим договор эквайринга и договор СБП, также относятся и Положение об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием, и Положение о платежной системе Банка России (которое одновременно является и правилами ПС Банка России, что следует из преамбулы).

¹ Информация Роспотребнадзора «О возможности применения национального законодательства о защите прав потребителей к покупкам в зарубежных Интернет-магазинах»; Информация Банка России «Ответы на вопросы, связанные с применением отдельных норм Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»; Определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2023 г. № 305-ЭС23-15998 по делу № А40-105074/2022; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июля 2022 г. № Ф02-2635/2022 по делу № А74-1646/2021.

Отметим, что акты законодательного регулирования не предъявляют никаких специальных требований к содержанию рассматриваемых договоров, однако к ним в равной степени применяются не только общие положения о расчетах, но и общие положения гражданского и специального законодательства о совершении сделок, защите прав потребителей, защите конкуренции, работе с персональными данными и т. д. В силу этого обстоятельства на рынке встречаются совершенно различные договорные формы и конструкции, в том числе публичные и непубличные договоры, договоры, заключаемые путем присоединения или путем подписания двухсторонней формы, договоры, заключаемые с использованием электронной подписи или договоры, акцепт в заключении которых выражается действием одной их сторон.

Из актов участников расчетов, применимых к договору эквайринга и договору СБП соответственно, можно отметить следующие:

– Правила и тарифы Платежной системы МИР (в частности, положения раздела 8 Правил, устанавливающего требования к эквайеру, операциям эквайринга и договору эквайринга) [3];

– Правила оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП [4].

Регулирование договора эквайринга и договора СБП указанными правилами является различным: Правила ПС МИР прямо регулирует ряд условий договора эквайринга, а Правила ПС Банка России и Правила ОПКЦ СБП не предъявляют особых требований к договору СБП.

Требования к договору эквайринга в Правилах ПС МИР.

В отношении договора эквайринга Правила ПС МИР определяют, что договор эквайринга обязательно должен включать в себя следующие положения:

- ТСП не имеет права намеренно проводить любую неправомерную (противоречащую Правилам, законодательству Российской Федерации или законодательству, применимому к ТСП) операцию в случае, если ТСП было известно или должно было быть известно о ее неправомерности, а эквайер не имеет права намеренно принимать такую операцию от ТСП для обработки;

- эквайер имеет право отказать в возмещении или приостановить перечисление ТСП денежных средств при подозрении на неправомерность Операции либо установлении неправомерности Операции;

- право Эквайера на ограничение или расторжение договора с ТСП по требованию оператора ПС МИР;

- ТСП не имеет права:

- отказывать в приеме к обслуживанию карт, кроме случаев, предусмотренных Правилами и Стандартами ПС МИР;

- устанавливать минимальный и максимальный размер Операции при оплате товаров (работ, услуг);

- взимать явные или скрытые комиссии и любые дополнительные платы при совершении операции;

– устанавливать более высокие цены при оплате картой товаров (работ, услуг) по сравнению с оплатой иным способом или картами других платежных систем;

– предлагать/навязывать товары (работы, услуги) при расчетах по карте, которые не предлагаются/не навязываются при оплате иным способом или картами других платежных систем;

– требовать номер карты для целей, отличных от проведения операции по оплате товара (работы, услуги);

- авторизация запрашивается по всем операциям;
- все операции, проводимые в ТСП, осуществляются только в случае положительной авторизации;
- задержанная в ТСП Карта должна быть передана эквайеру в течение 5 (пяти) рабочих дней от даты изъятия вне зависимости от причин изъятия;
- ТСП несет ответственность за сохранность, безопасность и конфиденциальность данных о держателях карт и реквизитах карт, ставших ему известными в ходе деятельности по обслуживанию Карт.

Практика показывает, что договоры эквайринга, используемые на российском рынке расчетов, либо прямо инкорпорируют в себя указанные положения Правил ПС МИР, либо содержат прямую отсылку к ним. Например, ОБЩИЕ УСЛОВИЯ предоставления Предприятиям услуг проведения расчетов по операциям, совершенным с использованием платежных карт (Договор эквайринга) ПАО РОСБАНК определяют, что «источниками правового регулирования отношений Сторон в рамках настоящих Общих условий являются Общие условия в действующей редакции, размещенные на Сайте БАНКА, действующее законодательство Российской Федерации, а также правила, стандарты и рекомендации Платежных систем (в дальнейшем – Правила), если они не противоречат действующему законодательству РФ...» [5]. Аналогичное указание содержат Общие условия предоставления услуг Интернет-эквайринга (форма SME-IA-WL/01) Банка ВТБ (ПАО), в пункте 1.15. которых определено, что «...условия предоставления Услуг, не отраженные в Общих условиях, регламентируются действующим законодательством Российской Федерации, нормативными актами Банка России, Правилами Платежных систем...» [6].

Кроме подобных указаний имеет место и прямое указание соответствующей обязанности, определенной Правилами ПС МИР, в договор эквайринга: например, пунктом 4.1.1 Общих условий предоставления услуг Интернет-эквайринга Банка ВТБ (ПАО) [6] предусмотрена обязанность клиента эквайера (торгово-сервисного предприятия) принимать в оплату Товара и/или Заказа Платежные карты, используя их реквизиты, применяя цены не выше, чем при оплате иными способами, не вводить дополнительных комиссий, не требовать от Держателей какой-либо дополнительной оплаты и такое правило прямо закреплено в пункте 8.7. раздела 8 «Эквайринг» Правил ПС МИР.

Требования к договору СБП в Правилах ПС Банка России и Правилах ОПКЦ СБП.

Как уже было отмечено выше, нормативные акты участников (организаторов) расчетов в СБП не содержат каких-либо структурированных требований к договору СБП, как к договору между участником ПС Банка России, использующим СБП и его клиентом. Однако несколько положений правил и обязанностей Участников СБП все-таки можно отметить.

1. Пунктом 4.1.3 Правил ОПКЦ СБП предусмотрена обязанность Участника «...Обеспечить использование СБП клиентами Участника СБП по всем Операциям, реализованным Участником СБП в соответствии с Правилами ОПКЦ СБП и Стандартами ОПКЦ СБП...».

2. Пунктом 4.1.9 Правил ОПКЦ СБП установлена обязанность Участника СБП «...Обеспечить использование Программного обеспечения МП СБП в целях осуществления Операций клиентами Участника СБП на условиях и в порядке, установленных законодательством Российской Федерации, нормативными актами Банка России, Стандартами ОПКЦ СБП и Правилами ОПКЦ СБП...».

3. Пунктом 4.1.15 Правил ОПКЦ СБП предусмотрена обязанность Участника «...Обеспечить включение в договор, заключенный между Участником СБП и клиентом Участника СБП, положений о порядке и условиях обработки персональных данных третьих лиц, чьи персональные данные указываются клиентом Участника СБП в целях осуществления Операций клиентами Участника СБП...» [4].

Анализ имеющихся в российской практике договоров (Банк ВТБ (ПАО), РОСБАНК и другие) показывает, что в отношении договоров СБП российские кредитные организации применяют подход, аналогичный договорам эквайринга и включают в текст договора СБП указание о том, что его условия регулируются соответствующими документами Системы быстрых платежей.

В частности, Условия предоставления Сервиса быстрых платежей для безналичной оплаты товаров, работ, услуг Банка ВТБ (ПАО) [7] в Общих положениях определяют, что «... Условия регулируют отношения Сторон, связанные с предоставлением Банком Предприятию возможности использовать СБП для безналичной оплаты Покупателем (Отправителем) Товаров с использованием QR-кодов и осуществления Операций возврата в соответствии с Правилами НСПК и нормативными актами Банка России...».

Подобное условие имеет и договор СБП, используемый ПАО Сбербанк: «... Настоящие Условия регулируют отношения Сторон, связанные с предоставлением Банком Клиенту возможности использовать СБП для безналичной оплаты Отправителем Товаров/услуг и/или осуществления Пожертвований с использованием QR СБП/QR СБП Агента и осуществлением расчетов по Операциям в соответствии с Правилами и Стандартами СБП и нормативными актами Банка России...» [8].

Имеет место и трансляция приведенных выше обязанностей Участника СБП из Правил ОПКЦ СБП в договоры СБП (например, пунктом 4.2.14 договора СБП ПАО Сбербанк предусмотрено право на передачу персональных данных в ОПКЦ СБП, установленное пунктом 4.1.15 Правил ОПКЦ СБП).

В части фактического содержания двух рассматриваемых договоров представляется возможным сделать вывод об их фактическом сходстве, с минимальными различиями. Указанный вывод представляется возможным в связи со следующим.

1. Предмет договора эквайринга и договора СБП по существу совпадает.

Нормативное указание на эквайринг, данное в пункте 1.9 Положения 266-П относит к нему деятельность по расчетам с организациями торговли (услуг) по операциям, совершаемым с использованием платежных карт, и (или) выдаче наличных денежных средства держателям платежных карт. В этом же значении определение эквайринга, приведено в Правилах ПС МИР.

Исходя из этого, договор эквайринга можно рассматривать как договор об организации расчетов, прежде всего расчетов безналичных. Л. Г. Ефимова, анализируя правовую природу договора эквайринга [1], отмечает, что именно организация безналичных расчетов является основной функцией в договоре эквайринга, а все остальные функции являются второстепенными.

Действительно, в большей части договорных конструкций по эквайрингу, используемых российскими кредитными организациями, предмет договора определен либо через понятие эквайринга (см. например, договор эквайринга Банка ВТБ (ПАО), с определением эквайринга: «... деятельность Банка, включающая в себя организацию и осуществление расчетов с использованием Карт» [9]), либо через предмет договора (как например, договор эквайринга ПАО РОСБАНК определяет предмет своего регулирования как прием Предприятием в оплату за свои товары/работы/услуги Платежных карт/Токенов, а также в части осуществления Банком переводов на Расчетный счет Предприятия сумм Возмещения по Операциям по картам за вычетом банковского вознаграждения, предусмотренного Тарифами/Отдельными тарифами за операции и услуги в рамках Договора эквайринга) [5].

Используемые российскими банками договорные конструкции по СБП имеют схожие формулировки и предмет регулирования.

Договор СБП ПАО Сбербанк определяет предмет договора следующим образом:

«...3.1. Клиент организует прием оплаты Товаров/услуг и/или прием Пожертвований с использованием QR СБП/QR СБП Агента посредством СБП в порядке, предусмотренном Договором.

3.2. Для обеспечения расчетов по Договору посредством СБП Банк оказывает Клиенту услуги по регистрации Клиента и реквизитов Счета в ОПКЦ СБП, а также

услуги по выполнению в СБП иных действий в соответствии с Правилами и Стандартами СБП.

3.3. Банк в соответствии с Договором перечисляет на Счет Клиента суммы Операций, совершенных в ТСТ/Ресурсе с использованием СБП. Комиссия за выполнение Банком расчетов оплачивается в соответствии с разделом 6 Условий».

Договор СБП Банка ВТБ ПАО имеет схожий по существу предмет: к нему отнесены отношения соответствующего банка (Банк) и торгово-сервисного предприятия (Предприятие), связанные с предоставлением Банком Предприятию возможности использовать СБП для безналичной оплаты покупателем товаров с использованием QR-кодов в соответствии с Правилами НСПК и нормативными актами Банка России.

2. Обязательственный комплекс сторон в двух рассматриваемых договорах также совпадает по существу.

На примере договора СБП Банка ВТБ ПАО можно увидеть, что в целом обязательства Банка по договору СБП сводятся к предоставлению Предприятию возможности:

- получения от Банка QR-кода для совершения Покупателем оплаты Товаров посредством СБП на Терминале и/или для отображения сгенерированного QR-кода, полученного в рамках интеграционного взаимодействия с Банком (API), на ином устройстве или носителе Предприятия, на сайте или в мобильном приложении Предприятия в сети «Интернет». Операции возврата (при наличии технической возможности) могут быть инициированы также посредством Терминала (при наличии технической возможности у Банка) и/или путем направления запроса в рамках интеграционного взаимодействия (API);

- получения от Банка сообщений об Авторизации или отказа в Авторизации;
- получения на Счет денежных средств в оплату Товаров и осуществления возврата указанных денежных средств со Счета в соответствии с Правилами НСПК и нормативными актами Банка России.

Для обеспечения расчетов по Договору посредством СБП Банк оказывает Предприятию услуги по регистрации Предприятия и реквизитов Счета в программно-аппаратном комплексе НСПК, а также услуги по выполнению в СБП иных действий от имени и за счет Предприятия в соответствии с Правилами НСПК и Стандартами ОПКЦ СБП.

В договоре эквайринга Банка ВТБ ПАО (пункт 4.1) эквайер принимает на себя следующие обязательства:

- организовать (при необходимости с привлечением третьих лиц) проведение инструктажа работников Предприятия по Правилам работы с Картами;
- обеспечить Предприятию круглосуточную возможность получения Авторизации Операций в ТСТ (с учетом ограничений, установленных Договором);
- обеспечить Предприятие информационными и инструктивными материалами, необходимыми для проведения Операций/Операций возврата;

– возмещать Предприятию денежные средства по Операциям, а также производить иные расчеты, связанные с данными Операциями/Операциями возврата, в порядке и на условиях, предусмотренных Договором;

– предоставлять Предприятию отчет по обработанным операциям;

– предоставлять Предприятию все необходимые консультации, касающиеся проведения Операций/Операций возврата, в рамках и в течение срока действия Договора, обеспечивать информационную поддержку работы Предприятия с Картами и предоставлять Предприятию актуальные версии Правил по каналам связи и способами, предусмотренными Договором, не менее чем за 5 (пять) рабочих дней до начала их применения;

– вести претензионную работу по Операциям/Операциям возврата в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и применимыми положениями правил ПС;

– своевременно информировать Предприятие обо всех изменениях в правилах проведения Операций по каналам связи и способами, определенными Договором;

– при обнаружении риска применения штрафных санкций со стороны ПС по результатам деятельности Предприятия в рамках Договора незамедлительно уведомлять об этом Предприятие по каналам связи и способами, определенными Договором;

– подготовить и установить (при необходимости с привлечением третьих лиц) на POS-терминал, применяемый Предприятием в рамках Договора, программное обеспечение, необходимое для реализации на нем оплаты Товаров с использованием Карт.

Таким образом, обязательственный комплекс кредитной организации в договоре эквайринга и договоре СБП по существу совпадает и сводится к двум основным обязанностям:

а) организовать расчеты

и

б) оплатить клиенту успешно обработанные операции.

Анализируя обязательственный комплекс клиента (торгово-сервисного предприятия) кредитной организации по договору эквайринга или по договору СБП, отметим, что по существу он сводится к нескольким основным обязанностям:

– информационной (ТСП обязуется предоставлять обслуживающей кредитной организации документы и информацию, предусмотренные договором);

– процедурной (ТСП обязуется соблюдать правила совершения операций, установленные договором или правилами ПС/ СБП);

– имущественной (ТСП обязуется оплачивать услуги, расходы и убытки обслуживающей кредитной организации, связанные с исполнением договора).

Общие условия осуществления расчетов посредством системы быстрых платежей в платежной системе Банка России выделяют следующие обязательства ТСП по договору СБП:

– иметь открытый в Банке Счет Клиента и Счет комиссии;

– предоставить Банку все необходимые документы и информацию, необходимые для регистрации Банком Клиента в АО НСПК;

– предоставлять любую информацию и документы, которые могут быть запрошены Банком для целей обновления сведений о Клиенте в АО НСПК;

– предоставлять по требованию Банка документы в соответствии с законодательством Российской Федерации, подтверждающие право Клиента на осуществление им на законных основаниях своей деятельности;

– обеспечивать подписание приемо-сдаточного акта или иного первичного документа, подтверждающего исполнение обязательств по договорам, заключенным между Клиентом и Получателем перевода;

– предоставлять Плательщикам возможность совершения Операций оплаты с использованием СБП в течение всего рабочего времени Торговых точек Клиента;

– предоставлять Плательщикам полный набор существующих товаров (работ, услуг) по стоимости, не превышающей стоимость, установленную Клиентом на эти же товары (работы, услуги) и на тех же условиях, что и при обслуживании за наличный расчет;

– подтверждать Операцию выдачей (направлением) Плательщику кассового чека, соответствующего всем требованиям (в том числе в части обязательных реквизитов) законодательства о контрольно-кассовой технике, применимым к деятельности Клиента;

– не брать с Плательщиков вознаграждение за выполнение Операции. Не брать с Получателя Перевода вознаграждение за осуществление в его пользу Перевода;

– обеспечить безусловное выполнение работниками Клиента требований Договора в соответствии с Общими условиями СБП;

– использовать для совершения Операций/Переводов только предоставленное или согласованное с Банком программное обеспечение;

– использовать полученное от Банка программное обеспечение путем воспроизведения, записи, установки, запуска и работы в соответствии с его функциональным назначением без ограничения территории использования в течение всего срока действия исключительного права на указанное программное обеспечение исключительно для совершения Операций/Переводов в соответствии с Договором, а для Операций – тоже исключительно в Торговых точках Клиента;

– размещать информационные материалы в Торговых точках Клиента с тем, чтобы информировать Плательщиков об имеющейся возможности совершения Операций с использованием СБП;

– информировать Банк в документированном виде о любых изменениях реквизитов Клиента, ранее представленных в Банк, не позднее, чем за 10 (Десять) рабочих дней до даты начала использования новых рекви-

зитов Сторонами в целях исполнения обязательств по Договору;

- не разглашать и не передавать посторонним лицам информацию, полученную при совершении Операций/Переводов с использованием СБП, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

- не передавать третьим лицам программное обеспечение, а также прочие сведения, относящиеся к Договору;

- контролировать суммы денежных средств, поступающие от Банка в соответствии с Договором на Счет Клиента по Операциям оплаты/ списанные Банком со Счета Клиента по Переводам и Операциям возврата, Недействительным операциям, Диспутным операциям, путем сверки суммы фактически зачисленных/списанных Банком денежных средств с соответствующими учетными данными Клиента. В случае выявления каких-либо расхождений, в течение 10 (Десяти) календарных дней от даты зачисления/списания Банком денежных средств связываться с Банком для установления причин и дальнейшего устранения расхождений;

- в случае изменения сведений, подлежащих установлению при заключении Договора ..., в том числе изменения сведений, подлежащих установлению в целях идентификации Клиента, а также (при их наличии) его представителей, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев, в течение 3 (Трех) рабочих дней со дня таких изменений (регистрации таких изменений и дополнений) представлять заверенные в установленном законодательством Российской Федерации порядке копии соответствующих документов и письменно информировать Банк об изменении адреса, телефонов, о реорганизации или ликвидации Клиента, а также о других изменениях, способных повлиять на исполнение Договора;

- по запросу Банка и в сроки, установленные Банком, представлять сведения и документы, необходимые Банку для исполнения требований Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (информацию о Клиенте, представителях Клиента, выгодоприобретателях и бенефициарных владельцах Клиента, в том числе информацию о целях установления и предполагаемом характере деловых отношений с Банком, о целях финансово-хозяйственной деятельности Клиента и финансовом положении Клиента и деловой репутации Клиента);

- обеспечить использование программного обеспечения в строгом соответствии с функциональным назначением, не допуская без согласования Банка модификацию имеющегося функционала и использование программного обеспечения Клиента для целей, отличных от обслуживания Плательщиков / осуществления Переводов в рамках Договора;

- обеспечить наличие законных оснований для передачи Банку персональных данных работников Клиента и/или иных физических лиц, а также соблюдать тре-

бования законодательства об обработке персональных данных.

Имущественные обязанности ТСП по договору СБП в некоторых договорных формах определены через право кредитной организации списать со счета клиента (в безусловном порядке, на основании заранее данного акцепта клиента), требуемые кредитной организации суммы расходов или убытков. В частности, пунктом 4.1.1 рассматриваемой формы договора ПАО РОСБАНК предусмотрено, что «... Банк вправе... Осуществлять списание в одностороннем порядке со Счета комиссии/Счета Клиента (если Счет Клиента одновременно является Счетом комиссии) без дополнительного распоряжения Клиента сумм по: недействительным операциям, операциям возврата (в том числе по операциям, выполненным с использованием Платежных ссылок СБП, зарегистрированных Агентом ТСП), переводам с ошибкой и диспутным операциям (включая комиссии АО НСПК, взимаемые АО НСПК с Банка по итогам проведения арбитража по Диспутной операции)...». Условия об оплате комиссионного вознаграждения самой кредитной организации по общему правилу устанавливаются отдельно, специальном разделе договора, посвященном финансовым условиям.

Сравнивая обязанности ТСП, в договоре эквайринга (того же ПАО РОСБАНК) можно отметить их идентичность по существу с обязанностями из договора СБП.

Сравнивая два рассматриваемых договора по существу, необходимо сделать еще два важных замечания.

А) организационно-правовой статус сторон договора в каждом из рассматриваемых случаев является схожим: кредитная организация является участником платежной системы (ПС МИР или ПС Банка России соответственно), а ТСП – нет;

Б) оба договора преследуют своей целью именно организацию расчетов для третьих лиц (в рассматриваемой ситуации такими третьими лицами выступают собственные клиенты торгово-сервисного предприятия – покупатели) и не имеют своей целью ни расчеты между самой кредитной организацией и ТСП, ни обеспечение возможности доступа ТСП к своим счетам, открытым в кредитной организации.

С учетом изложенного оба договора действительно можно отнести к договорам об организации расчетов, однако нельзя относить к договорам об использовании электронного средства платежа. В пользу последнего также говорит то обстоятельство, что определяя возможность заключения подобных договоров с участием агентов, Федеральный закон «О национальной платежной системе» использует формулировку «... обеспечение приема электронных средств платежа...», не рассматривая ситуацию с предоставлением электронных средств платежа.

В завершение сравнения договора эквайринга и договора СБП представляется возможным резюмировать, что оба рассматриваемых договора имеют сходную правовую природу, а также сходные источники регулирования.

Список источников

1. Ефимова Л. Г. Понятие и правовая природа договора эквайринга // Банковское право. 2017. № 4.
2. Ефимова Л. Г. Договоры выдачи и использования банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов : монография. М. : Проспект, 2017.
3. Версия 4.2 // URL://<https://www.nspk.ru/cards-mir/terms-and-tariffs>.
4. Версия 7.1 // URL://<https://sbp.nspk.ru/file/pravila-okazaniya-operacionnyh-uslug-SBP-v-7-1.pdf>.
5. URL://<https://api.rosbank.ru/doc/dogovor-ekvairinga-obshie-usloviya-271023.pdf>.
6. URL://https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/malyj-biznes/acquiring/internet-acquiring/15_obshie_usloviya_ia.pdf.
7. URL://<https://www.vtb.ru/krupnyj-biznes/raschety/sistema-bystryh-platezhey/>
8. URL://https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/bankingservice/sbp.
9. URL://<https://www.vtb.ru/-/media/paris/krupnyj-biznes/rasschety/kartochnye-resheniya/ehkvajring/20220407-usloviya-provedeniya-raschetov.pdf>.

References

1. Efimova L. G. Concept and legal nature of the acquiring agreement // Banking Law. 2017. № 4.
2. Efimova L. G. Agreement on the issuance and use of a bank card and an acquiring agreement in the system of agreements on the organization of non-cash payments: monograph. M. : Prospekt, 2017.
3. Version 4.2 // URL://<https://www.nspk.ru/cards-mir/terms-and-tariffs>.
4. Version 7.1 // URL://<https://sbp.nspk.ru/file/pravila-okazaniya-operacionnyh-uslug-SBP-v-7-1.pdf>.
5. URL://<https://api.rosbank.ru/doc/dogovor-ekvairinga-obshie-usloviya-271023.pdf>.
6. URL://https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/malyj-biznes/acquiring/internet-acquiring/15_obshie_usloviya_ia.pdf.
7. URL://<https://www.vtb.ru/krupnyj-biznes/raschety/sistema-bystryh-platezhey/>
8. URL://https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/bankingservice/sbp.
9. URL://<https://www.vtb.ru/-/media/paris/krupnyj-biznes/rasschety/kartochnye-resheniya/ehkvajring/20220407-usloviya-provedeniya-raschetov.pdf>.

Информация об авторе

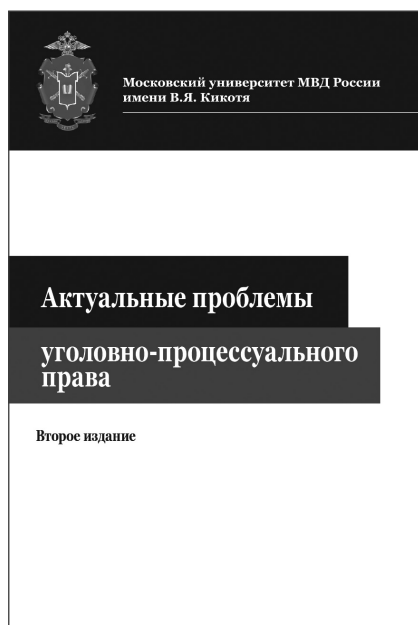
Д. В. Боул – инспектор отдела международного сотрудничества Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. V. Boul – Inspector of the International Cooperation Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 24.06.2024.

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 24.06.2024.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-38-41>

EDN: <https://elibrary.ru/rxlclh>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-4/24-053

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2024-04-252

Права и обязанности мужчин в Российской империи в XVIII столетии в аспекте правового положения военных инвалидов

Сергей Николаевич Грошев¹, Евгений Геннадьевич Усов²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
groshev_sergej@mail.ru

² Байкальский институт БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета,
Иркутск, Россия, usov.evgeniy@list.ru

Аннотация. Осуществлен анализ прав и обязанностей мужчин в Российской империи в XVIII столетии в аспекте правового положения военных инвалидов. В работе с помощью исторического метода исследован механизм взаимодействия государства и мужчин, ставших инвалидами на военной службе. Авторы с помощью ретроспективного анализа рассматривают проблематику основных начальных этапов формирования сферы социального обеспечения военных инвалидов в Российской империи XVIII столетия. Также затрагивается проблематика правового положения инвалидов войны сквозь призму зарубежного опыта в указанный период.

Ключевые слова: права и обязанности мужчин, социальная защита военных чинов, военные инвалиды, военные пенсии, военные травмы, госпитали, Российская империя

Для цитирования: Грошев С. Н., Усов Е. Г. Права и обязанности мужчин в Российской империи в XVIII столетии в аспекте правового положения военных инвалидов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 38–41. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-38-41>. EDN: RXLCLH.

Original article

The rights and duties of men in the Russian Empire in the XVIII century in the aspect of the legal status of military invalids

Sergey N. Groshev¹, Evgeny G. Usov²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
groshev_sergej@mail.ru

² Baikal Institute BRICS of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
usov.evgeniy@list.ru

Abstract. The rights and duties of men in the Russian Empire in the XVIII century in the aspect of the legal status of military invalids are being analyzed. The work uses the historical method to investigate the mechanism of interaction between the state and men who became disabled in military service. The authors using a retrospective analysis examined the problems of the main initial stages of the formation of the sphere of social security for military invalids in the Russian Empire of the XVIII century. Also the problems of the legal status of war invalids through the prism of foreign experience during this period are touched on.

Keywords: rights and duties of men, social protection of military ranks, military invalids, military pensions, military injuries, hospitals, the Russian Empire

For citation: Groshev S. N., Usov E. G. The rights and duties of men in the Russian Empire in the XVIII century in the aspect of the legal status of military invalids. Bulletin of economic security. 2024;(4):38–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-38-41>. EDN: RXLCLH.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что проблематика сферы социального обеспечения во-

енных инвалидов в русле ретроспективного анализа обладает крайней злободневностью в настоящее вре-

© Грошев С. Н., Усов Е. Г., 2024

мя в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине и нарастанием напряженности со странами коллективного запада.

В плоскости реализации государственной функции социального обеспечения проблема обеспечения инвалидов войны обладала большим значением уже в античный период, а также в феодальную эпоху. В Русском централизованном государстве указанная тенденция фиксируется уже в конце XVII столетия в рамках функций Аптекарского приказа [4, с. 99].

Российская империя в XVIII столетии вела активную внешнюю политику, которая, так или иначе, служила источником многих военных конфликтов, порождающих большое количество военных инвалидов. В связи с этим государственные реформы с начала правления Петра I и вплоть до царствования Екатерины II в большой степени затрагивали социальное обеспечение мужчин – инвалидов войны. Регулярная воинская повинность повлияла на учреждение инвалидных команд, внутренней стражи, госпиталей и инвалидных домов, а также приютов и богаделен, которые обеспечивали государственное обеспечение мужчин, вернувшихся с военной службы с различными увечьями.

Стоит отметить, что широкий спектр военных конфликтов служил источником развития социально-медицинской функции государства. При этом крупные города Российской империи аккумулировали социально уязвимые категории подданных, мужчин – военных инвалидов, нищих и попрошайек, а также различный криминальный элемент.

Впервые за государственный счет госпитали, приюты и богадельни стали учреждаться в России еще в конце XVII столетия. В них определялись, в том числе и покалеченные на войне мужчины, которые, будучи нетрудоспособными, содержались там пожизненно. Нормативно-правовые акты конца XVII века вводили также обязанность клерикальных институтов оказывать помощь военным инвалидам [7, с. 184].

Примечательно, что в рамках отечественного правового порядка дефиниция «инвалид» вошла в обиход в период правления Петра I в связи с большим количеством увечных воинов, которое послужило причиной увеличения нищих и бродяг среди отставных солдат, потерявших трудоспособность из-за военных травм.

В условиях часто неблагоприятных результатов военных операций даже при наличии внимания публичной власти к бедственному положению мужчин – военных инвалидов их правовой статус характеризовался крайней уязвимостью, так как они, по сути, оказались ненужными государству и обществу.

Подобную тенденцию попытался изменить Петр I, который в 1710 г. в своем указе отмечал, что увечных отставников, не способных к службе, определять в московские богадельни. В свою очередь те военные инвалиды,

которые могли продолжить службу, отправлялись через Военный приказ в гарнизонные войска, ставшие основой внутренней стражи. Некоторых военных инвалидов, не способных к полевой военной службе, определяли на должности гражданских служащих.

В рамках реформ Петра I в 1712 г. вышел указ об организации госпиталей во всех губерниях, в которых должны были содержаться увечные мужчины – военные отставники [3, с. 75–76]. Кроме учреждения военных госпиталей для увечных ветеранов при Петре I «Уставом Морского Русского Военного Флота» от 13 января 1720 года был инициирован механизм выплат пенсий увечным воинам, служившим на флоте. В связи с высокой интенсивностью морских сражений государство пыталось поднять престиж службы на флоте, в том числе и посредством назначения пенсий увечным военным морякам [5, с. 8].

В рамках социального обеспечения мужчин – военных инвалидов имели место многочисленные изъятия. Так, пенсий лишались военные отставники, не способные служить в связи с венерическими заболеваниями. Пенсий лишались и те военные инвалиды, которые не проживали в мэриях и богадельнях, а также женатые увечные мужчины, в связи с их отказом проживать в монастырях [2, с. 80–81].

Важно подчеркнуть, что сфера социального обеспечения мужчин – увечных ветеранов охватывала преимущественно крупные города, в меньшей степени затрагивая крестьянство.

При императрице Елизавете Петровне социальное обеспечение военных инвалидов продолжало свое позитивное развитие, и была учреждена широкая сеть «инвалидных домов» для увечных и престарелых ветеранов. При Екатерине II военных отставников стали обеспечивать жильем и жалованием, формируя из них инвалидные команды, осуществлявшие полицейские функции в городах.

Характерно то, что в Российской империи постепенно улучшалось пенсионное обеспечение ветеранов войн, и если с 1764 года военные пенсионеры за 35 лет службы получали половину своего прежнего жалования, то с начала XIX столетия последние после 30 лет беспорочной службы получали право на половину своего жалования, а после 40 лет службы жалование выплачивалось в полном объеме. В то же время, право на небольшую военную пенсию военные инвалиды приобретали без учета выслуги лет.

Как было сказано выше, в период правления Екатерины II военные инвалиды начали выполнять полицейскую функцию. При этом их жалование варьировалось от 120 до 10 рублей в год, в зависимости от воинского звания. Стоит отметить, что указанные суммы все же были незначительными. Кроме того, рубль постоянно обесценивался. В частности, в 1760 году 16 килограммов хлеба на рынке стоили 86 копеек. В 1773 году за рубль можно было приобрести уже 7,5 килограмма хлеба, а 1798 году лишь 2,3 килограмма [6].

Ведя речь о мужчинах, получивших увечье на войне, стоит отметить, что они, обычно, оставались проживать в деревнях и селах, пополняя после излечения сословие крепостных крестьян. В свою очередь, в крупных городах Российской империи публичная власть осуществляла постоянные мероприятия по борьбе с нищими и бродягами.

В рамках обеспечения военных инвалидов можно отметить высокий уровень медицинской помощи, а сам кластер военной медицины неуклонно развивался и совершенствовался, как и методы социальной работы с увечными ветеранами войны.

Если сравнить отечественную тенденцию общественного призрения военных инвалидов с государствами Западной Европы, то Российская империя стояла на передовых позициях. Так, в указанный период в Швеции государственное обеспечение инвалидов войны было крайне слабым. В частности, шведские военнопленные испытывали большие трудности с возвращением на родину. Медицинское обслуживание военных инвалидов Швеции также уступало российскому, нередко прибегая к займам в иностранных банках. В Швеции, в XVIII столетии, забота о военных ветеранах продолжала оставаться в ведении клерикальных структур. В этой связи стоит упомянуть Орден Столяров, который был основан в 1761 году. При этом, в рамках указанной организации числилась всего одна больница на всю страну вплоть до 1818 года.

Если обратиться к опыту Пруссии в аналогичный период, то здесь сфера обеспечения военных инвалидов не уступала российским аналогам. Уже во времена Фридриха II в Пруссии имело место большое число медицинских домов для увечных ветеранов, а также предусматривались пенсии для последних.

Прусская система пенсионного обеспечения военных инвалидов строилась на следующих принципах:

- военные инвалиды подразделялись на тех, кто еще мог служить и неспособных к военной службе;
- увечные солдаты не способные к службе градиrowались на трудоспособных и не трудоспособных;
- военные калеки разделялись на тех, кто мог об-служивать себя и на тех, кто был полностью беспомо-щен.

Бывшие военные в Пруссии, получившие увечье, могли использоваться на учительских должностях, служить бомбардирами и посыльными. Они также могли приобрести и определенную, посильную своему состо-янию, профессию.

В заключение статьи необходимо отметить, что права и обязанности мужчин в Российской империи в XVIII столетии в аспекте правового положения военных инвалидов характеризовались противоречивыми харак-теристиками. Несмотря на то, что государство стреми-лось поддерживать мужчин – военных инвалидов, не-редко предпочтение отдавалось бывшим морякам. На пенсионное обеспечение увечных военнослужащих оказывало сильное влияние их военных чин и сословная

принадлежность. В качестве положительных моментов общественного призрения военных инвалидов следует отметить стремление государства задействовать их на более легкой полицейской службе. В целом социальное обеспечение мужчин, получивших увечье на военной службе, в Российской империи в XVIII столетии было на высоком уровне, не уступая передовым государствам Западной Европы.

Библиографический список

1. Грошев С. Н. Модернизация как важный фактор боеспособности вооруженных сил Древней Руси // На-учный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 111–116.
2. Гусаков Д. Б. К вопросу о пенсионном обеспе-чении государственных служащих в начале XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2014. № 19. С. 79–81.
3. Гусев А. Ю., Яхина М. Р. Дореволюционный период развития социальной защиты в России (XVI–XVIII вв.) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 72–87.
4. Куликов В. А. Роль аптекарского приказа в деле оказания медицинской помощи и лекарственного обе-спечения Руси XVII веке // Вестник фармации. 2014. № 1 (63). С. 98–102.
5. Кулаков А. В. Пенсионное обеспечение : исто-рия и современность // Научные записки молодых ис-следователей. 2022. № 1. С. 5–15.
6. Рубль – что можно было купить на него в на-чале 18, 19 и 20 веках // URL://http://status-coins.ru/statji/article_post/rubl-что-mozhno-bylo-kupit-na-nego-v-nachale-18-19-i-20-vekakh (дата обращения: 09.01.2024).
7. Щербинина Ю. В. Социальные практики и при-зрение военных инвалидов в Российской империи в XVII–XVIII вв. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 5-6. С. 182–186.

Bibliographic list

1. Groshev S. N. Modernization as an important factor in the combat capability of the armed forces of Ancient Russia // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (11). P. 111–116.
2. Gusakov D. B. On the issue of pension provision for civil servants at the beginning of the XVIII century // Bulletin of ChelSU. 2014. № 19. P. 79–81.
3. Gusev A. Yu., Yakhina M. R. Pre-revolutionary period of development social protection in Russia (XVI–XVIII centuries) // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2021. № 3 (46). P. 72–87.
4. Kulikov V. A. The role of the pharmacy order in the provision of medical care and drug provision in Russia in the XVII century // Bulletin of pharmacy. 2014. № 1 (63). P. 98–102.

5. Kulakov A. V. Pension provision: history and modernity // Scientific notes of young researchers. 2022. № 1. P. 5–15.

6. Ruble – what could be bought with it in the early 18th, 19th and 20th centuries // URL://http://status-coins.ru/statji/article_post/rubl-chto-mozhno-bylo-

kupit-na-nego-v-nachale-18-19-i-20-vekh (accessed: 09.01.2024).

7. Shcherbinina Yu.V. Social practices and the vision of military invalids in the Russian Empire in the XVII–XVIII centuries // Socio-economic phenomena and processes. 2012. № 5-6. P. 182–186.

Информация об авторах

С. Н. Грошев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Усов – доцент Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. N. Groshev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. G. Usov – Associate Professor of the Baikal Institute BRICS of the Irkutsk National Research Technical University, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 24.07.2024.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 24.07.2024.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Полищук Д. А. 327 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Д.А. Полищук

Современные проблемы предварительного следствия

История и вектор развития

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются «за кадром» исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-42-46>

EDN: <https://elibrary.ru/qytesp>

ИИОН: 2015-0066-4/24-054

MOSURED: 77/27-011-2024-04-253

О работе криминалистических подразделений следственных органов СК Российской Федерации

Валерий Иванович Елинский

Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия,

20745@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты деятельности отделов криминалистики. Определены основные проблемы в работе подразделений криминалистики.

Ключевые слова: подразделения криминалистики, криминалистическая техника, следственные органы, проблемы

Для цитирования: Елинский В. И. О работе криминалистических подразделений следственных органов СК Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 42–46. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-42-46>. EDN: QYTESP.

Original article

On the work of the forensic units of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation

Valeriy I. Elinskiy

Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia,

20745@rambler.ru

Abstract. Some aspects of the activities of the departments of criminology are considered. The main problems in the work of criminology departments are identified.

Keywords: departments of criminology, forensic technology, investigative agencies, problems

For citation: Elinskiy V. I. On the work of the forensic units of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(4):42–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-42-46>. EDN: QYTESP.

В соответствии с п.п. 1 п. 7 Указа Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» Следственный комитет Российской Федерации, помимо прочих полномочий, осуществляет криминалистическую деятельность [1].

П. 40.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет следователя-криминалиста как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству [2].

Полномочия следователей-криминалистов также определены приказом СК России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации». К ним, в частности относятся: криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета, производство предварительного расследования, выполнение отдельных функций процессуального контроля, дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации тактики и методики расследования преступлений [3].

В анализируемом периоде следователями-криминалистами следственных органов осуществлялась работа

по основным направлениям деятельности: принималось участие в осуществлении предварительного следствия по уголовным делам, а также его криминалистическое обеспечение, контролировалось расследование тяжких и особо тяжких преступлений против личности, преступлений «прошлых лет», серийных преступлений, а также преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Нередко следователям-криминалистам поручается проведение процессуальных проверок, расследование уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, вплоть до направления дела в суд либо принятия решения о его прекращении, а также уголовных дел, по которым лица, совершившие преступления, установлены.

Подобная порочная практика сложилась в следственных органах по республикам Татарстан, Тыва и Хакасия, в Брянской, Нижегородской, Свердловской, Кемеровской областях и ряде других регионов.

Фактически следователи-криминалисты используются в качестве дополнительных единиц следователей, на которых возлагаются обязанности по расследованию уголовных дел и проведению процессуальных проверок в порядке, предусмотренном статьями 144–145 УПК РФ, что наносит ущерб выполнению ими своих основных обязанностей.

Например, в следственном управлении по Республике Татарстан следователями-криминалистами за 11 месяцев 202_ года завершено расследование 367 уголовных дел из 534 находившихся в производстве, 350 уголовных дел направлено в суд. Каждое второе из оконченных уголовных дел – дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, не представляющие сложности в расследовании, не требующие применения высокотехнологичной криминалистической и специальной техники и особых тактических приемов. Это дела о преступлениях, предусмотренных статьями 139 УК РФ («Нарушение неприкосновенности жилища»), статьей 319 УК РФ («Публичное оскорбление представителя власти»), частью 1 статьи 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»).

В этих условиях руководители следственных отделов, в штате которых состоят следователи-криминалисты, не обеспечивают их незамедлительный выезд для участия в проведении первоначальных следственных действий, оказание практической и методической помощи следователям в расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Из всего комплекса криминалистической и специальной техники самыми востребованными у следователей и следователей-криминалистов на протяжении последних двух лет являлись фото- и видеотехника – 46 % и 48 % от общего количества применений. С их помощью фиксируются различные по своему происхождению следы, объекты и предметы.

Так, в 202_ г., благодаря средствам фото- и видеofиксации, в ходе 15 396 (АППГ – 17 546) осмотров

мест происшествий зафиксированы следы и различные объекты, являющиеся доказательствами совершенных преступлений. В большей степени в указанном периоде при помощи фото- и видеосъемки фиксировались следы биологического происхождения (в 3 724 случаях).

Анализ использования технико-криминалистического оборудования без учета фото- и видеотехники показывает, что в 202_ г. криминалистическая и специальная техника применялась 75 073 раза, при этом в 53 386 случаях ее использования были выявлены следы, имеющие доказательственное значение.

На высоком уровне остается интенсивность применения средств по выявлению, обнаружению и фиксации следов биологического происхождения (25,7 % и 27 % от общего количества применений соответственно), к которым относятся экспресс-тесты для обнаружения следов биологического происхождения, источники криминалистического света, ультрафиолетовые осветители и щелевые источники света. Только с помощью источников криминалистического света в 202_ г. выявлено 6335 следов биологического происхождения, 945 следов рук, 548 микрообъектов, имеющих доказательственное значение.

Наибольшую востребованность после фото- и видеотехники, а также средств по выявлению, обнаружению и фиксации следов биологического происхождения у следователей получили мобильные комплексы по сбору и анализу цифровых данных, доля использования которых от общего количества применений всего комплекса технико-криминалистических средств составляет 10 %.

В истекшем году мобильными комплексами воспользовались 13957 раз, при этом в 2904 случаях по 2 210 убийствам, в 986 случаях по 742 преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 111 УК РФ, а также в 1 069 случаях по 807 изнасилованиям была извлечена информация из цифровых устройств, принадлежащих подозреваемым, потерпевшим и свидетелям, явившаяся доказательствами совершенных преступлений.

Таким образом, в 202_ г. практически по каждому 4 убийству, каждому 5 изнасилованию, а также 10 преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 111 УК РФ, мобильные комплексы «UFED» способствовали установлению истины по делу.

Увеличилось количество применений цианакрилатных камер с 3211 до 3652, однако количество эффективных случаев использования осталось на прежнем уровне.

Так, в 1973 случаях по 1702 преступлениям, при помощи указанного оборудования были выявлены следы, имеющие доказательственное значение.

Наблюдается увеличение количества применений обнаружителей скрытых видеокамер с 1 880 до 2 012.

В два раза возросло применение тепловизоров незначительно увеличилось использование эхолотов и гидролокаторов.

Вместе с тем, в 202_ г. отмечается некоторое снижение применения металлоискателей и магнитометров, а также нелинейных локаторов.

В целом проведенный анализ показал, что большая часть территориальных следственных подразделений эффективно использует весь арсенал имеющейся на оснащении криминалистической и специальной техники.

Ранее было отмечено, что наиболее эффективно в 202_ г. следователями-криминалистами применялись мобильные комплексы по сбору и анализу цифровых данных «UFED».

В истекшем периоде использование комплексов позволило следователям Следственного комитета Российской Федерации по 8 406 преступлениям в 10 026 случаях получить информацию, имеющую доказательственное значение.

Не менее эффективно применялся источник криминалистического света.

Так, в указанном периоде в 8 898 случаях (АППГ – 7 604) его использования по 7495 преступлениям (АППГ – 6 209) были обнаружены следы, имеющие доказательственное значение. Всего в 202_ г. источник криминалистического света применялся 12 021 раз (АППГ – 10 157).

Положительным примером использования криминалистической техники является уголовное дело по факту убийства гр. Р. (следственное управление по Республике Калмыкия). Изначально обвиняемый гр. Т. утверждал, что безвестное отсутствие его сожительницы гр. Р. связано с выездом на заработки за пределы Республики Калмыкия. Однако осмотр места происшествия с применением источника экспертного света позволил обнаружить в их жилище тщательно замытые, невидимые глазу человека следы крови на полу, обоях, занавеске и диване. В этой связи был произведен тщательный осмотр каждого сектора дома, в ходе которого установлено, что две доски пола забиты новыми гвоздями. При вскрытии полов под ними обнаружен труп потерпевшей с множественными рублеными ранениями головы. Срок предварительного следствия по уголовному делу составил 2 месяца. По результатам рассмотрения уголовного дела в суде Т. был признан виновным в совершении данного преступления и ему назначено наказание в виде лишения свободы на длительный срок.

Анализ эффективности применения цианакрилатных камер в 202_ г. по предварительно расследованным тяжким и особо тяжким преступлениям показал, что эффективность применения указанной криминалистической техники составила – 54 %, т. е. практически на каждом втором исследуемом объекте при помощи указанного оборудования были обнаружены следы рук, имеющие доказательственное значение.

Улучшились результаты использования в 202_ г. обнаружителей скрытых видеокамер.

Так, в истекшем периоде данная технико-криминалистическая единица в 1 196 случаях (АППГ – 1 046) по

1 047 (734) преступлениям позволила обнаружить видеокамеры, которыми были запечатлены важные для следствия обстоятельства.

Вместе с тем, в отдельных следственных подразделениях сохраняется посредственное отношение к повышению количества и качества применения криминалистического оборудования, что, прежде всего, объясняется необоснованным скептицизмом эффективности ее использования.

Имеются случаи предоставления в центральный аппарат Следственного комитета Российской Федерации сведений о применении криминалистического оборудования, несоответствующих действительности, а также умышленного завышения показателей по указанному направлению деятельности.

Указанная негативная практика находится на особом контроле и своевременно пресекается.

Так, в ходе неоднократных проверок сотрудниками Главного управления криминалистики выявлялись факты завышения статистических сведений о применении криминалистической техники в отчетных периодах. Отраженные в отчетах данные не находили своего документального подтверждения и в несколько раз отличались от реальных.

В ходе расследования уголовных дел продолжается использование специальных помещений, оборудованных для производства следственных действий с участием несовершеннолетних.

Созданная в них обстановка помогает ребенку расслабиться и чувствовать себя во время проведения следственных действий наиболее комфортно, способствует скорейшему установлению психологического контакта следователя с ребенком и, соответственно, повышению качества и информативности проведенных следственных действий. Данные помещения, согласно полученной информации, используются регулярно. К примеру, в следственном управлении по Республике Бурятия в 202_ г. в помещении для производства следственных и иных процессуальных действий с несовершеннолетними проведено 338 следственных действий.

Проведенный анализ показал, что благодаря принимаемым мерам по результатам работы в 202_ г. следственными органами в целом удалось повысить качество работы по расследованию уголовных дел.

К числу таких мер относятся: разработка и принятие межведомственных организационно-распорядительных документов, регламентирующих систему дежурства, обмена информацией и порядок выезда следователей и оперативных сотрудников МВД России на места происшествий по сообщениям о тяжких и особо тяжких преступлениях; участие следователей-криминалистов в производстве первоначальных следственных действий, ежедневный анализ суточных сводок о происшествиях и контроль рассмотрения сообщений о преступлениях, подследственных следователям СК России, в целях исключения фактов несвоевременности возбуждения уголовных дел; еженедельная постановка на учет

и дальнейшее криминалистическое сопровождение дел о преступлениях, не раскрытых по «горячим следам»; поручение расследования неочевидных преступлений следственно-оперативным группам, в состав которых входят следователи-криминалисты; применение при расследовании передовых криминалистических методов и технологий, налаживание эффективного взаимодействия с оперативными подразделениями; согласование с подразделением криминалистики планируемых решений о приостановлении следствия.

Многие следственные органы свое взаимодействие с субъектами оперативно-розыскной деятельности по вопросам раскрытия тяжких и особо тяжких насильственных преступлений осуществляли в рамках работы межведомственных аналитических и постоянно действующих следственно-оперативных групп в форме проведения оперативных совещаний, рабочих встреч, совместных изучения уголовных дел, планирования и выполнения следственно-оперативных мероприятий по уголовным делам.

Благодаря этому, показатели раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений против личности в целом по России остаются стабильно высокими.

Имеется определенная проблема во взаимодействии следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при работе по приостановленным делам. Сотрудники МВД скрывают от органа следствия решения, принимаемые ими по делам оперативного учета, – фактически без уведомления следствия прекращают работу по розыску виновных лиц.

Во многих регионах практикуется согласование планируемых решений о приостановлении предварительного следствия с отделами криминалистики и процессуального контроля, усилена личная ответственность руководителей следственных отделов за законностью и обоснованностью принимаемых процессуальных решений. Для этого организационно-распорядительными актами устанавливаются определенные сроки, как правило, от 5 до 10 суток (Челябинская область – 20 суток), для представления материалов дел в подразделения процессуального контроля и криминалистики следственных органов.

Одним из главных направлений деятельности следственных органов в анализируемом периоде оставалось раскрытие и расследование преступлений прошлых лет.

Раскрытию указанных преступлений способствовали получение и проверка новой оперативной информации, использование современных экспертных возможностей исследования доказательств, повторная проверка следственным и оперативным путем уже имевшихся сведений о возможной причастности конкретных лиц к совершению преступлений, а также установление местонахождения и задержание разыскиваемых преступников.

Практика показывает, что стабильные результаты на этом участке работы достигаются благодаря ком-

плексному подходу к решению задач о раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет.

Это организация работы аналитических групп, направленная на получение дополнительных доказательств по уголовным делам; использование всевозможных криминалистических учетов; организация совместно с органом дознания мероприятий, направленных на установление местонахождения лиц, скрывшихся от органов следствия; проверка причастности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по текущим делам, к совершению преступлений прошлых лет.

Так, сотрудниками следственного управления по Брянской области было раскрыто уголовное дело по факту убийства гр. М., возбужденное в 202_ г. по факту его безвестного исчезновения. Уголовное дело было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В 202_ г. детальное изучение личности пропавшего без вести в рамках заседания аналитической группы по раскрытию преступлений прошлых лет позволило установить круг общения потерпевшего, в результате чего была выдвинута версия о возможной причастности к убийству гр. Г. В дальнейшем после установления местонахождения Горбунова А. А. в Ленинградской области и его задержания он дал признательные показания и указал место захоронения трупа гр. М.

Оправдывает себя организация работы баз генотипоскопической информации в системе Следственного комитета и МВД России, проверка по которым биологических следов по ранее совершенным преступлениям дает свои положительные результаты.

Так, использование ДНК-учета привело к раскрытию в 202_ г. преступления против половой неприкосновенности 9-летней девочки в г. Сыктывкаре Республики Коми, совершенного в 2019 г. Генотип задержанного за совершение аналогичного преступления в конце 2020 г. гр. Ю. в результате проверки по соответствующей базе совпал с генотипом лица, чья сперма была обнаружена на одежде потерпевшей в 2019 г. Уголовное дело по обвинению гр. Ю. в совершении двух преступлений направлено в суд, по приговору суда он осужден к длительному сроку лишения свободы.

Приведенные показатели указывают на то, что следственные органы Следственного комитета во взаимодействии со службами иных правоохранительных органов справляются с задачей оперативного и качественного расследования уголовных дел, что в целом положительно отражается на динамике раскрытия отдельных категорий тяжких и особо тяжких преступлений.

К числу проблем в области методического обеспечения следственные органы относят недостаточную оптимизацию расходов, в связи с чем отсутствует возможность систематически командировать для участия в учебных семинарах следователей отдаленных следственных органов, наиболее нуждающихся в дополнительном обучении.

Как показал проведенный анализ отчетов следственных органов по результатам работы за 202_ г., к числу основных проблем подразделений криминалистики следует отнести:

- отсутствие надлежащего контроля за качеством и своевременностью проведения следственных и розыскных мероприятий на начальном этапе проверки сообщений о совершенных преступлениях и расследовании уголовных дел;
- длительное производство молекулярно-генетических, фоноскопических, экономических, строительно-технических экспертиз государственными экспертными учреждениями Минюста России, МВД России и Минздрава России;
- недоступность во многих регионах проведения стационарных стражных судебно-психиатрических экспертиз;
- наличие организационных и административных препятствий при назначении судебных медицинских экспертиз на бесплатной основе в бюро СМЭ вне субъектов Российской Федерации, где расследуется уголовное дело;
- отсутствие надлежащего взаимодействия с оперативными службами при расследовании уголовных дел о нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, а также при расследовании уголовных дел «прошлых лет».

Решение возникающих у следственных органов проблем видится в дальнейшем обеспечении выполнения задач надлежащего криминалистического сопровождения предварительного следствия с учетом максимально интенсивного применения технико-криминалистических средств, в постоянном повышении квалификации следователей-криминалистов и следователей следственных органов, а также в эффективном

использовании имеющихся полномочий с целью недопущения принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ СК России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Отчеты подразделений криминалистики следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation № 38 dated January 14, 2011 «Issues of the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation as of 18.12.2001 № 174-FZ // LRS «ConsultantPlus».
3. Order of the Investigative Committee of Russia dated 08.08.2013 № 53 «On the organization of the work of forensic investigators in the Investigative Committee of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Reports of the criminology departments of the investigative departments of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Информация об авторе

В. И. Елинский – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета – МИРЭА, доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

V. I. Elinskiy – Head of the Department of Public Law Disciplines of the Russian Technological University – MIREA, Doctor Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 08.07.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 08.07.2024.

Научная статья

УДК 343.101

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-47-52>

EDN: <https://elibrary.ru/rfrfvi>

NIION: 2015-0066-4/24-055

MOSURED: 77/27-011-2024-04-254

К вопросу взаимодействия войск НКВД СССР и Красной Армии в борьбе с бандформированиями ОУН/УПА в 1944–1946 гг.

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, Москва, Россия,

mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. В статье с позиций истории отечественного государства и права предпринимается попытка раскрыть организационные и правовые основы взаимодействия войск РККА и НКВД СССР в борьбе с националистическими бандформированиями на Западной Украине в 1944–1946 гг. На основе конкретного, впервые вводимого в научный оборот архивного материала, автором раскрываются вопросы, связанные с совместным проведением внутренними войсками, частями и соединениями РККА чекистско-войсковых операций против бандформирований ОУН/УПА в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Ключевые слова: Западная Украина, войска РККА и НКВД СССР, чекистско-войсковые операции, националистические бандформирования

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу взаимодействия войск НКВД СССР и Красной Армии в борьбе с бандформированиями ОУН/УПА в 1944–1946 гг. // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 47–52. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-47-52>. EDN: RFRFVI.

Original article

On the issue of interaction between the troops of the NKVD of the USSR and the Red Army in the fight against the OUN/UPA gangs in 1944–1946

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

mvd_djaty@mail.ru

Abstract. In the article from the standpoint of the history of the national state and law, an attempt is made to reveal the organizational and legal foundations of interaction between the troops of the Red Army and the NKVD of the USSR in the fight against nationalist gangs in Western Ukraine in 1944–1946. On the basis of a specific archival material introduced into scientific circulation for the first time, the author reveals issues related to the joint conduct by internal troops, units and formations of the Red Army of Chekist-military operations against OUN/UPA gangs during the Great Patriotic War and the post-war period.

Keywords: Western Ukraine, troops of the Red Army and the NKVD of the USSR, Chekist-military operations, nationalist gangs

For citation: Epifanov A. E. On the issue of interaction between the troops of the NKVD of the USSR and the Red Army in the fight against the OUN/UPA gangs in 1944–1946. Bulletin of economic security. 2024;(4):47–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-47-52>. EDN: RFRFVI.

В ходе весеннего наступления 1944 г. Красная Армия освободила часть Западной Украины. Практически сразу ее войска и восстанавливаемые органы советской власти столкнулись с многочисленными и хорошо вооруженными формированиями украинских националистов. С 7 января по 2 марта 1944 г. только в тылу 13-й армии 1-го Украинского фронта было зафиксирова-

но до 200 нападений на войсковые колонны и военнотружущих Красной Армии.

Л. П. Берия отмечал, что бандиты ведут пулеметный и винтовочный, а также минометный огонь организовано и продуманно. Банды организуют оборону, отрывают окопы и ходы сообщения в полный профиль и в ряде мест сооружают деревоземляные укрытия. Участ-

© Епифанов А. Е., 2024

ники большинства разгромленных банд были одеты в немецкую, а также в красноармейскую форму.

После освобождения Ровенской, Волынской и Тернопольской областей от немецко-фашистских захватчиков, отряды УПА стали нападать на обозы и отдельные группы военнослужащих Красной Армии, совершать террористические акты против советских и партийных работников, противодействовать проводимым командованием РККА и органами советской власти мероприятиям. Местные жители, отказывавшие националистам в продуктах питания, обмундировании и людском пополнении, а также оказывавшие содействие органам советской власти, подвергались зверской расправе [1, л. 170–172].

Непосредственное руководство служебно-боевой деятельностью по борьбе с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями наряду с командованием частей и соединений РККА осуществляли НКВД и НКГБ СССР, республиканские наркоматы внутренних дел и госбезопасности, их областные управления через отделы по борьбе с бандитизмом, а также Главное управление внутренних войск НКВД СССР через Управление внутренних войск Украинского округа.

В прифронтовой зоне борьбу с националистическими бандформированиями вели войска НКВД по охране тыла 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов во взаимодействии с органами военной контрразведки «Смерш» и подразделениями Красной Армии. Разведотделами Управлений войск НКВД по охране тыла фронтов налаживалось взаимодействие с органами НКВД – НКГБ и КРО «Смерш» в агентурно-оперативной работе по выявлению и ликвидации банд УПА.

В результате названных мероприятий только за январь – март 1944 г. нашими частями было разгромлено 65 бандгрупп. При этом уничтожили 960 и захватили 613 бандитов. На местах столкновений в качестве трофеев подобрали 3 орудия, 280 винтовок, 41 автомат, более 60 тысяч патронов и другое военное имущество. Важное значение в деле противодействия бандам оуновцев имела регламентация соответствующей организации и деятельности внутренних войск. В 1944 г. Главным управлением войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии в этой связи был издан ряд нормативных актов об улучшении работы оперативно-чекистских групп, усилении борьбы с диверсионно-террористической деятельностью украинских националистов, совершенствовании руководства боевыми операциями по борьбе с бандитизмом, а также совершенствовании взаимодействия с частями и соединениями РККА в этой связи.

Одними из первых в освобожденные от немецких захватчиков Ровенскую и Волынскую области были направлены части 16 и 24 бригад внутренних войск НКВД СССР, которые разместились для несения гарнизонной службы в гг. Сарны, Ровно и Луцк в феврале 1944 г. При этом сразу же выяснилось, что вся территория названных областей в значительной степени поражена оунов-

ским бандитизмом, а внутренние войска не в состоянии ему противостоять надлежащим образом. Бандформирования националистов оказались хорошо вооружены, обучены, сведены в сотни, курени, армии УПА и УНРА. По самым скромным подсчетам, их численность достигала 8000–9000 человек.

Поскольку для борьбы с националистическими бандформированиями прибывших частей внутренних войск оказалось явно недостаточно, в первых числах марта 1944 г. в Волынскую и Ровенскую области дополнительно направили 17, 19, 20, 21 и 23 стрелковые бригады, 2 отдельных стрелковых батальона 18-й стрелковой бригады, 9 и 10 стрелковые дивизии, 18-й кавалерийский полк и отдельный танковый батальон 2-й мотострелковой дивизии. Общая численность брошенных против бандеровцев внутренних войск составила, таким образом, 37208 бойцов и командиров, а также 22 танка БТ-7.

Кроме того, из состава 13-й армии 1-го Украинского фронта названной группировке войск НКВД были приданы танковая рота в составе 8 танков Т-70 и Т-60, а также 2 роты бронемашин, на вооружении которых состояли 18 БА-64 и 2 БА-10. С 16 по 30 марта 1944 г. происходило сосредоточение частей. После прибытия они незамедлительно привлекались к борьбе с бандитизмом [2, л. 33].

В связи с тем, что на освобожденной от противника территории Ровенской и Волынской областей участились активные антисоветские проявления со стороны бандформирований ОУН, УПА и УНРА, выражавшиеся в налетах на проходящие подразделения частей Красной Армии, партийно-советский актив, а также мирных советских жителей, Л. П. Берия был намечен и 6 марта 1944 г. предложен И.В.Сталину ряд контрмер по линии органов внутренних дел и государственной безопасности, согласованных с командованием 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. При этом были предприняты меры по обеспечению безопасности движения по фронтовым дорогам, охране железнодорожных сооружений, средств связи, районных органов власти [1, л. 170–172]. Для ликвидации националистических бандформирований были созданы 7 оперативно-войсковых групп под руководством ответственных работников НКВД в городах Луцк, Ровно, Сарны, Гоща, Костополь, Острог и Домбровица (Дубровица) [1, л. 172].

С 7 по 27 марта 1944 г. войсками НКВД были проведены 65 чекистско-войсковых операций по ликвидации националистических бандгрупп. При этом были убиты 1129 оуновцев, ранен 61, задержано в районах боевых столкновений 2101. У бандитов были изъяты 2 пушки, 36 пулеметов, 54 автомата, 406 винтовок, 464 гранаты, 7 минометов, а также патроны, мины и пр. Подверглись захвату склады оуновских банд с продовольствием и обмундированием, которые были сданы на довольствие частей Красной Армии.

В период с 21 по 27 апреля 1944 г. крупномасштабная операция по ликвидации оуновских банд с участи-

ем частей и подразделений РККА была проведена в Кременецких лесах (Тарнопольская область), являвшихся местом наибольшего сосредоточения бандитов [6, л. 191–192]. Сосредоточенные в лесах крупные банды оуновцев были окружены плотными заслонами внутренних войск, которым было предписано окопаться, но внутрь кольца не заходить, т.к. блокированные леса подлежали бомбовым ударам ВВС РККА. В результате бомбардировки бандиты понесли большие потери и в панике попытались покинуть лес, но повсюду наткнулись на заслоны войск НКВД. После двухдневной бомбежки лес трижды был прочесан [6, л. 203].

В общей сложности в названный период имели место 26 боевых столкновений, в результате которых 2018 националистов были убиты, 1 570 захвачено живыми. В качестве трофеев внутренними войсками были захвачены самолет У-2, 7 орудий, 5 станковых и 42 ручных пулемета, 15 минометов, 6 противотанковых ружей, 31 автомат, 98 винтовок, 16 пистолетов, 789 ручных гранат, 45 000 патронов, 539 мин, немецкая рация, 2 телефонных коммутатора, 129 лошадей и 120 повозок. Кроме того, были обнаружены типография с бумагой, а также несколько продовольственных и вещевых складов.

Учитывая тему настоящего исследования, специального рассмотрения заслуживает взаимодействие войск НКВД СССР и Красной Армии. В пределах названного периода оно приобретает свои завершённые формы. Поначалу войска РККА вели борьбу с националистическими бандформированиями самостоятельно, без координирования своих боевых действий с органами и войсками НКВД. Практика показала, что операции, самостоятельно проводимые частями и соединениями Красной Армии под руководством офицеров и генералов, которые не имели достаточного опыта по борьбе с бандитизмом, успеха не имели и влекли значительные потери. Кроме того, из-за отсутствия согласованности с органами и войсками НКВД нередко возникали перестрелки между своими.

Между тем, привлечение для проведения чекистско-войсковых операций частей Красной Армии допускалось исходя из конкретной обстановки. Последние при этом использовались главным образом для оцепления, выставления заслонов и т.п. В случае необходимости для борьбы с националистическими бандформированиями допускалось привлечение крупных армейских сил, для самостоятельного действия которых выделялись особые районы. В таких случаях внутренними войсками с ними организовывалось взаимодействие [3, л. 172].

16 августа 1945 г. Военным советом Львовского военного округа был издан приказ № 00137, регламентирующий участие вверенных войск РККА в противостоянии с националистическими бандформированиями [3, л. 269]. В нем отмечалось, что повседневная борьба с ними возлагалась на органы госбезопасности и внутренних дел, а также войска НКВД, однако части и подразделения Красной Армии в стороне не остались.

Названным приказом ответственность за поддержание порядка в районе дислокации войск было возложено на их командование. Вместе с тем, они обязаны были оказывать полное содействие в борьбе с националистическими бандформированиями территориальным органам внутренних дел и госбезопасности путем выделения войск. Все операции по ликвидации банд предписывалось проводить в согласовании с местными органами НКВД и НКГБ, а также внутренними войсками. С ведома органов внутренних дел и госбезопасности, командиры частей и подразделений РККА в вызываемых оперативной обстановкой исключительных случаях наделялись правом проведения под свою личную ответственность самостоятельных операций по борьбе с оуновцами [11, с. 19].

На предмет гибкого и оперативного реагирования в отношении бандпроявлений, армейскому командованию разрешалось принимать самостоятельные решения по выделению вверенного личного состава на эти цели, но с последующим докладом старшему начальнику. Как правило, каждой войсковой операции подобного рода предшествовала тщательная подготовка, изучение положения и действий банды с использованием всех данных войсковой и агентурной разведки войск и территориальных органов внутренних дел и госбезопасности [3, л. 269 об.].

Перед проведением войсковых операций надлежало получать от органов внутренних дел, госбезопасности и погранвойск опознавательные сигналы во избежание столкновений со своими войсками и доводить их до сведения всего выводимого на операцию личного состава. Во всех случаях для проведения специальной работы и наведения на банды, в состав выделяемых войск включался представитель НКВД или НКГБ. Всех захваченных живыми бандитов, а также их оружие предписывалось передавать через войсковые ОКР «Смерш» в органы внутренних дел.

Выделяемые для борьбы с националистическими бандформированиями войска оставались в распоряжении собственного командования и организовывали свои действия по планам и указаниям последнего, но «в строгой увязке» с органами НКВД и НКГБ. В отдельных случаях, при проведении возглавляемыми старшими по званию и должности представителями органов внутренних дел и госбезопасности чекистско-войсковых операций с привлечением значительных сил войск НКВД, части и соединения РККА передавались в их подчинение, но каждый раз с предварительного утверждения старшего начальника [3, л. 269 об.].

Последнее положение вызвало серьезные возражения со стороны начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР генерал-лейтенанта А. М. Леонтьева и начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР генерал-полковника А. Н. Апполонова, которые в сентябре 1945 г. вынуждены были обратиться к Л. П. Берия за разрешением возникших противоречий. А. Н. Апполлонов и

А. М. Леонтьев особо упирал на то, что войсковые начальники Красной Армии, по их мнению, стремились лично возглавить борьбу с бандитизмом. В подтверждение этого они ссылались на то обстоятельство, что командование РККА на борьбу с бандитизмом выставляло, как правило, полк, дивизию и только в редких случаях – батальон. Внутренние же войска в основном действовали более мелкими подразделениями – ротой или батальоном. Таким образом, при проведении совместных чекистско-войсковых операций по борьбе с бандитизмом почти всегда во главе становился не имевший достаточных навыков и опыта командир Красной Армии, а не квалифицированный офицер органов или войск НКВД.

В этой связи А. Н. Апполонов и А. М. Леонтьев ходатайствовали перед Л. П. Берия о согласовании данного принципиального вопроса с Генеральным штабом РККА и сохранении приоритетных позиций в борьбе с националистическими бандформированиями за органами и войсками НКВД [3, л. 273].

В сентябре 1945 г. последовала директива заместителя начальника внутренних войск НКВД СССР генерал-лейтенанта М. И. Сладкевича «О координировании действий между частями Красной Армии и войсками НКВД во время проведения операций по борьбе с бандитизмом» № 19/10-00 [3, л. 270–270 об.]. Названная директива констатировала активное включение в борьбу с бандитизмом войск РККА, дислоцированных в пораженных им районах Львовской, Ровенской, Дорогобычской и иных областей Западной Украины [10, с. 125].

Это обстоятельство потребовало от командования внутренних войск «весьма четкого координирования своих боевых действий с действиями и мероприятиями частей Красной Армии, дабы обеспечить успешность борьбы с бандитизмом и предупредить возможность перестрелок между своими» [3, л. 270]. В директиве особо отмечалось, что, несмотря на предпринятые меры предосторожности и изданные по этому поводу ГУВВ и Управлением внутренних войск Украинского округа распоряжения, в 1945 г. имел ряд случаев перестрелок между внутренними войсками и пограничниками, а также частями РККА.

С тем, чтобы избежать подобных проявлений впредь, генерал-лейтенант М. И. Сладкевич предложил установить самую тесную связь с командованием частей и соединений Красной Армии по вопросам совместной борьбы с бандитизмом и при выходе на операции, какой бы характер они не носили по масштабу и времени, обязательно ставить в известность об этом старшего войскового начальника части или соединения, расположенного в районе, где будут проводиться операции [3, л. 270].

При совместном действии войск НКВД и частей Красной Армии предписывалось в обязательном порядке обмениваться сигналами опознавания и устанавливать между действующими отрядами техническую

связь. Начинать боевые операции без предварительной взаимной информации было запрещено. По указанию генерал-лейтенанта М. И. Сладкевича, при привлечении отдельных подразделений РККА к проведению боевых операций, они включались в состав групп и отрядов внутренних войск. Согласно названной директиве, для привлечения к борьбе с бандитизмом частей Красной армии совместно с войсками НКВД, в обязательном порядке требовалось согласие начальников органов внутренних дел по территориальности [3, л. 270 об.].

В сентябре 1945 г. начальником Генерального штаба А. И. Антоновым действующим на Западной Украине Военным советам соединений РККА было предложено дать указание подчиненным войскам о том, что руководство по борьбе с бандитизмом остается за органами и войсками НКВД. Военным советам округов и командующим соединениями предписывалось выделять необходимые вооруженные силы в оперативное подчинение представителям органов или войск НКВД [3, л. 271 об.].

Как показало дальнейшее развитие событий, вопросы взаимодействия войск НКВД и РККА в борьбе с националистическими бандформированиями не утратили своей актуальности и в последующий период. В октябре–декабре 1945 г., усвоив тактику органов и войск НКВД, националисты вновь начали объединяться в крупные банды, что значительно усложнило действия гарнизонов войск НКВД и РККА по борьбе с ними. Был зарегистрирован ряд случаев объединения нескольких банд для совершения террористических актов, после чего они вновь рассредоточивались [5, л. 134]. Получили распространение бандитские вылазки под видом войск РККА и НКВД, нередко сопровождавшиеся беспримерной дерзостью. Так, 17 декабря 1945 г. банда из 40 оуновцев в форме Красной Армии и войск НКВД совершила нападение на колонну автомашин Львовского военного округа и захватила 6 из них. На захваченных автомашинах часть банды прибыла в с. Гжибовице Вельке, где выдала себя за войсковую группу, прибывшую для проведения операции. Там они убили поверивших им 2-х оперуполномоченных и 4-х истребков. Остальные оуновцы явились в с. Дорошув, также выдав себя за отряд внутренних войск. Убив местного оперуполномоченного, они направились к дому председателя сельсовета, однако тот оказал упорное сопротивление, уничтожив одного и ранив 2-х бандитов. После нескольких безуспешных попыток убить председателя, бандиты вынуждены были ретироваться, убив попутно 3-х местных жителей [7, л. 12–13].

В создавшихся условиях, во всех частях и подразделениях создавались обеспеченные средствами передвижения подвижные резервы, готовые к выполнению оперативно-боевых заданий [9, с. 59]. Между расположенными поблизости частями и подразделениями РККА, внутренними войсками и истребительными батальонами устанавливалось взаимодействие и непрерывная связь, устанавливались сигналы взаимного

опознавания. Однако, как и прежде, не прекращались случаи обстрелов внутренних войск со стороны гарнизонов Красной Армии, не смотря на подаваемые ими сигналы.

Как это отмечалось заместителем наркома внутренних дел СССР генерал-полковником А. Н. Апполоновым в его директиве № 17/7448 от 6 декабря 1945 г., оперативное взаимодействие между пограничными и внутренними войсками, войск НКВД с органами внутренних дел и госбезопасности, а также частями РККА было организовано плохо.

Вместе с тем, совместные операции войск НКВД и РККА по борьбе с националистическими бандформированиями приобретают в послевоенный период широкий размах [8, с. 152]. Так, с 16 января по 24 февраля 1946 г. на территории Дрогобычской и Станиславской областей была проведена крупная чекистско-войсковая операция с участием подразделений 145, 332, 121, 215 стрелковых полков внутренних войск, 330 железнодорожного полка войск МВД, а также подразделений 70 и 140 стрелковых дивизий Красной Армии. Названная операция завершилась разгромом банды главаря «Чернота». 111 бандитов были убиты, 15 захвачены живыми. 30 бандитов были уничтожены непосредственно частями РККА. Среди убитых были опознаны ряд представителей комсостава отрядов УПА. На местах боев были подобраны 9 ручных пулеметов, 19 автоматов, 41 винтовка, 4 пистолета, 12 гранат, 26 мин, а также 13 550 патронов [4, л. 155]. Проведенные частями НКВД и РККА войсковые операции заставили значительную часть закоренелого бандитского элемента понять всю бесперспективность борьбы с советской властью, в результате чего возросла явка оуновцев с повинной. К 10 февраля 1946 г. гарнизонам внутренних войск добровольно сдались 590 оуновцев [4, л. 221].

За январь 1946 г. при рассматриваемых обстоятельствах на Западной Украине было зарегистрировано 141 бандпроявление. В частности, националисты совершили 13 нападений на подразделения РККА и 18 – на одиночных военнослужащих. 45 солдат и офицеров Красной Армии и внутренних войск были при этом убиты, 27 ранены. Трое военнослужащих националистами были уведены живыми. Бандитам удалось захватить миномет, один станковый и 2 ручных пулемета, 3 винтовки и 2 автомата [5, л. 48–49].

23 января 1946 г. бандой переодетых в советскую военную форму националистов численностью около 100 человек в лесном массиве Дедеркальского района были захвачены и расстреляны офицер и 15 бойцов РККА, оперуполномоченный местного райотдела НКВД, начальник штаба и двое бойцов истребительного батальона, принимавших участие в прочесывании местности. В результате поисковых мероприятий 8 бандитов были настигнуты и уничтожены [5, л. 51].

Особенно бандитские вылазки активизировались в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР (январь–февраль 1946 г.) Оуновцы порти-

ли линии связи, обстреливали гарнизоны войск НКВД и РККА, прикрывавшие избирательные участки. Решением руководства компартии Украины, а также НКВД СССР, все гарнизоны, выставленные для охраны избирательных участков от внутренних войск Украинского округа и частей РККА вплоть до 1 апреля 1946 г. были оставлены по месту своего расположения. В свою очередь, это самым благотворным образом сказалось на настроениях местного населения, которое получило, таким образом, защиту от нападений оуновцев и обеспечило закрепление результатов выборов.

В своем решении от 21 февраля 1946 г. ЦК КП(б) У отметил, что дислоцирующиеся в западных областях Украины органы внутренних дел и госбезопасности, внутренние и пограничные войска, а также части и соединения РККА добились значительных успехов в борьбе с бандитизмом в период проведения выборов: «в результате проведенных мероприятий остаткам банд украинско-немецких националистов нанесено крупное поражение» [5, л. 144].

В апреле 1946 г., в связи с появлением листовки, было отмечено значительное увеличение нападений оуновцев из засад. Нападения из засад на мелкие группы и одиночных солдат и офицеров РККА и МВД достигли 15 % к общему числу бандпроявлений [5, л. 381]. Общее их количество в апреле 1946 г. значительно возросло и достигло 150 случаев против 37 в марте месяце. В основном это обстоятельство объяснялось снятием командованием частями РККА своих гарнизонов со всех населенных пунктов западных областей Украины с 1 апреля 1946 г. [5, л. 273].

Все чаще, с целью дискредитации войск МВД и РККА, националисты действовали, переодевшись в их обмундирование. Так, 11 августа 1946 г., бандгруппа из 10–12 оуновцев строем, под командой старшего, в советской военной форме прибыла в с. Назавыдув Надворнянского района Станиславской области, где избил заместителя председателя сельсовета. После этого названная банда напала на группу бойцов 623 Гвардейского артполка, убив одного и ранив двоих из них [5, л. 462].

Список источников

1. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64.
2. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 127.
3. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 134.
4. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 141.
5. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 145.
6. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 158.
7. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 257.
8. Долгих Ф. И. История государства и права России : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М. : Университет «Синергия», 2021. 322 с.
9. Епифанов А. Е. Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4. С. 54–61.

10. Епифанов А. Е. Организационные и правовые основы наказания участников националистических вооруженных формирований в период Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 122–130.

11. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Институт особого государственно-правового режима в условиях Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Закон и право. 2011. № 10. С. 16–20.

References

1. GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 64.
2. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 127.
3. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 134.
4. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 141.
5. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 145.
6. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 158.

7. RGVA. F.38650. Op. 1. D. 257.

8. Dolgikh F. I. History of state and Law of Russia : textbook/ 3rd ed., reprint. and add. M. : Synergy University, 2021. 322 p.

9. Epifanov A. E. Organizational and legal foundations of the activity of commissions for the establishment and investigation of Hitler's atrocities // Legal paradigm. 2017. Vol. 16. № 4. P. 54–61.

10. Epifanov A. E. Organizational and legal bases of punishment of participants of nationalist armed formations during the Great Patriotic War // Modern scientific thought. 2016. № 1. P. 122–130.

11. Epifanov A. E., Dzhambalaev Ya. R. Institute of a special state-legal regime in the conditions of the Great Patriotic War (historical and legal aspect) // Law and Law. 2011. № 10. P. 16–20.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов – главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov – Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Актуальные проблемы административного права и процесса. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 480 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрен комплекс вопросов административного права и административной деятельности органов власти и управления: общетеоретические аспекты административного права, проблемы управленческого права, административной ответственности и административного процесса, проблемы административно-правового регулирования предпринимательской деятельности, налогов, финансов, банковской деятельности. Раскрыты вопросы обеспечения законности в сфере административной деятельности органов государственной власти и управления, некоторые средства обеспечения законности.

Для подготовки магистров юриспруденции, аспирантов, специалистов по программам Правовое обеспечение национальной безопасности и Правоохранительная деятельность. Может быть полезен научно-педагогическим работникам, занимающимся проблемами административного права и административного процесса.

Научная статья

УДК 347.447.51

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-53-57>

EDN: <https://elibrary.ru/paaqym>

NIION: 2015-0066-4/24-056

MOSURED: 77/27-011-2024-04-255

К вопросу о преддоговорных нарушениях

Александра Михайловна Зарина¹, Татьяна Сергеевна Бессонова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² bessonowatiana@yandex.ru

Аннотация. Сегодня остается открытым вопрос о правовой природе преддоговорных отношений и сопутствующих им нарушениях. Сложности также вызывает толкование материалов судебной практики – постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Интерес правоприменителя вызывает добросовестное заблуждение на стадии преддоговорных отношений и исключение злоупотребления правом. Отмечается договорная природа обозначенных отношений, в отдельных случаях их квазинормативное регулирование.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, преддоговорные отношения, заблуждение лица, недействительность сделки, договор

Для цитирования: Зарина А. М., Бессонова Т. С. К вопросу о преддоговорных нарушениях // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 53–57. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-53-57>. EDN: PAAQYM.

Original article

On the issue of pre-contractual violations

Alexandra M. Zarina¹, Tatyana S. Bessonova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² bessonowatiana@yandex.ru

Abstract. Today, the question of the legal nature of pre-contractual relations and the violations that accompany them remains open. Difficulties are also caused by the interpretation of materials of judicial practice – Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The interest of the law enforcer is caused by a conscientious error at the stage of pre-contractual relations and the exclusion of abuse of the right. The contractual nature of the indicated relations is noted, in some cases their quasi-normative regulation.

Keywords: pre-contractual liability, pre-contractual relations, delusion of a person, invalidity of a transaction, contract

For citation: Zarina A. M., Bessonova T. S. On the issue of pre-contractual violations. Bulletin of economic security. 2024;(4):53–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-53-57>. EDN: PAAQYM.

На современном этапе законодательством не предусмотрена преддоговорная ответственность, что обусловило определенную полемику среди известных ученых-цивилистов. Следует разработать единый доктринальный подход, закрепив эти положения в действующем гражданском законодательстве.

К. В. Севрюгиным отмечается, что при изучении института преддоговорной ответственности важно провести объемный анализ указанного явления, изучив различные полярные стороны.

В. В. Богданов говорит о зависимости преддоговорной ответственности от договорных отношений, в связи с чем сложно будет произвести разумную дифференциацию и закрепить какие-либо отдельные положения относительно данного института в законодательстве. Он рассматривает этот вид ответственности в качестве договорно-деликтной. Аналогичную проблему в своих работах обозначала и И. З. Аюшеева, раскрыв данную категорию как разновидность ответственности при злоупотреблении

правом. С обозначенными точками зрения согласился Д. Е. Богданов [3].

И. З. Аюшеевой преддоговорная ответственность раскрывается в двух значениях: в широком и узком понимании. В полном широком понимании данный вид ответственности представляет собой систему мер принуждения преимущественно имущественного характера, применяемую в качестве неблагоприятных последствий для сторон договора, не соблюдающих выполнение обязательств преддоговорного характера в рамках законодательного регулирования; к обозначенной категории нарушителей относятся также лица, злоупотребившие правомочиями при заключении соглашения, недобросовестно отнесшихся к обязательствам в рамках заключения договора, искажающих сведения, служащие заверениями об обстоятельствах в преддоговорной процедуре и другие неправомерные действия, вне зависимости от заключения основного вида договора [1, с. 138].

А. Н. Кучер относит к основаниями и условия предварительного договора, влекущего при нарушении юридическую ответственность следующие:

- 1) совершение сделки при заблуждении какой-либо стороны, что повлекло в последующем ее недействительность;
- 2) возникновение отношений при обмане, что также влечет его недействительность;
- 3) не соблюдения процедуры специальных обязательств (обещаний) [6, с. 228–241].

Исходя из понятия, общепризнанного в науке правоведения [11, с. 298], можно дать определение преддоговорного правонарушения. Преддоговорное нарушение – это противоправное, виновное действие (или бездействие), посягающее на общественные устои и ценности, вытекающее из преддоговорных отношений и обязательств сторон, влекущее для нарушителя негативные последствия в виде санкций материального характера (убытки, пени, упущенная выгода и т. д.), возврата имущества, признания сделки недействительной. Они всегда предшествуют стадии заключения основного договора. Совершаются на стадии переговорного процесса, обмена информацией, предварительного договора и т. д.

В. Г. Полякевич утверждает, что в преддоговорных отношениях при возникновении нарушений особое значение имеют случаи злоупотребления правом. В гражданском праве под ним понимается использование лицом своих субъективных прав вразрез с правами других лиц, что нарушает установленный в обществе порядок отношений и интересов, нарушающий принципы разумности и добросовестности, когда в результате такого действия причиняется вред законным интересам лица [7, с. 45].

В современном гражданском праве большинство исследователей обращают внимание на ведение в процессе преддоговорных отношений недобросовестных переговоров.

Именно международный документ как Принципы УНИДРУА в положениях ст. 2.1.15 определяет такую правовую категорию как недобросовестные переговоры. В данной ситуации налицо значительное ограничение принципа ведения свободы переговоров. Лицо при заключении договора не ограничено в свободе ведения переговоров. В случаях, когда между сторонами не достигнуто соглашения, ответственности стороны не подлежат. В обозначенном нами законодательном акте в п. 2 ст. 2.1.15 определено, что при недобросовестном проведении переговорного процесса, наступает ответственность вплоть до имущественных санкций для нарушителей. В пункте 3 указанной статьи под недобросовестными действиями рассматриваются действия одной из сторон, уже находящейся в переговорном процессе, но не имеющей цели заключить соглашение с противоположным лицом. Таким образом, налицо введение в заблуждение другой стороны договора – контрагента [7, с. 49].

Практическая деятельность указывает на ситуации при заключении соглашений, когда у сторон преддоговорных отношений недостаточно информационных ресурсов, возможно возникших в результате ошибочных представлений о объекте договора, возникающем юридическом факте и т. д.

Проблемы данного характера возникают часто из-за технических неисправностей, искажения смысла писем, телеграмм и иного рода сообщений, которые являются важными элементами преддоговорных отношений. Ведь именно данные источники информационного характера отражают те или иные условия договора. Так, в случае если такого рода погрешности будут установлены одной из сторон, она может требовать признания соглашения недействительным. При этом ссылается контрагент исключительно на заблуждение по поводу фактов или событий [6, с. 228–233]. Здесь может проследиваться заинтересованность одной из сторон в заключении соглашения на выигранных только для себя условиях. Таким образом, лицо виновное в данном нарушении должно претерпевать все негативные последствия, связанные с применением к нему ответственности, а именно – возмещение с него убытков.

А. С. Комаров, разрешая данную проблему, говорит о закреплении на законодательном уровне положений о преддоговорной ответственности, а также определяющим вектором данных отношений он видит закрепление принципа добросовестного проведения переговорного процесса [7, с. 50, 69]. Только таким образом стороны в рамках правового поля смогут реализовать свои обязанности по отношению друг к другу.

По поводу регулирования и взаимодействия таких видов ответственности как преддоговорная и договорная в научной среде и по сей день ведется полемика. Одни ученые не соотносят преддоговорную ответственность ни с договорной, ни с внедоговорной. Они говорят о ее индивидуальном характере правоприменения [2, с. 169]. С другой стороны можно рассматривать этот

вид ответственности как обязательство внедоговорного характера, связанного с возмещением вреда [4, с. 65]. Так, Р. Йеринг дал следующее название этой категории права – квазидоговорная ответственность.

При заключении любой гражданско-правовой сделки необходимо учитывать особенности, касающиеся определения цены сделки. Стороны, прежде всего, волены в определении цены сделки, за исключением лишь случаев, когда цена договора должна быть определена в законодательном порядке (п. 1 ст. 424 ГК РФ).

Итак, заблуждение относительно правовой природы сделки допустимо считать основанием для признания ее недействительной согласно положениям ст. 178 ГК РФ лишь в случае, когда такое заблуждение является следствием неправильной оценки стороной сделки фактических обстоятельств, связанных с совершением сделки, в частности неправильной оценки действительных намерений другой стороны сделки.

При заблуждении одной из сторон соглашения и определения недействительности сделки результатом выступает двусторонняя реституция. В судебном процессе в случае такого вида заблуждения лицо может требовать вернуть ущерб, который причинил нарушитель своими неправомерными действиями, введя ее в заблуждение. С точки зрения субъективной стороны у лица, нарушившего закон, прослеживается такая форма вины как небрежность. Следует отметить, что умысел характерен для договоров, заключенных при воздействии обмана. При недоказанности вины одной из сторон, другая сторона даже в случаях добросовестного заблуждения, возвращает причиненный вред. Также ст. 431.2 ГК РФ предусматривает ответственность за заверение об обстоятельствах в рамках преддоговорных отношений [5, с. 101].

Актуальным здесь будет привести следующий пример, ИП «Л» предъявило исковые требования к ООО «В» на сумму 250 000 руб. в арбитражный суд г. С. Суть спора заключается в следующем. Вред оценен потерпевшей стороной как неосновательное обогащение при использовании 60 афишных стендов в период с 03.10.2015 по 04.05.2017. В процессе преддоговорных отношений между сторонами велась деловая переписка, размещались рекламные материалы для ответчика, однако последний, в нарушение законных договорных требований, уклонялся от заключения договора аренды. Истец в судебном процессе свои доводы подтвердил. В свою очередь судебные органы отклонили иск, указав на то, что в соответствии с требованиями Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» субъектам необходимо согласовывать в процессе преддоговорных отношений характер и содержание рекламной информации. Также ответчик не подтвердил в процессе судебного разбирательства согласования этих деталей сделки с другой стороной. Не подтверждены доводы отношений истца и ответчика, связанные с заявкой на размещение определенного количества рекламных стендов, нет информации о месте

их расположения. В материалах дела также отсутствует подтверждение передачи ответчиком истцу каких-либо материалов и просьбы об изготовлении. Именно совокупность указанных фактов и послужила основанием для отказа в удовлетворении исковых требований ООО «В» [8].

Решение данного вопроса содержится в положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Именно в пункте первом данного акта закреплены как принцип разумности, так и принцип добросовестности участников правоотношений. Здесь реализованы вопросы ответственности при причинении вреда, наступившего в результате недобросовестности переговорного процесса, прерывания преддоговорных отношений. Такой вид ответственности именуется преддоговорным [9].

В связи с развитием судебной практики сфера преддоговорных отношений, относящаяся к ведению переговоров о заключении соглашения и несоблюдение договорных условий, была в последующем разъяснена в положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», а также других разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Так, в положении п. 20 выше обозначенного постановления сказано о том, что лицо, вошедшее в договорные отношения, недобросовестно возмещает другому лицу причиненный им вред. Изначальное положение лица, которым он обладал до момента указанных переговоров, должно быть возвращено, устранен причиненный ему ущерб в результате недобросовестного поведения другой стороны. Таким образом происходит выплата понесенным лицом расходов на преддоговорной стадии, на стадии заключения договора и имущественных потерь в виде убытков при невозможности лица в дальнейшем заключить договор [10].

В процессе заключения договорных отношений лица определяют условия, прописывают свои права и обязанности. Однако стороны не свободны полностью в своем усмотрении, они всегда руководствуются положениями действующего законодательства. Здесь актуально обратить внимание на структуру гражданского закона: в общей части ГК РФ мы видим реализацию общих договорных положений, а также о правах и обязанностях сторон; в особенной части налицо применение отдельно взятого договора. Так, в ст. 395 ГК РФ описано право требования причиненного ущерба у стороны, не выполнившей обязательство.

Любой договор в рамках своей сферы действия регулирует отношения в пределах требований закона. Интересной является норма, предусмотренная п. 3 ст. 1085 ГК РФ, которая определяет определения размера и возмещения ущерба в результате нарушения. Следует отметить, что договорные отношения могут даже

увеличивать размер такого возмещения. Так, в пример можно привести отношения в сфере возмещения экологического вреда, причиненного гражданско-правовым нарушением. В таких случаях высокий размер может определен в законодательном или договорном порядке.

Одним из основных и важнейших принципов гражданского права наряду с принципом равенства участников является принцип свободы договора. Пункт 1 ст. 34 Конституции РФ определяет, возможность лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, а также экономической деятельностью, по своему свободному усмотрению использовать свои способности.

Прежде всего, данный принцип реализован в том, что субъекты права реализуют принцип свободы договора. Принудительные действия лиц, связанные с преддоговорной деятельностью по заключению договора исключены как на законодательном уровне, так и в договорном усмотрении сторон. Лица по своему усмотрению на свой страх и риск имеют возможность заключения договора, правила ведения которого отсутствуют в законе. Такой вид называется смешанным, он сочетает в себе компоненты разных видов соглашений, определенных законом. Эти правовые положения описаны в п. 3 ст. 421 ГК РФ.

В заключение следует отметить, что договор реализует права и обязанности сторон, являясь сделкой. Юридическое содержание его достаточно широкое в своем понимании. Значительное количество запретительных норм определяют комплекс договорных отношений. В случае, когда лица договорных отношений выражают волю на заключение соглашения в рамках диспозитивных норм, выделяют квазинормативный регулятор, реализованный в виде деловых обыкновений, обычаев, сложившихся в результате долгого процесса правоприменительной практики.

Актуальной выглядит позиция Ю. А. Тихомирова, который считает, что закон порождает договорные начала, являясь его «родителем-отцом». В качестве матери указанных правоотношений выделено соглашение, так как на основе него наступает результат в виде последствий, применяются различные виды регуляторов в виде нормативных, а также квазинормативных [12, с. 122].

Таким образом, следует отметить, что преддоговорная ответственность обусловлена договорными отношениями, что не исключает ее квазинормативное регулирование в отдельных случаях.

Список источников

1. Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex Russia. № 5. 2017 (126). С. 136–147.
2. Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М. : Статут, 2006. 204 с.

3. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало определения размера преддоговорной ответственности // Адвокат. 2014. № 4 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=77276#vc2mUoTqN9amQpfN>.

4. Гражданское право : учебник / Карпычев М. В., Хужин А. М. М. : Форум, 2020. 447 с.

5. Идрисов Х. В. Проблемные вопросы преддоговорной ответственности: доктринальные подходы и позиции судебной практики // Lex Russia. № 10. 2018 (143). С. 98–104.

6. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М. : Статут, 2005. 363 с.

7. Полякевич В. Г. Ответственность за преддоговорные отношения. Дис. ... канд. юрид. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2007. 175 с.

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 января 2018 г. № Ф06-17980/2017 по делу № А55-8412/2016 // URL: <https://sudact.ru>.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «Гарант».

11. Теория государства и права : учебное пособие для бакалавриата / Н. А. Власенко. 3-е изд., доп. и испр. М. : Норма : ИНФРА М, 2020. 480 с.

12. Тихомиров М. Ю. Общество с ограниченной ответственностью : практическое пособие по применению закона в новой редакции. М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2010. 379 с.

References

1. Ayusheeva I. Z. Pre-contractual liability: novelties of civil law and judicial practice // Lex Russia. № 5. 2017 (126). P. 136–147.
2. Beklenishcheva I. V. Civil law contract : classical tradition and modern trends. M. : Statute, 2006. 204 p.
3. Bogdanov D. E. Fairness as the main beginning of determining the amount of pre-contractual liability // Lawyer. 2014. № 4 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=77276#vc2mUoTqN9amQpfN>.
4. Civil law : textbook / Karpychev M. V., Khuzhin A. M. M. : Forum, 2020. 447 p.
5. Idrisov Kh. V. Problematic issues of pre-contractual liability: doctrinal approaches and positions of judicial practice // Lex Russia. № 10. 2018 (143). P. 98–104.
6. Kucher A. N. Theory and practice of the pre-contractual stage: legal aspect. M. : Statute, 2005. 363 p.
7. Polyakevich V. G. Responsibility for pre-contractual relations. Dis. ... Candidate of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, M., 2007. 175 p.

8. Decision of the Arbitration Court of the Volga District dated January 19, 2018 № F06-17980/2017 in case № A55-8412/2016 // URL: <https://sudact.ru>.

9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 № 25 «On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // LRS «Garant».

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 № 7 «On the

application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations» // LRS «Garant».

11. Theory of state and law: textbook for undergraduate students / N. A. Vlasenko. 3rd ed., add. and correct. M. : Norma : INFRA M, 2020. 480 p.

12. Tikhomirov M. Yu. Limited liability company: A practical guide to the application of the law in the new edition. M. : Publishing House of Tikhomirov M.Yu., 2010. 379 p.

Информация об авторах

А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Бессонова – доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor, Department of International and Private Law Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Bessonova – Associate Professor, Department of International and Public Law Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.06.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.06.2024.

Предпринимательское право. Под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Т. В. Дерюгиной, А. В. Тумакова. Учебник. 9-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике рассмотрены становление и развитие предпринимательства в России, организационно-правовые формы предпринимательской деятельности и ее правовое регулирование со стороны государства, в том числе в сфере лицензирования, конкуренции (антимонопольное законодательство), налогообложения, расчетно-финансовых отношений, выполнения договорных обязательств, рассмотрения гражданско-правовых споров с участием предпринимателей, корпоративных споров.

Особое внимание уделено вопросам защиты прав и интересов предпринимателей, правового регулирования инновационной и внешнеэкономической деятельности, регламентации имущественных отношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Для студентов юридических и экономических вузов и факультетов, а также специалистов в сфере предпринимательской деятельности, руководителей предприятий и организаций, предпринимателей.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-58-62>

EDN: <https://elibrary.ru/qdlclg>

НИОН: 2015-0066-4/24-057

MOSURED: 77/27-011-2024-04-256

Профессиональная преступность и ее характеристики

Сергей Вячеславович Иванцов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

isv1970@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается сложная и в то же время злободневная тема противодействия преступлениям, совершенным с использованием преступного профессионализма. Автор обращается к рассмотрению криминологических признаков, связанных с теоретическим воззрением относительно профессиональной преступности. Рассмотрена общественная опасность организованных форм профессиональной преступной деятельности.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, профессиональная преступность, преступный профессионализм, криминальная специализация, организованные формы профессиональной преступности

Для цитирования: Иванцов С. В. Профессиональная преступность и ее характеристики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 58–62. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-58-62>. EDN: QDLCLG.

Original article

Professional crime and its characteristics

Sergey V. Ivantsov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

isv1970@mail.ru

Abstract. The article touches upon the complex and, at the same time, topical issue of countering crimes committed using criminal professionalism. The author turns to the consideration of criminological features associated with the theoretical view of professional crime. The social danger of organized forms of professional criminal activity is considered.

Keywords: crime prevention, professional crime, criminal professionalism, criminal specialization, organized forms of professional crime

For citation: Ivantsov S. V. Professional crime and its characteristics. Bulletin of economic security. 2024;(4):58–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-58-62>. EDN: QDLCLG.

Профессиональная преступность, аккумулируя криминальный опыт, является, по сути, источником криминальной эволюции, поскольку состояние профессиональной преступности является индикатором способности общества и его правоохранительных структур противодействовать преступности в целом и минимизировать уровень ее организованных и профессиональных проявлений [1]. В свою очередь, неспособность правоохранительных институтов противодействовать тому или иному виду преступного профессионализма свидетельствует об определенной организованности первичных форм криминального поведения профессиональных преступников.

Профессиональная преступность имеет тенденцию к неуклонному расширению и, несмотря на сложности установления ее современного состояния, можно кон-

статировать, что сегодня мы имеем «армию» профессиональных преступников в несколько миллионов человек [2, с. 15]. Сложность в выявлении проявлений профессиональных форм преступности обуславливает сложности их статистического учета, эмпирического изучения и теоретического осмысления и, соответственно, разработку эффективных мер противодействия. Решение указанных задач невозможно без рассмотрения научно обоснованной, отражающей ключевые конституирующие признаки и содержательные характеристики, дефиниции профессиональной преступности.

Имеющиеся сегодня теоретические воззрения относительно профессиональной преступности опираются на традиционные характеристики, присущие данному явлению, установленные в ходе исследований прошлого столетия. В то же время, преступный профессионализм

советской эпоху претерпел существенные трансформации, что обусловлено социально-политическими, экономическими и иными трансформациями в нашем обществе и взаимообусловленными изменениями состояния, регуляторов и коммуникации криминальной среды [3, с. 229]. При этом не подлежащей временным изменениям характеристикой профессиональной преступности является то, что она не образует какого-либо самостоятельного обособленного феномена, а является частью преступности, ее специфическим видом.

По сложившейся «традиции» преступность принято рассматривать как совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный промежуток, игнорируя такое неотъемлемое свойство преступности как системность. Такие характеристики преступности, как историческая изменчивость и социальный характер не являются конституирующими при определении понятия преступности, поскольку данными характеристиками наделены все явления и процессы, имеющие место в социальной действительности [4].

Исходя из понимания преступности как массового, системного преступного поведения, профессиональную преступность можно определить как массовое и системное (уголовно наказуемое) поведение, реализуемое на профессиональной основе. Таким образом, профессиональная преступность как разновидность преступности представляет собой специфическую систему (подсистему преступности) массовых проявлений криминального поведения. Специфика данного вида преступного поведения определяется профессионализмом его реализации. Ключевым понятием в понимании указанной специфики является понятие профессии.

Под профессией (лат. *professio*, от *profetore* – объявляю своим делом) понимается род трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и могущей выступать источником существования. Криминальная профессия может рассматриваться как разновидность деятельности, предполагающей наличие определенной специфической криминальной подготовки (специализации и квалификации), необходимой именно для совершения и сокрытия преступлений [5]. Исходя из общепринятого понимания профессии, как рода трудовой деятельности, ключевыми характеристиками профессионального преступного поведения являются наличие соответствующей криминальной специализации и криминальной квалификации, необходимых для осуществления преступной деятельности.

Соответственно, криминальная специализация заключается в систематическом совершении профессиональными преступниками однородных (как правило) преступлений. Интенсивность рецидива (повторности) у преступников-профессионалов различна – от нескольких сотен преступлений в год до нескольких преступлений за всю жизнь [6, с. 340]. Так, специалист, являющийся преступником-профессионалом, может совершить лишь несколько крайне сложных (с точки зрения

способа совершения, приготовления и пр.) преступлений, совершение которых иными лицами невозможно в силу отсутствия соответствующей подготовки и иных субъективных факторов.

Криминальную специализацию, следует рассматривать как владение и использование преступником специфическими (узкопрофессиональными) знаниями, умениями, навыками и компетенцией по осуществлению определенных видов преступной деятельности. Вид преступной деятельности при этом определяется совершением тождественных или однотипных преступлений. С точки зрения профессиональной преступности криминальная специализация проявляется в специальном рецидиве преступлений. Причем в его криминологическом понимании, поскольку профессиональными преступниками нередко являются лица, ранее не судимые, но осуществляющие криминальную деятельность, в том числе на протяжении длительного времени. Поэтому характер специального рецидива может свидетельствовать об устойчивости избранной преступником-профессионалом разновидности преступной деятельности. Криминальную квалификацию следует рассматривать как определенный уровень развития криминальных способностей и наличие у преступника практического опыта соответствующей преступной деятельности. Обучение, приобретение специальных технических знаний, тщательная отработка приемов и навыков и соответственно виртуозное применение их в криминальной практике обеспечивают преступникам необходимый успех и снижают степень риска быть задержанным и осужденным [2, с. 13–14].

Таким образом, наличие криминальной специализации и ее эффективная реализация в криминальной практике определяют уровень квалификации преступника-профессионала. Обладание преступным профессионализмом обуславливает реализацию целенаправленное допреступное, преступное и посткриминальное поведение по приобретению криминальной специализации и криминальной квалификации. Поэтому криминальный профессионализм целесообразно рассматривать с позиции преступной деятельности. Такой подход к изучению криминального профессионализма как к специфической преступной деятельности указывает на сложность форм проявления данной разновидности преступного поведения.

Поэтому при определении преступного профессионализма необходимо исходить из общего понимания профессии, как рода основного рода занятий, рода трудовой деятельности, выступающей (как правило) источником существования, поскольку «только при совершении преступлений, способных приносить существенный материальный доход, у преступника возникает мотивация достигать криминального профессионализма» [7, с. 91].

Очевидно, что профессиональная преступная деятельность может выступать источником существования преступника. Однако возможно осуществление профессиональной преступной деятельности без корыст-

ной (в смысле непосредственного получения дохода) мотивации, например, преступником-профессионалом, имеющим легальный источник дохода, с целью обеспечения личностного статуса или исходя из «игровой» мотивации, как «хобби». Корыстная мотивация может отсутствовать в случае профессиональной преступной деятельности идеологически мотивированных экстремистов и террористов. Повышенная общественная опасность преступного профессионализма и особенности типа преступника-профессионала, обусловлены не корыстной мотивацией и направленностью преступной деятельности, а сочетанием высоких интеллектуальных качеств личности преступника и сознательным выбором определенных форм преступного поведения, что является крайне сложной формой личностной деформации [8, с. 23–37].

Необходимо отметить, что получение доходов в результате преступной деятельности является характерным признаком организованных форм профессиональной преступной деятельности, поскольку кооперация преступников-профессионалов, а также объединение вокруг преступника-профессионала «вспомогательного персонала» предполагает необходимость получения средств для обеспечения функционирования преступного объединения [9].

Одним из ключевых признаков профессиональной преступности выделяют ее связь криминальной средой. Связь профессиональных преступников с криминальной средой позволяет осуществлять коммуникацию, обмен опытом, в также получать одобрение преступной деятельности и вырабатывать моральные стимулы для ее продолжения и совершенствования [7, с. 91–92]. Иными словами, именно криминальная среда обеспечивает сохранение и воспроизводство криминального профессионализма. Этот признак позволяет отграничивать профессиональную преступность от преступного поведения (пусть и профессионально реализованного) различных преступников одиночек маниакальной направленности, для которого характерным является неоднократное совершение однотипных преступлений. Криминальные специализация и квалификация не могут существовать изолированно, вне криминальной среды, поскольку предполагают обучение и профессиональную оценку. Кроме того, именно во взаимосвязи с криминальной средой проявляется качество системности как организованной, так и профессиональной преступности, как разновидности преступности [10].

Рассматривая организованные формы реализации профессиональной преступной деятельности, следует исходить из форм соучастия, установленных уголовным законодательством: организованная группа, (ч. 3 ст. 35 УК РФ) и преступное сообщество (преступная организация) (ч. 4 ст. 35 УК РФ). То есть, организованные формы профессиональной преступности следует рассматривать как массовое, системное преступное (уголовно наказуемое) поведение, реализуемое на профессиональ-

ной основе организованными группами лиц и (или) преступными сообществами (преступными организациями). На этом фоне институциональный характер организованной преступности проявляется в том, что в целях самосохранения и самовоспроизводства преступным сообществам приходится создавать сеть социальной поддержки в обществе, выполняющие разносторонние задачи (обеспечивающие незаконную экономическую деятельность, привлекающие «инвесторов» и ограничивающие доступ конкурентов на криминальные или около криминальные рынки, обеспечивающие защиту криминального бизнеса, самих преступной сообществ и их лидеров от деятельности правоохранительных органов и пр.).

Наличие в составе преступных сообществ квалифицированных специалистов, а также легального прикрытия преступной деятельности определяют возможность реализации инновационных видов и форм преступной деятельности, изменения качества преступной деятельности, повышения ее профессионализма. При этом следует учитывать, что чем сложнее структура преступного объединения и масштабнее его профессиональная преступная деятельность, тем больше потребность в привлечении специалистов различного профиля [11]. В результате профессиональная преступность сегодня приобретает более высокий уровень организованности, а организованная преступность приобретает все более профессиональный характер [12]. Группы преступников-профессионалов получили возможность совершать новые, ранее не известные в силу своей сложности и масштабы преступления, которые требуют высокой организации выполнения преступного замысла [13, с. 136]. В современных условиях глобализации и технологизации процессы консолидации и профессионализации преступности в различных организованных формах преступной деятельности за счет вовлечения в нее высококвалифицированных специалистов самых различных специализаций становится одной из характерных черт развития преступности.

Организованные формы профессиональной преступной деятельности являются наиболее общественно опасными формами профессиональной преступности, поскольку их существование неизбежно (в силу законов рынка) влечет за собой дифференциацию криминальной специализации, а появление узкой специализации порождает новые виды криминальной деятельности и повышение квалификации преступников-профессионалов [14]. Сегодня организованные формы профессиональной преступности являются ключевыми «игроками» криминального рынка. Криминальный рынок, представляет собой обусловленное спросом предложение различных видов преступной деятельности, обеспечиваемых вовлечением в них различных социальных групп, приносящее субъектами данной деятельности не контролируемые государством доходы [15, с. 10]. Именно организованные формы профессиональной преступности во многом определяют конь-

юнктуре криминального рынка и являются ключевой «рабочей силой» на нем.

Указанные тренды современного состояния профессиональной преступности обусловлены, в том числе, и развитием технологий социального контроля и противодействия преступности. Именно как реакция на технологизацию и все большую тотальность контроля за поведением людей со стороны государства и общества, расширение информационной базы и технических средств противодействия преступному поведению, сегодня происходит консолидация деятельности представителей криминалитета на основе профессионализма и направленности криминальных практик. В свою очередь все большее количество лиц, имеющих различные профессиональные компетенции и не имеющие криминального опыта вовлекаются в преступную деятельность или инициативно становятся на преступный путь, руководствуясь как корыстными соображениями, так и азартом и поиском острых ощущений.

Общественная опасность организованных форм профессиональной преступной деятельности определяется не только повышенным криминогенным потенциалом и общественной опасностью, но и масштабностью, длительностью осуществления преступной деятельности, тяжестью причиняемого как отдельным гражданам, так и государству, вреда, использованием современных технологий и насилия как способов осуществления преступной деятельности и коррупции как инструмента защиты от социального контроля. Являясь результатом эволюционной конгломерации рецидивной и организованной преступности, профессиональная преступность, занимая особое место даже криминальной среде, обеспечивает функции самодетерминации и самовоспроизводства преступности, существенно усложняя реализацию государством задачи по противодействию преступности.

Список источников

1. Иванцов С. В. Криминальный профессионализм в системе российской организованной преступности и вопросы его предупреждения органами внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3 (62). С. 181–186.
2. Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1.
3. Репецкая А. Л. Криминальный профессионализм постсоветского периода: трансформация признаков и ее детерминация // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9).
4. Игнатов А. Н. О понятии преступности // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е. М. Якимова. 2018. С. 73–77.

5. Профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

6. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

7. Фарышев Е. В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33).

8. Гринберг С. А. Криминологическая характеристика и противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

9. Иванцов С. В. Основные тенденции российской организованной преступности XXI в // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2. С. 83–86.

10. Иванцов С. В. Особенности предупреждения организованной преступности в местах лишения свободы // Обеспечение безопасности в учреждениях и органах УИС. Сборник материалов круглого стола. 2018. С. 149–155.

11. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

12. Иванцов С. В. Преступные сообщества (преступные организации): характеристика основных показателей // Черные дыры в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 226–228.

13. Ишигеев В. С., Романова Н. Л., Бондарь А. Я. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37).

14. Гринберг С. А. Профессиональная преступность как системная организованная деятельность // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., 29 октября 2020 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 48–52.

15. Репецкая А. Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России. М., 2010.

References

1. Ivantsov S. V. Criminal professionalism in the system of Russian organized crime and issues of its prevention by internal affairs bodies // Man: crime and punishment. 2008. № 3 (62). P. 181–186.
2. Voronin Yu. A. Criminal professionalism: modern trends // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2018. Vol. 18. № 1.

3. Repetskaya A. L. Criminal professionalism of the post-Soviet period: transformation of signs and its determination // Library of criminalist. Scientific journal. 2013. № 4 (9).

4. Ignatov A. N. On the concept of crime // The main directions of Russian state policy in the field of national security. Materials of the international scientific and practical conference. Ed. by E. M. Yakimova. 2018. P. 73–77.

5. Professional crime and its prevention // Criminology: textbook / ed. V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminova. 5th ed., reprint. and additional M., 2015.

6. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies: a textbook for students studying in the fields of Law and Law enforcement / edited by V. Ya. Kikotya, S. Ya. Lebedev. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2017.

7. Faryshev E. V. Modern concept and content of professional crime // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (33).

8. Grinberg S. A. Criminological characteristics and counteraction to organized forms of professional crime in the conditions of a modern megalopolis: dis. ... cand. Jurid. M., 2023.

9. Ivantsov S. V. The main trends of Russian organized crime in the XXI century // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. № 2. P. 83–86.

10. Ivantsov S. V. Features of the prevention of organized crime in places of deprivation of liberty // Ensuring security in institutions and bodies of the criminal justice system. Collection of materials of the round table. 2018. P. 149–155.

11. Gurov A. I. Professional crime: past and present. M., 1990.

12. Ivantsov S. V. Criminal communities (criminal organizations): characteristics of the main indicators // Black holes in Russian legislation. 2007. № 2. P. 226–228.

13. Ishigeev V. S., Romanova N. L., Bondar A. Ya. Criminal professionalism in the XXI century as an object of criminological research // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (37).

14. Grinberg S. A. Professional crime as a systemic organized activity // Actual problems of international cooperation in the fight against crime: a collection of articles on the results of the International Scientific and practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the UN Convention against Transnational Organized Crime 2000, October 29, 2020 M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2020. P. 48–52.

15. Repetskaya A. L. Organized crime. The shadow economy. The criminal market of Russia. M., 2010.

Информация об авторе

С. В. Иванцов – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. V. Ivantsov – Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 21.10.2024.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 21.10.2024.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-63-71>

EDN: <https://elibrary.ru/udxuaz>

NIION: 2015-0066-4/24-058

MOSURED: 77/27-011-2024-04-257

Специфика организационно-подготовительной фазы цикла демонстративно-протестной преступности

Илья Сергеевич Ильин

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, isilyin@yandex.ru

Аннотация. Структура преступности во время протестной акции образует определенный цикл совершения противоправных действий, который устойчиво коррелирует в логическом отношении с фазами самого протеста.

В статье рассматриваются особенности организационно-подготовительной фазы цикла, опасность которой состоит в том, что протестная активность сознательно стимулируется, провоцируется заинтересованными группами граждан, что делает протест организуемым, спланированным и управляемым. Управляемость протеста заставляет акцентировано выделить три взаимосвязанных аспекта этой фазы: вмешательство в политическую деятельность иностранных агентов; стимулирование протестной активности, наращивание и радикализацию протестных настроений; сознательное, искусственное расширение социальной базы протеста за счет привлечения новых участников. При этом организаторами протестов ставка делается преимущественно на молодежь в возрасте 18–24 лет, которая традиционно признается наименее активной в политическом отношении, но наиболее активной в криминологическом отношении группой населения. Обращение к молодежной аудитории определяет сетевой характер пропагандистки-вербовочной и призывной деятельности, использование современных электронных средств коммуникации, особенно популярных в молодежной среде.

«Выход на улицу» знаменует завершение первой – организационно-подготовительной фазы демонстративно-протестной преступности и переход ее криминального цикла во вторую фазу – фактически-деятельностную, которая будет рассмотрена в последующих исследованиях.

Ключевые слова: протест, последствия, профилактика, предупреждение, преступление, безопасность, личность, ситуация, цикл, динамика, прогнозирование

Для цитирования: Ильин И. С. Специфика организационно-подготовительной фазы цикла демонстративно-протестной преступности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 63–71. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-63-71>. EDN: UDXUAZ.

Original article

The specifics of the organizational and preparatory phase of the cycle of demonstrative-protest crime

Ilya S. Ilyin

Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, isilyin@yandex.ru

Abstract. The structure of crime during a protest action forms a certain cycle of illegal actions, which logically correlates steadily with the phases of the protest itself.

The article discusses the features of the organizational and preparatory phase of the cycle, the danger of which is that protest activity is consciously stimulated, provoked by interested groups of citizens, which makes the protest organized, planned and managed. The controllability of the protest makes it necessary to emphasize three interrelated aspects of this phase: interference in the political activities of foreign agents; stimulation of protest activity, build-up and radicalization of protest moods; deliberate, artificial expansion of the social base of the protest by attracting new participants. At the same time, the organizers of the protests are mainly focusing on young people aged 18–24, who are traditionally recognized as the least politically active, but the most criminologically active group of the population. Appeal to the youth audience determines the

© Ильин И. С., 2024

network nature of propaganda, recruitment and conscription activities, the use of modern electronic means of communication, especially popular among the youth.

«Out on the street» marks the end of the first – organizational and preparatory phase of demonstrative protest crime and the transition of its criminal cycle to the second phase – the actual activity, which we will consider in subsequent studies.

Keywords: protest, consequences, prevention, prevention, crime, security, personality, situation, cycle, dynamics, forecasting

For citation: Ilyin I. S. The specifics of the organizational and preparatory phase of the cycle of demonstrative-protest crime. Bulletin of economic security. 2024;(4):63–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-63-71>. EDN: UDXUAZ.

Структура преступности во время протестной акции сама по себе образует определенный цикл совершения противоправных действий. При этом цикл преступности вполне устойчиво коррелирует в логическом отношении с фазами самого протеста.

Специалисты признают, что если рассматривать протестные движения, можно констатировать, что они действительно отличаются по типологии, идеологии, масштабам, ресурсам, но в тоже время теоретиками, исследующими социальные движения отмечается наличие непосредственно значительного аналитического сходства, такого как прохождение прогрессивного цикла жизни, присущего людям. К стадиям входящим в цикл относят: во-первых, возникновение, во-вторых, слияние, в третьих, бюрократизацию, и, в-четвертых, упадок. Также можно отметить, что в рамках четвертой стадии преобладают основные потенциальные исходы для протестного движения. К ним относят неудачу, успех, кооптацию, репрессию и так называемый переход в мейнстрим [1; 2].

В самом общем виде протест, как и любое явление, возникает, реализуется и завершается (с различным исходом). Если протест завершается успехом (достижением целей протестующих) или неудачей (недостижением целей) и в силу этого не предполагает его постоянного проявления (превращения в мейнстрим) либо поглощения иными протестными акциями (кооптации), то можно в целях исследования криминологических особенностей протеста ограничиться двумя фазами протеста: возникновением и реализацией. Эти же две фазы полагаем достаточными и для понимания протестов, которые кооптируются или становятся мейнстримом, поскольку такие исходы «консервируют» протест на стадии его активной реализации.

Этапам возникновения и реализации протеста соответствует устойчивый и повторяющийся набор противоправных деяний, последовательное совершение которых позволяет рассматривать преступность во время протестных акций в качестве вполне определенного криминального цикла, который воспроизводится во время каждой протестной акции.

Этот криминальный цикл в эталонном виде включает в себя:

а) противоправные деяния, связанные с консолидацией граждан и их групп на основе той или иной идеи (или комплекса идей), последовательное развертывание которых способно дестабилизировать общественную

безопасность и порядок, институционализацию противоправных «протестных» групп, их поддержку и финансирование;

б) противоправные деяния, связанные с созданием и распространением информации, призванной стимулировать протестные настроения, менять характер восприятия и оценки текущей социально-политической обстановки, привлечением граждан к участию в противоправных группах и расширением, таким образом, социальной базы протеста;

в) противоправные деяния, связанные с организацией и проведением конкретных публичных выступлений, призванных продемонстрировать силы и масштабы протестного движения, заявить о позиции протестующих в публичном пространстве и оказать влияние как на государство – основной адресат протеста, так и на иных граждан, не причастных к публичным акциям;

г) противоправные деяния, совершаемые непосредственно во время несогласованных публичных мероприятий, связанные с проявлением агрессии по отношению к представителям органов правопорядка, иных государственных структур, а также с выражением агрессивной хулиганствующей идеологии;

д) противоправные деяния, связанные с сокрытием совершенных общественно опасных действий и лиц из числа активных участников протестных акций, конспирацией и переформатированием протестных организаций, а также с оценкой деятельности правоохранительных органов во время протестных акций.

«Эталонный» характер данной последовательности криминального цикла означает, что он является теоретической моделью, наиболее полно описывающей процесс совершения преступлений, сопряженных с протестными акциями. В реальности, разумеется, возможны определенные отклонения от этой модели, связанные, например, с тем, что протест инициируется каким-либо гражданином, а не группой, что однажды созданные деструктивные организации функционируют на протяжении длительного времени и служат катализатором нескольких циклов демонстративно-протестной преступности, а равно с тем, что противоправные деяния и лица, их совершившие, вовсе не обязательно требуют или предполагают наличие укрывательской деятельности. Но именно как модель представленный цикл, на наш взгляд, является наиболее полным.

Соотнося элементы криминального цикла с фазами развития протеста, не сложно заметить, что:

- преступления, связанные с созданием групп и распространением негативной информации, соотносятся с фазой возникновения протеста, образуя организационно-подготовительный этап цикла демонстративно-протестной преступности;

- преступления, связанные с организацией и проведением публичных мероприятий, коррелируют с фазой реализации протеста, образуя фактически-деятельностный этап цикла демонстративно-протестной преступности;

- преступления, связанные с укрывательской и оценочной деятельностью, характеризуют фазу завершения протеста, образуя этап вторичной демонстративно-протестной преступности [3].

Такая градация представляется весьма значимой для дела организации предупреждения демонстративно-протестной преступности. Очевидно, что предупреждение преступлений на организационно-подготовительном уровне выступает надежным средством профилактики преступлений деятельностного уровня. И результативность профилактики первого уровня во многом определяет эффективность предупреждения демонстративно-протестной преступности в целом.

Специфика организационно-подготовительной фазы цикла демонстративно-протестной преступности состоит в том, что, во-первых, действия по созданию групп, формированию и распространению информации, как правило, являются скрытными, во-вторых, часто имеют децентрализованный, сетевой характер, лишенный очевидного прямого и централизованного управления, в-третьих, балансируют на грани между правомерностью и противоправностью, зачастую представляя собой различные формы злоупотребления правом на свободу собраний и свободу распространения информации.

Мониторинг содержания деятельности по созданию и организации работы тех или иных групп граждан, а также по созданию и распространению ими информации в общественном пространстве, выступает исходной точкой предупредительной работы.

В связи с этим важное значение приобретает правовая квалификация действий граждан по созданию групп, организаций и распространению информации. Российское законодательство содержит развернутую и диверсифицированную систему средств для такой квалификации.

Во-первых, это механизм социально-политической оценки действий граждан и организаций, которые выполняют функции, присущие иностранным агентам [4].

Если рассматривать определение иностранного агента без подробностей, то в качестве данного лица может выступать как физическое так и юридическое лицо, которое занимается осуществлением политической деятельности в рамках территории Российской Федерации, преследуя своей целью – удовлетворение интересов иностранного государства, в частности, конкретных органов государственного характера, иностранной или международной организации, конкретных граждан других государств или лиц без гражданства.

К формам данной деятельности относятся:

- если лицо (физическое или юридическое) организует, проводит и/или участвует в организации массовых мероприятий публичного характера (дебаты, дискуссии, выступления, иные мероприятия);

- если лицо (физическое или юридическое) занимается деятельностью цель которой достижение определенных показателей на тех или иных выборах, референдуме, в рамках политической партийной деятельности, формирования комиссии избирательного характера иных публичных комиссий;

- обращение на массовую аудиторию к государственным (исполнительным, законодательным, судебным) органам и/либо к должностным лицам данных органов, а также иного рода действия, которые могут потенциального или фактически оказывать влияние на их функционирование, включая попытки повлиять на законотворческую деятельность, принять, изменить или отменить тот или иной нормативно-правовой акт;

- деятельность по насаждению определенной точки зрения, мнения о российской государственной политике, конкретных государственных решениях, включая использование информационных технологий;

- деятельность по формированию определенной идеологии, включая проведение социальных опросов (разного рода исследований социологического характера) с последующим обнародованием результатов;

- вовлечение российских граждан, в том числе лиц не достигших совершеннолетия в данную противоправную деятельность;

- реализация финансирования данной деятельности.

По итогам мониторинга и оценки действий граждан и групп на предмет наличия в ней функций иностранного агента формируются соответствующие реестры и списки [5; 6], а также осуществляется соответствующий контроль, а при необходимости, и приостановление их деятельности.

Такой механизм, при всей его упреждающей значимости по отношению к демонстративно-протестной преступности, строго говоря, не может рассматриваться в качестве элемента криминологической профилактики. Он в большей степени является элементом административного контроля за политической деятельностью, хотя и выполняет при этом функцию профилактики преступности. Здесь вполне уместны наблюдения криминологов, которые справедливо замечают, что в качестве профилактики правонарушений выступают явления позитивного характера, которые происходят в рамках всех уровней социума.

Так криминологи отмечают, что любые позитивные явления, происходящие на всех уровнях нашего общества, способствуют – одни в большей степени, другие в меньшей степени – профилактике правонарушений.

Но также отмечается, профилактическое значение не есть профилактика [7, с. 22–23].

Иное значение имеет второй механизм – собственно криминологической оценки действий, составляющих организационно-подготовительную фазу демонстративно-

но-протестной преступности. Он включает в себя два компонента.

В ситуациях, когда протестные группы и распространяемая протестная информация содержат в себе черты и признаки, позволяющие отчетливо идентифицировать их в качестве проявлений экстремистской или террористической деятельности, в дело вступают соответствующие федеральные законы и предусмотренные в них механизмы профилактики и ответственности [8; 9], включая, в том числе формирование списка экстремистских организаций и экстремистских материалов [10; 11]. В контексте нашего исследования важно обратить внимание, что в 2021 году экстремистскими были признаны наиболее активные в плане генерирования протестных движений организации (п.п. 86–88 списка экстремистских организаций): некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» (решение Московского городского суда от 9 июня 2021 г.); некоммерческая организация «Фонд защиты прав граждан» (решение Московского городского суда от 9 июня 2021 г.); общественное движение «Штабы Навального» (решение Московского городского суда от 9 июня 2021 г.).

В ситуации, когда идентификация деятельности в качестве экстремистской или террористической невозможна, основой для проведения профилактической работы выступает базовый профилактический закон, который содержит принципиально важное понятие антиобщественного поведения, под которым понимаются «не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы» [12, п. 6 ст. 2]. Полагаем, что в разряд таких действий следует отнести и ситуации злоупотребления правом на свободу собраний и свободу обращения с информацией, которые, не образуя собственно состава правонарушения, тем не менее, свидетельствуют об использовании гражданами их конституционных прав с целью причинения вреда иным конституционно значимым ценностям, в частности, правам и свободам иных граждан, а также общественной и государственной безопасности.

Анализируя организационно-подготовительную фазу демонстративно-протестной преступности, важно обратить внимание на некоторые криминологически значимые ее особенности. Речь идет о том, что протестная активность населения не просто формируется объективными противоречиями общественного развития. В этой закономерности, пожалуй, нет особой опасности. Опасность состоит в том, что она активным образом стимулируется, провоцируется заинтересованными группами граждан, что делает сам протест организуемым, хорошо спланированным и управляемым.

В науке уже обращалось внимание на факты управляемости протестной активности населения, особенно связанные с принятием участия в деятельности по организации протестных массовых мероприятий лиц, являющихся официальными представителями зарубежных государств, относящиеся к некоммерческим орга-

низациям, которые наделены функциями иностранного агента, и члены организаций, рассматриваемые российским законом, как экстремистские, террористические [13, с. 23]. Это важный момент, который заставляет акцентированно выделить три взаимосвязанных аспекта организационно-подготовительной стадии протеста:

- вмешательство в политическую деятельность иностранных агентов;
- стимулирование протестной активности, наращивание и радикализацию протестных настроений;
- сознательное, искусственное расширение социальной базы протеста за счет привлечения новых участников.

Можно ответственно утверждать, что расширение социальной базы и увеличение масштабов протестов в конечном итоге выступает основной целью подготовительной фазы преступности. По этой причине специалисты справедливо обращают внимание на состав протестующих в точки зрения того, имелся ли ранее у участников публичных акций протестный опыт. Социологические исследования, в частности, показывают, что, как правило, среди участников протестных акций около 15–17 % приходят на акцию впервые. Однако на январских митингах 2021 года удельный вес участников, пришедших на протест впервые, составил уже 39–42 % в Москве, 47 % в Санкт-Петербурге, 55 % в Казани. При этом установлена четкая зависимость: чем больше молодых участников протестов, тем больше «новичков». Факт пополнения протестного движения молодыми новичками свидетельствует о перерастании пассивного недовольства в готовность выйти на уличные протесты в рамках групп, ранее не считавшие возможным принимать участие в массовых общественных акциях [14, с. 310–312].

Эти же исследования, обращенные к динамике состава протестующих, доказывают, что в рамках временного отрезка в десять лет, если рассматривать возрастную структуру лиц протестного движения претерпели перемены. Так, количество людей молодого возраста возросло, а лица, относящиеся к старшему возрасту, стали редко участвовать в протестных акциях. Также если провести сравнение возрастных групп, которые принимали участие в митингах 2021, то можно констатировать превалирование лиц молодого возраста [14, с. 315]. При том, что основную часть протестующих составляют лица молодежного возраста (от 30 до 40 % в возрасте 25–29 лет и от 24 до 40 % в возрасте от 18 до 24 лет), заметно среди протестующих и участие несовершеннолетних граждан, удельный вес которых варьируется в пределах от 4 до 7 %, с незначительной тенденцией к росту.

Расширение состава участников и омоложение протестующих – одна из важных задач организаторов протестных движений и одновременно одна из существенных угроз безопасности страны. Стратегия противодействия экстремизму [15] официально признает рост количества случаев, когда экстремистские организации вовлекают в свою деятельность лиц, не достигших совершеннолетия, так как на данных лиц легко идеологически и психологически воздействовать, а также они в

рамках установленных законом случаев, могут избегать уголовной ответственности. Также, в рамках стратегии, констатируется, что дестабилизация правопорядка, социальной, политической, экономической обстановки в Российской Федерации может быть непосредственно вызвана умышленно трансформируемыми из несогласованных мероприятий публичного характера массовыми беспорядками с привлечением разных групп общества.

Молодежь – особенно в возрасте 18–24 лет – традиционно признается наиболее активной в криминологическом отношении группой населения с самыми высокими показателями интенсивности преступного поведения [16, с. 92]. И в тоже время это группа населения с традиционно низкими показателями политической активности; вовлеченность детей и молодежи в общественное движение в России составляет, по разным оценкам, от 5 до 10 % [17, с. 21]. В демонстративно-протестной преступности эти две разнонаправленные характеристики молодежи парадоксальным образом сочетаются. Складывается уникальная ситуация, когда наименее активная в политическом отношении часть населения выступает наиболее представительной группой среди протестующих, обладая при этом и наиболее высокими показателями криминогенности.

Объяснение ситуации видится нам в том, что организаторы протестных акций сознательно эксплуатируют эти специфические особенности молодежи, искусственно вовлекая ее в протестные акции и используя нереализованный политический потенциал. Протестное, участие современной российской молодежи имеет нерегулярный характер и является в большей степени мобилизованным, чем автономным. Молодежь – группа с традиционно критическим отношением к социальным нормам, правилам и стандартам. Однако менять содержание этих норм, руководствуясь существующими правилами и институциональными процедурами, не в ее правилах. Отсюда – высокий скрытый потенциал недовольства [18; 19], освободить и активировать который – задача организаторов протестных акций и движений. По некоторым опросам молодежь в возрасте до 25 лет наиболее активно выражает свои протестные настроения. На вопрос о возможности принять участие в протестной акции, в группе 18–24-летних положительный ответ дали 25 % респондентов, в группе 25–29-летних – 20 % [20]. При этом молодежь, которая составляет главную потенциальную движущую силу протеста, характеризует низкий уровень грамотности политического характера и средняя заинтересованность к событиям, происходящим в рамках страны и данная категория лиц непосредственно имеет склонность к возложению ответственности за повышение уровня жизни в государстве в целом и регионе проживания в частности на власть разного уровня [21, с. 133]. Не случайно в этой связи, что среди причин выхода молодежи на протест высок и имеет тенденцию к росту показатель таких факторов, как материальное стимулирование («потому что заплатили») и любопытство. Их удельный вес в ответах участников протест-

ных акций возрос в период с 2017 по 2021 год – с 12 % до 28 % и с 12 до 25 % соответственно [22].

Специалисты верно признают, что хоть и для подавляющей части молодежи присуща в рамках политической сферы пассивная позиция, тем не менее потенциал для протеста у данной возрастной группы имеет достаточно высокий уровень. Доля людей молодого возраста, которую можно определить как наиболее активную и чувствительную к проблемам социума, как правило, готова рассматривать протесты как наиболее действенные способы политической борьбы. Данный факт, как правило, связывают с неординарностью, яркостью, отсутствием каких-либо официальных рамок, которые присущи акциям прямого действия, что дает возможность данной категории лиц для проявления себя.

Некоторая часть из них склонна к действиям неконвенционального рода, так как придерживаются мнения, что такого рода действия более результативны из-за нанесения непосредственного экономического ущерба и большей огласки в СМИ, что приводит к большей вовлеченности лиц молодого возраста в беспорядки массового характера и вооруженное сопротивление, созданию нестабильной обстановки в обществе [23, с. 3–4; 24].

Ставка на молодежь и массовость особым образом определяет пропагандистски-вербовочную и призывную деятельность организаторов протестных акций. Ее отличительной особенностью становится сетевой характер и использование современных электронных средств коммуникации, особенно популярных в молодежной среде.

Сетевой протест определяется в специальных исследованиях как форма коллективного действия, ориентированного на оспаривание социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях посредством различных инструментов мобилизации ресурсов на основе сетевого взаимодействия. Он базируется на определенных организационных структурах, которые трансформируются от классических вертикально интегрированных организаций к горизонтальным. Это позволяет повышать эффективность в процессе коммуникации между его участниками, вовлекать новых участников и ресурсы, оказывать воздействие на процесс принятия решений [25, с. 14].

Сетевой протест не предполагает наличия жесткой организационной структуры участников, разветвленной, иерархически устроенной системы управления. Как правило, организаторы протеста – это небольшая по численности группа лиц, в которой каждый участник, хотя и координирует свою деятельность с иными организаторами, тем не менее способен выступить в качестве самостоятельно действующего инициатора и организатора протестов, способен к созданию собственной «протестной сети». Ячейки этой сети – это уже не подпольные ячейки классических революционных сообществ. Это виртуальная общность людей со свободным «входом» и «выходом» и с возможностью оперативного рекрутинга новых участников не только организаторами протестов (в классическом их понимании), но и иными

рядовыми членами сети, а также с возможностью относительно быстрой мобилизации участников для проведения протестной акции уже только в виртуальном, но и в реальном, физическом пространстве.

Специальные исследования показывают, что по степени участия в создании собственного контента, получении информации о мероприятиях, частоте взаимодействия с иными лицами, можно выделить три типа участников протестных виртуальных сообществ: «потребители новостного контента» (приблизительно 40 %), «активные пользователи» (около 40 %), «генераторы контента» (приблизительно 14 %) [26, с. 11]. Этим трем группам вполне коррелируют и установленные в иных независимых исследованиях стратегии поведения участников сетевых протестных сообществ: информационно-коммуникационная (предполагающая по преимуществу лишь передачу и восприятие информации, создающей поводы для протестов), мобилизационная (включающая, среди прочего, обсуждение информации, ее комментирование и целью активировать протестные настроения) и деструктивная (отличается активными призывами к участию в реальных акциях протеста, активным распространением информации о них) [24, с. 8].

Как видим, более половины участников протестных сетевых сообществ потенциально способны к тому, чтобы не только воспринимать и передавать информацию о готовящихся протестах, но и генерировать ее, активно тиражировать, способствуя как умножению числа участников виртуального протеста, так и их мобилизации к активным протестным действиям в физическом пространстве.

Сеть сегодня стала важнейшим элементом коммуникации и мобилизации протестно настроенных граждан, а использование цифровых технологий и новых медиа – отличительной и в то же время ординарной характеристикой организационно-подготовительной фазы современного протеста. Вряд ли сегодня можно согласиться, что использование Интернета и социальных сетей есть «инновационная форма организации протеста» [27, с. 8]. Эта «инновация» сегодня рядовой характеристикой протеста. Повсеместное распространение платформ социальных сетей в широком спектре среды, социальная осведомленность и активность миллениалов, наступление возраста поколения «Z» и корпоративный брендинг в поддержку прогрессивных социальных движений справедливо признаются «первичными тенденциями» протеста [28; 2]. Это обстоятельство официально признано Стратегией противодействия экстремизму, где подчеркивается (п. 14), что «Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством связи для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии» [15].

Специальные исследования убедительно доказывают, что предпочитаемые источники информации и возраст ее потребителей решительным образом влияют на

готовность участвовать в социальных протестах. Более всех склонна участвовать в протестных акциях аудитория социальных сетей и телеграм-каналов, менее всех – аудитория телевидения. Кроме того, есть основания соотнести социологический портрет участников протестов с популярными социальными сетями, которым эти участники отдают предпочтение. Если на протестных акциях 2011–2012 и 2019 гг. самой популярной соцсетью был из Фейсбук, а, следовательно, большинство протестующих представляли «средний класс»¹, то в январских акциях 2021 года особой популярностью стал пользоваться ТикТок, ориентированный на пользователей более молодого и подросткового возраста (подростки составляют всего 17 % всей аудитории ТикТок, почти половину пользователей этой соцсети составляют возрастные категории 25–44 лет, а 64 % пользователей этой соцсети – это люди с доходом средний и выше среднего) [30, с. 319; 31; 32, с. 21–28; 33].

По этой причине, очевидно, что мониторинг контента и активности той или иной социальной сети вполне позволяет прогнозировать не только вероятность и направленность протеста, но также моделировать и состав его участников, определяя тем самым объекты профилактики и характер используемых предупредительных средств [34]. Своевременное реагирование законными средствами на распространение негативной информации в сети выступает при этом важным средством ранней профилактики. Свою эффективность в этой части вполне доказывают административные меры, связанные с ограничением доступа к информации² и с привлечением граждан к административной ответственности³.

¹ «Продолжительное время российский «человек протестующий» 2011–2013 гг. рисовался как молодой житель московского региона, с высшим образованием или студент, носитель преимущественно либеральных (отчасти националистических, коммунистических) настроений. На улицу, таким образом, вышел московский яппи, желающий побороться за абстрактные коллективные блага» [29, с. 53].

² Так, например, по иску прокурора в интересах неопределенного круга лиц судом было принято решение об ограничении доступа к информации, размещенной гражданином Л. в группе сообщества «Подслушано в Балезино | ВКонтакте». Л. прокомментировал видеоролик с текстовым сопровождением под названием «Жесткие массовые задержания в центре Москвы», оставив в разделе «комментарии» к данному видеоролику текстовое сообщение «Мочить надо всех тварей в форме». По результатам экспертного исследования высказывание «мочить надо всех тварей в форме» содержит лингвистические и психологические признаки значения «унижения человеческого достоинства сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в силовом подавлении несанкционированных протестных акций», а также содержит лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти либо вражды в отношении сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в силовом подавлении несанкционированных протестных акций. Суд установил, что свободный доступ пользователей сети Интернет к комментарию Л. «Мочить надо всех тварей в форме» создает условия для разжигания социальной ненависти и розни, подрывает основы безопасности Российской Федерации, нарушает конституционные права, законные интересы граждан, круг которых невозможно индивидуализировать [35].

³ Так, судом был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ, Т. Судом было установлено, что Т., зная из средств массовой

Формирование протестных настроений в сети и мобилизация участников протестных акций с использованием интернет-пространства выступают формой подготовки к публичному мероприятию как событию в реальном, физическом пространстве: в интернете обсуждают проблему, рекрутируют сторонников, готовят программные документы, но собственно протестная активность как особый тип коммуникации с властью осуществляется только при выходе на улицу [37, с. 19].

«Выход на улицу» знаменует завершение первой – организационно-подготовительной фазы демонстративно-протестной преступности и переход ее криминального цикла во вторую фазу – фактически-деятельностную, которая будет нами рассмотрена в последующих исследованиях.

Список источников

1. Warde B. (2020) Stages of Social Protest Movements. 17 p.
2. Warde B. (2020) We the People. Social Protests Movements and the Shaping of American Democracy. 1st edition. New York. Routledge. 150 p.
3. Лапунин М. М. Вторичная преступная деятельность : понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации. М. : Волтерс Клувер, 2006.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.
5. Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 17.04.2022).
6. Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/> (дата обращения: 17.04.2022).
7. Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В. Профилактика преступлений : учеб. пособие. Минск : Университетское, 1986.
8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
9. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
10. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 17.04.2022).
11. Экстремистские материалы // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 17.04.2022).
12. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.
13. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : пособие / П. В. Агапов и др. М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017.
14. Архипова А. С., Захаров А. В., Козлова И. В. Этнография протеста : кто и почему вышел на улицы в январе–апреле 2021? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5.
15. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г. № Пр-2753). Документ официально не опубликован // URL://<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.04.2022).
16. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. М. : Юрист, 2006.
17. Мастерова Ю. И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
18. Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодежи : автореф. дис. ... соц. наук. М., 2013.
19. Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Социология и жизнь. 2015. № 1. С. 144–151.
20. Протестные настроения (08.06.2021) // URL://<https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2/> (дата обращения: 17.04.2022).
21. Шлыкова Е. В. Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска : анализ случая // Вестник Института социологии. 2015. № 2 (13).

информации о том, что на территории Российской Федерации, в г. Москве 3 августа 2019 г. будут проведены несогласованные с органами исполнительной власти публичные мероприятия, целью которых является привлечение общественного мнения к единому дню голосования 8 сентября 2019 г., в частности «митинги за честные выборы в Московскую городскую Думу», и имея умысел на привлечение большого количества граждан к проведению указанного несогласованного мероприятия, организовал на своей личной странице в социальной сети «Facebook», с количеством подписчиков 635 человек, оповещение возможных участников публичных мероприятий, также провел предварительную агитацию, призывая граждан приехать в г. Москва или в своих городах выйти с подобными акциями. Осуществляя свои противоправные действия, направленные на поддержание протестной акции в г. Москве, Т. получил одобрение для проведения несанкционированного массового мероприятия от 34 подписчиков, которые разместили указанную информацию с призывами в количестве 6 репостов на своих страницах в сети «Интернет», с целью оповещения более широкого круга предполагаемых участников [36].

22. Январские протесты (10.02.2021) // URL://<https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 17.04.2022).

23. Петрушина А. В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тула., 2012.

24. Кучукян А. В. Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи : автореф. дис. ... соц. наук. Ставрополь, 2017.

25. Соколов А. В. Сетевой политический протест в России : субъекты, тенденции, технологии: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018.

26. Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014.

27. Соина Е. С. Политическое протестное движение в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008.

28. Warde B. (2020) Emerging Trends and the Future of Social Protest Movements. 12 p.

29. Бараш Р. Э. Протестное движение : в поисках нового политического субъекта // Власть. 2014. № 10.

30. Шульц Э. Э. Протест в России 2017–2021 : технологии и закономерности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 3.

31. Модестов С. А., Никитин Д. А., Рабчевский Е. А. Социальные сети как театр информационного противоборства в условиях современной «гибридной» войны // Вестник Академии военных наук. 2019. № 3 (68). С. 20–26.

32. Барцевич А. А. Использование информационно-телекоммуникационного пространства (социальных сетей) в экстремистских целях, как элемент современных войн // Инновационные подходы в современной науке : сб. ст. по материалам LXXVIII междунаrod. науч.-практ. конф. М. : Интернаука, 2020.

33. «Беспредел в TikTok»: как соцсети выводят детей на незаконные акции // URL://<https://www.ntv.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

34. Кабанов Н. А. Массовые беспорядки, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, как объект криминологического исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 136–139.

35. Базезинский районный суд (Удмуртская Республика). Решение от 3 июля 2020 г. по делу № 2-230/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/Fwc4e0kNPfor/> (дата обращения: 20.04.2022).

36. Ленинский районный суд г. Екатеринбурга (Свердловская область). Постановление от 20 августа 2019 г. по делу № 5-872/2019 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/uhTTrHrIjJV/> (дата обращения: 20.04.2022).

37. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В.

«Пересборка митинга» : Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2018. № 1.

References

1. Warde B. (2020) Stages of Social Protest Movements. 17 p.

2. Warde B. (2020) We the People. Social Protests Movements and the Shaping of American Democracy. 1st edition. New York. Routledge. 150 p.

3. Lapunin M. M. Secondary criminal activity : concept, types, problems of qualification, criminalization and penalization. M. : Walters Kluwer, 2006.

4. Federal Law № 272-FZ of December 28, 2012 «On measures to influence persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (part 1). Article 7597.

5. Register of foreign mass media performing the functions of a foreign agent // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (accessed: 17.04.2022).

6. The list of individuals performing the functions of a foreign agent // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/> (accessed: 17.04.2022).

7. Bluvshstein Yu. D., Zyrin M. I., Romanov V. V. Crime prevention: textbook. stipend. Minsk : Universitetskoe, 1986.

8. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering extremist activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.

9. Federal Law № 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

10. List of public associations and religious organizations in respect of which the court has adopted a decision on liquidation or prohibition of activities on the grounds that provided for by Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activities» // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (accessed: 17.04.2022).

11. Extremist materials // URL://<https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (accessed: 17.04.2022).

12. Federal Law № 182-FZ dated June 23, 2016 «On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 26 (Part I). Ar. 3851.

13. Activities of the Prosecutor's office for the prevention of crimes against the foundations of the constitutional system and state security : a manual / P. V. Agapov et al. M. : Academy of General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation, 2017.

14. Arkhipova A. S., Zakharov A. V., Kozlova I. V. Ethnography of protest : Who took to the streets in January–April 2021 and why? // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2021. № 5.

15. The Strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025 (approved by the President of the Russian Federation on 28.11.2014, № Pr-2753). The document has not been officially published // URL://http://www.consultant.ru (accessed: 16.04.2022).
16. Babaev M. M., Kruter M. S. Youth crime. M. : Lawyer, 2006.
17. Masterova Yu. I. Political activity of Russian youth in the context of the spread of information technologies : abstract. dis. ... Candidate of Political Sciences. M., 2009.
18. Pushkareva N. N. Protest potential of modern Russian youth : abstract. diss. ... social sciences. M., 2013.
19. Gaba O. I. Youth as a subject of protest moods // Sociology and life. 2015. № 1. P. 144–151.
20. Protest sentiments (08.06.2021) // URL://https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2/ (accessed: 17.04.2022).
21. Shlykova E. V. The potential of youth protest activity in risk conditions : case analysis // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 2 (13).
22. January protests (10.02.2021) // URL://https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protest/ (accessed: 17.04.2022).
23. Petrushina A. V. Protest participation of youth in modern Russian society: abstract. dis. ... candidate of Social Sciences. Tula., 2012.
24. Kucukyan A. V. Sociostructural determinants of the influence of virtual networks on the protest activity of modern youth: abstract. dis. ... social sciences. Stavropol, 2017.
25. Sokolov A. V. Network political protest in Russia : subjects, trends, technologies: abstract. dis. ...Dr. Polit. Nauk. M., 2018.
26. Dokuka S. V. Communication in online social networks as a factor of protest mobilization in Russia: abstract. diss. ... Candidate of Social Sciences. M., 2014.
27. Soina E. S. Political protest movement in modern Russia : abstract. dis. ... Candidate of Political Sciences. Stavropol, 2008.
28. Warde B. (2020) Emerging Trends and the Future of Social Protest Movements. 12 p.
29. Barash R. E. Protest movement : in search of a new political subject // Power. 2014. № 10.
30. Schultz E. E. Protest in Russia 2017–2021 : technologies and patterns // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration. 2021. Vol. 8, № 3.
31. Modestov S. A., Nikitin D. A., Rabchevsky E. A. Social networks as a theater of information confrontation in the conditions of modern «hybrid» war // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2019. № 3 (68). P. 20–26.
32. Bartsevich A. A. The use of information and telecommunications space (social networks) for extremist purposes, as an element of modern wars // Innovative approaches in modern science : collection of articles based on the materials of the LXXVIII International scientific and practical conference M. : Internauka, 2020.
33. «Lawlessness in TikTok» : how social networks bring children to illegal actions // URL://https://www.ntv.ru (accessed: 20.04.2022).
34. Kabanov N. A. Mass riots committed using information and communication technologies as an object of criminological research // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 136–139.
35. Balezinsky District Court (Udmurt Republic). Decision of July 3, 2020 in case № 2-230/2020 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/Fwc4e0kNPfor/ (accessed: 20.04.2022).
36. Leninsky District Court of Yekaterinburg (Sverdlovsk region). Resolution of August 20, 2019 in case № 5-872/2019 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/uhTTrHrIjJV/ (accessed: 20.04.2022).
37. Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. «Reassembly of the rally» : Internet in protest and protest on the Internet // Monitoring of public opinion. Economic and social changes. 2018. № 1.

Информация об авторе

И. С. Ильин – доцент кафедры правоведения Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

I. S. Ilyin – Associate Professor of Law of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-72-78>

EDN: <https://elibrary.ru/vaehls>

НИОН: 2015-0066-4/24-059

MOSURED: 77/27-011-2024-04-258

Юридическое образование: подходы к формулированию цели, структуре, методическому обеспечению

Татьяна Владимировна Казанина¹, Розалина Васильевна Шагиева²

^{1,2} Российская таможенная академия, Люберцы, Россия

² Государственный институт управления, Москва, Россия

² Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева, Москва, Россия

¹ dogovor500@yandex.ru

² shagsas@mail.ru

Аннотация. На основе анализа практики реализации юридического образования предпринята попытка определить базовые подходы к целям и организации юридического образования в условиях задачи обеспечения социальной справедливости, запрос общества на который отражен в стратегических документах, регламентирующих деятельность всех органов власти. Предлагается система мероприятий, направленных на повышение качества юридического образования. Основой обеспечения достижения целей юридического образования должно стать взаимодействие юридического факультета с заказчиками, в числе которых судебные органы, органы исполнительной власти, коммерческие организации, адвокатские образования и палаты.

Ключевые слова: юридическое образование, национальные цели развития, государственные образовательные стандарты, юридическая клиника

Для цитирования: Казанина Т. В., Шагиева Р. В. Юридическое образование: подходы к формулированию цели, структуре, методическому обеспечению // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 72–78. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-72-78>. EDN: VAEHLS.

Original article

Legal education: approaches to goal formulation, structure, methodological support

Tatyana V. Kazanina¹, Rosalina V. Shagieva²

^{1,2} Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

² State University of Management, Moscow, Russia

² Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev, Moscow, Russia

¹ dogovor500@yandex.ru

² shagsas@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the practice of implementing legal education, the article attempts to identify basic approaches to the goals and organization of legal education in the context of the task of ensuring social justice, the request of society for which is reflected in strategic documents regulating the activities of all authorities. A system of measures aimed at improving the quality of legal education is proposed. The basis for ensuring the achievement of the goals of legal education should be the interaction of the legal faculty with customers, including judicial authorities, executive authorities, commercial organizations, law schools and courts.

Keywords: legal education, national development goals, state educational standards, legal clinic

For citation: Kazanina T. V., Shagieva R. V. Legal education: approaches to goal formulation, structure, methodological support. Bulletin of economic security. 2024;(4):72–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-72-78>. EDN: VAEHLS.

Значимость высшего юридического образования в современном обществе обуславливает большое внима-

ние руководителей и преподавателей юридических вузов к определению ответов на комплекс насущных во-

© Казанина Т. В., Шагиева Р. В., 2024

просов: его цели, структура, организация, методические приемы и т. д. В связи с этим требуется анализ идей о сущности юридического образования в современных условиях цифровизации, высказанных педагогами высшей школы в рамках научных статей за последние пять лет. Со своей стороны также считаем необходимым определить базовые подходы к целям, структуре и организации юридического образования, что важно для овладения профессией юриста, сложность которой объясняется целым рядом хорошо известных причин, а именно значительным объемом законодательных актов, их систематическим совершенствованием, значительным объемом судебной практики, которую необходимо проанализировать при рассмотрении любой спорной ситуации, а также необходимостью владения информационными технологиями.

Нормативное значение юридического образования

Значение высшего юридического образования определяется, во-первых, нормативными требованиями, установленными на уровне Конституции Российской Федерации [1]. Это требования, предъявляемые к судьям (ст. 119 Конституции Российской Федерации).

Во-вторых, это требования к лицам, которые могут быть представителями в суде. Как гласит ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, *представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности* [2]. Аналогичное требование предъявляется к представителям граждан и организаций в арбитражном суде (ч. 3 ст. 59 АПК РФ) [3]. Более того, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, в случае если исковое заявление подписано представителем, но установленные законом требования для подтверждения полномочий на подписание искового заявления не исполнены, в том числе к исковому заявлению не приложен документ, подтверждающий наличие у представителя высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности, либо документ, удостоверяющий статус адвоката, суд оставляет исковое заявление без движения (ч. 1 ст. 128 АПК РФ) и предлагает устранить недостатки. При неустранении указанных недостатков арбитражный суд возвращает исковое заявление на основании п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ [4, п. 22].

Отметим и то, что Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» предусматривает назначение в исключительных случаях граждан, обучающихся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования, относящейся к укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция», не менее половины срока получения образования, установленного федеральным государственным образовательным стандартом, и не

имеющих академической задолженности, на должности следователей, помощников следователей и помощников следователей-криминалистов следственных отделов и следственных отделений Следственного комитета [5].

Владение юридической профессией необходимо для исполнения обязанностей на отдельных должностях государственной гражданской службы и муниципальной службы, а также при выполнении обязанностей, возложенных на депутатов разного уровня.

Цели юридического образования

Прежде всего, считаем необходимым уточнить цели юридического образования. Их формулировать, несомненно, достаточно сложно, учитывая разновидности юридических специальностей.

Цели юридического образования необходимо выделять на основе анализа национальных целей развития, поставленных Указом Президента Российской Федерации. Одной из них является обеспечение устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации. Достижение указанной цели осуществимо на принципах социальной справедливости, обеспечения экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе [6].

Независимо от профиля, который предполагает выбрать обучающийся, цель юридического образования с учетом общегосударственной политики, по нашему мнению, заключается в подготовке квалифицированного специалиста (как бы не назывался он после принятия новых государственных стандартов), способного осуществлять деятельность, регулируемую нормами права, обеспечивать при выполнении предписаний законодательства защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

По мнению С. А. Белова, это означает воплощение социальной миссии права. Согласимся с ученым, что юридическое образование должно формировать в мышлении студентов в качестве базовых те ценности, которые имманентно присущи праву, в том числе достоинство личности, равенство, справедливость, гуманизм, демократическое, правовое и социальное государство [7].

Безусловно, разделяем точку зрения Н. А. Дмитрика о том, что юридическое образование – это ценность в квадрате, потому что применение полученных в результате него знаний и навыков позволяет защитить другие человеческие ценности и обеспечить правила, по которым ценности будут создаваться человечеством дальше [11].

Очень точно формулирует миссию юридического образования М. Л. Гальперин: постижение истины, поиск универсальных решений, преодоление человеческих пороков и восстановление справедливости [8, с. 101].

Таким образом, цели юридического образования, в первую очередь, определяются его миссией – обеспечение социально-экономического развития государства в

сочетании с реализацией принципов справедливости и добросовестности.

Парадигмы высшего юридического образования

За три десятилетия новой истории России сменилось несколько образовательных стандартов высшего образования по юриспруденции. В 90-е годы реализовывался действовавший еще в советский период принцип базового образования: детальное изучение историко-правовых дисциплин, затем – основных отраслей (гражданское, уголовное, административное, международное), а далее переход к более узким или комплексным областям регулирования (предпринимательское, земельное и экологическое, международное частное право и т. д.).

Можно согласиться в определенной мере с С. А. Беловым, что фундаментальность образования в целом не выходила за пределы юриспруденции, общие курсы философии и экономики во многом оставались инородными в общей структуре программы, поскольку излагались безотносительно к содержанию и целям подготовки правоведов. Здесь мы готовы вступить в полемику, так как качество подготовки выпускников всегда определяется уровнем подготовки профессорско-преподавательского состава и качеством разработанных ими рабочих программ и проведенных занятий.

Признание того, что образование должно давать не только знания, но и другие компетенции, умения и навыки, переход к компетентностно ориентированным учебным планам и содержанию образовательных программ дал импульс к изменениям в высшем образовании в целом и в подготовке юристов в частности. Развиваются интерактивные методы обучения, образование стало включать объемный практический компонент: и кейс-метод при изучении специальных юридических дисциплин, и клиническое образование, и выросшую долю практики в учебных планах. Однако такой подход лишь усилил специализацию юридического образования, фокус стал смещаться от теории к практике – конкретным практическим навыкам [7].

Как считает А. В. Ильин, высшее юридическое образование должно включать обучение и юридическому ремеслу и юридической науке. Эти аспекты крепко взаимосвязаны, и их разделение условно. Поиск оптимального соотношения изложения базовых и сложных вещей в рамках каждой юридической дисциплины как раз и составляет мастерство преподавателя [9].

Н. А. Дмитрик выделяет три традиционных разновидности юридического образования, частично пересекающиеся между собой:

- 1) академическое юридическое образование, основанное на концепции когнитивизма и предполагающее освоение студентами полной онтологии и таксономии юридической науки;
- 2) формальное юридическое образование, предполагающее заучивание положений действующего законодательства и основных выводов судебной практики;
- 3) практико-ориентированное образование, во многом основанное на бихевиористском подходе, фак-

тически – натаскивание студентов на решение сравнительно узкого круга задач.

Появляются и новые форматы юридического образования, в их числе «Статут», «Московская цифровая школа», «Юрайт» и др. [11].

Как отмечает В. М. Шафиров, учебный процесс по-прежнему строится на преподавании дисциплин с позиций позитивного (часто узконормативного) понимания права. Приоритет в преподавании отдается институциональным ценностям (государству, законам, подзаконным актам, нормам). Для обучающихся последовательно проводится мысль, что главная цель в работе юриста – строго и неукоснительно следовать требованиям формальной законности, юридической процедуры, бороться с нарушениями предписаний. Неудивительно, что при таком подходе преобладает обучение навыкам, умениям деятельности, а не фундаментальным знаниям, ценностям. Человеческое измерение права во главу угла не ставится. Право в вузовской программе не рассматривается как свойство личности. На занятиях о необходимости установления правды, о справедливом, разумном применении юридических норм если и говорится, то явно недостаточно.

В. М. Шафиров считает, что с учетом сложившегося подхода необходимо изменить парадигму высшего юридического образования. Оно должно базироваться на конституционном (человекоориентированном) правопонимании [15, с. 39–40].

Мы, безусловно, согласны с В. М. Шафировым, что недооценка человеческого измерения права в обучении закладывает основы для упрощенного образования, но считаем необходимым также вступить в полемику по данному вопросу, поскольку наш педагогический опыт показывает, что многое зависит от личности преподавателя вуза, опытные и думающие педагоги делают акцент именно на закреплении в нормах права правил морали и нравственности, разъяснении смысла правил как основы защиты прав человека, на выявлении совместно с обучающимися пробелов в законодательстве и определении наиболее вероятных, а главное, справедливых и обоснованных направлений его совершенствования.

Считаем, что современный подход к содержанию юридического образования должен быть основан на реализации принципов академического подхода, который сочетает и теорию права, и анализ законодательства и судебной практики, и участие в решении реальных юридических проблем в рамках юридической клиники.

Практика показывает необходимость обеспечения пропедевтики – преподавание на 1 курсе дисциплины «Введение в профессию юриста» и завершение обучения дисциплиной «Актуальные проблемы права». Причем как пропедевтика, так и изучение базовых дисциплин и подведение итогов обучения должны быть связаны с изучением национальных целей развития, их воплощением в законодательстве и в правоприменении.

В части организации практической подготовки юристов уже накоплен достаточно большой опыт, и он

в определенной мере уже описан. Как известно, самую значительную роль в становлении института юридических клиник в России сыграл Д. И. Мейер. В своей работе 1855 г. «О значении практики в системе современного юридического образования», опубликованной Императорским Казанским университетом, ученый предложил термин «клиника» по аналогии с врачебной деятельностью и внедрил этот институт в систему юридического образования [13, с. 49]. Такое предложение для своего времени было новаторским и заложило прочный фундамент на будущее для развивающегося юридического образования [12, с. 22].

При подготовке юристов важно учитывать целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности», среди которых значимой является задача увеличения к 2030 году доли молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, не менее чем до 45 процентов (подп. «д» п. 3 Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»). Деятельность студентов юридического факультета в рамках юридической клиники, а это, прежде всего, устное и письменное консультирование малоимущих граждан по вопросам реализации ими гражданских прав и исполнения обязанностей, является одним из крайне важных для общества видов волонтерской деятельности, направленной на обеспечение принципов социальной справедливости и защиты прав граждан. Безусловно, в этом мы также видим и одну из целей юридического образования. Именно реальная практика в рамках юридической клиники способствует формированию внутреннего убеждения у будущего юриста о его роли в обществе как защитника гражданина.

Практическая подготовка юриста, по нашему мнению, должна включать три части:

- производственную практику на 3 и 4 курсах;
- реализацию дисциплины «Юридическая клиника»;
- организацию деятельности студенческой правовой консультации (юридической клиники).

В рамках деятельности студенческой правовой консультации (юридической клиники) важным направлением с учетом таких негативных показателей, как рост долговой нагрузки населения, наличие большого количества преступлений против жизни и здоровья человека, других вариантов антиобщественного поведения, представляется ведение студентами юридических факультетов работы по правовому просвещению школьников.

Что касается организации практической подготовки в целом, то нами уже предлагалась идея закрепления юридических факультетов вузов за управлениями МВД России, подразделениями Следственного комитета, Минюста России, а также судебными органами, расположенными в регионах их деятельности.

Анализируя подходы к организации юридического образования, следует отметить, что именно изучение юриспруденции позволяет ознакомиться с методами и принципами других наук – естественных, точных, общественных и гуманитарных, получить представление о функционировании экономики, бизнеса, политики и других сфер общественной жизни, позволяющих не только осуществлять эффективное юридическое сопровождение деятельности в этих сферах, но и потенциально иметь перспективы развития карьеры [7, с. 23–24].

Знание микроэкономики, экономики организаций (главным образом коммерческих), теории предпринимательства необходимо для понимания сущности гражданских правоотношений, в том числе организационных (связанных с государственной регистрацией и правовой регламентацией деятельности юридических лиц) и договорных. Вполне возможно, что в результате изучения базовых экономических дисциплин обучающийся примет решение о необходимости получения второго высшего образования – экономического, что, безусловно, даст ему значительные преимущества на рынке труда.

Такой вариант будет способствовать появлению необходимой группы специалистов – «стратегических юристов», «юристов-аналитиков», способных формировать правовую политику, прогнозировать развитие научно-технического прогресса, помогать внедрению инноваций, защищать интеллектуальные права, приспосабливать правовые формы к меняющимся общественным отношениям, находить решения новых и нестандартных социально-правовых ситуаций [10, с. 16]. Рынок труда крайне заинтересован именно в таких специалистах «широкого профиля».

Как отмечает С. А. Белов, понимание самой сути технологического развития (причем не только в части пресловутой цифровизации, но и в части развития новых технологий на финансовых рынках, в организации логистики, автоматизации производства, внедрения медицинских и биотехнологий и т. д.) необходимо для эффективного правового сопровождения деятельности любого рода.

Не подлежит сомнению и значимость формирования у будущего юриста навыков эффективной коммуникации, поскольку язык есть один из главных инструментов профессиональной работы юриста [7].

В отношении профилей (специализаций) полагаем, что их реализация необходима на заключительном этапе (последний год обучения). Ведь безошибочно спланировать свое профессиональное будущее студент, во-первых, не всегда способен на 2 и даже 3 курсе обучения, а, во-вторых, следует учитывать множество других (личных, экономических) факторов при выборе профессионального пути. Согласно с мнением, что узкопрофессиональная подготовка скорее вызовет значительные проблемы в первый период после завершения обучения, в том числе психологического характера, что негативно повлияет на результаты труда. Опыт авторов статьи показывает более продуктивную подготовку юриста при

выборе фундаментального подхода, который реализовывался в первых государственных образовательных стандартах.

Среди преподавателей вузов обсуждается и идея о едином государственном экзамене для выпускников юридических факультетов. Она имеет как сторонников, так и противников. Такую идею оцениваем как вполне обоснованную, однако ее реализация требует изменения подхода к организации итоговой аттестации. Так, тестовая часть экзамена должна содержать задания по избранному профилю (профилям) и по блоку гуманитарных и экономических дисциплин. Предлагается в число заданий включить анализ юридического документа с заранее запланированными ошибками, которые должны быть найдены и прокомментированы выпускником, а также анализ правовой ситуации, решение которой потребует знания в совокупности норм материального и процессуального права.

Учебно-научное обеспечение подготовки юристов

Особое внимание следует уделить качеству учебников, учебных пособий по юридическим дисциплинам. Сегодня их издается много. Согласны с мнением, что учебники, переписывающие и комментирующие законы, не просто бессмысленны, они опасны своей неопределенностью [11]. Значимость учебников, так называемой «литературной стороны» в юридическом образовании подчеркивал видный российский цивилист Д. И. Мейер [14, с. 580].

Основные требования к современному учебнику по юридической дисциплине, на наш взгляд, следует разделить на требования содержательного и структурного характера.

В числе содержательных требований к учебнику считаем необходимым выделить следующие:

- краткое изложение сущности правовой доктрины: наиболее распространенных теорий, концепций и понятий;
- краткое формулирование основных положений рассматриваемых институтов, что обусловлено систематическими изменениями в законодательстве, указание на наличие отсылочных и бланкетных норм, т. е. на взаимосвязи как внутри комментируемого нормативного правового акта, так и взаимодействие его норм с нормами актов как рассматриваемого, так и других актов отраслевых законодательств, а также международными актами, в том числе на уровне ЕАЭС;
- представление при необходимости информации о наличии разъяснений высшей судебной инстанции;
- представление при необходимости информации о наиболее распространенных категориях споров.

Все это в целом должно показать обучающемуся фундаментальные основы и логику современного правового регулирования, а также проблемы правоприменения. Еще раз подчеркнем важность краткости изложения, что обусловлено не только «клиповым» мышлением молодежи, выросшей в условиях информационного общества, но и продолжающимся

процессом формирования российского законодательства.

В структуре современного учебника должен быть не только разделенный на логически выверенные части текст, но и система тестовых заданий и контрольных вопросов, причем база для поиска ответов на них непременно должна присутствовать в тексте, но это не означает полное наличие ответов, поскольку важнейшее требование к учебнику – это обеспечение ориентирования обучающего в массиве законодательных актов и судебной практики.

Направления повышения качества юридического образования

В целом главными, на наш взгляд, направлениями повышения качества юридического образования являются следующие:

- унификация образовательных программ, в том числе рабочих программ учебных дисциплин и формирование списка рекомендованных Минюстом России учебников и учебных пособий;
- контроль за организацией подготовки со стороны силовых ведомств и органов судебной власти под руководством Минюста России;
- введение единого формата итоговой государственной аттестации.

По поводу первого направления можно привести контраргументы, сводящиеся к упреку в монополизации, однако имеется и значимый аргумент «за»: за последние 30 лет наблюдаем значительное снижение уровня знаний и умений у обучающихся, в том числе в силу применения разных образовательных программ и учебников в школах, что наиболее ярко проявляется как раз в области гуманитарного знания.

Таким образом, полагаем, что при выстраивании парадигмы высшего юридического образования важно обеспечить баланс классического академического образования и разных видов практической подготовки на основе контроля и помощи со стороны органов государственной власти. Реализация такого подхода позволит повысить качество юридического образования, обеспечить его унификацию и устранить деление вузов на «ремесленников» и «элитных».

Разделяем мнение многих коллег о необходимости проведения системного анализа деятельности юридических факультетов в непрофильных вузах (сельскохозяйственных, технических, медицинских), в том числе качества подготовки выпускников, при отрицательном результате которого должно быть принято обоснованное решение о целесообразности дальнейшей работы факультета. Необходима и оценка результатов деятельности юридического факультета со стороны общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (АЮРО), т. е. профессионально-общественная аккредитация.

С учетом изменения законодательства, его развития в соответствии с документами стратегического планирования, а также в некоторой степени изменения

и правовой доктрины важно продумать и систему профессиональной переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, как минимум, один раз в пять лет. Здесь вновь возникает вопрос об организации системы. Полагаем, что также важно взаимодействие министерств и ведомств силового блока, органов судебной власти под руководством Минюста России. Реализация дополнительных профессиональных программ не потребует значительных финансовых ресурсов при применении цифровых технологий, широко использованных в период пандемии и вошедших во всеобщую практику.

Безусловно, круг поднятых вопросов невозможно рассмотреть в рамках одной статьи, но полагаем необходимым их обсуждение юридическим сообществом в рамках конференции с участием как руководителей Верховного Суда Российской Федерации, силовых структур (Минюста России, МВД России, Следственного комитета, ФТС России), представителей академической науки (из вузов, институтов РАН), адвокатских структур, АЮРО и бизнес-сообщества (в том числе Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Ассоциации банков России), а также в рамках научно-исследовательских работ. Обсуждению и, главное, решению подлежит (в числе многих) и вопрос обеспечения цифровизации юридического образования, что должно происходить одновременно с цифровизацией юридической деятельности. Важно оперативное формулирование единообразных подходов к реализации нового государственного стандарта подготовки юристов, а также формирование списка базовых учебников, учебных пособий, монографий, рекомендованных АЮРО или другими признанными научными центрами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. 4 июля.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

6. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

7. Белов С. А. Должно ли юридическое образование быть только юридическим? // Закон. 2023. № 1. С. 23–30.

8. Гальперин М. Л. Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. 2021. № 8. С. 96–101.

9. Ильин А. В. Цель высшего юридического образования // Закон. 2023. № 1. С. 15–22.

10. Исаков В. Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 5–19.

11. Дмитрик Н. А. Антиклина как формат конструктивного юридического образования // Закон. 2023. № 1. С. 31–44.

12. Зайцев О. В., Кравченко А. А. Наследие Д. И. Мейера в современном юридическом образовании (опыт Высшей школы правоведения ИГСУ РАНХиГС) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 22–38.

13. Мейер Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования // Мейер Д. И. Избранные труды : в 2 т. / вступ. сл. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2019. Т. 2.

14. Университетский вопрос в России / сост. и авт. вступ. ст. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2017. 704 с.

15. Шафиров В. М. В защиту юридического образования // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 39–42.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020. July 4th.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation № 138-FZ of November 14, 2002 (with the last amendment) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ (with the last amendment) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 46 dated December 23, 2021 «On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when considering cases in the Court of First Instance» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. № 3.
5. Federal Law № 403-FZ of December 28, 2010 (as amended on December 12, 2023) «On the Investigative Committee of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 15.

6. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 № 309 «On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 20. Art. 2584.

7. Belov S. A. Should legal education be only legal? // Law. 2023. № 1. P. 23–30.

8. Galperin M. L. Why will the Middle Ages come after the digital age of legal education? // Law. 2021. № 8. P. 96–101.

9. Ilyin A. V. The purpose of higher legal education // Law. 2023. № 1. P. 15–22.

10. Isakov V. B. Prospects for reengineering legal regulation, legal science and education // Journal of Russian Law. 2021. № 8. P. 5–19.

11. Dmitrik N. A. Anticlinics as a format of constructive legal education // Law. 2023. № 1. P. 31–44.

12. Zaitsev O. V., Kravchenko A. A. D. I. Meyer's legacy in modern legal education (the experience of the Higher School of Jurisprudence IGSU RAS-HiGS) // Bulletin of the civil procedure. 2020. № 1. P. 22–38.

13. Meyer D. I. On the importance of practice in the system of modern legal education // Meyer D. I. Selected works : in 2 volumes / introduction by P. V. Krashennnikov. M. : Statute, 2019. Vol. 2.

14. The University question in Russia / comp. and auth. Introduction by E. A. Sukhanov. M. : Statute, 2017. 704 p.

15. Shafirov V. M. In defense of legal education // The Russian justice system. 2021. № 2. P. 39–42.

Информация об авторах

Т. В. Казанина – доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии, кандидат педагогических наук, доцент;

Р. В. Шагиева – профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, первый проректор Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

T. V. Kazanina – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

R. V. Shagieva – Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, first Vice-rector of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 03.10.2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-79-84>

EDN: <https://elibrary.ru/wmpqdq>

NIION: 2015-0066-4/24-060

MOSURED: 77/27-011-2024-04-259

К вопросу о криминалистической характеристике провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

Сюзанна Карленовна Кулахсзян¹, Давид Кромвелович Григорян²

^{1,2} Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹ skulahsryan@mail.ru

² davo-davo23@mail.ru

Аннотация. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики определен элементный состав криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации, отличающийся от традиционной структуры криминалистической характеристики преступлений в связи со спецификой рассматриваемого преступного деяния. Проанализированы особенности каждого из элементов. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования криминалистической характеристики анализируемого деяния, поскольку, представляя собой ориентирующую информацию, она позволяет на ее основе разработать рекомендации по повышению эффективности раскрытия и расследования провокации взятки и коммерческого подкупа.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, провокация взятки, коммерческий подкуп, элементный состав, информационная модель

Для цитирования: Кулахсзян С. К., Григорян Д. К. К вопросу о криминалистической характеристике провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 79–84. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-79-84>. EDN: WMPQDQ.

Original article

On the criminalistic characterization of bribe provocation, commercial bribery or bribery in the sphere of procurement of goods, works and services to ensure state or municipal needs

Suzanna K. Kulakhszyan¹, David C. Grigoryan²

^{1,2} Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹ skulahsryan@mail.ru

² davo-davo23@mail.ru

Abstract. On the basis of the analysis of scientific literature and law enforcement practice the elemental structure of the criminalistic characteristic of the crime provided by article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, which differs from the traditional structure of the criminalistic characteristic of crimes in connection with the specificity of the considered criminal act, is determined. The features of each of the elements are analyzed. It is concluded that it is necessary to further improve the criminalistic characterization of the analyzed act, because, representing the orienting information, it allows on its basis to develop recommendations to improve the effectiveness of detection and investigation of bribe provocation and commercial bribery.

Keywords: criminalistic characterization of the crime, bribe provocation, commercial bribery, elemental composition, information model

For citation: Kulakhszyan S. K., Grigoryan D. C. On the criminalistic characterization of bribe provocation, commercial bribery or bribery in the sphere of procurement of goods, works and services to ensure state or municipal needs. Bulletin of economic security. 2024;(4):79–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-79-84>. EDN: WMPQDQ.

© Кулахсзян С. К., Григорян Д. К., 2024

Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок – это преступления против правосудия, не имеющие коррупционной направленности, которые Верховный Суд РФ относит к иным коррупционным преступлениям [12]. Исследуемые деяния, в первую очередь, посягают на деятельность по осуществлению задач правосудия. Некоторые ученые, классифицируя преступления против правосудия, относят состав преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, к преступлениям, которые нарушают процессуальный порядок получения доказательств по делу.

К важным признакам, указывающим на провокацию взятки, относятся отсутствие у должностного лица предварительного умысла на совершение противоправного деяния, наличие у провокатора корыстных мотивов или иных целей, не связанных с законным привлечением к ответственности за получение взятки. Кроме того, лицо должно находиться в ситуации добровольного выбора совершения или отказа от совершения незаконных действий.

Общественная опасность состава данного преступления заключается не только в том, что провокационные действия подрывают репутацию лица, но и основы правосудия, потому что субъект создает условия для привлечения к уголовной ответственности невиновного путем создания повода к возбуждению уголовного дела, нарушая принципы правосудия в Российской Федерации.

Исследование проблемных вопросов расследования любой категории преступления традиционно предвзвешивается изучением и уточнением его криминалистической характеристики. Методологическую основу исследования составил анализ российского законодательства, правоприменительной практики и научных трудов таких исследователей, как Р. С. Белкин, А. А. Бессонов, А. Ю. Головин, О. В. Губанова и др.

Криминалистическая характеристика преступления является неотъемлемой частью методики расследования, поскольку она обеспечивает теоретическую и практическую базу для рациональной организации и проведения следственных действий. Рассмотрим некоторые определения криминалистической характеристики преступлений, предложенные учеными-криминалистами.

По мнению Р. С. Белкина, криминалистическая характеристика преступления – это своеобразная матрица, которая помогает следователю построить вероятностную модель преступления и упрощает ее расследование [1]. Как справедливо отмечает А. А. Бессонов, криминалистическая характеристика преступления представляет собой информационную модель, которая содержит сведения о криминалистически значимых признаках преступления и их закономерных связях [2].

Интересным представляется определение, данное А. Ю. Головиным. По его мнению, криминалистическая характеристика преступления – это система данных об элементах и механизме преступления, являющаяся об-

ектом научного исследования [3, с. 43–55]. Механизм преступления, включающий мотив, цель, способ и место совершения преступления, играет ключевую роль в формировании криминалистической характеристики.

Таким образом, криминалистическая характеристика – это система основных элементов преступления, позволяющих охарактеризовать конкретное совершенное деяние и отнести его к необходимой группе преступлений.

Следует отметить, что элементный состав криминалистической характеристики может изменяться и дополняться. Это обусловлено отличиями механизма совершения преступлений, а также научными взглядами и предпочтениями самих ученых.

Для успешного совершения провокации взятки и коммерческого подкупа преступники обычно придерживаются определенного плана, который включает три основные стадии: подготовку, совершение и сокрытие преступления.

В своих исследованиях О. В. Губанова выделяет следующие элементы криминалистической характеристики провокации взятки или коммерческого подкупа: личность субъекта; мотивы совершения провокации; обстановка совершения преступления; средства совершения преступного деяния; способы совершения провокации; механизм слеодообразования [4].

На наш взгляд, данная структура криминалистической характеристики имеет определенные недостатки и подлежит доработке. Автор разделяет знания о субъектах провокации взятки или коммерческого подкупа и о мотивации этого деяния как автономные элементы. Хотя такая позиция может быть оправданной, мы склонны считать, что правильнее будет включить данные о движимых мотивах провокации в структуру элемента «субъекты провокации взятки либо коммерческого подкупа».

В психологии под мотивом понимается побуждение к осуществлению действий, направленных на удовлетворение потребностей субъекта. Этот мотив может быть как материальным, так и идеальным предметом, ради которого выполняются определенные действия. Мотивы противоправных действий формируются психологическими факторами, включая различные интеллектуальные аспекты, а они выражаются в отрицательном или безразличном отношении к объекту провокации.

Мотивы провокации, являющиеся производными от конкретных этических и психологических особенностей провокаторов и их профессиональных навыков, структурно вписываются в характеристику виновных лиц. Противоправный интерес провокаторов взятки или коммерческого подкупа возникает и благодаря определенным качествам потерпевших, связанным с их должностным статусом, демографическими, психологическими и другими социально значимыми факторами, влияющими на механизм преступного поведения виновного.

Таким образом, изучение личности пострадавшего в рамках специального элемента криминалистической

характеристики преступлений становится важным, так как позволяет выявить взаимосвязи между существенными качествами преступника и виновными лицами. В связи с этим считаем целесообразным выделять информацию о личности провоцируемых лиц в качестве отдельного элемента криминалистической характеристики рассматриваемого преступного деяния.

Предложенная автором концепция замены традиционного предмета преступного посягательства при взятничестве и коммерческом подкупе на средства совершения провокации находит свое обоснование в существенных различиях мотивационных аспектов этих преступных деяний. При традиционной преступной схеме дачи-получения взятки (вознаграждения при коммерческом подкупе) переданные материальные ценности (деньги, иные материальные блага) составляют предмет незаконной сделки, на которую добровольно идут оба ее участника [5, с. 67–70]. Передающая сторона стремится удовлетворить свои интересы, а принимающая сторона, как правило, руководствуется корыстными побуждениями, совершая определенные действия в пользу первой стороны в обмен на материальную выгоду. Сам предмет взятки (вознаграждения) является материальным выражением этой противоправной сделки.

В случае же провокации взятки или коммерческого подкупа передача материальных ценностей происходит при отсутствии согласия или неосведомленности провоцируемого лица. Провоцирующая сторона стремится создать видимость получения взятки (подкупа) для последующего разоблачения оппонента. В действительности ей не нужны те действия, о которых она просит провоцируемое лицо якобы за вознаграждение. Провоцируемое лицо, в свою очередь, либо не выражает согласия на получение вознаграждения и заявляет о провокации, либо вообще не осознает факта подставной ситуации.

Таким образом, применительно к совершению провокации взятки или коммерческого подкупа, деньги, материальные ценности или услуги имущественного характера выступают не в качестве предмета посягательства, а используются провокаторами в качестве орудий (средств) совершения противоправного деяния.

С криминалистической точки зрения важное значение имеет дифференциация средств совершения преступления на три основные группы:

- 1) предметы материального мира;
- 2) безналичные средства (денежные средства на банковских счетах, криптовалюта);
- 3) выгоды и услуги имущественного характера.

Анализируя криминалистически значимые особенности субъектов провокации, стоит отметить, что их изучение направлено на: алгоритмизацию доказывания, предоставление следователям ориентирующей информации, сужение круга подозреваемых, установление специфики действий и роли каждого фигуранта.

В отличие от других преступлений, в случае провокации взятки или коммерческого подкупа сам факт по-

сещения провокатором объекта преступления очевиден. Виновное лицо намеренно организует многочисленные встречи и телефонные переговоры с провоцируемым, чтобы имитировать заинтересованность в заключении сделки. Провокатор обычно обращается с предложением решить некий социально значимый вопрос. Это создает видимость легитимности взаимодействия между ними.

Поскольку анкетные данные провокатора обычно известны и сам факт его присутствия очевиден, анализ социально-психологических характеристик виновного имеет особую ценность не для сужения круга подозреваемых, как в других преступлениях, а для следующих целей:

- установление подлинных обстоятельств провокации;
- выявление мотивов провокатора;
- определение цели провокации (например, дискредитация лица или получение доказательств его противоправных действий).

Ключевым фактором, определяющим уголовную ответственность за провокацию взятки или коммерческого подкупа, является наличие у субъекта прямого умысла [6, с. 104–106]. Это означает, что провокатор сознательно и преднамеренно создает искусственные доказательства виновности или шантажа. Следовательно необходимо устанавливать обстоятельства, подтверждающие наличие прямого умысла у виновного лица.

Эмпирические исследования позволили сделать вывод, что основную категорию субъектов провокации взятки или коммерческого подкупа составляют сотрудники оперативных подразделений правоохранительных органов, а также лица, с ними сотрудничающие. Это объясняется тем, что одним из наиболее результативных оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при раскрытии коррупционных преступлений, является оперативный эксперимент, который направлен на проверку информации относительно противоправного поведения лица [7, с. 28–30]. Он обладает высокими провокационными рисками, поскольку отсутствует подробная регламентация процедуры его проведения, а также критерии допустимости. В связи с этим судьи нередко усматривают элемент провокации в действиях оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие, при проведении оперативного эксперимента. Использование метода провокации при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий исключает уголовную ответственность провоцируемого лица.

Важной характеристикой личности провокатора является мотивация, поскольку она играет решающую роль в понимании действий провокаторов, имитирующих получение взятки. Как осознаваемый побудительный фактор, она раскрывает причины их поступков и позволяет установить ряд дополнительных обстоятельств совершенного преступления. Высокая мотивация организаторов и исполнителей провокации обуславливает использование преимущественно полноструктурных способов провокации, включающих в себя тщательную

подготовку, разработку сценария, организацию взаимодействия участников.

К типичным мотивам совершения провокации взятки или коммерческого подкупа относятся: искусственное повышение показателей раскрываемости коррупционных преступлений; личная неприязнь, межличностные конфликты; получение материальной выгоды; использование провокации в качестве прикрытия собственной коррупционной деятельности и т. д. [8, с. 46–53]. Стоит отметить, что мотивов может быть несколько одновременно, т. е. они могут переплетаться и дополнять друг друга.

Виктимологические особенности потерпевших играют значительную роль в детерминации преступных посягательств, обуславливая высокую вероятность совершения преступлений в отношении конкретных лиц [9, с. 174–183]. Типичные черты потерпевшего представляют предмет пристального внимания ученых-криминалистов, являясь неотъемлемым элементом криминалистической характеристики практически любого преступления.

Установление основных направлений изучения личности потерпевшего имеет первостепенное значение для расследования, обеспечивая целеустремленность и эффективность расследования уголовных дел. Источники сведений о личности потерпевшего не ограничиваются информацией, полученной в ходе следственных и процессуальных действий. Основным источником информации о потерпевшем является криминалистическая характеристика преступления. В случае провокации взятки и коммерческого подкупа она приобретает особое значение.

В уголовном законодательстве термин «должностное лицо» раскрывается в ст. 285 УК РФ и используется применительно к преступлениям, предусмотренным гл. 30. Однако исследуемое нами деяние находит свое отражение в гл. 31 УК РФ, имеющей иной родовой объект. В контексте ст. 304 УК РФ применение термина «должностное лицо» представляет собой применение закона по аналогии. Примечательно, что в примечании к ст. 201 УК РФ, где разъясняется содержание термина «лицо, выполняющее управленческие функции», содержится прямая ссылка на ст. 304. Это свидетельствует о правомерности распространения понятия управленческих функций на провокацию коммерческого подкупа.

Однако данные понятия по-прежнему интерпретируются в отношении лиц, получающих незаконное вознаграждение, а не в отношении провоцируемых лиц. Данная проблема требует дальнейшего правового осмысления, а также разъяснения со стороны законодателя, чтобы избежать противоречий в правоприменении. Анализируя определенные категории лиц, ставших жертвой провокаций, следует отметить, что их социально-психологические характеристики совпадают с характеристиками взяткополучателей. Относительно общего описания социально-психологических качеств подвергнутых провокациям лиц, следует отметить их высокий

уровень образования, достаточную правовую подготовку, значительный опыт работы в своей области, высокий уровень интеллекта и уважение со стороны коллег. Таким образом, личность жертвы определяет характер провокационных действий, направленных на достижение важных для виновных результатов.

Способы провокации взятки можно классифицировать по различным критериям, в том числе по степени принуждения со стороны провокаторов и условиям, в которых совершается провокация.

Разновидности способов провокации взятки:

1. Негласное оставление средства провокации взятки в отсутствие провоцируемого. При таком способе провокаторы тайно оставляют предмет взятки в месте, где провоцируемое лицо, как правило, отсутствует. Это может быть дом, квартира, служебное помещение, автомобиль и т. д.

2. Негласное оставление средства провокации взятки в присутствии провоцируемого. В данном случае провокаторы оставляют предмет взятки в присутствии подстрекаемого лица, но скрытно, чтобы создать иллюзию его случайного появления. Например, предмет взятки может быть подброшен в сумку, карман или автомобиль провоцируемого. Такой способ провокации направлен на то, чтобы вызвать у подстрекаемого чувство вины или страха и вынудить его совершить преступление.

3. Оставление средства провокации взятки по месту нахождения провоцируемого с введением в заблуждение. При этом способе провокация осуществляется путем обмана или введения провоцируемого в заблуждение. Например, провокаторы могут сообщить подстрекаемому ложную информацию о том, что предмет взятки принадлежит ему, и что он забыл его забрать. Или они могут создать ситуацию, в которой провоцируемый воспринимает предмет взятки как подарок или компенсацию за ранее оказанные услуги.

4. Оставление средства провокации взятки вопреки волеизъявлению провоцируемого. Такая провокация происходит без согласия и против воли подстрекаемого лица. Провокаторы могут вложить предмет взятки в руку или карман провоцируемого, поместить его в его автомобиль или квартиру, даже если провоцируемый активно сопротивляется или отказывается принимать предмет.

5. Оставление средства провокации взятки под воздействием психологического насилия. В некоторых случаях провокация осуществляется с применением психологического насилия в отношении провоцируемого. Провокаторы могут угрожать ему расправой, шантажировать, унижать или дискредитировать его, чтобы вынудить совершить преступление.

6. Иные способы провокации взятки.

Свидетельствующие о провокации взятки или коммерческого подкупа следы представляют собой отрицательную информацию, противоречащую предполагаемому сценарию получения взятки или коммерче-

ского подкупа. Подобные негативные обстоятельства нарушают представления об естественном течении событий в данных ситуациях. Как правило, эти следы обнаруживаются следователем во время осмотра места происшествия и свидетельствуют об инсценировке преступления.

В случае провокации негативные обстоятельства могут проявляться в отсутствии следов, которые в естественных условиях должны присутствовать, или в неполноценности таких следов. Кроме того, могут обнаруживаться следы, которых не должно быть, исходя из предполагаемого сценария получения взятки или коммерческого подкупа. Проводимые следственные действия должны быть сосредоточены на выявлении этих противоречий, свидетельствующих о провокации.

Характер обстановки совершения преступления предопределяет и закономерности оставляемых преступниками следов [10, с. 192–194]. Следы преступления могут быть обнаружены в месте совершения провокации, которое обычно выбирается злоумышленником так, чтобы создать видимость получения взятки или коммерческого подкупа. Стремясь имитировать признаки совершения преступления, преступник выбирает место, типичное для взяточничества и в то же время доступное для исполнителя провокации.

Наиболее частым местом совершения рассматриваемого преступления является служебный кабинет провоцируемого или иное место, связанное с трудовой деятельностью. Это объясняется следующими причинами:

- цель провокации: в отличие от обычного получения взятки, где присутствует взаимная выгода, провокатор стремится зафиксировать признаки преступления;
- знание провокатором особенностей личности и психологии провоцируемого;
- затруднение реализации провокационных действий в других местах. При выборе места провокации учитывается также возможность фиксации доказательств, минимизации риска обнаружения провокации.

Анализируя особенности времени совершения провокационных действий по даче взятки или коммерческого подкупа, исследователи неоднократно отмечали его сходство с традиционным получением взятки. В большинстве случаев провокаторы передавали материальные ценности в период рабочего дня с 9 до 18 часов. Психологический фактор играет значительную роль в выборе времени для провокации. Провокаторы используют периоды, когда концентрация внимания снижается из-за начала рабочего дня, адаптации к рабочему режиму, утомляемости и усталости. На выбор времени влияли также дополнительные факторы: нахождение провоцируемого на рабочем месте с учетом его графика работы, наличие удобного места для реализации противоправного умысла, особенно если у провоцируемого есть несколько рабочих мест.

Проведенное исследование позволило определить и раскрыть основные элементы криминалистической характеристики преступления, предусмотренного

ст. 304 УК РФ. Криминалистическая характеристика любого преступления служит основой для разработки методики расследования, являющейся частью криминалистики как науки [11, с. 148–152]. Сформулированная криминалистическая характеристика провокации взятки и коммерческого подкупа отражает закономерности механизма совершения этого противоправного деяния, она также позволяет определить криминалистически значимые признаки, присущие данным преступлениям, выявить типичные следы, связанные с совершением таких преступлений. Необходимо дальнейшее совершенствование криминалистической характеристики анализируемого деяния, поскольку, представляя собой ориентирующую информацию, она позволяет на ее основе разработать рекомендации по повышению эффективности раскрытия и расследования провокации взятки и коммерческого подкупа.

Список источников

1. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999.
2. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
3. Головин А. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2.
4. Домашенко Н. А. Особенности расследования провокации взятки или коммерческого подкупа: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
5. Рогава И. Г. Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений / И. Г. Рогава, Д. В. Валява // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68–7.
6. Фоменко Е. В. К вопросу о непосредственном объекте преступления в виде провокации взятки либо коммерческого подкупа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1.
7. Варданян А. В. Актуальные вопросы выявления и расследования провокации взятки или коммерческого подкупа / А. В. Варданян, Н. А. Домашенко // Юрист-Правоведь. 2008. № 5 (30).
8. Куликов А. В. Проблемные вопросы разграничения получения взятки и провокации взятки как смежных составов преступлений / А. В. Куликов, Д. В. Перцев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2.
9. Гармаев Ю. П. Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновленный методологический подход // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93).
10. Кардашевская М. В. Значение криминалистической характеристики преступлений коррупционной направленности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3.

11. Пахомов С. В. Тенденции развития научных представлений о криминалистической характеристике преступлений // Юрист-Правовед. 2019. № 1 (88).

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Criminalistics / edited by R. S. Belkin. M., 1999.
2. Bessonov A. A. Private theory of criminalistic characterization of crimes: autoref. dis. Dr. of juridical sciences. M., 2017.
3. Golovin A. Yu. Criminalistic characterization of crimes as a category of modern criminalistics // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2012. № 1–2.
4. Domashenko N. A. Features of investigation of provocation of a bribe or commercial bribery: abstract of disc. ... Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don, 2011.
5. Rogava I. G. Criminalistic characterization of corruption crimes / I. G. Rogava, D. V. Valyava // Trends in the development of science and education. 2020. № 68–7.
6. Fomenko E. V. To the issue of the direct object of the crime of bribe provocation or commercial bribery //

Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1.

7. Vardanyan A. V. Actual issues of detection and investigation of bribe provocation or commercial bribery / A. V. Vardanyan, N. A. Domashenko // Jurist-Pravoved. 2008. № 5 (30).

8. Kulikov A. V. Problematic issues of differentiation of bribe taking and bribe provocation as related offenses / A. V. Kulikov, D. V. Pertsev // Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 2.

9. Garmaev Yu. P. Fundamentals of criminalistic characterization of corruption crimes: updated methodological approach // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (93).

10. Kardashevskaya M. V. Significance of criminalistic characterization of corruption crimes // Vestnik of Economic Security. 2020. № 3.

11. Pakhomov S. V. Trends in the development of scientific ideas about the criminalistic characterization of crimes // Jurist-Pravoved. 2019. № 1 (88).

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

С. К. Кулахсзян – адъюнкт Ростовского юридического института МВД России;

Д. К. Григорян – начальник кафедры информационного обеспечения ОВД Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

S. K. Kulakhszyan – Adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

D. C. Grigoryan – Head of the Department of Information Support for Internal Affairs of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 21.10.2024.

The article was submitted 25.06.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 21.10.2024.

Научная статья

УДК 347.451.031

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-85-90>

EDN: <https://elibrary.ru/zbwswc>

НИОН: 2015-0066-4/24-061

MOSURED: 77/27-011-2024-04-260

Актуальные особенности гражданско-правовой ответственности продавца за односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи

Дмитрий Евгеньевич Кульчиков¹, Дмитрий Александрович Матвеев²

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников

Министерства внутренних дел Российской Федерации, Домодедово, Россия

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ coolchikov@inbox.ru

² matveevda@list.ru

Аннотация. В статье проведен системный анализ законодательства и общепринятой судебной практики в целях установления особенностей гражданско-правовой ответственности продавца за односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи, заключенного дистанционным способом. В результате исследования установлено, что продавец не вправе в одностороннем порядке отказываться от исполнения обязательства по доставке предварительно оплаченного потребителем товара как в случае отсутствия заказанного товара на складе, так и в случае неверного указания информации о его стоимости. Анализ судебной практики показывает, что возврат продавцом уплаченных покупателем денежных средств без законных на то оснований не влечет юридических последствий. При этом возмещение убытков и уплата неустойки не освобождает продавца от исполнения обязательства по доставке товара.

Ключевые слова: договор розничной купли-продажи, дистанционный способ продажи товаров, доставка товара, односторонний отказ продавца от исполнения обязательства, гражданско-правовая ответственность продавца, защита прав потребителя

Для цитирования: Кульчиков Д. Е., Матвеев Д. А. Актуальные особенности гражданско-правовой ответственности продавца за односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 85–90. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-85-90>. EDN: ZBWSWC.

Original article

Actual peculiarities of civil liability of the seller for unilateral refusal to execute the sale and purchase agreement

Dmitry E. Kulchikov¹, Dmitry A. Matveev²

^{1,2} All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹ coolchikov@inbox.ru

² matveevda@list.ru

Abstract. In the article the system analysis of legislation and generally accepted judicial practice is carried out in order to establish the peculiarities of civil liability of the seller for unilateral refusal to fulfill the contract of sale concluded by remote method. As a result of the research it is proved that the seller has no right to unilaterally refuse to fulfill the obligation to deliver the goods pre-paid by the consumer both in case of absence of the ordered goods in stock, and in case of incorrect indication of information about its cost. The analysis of court practice shows that the return by the seller of money paid by the buyer without legal grounds does not entail legal consequences. In this case, compensation for losses and payment of penalties does not release the seller from the obligation to deliver the goods.

Keywords: retail sale contract, distance selling of goods, delivery of goods, unilateral refusal of the seller to fulfill the obligation, civil liability of the seller, protection of consumer rights

For citation: Kulchikov D. E., Matveev D. A. Actual peculiarities of civil liability of the seller for unilateral refusal to execute the sale and purchase agreement. Bulletin of economic security. 2024;(4):85–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-85-90>. EDN: ZBWSWC.

© Кульчиков Д. Е., Матвеев Д. А., 2024

Форсированная модернизация цифровой экономики Российской Федерации способствует росту дистанционной торговли. В настоящее время приобретение товаров дистанционным способом используется повсеместно в современном обществе.

В Российской Федерации в период с 2014 по 2023 гг. прослеживается рост продажи товаров дистанционным способом в общем объеме розничной купли-продажи [1]. При этом более интенсивная динамика развития данных правоотношений прослеживается после пандемии коронавирусной инфекции (рис. 1).

Рост дистанционной торговли привел к новому виду нарушений прав потребителей в виде отказа продавца доставить предварительно оплаченный товар. При этом наиболее часто используются такие причины как отсутствие товара на складе или технические ошибки программного обеспечения. В связи с чем, особую актуальность представляют вопросы защиты прав покупателя как слабой стороны договора купли-продажи.

Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) в ст.ст. 420 и 432 определяет договор как соглашение между двумя или более лицами, целью которого является установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Договор считается заключенным при достижении согласия по всем существенным условиям между сторонами в надлежащей форме (в устной, письменной, электронной или иной форме) предусмотренной законом или соглашением сторон. Заключение соглашения производится посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и акцепта (принятия предложения) другой стороной. Публичная оферта, представляет собой предложение товаров в рекламе, каталогах или описаниях, адресованное неопределенному кругу лиц, которое включает в себя все существенные условия договора розничной купли-продажи. Важно отметить, что принцип свободы договора, закрепленный в ст. 1 ГК РФ может быть ограничен императивными правовыми нормами.

По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность

другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Данный договор может быть заключен дистанционным способом путем ознакомления покупателя с описанием товара, предоставленным продавцом посредством интернет-сайтов, приложений программ или таких средств связи, как телевидение, почта, радиосвязь и другими способами, исключающими возможность непосредственного осмотра товара либо его образца.

Договор розничной купли-продажи является публичным и консенсуальным и считается заключенным дистанционным способом с момента подтверждения заказа в приложении или на сайте агрегатора и оплаты (частичной оплаты) выбранного товара покупателем. Цена товара фиксируется в момент подтверждения заказа и присваивания ему номера, который позволяет покупателю получить информацию о заключенном договоре розничной купли-продажи и его условиях. Продавец не вправе в одностороннем порядке изменить стоимость товара, объявленную после оформления заказа.

Правовое регулирование порядка дистанционной продажи товаров закреплено в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» [3] (далее – Закон о защите прав потребителей) и Правилах продажи товаров по договору розничной купли-продажи [4] (далее – Правила).

Договор розничной купли-продажи считается заключенным с момента предоставления продавцом потребителю кассового или товарного чека либо другого документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом уведомления потребителя о намерении заключить договор розничной купли-продажи (п. 13 Правил).

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в абз. 3 п. 43 постановления от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено, что при использовании дистанционных способов продажи товаров, когда применяются средства удаленной связи, такие как

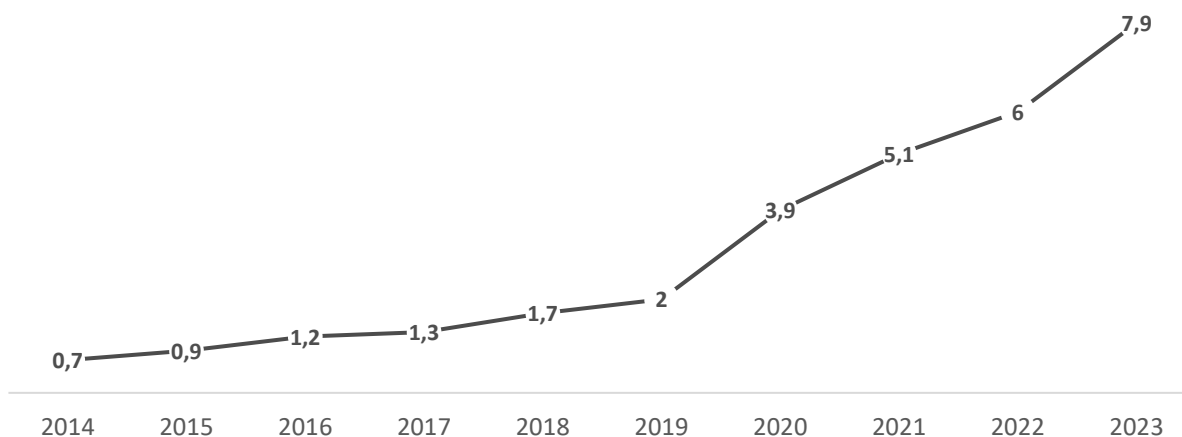

Рис. 1. Доля продаж дистанционным способом в общем объеме розничной купли-продажи (в %)

почта, Интернет или телефон, и оплата товара осуществляется потребителем через электронные или безналичные расчеты, включая использование банковских карт и других установленных законодательством средств платежа, факт покупки может быть подтвержден выпиской с банковского счета об авторизации и о проведении транзакции с указанием получателя платежа, результатов дебетовых и кредитовых операций, а также другими документами, подтверждающими оплату заказанного товара.

Следует отметить, что владелец агрегатор не всегда одновременно является продавцом товара. В связи с чем, следует разграничить их правовой статус и особенности гражданско-правовой ответственности.

Владельцем агрегатора может являться юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, обладающие программным обеспечением и/или веб-сайтом (далее – электронная платформа), предоставляющими возможность для потребителя ознакомиться с предлагаемыми продавцами товарами, а также осуществить предварительную оплату заказанного товара посредством наличного или безналичного расчета.

Буквальное толкование ст. 12 Закона о защите прав потребителей показывает, что владелец агрегатора, предоставивший потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре или продавце, на основании которой был заключен договор купли-продажи, несет ответственность за ущерб, причиненный потребителю вследствие предоставления такой информации. Однако, если информация о товаре, предоставленная продавцом и размещенная им на электронной платформе, не изменялась владельцем агрегатора, он не несет ответственности за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему такой информации. При этом данное обстоятельство не исключает гражданско-правовую ответственность продавца.

Продавцом является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору розничной купли-продажи. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъяснено, что «на иностранные интернет-магазины, ориентированные на российского потребителя, распространяются нормы российского законодательства о защите прав потребителей».

До заключения договора дистанционно-розничной купли-продажи продавец обязан предоставить покупателю полную информацию о товаре, включая его основные характеристики, место производства, данные о компании-производителе, стоимости и условиях покупки, доставки, сроках службы, годности и гарантии, способах оплаты, а также периоде времени, в течение которого, действует предложение заключить договор.

Таким образом, потребителям при защите прав важно правильно идентифицировать продавца, информация

о котором не всегда официально публикуется на электронной платформе.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие признаки продавца при дистанционной продаже товаров: отсутствие информации о продавце на электронной платформе, принятие заказа от потребителя и переписка с покупателем по претензии [5]. Данные действия позволяют потребителю воспринять организацию, разместившую информацию на электронной платформе о товаре и осуществляющую все действия, связанные с заключением и исполнением договора купли-продажи от своего имени как о продавце товара.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 1 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

Полагаем, что непредоставление или несвоевременное предоставление владельцем агрегатора информации потребителю о продавце может рассматриваться как злоупотребление правом, в случае установления которого суд вправе отказать в защите принадлежащего права полностью или частично и применить меры гражданско-правовой ответственности.

При дистанционной покупке товаров встречаются случаи, когда продавец в одностороннем порядке отменяет заказ и возвращает покупателю оплаченные за товар денежные средства.

Анализ судебной практики показывает недопустимость одностороннего отказа продавца от исполнения обязательства по доставке оплаченного потребителем товара как в случае отсутствия заказанного товара на складе продавца, так и в случае неверного указания продавцом на сайте в публичной оферте информации о стоимости товара. При этом Верховным Судом Российской Федерации [6] разъяснено, что «в случае, если сбой работы программного обеспечения имел место и произошел в результате злонамеренных действий третьих лиц, в связи с чем цены в интернет-магазине не отображались корректно, суду надлежит установить, исходила ли публичная оферта в этом случае от продавца».

Суды по-разному толкуют правовые последствия для договора купли-продажи односторонний отказ продавца от исполнения принятого обязательства по доставке или выдаче проданного товара.

Так, Вологодский городской суд Вологодской области [7] признав неправомерными действия по одностороннему расторжению договора купли-продажи путем возврата оплаченных потребителем за товар денежных средств принял решение о восстановлении сторон договора в положении, существовавшем до одностороннего расторжения договора купли-продажи.

Волгоградским областным судом [8] установив, что предложение о продаже товаров по указанным на интернет-сайте ценам, с которыми согласился покупатель исходило от продавца в мотивировочной части судебного акта разъяснено, что возврат продавцом уплаченных по публичному договору денежных средств потребителю без законных на то оснований не влечет юридических последствий. Следует согласиться с данным судебным прецедентом, так как односторонний отказ от исполнения публичного договора, связанный с нарушением со стороны потребителя, допускается, если право на такой отказ предусмотрено законом для договоров данного вида. Если односторонний отказ от исполнения публичного договора совершен в нарушение указанных требований закона, то он не влечет юридических последствий, на которые был направлен.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 21 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» разъяснено, что «по смыслу п. 2 ст. 310, п. 3 ст. 426, ст. 450.1 ГК РФ не связанный с нарушением со стороны потребителя односторонний отказ лица, обязанного заключить публичный договор, от исполнения публичного договора не допускается. В силу ст.ст. 309, 310 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов. Не допускается односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий, за исключением случаев, предусмотренных законом».

Из приведенных норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что возврат продавцом уплаченных по публичному договору денежных средств без законных на то оснований не влечет юридических последствий.

Таким образом, анализ судебной практики подтверждает недопустимость одностороннего отказа продавца от исполнения обязательства по доставке или выдаче оплаченного потребителем товара как в случае отсутствия у продавца товара, предварительно оплаченного покупателем, так и в случае неверного указания на электронной платформе в публичной оферте продавца информации о стоимости товара.

Полагаем, что при оценке действий продавца по одностороннему отказу от исполнения обязательства по доставке приобретенного потребителем товара следует учитывать его действительную волю, выраженную в публичной оферте, так как при заключении договора розничной купли-продажи необходимо согласование воли как продавца, так и покупателя. При этом существенным условием, подтверждающим отсутствие воли продавца на заключение с покупателем договора розничной купли-продажи на указанных в публичной оферте условиях, могут являться неправомерные действия третьих лиц.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено, что «при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе, и за причинение вреда, лежит на продавце (пункт 28)».

Таким образом, при рассмотрении споров о гражданско-правовой ответственности за причинение убытков на потребителя возлагается бремя доказывания факта нарушения его прав действиями или бездействиями продавца на которого возлагается бремя опровержения презумпции вины.

В случае, если продавец не выполнил свою обязанность передать товар покупателю в установленный договором срок после получения предоплаты, то покупатель имеет право потребовать передать товар в новый срок, который сам установит или вернуть сумму предварительной оплаты за неполученный товар. При этом потребитель может требовать полного возмещения убытков, которые были ему причинены из-за нарушения сроков передачи товара, а также уплаты неустойки (пени) за каждый день просрочки в размере половины процента от суммы предварительной оплаты (ст. 23.1 Закона о защите прав потребителей).

Важно отметить, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения (п. 1 ст. 422 ГК РФ). При этом условия договора ущемляющие права потребителя по сравнению с установленными в нормативных правовых актах Российской Федерации в силу ст. 16 Закона о защите прав потребителей являются недействительными

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 76 постановления «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что «ничтожными являются условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров, а также условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей».

Полагаем, что условие публичной оферты о возможности в случае отсутствия заказанного товара в одностороннем порядке расторгнуть договор розничной купли-продажи путем возврата покупателю оплаченных за товар денежных средств является недействительным, так как данное условие исключает право потребителя на передачу оплаченного товара в установленный им новый срок.

В силу ст. 398 ГК РФ для случаев, когда предметом обязательства является индивидуально-определенная

вещь кредитор вправе потребовать у должника ее передачи или потребовать возмещения убытков.

Возмещение убытков является мерой гражданско-правовой ответственности и представляет собой материально-правовой механизм, призванный защитить интересы потребителя как слабой стороны договора розничной купли-продажи, в целях восстановления и (или) защиты нарушенных прав. Для возмещения убытков покупатель должен доказать юридический факт нарушения своего права, фактический размер реального ущерба или упущенной выгоды и прямую (непосредственную) причинно-следственную связь между противоправным поведением продавца (в виде действия или бездействия) и возникшими убытками. Недоказанность хотя-бы одного из перечисленных элементов указывает на отсутствие состава гражданско-правовой ответственности. При этом возмещение убытков и уплата неустойки (пени) не освобождает продавца от исполнения обязательства в натуре путем доставки заказанного потребителем товара в установленный им новый срок.

Список источников

1. Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли / Федеральная служба государственной статистики // URL://<https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 28.03.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).
3. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).
5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2021 г. по делу № 88-23399/2021 // URL://<https://4kas.sudrf.ru> (дата обращения: 28.03.2024).
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06 июня 2023 г. по делу №16-КГ23-6-К4 //

URL://https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2258070 (дата обращения: 28.03.2024).

7. Решение Вологодского городского суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 2-8878/2019 // URL://https://vologodskygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=79669740&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 28.03.2024).

8. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № 33-13927/2023 // URL://https://oblsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=35521699&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 28.03.2024).

References

1. Share of Internet sales in total retail trade turnover / Federal State Statistics Service // URL://<https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (accessed: 28.03.2024).
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) from 30.11.1994 № 51-FZ (edition of 11.03.2024) // Official Internet portal of legal information // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (accessed: 28.03.2024).
3. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 (edition of 04.08.2023) «On consumer protection» // Official Internet portal of legal information // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (accessed: 28.03.2024).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 № 2463 «On approval of the Rules for the sale of goods under retail sales contracts, the list of durable goods, which are not subject to the consumer's demand for the gratuitous provision of goods with the same basic consumer properties for the period of repair or replacement of such goods, and the list of non-food goods of proper quality that are not subject to exchange, as well as on amending certain acts of the Government of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information // URL://<https://www.pravo.gov.ru> (accessed: 28.03.2024).
5. Determination of the Fourth court of cassation of general jurisdiction of 23.09.2021 on the case № 88-23399/2021 // URL://<https://4kas.sudrf.ru> (accessed: 28.03.2024).
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.06.2023 on the case № 16-KГ23-6-K4 // URL://https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2258070 (accessed: 28.03.2024).
7. Decision of the Vologda city court of 12.09.2019 on the case № 2-8878/2019 // URL://https://vologodskygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=79669740&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed: 28.03.2024).
8. Appellate ruling of the Volgograd Regional Court of 21.12.2023 on the case № 33-13927/2023 // URL://https://oblsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=35521699&delo_id=5&new=5&text_number=1 (accessed: 28.03.2024).

Информация об авторах

Д. Е. Кульчиков – доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Д. А. Матвеев – заместитель начальника института по работе с личным составом Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук.

Information about authors

D. E. Kulchikov – Associate Professor of the Department of Operational and Technical Measures of Internal Affairs Bodies of the International Interdepartmental Training Center for Operational units named after lieutenant-general of militia A.N. Sergeev of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

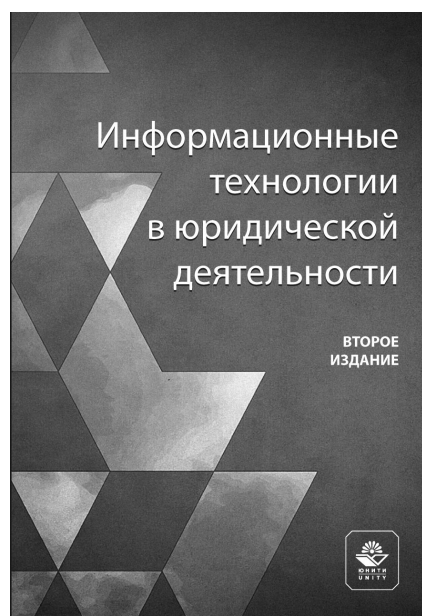
D. A. Matveev – Deputy Head of the Institute for work with personnel of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 29.07.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 29.07.2024.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления

утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-91-97>

EDN: <https://elibrary.ru/zfmwkh>

NIION: 2015-0066-4/24-062

MOSURED: 77/27-011-2024-04-261

Внеэкономическая преступность в условиях специальной военной операции

Татьяна Витальевна Молчанова¹, Александр Николаевич Сухаренко²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

molcha@yandex.ru

² Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ, Владивосток, Россия,

sukharensko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния, уровня и динамики преступности в сфере внешнеэкономической деятельности в условиях специальной военной операции (СВО). Несмотря на существенное снижение внешнеторгового оборота России из-за многочисленных санкций и ряд внутренних ограничений, внешнеэкономическая деятельность остается одной из самых криминализованных сфер отечественной экономики. В данной статье представлен краткий анализ результатов деятельности таможенных органов и органов внутренних дел Российской Федерации за 2022–2023 гг., а также организационно-правовых мер, предпринимаемых государством в целях декриминализации внешнеэкономической деятельности в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, контрабанда, экономическая преступность, таможенные органы, органы внутренних дел, санкции, специальная военная операция, внешний торговый оборот

Для цитирования: Молчанова Т. В., Сухаренко А. Н. Внеэкономическая преступность в условиях специальной военной операции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 91–97. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-91-97>. EDN: ZFMWKH.

Original article

Foreign economic crime in the context of a special military operation

Tatyana V. Molchanova¹, Alexzander N. Sukharensko²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

molcha@yandex.ru

² Centre for the Study of New Challenges and Threats to the National Security of the Russian Federation,

Vladivostok, Russia, sukharensko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the state, level and dynamics of crime in the field of foreign economic activity in the context of a special military operation. Despite a significant decrease in Russia's foreign trade turnover due to numerous sanctions and a number of internal restrictions, foreign economic activity remains one of the most criminalized areas of the domestic economy. This article presents a brief analysis of the results of the activities of the customs authorities and internal affairs bodies of the Russian Federation for 2022-2023, as well as organizational and legal measures taken by the state to decriminalize foreign economic activity in a special military operation.

Keywords: foreign economic activity, smuggling, economic crime, customs authorities, internal affairs bodies, sanctions, special military operation, foreign trade turnover

For citation: Molchanova T. V., Sukharensko A. N. Foreign economic crime in the context of a special military operation. Bulletin of economic security. 2024;(4):91–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-91-97>. EDN: ZFMWKH.

Несмотря на частичную смену приоритетов, обусловленную проведением специальной военной операции (СВО) на востоке Украины, декриминализация

бюджетообразующих отраслей экономики остается одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов РФ.

© Молчанова Т. В., Сухаренко А. Н., 2024

По данным ГИАЦ МВД России в 2023 г. продолжилось снижение общего числа зарегистрированных преступлений экономической направленности (–5,5 %; до 105,2 тыс.) и лиц, их совершивших (–5,1 %; 49,2 тыс.). На протяжении последних лет массив таких преступлений сохраняется примерно на одном уровне, также, как и их удельный вес. Из общего числа преступлений около 34 тыс. были совершены в крупных размерах. Размер причиненного ущерба составил 311,1 млрд (339,1 млрд) руб., или 53 % суммы материального ущерба от всех видов преступлений [1].

Снижение регистрации экономических преступлений произошло в большинстве федеральных округов РФ, за исключением Уральского (+9,9 %) и Дальнево-

сточного (+1,2 %). В общей структуре преступности, как и прежде, преобладали преступления против собственности (31,5 %), в сфере экономической деятельности (31,8 %), а также должностные (17 %).

Наиболее криминализированными сферами и отраслями национальной экономики оставались: финансово-кредитная система, строительство, оптово-розничная торговля, транспорт, рыбное и лесное хозяйство, топливно-энергетический комплекс, операции с недвижимостью, а также внешнеэкономическая деятельность (ВЭД), речь о которой пойдет в представленной статье. Отметим, что чуть большая часть преступлений в сфере ВЭД выявляется таможенными органами РФ, на втором месте – подразделения ГУЭБиПК МВД России.

Таблица 1

Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности, выявленной сотрудниками таможенных органов [3; 4]

2021		2022		2023	
внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (таможенные органы)	внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (таможенные органы)	внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (таможенные органы)
1225	513	1244	568	1341	470
	41,87		45,65		35,04

Таблица 2

Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, выявленной сотрудниками органов внутренних [3]

2021		2022		2023	
внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (ОВД)	внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (ОВД)	внешнеэкономическая деятельность (всего сотрудниками правоохранительных органов)	внешнеэкономическая деятельность (ОВД)
1225	477	1244	452	1341	587
	38,94		36,33		43,77

Таблица 3

Сведения об удельном весе преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, выявленных в сфере внешнеэкономической деятельности (всеми подразделениями правоохранительных органов) [4]

2021		2022		2023	
внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)	внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)	внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)
1225	651	1244	687	1341	732
	53,14 %		55,23 %		54,58 %

Статистические данные табл. 1 и 2 свидетельствуют о том, что совершаемые в области внешнеэкономической деятельности преступные деяния в основном выявляются таможенными органами и сотрудниками органов внутренних дел. Это объясняется тем, что такие преступления часто связаны с незаконным перемещением товаров через границу, незаконным переводом денежных средств с использованием подложных документов, незаконным перемещением наличных денежных средств, а также алкогольной продукции и табачных изделий, иные форм преступной деятельности. Выявление преступной деятельности в области внешнеэкономических отношений непосредственно связано с обязанностями и полномочиями таможенных органов и иных правоохранительных органов [2].

За рассматриваемый период наблюдается рост преступных деяний, связанных с внешнеэкономической деятельностью (2021 г. – 1225 преступлений, 2022 г. – 1 244 преступления, 2023 г. – 1 341 преступление). Более половины преступлений в этой сфере совершаются по гл. 22. УК РФ, что соответствует характеру этого вида преступной деятельности (табл. 3).

Представленные в табл. 4 данные свидетельствуют о значительной доле выявленных преступлений сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, предусмотренных гл. 22 УК РФ в сфере внешнеэкономической

деятельности. Указанное обстоятельство соответствует профессиональной деятельности сотрудников ЭБиПК МВД России, отражая особенности исполнения ими своих служебных обязанностей.

Имеется небольшой, но статистически значимый тренд к росту выявленных преступлений. Подобного рода тенденция может быть связана с различными факторами, например, такими как усиление контроля и своевременного выявления преступлений, связанных с внешнеэкономической деятельностью правоохранительными органами, а также улучшение самих методов и технологий выявления.

Рассматривая темпы регистрации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в Федеральных округах, отметим, что наибольший прост наблюдается в Приволжском (+54,2 %), Уральском (+38,9 %), Сибирском (+19,6 %) федеральных округах (табл. 5). Отметим, что высокие относительные показатели (показатели прироста) пока не демонстрируют значительного увеличения в абсолютных показателях регистрации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в 2022–2023 годах. Наименьшие значения зафиксировано в Северо-Кавказском ФО, поскольку данный федеральный округ меньше вовлечен во внешнеэкономическую деятельность государства.

Северо-Кавказский федеральный округ, состоящий из разнообразных субъектов с различными эко-

Таблица 4

Сведения об удельном весе преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, выявленных в сфере внешнеэкономической деятельности подразделениями ЭБиПК МВД России в 2021–2023 гг. [5]

2021		2022		2023	
внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)	внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)	внешнеэкономическая деятельность (всего)	внешнеэкономическая деятельность (гл. 22 УК РФ)
416	162	387	154	512	254
	38,94		39,79		49,60

Таблица 5

Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности по федеральным округам Российской Федерации

	2022	2023	Прирост/снижение, %
Центральный ФО	117	121	3,4
Северо-Западный ФО	88	81	-8,0
Северо-Кавказский ФО	19	6	-68,4
Южный ФО	55	62	12,7
Приволжский ФО	24	37	54,2
Уральский ФО	18	25	38,9
Сибирский ФО	179	214	19,6
Дальневосточный ФО	57	60	5,3
ФТ «Сириус»	0	0	-

Примечание: Ф. 1Э кн. 3 – 2023 г., Ф. 1Э кн. 16 – 2022 г.

номическими и социокультурными характеристиками, имеет наименьшее значение интенсивности осуществления внешнеэкономической деятельности по сравнению с другими регионами России. Кроме того, в Северо-Кавказском регионе преобладают такие отрасли, как сельское хозяйство, добыча минеральных ресурсов и туризм, которые оказывают малозначительное влияние на развитие международных экономических отношений.

В целом на изменение динамики преступности в сфере внешнеэкономической деятельности, влияет комплекс обстоятельств, многие из которых связаны с экспортно-импортной деятельностью.

По подсчетам ФТС России, положительное внешнеторговое сальдо России в 2023 г. составило \$ 140 млрд, что на 58,5 % меньше показателя 2022 г. (\$ 337,2 млрд). Экспорт товаров из России составил \$ 425,1 млрд, снизившись на 28,3 % по сравнению с 2022 г. (\$ 592,5 млрд). При этом импорт товаров достиг \$ 285,1 млрд, увеличившись на 11,7 % (\$ 255,3 млрд). Объем внешней торговли РФ составил \$ 710,2 млрд против \$ 847,8 млрд., сократившись на 16,2 %. В товарной структуре экспорта (ФТС дает только крупную разбивку по агрегированным кодам ТН ВЭД) рост показал только экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 4,3 %, до \$ 43,1 млрд. В свою очередь, экспорт минеральных продуктов снизился на 33,6 %, до \$ 260,1 млрд, металлов и изделий из них – на 15,1%, до \$ 60,0 млрд, химической продукции – на 35,2 %, до \$ 27,2 млрд, машин, оборудования, транспортных средств и других товаров – на 25,5 %, до \$ 22,9 млрд, древесины и целлюлозно-бумажных изделий – на 29,7%, до \$ 9,9 млрд, текстиля, текстильных изделий и обуви – на 6,8 %, до \$ 1,7 млрд. Экспорт из России в Европу сократился на 68 % (до \$ 84,9 млрд), США – на 40,4 % (до \$ 12,2 млрд.), Океанию – на 97,5 % (до 0), и только в Азию и Африку вырос на 5,6 % и 42,9 %, соответственно (до \$ 306,6 и \$ 21,2 млрд). Товарооборот со странами СНГ вырос всего на 7 % – до \$ 94 млрд¹.

Несмотря на снижение внешнеторгового оборота из-за многочисленных западных санкций (около 3 тыс.) и ряда внутренних ограничений, количество таможенных преступлений остается значительным.

Так, в 2023 г. было возбуждено 1 822 уголовных дела (далее также – УД), что на 1,4 % меньше, чем в 2022 г. (1 847 УД) [6]. Почти на 16,5 % сократилось число преступлений, предусмотренных ст.ст. 229.1, 200.1, 194, 193, 174.1 и 173.1 УК РФ. Однако на 9 % возросло количество УД, возбужденных по ст.ст. 173.2, 193.1, 200.2 и 226.1 УК РФ. Из общего количества УД возбуждено: 155 дел по ст. 229.1 УК РФ (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов) (в 2022 г. – 159); 740 дел по ст. 226.1 УК РФ (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, взрыв-

чатых, радиоактивных веществ, стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей, огнестрельного оружия или его основных частей, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов) (в 2022 г. – 704); 75 дел по ст. 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий) (в 2022 г. – 55), 82 дела по ст. 200.1 УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов) (в 2022 г. – 103); 285 дел по ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей) (в 2022 г. – 344); 170 дел по ст. 193.1 УК РФ (перевод денежных средств в иностранной валюте или рублях на счета нерезидентов с использованием подложных документов) (в 2022 г. – 147); 15 дел по ст. 193 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или рублях) (в 2022 году – 32 дела); 1 дело по ст. 189 УК РФ (незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники) (в 2022 г. – 3); 6 дел по ст.ст. 174, 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем) (в 2022 году – 10); 84 дела по ст. 173.1 УК РФ (незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица) (в 2022 г. – 100); а также 209 дел по ст. 173.2 УК РФ (незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица) (в 2022 г. – 190).

Указанные УД возбуждались по фактам: незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС и госграницу РФ стратегически важных товаров и ресурсов (на 5 млрд руб.); неуплаты таможенных платежей (на 7 млрд); невозврата денежных средств (на 14 млрд); незаконного перевода денежных средств с использованием подложных документов (на 9,7 млрд); незаконного перемещения наличных денежных средств (на 285,5 млн.); а также алкогольной продукции и табачных изделий (на 333,3 млн). В результате в федеральный бюджет перечислено таможенных платежей в размере 1,1 млрд руб., являвшихся предметами преступлений по УД, возбужденным по ст. 194 УК РФ (в 2022 г. – 1,7 млрд). По подозрению в совершении преступлений был задержан 71 человек (в 2022 г. – 63). В суды с обвинительными актами направлено 202 УД (в 2022 г. – 225), а по 109 УД вынесены обвинительные приговоры (в 2022 г. – по 102 делам).

Отмечается рост количества выявленных преступлений, связанных с лесоматериалами – на 15 % (возбуждено 345 дел, из них по ст. 226.1 УК РФ – 340 дел и ст. 194 УК РФ – 5 дел, в 2022 г. – 299 дел по ст. 226.1 УК РФ и 194 УК РФ); промтоварами, мебелью и бытовой техникой – на 3 % (67 дел по ст. 194 УК РФ, в 2022 г. – 65 дел); драгметаллами и камнями, ювелирными изде-

¹ Профицит торгового баланса России в 2023 г. сократился на 58,5 % // Интерфакс. 12.02.2024.

лиями – на 20 % (42 дела, из них по ст. 226.1 УК РФ – 37 дел и ст. 194 УК РФ – 5 дел, в 2022 г. – 35 дел по ст.ст. 226.1 УК РФ и 194 УК РФ)¹; культурно-историческими ценностями – в 2,7 раза (30 дел по ст. 226.1 УК РФ, в 2022 г. – 11 дел); продукцией топливно-энергетического комплекса – на 4 % (26 дел, из них по ст. 226.1 УК РФ – 24 дела и ст. 194 УК РФ – 2 дела, в 2022 году – 25 дел по ст.ст. 226.1 УК РФ и 194 УК РФ); объектами СИТЕС – на 10 % (11 дел по ст. 226.1 УК РФ, в 2022 г. – 10 дел); пушниной и меховыми изделиями – в 2,5 раза (5 дел по ст. 226.1 УК РФ, в 2022 г. – 2 дела). Положительная динамика также отмечается по выявлению преступлений, связанных с невозвращением денежных средств, их переводом за рубеж с использованием подложных документов – на 3 % (185 дел, из них по ст. 193 УК РФ – 15 дел, по ст. 193.1 УК РФ – 170 дел); незаконным образованием юридических лиц и незаконным использованием документов для этих целей – на 2 % (292 дела, из них по ст. 173.1 УК РФ – 84 дела, по ст. 173.2 УК РФ – 208 дел).

Существенные результаты достигнуты в сфере предупреждения организованной преступности: так возбуждено 141 УД (в 2022 г. – 114). Из них 81 дело по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ; 30 дел по п. «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ; 14 дел по ч. 4 ст. 194 УК РФ; 6 дел по ч. 3 ст. 200.2 УК РФ; 6 дел по п. «а» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ; 1 дело по п. «б» ч. 2 ст. 193 УК РФ; а также 3 дела по ст. 210 УК РФ (возбуждены территориальными управлениями МВД России по фактам организации преступных сообществ, действовавших во внешнеэкономической сфере).

Взаимодействие с Центробанком России позволило предотвратить незаконный вывод из страны более 1,1 млрд (в 2022 г. – более 900 млн) руб., а с ФНС России – добиться исключения из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) 136 фирм-однодневок, что позволило предотвратить реализацию сомнительных внешнеторговых сделок на 17,9 млрд (более 11,5 млрд) руб.

Кроме этого выявлено более 4,9 млн единиц контрафактной продукции (в 2022 г. – 4,6 млн единиц без учета разового крупного выявления в количестве 3,6 млн единиц продукции, перемещавшейся в рамках параллельного импорта). Предотвращенный ущерб правообладателям в связи с введением контрафактных товаров в гражданский оборот составил 3,7 млрд (в 2022 г. – 5,7 млрд) руб. Предметами большинства правонарушений являлись одежда и обувь, детские игрушки и игры,

автозапчасти и автоаксессуары, сумки и ремни, парфюмерия и косметика.

По результатам таможенного контроля после выпуска товаров выявлены нарушения на общую сумму 35,8 млрд руб. (на 28 % больше, чем в 2022 г. – 28 млрд руб.), а в федеральный бюджет дополнительно перечислено 25,8 млрд руб. (на 39 % больше, чем в 2022 г. – 18,5 млрд руб.). По выявленным нарушениям таможенными и иными контролирующими органами возбуждено 223 УД. Повысилась эффективность взаимодействия с ФНС России: по результатам совместных проверок в федеральный бюджет дополнительно перечислено 6,6 млрд. руб. (в 2022 г. – 5 млрд руб.).

Подразделениями таможенного контроля после выпуска товаров во взаимодействии с иными контролирующими органами выявлено и изъято 30,2 млн пачек сигарет. По данным фактам было возбуждено 136 УД. Проверочная деятельность, направленная на предотвращение незаконного ввоза товаров вблизи российско-белорусского, российско-казахстанского, российско-грузинского и российско-азербайджанского участков госграницы, осуществляется мобильными группами. По итогам года ими выявлено 7,6 тыс. автомашин, перевозивших 91,5 тыс. тонн товаров с нарушением законодательства более чем на 12 млрд руб., пресечен вывоз более 19,8 тыс. тонн стратегически важных товаров (лесоматериалы, машинное оборудование); 1 333 тонны товаров без обязательной маркировки средства, в том числе обуви – 119 тонн, табачной продукции – 44 тонны. Во взаимодействии с иными правоохранительными органами в отношении автоперевозчиков было возбуждено 152 УД (в 2022 г. – 146).

Учитывая серьезность угрозы, исходящей от контрабанды стратегических товаров и ресурсов экономической безопасности России, государство регулярно пересматривает нормы как административного, так и уголовного законодательства. Так, Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 82-ФЗ ужесточена уголовная ответственность за незаконный экспорт или передачу товаров, технологий, вооружения, военной техники, незаконное выполнение работ и оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль.

Часть 2 ст. 189 УК РФ была дополнена квалифицирующими признаками: «деяния совершены лицом с использованием своего служебного положения» и «деяния совершены в отношении оружия массового поражения или средств его доставки либо товаров или технологий, работ (услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения или средств его доставки и в отношении которых установлен экспортный контроль». В свою очередь, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 189 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет лишения свободы со штрафом до 1 млн руб. или в размере зарплаты осужденного за период до 5 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года.

¹ По информации ФТС, на аэропорты московского авиаузла приходится около 65 % всех выявленных преступлений. Чаще всего незадекларированные драгоценности пытались ввезти из ОАЭ, Турции, Китая и Азербайджана, а вывезти – в Китай, США, Монголию и Израиль. В основном граждане предпринимали попытки незаконного перемещения золота, серебра, платины, металлизированного песка, а также изделий из драгметаллов, в числе которых брендовые часы, кольца, серьги, кулоны и браслеты известных ювелирных домов.

С учетом повышенной общественной опасности преступлений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 189 УК РФ, изменены их категории с небольшой и средней тяжести на тяжкие и особо тяжкое, соответственно.

Несмотря на принятые законодательные новеллы в 2023 году, уровень зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 189 УК РФ, не изменился: в 2022 и 2023 гг. выявлено по 5 преступлений.

Законодательные изменения коснулись и ст. 226.1 УК РФ. Так в предмет преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, была включена контрабанда технологий, сырья, научно-технической информации и результатов интеллектуальной деятельности.

В 2022 г. по ст. 226.1 УК РФ выявлено в 2022 году выявлено 1 272 преступления, в 2023 г. – 1 278 преступлений.

В свою очередь 12 октября 2023 г. вступили в силу поправки в УК РФ, внесенные Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 113-ФЗ, согласно которым введена уголовная ответственность за контрабанду и оборот растений и грибов, которые являются особо ценными и (или) занесенными в Красную книгу РФ, а также охраняются международными договорами РФ. Их перечень утвержден Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 (в ред. Постановления Правительства РФ от 05.10.2023 № 1640). Сегодня под действия УК РФ подпадает контрабанда двух видов растений – женьшень настоящий ((*panax ginseng*)), родиола розовая (*rhodiola rosea* [*rhodiola arctica*]), а также 1 вида грибов – рядовка мацутакэ (*tricholoma matsutake*) [7].

Кроме того Федеральным законом от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ (вступил в силу 1 апреля) уточняется уголовная ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу РФ с государствами–членами ЕАЭС различных товаров и ресурсов, включая алкоголь и табак¹.

В частности, утратила силу ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий», поскольку Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 542 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923» указанная продукция включена в перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226.1 УК РФ, а также отнесена к видам стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. руб.

Кроме того, была разграничена уголовная ответственность за незаконное перемещение через таможен-

ную границу ЕАЭС либо Государственную границу РФ с государствами–членами ЕАЭС:

- стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей в крупном размере либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ или охраняемым международными договорами РФ, их частей и дериватов (производных);

- сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники.

Вследствие этого незаконное перемещение через границу РФ с ЕАЭС, либо через границу ЕАЭС стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей в крупном размере, либо особо ценных диких животных, водных биоресурсов, краснокнижных растений и грибов, их частей и дериватов, наказывается штрафом в размере от 300 тыс. до 1 млн руб. или в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3-х лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок (ч. 1 ст. 226 УК РФ).

Одновременно с этим ст. 226.1 УК РФ была дополнена ч. 1.1, устанавливающей ответственность за незаконное перемещение сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники. Максимальным наказанием за указанные деяния является лишение свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом до 1 млн руб. Наряду с этим с 1 до 2 млн руб. повышен максимальный размер штрафа, назначаемый за контрабанду, совершенную организованной группой.

В завершении отметим, что внешнеэкономическая преступность для любого государства может рассматриваться в контексте социо-экономических и социополитических факторов, влияющих на формирование и динамику преступной активности. Безусловно, введение экономических санкций привело к обострению экономической ситуации, что поспособствовало росту теневой экономики и развитию незаконных сек-

¹ По оценкам Национального научного центра компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции (ННЦК), на долю теневого рынка сигарет приходится 12,9 %. Причем за последние 7 лет она выросла в 12 раз. Теневой оборот табака в 2022 г. обошелся федеральному бюджету в 115 млрд руб. недополученных акцизов и НДС // Интерфакс. 14.06.2023.

торов, включая внешнеэкономическую преступность. Однако одним из ключевых факторов, обусловивших внешнеэкономическую преступность в 2022–2023 гг. стали сложившиеся условия специальной военной операции.

Внешнеэкономическая преступность приобрела особую актуальность и сложность в том числе, в связи с ослаблением контроля над государственной и таможенной границами, увеличением потоков ввоза и вывоза нелегальных товаров (в частности, контрабанда товаров и оружия через границы), финансированием военных действий. Таким образом, перечисленные противозаконные действия становятся важным фактором формирования внешнеэкономической преступности, как сторон, вовлеченных в конфликт в условиях специальной военной операции, так и лиц не причастных к ней.

Список источников

1. Состояние преступности в России за 2023 г. М. : ГИАЦ МВД России, 2024.
2. Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. URL://https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Polozhenie.
3. Ф. 010 кн. 11. Сводный отчет по России «О преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших» // ГИАЦ МВД России.
4. Ф. 010 кн. 3 Раздел 2. Сведения о преступлениях экономической направленности, совершенных в приоритетных сферах деятельности // ГИАЦ МВД России.
5. Ф. 495 кн. 101. Сводный отчет по России «Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации» // ГИАЦ МВД России.

Информация об авторах

Т. В. Молчанова – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. Н. Сухаренко – директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ, независимый антикоррупционный эксперт.

Information about the authors

T. V. Molchanova – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. N. Sukharensko – Director of the Centre for the Study of New Challenges and Threats to the National Security of the Russian Federation, Independent Anti-corruption Expert.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication 01.11.2024.

6. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 г. М. : ФТС России, 2024 // URL://https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2024-03/04/id_2023.pdf.

7. Ковалевская Е. За сбор и продажу особо ценных грибов и растений грозит уголовная ответственность // Рос. газета. 11 октября 2023 г.

References

1. The state of crime in Russia for 2023. M. : GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024.
2. Regulations on the Main Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Polozhenie.
3. F. 010 b. 11. Consolidated report on Russia «On crimes of economic orientation and persons who committed them» // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. F. 010 b. 3. Section 2: Information on economic crimes committed in priority areas of activity // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. F. 495 b. 101. Consolidated report on Russia «Information on the results of the work of the economic security and anti-corruption units of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Final report on the results and main directions of the FCS of Russia in 2023. M. : FCS of Russia. 2024 // URL://https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2024-03/04/id_2023.pdf.
7. Kovalevskaya E. For the collection and sale of especially valuable mushrooms and plants threatens criminal liability // Ros. gazeta. 11.10.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-98-102>

EDN: <https://elibrary.ru/zggowu>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-4/24-063

МОСКОВСКИЙ: 77/27-011-2024-04-262

Международные стандарты и сотрудничество Российской Федерации в сфере внешней трудовой миграции

Сергей Леонидович Нечай

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются международные правовые акты в сфере трудовой миграции. Раскрыта их сущность, основное содержание, предмет правового регулирования. По данному основанию приводится соответствующая классификация. Показана современная обстановка в сфере внешней трудовой миграции в Российской Федерации.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, международная организация труда, иностранный гражданин, трудовые мигранты, международные стандарты трудовой миграции

Для цитирования: Нечай С. Л. Международные стандарты и сотрудничество Российской Федерации в сфере внешней трудовой миграции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 98–102. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-98-102>. EDN: ZGGOWY.

Original article

International standards and cooperation of the Russian Federation in the field of external labor migration

Sergey L. Nechay

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

s.l.nechay@gmail.com

Abstract. The article analyzes international legal acts in the field of labor migration. Their essence, main content, and subject of legal regulation are revealed. On this basis, the corresponding classification is given. The current situation in the field of external labor migration in the Russian Federation is shown.

Keywords: external labor migration, international labor organization, foreign citizen, labor migrants, international standards of labor migration

For citation: Nechay S. L. International standards and cooperation of the Russian Federation in the field of external labor migration. Bulletin of economic security. 2024;(4):98–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-98-102>. EDN: ZGGOWY.

Правовое регулирование трудовой миграции на международном уровне представляет собой совокупность норм, регламентирующих вопросы трудовой деятельности иностранных граждан на общегосударственной и транснациональном уровнях, путем регламентации механизмов регулирования трудовых правоотношений и установлении стандартов.

Образованные предписания интегрируются в систему отечественного законодательства. В этой связи образуется строгая иерархическая последовательность нормативных правовых актов различной степени юридической силы и создается органичная система, декларирующая особенности реализации внешней трудовой миграции в пределах принимающих государств, с уста-

новлением взаимных прав и обязанностей субъектов общественных отношений, направленные на защиту интересов сторон, гарантирование добросовестного выполнения правовых предписаний.

Таким образом, в рамках международно-правового регулирования затрагиваются неоднородные общественные правоотношения, сопряженные с реализацией института внешней трудовой миграции, что позволяет устанавливать допустимые пределы для корректного и безопасного использования наемного труда прибывших иммигрантов.

В настоящее время продолжается тенденция восполнения постоянного населения российского государства и обеспечения национальной экономики трудо-

выми ресурсами за счет миграции [1]. Так, миграционный прирост в 2023 году на 45,4 % компенсировал естественную убыль населения (в 2018 г. – 57,2 %; в 2019 г. – 90,4 %; в 2020 г. – 15,5 %; в 2021 г. – 41,2 %; в 2022 г. – 10,4 %).

Структура и цели внешних миграционных потоков, направленных в Российскую Федерацию, остаются неизменными. Большинство прибывающих в страну иностранных граждан составляют граждане государств – участников СНГ (77,7 %), основными целями которых являются работа и частная.

Количество действительных разрешений на работу возросло на 26,1 % (109,9 тыс.). При этом количество действительных патентов соответствует показателю за 2022 год (1,8 млн).

Международно-правовые стандарты, являясь группой субъективных прав, имеют тесную взаимообусловленную связь с естественным правом, основы которого заложены во «Всеобщей декларации прав человека».

Указанный нормативный правовой акт, ратифицируемый почти всеми государствами современного мира, является фундаментом для создания национального правового поля и выступает аксиологическим началом для урегулирования неоднородной массы общественных отношений в соответствии с идеей гуманизма, равноправия, справедливости. В части обеспечения международно-правовых стандартов внешних трудовых мигрантов, интерес представляют правовые нормы в сфере труда: право на труд; на свободный выбор работы и защиту от безработицы; на справедливые и благоприятные условия труда, равную плату за равный труд без какой-либо дискриминации; на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи; на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск, на создание профсоюзов и участие в них с целью защиты своих интересов.

Важное значение имеют «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» и «Международный пакт о гражданских и политических правах», содержательная часть которых раскрывает права и стандарты трудовой деятельности, расширяя их значение и осуществляет толкование.

ООН – важнейшая международная организация, деятельность которой состоит в обеспечении благоприятного существования человека и защите его интересов от незаконных ограничений, ущемлений и порицаний. Нормотворческая деятельность заключается в создании международно-правовых постулатов, декларирующих защиту законных прав человека, как высшую ценность, что в полной мере справедливо для трудовых иммигрантов. Определяя стандарты правотворческой деятельности и функционирования сопряженных властных, административных и социальных институтов, деятельность ООН в сфере регламентирования трудовой миграции, вне зависимости от ее вида, во многом взаимосвязана с

Международной организацией труда. Данные нормативные правовые акты, имея рекомендательный характер, приобретают особую социальную значимость благодаря своему правоохранительному и гуманному характеру, содействию экономическому прогрессу. При этом, сопряженная правовая интеграция международного правотворчества в национальное законодательство стран-участников носит обязательный характер. Образующие стандарты являются обязательными к соблюдению, что в полной мере справедливо для Российской Федерации – члена данных международных объединений. Сложная система нормативных правовых актов всемерно регламентирует права трудовых мигрантов, систематизируя массу неоднородных правовых отношений, устраняя коллизии, обеспечивая должную защиту. Так, говоря о международных постулатах, предписывающих стандарты внешней трудовой миграции, необходимо обозначить:

1. Конвенцию «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» охватывающую широкий круг лиц, пребывающих на территории государства с целью осуществления трудовой деятельности, их прав и свобод. Правовой акт закрепляет такие стандарты, доступ к местным системам трудоустройства, профессиональной ориентации, образования, специальной подготовки и переподготовки; запрет дискриминации вне зависимости от способа и формы ее выражения; признание недопустимым рабского и подневольного труда и т. д. В совокупности с предоставляемым перечнем социальных и личных прав, переопределяющих стандарты нормативного регулирования в сфере трудовой миграции, данная конвенция всемерно обеспечивает жизнедеятельность участников внешней трудовой миграции;

2. международно-правовые акты, имеющие яркий антидискриминационный характер – Международные конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» и «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» и ряд других, обеспечивают стандарт равенства трудовых мигрантов в трудовых правоотношениях, обеспечивая им равный доступ к занятости, подобно гражданам принимающей стороны, за исключением случаев обеспечения национальных интересов государства;

3. нормотворческую деятельность Международной организации труда (далее – МОТ) – структурного подразделения ООН, регламентирующего вопросы трудовой деятельности, в том числе с привлечением миграционных ресурсов.

Первым достижением МОТ, направленным на регламентацию процессов внешней трудовой миграции стало принятие Филадельфийской декларации в 1944 году, которая положила начало правоприменительной деятельности в сфере трудовых процессов, а именно провозгласила отказ от признания труда товаром, закрепила его понимание, как возмездной услуги.

Данная правовая новация легла в основу 8 нормативных правовых актов, регламентирующих трудовую деятельность:

– Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (г. Женева 28.06.1930) – первичный нормативный правовой акт, закладывающий основы трудовой деятельности на основе стандартов ее добровольности, возмездности, исключая принуждение в любой его форме, в том числе под угрозой применения негативных последствий любого характера. Вместе с этим, упраздняется принудительный и обязательный труд, имеющий «фискальный характер» и оцениваемый, как налог. Однако, не смотря на интегрируемые новшества, Конвенция в исключительных случаях допускает использование принудительного труда с установлением максимальной продолжительности данного процесса;

– Конвенция № 105 Международной организации труда «Об упразднении принудительного труда» (г. Женева 25.06.1957) – нормативный правовой акт, дополняющий положения ранее указанного документа, а именно существенно расширяющий формы обязательного и принудительного труда;

– Конвенция № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (г. Сан-Франциско 09.07.1948) – нормативный правовой акт, предписывающий возможность коллективной и коллегиальной защиты своих прав всеми лицами, осуществляющими трудовую деятельность. Так, работники имеют право создавать организации без какого-то ни было предварительного разрешения для целей обеспечения и защиты интересов, при том данное право не может быть ограничено государством. К слову, первая подобная форма защиты и упорядочивания трудовых процессов с привлечением внешних мигрантов на территории Российской Федерации датируется 2007 годом;

– Конвенция № 98 Международной организации труда «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» (г. Женева 01.07.1949) – в развитие ранее указанных положений более широко закрепляет право на защиту трудовых правоотношений работниками не только внутреннего механизма государства, но и привлеченных из-за рубежа;

– Конвенция № 100 Международной организации труда «Относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности» (г. Женева 29.06.1951) – в развитие ранее ратифицированных документов о запрете принудительного и обязательного труда, предписывает критерий (принцип, стандарт) возмездности, т. е. уплаты «вознаграждения» за проделанный труд. Для фактического воплощения предъявляемых требований ч. 2 ст. 2 настоящей Конвенции устанавливается перечень методов обеспечения вознаграждения, а именно: национального законодательства; системы определения вознаграждения, установленной или при-

знанной законодательством; коллективных договоров между работодателями и работниками; сочетания этих различных способов. Россия, как один из членов МОТ, стремясь к правовому регулированию общественных отношений и создания благоприятных условий для существования всего населения, не только регламентирует вопросы трудовых правоотношений, но и систематически устанавливает минимальный размер оплаты труда за проделанную работу, что является гарантом социальной защищенности и обеспеченности населения, соблюдением их прав на соразмерное вознаграждение, что позволяет удовлетворять свои витальные потребности;

– Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (г. Женева 25.06.1958) – в развитие конвенций МОТ № 29, 105 существенно расширяется понимание дискриминации в области труда и накладывается полный запрет на данные факты, декларируя полное равенство трудящихся;

– Конвенция № 182 Международной Организации Труда «О минимальном возрасте для приема на работу» (Женева, 26.06.1973) и Конвенция № 182 Международной Организации Труда «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» (Женева 01.06.1999) – взаимосвязанные нормативные правовые акты, предписывающие, обязывающие урегулирование вопросов применения детского труда. Настоящий документ определяет стандарт – запрет на какое бы то ни было привлечение к трудовой деятельности лиц, до 13 летнего возраста, после, предусматриваются определенные исключения. Однако, их правовой характер сводится к прохождению различных курсов, не вредных для физического и психического здоровья подростков, направленный на овладение профессиональными навыками, познаниями, умениями, при условии безопасности такой формы обучения. Вторая конвенция, в развитие первой, ставит своей целью обеспечение правовой защиты несовершеннолетних, к которым согласно ст. 3 настоящего правового акта относятся: все формы рабства (продажа детей, долговая кабала, крепостная зависимость), занятие проституцией и вовлечение в нее (в том числе для получения порнографических материалов), использование детей для противоправной деятельности, а так же вовлечение данной категории лиц к труду, условия которого могут нанести вред его психическому и физическому здоровью.

Несмотря на тот факт, что данные нормативные правовые акты МОТ преимущественно регулируют вопросы трудовой занятости граждан, предписанный международным правом стандарт равенства и присущая ему концепция противодействия дискриминации в полной мере способствует распространению данных положений на внешних трудовых мигрантов. В рамках деятельности структурного подразделения ООН, принят ряд нормативных правовых актов, направленных исключительно на установление стандартов обеспечения внешней трудовой миграции:

1. Конвенция № 97 Международной Организации Труда «О трудящихся-мигрантах» (Женева, 01.07.1949) – нормативный правовой акт предписывающий в рамках национального законодательства образовывать специализированное подразделение по обеспечению мигрантов полной и достоверной информации о ситуации в стране, оказывающей им соразмерную помощь. При том, данный документ обязывает каждую принимающую страну обеспечивать поддержку по облегчению отъезда, переезда и приема работников-мигрантов, их трудоустройства, оказание квалифицируемой медицинской помощи и т. д. Наиболее существенным является ч. 6 настоящего правового акта, обязывающая предоставлять без дискриминации по признаку национальности, расы, религии или пола иммигрантам, законно пребывающим на его территории, условия не менее благоприятные, чем те, которыми пользуются его собственные граждане».

Содержательная часть нормативного правового акта устанавливает стандарт национального законодательства государства, ратифицирующего настоящий нормативный правовой акт, а именно обеспечение надлежащего отношения, наделение соответствующим комплексом прав трудовых мигрантов принимающей стороной, как и ее граждан (за некоторыми изъятиями, носящими государственное значение), среди чего особое значение относится искоренению дискриминации во всех ее видах и формах.

2. Конвенция № 143 Международной Организации Труда «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» (Женева, 24.06.1975) – цель которой сформулирована в ст. 1 «каждый член организации, для которого настоящая Конвенция находится в силе, обязуется соблюдать основные права человека всех работников-мигрантов». Настоящий источник права предписывает, что каждое государство, обязуется разработать и осуществлять национальную политику, направленную на содействие и гарантию прав трудовых мигрантов. При том, принятые меры и созданные правовые предписания должны соответствовать идеологии равенства возможностей и обращения в отношении труда привлеченным миграционными трудовыми ресурсами и членами их семей. Совместно с этим, ставится вопрос о необходимости выявления незаконных миграционных потоков, их пресечения, а так же поиска мест трудоустройства, где условия работы или пребывания не соответствуют установленным международным нормам.

3. Тесную взаимосвязь имеют Конвенция № 157 Международной Организации Труда «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» (Женева 21.06.1982) и Конвенция № 141 «о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» (Женева, 24.06.1975). Содержательная их часть определяется необходимостью признания государствами равенства мигрантов между

собой и с гражданами принимающей страны (социальное обеспечение, медицинское страхование, выплаты, пособия, страховые взносы и т. д.).

В этой связи в рамках международной политики, силами ООН и его структурного подразделением – МОТ осуществляется стандартизация международных трудовых процессов в их общем виде и с привлечением трудовых мигрантов в частности. Российская Федерация, являясь членом данных объединения, ратифицировала и внедрила в отечественное законодательство данных правовые новеллы, установив определенные изъятия, а именно в случаях, когда привлечение зарубежных трудовых ресурсов к определенной сфере деятельности окажут негативное воздействие на вопросы государственного значения [2].

Актуальное развитие рынка миграционного труда привело к созданию Декларации Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (Женева 18.06.1998) и Декларации Международной организации труда «О социальной справедливости в целях справедливой глобализации» (Женева, 10.06.2008), которые в качестве задач государств-участников МОТ устанавливают реализацию на практике основополагающих принципов в сфере труда, расширение возможности занятости и получения дохода, в том числе иностранными гражданами и лицами без гражданства; улучшение социальной защиты в сфере труда.

В рамках международного сотрудничества Российской Федерации в сфере внешней трудовой миграции значение представляет ее членство в Международной организации по миграции, деятельность которой призвана содействовать гуманизации и упорядочению миграционных процессов, оказания помощи в поиске практических решений возникающих проблем и предоставление необходимой гуманитарной помощи, содействие развитию международного миграционного законодательства, организация дискуссий и подготовка рекомендаций по вопросам миграционной политики, защита прав мигрантов, решение вопросов здравоохранения и противодействие дискриминации.

Таким образом, совокупностью норм международного права предписываются не только права и обязанности трудовых мигрантов и принимающей страны, но и стандарты, обязательные к соблюдению в образуемых правоотношениях. Данная группа нормативных правовых актов, обязательна к интеграции в государствах, участниках ООН, а равно почти всеми странами современного мира, тем самым создается иерархичная, организованная, взаимообусловленная система, направлена на регламентирование общественных отношений в сфере внешней трудовой миграции, с установлением взаимных прав и обязанностей субъектов права, направленные на защиту интересов сторон, гарантирование добросовестного выполнения правовых предписаний. Международно-правовые стандарты, являясь группой субъективных прав, имеют тесную взаимообусловленную связь с есте-

ственным правом, основы которого заложены во «Всеобщей декларации прав человека». Применимо к установлению международных стандартов внешней трудовой миграции, то кроме указанного нормативного правового акта, регуляции осуществляется принятыми в рамках ООН конвенциями, а также иными источниками права, созданными правотворческой деятельности МОТ – структурного подразделения ООН.

Проведенный системный анализ руководящих концепций, а также их целевое назначение позволяет утверждать, что всесторонняя регламентация прав и обязанностей трудовых мигрантов и принимающей стороны, образует незыблемые стандарты таковых правоотношений, выражающиеся в преодолении дискриминации вне зависимости от ее форм и видов, гарантировании благоприятных условий труда, социальных гарантий, безопасности, права на защиту своих интересов и многое другое. Вне зависимости от миграционной политики и потребности в привлечении миграционных трудовых ресурсов, страны, ратифицирующие настоящие положения обязаны соблюдать и обеспечивать данные стандарты и Российская Федерация не является исключением, имея членство в данных международных организациях. Кроме того, являясь государством с наибольшей площадью, имея рекреационный, промышленный и сельскохозяйственный потенциал, она привлекает множество трудовых мигрантов, что во многом обуслав-

ливает ее членство в Международной организации по миграции, а равно обязывает содействовать гуманизации миграционных процессов и развивать международное миграционное законодательство.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

2. Прудникова Т. А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции : специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право» : дис. ... канд. юрид. наук / Прудникова Татьяна Анатольевна. М., 2007. 188 с.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 (as amended on May 12, 2023) «On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 45. Art. 6917.

2. Prudnikova T. A. International legal regulation of labor migration: specialty 12.00.10 «International Law; European Law» : dis. ... candidate of legal sciences / Prudnikova Tatyana Anatolevna. M., 2007. 188 p.

Информация об авторе

С. Л. Нечай – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук.

Information about the author

S. L. Nechay – Associate Professor of the Department of the Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 13.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 13.09.2024.

Научная статья

УДК 347.23

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-103-107>

EDN: <https://elibrary.ru/bwhmli>

НИОН: 2015-0066-4/24-064

MOSURED: 77/27-011-2024-04-263

Правовой режим собственности Союзного государства

Владимир Владимирович Попов

Государственный университет управления, Москва, Россия, v_popov@guu.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу положений актов Союзного государства, законодательства и подзаконных актов Республики Беларусь и Российской Федерации о собственности Союзного государства. Цель статьи – определить юридическую сущность собственности Союзного государства, охарактеризовать ее правовой режим, описать состояние правового регулирования в данной области и дать рекомендации по его совершенствованию. Объект исследования – правоотношения собственности Союзного государства. Предмет исследования – акты Союзного государства, законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации о собственности. Методологическую и теоретическую основу исследования составляют общепринятые принципы научного познания, применимые к изучению проблем собственности, а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, системный, диалектический). В ходе исследования были сделаны выводы о необходимости закрепления института собственности Союзного государства (союзной собственности) в гражданском законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации в качестве государственной собственности.

Ключевые слова: государственная собственность, имущество, собственность, союзная собственность, Союзное государство

Для цитирования: Попов В. В. Правовой режим собственности Союзного государства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 103–107. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-103-107>. EDN: BWHMLI.

Original article

The legal regime of the property of the Union State

Vladimir V. Popov

State University of Management, Moscow, Russia, vv_popov@guu.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of the provisions of the acts of the Union State, legislation and by-laws of the Republic of Belarus and the Russian Federation on the property of the Union State. The purpose of the article is to determine the legal essence of the property of the Union State, to characterize its legal regime, to describe the state of legal regulation in this area and to make recommendations for its improvement. The object of the study is the legal relations of the property of the Union State. The subject of the study is the acts of the Union State, the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation on property. The methodological and theoretical basis of the research consists of generally accepted principles of scientific knowledge applicable to the study of property problems, as well as private scientific methods (formal legal, comparative legal, comparative historical, systemic, dialectical). In the course of the study, conclusions were drawn about the need to consolidate the institution of ownership of the Union State (union property) in the civil legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation as state property.

Keywords: state property, possession, property, union property, Union state

For citation: Popov V. V. The legal regime of the property of the Union State. Bulletin of economic security. 2024;(4):103–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-103-107>. EDN: BWHMLI.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве не теряли своей актуальности в течение всего времени, прошедшего после распада Советского Союза, однако в последние годы значимость интеграции России и Беларуси стала очевидна. У интеграции множество

аспектов, ряд которых играет заметную роль в политической жизни обеих стран, а некоторые аспекты (в том числе и вопросы собственности Союзного государства) остаются малозаметными. При помощи как общепринятых принципов научного познания, применимых к

© Попов В. В., 2024

изучению проблем собственности, а также частнонаучных методов (формально-юридического, сравнительно-правового, сравнительно-исторического, системного, диалектического) исследуются юридические аспекты собственности Союзного государства.

Правовой статус Союзного государства в настоящий момент определить достаточно сложно, поскольку оно, будучи интеграционным образованием политического характера, имеет также признаки государства (государственного образования). Собственно, его название включает в себя термин «государство», и большинство исследователей рассматривают Союзное государство именно в качестве государства того или иного рода, подчиняясь логике государственных деятелей, включивших это слово в название созданного ими объединения. Союзное государство характеризуют и как конфедерацию [1], и как государство с особой формой государственного устройства, схожей с федеративной [2, с. 10–11], а С. А. Авакьян в своем исследовании правовой природы Союзного государства назвал его «квазигосударством» [3]. Не вдаваясь в конституционно-правовые и международно-правовые нюансы сущности Союзного государства, и понимая, что его формирование далеко не завершено, для целей настоящего исследования Союзное государство будет рассматриваться как государство в широком смысле, как публично-правовое образование, являющееся субъектом имущественных отношений, аналогичных тем, которые регулируются гл. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] и гл. 5 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5].

В настоящий момент институты, характеризующие Союзное государство как публично-правовое образование, можно разделить на те, которые складываются из институтов государств-участников (например, гражданство Союзного государства), и на те, которые хоть и формируются на основе институтов государств-участников, но не представляют собой их совокупность, а имеют самостоятельный характер. Дальнейшее развитие союзной интеграции подразумевает значительное развитие в первую очередь самостоятельных институтов Союзного государства как публично-правового образования.

Публично-правовое образование для реализации своих функций и осуществления полномочий должно обладать достаточными ресурсами, в том числе и экономическими. Наличие необходимого для этого имущества и закрепление его в собственности соответствующего публично-правового образования – это необходимые условия для его сколько-нибудь успешного функционирования. Следовательно, институт собственности Союзного государства (союзной собственности) крайне важен в контексте перспектив союзной интеграции, что учитывалось при создании Союзного государства.

В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» [6] оно может являться собственником движимого и недвижимого имущества (ст. 9), управление которым относится к ис-

ключительному ведению Союзного государства (ст. 17) и осуществляется Советом Министров (ст. 46). Однако в течение достаточно длительного времени вопросы собственности Союзного государства не были детализированы сторонами, пока в феврале 2009 года не вступило в силу Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О регулировании вопросов собственности Союзного государства» от 24 января 2006 года [7]. Соглашением установлено, что в собственности Союзного государства может находиться имущество, необходимое для осуществления функций его органов управления (ст. 4), при этом имущество Союзного государства используется исключительно для осуществления его целей и задач (ст. 9). Соглашением устанавливается запрет на нецелевое (несовместимое с функциями органов управления) использование указанного имущества. Подобный подход в общих чертах корреспондирует с режимом, установленным для государственной собственности субъектов Российской Федерации (ст. 55 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [8]) и для муниципальной собственности (статья 50 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9]), что свидетельствует о единой правовой природе этих разновидностей собственности. Но следует обратить внимание, что в Соглашении речь идет об имуществе, необходимом для осуществления функций органов управления Союзного государства, что серьезно сужает область его использования в сравнении с собственностью субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

При этом правовой режим собственности Союзного государства контрастирует с правовым режимом федеральной собственности, в которой «может находиться любое имущество (в том числе вещи, изъятые из оборота или ограниченные в обороте)» [10, абз. 1489], а круг объектов и перечень целей использования которой не ограничен никакими нормами, в том числе и устанавливающими функции и полномочия федеральных органов государственной власти. Такой подход подтверждает, что государством в полном смысле этого слова Союзное государство (так же, как и субъекты Российской Федерации, и тем более муниципальные образования) в существующих правовых реалиях не является.

Концепция управления собственностью Союзного государства от 2011 г. [11], действие которой приостановлено в 2014 г. до принятия закона Союзного государства (до сих пор не принят), среди принципов управления собственностью Союзного государства устанавливает единство права собственности. Это полностью соответствует концепции публичной собственности, при которой собственником выступает соответствующее публично-правовое образование, а не совокупность лиц, структур или органов власти.

В соответствии со ст. 4 Соглашения и п. 1.4 Концепции в собственности Союзного государства находятся средства его бюджета; созданное или приобретенное Союзным государством имущество; переданное государствами-участниками имущество; иное имущество, поступившее в его собственность. Таким образом, перечень оснований приобретения в собственность Союзного государства имущества является открытым, и Союзное государство может становиться собственником любым не запрещенным законом способом (например, путем наследования имущества умершего гражданина в соответствии с его завещанием).

Несмотря на то, что Союзное государство включает в себя Россию и Беларусь, количество имущества, находящегося в его собственности, многократно меньше, чем количество имущества его членов не только совместно, но и по отдельности. Например, бюджет Союзного государства на 2024 г. составляет 6 млрд 970 млн 105,1 тыс. российских рублей; для сравнения, бюджет Российской Федерации на 2024 г. – порядка 35,06 трлн рублей. Вещи, находящиеся в собственности Союзного государства на настоящий момент, не могут создать существенной материальной основы для его деятельности, к тому же состояние их учета не позволяет составить представление об их количестве. Тем не менее, вопрос о правовом режиме имущества, принадлежащего Союзному государству на праве собственности, должен быть решен, и решен в рамках цивилистической парадигмы. Без этого дальнейшее развитие Союзного государства в качестве публично-правового образования представить крайне затруднительно.

В Российской Федерации признаются три поименованные формы собственности (частная, государственная, муниципальная) и неопределенное число так называемых «иных форм собственности» (ст.ст. 8 и 9 Конституции Российской Федерации) [12]. Эта конструкция воспроизводится и в федеральных законах, регулирующих отношения собственности, либо целиком, с упоминанием иных форм собственности (Гражданский кодекс Российской Федерации), либо без их упоминания (Земельный кодекс Российской Федерации [13]). В Республике Беларусь, согласно ст. 13 Конституции [14], установлена дихотомия форм собственности – признаются лишь государственная и частная собственность, иных форм собственности не предусмотрено. Гражданский кодекс Республики Беларусь (ст.ст. 213 и 215) конкретизирует эту классификацию, предусматривая в качестве разновидностей государственной собственности такие формы, как республиканская собственность (собственность Республики Беларусь) и коммунальная собственность (собственность административно-территориальных единиц различных уровней). Аналогичным образом обстоит дело и в России – государственная собственность подразделяется на федеральную собственность (собственность Российской Федерации) и собственность субъектов Российской Федерации (обычно именуемую региональной собственностью). Концепту-

альное различие состоит в том, что коммунальная собственность в Беларуси не является аналогом региональной собственности в России, поскольку включает в себя собственность как областей, так и районов, городов, сельсоветов. В России же публично-правовые образования уровнем ниже, чем субъекты Российской Федерации, отделены от государства и являются муниципальными образованиями, наделенными своим собственным имуществом, принадлежащим им на праве муниципальной собственности (которая является самостоятельной формой собственности, объединяемой с государственной собственностью в доктринальную категорию публичной собственности).

Множественность (плюрализм) форм публичной собственности является для отечественного правопорядка явлением относительно новым, возникшим в России и Беларуси вследствие экономических реформ начала 1990-х годов. В советский период, невзирая на сложное территориальное устройство Союза Советских Социалистических Республик и наличие у союзных республик и автономных республик в их составе заметных элементов государственности, государственная (социалистическая, общенародная) собственность рассматривалась как монолитная сущность, не подлежащая разделению между различными уровнями власти. Как писал А. В. Венедиктов, «государство является единым и единственным субъектом права собственности как права присвоения в отношении всех государственных имуществ, в чьем бы ведении или пользовании они не находились» [15, с. 322]. Одним из последствий ликвидации социалистической системы стала имущественная обособленность публично-правовых образований, что выразилось в закреплении за каждым из них собственного имущества.

Вследствие различного подхода к формам собственности вопрос о собственности Союзного государства в России и Беларуси решается по-разному.

Российское законодательство напрямую не включает собственность Союзного государства в какую-либо из упомянутых категорий, однако анализ подзаконных актов позволяет сделать вывод, что ее относят к иным формам собственности. Это следует, к примеру, из пп. 4 п. 55 Приказа Росреестра от 7 декабря 2023 г. № П/0514 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» [16], в соответствии с которым в записи реестра прав на недвижимость о вещных правах на объекты недвижимости собственность Союзного государства указывается как иная публичная с указанием собственника – «Союзное государство».

Сложнее дело обстоит в отношении белорусского законодательства. При отсутствии иных форм собственности имущество Союзного государства, поскольку законом оно не отнесено к государственной собственности, должно признаваться находящимся в частной собственности, однако это демонстрировало бы весьма формальный подход к вопросу, не учитывающий сущность Союзного государства. В настоящее время в со-

ответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18 мая 2020 г. № 168 «О Едином реестре имущества» [17] имущество Союзного государства учитывается как государственная собственность, а при реализации программ Союзного государства право собственности на возникающее или приобретаемое в результате этого имущество возникает у Республики Беларусь.

Состояние дел относительно правового регулирования собственности Союзного государства следует признать неудовлетворительным не только с позиций концептуального определения ее места среди форм собственности, но и с позиций управления имуществом, относящимся к союзной собственности.

Учет имущества Союзного государства должен осуществляться в Реестре имущества Союзного государства (ст. 6 Соглашения 2006 года), однако до настоящего времени этот вопрос не урегулирован. В соответствии с Резолюцией № 2 Высшего Государственного Совета Союзного государства «Об урегулировании вопросов собственности Союзного государства» [18], принятой 29 января 2024 г., в течение текущего года должны быть предприняты мероприятия по инвентаризации имущества Союзного государства и разработан проект постановления Совета Министров Союзного государства о порядке формирования и ведения указанного Реестра. При проведении постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства на тему «Собственность Союзного государства: вопросы организации учета и управления» 21 мая 2024 г., в котором участвовал автор, данный вопрос был поднят, участниками семинара было указано на существующие проблемы.

Не касаясь вопросов учета имущества Союзного государства и управления им, следует внимательнее отнестись к правовому регулированию союзной собственности в России и Беларуси. Представляется необходимым изменить гражданское законодательство государств-участников для имплементации норм о праве собственности Союзного государства. При создании Союзного государства в соответствии с Программой действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. была предусмотрена унификация гражданского законодательства.

Собственность Союзного государства (союзная собственность) должна быть определена как разновидность государственной собственности – наряду с федеральной и региональной в Российской Федерации и республиканской и коммунальной в Республике Беларусь. Будучи признанной в качестве полноценной государственной собственности, союзная собственность сможет выступить экономическим фундаментом Союзного государства.

Приходим к выводу, что придание союзной собственности режима государственной собственности также будет способствовать ее защите от правонарушений, в том числе и со стороны властей других государств и

территорий. В настоящее время опасения относительно защиты союзного имущества от зарубежных посягательств носят скорее гипотетический характер, поскольку указанное имущество пребывает на территории государств-участников. Тем не менее, право должно не столько реагировать на существующие вызовы, сколько их предвосхищать, поэтому представляется своевременным учитывать угрозы союзному имуществу, исходящие от иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь недружественные действия.

Список источников

1. Зобнин В. С. Правовая природа Союзного государства России и Беларуси // История государства и права. 2023. № 2. С. 31–37.
2. Куракина С. И. Союзное государство Беларуси и России : конституционно-правовое исследование : автореферат диссертации кандидата юридических наук. Челябинск, 2007. 32 с.
3. Авакян С. А. Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства : конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 1. С. 3–15.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 24.05.2024).
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3.
7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24 января 2006 г. «О регулировании вопросов собственности Союзного государства» // Бюллетень международных договоров. 2009. № 6.
8. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
9. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
10. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2024).
11. Постановление Совета Министров Союзного государства № 18 от 22 апреля 2011 г. «О Концепции управления собственностью Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2024).

12. Конституция Российской Федерации // URL://<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 24.05.2024).

13. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

14. Конституция Республики Беларусь // URL://<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 24.05.2024).

15. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. Москва, Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1948. 841 с.

16. Приказ Росреестра от 7 декабря 2023 г. № П/0514 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2024).

17. Указ Президента Республики Беларусь от 18 мая 2020 г. № 168 «О Едином реестре имущества» // URL://<https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-168-ot-18-maya-2020-g> (дата обращения: 24.05.2024).

18. Резолюция Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «Об урегулировании вопросов собственности Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2024).

References

1. Zobnin V. S. The legal nature of the Union State of Russia and Belarus // History of the state and law. 2023. № 2. P. 31–37.

2. Kurakina S. I. The Union State of Belarus and Russia : constitutional and legal research : the abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Chelyabinsk, 2007. 32 p.

3. Avakian S. A. The treaty between the Republic of Belarus and the Russian Federation on the creation of the Union State : constitutional and legal analysis // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Law. 2001. № 1. P. 3–15.

4. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 № 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

5. Civil Code of the Republic of Belarus № 218-Z of December 7, 1998 // URL://<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (accessed: 24.05.2024).

6. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated December 8, 1999 «On the

creation of the Union State» // Bulletin of International Treaties. 2000. № 3.

7. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated January 24, 2006 «On the regulation of property issues of the Union State» // Bulletin of International Treaties. 2009. № 6.

8. Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021 «On general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 52 (part I). Art. 8973.

9. Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 «On General principles of the organization of local self-government in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822.

10. Sukhanov E. A. Property Law: a scientific and educational essay. M. : Statute, 2017. 560 p. // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 24.05.2024).

11. Resolution of the Council of Ministers of the Union State № 18 dated April 22, 2011 «On the Concept of Property management of the Union State» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 24.05.2024).

12. The Constitution of the Russian Federation // URL://<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (accessed: 24.05.2024).

13. Land Code of the Russian Federation № 136-FZ dated October 25, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

14. Constitution of the Republic of Belarus // URL://<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (accessed: 24.05.2024).

15. Venediktov A. V. State Socialist Property. Moscow, Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. 841 p.

16. Rosreestr Order № П/0514 dated December 7, 2023 «On establishing the procedure for maintaining the Unified State Register of Real Estate» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 24.05.2024).

17. Decree of the President of the Republic of Belarus dated May 18, 2020 № 168 «On the Unified Register of Property» // URL://<https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-168-ot-18-maya-2020-g> (accessed: 24.05.2024).

18. Resolution of the Supreme State Council of the Union State № 2 dated January 29, 2024 «On the settlement of property issues of the Union State» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 24.05.2024).

Информация об авторе

В. В. Попов – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Popov – Associate Professor of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 01.10.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 01.10.2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-108-112>

EDN: <https://elibrary.ru/byfnva>

НИОН: 2015-0066-4/24-065

MOSURED: 77/27-011-2024-04-264

Зарубежный опыт реализации полномочий в сфере миграции

Анатолий Семенович Прудников¹, Антонина Юрьевна Соколова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² lokont@mail.ru

Аннотация. В статье внимание уделяется компаративному анализу методов контроля и регулирования миграционных процессов, а также правовым аспектам и роли государственных институтов. В частности, изучается ситуация в штате Техас на юге Соединенных Штатов Америки как пример конкретной реализации миграционной политики; вырабатываются предложения по оптимизации механизмов управления миграцией на базе международного опыта.

Ключевые слова: миграция, полномочия, государственное управление, международный опыт, Техас

Для цитирования: Прудников А. С., Соколова А. Ю. Зарубежный опыт реализации полномочий в сфере миграции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 108–112. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-108-112>. EDN: BYFNVA.

Original article

Foreign experience in implementing powers in the field of migration

Anatoly S. Prudnikov¹, Antonina Yu. Sokolova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² lokont@mail.ru

Abstract. The article focuses on the comparative analysis of methods of control and regulation of migration processes, as well as legal aspects and the role of state institutions. In particular, the situation in the state of Texas in the southern United States of America is being studied as an example of the concrete implementation of migration policy; proposals are being developed to optimize migration management mechanisms based on international experience.

Keywords: migration, authority, public administration, international experience, Texas

For citation: Prudnikov A. S., Sokolova A. Yu. Foreign experience in implementing powers in the field of migration. Bulletin of economic security. 2024;(4):108–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-108-112>. EDN: BYFNVA.

В реалиях глобализации и упрочения трансграничных связей проблемы регулирования миграции заслуживают отдельного рассмотрения, так как они затрагивают экономические, общественные, культурные аспекты и компоненты безопасности социума. Рассмотрение данного вопроса позволяет обнаружить и раскрыть механизмы и стратегии, применяемые государствами для регулирования миграционных процессов, что содействует выработке более результативных и адаптированных подходов к миграционной политике.

Изучение зарубежного опыта дает возможность проанализировать действенность различных миграционных политик и их соответствие нынешним вызовам и требованиям.

Отдельное внимание уделено ситуации в штате Техас на юге Соединенных Штатов Америки (далее –

США) в 2024 году, которая представляет собой противоречивый, но яркий пример реализации миграционной политики в обстоятельствах экономических и социальных проблем.

Так, согласно Дублинскому регламенту¹, страны Евросоюза² (далее – ЕС) предусматривают, что ответственность за анализ заявления о предоставлении при-

¹ Дублинский регламент – это часть права Европейского союза, которая определяет, какое государство-член ЕС несет ответственность за рассмотрение ходатайства просителей убежища, ищущих международной защиты в соответствии с Женевской конвенцией и директивой ЕС о процессе отбора.

² К участникам Евросоюза относятся: Австрия, Бельгия, Болгария, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Испания и Швеция.

юта несет страна, через которую мигрант в первый раз въехал в ЕС. Это сильно отличается от подхода в США, где иммиграционная политика регулируется на федеральном уровне, а решения о предоставлении убежища утверждаются посредством законов, одобренных Конгрессом.

В Канаде, с иной стороны, функционирует структура экспресс-въезда, которая позволяет федеральному правительству и правительствам отдавать провинциям предпочтение по квалифицированным кандидатам на основании их навыков, которые будут содействовать экономическому росту государства. Это контрастирует, например, с австралийской моделью управления миграцией, которая сосредотачивается на региональной миграции и поддержке малонаселенных районов через специальные визовые программы.

При рассмотрении тезисов разных законодательных актов можно заметить, что в Федеративной Республике Германии (далее – ФРГ) закон «О пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан в ФРГ» обязывает иностранцев получать место в интеграционных курсах, которые содержат исследование языка и основ законодательства. В США иммиграционные законы, такие как Закон об иммиграции и гражданстве 2021 г., устремлены на регулирование прав и обязанностей мигрантов, а также обстоятельств предоставления убежища и постоянного проживания.

Хотя главные цели миграционной политики остаются сходными – миграционный контроль, интеграция мигрантов, поддержка экономического развития – линии достижения данных целей и полномочия государственных органов существенно различаются. Это объединено как с историческими, так и с социально-экономическими факторами, воздействующими на разработку миграционной политики.

Методы контроля и регулирования миграции очень разнятся от одной страны к стране, отражая уникальные исторические, экономические и социальные контексты. Например, в Республике Сингапур, стране с высокой долей иностранцев, миграционная политика обращена на привлечение высококвалифицированных специалистов при ограничении притока низкоквалифицированной рабочей силы. Это достигается за счет строгой системы квот и стимулов, регулируемой правительством [4, с. 28].

В Швейцарской Конфедерации, где миграционная политика традиционно обращена на поддержание баланса между внешней и внутренней политикой, въезд и пребывание иностранцев скрупулезно контролируются. Власти Швейцарской Конфедерации активно применяют двусторонние соглашения с ЕС и применяют систему квот для контроля иммиграции из стран, не входящих в ЕС.

Япония, страна с сравнительно жесткой миграционной политикой, в последние годы старалась облегчить условия для иностранных рабочих из-за демографических проблем и нехватки рабочей силы. Правительство

Японии подключает новые категории виз и программы для привлечения иностранных талантов, что представляется существенным отходом от традиционно консервативного подхода к миграции [5, с. 181].

В США иммиграционная политика включает в себя обширный спектр мер, включая усиление пограничного контроля, политику предоставления убежища и программы лотереи грин-карт, которые регулируют как легальную, так и нелегальную миграцию. Борьба с нелегальной миграцией остается актуальной проблемой, особенно на южной границе, где принимаются меры по усилению пограничного контроля и предотвращению незаконного пересечения границы.

В США мигранты играют значительную роль в экономике и вносят вклад в инновации и предпринимательство. Исследования Национального научного фонда показывают, что иммигранты составляют значительную долю основателей стартапов в технологическом секторе. Это подтверждает, что гибкая иммиграционная политика может способствовать экономическому росту и технологическому развитию.

Канада, с другой стороны, показывает, как целенаправленная миграционная политика может улучшить демографию и стимулировать экономический рост. Программа Express Entry помогает привлечь квалифицированных мигрантов, что положительно влияет на экономическое развитие страны. По данным иммиграционной службы Канады, беженцы и иммигранты составляют значительную часть рабочей силы, особенно в отраслях, где существует нехватка рабочей силы [5, с.154].

В ФРГ, где экономическая миграция регулируется Законом о трудовой миграции квалифицированных специалистов, привлечение иностранных рабочих помогает противодействовать нехватке квалифицированной рабочей силы в важных секторах экономики. Это способствует устойчивому экономическому росту и поддержанию международной конкурентоспособности.

В то же время могут возникнуть и обратные последствия, если страны введут ограничительные миграционные меры. Например, в Великобритании после Брексита¹ наблюдается сокращение числа мигрантов из ЕС, что привело к увеличению нехватки рабочей силы в ряде секторов, включая здравоохранение и строительство.

В США основным миграционным законом является Закон об иммиграции и гражданстве 1952 года, который регулирует условия въезда, проживания и натурализации иностранцев. В этом законе большое внимание уделяется вопросам пограничной безопасности и охраны границ.

Основой миграционного законодательства ЕС является Шенгенское соглашение, которое обеспечивает свободное передвижение людей внутри Шенгенской зоны. При этом каждое государство-член ЕС имеет собственное национальное законодательство в сфере миграции,

¹ Прекращение членства Великобритании в Европейском союзе и связанная с ним процедура.

что позволяет учитывать конкретные национальные интересы и условия.

В соответствии с Законом об иммиграции и беженцах в Канаде действует система иммиграционных баллов, которая оценивает потенциальных мигрантов на основе ряда критериев, включая образование, опыт работы и языковые навыки. Это отражает цель Канады по привлечению квалифицированных иммигрантов для стимулирования экономического роста.

В ФРГ Закон о иммиграции квалифицированных рабочих направлен на привлечение высококвалифицированной иностранной рабочей силы и, таким образом, является ответом на нехватку квалифицированной рабочей силы в некоторых секторах экономики.

Такой сравнительный анализ показывает, что миграционное законодательство тесно связано с экономическими, социальными и демографическими проблемами, с которыми сталкиваются государства.

В каждой стране существуют специализированные органы, отвечающие за разные аспекты миграционного процесса: от регулирования потоков мигрантов до интеграции и защиты прав человека.

Например, в США миграцией управляют несколько агентств, в том числе Служба гражданства и иммиграции (USCIS) и Таможенная и пограничная служба (CBP). Эти органы обрабатывают иммиграционные заявления, предоставляют убежище и контролируют границы. В ЕС агентство по защите внешних границ ЕС Frontex играет ключевую роль и координирует сотрудничество между пограничными и прибрежными службами стран-членов.

В Канаде иммиграционная политика регулируется Министерством иммиграции, беженцев и гражданства Канады (IRCC), которое не только обрабатывает заявления об иммиграции и предоставлении убежища, но также разрабатывает программы интеграции и многоязычия. В ФРГ аналогичную функцию выполняет Федеральное ведомство по миграции и беженцам (BAMF), которое отвечает за обработку заявлений о предоставлении убежища и интеграцию мигрантов.

Государственные учреждения, как правило, обладают широким спектром полномочий и ответственности в сфере миграции, начиная от законодательной работы и заканчивая непосредственным управлением миграционными процессами. Эффективность этих органов во многом определяет успех миграционной политики страны и ее способность адаптироваться к меняющимся условиям.

Одной из основных проблем является обеспечение доступа мигрантов к образованию и рынку труда, что требует не только знания языка принимающей страны, но и признания иностранных квалификаций и навыков.

Примером результативного решения данной проблемы является политика ФРГ, где закон о признании иностранных профессиональных квалификаций способствует интеграции мигрантов в рынок труда. Кроме

того, многочисленные интеграционные программы, в том числе курсы языковой и культурной ориентации, помогают мигрантам адаптироваться к новой социальной среде.

В США одним из ключевых аспектов интеграции является доступ к образованию для детей-мигрантов. Федеральные и местные власти предлагают программы обучения английскому языку и школьной адаптации, которые способствуют более быстрой социализации и интеграции молодых мигрантов.

Канада, в свою очередь, опирается на мультикультурализм как на основу своей интеграционной политики. Финансируемые правительством программы мультикультурной интеграции направлены на сохранение культурного разнообразия, одновременно способствуя общественному признанию и уважению различий.

Также стоит отметить, что успешная интеграция требует активного участия самого мигранта. Это включает в себя не только желание адаптироваться и выучить язык, но и участие в социальной и культурной жизни принимающей страны. Важную роль в этом процессе играют не только государственные органы, но и неправительственные организации, которые поддерживают и поддерживают мигрантов.

Условия возникновения проблемной ситуации с мигрантами в штате Техас во многом связаны с политическими и социально-экономическими факторами. В частности, кризис на границе усугубился усилением иммиграционного контроля в штате Техас в рамках операции «Одинокая звезда». Целью этой операции было повышение безопасности границ, пресечение контрабанды наркотиков, оружия и людей, а также предотвращение преступной деятельности между пунктами пересечения границы. В результате этой операции было арестовано значительное количество нелегальных иммигрантов и преступников, а также конфисковано большое количество фентанила [2, с. 304].

В 2024 году миграционная ситуация в штате Техас на юге США осложнилась разногласиями между уровнями власти штата и федеральным уровнем власти. Штат Техас под руководством губернатора Грега Эбботта предпринял ряд шагов по ужесточению миграционного контроля вдоль границы штата с Мексиканскими Соединенными Штатами (далее – Мексика). Одним из ключевых моментов стала установка колючей проволоки и других заграждений вдоль реки Рио-Гранде, в частности в районе парка Шелби в городе Игл-Пасс. Эти действия привели к юридическому противостоянию между штатом Техас и федеральным правительством США.

Верховный суд США постановил, что штат Техас не может препятствовать проникновению федеральных агентов на границу, подчеркнув, что федеральное правительство несет исключительную ответственность за безопасность границ. Это решение последовало за иском, поданным штатом Техасом против федерального правительства после того, как агенты пограничного патруля прорвали часть установленного барьера, заявив, что это

поставило под угрозу усилия по обеспечению безопасности на границе штата Техаса [3, с. 95].

Ситуация в Игл-Пасс также отражала напряженную политическую обстановку вокруг иммиграционных вопросов. Город, который уже давно имеет трансграничные связи с мексиканским городом Пьедрас-Неграс, находится в центре политических дебатов. Введение ограничений на пересечение границ и ужесточение миграционного контроля создали трудности для местного бизнеса и повседневной жизни жителей.

В ответ на ужесточение мер миграционного контроля, включая строительство пограничных заграждений и усиление военного присутствия, количество попыток незаконного пересечения границы сократилось, особенно в районе Игл-Пасс и вокруг него. Снижение было связано с усилением контроля со стороны США и Мексикой, включая усилия по пресечению контрабандистов и перераспределению мигрантов внутри Мексики.

Международная организация по миграции (далее – MOM) разрабатывает политику и программы, направленные на инновационные решения в сфере миграции. Организация фокусируется на поиске решений, которые можно масштабировать и адаптировать к различным контекстам, а также подходов, дружественных к мигрантам, гендерно-чувствительных и инклюзивных.

В настоящее время MOM также стремится использовать инновационные методы сбора данных, такие как мобильные телефоны, спутниковые снимки и социальные сети, а также методы машинного обучения, чтобы улучшить доказательную базу для миграционной политики и практики. Через Альянс «Большие данные для миграции» (BD4M) MOM объединяет инициативы, демонстрирующие последние разработки в области инноваций в области миграционных данных [1].

В ЕС Рабочая программа по миграции и внутренним делам на 2024 год включает официальное принятие нового пакета мер по миграции и предоставлению убежища, борьбу с незаконным ввозом мигрантов, укрепление Союза безопасности и реализацию Европейского плана действий по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью.

Важной частью инновационных практик управления миграцией является повышение глобальной осведомленности о Глобальном договоре о миграции, его целях и важности безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Такие мероприятия, как «Неделя миграции 2024», включают мероприятия высокого уровня, политические диалоги, консультации с заинтересованными сторонами, сессии по обмену знаниями и культурные мероприятия, направленные на повышение осведомленности общественности о миграции, борьбу с дезинформацией и освещение вклада мигрантов в жизнь общества [6, с. 216].

В ЕС рабочая программа по миграции и внутренним делам на 2024 год включает официальное принятие нового пакета мер по миграции и предоставлению убе-

жища, борьбу с незаконным ввозом мигрантов и укрепление Союза безопасности.

Важной частью инновационных методов управления миграцией является использование данных для улучшения управления миграцией, совершенствования программ и содействия лучшему пониманию миграции обществом. Центр анализа данных о глобальной миграции (GMDAC) MOM работает в области управления знаниями, развития потенциала и инноваций в данных, а также сбора и анализа данных. Важно использовать нестандартные источники данных, такие как мобильные телефоны, спутниковые изображения и социальные сети, а также новые методы анализа, такие как машинное обучение.

Наличивается проблема с интеграцией мигрантов, в том числе доступ к образованию, рынку труда и социальным благам. Правовые аспекты миграции требуют будущего развития, особенно с учетом отличий в национальном законодательстве и международных стандартах. Еще одна задача – увязать интересы и права мигрантов и принимающего общества. Имеется также нужда в действенных механизмах сбора и анализа данных для принятия аргументированных решений в сфере миграционной политики. Важно разработать комплексные программы интеграции мигрантов, включая языковую подготовку, профессиональную подготовку и общественную адаптацию. Эти программы должны быть ориентированы на учет культурных особенностей мигрантов и содействовать их успешной адаптации к новой социальной среде. Нужно привести национальное законодательство в сфере миграции в соответствие с международными стандартами и соглашениями. Это образует единую правовую базу для управления миграционными процессами и защиты прав мигрантов. Третье действие – разработать механизмы сбора, анализа и обмена данными о миграции, которые помогут усовершенствовать качество миграционной политики и ее практическое применение.

Библиографический список

1. Беседин А. Н., Гавриков Ф. А. Исследование зарубежного опыта реализации государственных программ в области миграции // Политика, экономика и инновации. 2021. № 6 (41).
2. Бородин М. А., Внутских А. Ю. Зарубежные исследования международной миграции: методологические проблемы, тематические тренды // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 2. С. 297–308.
3. Жукова О. И. К вопросу о понятии незаконной миграции в современном международном праве и международно-правовой доктрине // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 92–95.
4. Мельникова С. В. Зарубежный опыт правового регулирования противодействия незаконной миграции // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 23–29.

5. Никулина А. А. Зарубежный опыт привлечения высококвалифицированных специалистов (на примере Японии и Великобритании) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 180–182.

6. Петрухина Е. С. Зарубежный опыт осуществления государственного регулирования миграционных процессов в контексте управления рынком труда / Е. С. Петрухина // Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 декабря 2021 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 153–156.

7. Прудникова Т. А. Опыт зарубежных стран по регулированию миграционных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 215–217.

8. Саприкина Н. А., Рябко Е. С. Зарубежный опыт решения социально-экономических проблем международной миграции рабочей силы и возможность его применения в России // Московский экономический журнал. 2021. № 1. С. 555–574.

Bibliographic list

1. Besedin A. N., Gavrikov F. A. Research of foreign experience in the implementation of state programs in the field of migration // Politics, economics and innovations. 2021. № 6 (41).

2. Borodkin M. A., Intraskikh A. Yu. Foreign studies of international migration: methodological problems, thematic trends // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2023. No. 2. P. 297–308.

3. Zhukova O. I. On the issue of the concept of illegal migration in modern international law and international legal doctrine // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. P. 92–95.

4. Melnikova S. V. Foreign experience in legal regulation of countering illegal migration // Criminological Journal. 2021. No. 4. P. 23–29.

5. Nikulina A. A. Foreign experience in attracting highly qualified specialists (on the example of Japan and Great Britain) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 6. P. 180–182.

6. Petrukina E. S. Foreign experience in the implementation of state regulation of migration

7. Prudnikova T. A. The experience of foreign countries in regulating migration processes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 215–217.

8. Saprikina N. A., Ryabko E. S. Foreign experience in solving socio-economic problems of international labor migration and the possibility of its application in Russia // Moscow Economic Journal. 2021. No. 1. P. 555–574.

Информация об авторах

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России;

А. Ю. Соколова – преподаватель-методист отдела учета, анализа и контроля качества учебного процесса Управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. S. Prudnikov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia;

A. Yu. Sokolova – Teacher-Methodologist of the Department of Accounting, Analysis and Quality Control of the Educational Process of the Department of Educational and Methodical Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 13.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 13.09.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-113-116>

EDN: <https://elibrary.ru/adzzvm>

NIION: 2015-0066-4/24-066

MOSURED: 77/27-011-2024-04-265

Предпосылки формирования фабрично-заводской полиции в России в конце XIX века

Анастасия Александровна Сальникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

Nastya.Salnikova97@yandex.ru

Аннотация. Анализируется вопрос о предпосылках формирования фабрично-заводской полиции. Выделяются социально-экономические, политические условия, а также идеологические установки, приведшие к обострению классовых противоречий и протестных движений в рабочей среде, что вынудило правительство Российской империи усилить борьбу с социальными противоречиями путем принятия мер по совершенствованию правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: фабрично-заводская полиция, рабочий класс, Великие реформы 1860-х гг., марксизм, промышленность, забастовка, Российская империя XIX – начала XX в.

Для цитирования: Сальникова А. А. Предпосылки формирования фабрично-заводской полиции в России в конце XIX века // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 113–116. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-113-116>. EDN: ADZZVM.

Original article

Prerequisites for the formation of the factory police in Russia at the end of the XIX century

Anastasiya A. Salnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Nastya.Salnikova97@yandex.ru

Abstract. The issue of the prerequisites for the formation of the factory and plant police is considered. Socio-economic, political conditions, as well as ideological attitudes that led to the aggravation of class contradictions and protest movements in the working environment, which forced the government of the Russian Empire to strengthen the fight against social contradictions by taking measures to improve law enforcement.

Keywords: factory and plant police, working class, Great Reforms of the 1860s, Marxism, manufacturing, strike, the Russian Empire of the XIX – early XX century

For citation: Salnikova A. A. Prerequisites for the formation of the factory police in Russia at the end of the XIX century. Bulletin of economic security. 2024;(4):113–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-113-116>. EDN: ADZZVM.

Вторая половина XIX века характеризуется постепенными изменениями в экономической, политической и идеологической сферах Российской империи. Созданию фабрично-заводской полиции в России в конце XIX в. предшествовал целый комплекс социальных, экономических, культурных, политических изменений, происшедших в российском обществе в период Великих реформ 1860-х гг., приведших к обострению социальных противоречий. Говоря о причинах, подвигнувших государственную власть к принятию решения о формировании специализированных полицейских подразделе-

ний, основной задачей которых было поддержание общественного порядка на промышленных предприятиях, следует выделить те условия или предпосылки принятия этого решения, обусловившие во многом рост социальной напряженности в обществе в указанный период.

Говоря об экономических предпосылках, надо отметить, что конец XIX в. – это время интенсивного развития промышленности Российской империи. Рост темпов производства, развитие в финансовой сфере во многом способствовали увеличению числа промышленных предприятий. В результате Великих реформ 60-х гг.

© Сальникова А. А., 2024

XIX в., среди которых одной из важнейших стала крестьянская реформа, произошли значительные изменения в различных сферах общественной жизни. В сельской местности происходило расслоение: с одной стороны, появились зажиточные крестьяне-собственники, с другой, – обедневшие крестьяне. Последние были источником пополнения в городах рабочего класса, который представлял собой дешевую, хоть и неквалифицированную рабочую силу, что стало мощной движущей силой экономического развития Российской империи, дало импульс к расширению в стране промышленного производства.

Так, в первой половине 1880-х гг. возникают и начинают активно развиваться такие отрасли, как угольная, нефтедобывающая, машиностроительная; страна покрывается сетью железных дорог. Благодаря значительному ускорению индустриального развития, объемы промышленного производства в России увеличились в семь раз. В течение первых трех пореформенных десятилетий добыча нефти и каменного угля выросла вдвое, а производство чугуна и машиностроительных изделий – в три раза. Эти масштабные достижения позволили Российской империи занять первое место в мире по объему добычи нефти и третье место по производству чугуна [3, с. 82].

Второй момент, на который следует обратить внимание, – это интенсивное развитие предпринимательства, особенно в торговле и промышленном производстве. У государства выкупались убыточные предприятия, которые при вложении определенных средств возобновляли свою работу. В первое пореформенное 20-летие в России бурно развивается кустарное производство, которое по цепочке «кустарь-скупщик-мастерская-фабрика», переходит в фабричное. Будучи одиночкой, кустарь ищет выход на рынок, там он оказывается в руках скупщика, который, объединяя нескольких кустарей, создает мастерскую. Постепенно мастерская разрастается, требует внедрения технических новшеств и механизации, превращаясь в фабрику [8, с. 232]. Отметим, что с конца XIX – в начале XX века в Российской империи имелось порядка 15 641 промышленных предприятий с численностью рабочих до 200 человек и 1 010 предприятий с численностью рабочих более 200 человек [1, с. 1]. В научных источниках отмечается, что всего на промышленных предприятиях и промыслах во внутренних губерниях Российской Империи, Привислинском крае и на Кавказе числилось порядка 1 172 тыс. рабочих [7, с. 123].

Только в период с 1908 по 1913 г. количество промышленных фабрик и заводов увеличилось примерно на одну треть, а рабочих на них почти на 25 %. Продукция, выпускаемая российской промышленностью, удовлетворяла 4/5 внутреннего спроса и находилась на одном уровне с показателями ведущих государств, включая США, по объему производства. Согласно статистическим данным, Российская империя занимала второе место по объему добычи нефти, третье место по

потреблению хлопка, четвертое место по производству машиностроительной продукции, пятое место по производству стали и добыче каменного угля, шестое место по добыче железной руды [3, с. 76].

Третий момент, на который хотелось бы обратить внимание, связан с ростом городов. Важным портовым городом становится Ростов-на-Дону, превосходя по численности населения и объему речных перевозок не только соседний Таганрог, но и Новочеркасск – столицу донского казачества. Промышленные районы тесным кольцом сомкнулись вокруг Санкт-Петербурга, население которого к тому времени составляло 667 тыс. жителей. Его быстро догоняла Москва, население которой составило 601 тыс. человек, что также было связано с развитием промышленности. Третьим по численности населения стала Одесса (100 тысяч человек), в которой был морской порт и фабрично-заводское производство.

Указанные перемены способствовали значительным изменениям в социальной структуре, что выражалось в росте численности рабочего класса. Россия постепенно превращалась в аграрно-промышленную страну, пролетариат постепенно укреплял свои позиции, становясь значительной силой, способной выражать социальный протест, оказывать влияние на принятие государственных решений. С другой стороны, развитие финансовой сферы, рост капитала, появление крупных промышленных предприятий, безусловно, побуждало их владельцев заботиться о сохранности своей собственности, а, следовательно, готовности выделять для этой цели определенные средства, одновременно оказывая влияние на принятие политических решений в стране.

Наличие экономических и социальных предпосылок во многом определило политические предпосылки роста протестной активности рабочего класса, которая, в свою очередь, требует организованности и идеологического оформления. В конце XIX в. появляются первые российские марксистские организации («Южнороссийский союз рабочих», «Северный союз русских рабочих», «Социал-демократическое общество», «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», «Освобождение труда»), а в марте 1898 г. на съезде в Минске была создана Российская социал-демократическая рабочая партия. Основополагающей идеей марксизма являлась классовая борьба, в которой важную роль играл пролетариат, который должен был стать движущей силой смены власти в государстве путем установления диктатуры пролетариата. Социал-демократические организации уделяли пристальное внимание агитации в среде рабочего класса и тем самым расшатывали государственный строй и способствовали дестабилизации власти. Промышленное развитие привело к увеличению численности рабочего класса в восемь раз [6, с. 233], который по своему составу был многонационален и имел интернациональную ориентированность.

Несмотря на значимые результаты в экономической и политической сферах, социальные вопросы, касающиеся жизни и труда рабочего класса, оказались нере-

шенными. Это привело к росту протестных настроений среди обездоленного класса пролетариата, что сопровождалось нарастанием стачечно-забастовочного движения. Большинство выступлений рабочих было связано с низкой заработной платой, штрафными санкциями, плохими условиями жизни и труда. Так, стачка рабочих Кренгольмской бумагопрядильной мануфактуры близ реки Нарвы в 1882 г. была вызвана антисанитарными условиями жизни, отсутствием каких-либо социальных гарантий. 25 октября 1883 г. была организована масштабная стачка на Ярославской большой мануфактуре. Ткачи прекратили работу из-за бесконечных и неоправданных штрафных санкций. К ним присоединились рабочие других фабрик, в результате общая численность бастующих достигла 700 человек. Чтобы навести порядок, были вызваны две роты солдат, однако волнения продолжались. Рабочие приступили к работе только тогда, когда их требования были удовлетворены.

7 марта 1885 г. после объявления о снижении заработной платы стали бастовать рабочие Путиловского рельсового завода. Сначала прекратили работу рабочие вагонной мастерской, затем к ним присоединились и остальные рабочие. При содействии полицмейстера требования бастующих были удовлетворены, но это стало прелюдией к Февральской революции. А в дни октябрьского переворота путиловцы оказались на «передовых революционных позициях» [5, с. 88]. На Путиловском, Обуховском, Александровском и других заводах и фабриках активную агитацию вела одна из первых марксистских организаций в России «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых», начавшая свою пропагандистскую деятельность с 1885 года. Товарищество ставило своей целью создание кружков самообразования, разъяснение основных положений марксистского учения, подготовку массовых выступлений рабочих против существующих порядков.

Для пресечения противозаконной деятельности и наведения должного порядка правительством принимался ряд стабилизирующих мер. В частности, в ответ на убийство террористами-революционерами императора Александра II, 14 августа 1881 г. было введено в действие «Положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», наделившее местные власти широкими полномочиями по противодействию революционному движению. Однако, этой меры оказалось недостаточно: было необходимо создание специализированной системы правоохранительных органов, отличной от общей полиции, которая в силу недостаточной штатной численности была не способна осуществлять в полной мере защиту частной собственности предпринимателей, пресекать беспорядки, предупреждать стачки и забастовки в латентной стадии развития. В подтверждение этому служит справка к инструкции полицейским урядникам, в которой говорится: «С учреждения по Высочайшему повелению 9-го июня 1878 года должности Полицейских урядников, утвержденного Управлявшим Министерством Внутренних Дел

«Инструкции» от 19 июля 1878 года, у урядника множество сложных и разнообразных обязанностей, что даже при самом добросовестном отношении к делу Урядника, неупустительное исполнение им всего того, что требуется от него Инструкцией и с соблюдением указанных в ней формальностей, становится непосильным, и тем самым до некоторой степени умоляет значение Урядников» [2, с. 1].

Создание специализированной полиции для охраны правопорядка на промышленных предприятиях согласно документу от 1 февраля 1899 г. «Высочайшее мнение Государственного Совета «Об усилении полицейского надзора в районах промышленных заведений» [4, с. 729] было вынужденной мерой, которая имеет не только политический, экономический, но и аксиологический аспект. Основной задачей нового института становится осуществление контроля и охрана общественного порядка на фабриках и заводах, выявление зачинщиков бунтов, стачек и демонстраций, предупреждение и пресечение протестных акций в рабочей среде, а, следовательно, сохранение ценностей российской государственности.

Кроме того, фабрично-заводские полицейские должны были обеспечивать профилактику общеуголовной преступности на предприятиях, особенно в части охраны собственности. Необходимо отметить, что деятельность фабрично-заводской полиции до революционных событий 1905 г. не была значительной. Это объясняется, прежде всего тем, что данная структура проходила процесс своего становления и не имела достаточной штатной численности для решения всеобъемлющих задач по охране общественного порядка и борьбы с преступностью.

Итак, создание фабрично-заводской полиции в конце 1890-х гг. было обусловлено целой совокупностью социально-экономических, политических и идеологических предпосылок, которые во многом явились причиной подъема протестной активности в Российской империи. Законодательная деятельность власти стала ответом на те негативные явления, которые сформировались в рабочей среде, с целью регулирования отношений между рабочими и предпринимателями.

Список источников

1. Ахмедов Ч. Н. История становления и законодательное оформление деятельности фабрично-заводской полиции в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. Вып. № 2 (74). С. 21–26.
2. ГА РФ Ф. 102 Оп. 317 Д. 547 ч. 1.
3. Гладков И. С., Пилюн М. Г. История мировой экономики. 2-е, перераб. и доп. изд. М. : Проспект, 2017. 384 с.
4. Малыгин А. Я., Абдрахманов А. И., Артамонов Ю. А. История правоохранительной системы России в документах: С древнейших времен до 1917 г. : хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. М. : Московский

университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 824 с.

5. Матасова Ф. Г. Сборник документов. Стачки 1881–1895. М. : Гострудиздат, 1930. 383 с.

6. Миронов В. Н. Марксизм на разломе эпох. «Коммунистический манифест»: полтора века спустя // Свободная мысль. 1999. Вып. № 1. С. 110–112.

7. Невский С. А. Учреждение фабрично-заводской полиции в Российской империи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 5. С. 119–126.

8. Никитина С. К. История российского предпринимательства. М. : Экономика, 2001. 301 с.

References

1. Akhmedov Ch. N. The history of the formation and legislative formalization of the activities of the factory police in the late XIX – early XX century // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Issue. No. 2 (74). P. 21–26.

2. GA RF F. 102 Op. 317 D. 547 part 1.

3. Gladkov I. S., Piloyan M. G. History of the world economy. 2nd, revision. and additional ed. M. : Prospect, 2017. 384 p.

4. Malygin A. Ya., Abdrakhmanov A. I., Artamonov Yu. A. The history of the Russian law enforcement system in documents: From ancient times to 1917 : a textbook / edited by V. L. Kubyshko. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2018. 824 p.

5. Matasova F. G. Collection of documents. Strikes of 1881–1895. M. : Gostrudizdat, 1930. 383 p.

6. Mironov V. N. Marxism at the break of epochs. The Communist Manifesto: a century and a half later // Free thought. 1999. Issue No. 1. P 110–112.

7. Nevsky S. A. Establishment of factory police in the Russian Empire // Economic and humanitarian studies of the regions. 2015. No. 5. P. 119–126.

8. Nikitina S. K. The history of Russian entrepreneurship. M. : Economics, 2001. 301 p.

Информация об авторе

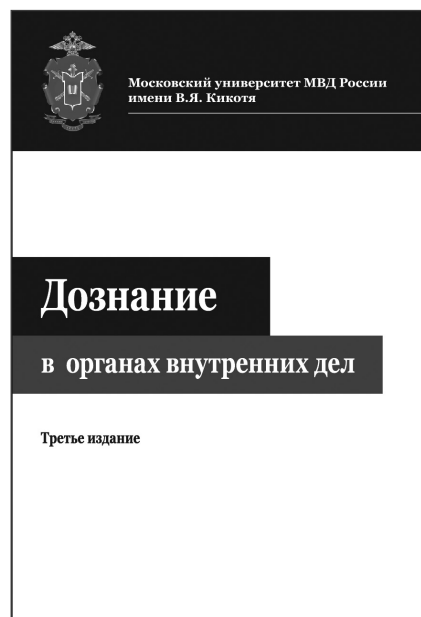
А. А. Сальникова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Salnikova – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 13.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 13.09.2024.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-117-119>

EDN: <https://elibrary.ru/anwxqx>

NIION: 2015-0066-4/24-067

MOSURED: 77/27-011-2024-04-266

Интеллектуальные технологии в достижении целей уголовного судопроизводства

Виктор Анатольевич Саморока

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
samoroka@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам решения вопроса о средствах, методах, объеме допустимого использования современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: верховенство закона, цели судопроизводства, интеллектуальные технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Саморока В. А. Интеллектуальные технологии в достижении целей уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 117–119. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-117-119>. EDN: ANWXQX.

Original article

Intelligent technologies in achieving the goals of criminal proceedings

Victor A. Samoroka

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
samoroka@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of solving the issue of means, methods, and the scope of permissible use of modern achievements of science and technology in criminal proceedings.

Keywords: rule of law, goals of judicial proceedings, intelligent technologies, artificial intelligence

For citation: Samoroka V. A. Intelligent technologies in achieving the goals of criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2024;(4):117–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-117-119>. EDN: ANWXQX.

Для решения вопроса о средствах, методах, объеме допустимого использования современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве необходимо разобраться, каких целей мы планируем достичь путем такого ухода от привычных методов познания окружающей действительности.

УПК РФ декларирует защиту интересов личности и организаций как назначение уголовного судопроизводства. Исходя из смысла ст. 6 УПК РФ, можно заключить, что вся громоздкая, формализованная процедура производства по уголовному делу, начиная с его возбуждения и заканчивая стадией исполнения приговора, придумана законодателем для того, чтобы защитить права и интересы участников со стороны обвинения и участников со стороны защиты.

Первых мы (правоохранительные органы) защищаем от преступных посягательств, вторых – от обвинения, выдвигаемого нами же в лице следователя,

дознателя, прокурора. Но, по сути, формулировка «незаконное обвинение, ограничение прав и свобод» в тексте статьи подразумевает то же преступное посягательство (ограничение же «незаконное»), но совершенное государством в лице правоохранительных органов. Частного обвинителя в расчет можно не брать, так как дел частного обвинения в производстве мирового судьи, где появляется такой субъект, в общей массе уголовных дел, мало. На первый взгляд, – нелепица, но как объясняют юристы, именно для придания дополнительной значимости этому постулату, назначение возведено в принцип и закреплено в соответствующей главе УПК РФ. Это что-то вроде самоограничения государства.

В идее законодателя явно прослеживается влияние европейской доктрины.

Идея соотношения понятий верховенства права и верховенства закона в толковании этой доктрины в том,

что право должно стоять выше не только любого гражданина или государственного института, но и самого государства, в широком смысле этого слова. Потому что право – это некая неотъемлемая ценность, и понимается в данном контексте шире, чем набор простых нормативных актов. Право в данном толковании – власть.

Термин верховенство закона, напротив, подразумевает техническое использование нормативного массива документов – как инструмента политической власти.

Венецианская комиссия отмечает в своем докладе по верховенству права 2011 г. [1], что концепция верховенства права нередко сводится к ситуации, когда любые действия ветвей власти в государстве, которые прямо разрешены или не запрещены законом, считаются соответствующими принципу верховенства права.

Несмотря на политизированность и ангажированность ряда решений ЕСПЧ и судебных органов ЕС, данный доклад может быть полезен для разъяснения некоторых элементов терминологического аппарата, использованного законодателем, так как длительное время такие документы оказывали серьезное влияние на законодотворчество в РФ.

В ООН понятие верховенства права появилось в Преамбуле к Всеобщей декларации прав человека в 1948. Тогда оно подразумевало независимость судебной системы и правозащитных институтов. Акцент ставился на равенство всех перед законом, правовой определенности, процедурной и юридической прозрачности, недопущении произвола и т. д.

Позже более широкое определение данного термина было предложено бывшим Генсекретарем ООН К. Аннаном. В 2004 году с трибуны он заявил, что верховенство закона нужно отнести к принципу управления государством. В соответствии с данным принципом все лица, учреждения и организации, включая само государство, должны быть подотчетны законам. Эти законы публично обнародуются, исполняются и применяются судами. Законы должны соответствовать международным нормам и стандартам в области прав человека. Все это возможно при обеспечении соблюдения принципов верховенства закона, равенства перед законом, подотчетности перед законом, справедливости в применении закона, разделения властей, недопущения произвола [2, п. 6].

В этой связи необходимо упомянуть основные элементы доктрины ОБСЕ. Они кратко изложены в документе об обязательствах ОБСЕ, касающихся верховенства права. «Верховенство права означает не просто формальную законность, которая обеспечивает регулярность и последовательность в достижении и обеспечении соблюдения демократического порядка, но справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности и гарантируемую институтами, обеспечивающими рамки для ее наиболее полного выражения» [3].

Таким образом, тема верховенства права в обществе, по существу, есть вопрос соотношения между индивидом и государством.

Мы видим, что процессы глобализации серьезно влияют на формирование государственных институтов. С появлением международных и транснациональных надгосударственных субъектов также появляются гибридные и частные субъекты, имеющие власть над государственными органами. И это, в свою очередь, определяет содержание законов и деятельность государственных органов. В Российской Федерации последние годы намечается тенденция выхода из под этого деструктивного внешнего воздействия. Тому есть объективные экономические предпосылки и политическая воля. Подобная ситуация, помимо того, противоречит исторически сложившимся духовно-нравственным ценностям российского народа, среди которых важное место занимают государственность, социальная справедливость, ориентированность на коллективное сознание. Исходя из этой тенденции, можно предположить, что свобода действий со стороны государственных органов необходима в нашем обществе, однако она не должна быть неограниченной (ведь эту неограниченность тоже можно прописать нормативно, если есть рычаги управления) и не должна допускать произвольных или необоснованных решений.

Раскрыв кратко смысловое содержание существующих доктрин, можно вернуться к отечественному назначению уголовного судопроизводства, декларированному в ст. 6 УПК РФ. Если исходить из того, что в этой норме законодатель попытался закрепить самоограничения государства, то логичен вывод о приоритете права. Возможно, этот вывод покажется поспешным, но объем статьи не позволяет более подробно разложить существо вопроса. Пока примем это как данность.

Такой вывод позволяет предположить, что для достижения целей уголовного судопроизводства могут быть использованы различные средства и методы, по содержанию и духу отвечающие идеям справедливости, недопущения произвола, процедурной и юридической прозрачности.

Отвечают ли этим соображениям интеллектуальные технологии. Смотря, что понимать в этом контексте.

Очень интересно в данном вопросе мнение профессора Л. В. Головки [4], который подкрепляет свои выводы аргументами М. С. Строговича о том, что «прямое использование математических методов оценки судебных доказательств невозможно и нецелесообразно во всяком случае теперь и в обозримом будущем», и поэтому невозможно применение счетно-вычислительных машин непосредственно для оценки доказательств», «вызывает возражение только оговорка о невозможности применения таких приемов лишь в настоящее время или в «обозримом будущем» – такие способы невозможны вообще ..., принципиально, методологически и, безусловно, этически. Как считает автор, это невозможно еще и политически, поскольку общество никогда не примет априорной несправедливости, даже под флагом «инноваций» и «искусственного интеллекта». Автор

считает, что использование такого цифровизованного подхода приводит к полной «формализации доказывания (пусть и с претензией на новый «технологический виток»)».

Во-первых, мы не видим ничего плохого в формализации доказывания, тем более оно уже и так достаточно формализовано в подходах законодателя к использованию доказательств, полученных в рамках международного сотрудничества, вопросах недопустимости доказательств, преюдиции и т. п. Во-вторых, voluntarism, который выдается за усмотрение следователя, дознавателя, прокурора, наверное, уже давно выглядит нелегитимно в глазах обывателя. Поэтому не видим препятствий именно в этих пунктах «против» искусственного интеллекта.

Автор верно подмечает, что мы живем в эпоху «экономической глобализации» с ее всеохватным маркетингом. Поэтому у любой, якобы сугубо научной идеи, всегда имеется «экономическое дно».

Можем дополнить этот тезис. Отчасти «экономическое дно» тут не в попытке реализации определенными интересантами государству (государственным органам) новых программных комплексов и компьютерных систем и связанного с этим маркетингового хода. Это скорее попытка государства оптимизировать уголовное судопроизводство. Сделать его менее затратным. Уменьшить количество трудозатрат. И не важно, пострадают или нет от этого права человека. Просто у государства нет другого выхода. Как мы говорили ранее – законность и верховенство права это разные категории. И от этой данности мы не уйдем и этот спор с государством (по аналогии с М. С. Строговичем) нам выиграть не удастся.

Если принять это как данность, как свершившийся факт, то, наверное, целесообразно не отрицать эту реальность, а вести речь о том, сможем ли мы направить процесс в правильное русло. Обуздать «фантазии» программистов и техзаданий, и законодательно выстроить рамки, «красные флажки», за которые заходить нельзя.

Искусственный интеллект не может заменить традиционное правосудие, традиционный подход, так как лишен социоцентрической мотивации и не способен

охватить множественность мотивационных установок следователя и судьи.

В этом и будет задача юристов ближайшие несколько лет.

Говоря философскими категориями первичности и вторичности, технический прогресс в уголовном деле должен подстраиваться под закреплённые принципы уголовного судопроизводства, а не наоборот.

Библиографический список

1. URL://[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus).
2. Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. Доклад Генерального секретаря, Doc. S/2004/616, 23 августа 2004 года.
3. URL://http://www.osce.org/documents/odihr/2009/01/36062_en.pdf.
4. Головки Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36. EDN CQUPCI.
5. Цветков Ю. А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21–28. DOI 10.18572/2072-4411-2023-1-21-28. EDN QXDGEГ.

Bibliographic list

1. URL://[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf file=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf file=CDL-AD(2011)003rev-rus).
2. The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies. Report of the Secretary-General, Doc. S/2004/616, 23 August 2004.
3. URL://http://www.osce.org/documents/ODIHR/2009/01/36062_en.pdf.
4. Golovko L. V. M. S. Strogovich and «artificial intelligence»: on the modern reincarnation of old theories and their ethical insignificance // Judicial power and criminal procedure. 2021. № 3. P. 29–36. EDN TSUPKI.
5. Tsvetkov Yu. A. Inquisitorial process: version 2.0 (digital inquisition) // Criminal proceedings. 2023. № 1. P. 21–28. DOI 10.18572/2072-4411-2023-1-21-28. EDN QXDGEГ.

Информация об авторе

В. А. Саморока – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Samoroka – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-120-123>

EDN: <https://elibrary.ru/asmcsa>

ИПОН: 2015-0066-4/24-068

MOSURED: 77/27-011-2024-04-267

Частная собственность сквозь призму конституционно-правового регулирования

Марат Вильданович Саудаханов

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,

viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. В статье продемонстрирована значимость права частной собственности в рамках конституционно-правовой регуляции как фундаментальной основы российского правового порядка. В работе предпринята попытка анализа содержательной сути принципа неприкосновенности собственности, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Автор затронул проблематику разграничения субъективного права собственности с точки зрения конституционного и гражданского права. Особое внимание автор уделяет осмыслению права частной собственности посредством соотношения его с обязанностями человека и гражданина.

Ключевые слова: Конституция, частная собственность, принцип неприкосновенности частной собственности, права и обязанности человека, субъективное право, пределы ограничений прав и свобод

Для цитирования: Саудаханов М. В. Частная собственность сквозь призму конституционно-правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 120–123. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-120-123>. EDN: ASMCSA.

Original article

Private property through the prism of constitutional and legal regulation

Marat V. Saudakhanov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,

viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The article demonstrates the importance of private property rights within the framework of constitutional and legal regulation as the fundamental basis of the Russian legal order. The paper attempts to analyze the substantive essence of the principle of inviolability of property enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The author in his article touched upon the problem of distinguishing the subjective right of ownership from the point of view of constitutional and civil law. The author pays special attention to the understanding of the right of private property through its correlation with the duties of a person and a citizen.

Keywords: Constitution, private property, principle of inviolability of private property, human rights and obligations, subjective law, limits of restrictions on rights and freedoms

For citation: Saudakhanov M. V. Private property through the prism of constitutional and legal regulation. Bulletin of economic security. 2024;(4):120–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-120-123>. EDN: ASMCSA.

Актуальность заявленной темы заключается в том, что право частной собственности выступает фундаментальной основой всей системы социально-экономических связей, а Конституция Российской Федерации защищает право частной собственности (ст. 35), опосредуя ее неприкосновенность. Можно без преувеличения заявить, что частная собственность выступает фактором социальной солидарности жителей страны, оказывая влияние на сферу консолидации граждан, которая, по

словам Б. С. Эбзеева, формирует фундамент конституционного строя [6, с. 988]. Тем не менее, несмотря на императивность нормативной регуляции права частной собственности, остается ряд проблем, которые нуждаются в концептуальном осмыслении в области правового положения человека и гражданина.

На первоначальном этапе генезиса частной собственности правовое различие ее форм было крайне слабым, и собственник зачастую ассоциировался с вла-

дельцем. Подобная практика нашла свое отражение в правовом порядке Древнего Рима, в котором категория «владение» (*dominium*) прямо приравнивалось к праву собственности. При этом не проводилось разграничения на государственную и частную собственность, и указанные категории в римском праве сливались в одно понятие, опуская проблематику функционала управомоченных субъектов.

Примечательно, что категория «частный» стала использоваться в Феодалной Европе только со второй половины XVI столетия, характеризуя экономическую деятельность отдельного человека и разграничивая тем самым хозяйственную деятельность физического и юридического лица. В этой связи в среде исследователей бытует популярное мнение о том, что категория «частная собственность» выступила следствием зарождения новых буржуазных отношений, когда отдельные индивиды стали приобретать право собственности на средства производства. В сущности, в указанный период возникли тенденции к нуллификации права «расщепленной собственности», которая превалировала в рамках феодальных экономических связей [5, с. 113].

Советское государство привнесло в концептуальное осмысление права частной собственности целый ряд интересных новаций, так как правовой порядок СССР стал на позицию ее отрицания [1, с. 211]. Ключевым посылом здесь выступил принцип запрета эксплуатации человека человеком, и именно собственность на средства производства считалась главной предпосылкой к возможному капиталистическому ренессансу. В связи с этим социалистический правовой порядок предусматривал не «частную собственность», а собственность личную.

В современный период Основной Закон Российской Федерации успешно нормирует право частной собственности. В частности, ч. 2 ст. 8 Конституции нашей страны предусматривает защиту частной собственности, равно как и иные ее формы. Отраслевое законодательство также не остается в стороне и гарантии частной собственности имеют место в ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В рамках настоящей статьи небезынтересно мнение, которого придерживается Г. А. Гаджиев. Ученый полагает, что формально-правовое содержание принципа неприкосновенности собственности, закрепленного в Конституции РФ, в полной мере еще не раскрыто не только в правоприменительной сфере, но и на законодательном уровне [2, с. 30–31].

Думается, что наиболее полно принцип неприкосновенности частной собственности можно осмыслить лишь через ограничение последней, которое выражается в том числе и в обязанностях собственника. Симптоматично здесь то, что частная собственность в российском конституционно-правовом регулировании заняла первое место в перечне правомочий (ст. 8), что еще раз подчеркивает демократический характер отечественного правового порядка.

Тот факт, что целый ряд конституционных положений, допускающих существование частной собственности на землю и иные объекты, относимые к важнейшим социально-экономическим категориям, позиционируют частную собственность приоритетной сферой государственной защиты [4, с. 53].

Подобный подход законодателя вполне понятен, однако без осмысления проблематики обязанностей собственника и пределов ограничения частной собственности указанный принцип может остаться на декларативном уровне. Важно не забывать и о концептуальной природе текста Основного Закона, который призван формировать идеальную модель социальных связей [3, с. 27].

По своему содержательному значению право частной собственности представляет собой конструкцию субъективного права, которое по своей сути имеет определенные пределы, очерчивающие круг должностования субъекта правоотношений. Подобный подход не противоречит ст. 35 Конституции Российской Федерации, где имплицитно фиксируется особая правовая защита частной собственности как юридической категории. Более того, право частной собственности принадлежит каждому субъекту независимо от прочности связей с государством, то есть отношения гражданства.

Здесь возникает закономерный вопрос о степени октроированности права частной собственности с точки зрения естественно-правовой концепции. Анализируя ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. По сути, частная собственность, с одной стороны, может входить в перечень неотчуждаемых прав, но с другой, в случае правонарушения, собственник может быть существенно ограничен в своем праве, вплоть до нуллификации последнего. Кроме того, вполне обоснованным является ограничение иностранцев и апатридов в праве частной собственности на значимые объекты, которые можно отнести к национальному достоянию (земля, природные ресурсы, недра). Таким образом, частная собственность имеет прочную связь и с отношением гражданственности и патриотизма, так как напрямую затрагивает законные интересы граждан страны.

Нормативно право частной собственности, как и любое субъективное правомочие, имеет массу изъятий. Категория неотчуждаемости указанного права в правовой реальности отображается в виде необходимого компонента правосубъектности индивида. То есть закрепляется юридический запрет на лишение человека самой возможности иметь имущество в собственности.

В отношении социально-значимых объектов права собственности, в частности земли и природных ресурсов, то, безусловно, отношения гражданственности не выступают здесь определяющим фактором, и не граждане в некоторых случаях могут выступать в качестве их собственника. Однако ч. 2 ст. 36 Конституции Российской Федерации сущностно закрепляет пределы

реализации права частной собственности в аспекте ее корреляции с законными интересами других лиц и обязанностью не вредить окружающей среде. И, действительно, земля и природные ресурсы — это основа жизни народов на них проживающих. То есть если провести некоторую несложную аналогию, то само категорирование предметов материального мира с подобных позиций может привести к такой гипотезе, что не только земля и природные ресурсы выступают основой материального и духовного благополучия граждан. Так, антипатриотическая позиция многих крупных собственников, особенно иностранцев, а именно их негативные высказывания в отношении граждан Российской Федерации, следует рассматривать как предпосылку к лишению их части имущества, которое они заработали в рамках своей деятельности на территории Российской Федерации. При этом нельзя отталкиваться только лишь от состояния законопослушности указанных субъектов, так как судебное решение по вопросу: «является ли человек виновным в совершении правонарушения, предусмотренного российским законодательством?» — может иметь длительный характер, и лицо успеет вывезти из России свои активы, которые были им заработаны в пределах российского экономического пространства.

Здесь следует отталкиваться от приоритета не личных, а национальных интересов, когда частная собственность, как субъективное право, выступает в форме существенно купированных правомочий, которые во многом обусловлены правами и законными интересами третьих лиц. Кроме того, частный собственник, владея, пользуясь и распоряжаясь своим имуществом во многом извлекает ее полезные свойства в связи с деятельностью третьих лиц, которые и формируют предпосылки к тому, чтобы собственность имела свою цену и денежный эквивалент.

Если подойти к осмыслению права частной собственности через призму гражданского права, то именно последнее в наибольшей степени опосредует указанную категорию. Тем не менее, спектр нормативных положений, касающихся регулирования права частной собственности и закрепленных в Основном Законе страны, является крайне значимым в аспекте правового регулирования. В этой связи некоторые исследователи предлагают разграничивать право частной собственности на конституционное и гражданско-правовое [2, с. 35].

И, действительно, есть ряд важнейших формально-правовых позиций, которые аргументируют такое разграничение права частной собственности. В частности, конституционный и гражданско-правовой аспект права частной собственности может не совпадать в моменте возникновения и прекращения субъективного права. Часто конституционное и гражданско-правовое регулирование не совпадают и в рамках своих компенсаторных функций. Кроме того, право частной собственности в пределах конституционно-правовой регуляции зависит от целого спектра иных конституционных прав и гарантий.

Все вышеуказанное не означает обоснование потребности в ревизионизме сущностных характеристик права частной собственности. Напротив, право собственности — это ключевой компонент правового положения личности, и неприкосновенность первого не подлежит сомнению ни в правовом, ни в морально-этическом плане. Однако в данной статье предпринята попытка сместить акцент с правомочий собственника к его долженствованиям.

Все попытки разграничить императивное и диспозитивное, которое имеется в природе права частной собственности, не могут привести к положительному результату, если не брать за точку отчета то, что право частной собственности, гарантируемое Конституцией и отраслевым законодательством — ни что иное как право субъекта правоотношений. Подобная правовая редукция не столько упрощает, сколько очищает важнейшие компоненты права частной собственности. К примеру, в ст. 17 Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 г. закрепляется, что каждый вправе владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, а произвольное лишение человека его имущества запрещено. Из анализа указанного документа право частной собственности — это возможность пользоваться и распоряжаться своим имуществом и доходами в рамках текущего правопорядка. В сущности, сам постулат о священности и неотчуждаемости права частной собственности не более чем юридическая фикция, так как распоряжаться и пользоваться своим имуществом собственник может лишь в строго определенных законом пределах. Это не означает, что государство вправе произвольно ограничивать права собственников. Для этого необходимы длительные и часто сложнее процессы действия и правовые основания. В этой связи собственник имущества безусловно свободен владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, но не более того. Любое субъективное право, в том числе и право частной собственности, выступает в роли ограниченного в функциональном, но не юридическом качестве. Императивность права частной собственности выражается в том, что оно является обязательным элементом правоспособности любого человека вне зависимости от его политико-правовых характеристик.

В заключение необходимо отметить, что проблематика частной собственности в рамках конституционно-правового регулирования выступает достаточно сложным и неоднозначным явлением в научном дискурсе. С одной стороны Конституция постулирует ее «священность» и «неотчуждаемость», с другой — можно увидеть в праве частной собственности обычное субъективное право, которое ожидаемо имеет свои пределы. Тот диссонанс, который может наблюдать ученый в аспекте корреляции частной собственности с позиций конституционного права и гражданско-правовых отношений, может быть сглажен акцентированием внимания, при реализации субъективного права, на юридических обя-

занностях человека и на тех пределах, которые ограничивают любое субъективное правомочие, в том числе и право частной собственности.

Список источников

1. Андреева Г. Н. Собственность в конституциях зарубежных стран XVIII–XX вв. : монография / Г. Н. Андреева / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел правоведения. М., 2009. 288 с.
2. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 30–41.
3. Грошев С. Н. Концептуальное значение текстов основного закона / С. Н. Грошев, М. В. Саудаханов // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 17 декабря 2021 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.
4. Мазаев В. Д. Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение / В. Д. Мазаев // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 52–60.
5. Савельев В. А. Проблема разделенной собственности и современная теория российского гражданского права / В. А. Савельев // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 113–123.
6. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного

конституционализма / Б. С. Эбзеев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6 (43). С. 986–999.

References

1. Andreeva G. N. Property in the constitutions of foreign countries of the XVIII–XX centuries. Monograph / G. N. Andreeva / RAS. INION. Center for Social Sciences-inform. research. Department of Law. M., 2009. 288 p.
2. Gadzhiev G. A. Constitutional foundations of modern property law / G. A. Gadzhiev // Journal of Russian Law. 2006. No. 12. P. 30–41.
3. Groshev S. N. The conceptual meaning of the texts of the basic law / S. N. Groshev, M. V. Saudakhanov // Constitution: the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference, Irkutsk, December 17, 2021. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.
4. Mazaev V. D. Constitutional model of the Russian economic system: image and real content / V. D. Mazaev // Journal of Russian Law. 2008. № 12 (144). P. 52–60.
5. Saveliev V. A. The problem of divided property and the modern theory of Russian civil law / V. A. Saveliev // Journal of Russian Law. 2008. № 4 (136). P. 113–123.
6. Ebzeev B. S. The state and personality in Russia: social solidarity as a paradigm of domestic constitutionalism / B. S. Ebzeev // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2013. № 6 (43). P. 986–999.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.06.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.06.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-124-128>

EDN: <https://elibrary.ru/bdggqi>

ИПОН: 2015-0066-4/24-069

MOSURED: 77/27-011-2024-04-268

Механизм реализации органами внутренних дел законодательства Российской Федерации об административной ответственности

Юлия Николаевна Сосновская¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lisenok1214@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Раскрывается сущность и порядок механизма реализации органами внутренних дел законодательства Российской Федерации об административной ответственности. Рассматриваются вопросы, связанные с административно-правовым статусом сотрудников органов внутренних дел (полиции), как одного из основных субъектов реализации механизма института административной ответственности. Авторы отмечают целесообразность внесения корректив в действующее законодательство в целях выработки оптимального с точки зрения правоприменительной практики подхода к наделению сотрудников органов внутренних дел (полиции) процессуальными полномочиями на начальных стадиях производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: законодательство, органы внутренних дел, полиция, механизм реализации, административное правонарушение, административная ответственность, административное наказание, предупреждение, административный штраф

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Механизм реализации органами внутренних дел законодательства Российской Федерации об административной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 124–128. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-124-128>. EDN: BDGGQI.

Original article

The mechanism of implementation by the internal affairs bodies of the legislation of the Russian Federation on administrative responsibility

Yulia N. Sosnovskaya¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lisenok1214@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The essence and procedure of the mechanism of implementation by the internal affairs bodies of the legislation of the Russian Federation on administrative responsibility is being revealed. The issues related to the administrative and legal status of employees of the internal affairs bodies (police), as one of the main subjects of the implementation of the mechanism of the institute of administrative responsibility, are considered. The authors note the expediency of making adjustments to the current legislation in order to develop an optimal approach from the point of view of law enforcement practice to endow employees of internal affairs bodies (police) with procedural powers at the initial stages of proceedings in cases of administrative offenses.

Keywords: legislation, internal affairs bodies, police, implementation mechanism, administrative offense, administrative responsibility, administrative punishment, warning, administrative fine

For citation: Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. The mechanism of implementation by the internal affairs bodies of the legislation of the Russian Federation on administrative responsibility. Bulletin of economic security. 2024;(4):124–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-124-128>. EDN: BDGGQI.

На современном этапе развития нашего государства, регулирование механизма реализации органами внутренних дел института административной ответ-

ственности имеет свои отличительные особенности. Ст. 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установ-

ливают общую структуру, в которую включаются КоАП РФ и региональное законодательство об административных правонарушениях. Субъекты РФ имеют право самостоятельно принимать законодательные акты по вопросам административной ответственности, которые не нашли закрепления в нормах КоАП РФ [1].

Следует отметить, что органы внутренних дел (далее – ОВД) выполняют функции выявления, расследования и предупреждения правонарушений, а также применяют меры административной ответственности в отношении правонарушителей. В процессе реализации механизма административной ответственности правонарушители привлекаются к определенным видам административного наказания, которые предусмотрены законодательством.

Применение административной ответственности осуществляется на основе принятых в установленном порядке нормативных правовых актов, в которых четко закреплены основные элементы составов административных правонарушений, в также предусмотрены соответствующие виды наказаний. Сотрудники ОВД, осуществляя свою служебную деятельность, действуют в рамках, установленных законом, и тем самым обеспечивают соблюдение прав и свобод человека и гражданина в процессе применения мер административной ответственности.

При реализации административной ответственности сотрудники ОВД учитывают принципы законности, справедливости, пропорциональности наказания, презумпции невиновности и т. д. Решения о применении к правонарушителям административного наказания принимаются на основе объективных доказательств, а также с учетом особых обстоятельств, имеющих значение для конкретного дела.

Одной из целей привлечения к административной ответственности является предотвращение совершения повторных правонарушений и создание условий для исправления поведения правонарушителей. Для этого ОВД осуществляют профилактическую работу, в процессе которой информируют население о последствиях противоправных деяний и мерах административной ответственности.

Отметим, что ОВД являются одними из субъектов реализующих основные направления института административной ответственности в отношении физических и юридических лиц. Данные субъекты наделены широким кругом полномочий в рамках реализации механизма привлечения к административной ответственности, которые закреплены в соответствующих правовых нормах российского законодательства.

Административно-служебная деятельность ОВД (полиции) выступает в качестве наиболее объемной сферы деятельности, регулирование которой осуществляется на основе норм как административного, так и административно – процессуального права.

Сотрудники ОВД как субъекты реализации административной ответственности в праве рассматривать дела

об административных правонарушениях, перечень которых закреплен в ст. 23.3 КоАП РФ.

Отметим, что установленные нормы КоАП РФ закрепляют не только положения, связанные с перечнем лиц, которые наделены правом рассматривать дела об административных правонарушениях, но и перечень лиц, которые в праве составлять протоколы о совершении административных правонарушений. Законодательство, регламентирующее механизм привлечения правонарушителей к административной ответственности, разрабатывается на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. На уровне субъектов РФ в Законах/Кодексах об административных правонарушениях закреплены должностные лица ОВД (полиции), как основные субъекты, осуществляющие деятельность по привлечению правонарушителей к данному виду юридической ответственности. Например, данное положение закреплено в ст. 15.1 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях [9]. Аналогичные нормы закреплены и в иных региональных кодексах или законах об административных правонарушениях.

Административное законодательство РФ закрепляет широкий круг субъектов наделенных административно-юрисдикционными полномочиями. Как было уже отражено выше, одними из них являются ОВД (полиция). Полномочия ОВД как субъекта реализации основных положений института административной ответственности, в части возбуждения, а также рассмотрения дел об административных правонарушениях достаточно обширны и нормативно закреплены в положениях КоАП РФ.

Стоит отметить, что сотрудники (должностные лица) ОВД, обладающие правом составлять протоколы об административном правонарушении, возбуждать дела об их совершении, проводить административное расследование, рассматривают не все возбужденные дела об административных правонарушениях.

При совершении административного правонарушения по ст. 12.9 КоАП РФ, сотрудники ОВД обладают правом самостоятельно рассматривать данное дело и выносить по нему решение (постановление) о применении к правонарушителю определенного вида наказания. При квалификации административного правонарушения по ст. 12.8 КоАП РФ, рассматривает дело исключительно судебный орган, сотрудники ОВД в данном случае реализуют лишь меры административного процессуального пресечения: отстранение от управления транспортными средствами, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, при необходимости осуществляют досмотр и пр.

Полный перечень административных наказаний, которые могут быть назначены за совершение административных правонарушений, закреплен законодательными органами в нормах ст. 3.2 КоАП РФ. Из всего перечня сотрудники ОВД (полиции) имеют право налагать только такие виды наказаний, как административный штраф и предупреждение. Полномочиями применения к

правонарушителям остальных видов наказаний сотрудники ОВД (полиции) как субъекты реализации административной ответственности не наделены.

Отметим, что предупреждение в большей степени является мерой, имеющий ярко выраженный профилактический (моральный) характер, суть его состоит в официальном порицании лица, совершившего административное правонарушение. Применение данной меры осуществляется при признании противоправного деяния малозначительным. Предупреждение, как мера административной ответственности, может быть наложено исключительно в письменной форме. Если оно было осуществлено в устной форме, то к виду административного наказания его отнести невозможно [10].

Наиболее распространенным видом административного наказания является наложение на правонарушителя обязанности оплатить в установленном порядке административный штраф, который представляет собой меру финансового взыскания. Данный вид административного наказания сотрудники ОВД (полиции) могут применять как в отношении физических, так и в отношении юридических лиц.

Согласно статистическим данным, из 6 064 298 привлеченных к административной ответственности лиц, в отношении 4 112 035 был назначен именно административный штраф. Предупреждение же, в свою очередь, было назначено только в отношении 754 848 лиц [11].

Достаточно актуальным на сегодняшний день остается вопрос по размеру назначаемого административного штрафа, так как согласно п. 3 ст. 14.17 КоАП РФ, размер штрафа может достигать до одного миллиона рублей, что несоразмерно совершенному административному правонарушению.

Сотрудники ОВД (полиции) обладают спецификой осуществления административно-юрисдикционной деятельности, сущность которой заключается в том, что ее реализация осуществляется исключительно во внесудебном порядке. Так, если большинство мер административного наказания назначаются исключительно судебными органами, то сотрудники ОВД (полиции) имеют право назначать такие меры административной ответственности, как предупреждение и административный штраф, исключая при этом в производстве об административном правонарушении судебные органы.

Правовое регулирование механизма реализации института административной ответственности сотрудниками ОВД (полиции) базируется на множестве нормативных правовых актов, основным из которых является и Конституция РФ.

Привлечение к административной ответственности входит в систему осуществления профилактической деятельности в отношении совершения противоправных деяний на территории всей нашей страны, что регулируется положениями Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3].

Перечень прав сотрудников полиции в рамках реализации механизма института административной ответственности, закреплен положениями Федерального закона «О полиции» [2]. В соответствии с положениями ст. 13 данного источника административно-правового регулирования, сотрудник полиции обладает следующими правами:

- при наличии определенных оснований (нахождение лица в розыске, подозрение лица в совершении преступления или административного правонарушения и т. д.), проверять документы, удостоверяющие личность физического лица, а также документы организаций, должностных лиц, общественных объединений и отдельных граждан, которые удостоверяют их право заниматься определенным видом деятельности, если контроль за данной деятельностью возложен на ОВД (полиции), удостоверить личность граждан;

- доставлять граждан в территориальные органы МВД России в целях установления личности лица. Отметим, что данное право более детально регламентируется положениями Приказа МВД России № 212 [7];

- осуществлять вызовы и приводы в территориальные органы МВД России лиц, которые уклоняются выполнить определенные законные требования по находящимся в производстве уголовно наказуемым делам и делам об административных правонарушениях, а также требовать от данных лиц объяснения и документы, по поручениям представителей подразделений дознания и следствия;

- в рамках, рассматриваемых дел об административных правонарушениях и уголовно наказуемых деяний, осуществлять, по обоснованным запросам органов государственной и муниципальной власти, запросы от организаций персональных данных граждан, организаций и общественных объединений (исключением являются сведения, для которых установлен особый порядок их получения);

- в рамках реализации стадий производства по делам о преступлениях и административных правонарушениях беспрепятственно посещать различные учреждения;

- с целью охраны общественного порядка, осуществлять патрулирование населенных пунктов, в случае необходимости оборудовать КПП, выставлять заслоны и посты;

- составлять протоколы об административных правонарушениях, а также предпринимать меры по сбору доказательств и обеспечению эффективного осуществления производства по делам об административных правонарушениях. Помимо данного закона, перечень должностных лиц системы МВД, наделенных правом составления протоколов об административных правонарушениях закреплен положениями в Приказа МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 [6];

- реализовывать досмотр определенных транспортных средств (далее – ТС), личный досмотр граждан и их багажа, а также изымать запрещенные или ограни-

ченные в гражданском обороте вещи, предметы и имущества;

– в сфере обеспечения безопасности дорожного движения сотрудники ОВД (полиции) наделены широким кругом прав, а в частности: останавливать ТС; осуществлять мероприятия по проверке документов на право пользование ТС (права, ОСАГО); осмотр ТС; задержание ТС, которые находятся в розыске; проводить ограничивать или временно запрещать дорожное движение; проводить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов и т. д. Некоторые положения, вышеприведенного перечня, закреплены и в других нормативных правовых актах [5];

– применять в определенных законом «О полиции» случаях и в установленном порядке спец. средства, физическую силу и огнестрельное оружие;

– осуществлять доставку в медицинские учреждения, служебные помещения ОВД (на основании письменного заявления граждан) или в их жилище граждан, находящихся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, в тех случаях, когда им необходимо оказать определенную помощь или есть основания полагать, что они способны причинить вред жизни, здоровью или имуществу граждан, а также общественному порядку и безопасности.

Таким образом, механизм реализации института административной ответственности сотрудниками ОВД (полиции) имеет особую специфику административно-юрисдикционной деятельности, сущность которой заключается в том, что ее реализация осуществляется исключительно во внесудебном порядке. Из всего перечня административных наказаний, закрепленных законодателем в положениях ст. 3.2 КоАП РФ, сотрудники ОВД (полиции) имеют право, как в отношении физических, так и в отношении юридических лиц налагать только такие виды наказаний, как административный штраф и предупреждение.

Следует отметить, что сотрудники ОВД (полиции) осуществляют контроль и надзор за соблюдением административного законодательства. При обнаружении признаков административного правонарушения они осуществляют определенные направления деятельности по предварительному расследованию, сбору доказательств и выяснению всех обстоятельств дела. Должностные лица ОВД (полиции) принимают решение о возбуждении административного производства и принимают меры к привлечению правонарушителя к административной ответственности. Они могут назначать такие меры административной ответственности, как предупреждение, административный штраф, а также, в соответствии с действующим законодательством, применить к правонарушителю иные меры административной ответственности.

Исследование механизма реализации сотрудника ОВД (полиции) законодательства Российской Федерации об административной ответственности позволило нам сделать вывод о целесообразности внесения

необходимых коррективов в положения КоАП РФ, либо учесть вышеперечисленные особенности в совершенствовании действующего законодательства в целях выработки оптимального с точки зрения правоприменительной практики подхода к наделению сотрудников территориальных органов МВД России (полиции) необходимыми процессуальными полномочиями на первоочередных стадиях производства по делам об административных правонарушениях.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3851.
4. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.
5. Постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1882 «О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.
6. Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.
7. Приказ МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.
8. Приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» // Официальный интер-

нет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

9. Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23 июня 2011 г. № 413-з // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан, 16.08.2011 г., № 16 (358), ст. 1151.

10. Николаев А. Г. Меры административной ответственности, реализуемые должностными лицами органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 28-3. С. 37–42.

11. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.01.2024).

Bibliographic list

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 1 (Part 1), art. 1.

2. Federal Law dated 07.03.2011 № 3 «On the police» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

3. Federal Law dated 23.06.2016 № 182-FZ «On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 27.06.2016, № 26 (Part I), art. 3851.

4. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.12.2016 № 699 «On approval Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 21.10.2022 № 1882 «On the procedure for

examination for alcohol intoxication and registration of its results, referral for medical examination for intoxication» // Official Internet portal of legal information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 30.08.2017 № 685 «On officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses and carry out administrative detention» // Official Internet Portal of Legal Information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 13.04.2021 № 212 «On approval of the Procedure for the delivery of persons in a state of alcoholic, narcotic or other toxic intoxication to medical organizations or specialized organizations or to the office premises of territorial bodies or police units» // Official Internet portal of Legal Information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.05.2023 № 264 «On approval of the Procedure for supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation on road safety» // Official Internet portal of Legal Information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

9. Code of the Republic of Bashkortostan on Administrative Offenses dated 23.06.2011 № 413-z // Vedomosti of the State Assembly – Kurultai, President and Government of the Republic of Bashkortostan, 16.08.2011, № 16 (358), art. 1151.

10. Nikolaev A. G. Measures of administrative responsibility implemented by officials of the internal affairs bodies (police) Of the Russian Federation // Trends in the development of science and education. 2017. № 28-3. P. 37–42.

11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed: 27.01.2024).

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. N. Sosnovskaya – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 19.06.2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-129-132>

EDN: <https://elibrary.ru/mmdtbk>

НИОН: 2015-0066-4/24-070

MOSURED: 77/27-011-2024-04-269

Уголовно-правовые средства противодействия злоупотреблениям должностными полномочиями

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

staroverova05@mail.ru

Аннотация. Отмечается, что органы предварительного следствия МВД России работают в условиях высокой нагрузки, обусловленной, в том числе, избыточным доказыванием, требующим институционализации и законодательного запрета, а также недостаточного денежного содержания, проблема которого в настоящее время решается. Утверждается, что Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 не соответствует важности выполняемой ими государственной функции, необходим соответствующий федеральный закон.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, противодействие, уголовная ответственность, правовые средства, взаимная ответственность

Для цитирования: Староверова О. В. Уголовно-правовые средства противодействия злоупотреблениям должностными полномочиями // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 129–132. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-129-132>. EDN: MMDTBK.

Original article

Criminal law means of countering abuse of official authority

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

staroverova05@mail.ru

Abstract. It is noted that the bodies of the preliminary investigation of the Ministry of Internal Affairs of Russia work under conditions of high workload, due, among other things, to excessive evidence requiring institutionalization and legislative prohibition, as well as insufficient monetary support, the problem of which is currently being solved. It is stated that the Decree of the President of the Russian Federation № 1422 of November 23, 1998 does not correspond to the importance of the state function performed by them, an appropriate federal law is required.

Keywords: abuse of official authority, counteraction; criminal liability, legal means, mutual responsibility

For citation: Staroverova O. V. Criminal law means of countering abuse of official authority. Bulletin of economic security. 2024;(4):129–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-129-132>. EDN: MMDTBK.

В настоящее время пробелы и коллизии, недостаточное нормативно-правовое регулирование уголовно-правовых средств противодействия должностным преступлениям объяснимы, в частности, слабостью правовых механизмов обеспечения прав и законных интересов граждан, организаций, общественных и государственных интересов. Устранению пробелов и коллизий в сфере исследования способствует судебная практика и правовая доктрина. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, иные правовые позиции высших судов Российской Федерации играют весьма значимую роль в определении порядка и условий привлечения к

уголовной ответственности в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Дальнейшее развитие института уголовной ответственности за злоупотребления должностными полномочиями должно быть следствием закономерной эволюции общества, социальных и правовых отношений [2].

На современном этапе судебные органы последовательно и эффективно реализуют свои функции правоприменителя. При этом, сохраняется актуальность проблем, связанных с соблюдением органами предварительного расследования процессуальных сроков и процедур, включая своевременное принятие судом дела к

© Староверова О. В., 2024

рассмотрению, оперативное разрешение дела и исполнение судебного акта.

К числу правовых средств борьбы с должностными злоупотреблениями относятся, прежде всего, нормативно-правовые предписания, как регуляторы способов и приемов противодействия преступности, а также юридические технологии. Правовые средства выступают одной из основ подобной деятельности, служащих успешной реализации долгосрочных и текущих целей и задач в области борьбы со злоупотреблениями должностными полномочиями. Немаловажно, что именно юридические средства, как правило, выступают неперенным условием применения иных мер [2].

Без сомнения, тенденции снижения числа зарегистрированных дел, рассматриваемых в рамках судебного разбирательства, невысокий процент обвинительных приговоров по делам о злоупотреблениях должностными полномочиями и совершении иных коррупционных преступлений. Таким образом, по справедливому замечанию С. И. Улезько [4], основными направлениями реформирования института уголовной ответственности за злоупотребление служебными полномочиями являются изменение системы наказаний за данное преступление (ужесточение уголовной ответственности), обеспечение более гибкого и эффективного применения наказаний, а в перспективе – и упразднение условий, усложняющих привлечение виновного лица к уголовной ответственности.

В условиях недостаточного нормативно-правового регулирования уголовной ответственности за злоупотребления должностными полномочиями, назревшей необходимости в реформировании системы наказаний за злоупотребления должностными полномочиями ключевую роль в восполнении пробелов и коллизий в уголовном праве начинают играть суды. Блашкова Л. Л. описывает, что судебные решения разъясняют и детализируют нормы действующего законодательства, одновременно оказывая влияние и на развитие правового регулирования судебной деятельности и защиты процессуальных прав. Тем не менее, судебный акт не является источником права в России, суды вправе лишь уточнять и детализировать порядок и условия правоприменения. Кроме того, уголовное право, как и иные отрасли публичного права, не допускает как возможности применения аналогии права и аналогии закона, так и ограничивает возможность более широкого использования неофициальных источников права. С внесением необходимых изменений в законодательство РФ судебная практика, как правило, продолжает играть более свойственную ей вспомогательную роль [1].

Органы прокуратуры, к примеру, тесно взаимодействуют с органами исполнительной власти на всей территории Российской Федерации. Сотрудничество прокуратуры и исполнительной власти традиционно является наиболее тесным, в силу определенной законом компетенции органов прокуратуры. Правоохранительная деятельность также преимущественно

осуществляется федеральными органами исполнительной власти, фактически единственным исключением остаются органы прокуратуры. Взаимодействие правоохранительных органов в сфере противодействия преступности, координация органами прокуратуры деятельности по противодействию преступлениям свидетельствуют о необходимости развития сотрудничества прокуратуры с другими правоохранительными органами [8; 3].

Поскольку суды не принимают нормативных правовых актов, прокуроры не осуществляют антикоррупционную экспертизы судебных актов. Более того, с реформированием прокуратуры в современной России органы прокуратуры утрачивают и полномочия по надзору за исполнением законов судами. В целом положительная мера, соответствующая процессам формирования и развития правового государства с независимой судебной властью, однако существуют и определенные негативные ее последствия, в том числе с точки зрения чрезмерной самостоятельности судебной власти, ее неподконтрольности другим органам государственной власти. Однако системный контроль за деятельностью судов различных инстанций способны осуществлять именно органы прокуратуры [5].

Таким образом, правосудие отличают ряд характерных признаков: его осуществление только судом; необходимость соблюдения особого процессуального порядка, определяемого федеральным законом; завершается путем принятия особого судебного решения – акта правосудия, общеобязательного характера. Судебный контроль не является элементом функции правосудия, поскольку подобный контроль основан на принятии решений вспомогательного характера, обеспечивая отправление правосудия и принятие окончательного решения по делу, по итогам судебного контроля не принимается акт правосудия – обязательное для исполнения решение суда, а главное, в рамках судебного контроля отсутствует правовой спор между сторонами.

Принцип взаимной ответственности общества, власти и человека положен и в основу построения политической системы общества. Такая система включает народ, государство, граждан, общественные организации, политические партии, трудовые коллективы, других субъектов общественных отношений. Интересы личности, общества и государства, в основе своей, совпадают. В то же время, в любой современной демократии человек, его права и свободы, жизнь и здоровье являются высшей ценностью, а народ – единственным источником власти. Одним из признаков государства признается наличие юридической связи между государством и личностью (гражданство или подданство), что также предусматривает наличие взаимных прав и обязанностей.

Большинство юристов [6] считают, что центральным элементом политической системы общества является народ, поскольку именно он, в соответствии со ст. 3 Конституции РФ, демократическими стандартами, является единственным источником власти в государстве.

Народ также формирует власть, которую в итоге осуществляют его представители. Отдается должное и роли граждан, а также государства, важнейшей обязанностью которого является обеспечение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, защита собственного суверенитета, а также, в значительной мере, народного и национального. Несомненно, весомую роль в политической системе и общественных отношениях в целом играют и другие участники.

При этом гражданское общество является, в определяющей мере, посредником между народом и государством, личностью и обществом. Общество и власть взаимно ответственны, поэтому государство имеет не только обязанности перед своими гражданами, но и полномочия, возможность реализации своих предписаний посредством норм права, управления, а также принуждения. Граждане также имеют не только обязанности или права, но связаны с государством взаимными обязательствами. Следует понимать, что именно граждане и народ составляют основу государства. Несомненно, многое зависит и от лидеров и элиты.

Следует учитывать, что в процессе развития государство на долгое время узурпировало различные социальные функции, несмотря на сохранение определенных связей с личностью и обществом. Несколько столетий социальных и прочих восстаний, революций, борьбы с социальным и иным угнетением и неравенством постепенно привели к определенным социальным компромиссам. Мы вслед за Блашковой Л. Л. [1], считаем, что прежние системы эксплуатации человека человеком сменились отношениями управляющих-управляемых, гарантиями прав общества и личности. Это не исключило эксплуатации и нарушения прав человека (как и различных социальных общностей), но позволило перейти к отношениям формального всеобщего равенства, взаимной ответственности людей, а также социальных общностей. С развитием правового, демократического государства, системы общественного контроля за властью, связей государства и гражданского общества социальные институты также становятся полноценными участниками общественной жизни.

Актуальными проблемами остаются и вопросы отбора людей по способностям, формирования власти в соответствии с определенными объективными критериями. Гражданское общество может также сыграть здесь значительную роль, исходя из его задач осуществления общественного контроля над властью. В частности, становится возможным более полное использование основ меритократической концепции модели общества. Преимущества современных концепций и учений должны быть реализованы и при определении перспектив дальнейшего социально-политического развития [7].

Таким образом, поддержка государством гражданского общества является необходимым условием его естественного развития. Конкуренция же различных политических сил может играть не только отрицательную, но и положительную роль, открывая возможности

перед дальнейшим развитием социальных институтов, развитием частной инициативы, а также обретением гражданским обществом новых возможностей. Важно и то, что такие процессы могут вести к повышению сознательности и культуры населения, конкуренция же подразумевает наличие выбора (хотя люди иногда довольно своеобразно выбирают).

Рассматриваемые правоотношения отличаются преобладанием императивного метода правового регулирования – управляющим субъектом является уполномоченный государственный (как правило, правоохранительный) орган. Важным элементом профилактики должностных преступлений выступает развитие современных информационных технологий, замена бюрократических процедур электронными услугами. Применение современных технологий в сочетании с развитием правового регулирования позволяет снижать нагрузку и на суды.

В целях осуществления действенного реформирования уголовного законодательства РФ необходимо внесение исключительно обоснованных изменений, в частности, путем принятия новых законов и совершенствования других правовых актов там, где это необходимо. Приоритетное значение должно придаваться исполнению и соблюдению законов, а не их изменению, а также развитию правовых механизмов защиты прав, свобод интересов участников уголовно-правовых и процессуальных отношений.

Противодействие злоупотреблениям должностным полномочиям, прежде всего, должно служить реализации долгосрочных целей российского общества и государства, более полному обеспечению национальных интересов. Система стимулов для отдельных граждан должна основываться на приоритете общественных интересов, обеспечении достойных или приемлемых условий жизни человека, получении им законных доходов, а также соблюдении законности, прав и свобод человека и гражданина [3]. Меры юридической ответственности призваны способствовать пресечению и минимизации последствий коррупционных преступлений, а в значительной мере – и их предотвращению.

Таким образом, необходимо обеспечить более широкое участие в законотворческой работе широких слоев населения, представителей гражданского общества, различных социальных институтов. В этом случае можно было бы говорить о демократизации законотворческого процесса. Более активное участие народа может обеспечить и большую легитимность законопроектов, однако следует избегать чрезмерного вовлечения граждан в деятельность органов государственной власти, подмены ими государственных функций. Воспитание уважения к праву и закону, повышение уровня правовой культуры и образования, обеспечение безопасности личности, общества и государства в сфере права и посредством права являются важными задачами в контексте реализации основных направлений развития страны.

Список источников

1. Блашкова Л. Л. Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 125–126.
2. Хабриева Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журн. рос. права. 2012. № 7. С. 7–14.
3. Плаксина Т. А. Наказание за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) : законодательное решение и правоприменительная практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 2. С. 47–50.
4. Улезко С. И., Серогодская Е. С., Матеуш А. Ж. Г. К вопросу об эффективности уголовно-правовых норм о наказании за должностное злоупотребление // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 105.
5. Смирных Д. А. Общая профилактика злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 74–77.
6. Сабитов Р. А. Противодействие коррупции и коррупционным правонарушениям в России : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2018. 512 с.
7. Кононов Д. А. Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп : уголовно-правовая характеристика. Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2016. 184 с. // URL://<https://msal.ru/upload/main/00disser/2016/Kononov/Kononov%20Д.А.%20Диссертация.pdf>.
8. Староверова О. В., Маилян С. С. Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 215–220.

References

1. Blashkova L. L. Issues of improving criminal legislation on liability for abuse of official authority // Legal science and law enforcement practice. 2012. № 1 (19). P. 125–126.
2. Khabrieva T. Ya. Scientific and legal problems of combating corruption // Journal of Russian Law. 2012. № 7. P. 7–14.
3. Plaksina T. A. Punishment for abuse of official authority (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) : legislative decision and law enforcement practice // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2015. № 2. P. 47–50.
4. Ulezko S. I., Serogodskaya E. S., Mateush A. J. G. On the issue of the effectiveness of criminal law norms on punishment for official abuse // Socio-political sciences. 2018. № 1. P. 105.
5. Smirnykh D. A. General prevention of abuse of official authority and abuse of official authority // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1. P. 74–77.
6. Sabitov R. A. Countering corruption and corruption offenses in Russia : a textbook. M. : Yurлитinform, 2018. 512 p.
7. Kononov D. A. Abuse of authority and commercial bribery : criminal law characteristics. Dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.08. M., 2016. 184 p. // URL://<https://msal.ru/upload/main/00disser/2016/Kononov/Kononov%20D.A.%20dissertation.pdf>.
8. Staroverova O. V., Mailyan S. S. The fight against tax crime in the context of the economic crisis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 6. P. 215–220.

Информация об авторе

О. В. Староверова – профессор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova – Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-133-136>

EDN: <https://elibrary.ru/deqjjb>

NIION: 2015-0066-4/24-071

MOSURED: 77/27-011-2024-04-270

Проблематика правового регулирования деятельности органов предварительного следствия МВД России

Павел Геннадиевич Сычёв

Академия управления МВД России, Москва, Россия,

4402898@mail.ru

Аннотация. Отмечается, что органы предварительного следствия МВД России работают в условиях высокой нагрузки, обусловленной, в том числе, избыточным доказыванием, требующим институционализации и законодательного запрета, а также недостаточного денежного содержания, проблема которого в настоящее время решается. Утверждается, что Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422 не соответствует важности выполняемой ими государственной функции, необходим соответствующий федеральный закон.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, высокая нагрузка, избыточное доказывание, правовое регулирование

Для цитирования: Сычёв П. Г. Проблематика правового регулирования деятельности органов предварительного следствия МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 133–136. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-133-136>. EDN: DEQJJB.

Original article

The problems of legal regulation of the activities of the preliminary investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Pavel G. Sychev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

4402898@mail.ru

Abstract. It is noted that the bodies of the preliminary investigation of the Ministry of Internal Affairs of Russia work under conditions of high workload, due, among other things, to excessive evidence requiring institutionalization and legislative prohibition, as well as insufficient monetary support, the problem of which is currently being solved. It is stated that the Decree of the President of the Russian Federation № 1422 of November 23, 1998 does not correspond to the importance of the state function performed by them, an appropriate federal law is required.

Keywords: preliminary investigation bodies, high workload, excessive evidence, legal regulation

For citation: Sychev P. G. The problems of legal regulation of the activities of the preliminary investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2024;(4):133–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-133-136>. EDN: DEQJJB.

Органы предварительного следствия МВД России несут на себе основной груз противодействия преступности в стране. В 2022 году в их производстве находилось свыше 1,5 млн уголовных дел, из которых почти 300 тыс. направлено в суд. В первом полугодии 2023 года в производстве находилось более 860 тыс. уголовных дел, из которых в суд направлено 144 тыс. дел [4]. Это более 80 % нагрузки на все следственные органы страны (с учетом Следственного комитета и ФСБ России).

Вместе с тем, кадровая ситуация в следствии МВД России, мягко говоря, оставляет желать лучшего. 19 октября 2022 года Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев на правительственном часе в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации на вопрос депутата фракции «Новые люди» Горячевой К. А. об увольнении коррумпированного, по ее мнению, следователя ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области, ответил, что следователи сами увольняют-

© Сычёв П. Г., 2024

ся по причине высокой нагрузки и низкой заработной платы, в некоторых подразделениях некомплект составляет более 30 % [5].

Проблема низкого денежного довольствия является самой болезненной. По мнению кандидатов, оформляющихся на службу в подразделения Следственного комитета России, при равной заработной плате они предпочли бы следственные органы МВД России. Кроме более высокой зарплаты в Следственном комитете России законодательно закреплены дополнительные пенсионные гарантии, по достижении выслуги 20 лет следователи СК, не ушедшие на пенсию, получают доплату в размере 50 % пенсионного содержания, что стимулирует опытных квалифицированных следователей продолжать свою службу. Таких гарантий у следователей МВД России нет.

Нельзя сказать, что эта проблема не решается совсем. 16 августа 2023 г. Правительством Российской Федерации принято Постановление № 1337 «Об установлении ежемесячной дополнительной выплаты к денежному довольствию отдельным категориям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, замещающих должности в органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», а 19 сентября 2023 г. в МВД России издан приказ № 688 «Об утверждении Порядка обеспечения отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, замещающих должности в органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации ежемесячной дополнительной выплаты к денежному довольствию».

На данный момент выплаты следователям уже частично произведены.

Помимо этого, Следственный департамент МВД России поставил перед Академией управления МВД России задачу о проведении научного исследования по проблеме оценки деятельности органов предварительного следствия в условиях высокой нагрузки и кадрового некомплекта. В частности, поднят вопрос о доплатах сотрудникам, которые выполняют дополнительную работу за отсутствующих коллег. Такое правило существует, например, в отношении участковых уполномоченных полиции, которым производятся доплаты в случае, если они обслуживают дополнительные участки в населенных пунктах.

Приказ МВД России от 6 октября 2014 г. № 859 «Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации» (в редакции приказов МВД России от 19 июня 2015 г. № 696 и от 18 октября 2016 г. № 654) для подразделений дознания устанавливает расчетный норматив численности: 1 дознаватель на 180 материалов проверки или 55 уголовных дел, находящихся в производстве. При превышении этого норматива дознаватель приобретает право на доплату. Для следователей такого норматива нет.

Однако благая идея натывается на препятствие: уголовные дела бывают разными. В районных следственных органах дела одного объема и с одними, небольшими сроками, в следственных частях региональных органов – другие и с другими сроками. Бывает, следователь заканчивает за год одно уголовное дело, например, о финансовой пирамиде. А в районном подразделении следователь может закончить за год свыше 40 дел.

Критерии сложности уголовного дела обсуждаются в науке уголовно-процессуального права давно, и определенного решения пока нет.

Министр внутренних дел Российской Федерации и высшее руководство страны о проблеме недофинансирования сотрудников знают и стараются решать ее по мере возможности. Однако, в условиях непростой финансовой ситуации в стране, вызванной осложнением международной обстановки, вряд ли стоит ожидать невозможного.

Другая сторона данной проблематики заключается в чрезмерной нагрузке на следователей. О забюрократизированности российского уголовного судопроизводства сказано уже много. Давно обсуждаются предложения об отмене стадии возбуждения уголовного дела, процессуальных процедур предъявления обвинения¹, ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела и т. д. Все эти радикальные меры, влекущие угрозу дестабилизации правоприменительной практики, разрушение наработанных методических подходов, годами налаженного взаимодействия следствия с надзирающими органами, оперативным и экспертными службами, ведут к банальному «развалу» уголовных дел, уклонению от ответственности наиболее опасных субъектов, как это уже неоднократно было в периоды реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Печальный опыт стран – бывших союзных республик СССР говорит о том, что попытки безоглядно броситься в объятия европейского права приводят к еще худшей ситуации, чем была до того [1].

Руководство Следственного департамента МВД России предлагает менее болезненные меры, не связанные с масштабным реформированием УПК РФ. На 64-х Криминалистических чтениях в Академии управления МВД России заместитель начальника Следственного департамента МВД России генерал-майор юстиции Д. В. Филиппов поднял проблему избыточного доказывания по уголовным делам, которая заключается в проведении процессуальных действий, направленных на дополнительное, повторное закрепление в уголовном деле обстоятельств, установленных

¹ Одним из вдохновителей и инициаторов продвижения таких предложения является Б. Я. Гаврилов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России [например, 3].

(доказанных) ранее проведенными по этому же делу действиями.

К этому относится проведение судебных экспертиз по очевидным фактам, которые, например, установлены в результате осмотра вещественных доказательств. Перечисление денежных средств на расчетные счета юридических лиц устанавливаются осмотром банковской выписки о их движении, это элементарная процедура, доступная любому обученному арифметике лицу. Однако в практике расследования уголовных дел об экономических преступлениях прокуроры требуют назначения судебно-бухгалтерских экспертиз, что затягивает сроки следствия не на один месяц, требует ознакомления обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя сначала с постановлением о назначении экспертизы, затем с заключением экспертизы, должны быть разрешены заявленные ходатайства и т. д.

Таких примеров проведения процессуальных действий, в которых нет необходимости, но которые производятся в целях «перестраховки», много, и вероятно, это предмет отдельного исследования.

В теории уголовно-процессуального права существует понятие «пределы доказывания» [2], и в основном рассуждения теоретического характера касаются нижнего предела – достаточности доказательств для принятия процессуального решения. Вопросы верхнего предела также пока остаются без ответа.

Но уже сейчас можно твердо сказать, что понятие «избыточное доказывание» требует институционализации, и, по всей видимости, закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве его запрета.

И еще один принципиальный момент.

На сегодняшний день главным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность полицейского следствия является Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 23 ноября 1998 г. № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – Указ), утвердивший Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Документ носит временный характер, поскольку из его пункта 1 следует, что он издан впредь до принятия соответствующих федеральных законов.

С этого времени приняты Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который на следователей не распространяется (за исключением статей 43–46 о социальных гарантиях, что предусмотрено его статьей 56), а также Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регулирует правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел.

Права и обязанности сотрудника органа внутренних дел сформулированы применительно к его статусу наемного работника, воспроизводя в определенной части положения трудового законодательства.

Таким образом, четверть века следственные органы МВД России живут и работают на основании временного документа, который по своему статусу в иерархии законодательных и нормативно-правовых актов едва ли соответствует уровню государственной задачи, которую выполняют эти органы.

В соответствии с п. 8 Положения об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, основными задачами органов предварительного следствия, утвержденного Указом, являются:

- обеспечение в пределах своих полномочий исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве;

- организационно-методическое руководство расследованием преступлений, подследственных следователям органов внутренних дел Российской Федерации.

Здесь необходимо сделать оговорку о том, что в подп. 1 п. 4 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» указано: основной задачей Следственного комитета является оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Сказано четко и определено, без возможности двусмысленной трактовки.

Почему в Указе выбрана такая аморфная формулировка «обеспечение исполнения законодательства», остается загадкой. Под ней можно понимать самый широкий спектр функций, действий и чего угодно: обеспечение явки свидетелей на допрос, соблюдение разумных сроков судопроизводства, обеспечение проведения судебных экспертиз только по постановлению следователя и т. д. и т. п. Исходя из буквального толкования, функция обеспечения, которая заключается в помощи, содействии, создании необходимых условий кому-то для какой-то деятельности, не охватывает такого активного познавательного действия как расследование.

Вторая задача – организационно-методическое руководство расследованием преступлений – тоже не вносит особой ясности в предыдущую текстовую конструкцию. Кем руководить, если не определено, кто именно должен расследовать преступления? И почему руководство только организационно-методическое, но нет руководства процессуального?

В пункте 9 утвержденного Указом Положения определены функции органов предварительного следствия, которые они выполняют в соответствии с возложенными на них задачами. Нет смысла из перечислять, но ничего похожего на расследование преступлений или производство по уголовным делам там и в помине нет.

Указ, который несовершенен просто в силу специфики того временного отрезка, в котором он принят, можно критиковать бесконечно.

Есть другие досадные недочеты в правом регулировании предварительного следствия. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право проникать в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, а в соответствии со ст. 15.1 – вскрывать транспортные средства. На следователей эти права не распространяются.

Назревает необходимость в принятии отдельного Федерального закона об органах предварительного следствия в системе МВД России, который должным образом откорректировал бы их задачи и функции, исчерпывающе определил правовое положение следователя органов внутренних дел, установил надлежащие правовые и социальные гарантии.

Разумеется, проблему можно решить просто – дополнить Федеральный закон «О полиции» нормой о том, что его действие распространяется на сотрудников органов предварительного следствия.

Однако отдельный федеральный закон позволил бы шире подойти к решению существующих проблем: установить следователю пенсионные льготы (не хуже, чем у их коллег в СК России), определить допустимую нагрузку по уголовным делам, размер доплаты за перегрузку и другие преференции, которые могли бы облегчить их работу.

Принимая во внимание важность государственной функции уголовного преследования, которая возложена на следователей МВД России, думается, что они заслуживают этого.

Список источников

1. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Издательский дом «Городец», 2022. 464 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. доктора юридических наук, проф. Л. В. Головкин. М. : Статут, 2016. 1278 с.

Информация об авторе

П. Г. Сычёв – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

P. G. Sychev – Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 16.09.2024.

3. Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова). Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Б. Я. Гаврилова, Ю. Е. Салеевой, Ю. В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. 476 с.

4. Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел. Отчет формы 1Е за январь-декабрь 2022 г., январь-июнь 2023 г. (по данным ГИАЦ МВД России).

5. URL://http://www.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=403695&QueryID=42322&HighlightQuery=42322&query_target=news (дата обращения: 14.11.2023).

References

1. Golovko L. V. The state and its criminal proceedings : monograph. M. : Publishing house «Gorodets», 2022. 464 p.
2. The course of the criminal process / Edited by Doctor of Law, professor L. V. Golovko. M. : Statute, 2016. 1278 p.
3. Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, practice, didactics (on the 75th anniversary of the birth of Professor B.Ya. Gavrilov). Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 3 2023): at 2 o'clock / edited by B. Ya. Gavrilov, Yu. E. Saleeva, Yu. V. Shpagina. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 1. 476 p.
4. Information on the investigative work and inquiry of the internal affairs bodies. The report of form 1E for January-December 2022, January-June 2023 (according to the data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia).
5. URL://http://www.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=403695&QueryID=42322&HighlightQuery=42322&query_target=news (accessed: 14.11.2023).

Научная статья

УДК 342.9:340.15:349.3/.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-137-143>

EDN: <https://elibrary.ru/cjvkya>

НИОН: 2015-0066-4/24-072

MOSURED: 77/27-011-2024-04-271

Правовое регулирование образовательных отношений уставами Медико-хирургической академии (1808 и 1835 гг.)

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия,

setitor@mail.ru

Аннотация. Известно, что прошлое — это не только прошедшие события, но, прежде всего, фундамент для понимания настоящего и предвидение прогнозирования будущего. Подготовка медицинских кадров во все времена истории развития общества имела актуальное значение, поэтому на государственно-правовом уровне ей оказывалось большое внимание. Одним из первых значимых высших образовательных учреждений медицинского характера стала Медико-хирургическая академия. Специальных законов, регламентирующих профессиональное обучение медиков в начале и середине XIX в., не имелось. Все правоотношения регулировались Уставами Академии. Устав, будучи в современном понимании локальным актом, определяющим правовой статус юридических лиц, в рассматриваемый период регламентировал не только эти вопросы, но и образовательные, трудовые, социальные отношения.

Ключевые слова: Устав, медицинское образование, трудовые отношения, социальное обеспечение, пенсия, органы управления, образовательные отношения, правовой статус студента

Для цитирования: Титор С. Е. Правовое регулирование образовательных отношений уставами Медико-хирургической академии (1808 и 1835 гг.) // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 137–143. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-137-143>. EDN: CJVKYA.

Original article

Legal regulation of educational relations by the charters of the Medical and Surgical Academy (1808 and 1835)

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia,

setitor@mail.ru

Abstract. It is known that the past is not only past events, but above all the foundation for understanding the present and foreseeing the prediction of the future. The training of medical personnel at all times in the history of the development of society has been of urgent importance, therefore, great attention has been paid to it at the state and legal level. The Medical and Surgical Academy became one of the first significant higher educational institutions of a medical nature. There were no special laws regulating the professional training of physicians in the early and mid-19th century. All legal relations were regulated by the Statutes of the Academy. The Charter, being in the modern sense a local act defining the legal status of legal entities, regulated not only these issues, but also educational, labor, and social relations during the period under review.

Keywords: Charter, medical education, labor relations, social security, pension, governing bodies, educational relations, legal status of a student

For citation: Titor S. E. Legal regulation of educational relations by the charters of the Medical and Surgical Academy (1808 and 1835). Bulletin of economic security. 2024;(4):137–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-137-143>. EDN: CJVKYA.

Специалисты отмечают, что подготовка медицинского персонала в России началась значительно позднее, чем в Западной Европе. И ее возникновение уязвляют с необходимостью обеспечения медиками армии и флота

в период реформ Петра Первого [1]. Однако, в период его правления на государственном уровне не было организовано высокое медицинское образование. Первым высшим образовательным учреждениям медицинской

© Титор С. Е., 2024

направленности следует считать Медико-хирургическую академию (далее – Академия).

Исследователи указывают на то, что Медико-хирургическая академия, прежде всего, была создана для обеспечения медицинскими кадрами армии и флота [2; 3]. Именно поэтому изначально она находилась в управлении Министерства внутренних дел. Исследователи отмечают высокий статус Медико-хирургической академии, которой было присвоено звание Императорской, а действующий на тот момент император Александр I принял на себя титул Почетного члена Академии [4].

Значимыми документами для правового регулирования медицинского образования являются уставы Медико-хирургической академии, которая была учреждена в 1808 г. [5]. Медико-хирургическая академия имела статус высшего учебного заведения, и состояла она при Министерстве внутренних дел.

Академия в рассматриваемый период имела два устава: первый устав был утвержден на момент ее учреждения – в 1808 г., второй – в 1835 году [6].

Уставом 1808 г. было определено правовое положение Медико-хирургической академии отдельной главой «О правах Академии». Академия имела собственную цензуру для книг, издаваемых в Академии. Она относилась к числу первых ведущих учебных заведений, имеющих право вести дела с другими учреждениями самостоятельно. Имела свою печать.

Правовой статус обучающихся.

В соответствии с уставом 1808 г. все обучающиеся делились на два разряда. Первый разряд состоял из направленных для обучения в Академию обучавшихся ранее в духовных семинариях или вольноопределяющихся. Второй разряд включал в себя: детей солдат или инвалидов и также – вольноопределяющихся. Обучающиеся первого разряда до поступления должны были окончить курс философских наук, знать русский и латинский языки, основы физики, арифметики, геометрии. Обучающиеся второго разряда должны были уметь читать и писать по-русски, и знать основы арифметики. Усматривался сословный характер деления студентов.

В соответствии с уставом 1808 г. студенты обучались за счет казенных средств. При выпуске они получали пособие и необходимые хирургические инструменты. Поступать в академию могли любые изъявившие желание лица, или направленные с мест или от лиц, к коим они принадлежали. Направляющие лица и органы брали на себя обязательства до окончания обучения не отзываться студентов обратно, обеспечивать их всем необходимым для обучения, проживания и питания. В свою очередь выпускники обязаны были отработать не менее шести лет на службе направивших их мест или лиц.

В части финансового обеспечения обучения уставом 1835 г. студенты делились на:

– казенных воспитанников.

Был определен перечень условий, откуда могли поступить казенные воспитанники. В перечень входили

другие учебные заведения (университеты, гимназии, училища), вольно определившиеся желающие обучаться молодые люди. Нормативно был определен перечень предметов, которые необходимо было сдать при поступлении в Академию. Вступительные испытания проводились по русскому и латинскому языкам, логике и начальных знаний математики. Воспитанники духовных училищ дополнительно в своих училищах сдавали экзамены на знание географии и истории. Для поступающих на ветеринарное отделение экзамены были попроще: эти воспитанники должны были свободно читать, писать и знать некоторые азы арифметики.

Казенные воспитанники по окончании Академии обязаны были прослужить по назначению на гражданской или военной службе: выпускники медицинского отделения – десять лет; выпускники ветеринарного отделения – восемь лет; выпускники фармацевтического отделения – шесть лет.

По собственному желанию обучающиеся за счет казенных средств воспитанники могли быть отчислены только при наличии уважительных причин и только на первом году обучения. Вопросы отчисления рассматривала Конференция – орган управления Академией. Если казенный воспитанник изъявлял желание покинуть Академию позже, то он обязан был возместить затраты, понесенные на его обучение. А при отсутствии у него средств на оплату издержек за обучение, он направлялся по решению Конференции и с утверждения Министерства внутренних дел на другую службу, где обязан был отслужить определенное количество лет (такое же, как и выпускник);

– стипендиатов.

Стипендиатами назывались студенты, которые получали пособие на обучение за счет сэкономленных Академией средств, выделенных на казенных воспитанников. На обучение стипендиатов могло направляться не более половины суммы, выделенной для обучения одного казенного студента. Стипендиатов выбирали за отличное поведение и успехи в обучении. Стипендиат после окончания обучения обязан был прослужить на государственной или военной службе столько же лет, сколько и казенный выпускник. Отчисление из состава студентов стипендиатов осуществлялось по тем же правилам, что и казенных студентов;

– пансионеров.

К пансионерам относились студенты, которые проживали в Академии, пользовались всем казенным содержанием, что и казенные студенты, но они вносили за это определенную Правлением Академии и утвержденную Министерством внутренних дел плату за полгода вперед;

– вольных слушателей.

Вольные слушатели при поступлении в Академию вносили определенную сумму денег на ее расходы. Они вправе были слушать лекции, пользоваться учебными пособиями и право свободного проживания вне стен Академии.

Вольные слушатели и пансионеры могли отчисляться из Академии в любое время, получив соответствующий аттестат о прослушанных лекциях.

Об увольнении казенных студентов и пансионеров доклад представлялся в Министерство внутренних дел.

Был установлен возраст для поступающих в Медико-хирургическую академию. В соответствии с уставом 1808 г. возраст поступления допускался с 16 лет, а в соответствии с уставом 1835 г. – с 17 лет.

Академия имела свои локальные правовые акты. Так, указ предусматривал утверждение Инструкции для обучающихся, где прописывались их правила поведения, обязанности. Предписывалось, что такую Инструкцию рассматривала Конференция и утверждалась она Министерством внутренних дел. Каждый поступающий в Академию получал печатный экземпляр такой Инструкции.

По окончании обучения выпускникам присваивались классы государственной службы: для докторов медицины и хирургии – 7 класс; доктора медицины, медико-хирурги и т. д. – 8 класс; ветеринарные врачи и лекари – 8 класс; аптекари – 9 класс; провизоры – 10 класс.

Привилегиями государственных чинов выпускники пользовались только при действующей службе.

При выпуске и для начала практической работы выпускникам выплачивались подъемные (карманные наборы) в определенной сумме для приобретения хирургических инструментов, оборудования. Казенным студентам и стипендиатам выплачивалось по 250 руб. Вольные слушатели и пансионеры вправе были по окончании поступить на казенную службу на три года, в этом случае они также получали подъемные деньги, а также сверх того годовой оклад жалования от того ведомства, куда они поступали на службу.

Правовое регулирование учебного процесса и учебно-методического обеспечения.

Законодательно были определены необходимые для обучения в Медико-хирургической академии лаборатории, кабинеты и другое учебно-методическое обеспечение, такие как: библиотека, физический и химический лаборатории, кабинет анатомии, собрание окулистических инструментов и многое другое. Каждая лаборатория или каждый кабинет состояли в ведении профессора, преподававшего данную дисциплину, и находились под контролем и надзором Конференции и Президента Академии. Право определять сумму финансирования для содержания и использования учебно-методического оборудования было дано тому профессору или ответственному лицу, в ведении которых находились эти кабинеты и лаборатории, но в пределах суммы 100 руб. Сверх того финансирование рассматривалось Конференцией и Президентом.

Все учебные пособия, учебники и другая учебная литература допускалась до применения в учебном процессе только с одобрения Конференции [7].

Программа обучения в Медико-хирургической академии была утверждена настоящим уставом и состояла из девятнадцати обязательных: основных и вспомогательных дисциплин. К вспомогательным относились такие дисциплины как: физика, химия, латинская и немецкая литература и язык и т. д. К основным относились медицинские дисциплины: хирургия, патология, терапия и т. д.

Установлены были сроки обучения: на медицинском отделении – пять лет, ветеринарном – четыре года, фармацевтическом – три года. Учебный год был определен периодом с 1 сентября по 1 июля.

Устав 1808 г. имел отдельную главу «об экзаменах». Были определены следующие экзамены:

– ежегодный частный, проводимый в первых трех классах (а всего было четыре класса). Этот экзамен проводился по предметам, которые проходили в этот учебный год. Проводился профессором в присутствии Конференции;

– ежегодный публичный – для выпускников четвертого класса. Проводился членами Академии и иными присутствующими.

По итогам успеваемости студенты делились на три отделения. Неуспевающих могли оставить еще на один год обучения.

В соответствии с уставом 1808 г. выпускники Академии получали звание Кандидата в доктора. Кандидаты направлялись на один год для службы в госпитале, после которого они вновь сдавали экзамен, но это уже был практикующий экзамен (например, проведение операции). И только после этого им присваивалось звание Лекаря. В последующем они имели право пройти дополнительные испытания на звание Медико-хирурга, доктора медицины и т. д.

Устав 1835 г. несколько иначе определял порядок прохождения текущей и итоговой аттестации. К текущей аттестации могут быть отнесены испытания «третняя» и «частные годичные». «Третняя» испытания, или испытания, проводимые по итогам трети годового обучения, проводились профессорами по своей части лекций. Итоги трети годового аттестации рассматривались на Конференции.

Частная годичная аттестация проводилась по итогам окончания каждого года обучения. И она проводилась коллегиально – в присутствии двух профессоров и адъюнктов, а годовая аттестация за четвертый год обучения – также в присутствии ученого секретаря.

Годовые испытания проводились по тем дисциплинам, которые в этом году изучались. Перечень вопросов для испытания составлялся профессорами.

По итогам текущей аттестации студенты делились на четыре отделения (или четыре уровня знаний). По итогам годовых испытаний студент переводился на другой год обучения, перевод осуществлялся по решению Конференции. Перевод на более высший год обучения зависел от того, к какому отделению (уровню знаний) был отнесен студент по итогам текущей атте-

станции. Отнесенные по итогам испытания к первому, второму отделению переводились в высший класс без условий. Отнесенные к третьему отделению (уровню знаний) переводились на следующий год обучения, но при условии, если такой студент в течение следующего года обучения проявит знания и умения, достойные его перевода во второе отделение. Если таковых знаний он не проявил, то он, также как и отнесенные к четвертому отделению (уровню знаний) студенты могли быть оставлены для обучения на второй год в том же классе. При неудовлетворительном текущем испытании в последующем такие студенты отчислялись из Академии, но обязаны были прослужить в медицинских заведениях на доступных для них должностях определенное количество лет, установленное как для отчисленных по собственному желанию.

Итоговые, публичные испытания проводились ежегодно по окончании полного курса обучения. Такое испытание проводилось в присутствии всех Действительных и Почетных членов Академии. Законодательно был определен перечень предметов, по которому проводилось публичное испытание: анатомия, физиология, терапия и т. д. Испытание проводилось как устно, так и письменно.

Присвоение выпускникам медицинских званий зависело от их уровня знаний. Выпускники первого и второго отделения (уровня знаний) при успешном прохождении публичных итоговых испытаний получали звание Лекаря 1 и 2 отделения. А выпускники, показавшие знания, соответствующие третьему отделению, оставались еще на год обучения для усовершенствования навыков и умений, особенно практических. По окончании этого года обучения они вновь подвергались публичным испытаниям, и, при сдаче экзамена на уровне третьего отделения (третьего уровня знаний), им присваивалось звание Лекаря 3 отделения, которое в последующем не давало право на получение степени Доктора и Медико-хирурга.

Правовой статус библиотеки и библиотекаря.

Библиотекарь Академии избирался из числа заслуженных медицинских чиновников. К квалификационным требованиям библиотекаря относились: знание русского, латинского, немецкого и французского языков.

Локальным актом, разработанным Конференцией и утвержденным Министром внутренних дел, определялся порядок пользования книгами в библиотеке.

Правовой статус Правления Академии.

Состав Правления Академии был определен законодательно. В состав входили: инспектор Академии, один из старших профессоров, избираемый на три года, советник из гражданских чиновников. Возглавлял Правление Президент Академии. Правление Академии носило характер административного исполнительного органа управления. Оно собиралось для решения вопросов ежедневно. В его полномочия входило:

– организация и обеспечение внутреннего порядка в Академии;

- обеспечение безопасности и добросовестного использования имущества, зданий, сооружений;
- распоряжение финансовыми средствами;
- общехозяйственные вопросы;
- контроль за учебным процессом и учебно-методическим обеспечением;
- решение всех вопросов по обустройству (проживанию и питанию) обучающихся;
- осуществление судебных разбирательств.

Правлению подчинялись все чиновники и обучающиеся Академии, включая казначейство и бухгалтерию. Преподавательский состав подчинялся Конференции.

Правовой статус Конференции.

Конференция являлась высшим коллегиальным органом управления Академией. Собиралась она по решению Президента Академии, но не реже одного раза в месяц, а при необходимости – чаще. В состав Конференции входили академики и ординарные профессора, которые обязаны были присутствовать на заседаниях. При невозможности присутствия они сообщали Президенту или Конференции о причинах отсутствия. Конференция имела кворум для заседания и принятия решений: не менее половины ее членов (академиков и ординарных профессоров). Решения принимались большинством голосов, в случае равенства голосов решающим был голос Президента. Заседания Конференции протоколировались (велись соответствующие журналы), которые подписывались всеми присутствующими членами Конференции, Президентом и Ученым секретарем. Члены Конференции, не согласные с ее решением, вправе были приложить к протоколу свое особое мнение. В полномочия Конференции входило:

- рассмотрение любых вопросов, вносимых Президентом Академии или поступающих из вышестоящих органов;
- присвоение званий Академиков;
- избрание профессоров (ординарных, экстраординарных) и адъюнктов, а также увольнение их с должности, в том числе за дисциплинарные нарушения;
- переводы студентов с курса на курс;
- рассмотрение программ и сроков обучения;
- рассмотрения вопросов совершенствования процесса обучения;
- издание и переиздание учебных пособий;
- утверждение докладов для публичных слушаний на торжественных мероприятиях;
- утверждение локальных нормативных актов (инструкций для студентов, постановлений о внутреннем распорядке и т. д.);
- определение правил приема и испытаний для поступающих, зачисление студентов на обучение;
- утверждение программ выпускных испытаний для окончивших курс обучения, итоговых испытаний на присвоение звания Лекаря;
- присвоение ученых медицинских степеней и званий;
- формирование и утверждение годового отчета для представления его в Министерство внутренних дел;

– рассмотрение иных представлений и прошений Правления Академии и иных лиц.

Правовой статус преподавателей Академии.

Профессорско-преподавательский состав состоял из ординарных, экстраординарных профессоров и адъюнктов. Все они имели статус государственных чиновников с присвоением соответствующего класса: Президент Академии – 5 класс, ординарный профессор – 7 класс, экстраординарный и адъюнкты – не ниже 8 класса.

На вакантную должность профессора объявлялся конкурс не менее чем за три дня. Конкурс на вакансию доводился до сведения членов Конференции, которые на свое усмотрение представляли Кандидатов на должность профессора. Кандидат на должность профессора должен был иметь звание Доктора медицины или хирургии, а для немедицинских должностей – Доктора философии, а также должны были иметь опыт практикующей или преподавательской работы. Члены Конференции представляли Кандидатов, давая им соответствующие рекомендации и характеристики. Кандидаты на должность профессора проводили пробную лекцию в присутствии членов Конференции, а затем представляли на рассмотрение Конференции краткий ракурс дисциплины или научного направления, на преподавание которого они избирались.

Через неделю после представления членами Конференции кандидатов на должность профессора проводилось голосование. В отношении кандидатов, набравших равное количество голосов, проводилось повторное голосование. А при наборе равного количества голосов повторно, кандидаты направлялись на утверждение Министром внутренних дел.

Избранный Конференцией профессор назначался на должность Министром внутренних дел.

По истечении 10 лет ординарный профессор мог получить звание Академика. Звание Академика присваивалось Его Императорским величеством. А прослужившие преподавателем более 15 лет могли быть избраны Профессорами (в соответствии с уставом 1808 г.).

Адъюнкты избирались аналогичным способом. К ним также предъявлялись квалификационные требования: опыт практической работы по направлению, на которое они претендуют, или наличие ученой степени. По согласованию с Министром внутренних дел исключение предоставлялось молодым выпускникам Академии, отличившимся в обучении. Адъюнкт, положительно проявивший себя в работе, получал звание Экстраординарного профессора. В должности его утверждал Министр внутренних дел по представлению Конференции.

Преподавание дисциплин (курсов) осуществлялось по представленному профессором и утвержденному Конференцией плану (в соответствии с уставом 1808 г. – план составлялся Конференцией). Отступление от плана лекций не допускалось.

Интересным в Уставе 1808 г. была закреплена методика преподавания: диктование лекций было запрещено.

Социальное обеспечение профессорско-преподавательского состава.

Первые уставы Медико-хирургической академии предусматривали три вида пенсий для профессорско-преподавательского состава Академии. При этом следует отметить, что уставы 1808 и 1835 года отличаются друг от друга в части социального обеспечения.

Прослужившие 25 лет Академики и профессора получали в качестве пенсии полное жалование: оклад и дополнительные выплаты, прослужившие 20 лет – получали пенсию в размере 2/3 от жалования, а прослужившие 15 лет – получали 1/2 часть от жалования. Ушедшие на пенсию профессора и иные преподаватели вправе были продолжать преподавание с выплатой полного жалования.

Имело место и пенсия на льготных условиях (досрочная пенсия) в связи с работой во вредных условиях труда. Профессора и иные преподаватели Анатомии, Зоотомии, Химии, чья работа относилась к вредной, могли уйти на пенсию на три года раньше указанного срока.

Уволенным по состоянию здоровья профессорам и иным преподавателям предоставлялась пенсия по инвалидности в размере от 1/4 до 1/2 их жалования.

Широко регламентировалась пенсия по случаю потери кормильца – преподавателя Академии.

Вдова умершего или его малолетние дети имели право на получение пенсию по случаю потери кормильца в следующих размерах. Вдова с тремя малолетними детьми, или четверо оставшихся без попечения родителей несовершеннолетних детей:

– при стаже работы умершего не менее 25 лет в соответствии с уставом 1808 г. вдова имела право на получение единовременно одного пансиона умершего супруга и половину пансиона пенсии в последующем (до ее смерти или замужества, а несовершеннолетние – до совершеннолетия, поступления на службу или замужества). В последующем, устав 1835 г. увеличивает этот размер: размер пенсии составлял месячное жалование умершего и единовременно выплачивалась сумма его годового жалования;

– устав 1808 г. для вдов умерших профессоров, имеющих стаж не менее 18 лет службы, давал право на получение единовременного полного годового пансиона умершего супруга, а также одной трети пансиона в качестве пенсии. Устав 1835 г. изменяет размер и условия по стажу: при стаже 20 лет вдове выплачивалась пенсия в размере 2/3 жалования и единовременно годовой размер его заработной платы;

– при стаже умершего 15 лет размер пенсия составлял 1/2 жалования и годовой оклад единовременно;

– при стаже умершего 10 лет размер пенсии составлял 1/3 ежемесячного жалования и единовременно годовой оклад. В соответствии с уставом 1808 г. вдова при стаже умершего 10 лет получала один годовой пансион единовременно и 1/4 жалования в качестве пенсии;

- при стаже умершего менее 10 лет на пенсию выделялось два годовых оклада жалования;
- при стаже умершего менее 5 лет – годовой оклад жалования.

Устав 1835 года детализировал порядок и основания назначения пенсии по случаю потери кормильца – профессора Академии.

Бездетная вдова (или имеющая детей, которым пенсия не положена) имела право получать половину от той пенсии, которая причиталась бы ее умершему мужу.

Вдова, имеющая одного или двух детей, получала половину от пенсии мужа, и по одной трети от половины пенсии мужа на каждого ребенка.

При утрате права на пенсию одного из членов семьи, которым она была назначена, прекращалась выплата доли, причитающейся именно этому иждивенцу.

Вдовы теряли право на пенсию при вступлении во второй брак, поступлении в монастырь, осужденные по уголовным делам.

Дети мужского пола утрачивали право на пенсию при поступлении на обучение на казенное содержание, поступление на службу, достижение 18-летнего возраста.

Дети женского пола утрачивали право на пенсию при вступлении в брак, поступление на обучение на казенное содержание, при достижении возраста 21 год.

Правовой статус Президента Академии.

Президент Академии являлся основным единоначальным исполнительным органом управления. Назначался он на должность Его Императорским Величеством по представлению Министра внутренних дел.

Полномочия Президента Академии состояли в следующем:

- общий контроль за учебным процессом;
- контроль за порядком в кабинетах и лабораториях, за обеспечением учебно-методическими материалами;
- контроль расходования финансовых средств;
- прием и увольнение чиновников Академии, относящихся к его ведению (прием профессоров относился к компетенции Конференции);
- предоставление отпусков служащим Академии (на срок не более 29 календарных дней);
- представление докладов и иных информации Министру внутренних дел.

Правовой статус Ученого секретаря.

Ученый секретарь назначался Министром внутренних дел по представлению Конференции из числа ординарных профессоров. Полномочия Ученого секретаря состояли из следующего:

- доклад Конференции о рассматриваемых вопросах и ведение протокола заседаний;
- подготовка писем и документов от имени Конференции, ведение переписки;

- контроль за публикацией документов, учебных пособий, докладов, диссертаций и печатных изданий, одобренных или утвержденных Конференцией;

- подготовка дипломов о присвоении ученой степени, иных аттестатов и свидетельств;

- ведение исторической летописи Академии;

- представление Конференции ежегодного отчета о состоянии дел в Академии, включая состояние учебных помещений, лабораторий, численности студентов и т. д.

Выводы.

Первые уставы Медико-хирургической академии являлись правовыми актами государственного уровня, хотя и имели признаки локального акта.

Уставы регламентировали не только правовой статус Академии, но и иные образовательные отношения: порядок приема, отчисления студентов, их права и обязанности, порядок и иные вопросы учебного процесса, порядок государственного распределения выпускников, их обязанности отслужить определенный срок, ответственность за преждевременное прекращение службы без уважительных причин.

В уставах Медико-хирургической академии были заложены первые принципы и правила социального обеспечения профессорско-преподавательского состава. И хотя, наименования видов пенсий не были определены уставами, по своему содержанию усматривались пенсии по старости, пенсии по случаю потери кормильца, по инвалидности, а также досрочные пенсии в связи с работой во вредных условиях труда.

Уставы также регламентировали трудовые отношения – порядок избрания и назначения на должность профессоров, адъюнктов и иных должностных лиц.

Список источников

1. Егорышева И. В., Морозов А. В. Организация повышения квалификации врачей в дореволюционной России // Вестник современной клинической медицины. 2020. Т. 13. № 4. С. 70–75.
2. Кандаурова Т. Н. Императорская Санкт-Петербургская Медико-хирургическая академия на рубеже 1830–1840-х гг. по отчетным департаментским материалам // Научный вестник Крыма. 2023. № 3 (43).
3. Запариванный Р. И. История подготовки медицинских кадров в России с XVII века до 1917 г. : ключевые моменты реформирования системы. В сборнике: Поколение будущего : взгляд молодых ученых – 2017. Сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Ответственный редактор А. А. Горохов. 2017. С. 71–74.
4. Гайдар Б. В., Цыган В. Н., Швецов В. А., Палий К. А., Цветков С. А., Барецкая А. Е. Императорская Медико-хирургическая академия // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2018. № 4 (64). С. 275–280.
5. Указ от 28 июля 1808 г. № 23185 // ПСЗ РИ. Т. 30 (1808–1809). С. 406.
6. Указ от 18 декабря 1835 г. № 8688 // ПСЗ РИ. Т. 10 (1835), ч. 2. С. 1191.

7. Маркова А. И. Проблемы распространения вузовских изданий в первой половине XIX века (на примере Императорской Московской Медико-хирургической академии, 1798–1845) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 120–123.

References

1. Egorysheva I. V., Morozov A. V. Organization of advanced training of doctors in pre-revolutionary Russia // Bulletin of Modern Clinical Medicine. 2020. Vol. 13. № 4. P. 70–75.
2. Kandaurova T. N. Imperial St. Petersburg Medical and Surgical Academy at the turn of the 830s-1840s. according to departmental reporting materials // Scientific Bulletin of the Crimea. 2023. № 3 (43).
3. Steamed R. I. The history of medical personnel training in Russia from the XVII century to 1917 : the key

points of the reform of the system. In the collection: The generation of the future : the view of young scientists – 2017. Collection of scientific articles of the 6th International Youth Scientific Conference. In 4 volumes. The responsible editor is A. A. Gorokhov. 2017. P. 71–74.

4. Gaidar B. V., Tsygan V. N., Shvets V. A., Paliy K. A., Tsvetkov S. A., Barettskaya A. E. Imperial Medical and Surgical Academy // Bulletin of the Russian Military Medical Academy. 2018. № 4 (64). P. 275–280.

5. Decree № 23185 of July 28, 1808 // PSZ RI. Vol. 30 (1808–1809). P. 406.

6. Decree № 8688 of December 18, 1835 // PSZ RI. Vol. 10 (1835), part 2. P. 1191.

7. Markova A. I. Problems of distribution of university publications in the first half of the XIX century (on the example of the Imperial Moscow Medical and Surgical Academy, 1798–1845) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. № 7 (81). P. 120–123.

Информация об авторе

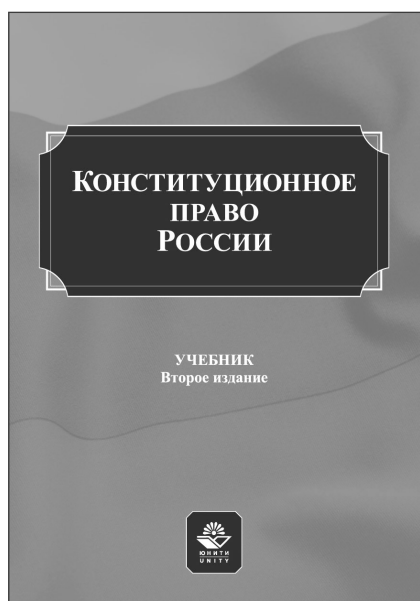
С. Е. Титор – Государственный университет управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor – State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 19.06.2024.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-144-146>

EDN: <https://elibrary.ru/ezdsiw>

ИПОН: 2015-0066-4/24-073

MOSURED: 77/27-011-2024-04-272

**Залог как мера пресечения:
взгляды научной школы кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
на воплощение в законе и правоприменительную практику**

Игорь Борисович Тутынин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tutig@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена различным аспектам наследия научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя при воплощении в законе и правоприменительной практике залога как меры пресечения.

Ключевые слова: научная школа, кафедра уголовного процесса, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, залог, мера пресечения

Для цитирования: Тутынин И. Б. Залог как мера пресечения: взгляды научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя на воплощение в законе и правоприменительную практику // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 144–146. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-144-146>. EDN: EZDSIW.

Original article

**Bail as a preventive measure: views of the scientific school of the Department
of Criminal Procedure of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
on the implementation in law and law enforcement practice**

Igor B. Tutynin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tutig@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to various aspects of the legacy of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in the implementation of the law and law enforcement practice of bail as a preventive measure.

Keywords: scientific school, Department of Criminal Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', bail, preventive measure

For citation: Tutynin I. B. Bail as a preventive measure: views of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' on the implementation in law and law enforcement practice. Bulletin of economic security. 2024;(4):144–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-144-146>. EDN: EZDSIW.

Залог как мера пресечения специфична. Существовая в лоне публичной отрасли – уголовно-процессуального права, данная мера принуждения обладает некоторыми чертами представителей цивилистики, «вкраплениями» гражданско-правовой природы. Такая особенность не может не оказывать влияние на законодательное воплощение и правоприменительную практику с точки зрения обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Именно выяснение взаимного влияния правовых свойств залога как меры пресечения и обеспеченности прав заинтересованных лиц в связи с применением такой меры, сподвигли многих авторов к научно-прикладному поиску. Значительный вклад в этом имеется и у научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Общая позиция представителей кафедры начала формироваться давно. Первопроходцами вы-

ступили основатели: Л. М. Карнеева, А. А. Чувилов, Н. Е. Павлов, А. П. Гуляев, Г. П. Химичева, Л. Н. Масленникова, А. И. Глушков, А. В. Победкин и др. Кафедральная научная мысль развивалась, в результате чего было сформулировано направление деятельности научной школы кафедры уголовного процесса: «Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства». Бессменными руководителями данной школы являются заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации, д.ю.н., профессор Ендольцева А. В., заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации, д.ю.н., профессор Химичева О. В., профессиональная деятельность которых в значительной мере определила частные подходы сотрудников кафедры к проблемам залога в уголовном судопроизводстве.

Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в связи с применением залога как меры пресечения связано с множеством проблем уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной деятельности.

Глобальным вопросом является выяснение места данной меры в системе мер пресечения, ее предназначение как альтернативы заключению под стражу в широком смысле, учетывание ее преимуществ и недостатков. Представители кафедры уголовного процесса в условиях действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее по тексту – УПК РФ) одни из первых задались вопросом, почему правоприменители не возбуждают ходатайства перед судом об избрании задержанному по подозрению в совершении преступления меры пресечения в виде залога, предпочитая инициировать вопрос о заключении его под стражу [6, с. 11]?

В дальнейшем, в рамках одного из первых диссертационных исследований по теме, высказано утверждение, что при ответе на поставленный вопрос необходимо, чтобы судебное решение, в том числе об избрании залога как меры пресечения, должно позволять как обеспечение прав и свобод частных лиц, так и не порождать волокиту, чрезмерное усложнение процедурных правил [1, с. 10].

Предложены существенные изменения регламентации в УПК РФ правового положения залогодателя (при условии, что это не подозреваемый, обвиняемый). Например, настаивалось то, что залогодатель должен обладать правом знать суть уголовно-правовых претензий к фигуранту по делу, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, а также обусловленные сутью залога обязательства, последствия их невыполнения; объяснялась необходимость появления обязанности залогодателя информировать должностных лиц предварительного расследования и суда о ненадлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого, с появлением права в претендовать на возврат залога; предполагалась возможность установления в законе права залогодателя обращения с регрессным иском при

обращения залога в доход государства [1, с. 13]. Часть из перечисленных предложений нашла отражения в многочисленных изменениях редакции ст. 106 УПК РФ.

В юридической литературе представлены различные предложения усовершенствования «классических» особенностей оснований и условий избрания, а также применения залога как меры пресечения, либо актуальные рекомендации, имеющие прямое отношение к практике применения рассматриваемого института [7].

Ведущими сотрудниками кафедры предлагалось использовать опыт применения залога в уголовных судопроизводствах зарубежных стран [3, с. 7], представлялись новые возможности использования технологических инноваций, а именно применение элементов искусственного интеллекта для выработки рекомендаций для судей при решении вопросов избрания меры пресечения в виде залога [2, с. 18], а также применение залога при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты [5, с. 117].

Изыскания по вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в связи с применением залога как меры пресечения продолжились. В рамках диссертационного исследования было высказано убеждение, что уголовно-процессуальный залог ни в коем случае не должен чрезмерно наделяться свойствами залога в гражданском праве, в том числе являться средством обеспечения исполнения обязательств либо разновидностью договора (гл. 23, 27 ГК РФ), так как в противном случае данный институт перестанет быть представителем именно публичной отрасли права – мерой пресечения. Это позволило выдвинуть ряд положений, в том числе о необходимости доказывать законность происхождения любого передаваемого в залог имущества, выяснять возможную и необходимую «конкуренцию» применения залога и наложения ареста на имущества. В работе представлено комплексное видение соискателя о содержании предмета залога, о выборе степени правоограничения при его применении.

В частности, при определении так называемых свойств степени принуждения, или иными словами – количественных показателей, применительно к рассматриваемой мере пресечения разработаны ключевые позиции: 1) обстоятельства дела, учитываемые при выяснении размера залога; 2) целесообразность указания в законе пределов (минимальный и максимальный размер); 3) выражение в УПК РФ количественного значения залога; 4) корректировка предмета залога; 5) требования к залогодателю.

Впервые предложены положения, приравненные общим условиям (предварительного расследования и судебного разбирательства), позволяющие повысить значение самого факта применения мер пресечения имущественного характера. Усовершенствована вариативность залога как меры пресечения, которая по степени принуждения данной меры может быть представлен видами: «строгий», «умеренный», «мягкий». Впервые опубликовано предложение о введении так называемого «принудительного» залога. Изложены и иные предложения по повышению

оптимальности УПК РФ и эффективности его применения в связи с избранием самой строгой меры пресечения.

Например, при избрании меры пресечения сумму залога предлагается определять с учетом широкоформатных и значимых обстоятельств: установленная вероятность нежелательного поведения фигуранта по уголовному делу (например, лицо попытается скрыться или совершить новое преступление, предпримет попытки помешать производству по делу); выявленный материальный достаток залогодателя; социально-психологические особенности подозреваемого, обвиняемого, в том числе и прежде всего – взаимоотношения с залогодателем, значимость имущества; особенности сложившейся по делу ситуации относительно количества и качества доказательств, причём не только предопределяющих избрание меры пресечения, но и подтверждающих виновность лица [4, с. 19–29, 414].

Но на этом вклад кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в связи с применением залога как меры пресечения не заканчивается. Начиная свою научную деятельность автор избрал в качестве диссертационного исследования тему, посвященную вопросам обеспечения публичных и частных интересов при избрании и применении залога в досудебном производстве по уголовному делу.

Представляется, на кафедре по праву существует именно своя научная школа, а достойные научные традиции будут продолжены и преумножены. Разработанные ее сотрудниками предложения получили, получают и будут получать одобрение в научном сообществе, находят уже сейчас и будут находить и далее соответствующее отражение в законотворческом и правоприменительном процессе.

Список источников

1. Плоткина Ю. Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Сумин А. А., Химичева О. В. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств Азиатско-Тихоокеанского региона: общий обзор // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 18–21.

Информация об авторе

И. Б. Тутынин – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

I. B. Tutynin – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Law Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 16.09.2024.

3. Сумин А. А., Химичева О. В. Мировые суды государств Южной Европы (Греческая Республика и Республика Мальта) // Мировой судья. 2020. № 1. С. 3–8.

4. Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023.

5. Тутынин И. Б., Химичева О. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты : монография / И. Б. Тутынин, О. В. Химичева. М. : Юрлитинформ, 2022.

6. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 11. С. 9–12.

7. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

References

1. Plotkina Yu. B. Application of preventive measures, elected by a court decision, at the stage of preliminary investigation: dis. ... cand. Jurid. M., 2010.
2. Sumin A. A., Khimicheva O. V. Artificial intelligence in the criminal process of the states of the Asia-Pacific region: a general overview // International criminal law and international justice. 2020. No. 2. P. 18–21.
3. Sumin A. A., Khimicheva O. V. World courts of the states of Southern Europe (the Greek Republic and the Republic of Malta) // Justice of the Peace. 2020. No. 1. P. 3–8.
4. Tutynin I. B. Procedural coercion of a property nature in criminal proceedings: dis. ... doct. Jurid. M., 2023.
5. Tutynin I. B., Khimicheva O. V. Application of measures of criminal procedural coercion in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies : monograph / I. B. Tutynin, O. V. Khimicheva. M. : Yurлитinform, 2022.
6. Khimicheva O. V., Plotkina Yu. B. On some problems of application bail in pre-trial proceedings in criminal cases // Russian investigator. 2008. No. 11. P. 9–12.
7. Khimicheva O. V., Plotkina Yu. B. Application of preventive measures at the stage of preliminary investigation, elected by court decision : monograph. M. : Yurлитinform, 2012.

Научная статья

УДК 34:005.4

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-147-152>

EDN: <https://elibrary.ru/ezshdn>

NIION: 2015-0066-4/24-074

MOSURED: 77/27-011-2024-04-273

Межведомственное сотрудничество по информационному взаимодействию в рамках расследования преступлений

Владислав Валерьевич Худяков¹, Юлия Александровна Куриленко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valdisk77@gmail.com

² jul.kurilenko@yandex.ru

Аннотация. Расследование преступлений – это процесс сбора и анализа доказательств с целью установления обстоятельств совершения преступления и выявления виновных лиц. Этот процесс включает в себя множество аспектов, таких как сбор улик на месте преступления, опрос свидетелей, анализ данных, а также проведение экспертиз. В ходе расследования сотрудники следственного подразделения используют различные методы и технологии, чтобы раскрыть преступление и привлечь виновных к ответственности. Ключом к успеху в расследовании преступления была и остается профессиональная подготовленность сотрудника и высокая техническая вовлеченность. Толчком к реинжинирингу расследования преступлений может оказаться информационное взаимодействие в электронном виде между органами внутренних дел и заинтересованными организациями.

Ключевые слова: расследование, преступление, следствие, дознание, документооборот, запрос, информация, электронное взаимодействие

Благодарности: за помощь в подготовке и предоставлении справочных материалов Г. Р. Фахертдиновой, заместителю начальника отдела – начальнику отделения (отделение контроля и сопровождения электронного документооборота) отдела документационного обеспечения Управления делопроизводства и режима МВД по Республике Татарстан.

Для цитирования: Худяков В. В., Куриленко Ю. А. Межведомственное сотрудничество по информационному взаимодействию в рамках расследования преступлений // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 147–152. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-147-152>. EDN: EZSHDN.

Original article

Inter-agency cooperation on information cooperation in the investigation of offences

Vladislav V. Khudyakov¹, Yulia A. Kurilenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valdisk77@gmail.com

² jul.kurilenko@yandex.ru

Abstract. Crime investigation is the process of gathering and analysing evidence to establish the circumstances of a crime and to identify the perpetrators. This process involves many aspects such as collecting evidence at the crime scene, interviewing witnesses, analysing data, and conducting forensic examinations. During the investigation, the investigating officers use various methods and techniques to solve the crime and bring the perpetrators to justice. The key to success in investigating a crime has been and continues to be an employee's professional training and high technical involvement. The impetus for re-engineering crime investigation can be provided by electronic information interaction between internal affairs agencies and interested organisations.

Keywords: investigation, crime, investigation, enquiry, document flow, request, information, electronic interaction

Acknowledgements: for the help in preparing and providing reference materials to G. R. Fahertdinova, Deputy Head of the department – Head of the department (Department of Control and Maintenance of Electronic Document Management) of the Documentation Support Department of the Office Management and Regime of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan.

© Худяков В. В., Куриленко Ю. А., 2024

For citation: Khudyakov V. V., Kurilenko Yu. A. Inter-agency cooperation on information cooperation in the investigation of offences. Bulletin of economic security. 2024;(4):147–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-147-152>. EDN: EZSHDN.

В настоящее время деятельность сотрудников органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений остается одной из самых сложных и трудоемких. С развитием современных технологий и совершенствованием механизма сбора и анализа доказательств следователи и дознаватели не имеют шансов на успех, если они не способны сочетать знания в области криминалистики, уголовного права и процесса, компьютерной техники и программного обеспечения, психологии и других смежных дисциплин. Таким образом следователь становится своего рода «универсальным солдатом», который должен обладать знаниями во многих сферах деятельности, порой выходящих за рамки его профессиональных знаний.

Рассмотрим действия сотрудников следственных подразделений при выполнении мероприятий по сбору материалов и доказыванию по преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также преступлениям экономической направленности.

При расследовании экономических преступлений необходимо помнить, что к ним относятся правонарушения, деструктивный характер которых направлен на экономические отношения между субъектами хозяйственной деятельности. Эти действия могут быть выражены нарушениями прав собственности, противоправным использованием экономического потенциала, подрыву правил конкуренции как между физическими, так и юридическими лицами.

При расследовании экономических преступлений приходится сталкиваться с рядом вопросов. Одной из главных проблем является сложность выявления экономических преступлений, так как они могут быть скрыты под видом законных операций. В тоже время при рассмотрении материалов следственной проверки могут возникнуть вопросы разграничения экономических преступлений от гражданско-правовых отношений.

Также проблемой является недостаток информации о преступлениях по причине того, что многие экономические преступления не могут быть раскрыты в срок из-за отсутствия достаточных доказательств или нежелания публичной огласки по ним. Кроме того, при расследовании экономических преступлений часто возникают трудности с определением виновных лиц, так как преступления могут быть совершены группой лиц при взаимодействии с целыми организациями. Преступники в сфере экономической деятельности, как правило, являются высококвалифицированными специалистами в своей области, обладая при этом финансовым, экономическим и правовым интеллектуальным инструментарием, тем более если эти преступления совершаются с применением информационных технологий или специ-

ализированного программного обеспечения. В этом случае расследование будет практически невозможным без участия квалифицированных специалистов или экспертов в области IT-технологий.

Расследование преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий по своей сложности и особенностям несколько не уступает расследованию преступления в экономической сфере, а возможно, в силу совершенствования информационных технологий, превосходит их. Принимая во внимание современную специфику и особенности киберпреступлений, такие как:

- отсутствие внутри преступных групп различного рода препятствий: национальных, территориальных, возрастных и т. д.;
- угроза общественной безопасности;
- сокрытие преступлений;
- причинение финансового урона жертве независимо от его уровня: будь то гражданин, компания или государство в целом;
- непрерывный поиск новых путей совершения атак и многое другое, – все это значительно усложняет процесс расследования совершенных преступлений.

Опираясь на аналитические данные, представленные ФКУ ГИАЦ МВД России за январь – сентябрь 2023 года [1, с. 3], необходимо отметить, что за указанный период времени на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1470,4 тыс. преступлений, что на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период 2022 года. Количество преступлений экономической направленности, по сравнению с периодом с января по сентябрь прошлого года, сократилось на 6,3 %, удельный вес преступлений этой категории от общего количества составил 6,0 % или 87,8 тыс. преступлений.

Значительно мрачнее обстоят дела в отношении преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в январе – сентябре 2023 года зарегистрировано 489,0 тыс. преступлений, что на 29,2 % больше, чем за аналогичный период 2022 года. Удельный вес преступлений этой категории относительно общего количества преступлений, совершенных в прошлом году, увеличился на 8 %.

По статистическим данным раскрываемость преступлений экономической направленности имеет сравнительно неплохие показатели. Из общего числа совершенных в 2023 году преступлений указанной категории 87 765, раскрыто 63 326, что составляет 72,2 %.

В отношении киберпреступлений или преступлений, совершенных в сети Интернет, статистические данные результатов раскрытия и расследования преступлений выглядят следующим образом. Из общего числа зарегистрированных преступлений указанной категории 489 044 раскрыто 133 464 преступления, что составляет

27,3 %. Не раскрытыми остаются 313 255 преступлений (64,1 %).

Данные показатели свидетельствуют о том, что проблема раскрытия и расследования преступлений, связанная с экономической и IT-сферой, требует деятельного вмешательства, направленного на повышение эффективности работы должностных лиц и сотрудников органов следствия и дознания. Возможными путями решения данной проблемы выделяем в первую очередь обучение сотрудников, во вторую – техническую оснащенность.

Обучение.

Подготовка и обучение высококвалифицированных сотрудников следственных подразделений является фундаментальной основой для успешного раскрытия и расследования преступлений при удовлетворении ряда критериев. Таким образом, отмечаем, что такие сотрудники должны иметь следующие компетенции:

1. Знать и совершенствовать познания юридических основ в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

2. Обладать знаниями в области криминалистики для осмысленного построения причинно-следственных связей совершенного преступления, а также специализированными знаниями в области экономики, информационных технологий, средств коммуникаций, связи и т. д.

3. Владеть навыками психологии для понимания мотивов совершенного преступления и возможных дальнейших действий лиц, подозреваемых в преступлении.

4. Развивать свои коммуникативные способности для получения необходимых сведений при общении с подозреваемыми и свидетелями.

5. Совершенствовать физическую подготовку для успешного преодоления трудностей в условиях повышенных физических и эмоциональных нагрузок, а также ненормированного рабочего дня.

Техническая оснащенность.

Оснащенность следственных подразделений современным компьютерным обеспечением и оргтехникой не является исчерпывающим решением для достижения успеха при расследовании преступлений. В настоящее время задачи, стоящие перед сотрудниками следственных подразделений при расследовании преступлений, должны решаться при помощи информационных и технических средств. Так, например, для улучшения обзора и построения схемы места преступления требуются квадрокоптеры, для отслеживания движения подозреваемых лиц – устройства навигации GPS/ГЛОНАСС-трекеры, для воспроизведения профиля подозреваемого и прогнозирования поведения по психологическому портрету – специализированные компьютерные программы.

Должный уровень образования сотрудников следственных подразделений и техническая оснащенность являются важными элементами для достижения успеха

в расследовании преступлений. Но в то же время существенную роль и неоценимую помощь следственным подразделениям оказывает разумная вовлеченность и активное участие негосударственных организаций в рамках проводимого расследования, а также использование инновационных технологий и программ для достижения скорейшего успеха в расследовании преступлений.

Расследование преступлений, связанных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, или преступлений в сфере компьютерной информации, а также преступлений экономической направленности не обходится без направления запросов в финансовые организации, операторам сотовой связи, торговым интернет-площадкам и т. д. В этих запросах, как правило, указывается необходимость получения информации о движении денежных средств по счетам или банковским картам участников расследования, об изменении статуса их электронных счетов, сведения об оказанных услугах, выполненных заказах, номера телефонов абонентов сотовой связи и т. п. Перечисленные сведения носят закрытый характер и не могут быть переданы сотрудникам следственных подразделений безосновательно.

Сотруднику следственного подразделения при получении сведений у законного обладателя необходимо при себе иметь оформленное должным образом с подписью и печатью постановление, удостоверение личности и копию приказа о назначении на должность. Запрос на предоставление сведений подготавливается с соблюдением необходимого реквизитного состава документа: со ссылкой на нормы действующего законодательства и основанием обращения (наименование уголовного дела, данные КУСП) и с четким содержанием вопросов к организации-обладателю информации. Для доступа к определенным видам информации также может потребоваться соответствующее судебное решение.

В том числе необходимо помнить о порядке оформления запроса, указать сведения, которые в текущий момент времени по данному расследованию представляют интерес. Следует отметить, что порядок оформления запроса и перечень выдвигаемых требований у организаций не одинаковый. Так, в случае необходимости получения сведений от операторов сотовой связи на подозреваемого следует запрашивать не «всю» информацию, она может оказаться очень большой в объеме, неудобной или излишней в работе, а конкретные сведения, например, о совершенных звонках в указанный промежуток времени, или данные о часто вызываемых абонентах, или о месте, откуда был совершен звонок и т. д.

Перечисленные обстоятельства являются для следователей и дознавателей дополнительной нагрузкой, которую можно минимизировать с помощью существующих информационных технологий, что позволит значительно сократить время на проведение расследования.

Следует также отметить, что для получения сведений, необходимых при проведении расследования, требуется личное присутствие сотрудников следственных подразделений. Кроме этого, как было уже указано, в каждой организации, куда направляются запросы, существуют особенности их оформления, а также характер запрашиваемых сведений.

Использование электронной подписи и электронного документооборота при взаимодействии сотрудников органов внутренних дел и негосударственных организаций позволит исключить необходимость непосредственного визита следователей и дознавателей в финансовые учреждения, представительства сотовой связи, маркет-плейсы и т. д. для получения материалов. Таким образом, вся корреспонденция может пересылаться в кратчайшие сроки с минимальным отрывом от служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел.

Однако создание благоприятных условий для сотрудников следственных подразделений при проведении расследования преступлений не являются исчерпывающими. Отсутствие согласованной позиции, направленной на обеспечение электронного взаимодействия между органами внутренних дел и органами государственного управления, финансовыми учреждениями, поставщиками интернет-услуг, провайдерами связи и сервисов, включая социальных сетей, не позволит достичь желаемого результата. В данном случае возникает необходимость организации межведомственного взаимодействия, где без формирования нормативной основы при участии органов государственной власти в регионах Российской Федерации и страны в целом, ее реализация будет невозможной.

Также для упрощения взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и негосударственных организаций следует разработать и утвердить единый формат запросов, направляемых в негосударственные организации.

Об этом было отмечено в материалах решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км [2, с. 6]. В рамках его реализации в начале 2020 года на первоначальном этапе между МВД по Республике Татарстан и оператором сотовой связи ПАО «МегаФон» в лице Приволжского филиала было достигнуто соглашение о межведомственном взаимодействии. В порядке эксперимента в количестве 3-х сотрудников со стороны МВД по Республике Татарстан была сформирована рабочая группа, которая запросы для получения информации обобщала и направляла их по каналам межведомственного электронного взаимодействия в ПАО «МегаФон». В последующем, в этом же году, учитывая полученные наработки, аналогичная договоренность состоялась и с другим оператором сотовой связи ООО «Т2 Мобайл» (Теле2).

Стоит отметить, что распространение полученного опыта межведомственного информационного взаимодействия в электронном виде при расследовании пре-

ступлений, иными словами – цифровая трансформация [3, с.176], не находила должной поддержки и энтузиазма со стороны иных заинтересованных негосударственных организаций по причине отсутствия нормативной основы в российском законодательстве.

Огромный рывок в этом направлении произошел с момента подписания Федерального закона от 20 октября 2022 г. № 408-ФЗ [4], в соответствии с которым Банк России на основании запроса должен направлять в органы внутренних дел Российской Федерации сведения о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента.

С октября 2022 года указанные решения были опробованы и нашли практическое применение в МВД по Республике Татарстан. На базе цифровой платформы электронного документооборота системы предоставления сведений (далее – СПС) ООО «КОРУС Консалтинг СНГ» налажен обмен запросами и ответами на них от ПАО «Сбербанк» и АО «АЛЬФА-БАНК».

По состоянию на 01.12.2023:

- к СПС подключены 422 сотрудника, из которых 241 являются сотрудниками следственных подразделений;
- создано 18 202 запроса (15 909 – в ПАО «Сбербанк», 2 293 в АО «АЛЬФА-БАНК»);
- сотрудниками следствия создано 17 255 запросов (94 %).

В настоящее время электронное взаимодействие с негосударственными организациями осуществляется рабочей группой, сформированной на этапе становления данного эксперимента, которая выполняет централизованное направление запросов и распределение полученных ответов. Такая форма разделения обязанностей между сотрудниками по электронному взаимодействию с организациями и сотрудниками предварительного следствия способствует эффективному решению организационных вопросов по электронному документообороту: у сотрудников следственных подразделений нет необходимости лично посещать организации с целью вручения запроса, кроме того, они не тратят время на подготовку, отправку запросов, а также на контроль за получением ответов на запросы, а потому нет необходимости для использования рабочих мест СПС, что позволяет минимизировать материальные затраты, связанные с закупкой программного обеспечения и предоставления доступа к нему.

Представленные данные в таблице 1 наглядно демонстрируют эффективность практического взаимодействия в соответствии с соглашением между МВД по Республике Татарстан и негосударственными организациями и финансово-кредитными учреждениями.

В 2023 году итогами работы информационного взаимодействия в целях расследования преступлений, в том числе связанных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, или преступлений в сфере компьютерной информации, а также преступлений экономической направленности, в МВД

Таблица 1

**Перечень организаций и результаты работы взаимодействия в рамках предоставления сведений
для расследования преступлений за 2023 год**

№ п/п	Наименование организации	Начало взаимодействия	Количество материалов	
			Направлено запросов	Получено ответов
1.	ПАО «МегаФон»	июль 2020 г.	4 441	4 197
2.	ООО «Т2 Мобайл» (Теле2)	октябрь 2020 г.	3 782	3 971
3.	ООО «Скартел» (Yota)	август 2021 г.	1 088	1 076
4.	ООО «Яндекс»	сентябрь 2021 г.	2 391	2 271
5.	КИВИ Банк (АО)	январь 2022 г.	2 551	2 521
6.	ПАО «МТС-Банк».		1 459	1 153
7.	ООО НКО «ЮМани»	апрель 2022 г.	332	310
8.	ООО НКО «МОБИ.Деньги»	май 2022 г.	129	120
9.	ООО МФК «Мани Мен»		105	148
10.	АО «Почта Банк»	июнь 2022 г.	594	709
11.	ООО «Оранж Бизнес Сервисез»		31	31
12.	ООО НКО «Монета»	июль 2023 г.	73	72
13.	Банк ВТБ (ПАО)	октябрь 2022 г.	2 859	2 860
14.	ПАО «Сбербанк»		17 238	17 238
15.	АО «АЛЬФА-БАНК»		2 473	2 473
16.	ПАО «ВымпелКом»		4 186	5 202
17.	АО «Тинькофф Банк»	декабрь 2022 г.	8 291	8 145
18.	АКБ «Ак Барс» (ПАО)	март 2023 г.	1 986	2 393
19.	ООО НКО «Мобильная карта»	июль 2023 г.	73	72
20.	ПАО «Совкомбанк»	октябрь 2023 г.	157	145
21.	АО «НСПК»		102	18

по Республике Татарстан были достигнуты следующие показатели:

– электронное взаимодействие налажено с 21 организацией;

– направлено 34 557 запросов (АППГ 28 039, +23 %);

– получено 35 405 ответов (АППГ 26 215, +35 %).

Данный опыт работы сотрудников МВД по Республике Татарстан является показательным примером возможности эффективной реализации имеющихся информационных технологий с целью совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Применение полученного опыта информационного взаимодействия и оптимизации работы по сбору сведений сотрудниками следственных подразделений во всех регионах Российской Федерации позволит значительно сократить время сбора доказательств в расследовании преступлений и исключить бюрократические барьеры, не нарушая норм российского законодательства. Кроме того, данное решение позволит сократить расходы бюджетных средств, связанные с приобретением дополнительной офисной техники, программного обеспечения, а также транспортные расходы.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2023 // URL <https://media.mvd.ru/files/application/4990835> (дата обращения: 21.03.2024).

2. Приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км» // URL <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=519451#d26It9UsPHLyZ95Q1> (дата обращения: 21.03.2024).

3. Страхов А. А., Ищенко А. Н. О цифровой трансформации в МВД России // Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях : сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Москва, 15 декабря 2022 года / Составитель А. В. Орлов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 175–183. EDN: HLEFKX.

4. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 408-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе» // URL <https://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_429413/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 21.03.2024).

References

1. State of crime in the Russian Federation for January-September 2023 // URL://https://media.mvd.ru/files/application/4990835 (accessed: 21.03.2024).
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 25.11.2019 № 878 «On Announcement of the Decision of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from 1 November 2019 № 3km» // URL://https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=519451#d261t9UsPHLyZ95Q1 (accessed: 21.03.2024).

3. Strakhov A. A., Ishchenko A. N. About digital transformation in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Ensuring economic security of Russia in modern conditions : collection of scientific papers of the All-Russian scientific conference, Moscow, 15 December 2022 / Compiled by A. V. Orlov. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2023. P. 175–183. EDN: HLEFKX.

4. Federal Law No. 408-FZ dated 20.10.2022 «On Amending Article 26 of the Federal Law «On Banks and Banking Activity» and Article 27 of the Federal Law «On the National Payment System» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429413/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (accessed: 21.03.2024).

Информация об авторах

В. В. Худяков – доцент кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Ю. А. Куриленко – заместитель начальника кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Khudyakov – Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Yu. A. Kurilenko – Deputy Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

**Государственная служба
в органах внутренних дел
Российской Федерации**

Второе издание

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-153-157>

EDN: <https://elibrary.ru/fhtmw>

НИОН: 2015-0066-4/24-075

MOSURED: 77/27-011-2024-04-274

Право народов и наций на самоопределение в конституционном праве

Алексей Петрович Чижик

Московский экономический институт, Москва, Россия, chizhikap@noumei.ru

Аннотация. Право народов и наций на самоопределение среди принципов современного международного права считается одним из главенствующих. В процессе развития и усложнения правового регулирования содержание данного права претерпело значительные изменения. Данное право закреплено и в конституциях большинства современных государств, в том числе и в Конституции РФ, где в ч. 3 ст. 5 равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации закреплено в качестве одного из принципов федеративного устройства. Наиболее дискуссионным вопросом современного международного права является возможность реализации права народов и наций на самоопределение путем создания независимого государства. Практическая реализация данного права сопряжена с нарушением территориальной целостности государства, что не может положительно оцениваться ни одним из существующих государств. И до сегодняшнего дня на международном уровне не разработаны критерии, условия, способы и формы реализации права народов на самоопределение.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, самоопределение, нации и народ, конституционный суд, федеративное устройство

Для цитирования: Чижик А. П. Право народов и наций на самоопределение в конституционном праве // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 153–157. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-153-157>. EDN: FHTMWO.

Original article

The right of peoples and nations to self-determination in constitutional law

Alexey P. Chizhik

Moscow Institute of Economics, Moscow, Russia, chizhikap@noumei.ru

Abstract. The right of peoples and nations to self-determination is considered one of the main principles of modern international law. In the process of development and complication of legal regulation. The content of this right has undergone significant changes. This right is also enshrined in the constitutions of most modern states, including the Constitution of the Russian Federation, where in Part 3 of Article 5 equality and self-determination of peoples in the Russian Federation is enshrined as one of the principles of the federal structure. The most controversial issue of modern international law is the possibility of realizing the right of peoples and nations to self-determination by creating an independent state. The practical implementation of this right involves a violation of the territorial integrity of the state, which cannot be positively assessed by any of the existing states. And to date, criteria, conditions, methods and forms of the realization of the right of peoples to self-determination have not been developed at the international level.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, self-determination, nations and people, Constitutional Court, federal structure

For citation: Chizhik A. P. The right of peoples and nations to self-determination in constitutional law. Bulletin of economic security. 2024;(4):153–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-153-157>. EDN: FHTMWO.

Введение. В настоящее время Устав ООН закрепил определенные принципы современного международно-го права. Так, одним из них и наиболее важным является равноправие и самоопределение наций и народов.

В связи с этим получив столь серьезное официальное закрепление, данный принцип стал использоваться

и в других международно-правовых актах, благодаря которым реализация этих прав у наций и народов стала более конкретна и детализирована.

При этом содержание указанного права многократно изменяли по различным причинам. Международно-правовая практика наиболее критично и с недоверием

© Чижик А. П., 2024

относится к осуществлению указанного права при попытках тех или иных территорий, народов, наций на самоопределение и на создание независимых государств.

Если обратиться к истории, то достаточно часто, когда нации и народы получали право на самоопределение, это приводило к тому, что государство либо распадается, либо нарушается его территориальная целостность. При этом в каждый временной период на это были свои основания.

В данный момент и национальное и международное право имеет главную проблему, которая заключается в том, что способы осуществления данного права не имеют четких правовых рамок.

Конституционно-правовое регулирование права народов и наций на самоопределение. Основопологающим документом, определяющим право наций и народностей на самоопределение, в современной истории человечества, является Пакт о правах человека, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. В нем отражена основа права на самоопределение:

1. Народности могут определять свой путь развития в культурной и социальной сферах, выбирать власть, политический статус и направление экономического развития.

2. Страны-участники мирового сообщества в результате подписания международных документов, а также на основании Устава ООН обязаны признавать право на самоопределение, уважительно относиться и способствовать его свободной реализации.

3. Для своих целей нации вольны свободно владеть и использовать природные ресурсы и национальные богатства.

Затрудняет реализацию права на самоопределение уже даже противоречия на понятийном уровне. В названии даже самого права видятся потенциальные сложности, обусловленные особенностями трактовки понятий «самоопределение», «народ», «нация».

Существуют разные подходы к реализации права на самоопределение. Одной из форм самоопределения является отделение. Распад Югославской республики в 1991 году как раз является примером такой формы.

Стоит отметить, что в законодательстве обязательно должно быть закреплено такое право использования формы реализации прав на самоопределение.

Утверждение за территорией статуса автономной – еще одна форма реализации права на самоопределение. Примером такой автономии может служить реализация принципа самоопределения Болгарским княжеством в 1878 г.

Выход из состава государства и приобретение статуса независимого или суверенного – также форма реализации самоопределения. Таким образом в 1917–1918 годах выделились и стали независимыми Финляндия и Польша.

Таким образом, в условиях современности принцип самоопределения может быть реализован нации на территории государства, на которой она проживает, в со-

ответствии с утвержденными законодательно формами самоопределения; при этом, процесс самоопределения осуществляется в рамках государственных границ.

Российская конституционная модель регламентации права народов на самоопределение. Впервые идея о реализации права народов на самоопределение была выдвинута еще большевиками. Это произошло в 1917 году в ходе Октябрьской революции, в результате чего было объявлено о заключении мира при условии наличия права на самоопределение народов [1]. Эта необходимость была закреплена соответствующими документами – Декретом о мире и Декларацией прав народов. Большевики настаивали на том, что национальные меньшинства в России [2] полностью готовы к реализации данного права. В начале 1918 г. Л. Троцкий после первой мировой войны было заявлено, что Россия согласна только на свободное самоопределение наций в сложившемся на тот момент устройстве мира и что германская оккупация не имеет права оказывать воздействие на свободу нации определять свою судьбу [3, с. 24].

Национализм в рамках советской власти был не столько самоцелью, сколько предназначен для укрепления социализма и подразумевал формирование интернационального объединения во избежание враждебных настроений и проявления недоверия между людьми, принадлежащими к разным нациям. Истинный национализм понимался советской властью как ложная буржуазия [4].

Однако позиция, предложенная Россией, была слабой и не нашла подтверждение в мировом сообществе. Вопреки ожиданиям большевиков, после отделения Финляндии и Украины существенного изменения отношения народа к власти не произошло, ожидаемое объединение также не наступило. Постепенно и сами большевики стали менять свой подход к самоопределению. Несмотря на закрепление в Конституции СССР права республик на отделение, оно длительное время оставалось формальным и ни разу не реализованным на практике.

При этом также важно указать на различие представлений советского руководства на процессы государственного строительства. Так, В. И. Ленин последовательно выдвигал идею о построении федеративного государства, равноправии союзных республик в рамках единого государственного объединения.

Право на самоопределение народов и наций советская власть признавала и поддерживала. Таким образом, были выделены новые самостоятельные государства: страны Прибалтики и Закавказья, Украина, Белоруссия, Финляндия, Польша. Мнения о федерализме тоже изменились. Этому способствовал риск развала государства, что заставило приверженцев большевизма пересмотреть взгляды. В качестве механизма для решения вопросов национальной безопасности большевики стали рассматривать федерализм как допустимый. В результате чего Российская Советская Социалистическая Республика стала федеративной (РСФСР) [5, с. 56]. И. В. Сталин выступал за автономизацию, вхождение республик в состав РСФСР. Все это было попыткой преодоления про-

блем, связанных с многонациональностью и большим количеством религиозных течений вновь образующего государства.

При этом, когда распадался СССР данная процедура не имела регламентации несмотря на то, что в Конституции было указание на свободный выход из Союза. И поэтому соответствующий закон был принят лишь в 1990 году, на основании которого народ при помощи проведенного референдума может выйти из Союза [6].

Через год уже в 1991 году данный референдум был проведен, где почти 77 % избирателей высказались за то, что СССР следует сохранить [7].

Но, несмотря на столь сильное желание граждан, СССР все-таки распался. Более того данный распад нарушил нормы национального законодательства, но международное сообщество пошло навстречу, признав за вновь образовавшимися государствами легитимность и самостоятельность. Это помогло им достаточно быстро превратиться в полноправных субъектов международных отношений.

Заметим, что СССР для такой огромной страны распался фактически мгновенно. Все республики получили независимость в течение года. При этом все произошло достаточно мирно, что большинство восприняло этот процесс как легкий и непринужденный.

В настоящее время в качестве наиболее выдающегося события следования принципу самоопределения народа с помощью свободного волеизъявления можно назвать включение в состав Российской Федерации Крыма. Присоединение к России иного государства осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 2001 г. «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ». По мнению России Украина ограничивала права граждан Крыма на самоопределение, особенно в рамках того, что упразднила Конституцию Республики Крым, сделав последнюю автономной в 1991 г. При этом, заявление о присоединении к Российской Федерации должно происходить по инициативе и доброй воле иностранного государства или его части. Поэтому после референдума решение о присоединении Крыма к Российской Федерации не было признано рядом государств. При этом, взгляды стран мирового сообщества на процесс самоопределения, достаточно неоднозначны и противоречат основным положениям о равноправии наций в реализации принципа самоопределения.

В России же реализация права наций и народностей на самоопределение основана на концептуальных положениях: 1) решение межнациональных и конституционно-правовых сложностей, в том числе путем установления ответственных из госслужащих за конкретное направление деятельности в субъектах Федерации; 2) воссоединение национальных общностей, ранее разединенных; 3) предотвращение национальной розни и конфликтов; 4) государственно-правовая поддержка атрибутов культурно-исторического наследия; традиции, быта, языков наций.

Большим вызовом является острая для России проблема фактической социально-экономической не симме-

трии ее субъектов [8]. Несмотря на то, что власти постоянно проводят различные мероприятия по «федеральному выравниванию» регионов, пока это не дает особого результата. Фактически, по уровню доходов населения, развитости инфраструктуры и иных коммуникаций и базовых средств жизнеобеспечения, различия порой крайне существенны, при этом межрегиональная не симметрия не связана и напрямую не всегда зависит от территориальной удаленности сравниваемых субъектов. Однако, данная не симметрия приводит к необоснованной и неравномерной дифференциации правового регулирования разных видов субъектов Российской Федерации что, в свою очередь, является противоречием ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, устанавливающей равноправие всех субъектов Российской Федерации.

Проведение государственных реформ организационно-правового характера осуществляется с целью улучшения и оптимизации работы органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов государственной власти. При этом положения международного и федерального также требуют безостановочного совершенствования. Помимо улучшения правовой базы существует необходимость и своевременной разработки актуальных стандартов управления государством, а также подготовки и переподготовки управленческого персонала с целью его развития в сфере отношений разных этнических общностей.

Архиважными были и остаются в настоящее время вопросы, касающиеся разработки и утверждения форм самоопределения субъектов Российской Федерации в рамках реализации принципа самоопределения, а также вопросов, связанных с обеспечением территориального и политического единства государств в рамках реализации принципа территориальной целостности. Немаловажными в этой связи являются и вопросы взаимодействия между органами местного самоуправления и органами власти, а также разграничение их полномочий в результате процесса самоопределения.

Особенный подход к решению вышеназванных задач должен создавать и обеспечивать поддержание толерантности к национальным особенностям и культурным ценностям, равноправия и принципа самоопределения наций, авторитета национальных общностей, справедливого международного климата.

Право народов на самоопределение в пределах Российской Федерации может осуществляться от создания условий для свободного национально- культурного развития народов, их языка, традиций, религий и т. д. до образования новых субъектов Федерации. Но субъекты Федерации не наделены правом выхода из ее состава. Это полностью соответствует принципам, установленным в нормах международного права, и является одной из важнейших гарантий государственной целостности России. Подтверждает это и правовая позиция Конституционного суда РФ от 13 марта 1992 года: «Не отрицая права народа на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить

из того, что международное право ограничивает его соблюдением принципа территориальной целостности и принципа соблюдения прав человека» [9].

В настоящее время есть все основания для реализации права наций и народностей на самоопределение без инициирования вооруженных конфликтов и столкновений. Однако отсутствие механизма реализации права на самоопределение – четкого и утвержденного на законодательном уровне – порождает серьезные препятствия в процессе в ситуации действующих реалий. Результатом попыток реализации этого права зачастую оказывается лишь политическая декларация и процесс реализации остается без дальнейших публично-правовых последствий. Соответственно, можно говорить о фактической невозможности реализации этого права и создания и выделения новых отдельных государств из-за особенностей современных международно-правовых норм.

Если меньшинства и этнические группы находятся и проживают на территории государств, имеющих административные границы, то реализовать свои права на самоопределение и сецессию они могут лишь тогда, когда эти права прописаны в Конституции данного государства.

В настоящее время сецессия является одним из наиболее острых вопросов, затрагивающих глобальные вопросы:

- сохранение в мире безопасности и мира;
- внутренняя политика и ее проведение в многонациональном государстве.

Сецессия – это исключительный способ реализации права на самоопределение, так как он представляет собой отделение народа от государства, путем образования собственного, причем в одностороннем порядке, что приводит к нарушению территориальных границ.

Как правило, подобное отделение осуществляется двумя способами:

1. Сепаратизм, который ставит перед собой цель разрушить территориальные границы политическое единство страны.
2. Законное отделение от страны, на основе международных норм и при наличии конкретных причин на подобное (например, дискриминация, нарушение человеческих прав и т. п.).

До сих пор критерии, которые отделяют один способ от другого, не выявлены. Единственное было установлено, что сепаратизм – это противоправная деятельность, которая идет в разрез с национальным и международным правом.

Однако, не всегда права народов на самоопределение предусмотрены законодательно, и в таком случае государство может препятствовать сецессии, при этом жестко притесняя и нарушая права таких этнических групп. Во избежание конфликтов целесообразно разграничение видов, масштабов преступлений и ответственности за них, оберегающие меньшинства и позволяющие им бесконфликтную реализацию права на самоопределение и сецессию.

В современном мире сецессию следует рассматривать в качестве официального способа осуществления

права на самоопределение народов. Но в тоже время данный способ должен являться крайней мерой, так он нарушает территориальные границы государства.

Заключение. Право наций и народностей на самоопределение среди принципов современного международного права считается одним из главенствующих. В процессе развития и усложнения правового регулирования содержание данного права претерпело значительные изменения.

Данное право закреплено и в Конституциях большинства современных государств, в том числе и в Конституции РФ, где в ч. 3 ст. 5 равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации закреплено в качестве одного из принципов федеративного устройства.

Наиболее дискуссионным вопросом современного международного права является возможность реализации права наций и народностей на самоопределение путем создания независимого государства. Практическая реализация данного права сопряжена с нарушением территориальной целостности государства, что не может положительно оцениваться ни одним из существующих государств. Примеры реализации данного права, такие как самоопределение Крыма; провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии; образование 15 суверенных государств в результате распада СССР, показывают, что фактически реализация данного права всегда сопровождается конфликтами.

Основной причиной видится тот факт, что и по сей день на международном уровне не разработаны критерии, условия, способы и формы реализации права народов на самоопределение.

Кроме практических проблем реализации данного права, можно отметить большое количество доктринальных разногласий. Все они сводятся к противостоянию двух позиций. Первая – принятие и признание одностороннего объявления независимости правомерным. Вторая – недопущение разрушения целостности государственных территорий. Эти разногласия объяснимы и имеют в своей основе как субъективные, так и объективные причины.

Несмотря на существенное снижение (по некоторым оценкам – полное устранение) в начале XXI в. угрозы сохранению государственного единства, для Российской Федерации данный вопрос также является достаточно актуальным. Во-первых, до настоящего времени в мировом сообществе не сформировано единое мнение о правомерности или неправомерности реализованного самоопределения Крыма. Во-вторых, Российская Федерация провозгласила право народов на самоопределение сквозь призму федерализма, который прежде всего основывается на государственной целостности. Этот дуализм не позволяет однозначно ответить на вопрос, допустимо ли в Российской Федерации самоопределение каких-либо народов в форме государственного обособления? На этот самый сложный и важнейший вопрос и должен ответить Конституционный Суд Российской Федерации, являющийся гарантом защиты основ кон-

ституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

Список источников

1. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы. 1957. С. 12.
2. Декларация прав народов России 2 (15) ноября 1917 года // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Гос. изд-во политической литературы. 1957. С. 39.
3. Троцкий Л. Речь на заседании российской, германской и австро-венгерской делегаций (политическая комиссия) 11 января 1918 года // Советская республика и капиталистический мир. Часть I. Первоначальный период организации сил. Сочинения. Т. 17. часть 1. М.-Л., 1926.
4. Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // Искра. 1903. № 44. 15 июля.
5. Письменов В. Н. Вопросы федерализма и национализма в России: прошлое и настоящее // Проблемы федеративных отношений в России на современном этапе: Сборник статей: Региональный круглый стол / отв. ред. В. В. Коровин. Курск : ЮЗГУ, 2012.
6. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР, 1990. № 15. Ст. 252.
7. Закон СССР от 27 декабря 1990 г. № 1869-1 «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР, 1991. № 1. Ст. 10.
8. Письменов В. Н. К вопросу генезиса российско-го федерализма: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 67.
9. По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 г. // Вестник Конституционного Суда. 1993. № 1.

Информация об авторе

А. П. Чижик – заведующий кафедрой правовых дисциплин Московского экономического института, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. P. Chizhik – Head of the Department of Legal Disciplines of the Moscow Institute of Economics, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 15.08.2024.

References

1. Decree of the II All-Russian Congress of Soviets on peace on October 26 (November 8), 1917 // Decrees of the Soviet government. Vol. 1. M. : State Publishing House of polit. literatures. 1957. P. 12.
2. Declaration of the Rights of the Peoples of Russia on November 2 (15), 1917 // Decrees of the Soviet government. Vol. 1. M. : State Publishing House of Political Literature. 1957. P. 39.
3. Trotsky L. Speech at a meeting of the Russian, German and Austro-Hungarian delegations (political commission) on January 11, 1918 // The Soviet Republic and the capitalist world. Part I. The initial period of the organization of forces. Works. Vol. 17. Part 1. M.-L., 1926.
4. Lenin V. I. The national question in our program // Iskra. 1903. No. 44. July 15.
5. Pismenov V. N. Issues of federalism and nationalism in Russia: past and present // Problems of federal relations in Russia at the present stage: Collection of articles: Regional round table / ed. by V. V. Korumov. Kursk : South Ural State University, 2012.
6. Law of the USSR of April 3, 1990 No. 1409-I «On the procedure for resolving issues related to the withdrawal of the Union Republic from the USSR» // Vedomosti SND of the USSR and the Armed Forces of the USSR, 1990. No. 15. Art. 252.
7. The Law USSR dated 12/27/1990 No. 1869-1 «On popular vote (referendum of the USSR)» // Vedomosti of the SND of the USSR and the Armed Forces of the USSR, 1991. No. 1. Article 10.
8. Pismenov V. N. On the genesis of Russian federalism: theoretical and practical aspects // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2012. No. 1-2. P. 67.
9. In the case of checking the constitutionality of the Declaration on State Sovereignty of the Tatar SSR of August 30, 1990, the Law of the Tatar SSR of April 18, 1991 «On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) Of the Tatar SSR», the Law of the Tatar SSR of November 29, 1991 «On the referendum of the Tatar SSR», the resolution of the Supreme Council of the Republic of Tatarstan of February 21, 1992 «On holding a referendum of the Republic of Tatarstan on the issue of the state status of the Republic of Tatarstan»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 13, 1992 // Bulletin of the Constitutional Court. 1993. № 1.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-158-164>

EDN: <https://elibrary.ru/flklab>

ИИОН: 2015-0066-4/24-076

MOSURED: 77/27-011-2024-04-275

Понятие и сущность защиты прав человека и гражданина в системе теории права

Павел Геннадьевич Шеленговский

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

shelengovskiy.pg@rea.ru

Аннотация. В настоящей статье исследованы момент зарождения института защиты прав человека и основных свобод, понятие и сущность прав человека и гражданина, отмечено место данного института в системе теории российского права. Понятие механизма защиты прав человека и гражданина рассмотрено как сквозь призму предусмотренных законом гарантий, обеспечивающих провозглашение основных прав и свобод, так и сквозь призму институтов, обеспечивающих их реализацию и дальнейшую защиту. В рамках исследования проведен сравнительный анализ понятий защиты прав человека и гражданина, реализации прав человека, отражены их общие и особенные черты. Обозначены способы защиты прав человека и гражданина, структура механизма защиты прав человека. Кроме того, рассмотрены правовые основы механизмов защиты прав человека и гражданина, предусмотренных законодательством Российской Федерации, исследованы наиболее популярные способы защиты прав граждан. На основании различных доктринальных позиций сформировано мнение относительно целесообразности дальнейшего развития института защиты прав и свобод человека и гражданина, отмечены положительные черты подобного развития. Рассмотрена сущность института защиты прав человека и гражданина с точки зрения государственной функции, реализуемой всеми государственными структурами на различных уровнях управления. Отмечена необходимость активного поведения субъектов гражданского общества с целью недопустимости нарушения прав и законных интересов граждан, а также с целью их более оперативного и эффективного восстановления.

Ключевые слова: понятие и сущность защиты прав человека и гражданина, способы защиты прав человека и гражданина, гарантии прав человека и гражданина, функция государства, институт омбудсмена, судебная система

Для цитирования: Шеленговский П. Г. Понятие и сущность защиты прав человека и гражданина в системе теории права // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 158–164. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-158-164>. EDN: FLKLAB.

Original article

The concept and essence of the protection of human and civil rights in the system of theory of law

Pavel G. Shelengovsky

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

shelengovskiy.pg@rea.ru

Abstract. This article examined the moment of the emergence of the institute for the protection of human rights and fundamental freedoms, the concept and essence of human and civil rights, noted the place of this institute in the system of theory of Russian law. The concept of a mechanism for the protection of human and civil rights is considered both through the prism of guarantees provided by law that ensure the proclamation of fundamental rights and freedoms, and through the prism of institutions that ensure their implementation and further protection. Within the framework of the study, a comparative analysis of the concepts of protecting human and civil rights, the implementation of human rights was carried out, their general and special features are reflected. The methods of protecting human and civil rights, the structure of the mechanism for protecting human rights are outlined. In addition, the legal foundations of the mechanisms for protecting human and civil rights provided for by the legislation of the Russian Federation were considered, the most popular ways of protecting the

© Шеленговский П. Г., 2024

rights of citizens were studied. On the basis of various doctrinal positions, an opinion was formed on the feasibility of further development of the institution for the protection of human rights and freedoms and positive features of such development were noted. The essence of the Institute for the protection of human and civil rights is considered from the point of view of the state function implemented by all state structures at various levels of government. The need for active behavior of civil society entities in order to prevent violation of the rights and legitimate interests of citizens, as well as in order to restore them more quickly and effectively, was noted.

Keywords: concept and essence of human and civil rights protection, methods of human and civil rights protection, guarantees of human and civil rights, state function, ombudsman institution, judicial system

For citation: Shelengovsky P. G. The concept and essence of the protection of human and civil rights in the system of theory of law. *Bulletin of economic security*. 2024;(4):158–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-158-164>. EDN: FLKLAB.

Защита прав человека и гражданина представляет собой определенный механизм, совокупность способов восстановления нарушенного или оспариваемого права. С помощью указанного механизма граждане, прибегая к предусмотренным законом мерам, самостоятельно или же посредством обращения к компетентным структурам восстанавливают положение, существовавшее до нарушения их субъективных прав, а также создают препятствия на пути к их нарушению. Механизм защиты прав человека и гражданина обеспечивается как системой внутригосударственных учреждений, так международных объединений и институтов защиты прав человека. Международные институты в данном случае выполняют контрольную функцию, обеспечивая проверку соблюдения прав человека отдельными государствами. В соответствии с положениями статьи 46 Конституции Российской Федерации в случае исчерпания всех внутригосударственных механизмов защиты прав и свобод каждый вправе в соответствии с международными договорами обратиться к международным институтам защиты прав и свобод [1].

По мнению Курданова В. О., механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина можно понимать в узком и широком смысле [2, с. 23]. В узком смысле данный механизм представляет гарантии защиты прав и свобод граждан, установленные на государственном уровне (социальные, экономические, политические, культурные, правовые). В широком понимании институт защиты прав человека и гражданина можно представить в виде следующих блоков:

- права и свободы человека и гражданина как высшая государственная ценность;
- принципы реализации и защиты прав человека и гражданина (равенство, справедливость, свобода, личная неприкосновенность и т. д.);
- совокупность правовых норм и институтов, закрепляющих основные права человека и гражданина и обеспечивающие возможность их реализации предусмотренными законом способами;
- контрольный механизм, обеспечивающий соблюдение точного функционирования юрисдикционных органов в рамках предусмотренного правового поля.

Раскрывая тематику понятия и сущности защиты прав человека и гражданина, необходимо затронуть вопросы соотношения защиты прав человека со смежны-

ми отраслевыми категориями, а также способы защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации.

Рассмотрение места института защиты прав человека и гражданина в системе науки теории права предполагает анализ вопроса о структуре самой науки теории права. Теория права, являясь составной частью науки теории государства и права, направлена на изучение правовой действительности, сущности права как общественного явления. Представляя фундаментальную юридическую науку, теория государства и права уделяет большое внимание проблемам современности, в том числе проблематике защиты прав человека и гражданина в существующем гражданском обществе.

При изучении понятия и сущности защиты прав человека и гражданина необходимо ограничивать данное правовое явление от смежных категорий. Одной из таких в теории права принято считать реализацию прав человека [3, с. 211].

Реализация прав человека и гражданина представляет собой процесс претворения правовых норм субъектами права в действительность. Именно благодаря реализации становится возможным переход предусмотренных нормами права гарантий в состояние конкретных благ, получаемых гражданами. Механизм реализации прав человека и гражданина предполагает наличие определенных нормативных правовых актов, благодаря которым становится возможной реализация прав, закрепленных в нормативных актах различного уровня.

Основным правовым актом, декларирующим права и свободы человека и гражданина на законодательном уровне Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации. Конституция Российской Федерации закрепляет широкий перечень личных и гражданских прав и свобод, социальных, экономических и культурных. На уровне международно-правового регулирования основным нормативным актом, закрепляющим права и свободы, принято считать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [4] (далее – Конвенция). Координацию деятельности по защите прав человека на международной арене осуществляет Комиссия по правам человека, созданная в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций. Указанная комиссия на ежегодной основе рассматривает доклады о нарушении основных прав и свобод, по факту обнаруженных

нарушений комиссия также уполномочена осуществлять собственные расследования с привлечением независимых экспертов. Комитет по правам человека при Организации Объединенных Наций осуществляет контроль за соблюдением государствами политических и гражданских прав, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года; процедур реализации имеющихся прав (реализация прав в результате судебной защиты, обращения к органам исполнительной власти, общественным организациям и иные); санкционирование вышеуказанных норм и процедур со стороны государства; поведение субъекта права (активное, пассивное), обладающего определенным уровнем правосознания и правовой культурой.

Следует отметить, что важным субъектом международного уровня, созданным в целях защиты и охраны прав и свобод граждан, является Европейский суд по правам человека. Для всех государств-членов становится обязательным соблюдение положений Конвенции, а также распространяются для граждан гарантии обращений в сопутствующие международные органы. Вместе с тем, в связи с выходом в 2022 году Российской Федерации из состава членов Совета Европы, автоматически происходит выход из соответствующих международных подразделений, а положения Конвенции становятся не обязательными. Однако со стороны властей Российской Федерации в момент выхода отмечалось, что положения Конвенции уже так или иначе отражены в конституционном законодательстве Российской Федерации, поэтому выход никак не повлияет на защиту прав и свобод граждан страны [5].

Реализация прав человека возможна в формах соблюдения, исполнения, использования и применения субъективных гражданских прав. В контексте анализа защиты прав человека и основных свобод наиболее интересными для сопоставления представляются использование и применение как формы реализации прав человека.

Использование в вопросе защиты нарушенного права позволяет субъекту по собственному усмотрению прибегнуть к возможности восстановления нарушенных субъективных прав и своего положения, существовавшего до указанного нарушения, в том числе предоставляет возможность обращения к самозащите. Использование как форма реализации права на защиту представляет способ и меру возможного поведения субъекта – субъективное право на защиту. Не стоит забывать, что оперативность восстановления нарушенных прав во многом зависит от поведения и действий самого субъекта посягательства. Чем более активным будет его взаимодействие с государственными и иными механизмами защиты прав граждан, тем выше успех во всестороннем восстановлении его положения, существовавшего до нарушения.

В рамках правоприменения пострадавшее лицо получает перспективы восстановления своего положения с помощью обращения к предусмотренным за-

коном процедурам, реализуемым уполномоченными субъектами в установленных формах. Таким образом, представляется допустимым рассмотрение механизма защиты прав человека и гражданина в контексте таких форм реализации права как использование и применение.

Нарушение субъективных прав граждан является стимулом к активизации негативной реализации права, предполагающей защиту прав и свобод человека и гражданина. Защита прав человека и гражданина осуществляется посредством принудительной деятельности уполномоченных органов по восстановлению нарушенных прав граждан. Учитывая характер произведенных нарушений, деятельность юрисдикционных органов может реализовываться как в рамках уголовно-правового поля, так и в рамках гражданско-правового.

В науке теории права не сложилось единого мнения относительно места защиты прав человека в системе механизма реализации права. Так по мнению Крылатовой И. Ю., данные правовые категории существуют параллельно друг другу, так как имеют под собой различные цели: цель реализации права – получение предусмотренного нормами права блага, цель защиты – восстановление нарушенного права, уже полученного в процессе реализации. Следовательно, учитывая различную целевую составляющую, а также время возникновения реализации и защиты права автор разграничивает указанные категории [3, с. 212].

Вкратце проанализировав суть реализации и защиты прав, выделим отличительные для механизма защиты прав человека и гражданина черты:

- устранение препятствий на пути к реализации субъективных прав, применение санкций к субъектам, виновным в нарушении субъективных прав иных граждан с целью восстановления справедливости;
- процессуальная упорядоченность механизма восстановления нарушенных прав;
- активация механизма защиты нарушенных прав после несостоявшейся реализации прав человека и гражданина, их реализации не в полном объеме.

Говоря о сущности защиты прав человека и гражданина, целесообразно уделить внимание структуре данного механизма. Так, необходимость защиты обусловлена наличием объекта (субъективное право, законный интерес, нарушенные в результате необоснованного посягательства со стороны нарушителя), субъектов (носитель субъективного права, имеющий основания для восстановления положения, существовавшего до нарушения, юрисдикционные органы и общественные объединения, способствующие восстановлению нарушенного права), основания (правонарушение или посягательство на субъективное право).

Как было отмечено ранее, защита прав человека и гражданина возможна как путем обращения в государственные органы (суды, правоохранительные структуры), так и самозащиты субъективных прав и обращения

к неюрисдикционным структурам (общественные объединения, организации).

Анализ конституционных основ Российской Федерации позволяет взглянуть на сущность защиты прав человека и гражданина с точки зрения одной из основных функций государства. К указанному выводу можно прийти, исходя из содержания статьи 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина признаются в Российской Федерации высшей ценностью, защищаются и гарантируются со стороны государства. Согласно положениям статьи 45 граждане Российской Федерации вправе защищать имеющиеся права и свободы любым, не запрещенным законом способом.

Качество обеспечения основных прав и свобод граждан отражает степень развития государственного аппарата, а защита прав и основных свобод граждан посредством предусмотренных государственных механизмов характеризуют уровень ответственности государства перед населением и выполнение социальных обязательств [6, с. 150]. Таким образом, видится прямая зависимость защиты прав человека и гражданина от заинтересованности государственного аппарата в выполнении своих социальных обязательств перед обществом.

Защита прав человека и гражданина через призму основной функции государства представляет совокупность мер государственной политики, направленных на выявление и пресечение нарушений прав и законных интересов граждан, восстановление нарушенных прав и применение мер юридической ответственности к их нарушителям. Последняя мера государственной политики является одной из наиболее серьезных с точки зрения последствий для нарушителя, но необходимой с точки зрения установления справедливости. В свою очередь, в случае нарушения прав граждан основная цель действий как пострадавшего субъекта, так и государственных структур – восстановление нарушенных прав (возмещение причиненного вреда).

По мнению Железнова Б. Л., механизм государственной защиты по защите прав граждан представляет собой систему, состоящую из института судебной системы, системы прокурорского надзора, института Уполномоченного по правам человека, систему органов государственного и муниципального управления [7, с. 77]. Ядром государственного механизма защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации является Президент. Президент как глава государства является гарантом прав и свобод человека и гражданина. Данный постулат вытекает из статьи 80 Конституции Российской Федерации. Подтверждением сказанному является достаточно эффективный механизм защиты и реализации прав граждан РФ, пользующийся широкой популярностью, – ежегодное мероприятие «Прямая линия с Президентом РФ».

Как в рамках данного механизма, так и иными способами Президент, взаимодействуя с представителями

судебной системы, органами государственной власти Российской Федерации и субъектов, правоохранительными структурами и общественными объединениями, способствует защите прав граждан и тем самым заручается поддержкой населения.

В общем всю систему органов государственной власти, органов местного самоуправления можно представить в качестве механизма защиты прав человека и гражданина. Структуры общей и специальной компетенции (Президент Российской Федерации, Федеральное собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, судебная система, органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и система правоохранительных органов) реализуют защиту прав и свобод человека и гражданина на разных уровнях: принимая нормативные правовые акты, осуществляя государственное управление, занимаясь правоприменением.

Основным способом защиты прав и свобод человека и гражданина принято считать судебную защиту, реализуемую в рамках гражданского, арбитражного, административного, уголовного, конституционного судопроизводства.

Одним из основных направлений развития государственной политики является функционирование судебной системы, обеспечение свободного доступа к правосудию как гражданам, так и различным объединениям. Посредством судебной защиты реализуется возможность обжалования неправомерных действий и решений государственных и муниципальных органов. Право на судебную защиту основано на публичных началах, что говорит об обязанности государства предоставить доступ к указанной защите любому заинтересованному лицу [8, с. 101].

Актуальные для Российской Федерации нововведения в области электронного правосудия говорят о перспективах обеспечения более свободного доступа к судебной защите. Так, в 2024 году планируется ввести в эксплуатацию сервис «Правосудие онлайн». Основной функционал указанного ресурса направлен на обеспечение комфортного доступа к судебной защите для граждан Российской Федерации, в том числе посредством Госуслуг. «Правосудие онлайн» предполагает возможность подачи исковых заявлений в электронном виде путем заполнения необходимой информации, автоматическое определение подсудности, расчет государственной пошлины, участие в судебных заседаниях с помощью веб-конференций с момента ввода единой биометрической системы, направление документов по делу в электронном виде и отслеживание хода судебного разбирательства. Сервис «Правосудие онлайн» предполагает размещение полезной информации для правового просвещения пользователей и образцов документов (исковых заявлений, претензий и т. п.) с целью их дальнейшего использования при осуществлении судебной защиты. На примере указанного сервиса прослеживается реализация основной функции государства – гаранти-

рование и защита прав и законных интересов граждан Российской Федерации.

Немаловажную роль в вопросе защиты прав человека и гражданина играет система правоохранительных органов, основная задача которой защита прав и интересов граждан и дальнейшее привлечение к ответственности за допущенное нарушение виновных [9, с. 55]. Так как целью настоящего исследования не является раскрытие системы правоохранительных структур, предоставляется нецелесообразным заострять отдельное внимание на вопросе структуры правоохранительных органов и их основных полномочий.

Особый статус в системе способов защиты прав человека и гражданина занимает обращение за восстановлением нарушенного права к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Уполномоченный по правам человека рассматривает жалобы граждан на факты состоявшихся нарушений, способствует восстановлению нарушенных прав, рассматривает обстоятельства ненадлежащего государственного управления.

Институт Уполномоченного по правам человека принято считать одним из самых эффективных способов защиты нарушенных прав, реализуемых во внесудебном порядке. Об этом свидетельствуют результаты ежегодных докладов о количестве обращений по факту нарушений прав человека и гражданина, рассмотренных омбудсменом в Российской Федерации [10]. Должность омбудсмана на сегодняшний день предусмотрена большинством демократических государств, имеющих развитые институты гражданского общества [11, с. 130]. Как правило, статус уполномоченного по правам человека устанавливается основным законом страны или же отдельным законодательным актом иного уровня.

Целесообразным видится более широкое распространение информации среди населения о наличии должностного лица, рассматривающего жалобы и обращения о нарушениях прав человека и гражданина, обеспечение полной независимости деятельности указанного лица с целью эффективного осуществления им своих полномочий.

Немаловажную роль в защите прав граждан Российской Федерации в конкретных областях общественных отношений играют такие должностные лица как Уполномоченный по правам предпринимателей в Российской Федерации, Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации. Деятельность Уполномоченного по правам предпринимателей направлена на защиту прав бизнеса от необоснованного вторжения со стороны контрольных органов, а также необоснованного уголовного преследования. Детский омбудсмен, в свою очередь, осуществляет контроль за должностными лицами в сфере реализации прав детей, предпринимает меры для защиты материнства, детства и семейных ценностей в Российской Федерации.

Изучая проблематику защиты прав человека и гражданина, стоит упомянуть институт третейского

суда, призванного рассматривать споры в сфере осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности как между гражданами, так и организациями. Преимущества данного института защиты прав граждан заключаются в более быстром рассмотрении спора в сравнении со сроками рассмотрения дела в рамках арбитражного судопроизводства, рассмотрении правоотношений сторон более квалифицированным составом судей, заранее определенным сторонами. Ввиду серьезных издержек, необходимых для рассмотрения дела третейским судом, данный механизм защиты прав граждан в Российской Федерации является недостаточно востребованным.

Говоря о способах защиты прав граждан, не стоит забывать об общественных организациях, на постоянной основе осуществляющих защиту нарушенных и оспариваемых прав. Одной из таких крупнейших организаций в Российской Федерации является Федерация прав человека, имеющая 12 регионов присутствия и оказывающая помощь гражданам в онлайн формате. Федерация прав человека основана по инициативе членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека с целью повышения эффективности по защите прав граждан и юридических лиц. Федерация прав человека проводит консультирование всех заинтересованных физических и юридических лиц независимо от форм собственности по широкому кругу вопросов: заключение договоров, возмещение вреда, реального ущерба и упущенной выгоды, семейное консультирование, сопровождение судебных споров. Существование подобных правозащитных структур обеспечивает реализацию прав граждан на получение оперативной и результативной помощи в различных областях правового регулирования. Проблематика защиты прав человека и гражданина не теряет своей актуальности, несмотря на отсутствие определенной новизны исследуемой темы. Нарушения прав и свобод людей осуществляются регулярно, это обусловлено различными причинами: злоупотребление служебным положением, сохранение преступности в определенных областях общественных отношений [12].

Гарантии, предусмотренные действующим законодательством, конечно же, декларируют недопустимость нарушения прав и законных интересов граждан, предусматривают ответственность за совершенное нарушение. Однако простое установление данных прав, в отсутствие эффективных способов их защиты, принесет немного пользы в указанном направлении.

Подводя итоги проведенного анализа, отметим, что механизм защиты прав человека и гражданина представляет собой сложную разветвленную систему, реализуемую в рамках установленных правовых норм посредством предусмотренных процедур уполномоченными субъектами, общественными объединениями и самими гражданами. Институт защиты прав человека и гражданина берет своего начало из античных времен и продол-

жает свое развитие в современности. Защиту прав человека и гражданина можно рассматривать как в узком (система гарантий, предусмотренных законодательством), так и в широком смысле (систему гарантий, институтов и механизмов защиты прав граждан). Необходимо различать механизм защиты прав граждан и механизм реализации прав: последний предполагает получение конкретных благ предусмотренными законом способами, защита – восстановление нарушенного на пути к получению тех или иных благ права. В контексте реализации прав защиту можно рассматривать в качестве элемента использования и применения права.

Сущность защиты прав человека и гражданина проявляется в системе правовых гарантий, способов защиты прав граждан, государственных и общественных институтах их защиты. Гарантом прав и свобод граждан в Российской Федерации на государственном уровне является Президент Российской Федерации. Качество защиты прав граждан напрямую влияет на уровень доверия населения к государственному механизму, так как основное назначение государственного аппарата – защита прав и интересов граждан своей страны, беспрепятственный доступ к гарантируемым правам.

Система государственных органов и общественных организаций продолжает политику, реализуемую главой государства, оказывает всевозможную помощь гражданам в области защиты и реализации имеющихся прав. Дальнейшее поступательное развитие государства и общественных объединений в исследуемом направлении позволит вывести правовую культуру гражданского общества на новый уровень, повысить правосознание граждан Российской Федерации. Сущность защиты прав и свобод человека и гражданина заключается в выполнении целенаправленных действий по защите прав граждан государством в лице уполномоченных органов, добровольно сформированными правозащитными объединениями и международными организациями. В отсутствие подобных механизмов правовые нормы, гарантирующие защиту прав и свобод человека и гражданина, становятся эфемерными. С учетом провозглашения Российской Федерации социальным, правовым государством реализация положений о правах и свободах человека и гражданина в качестве высшей ценности на практике является основной задачей российского государства. Совокупность действий компетентных государственных органов в вопросе защиты прав человека и гражданина нельзя переоценить. В то же время не стоит забывать о необходимости активного поведения самих граждан в данной области.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Курданов В. О. Сущность права на защиту прав и свобод человека и гражданина // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб. : Свое издательство, 2016. С. 22–25.

3. Крылатова И. Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Антиномии. 2014. № 3.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров, № 3, 2001.

5. Заявление МИД России от 15 марта 2022 г. о запуске процедуры выхода из совета Европы // URL://<http://www.mid.ru/> (дата обращения: 05.02.2024).

6. Гиниатуллина И. А. К вопросу о государственных механизмах охраны и защиты прав человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2.

7. Железнов Б. Л. Конституционный механизм государственной защиты прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 76–80.

8. Малыхина Т. А. О некоторых подходах к пониманию сущности конституционного права на судебную защиту // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101).

9. Мецгер А. А. Реализация гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности России // Общественное и право. 2021. № 3.

10. Курскова Г. Ю. Система защиты прав и свобод человека в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11.

11. Фомкина К. Э. Роль уполномоченного по правам человека в защите прав человека // Вестник магистратуры. 2022. № 7 (130).

12. Куценко О. В. Пределы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и законодательное закрепление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in a nationwide vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information // URL://<http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Kurdanov V. O. The essence of the right to the protection of human and civil rights and freedoms // Law: history, theory, practice: materials of the IV International scientific conference (St. Petersburg, July 2016). SPb. : Svoye publishing house, 2016. C. 22–25.

3. Krylatova I. Yu. Mechanism of realisation and protection of human rights in the Russian Federation: concept, essence, structure, forms // Antinomies. 2014. № 3.

4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) // Bulletin of International Treaties, No. 3, 2001.

5. Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Russia from 15 March 2022 on the launch of the procedure of withdrawal from the Council of Europe // URL://<http://www.mid.ru/> (accessed: 05.02.2024).

6. Giniatullina I. A. To the issue of state mechanisms for the protection and defence of human rights // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 12-2.

7. Zheleznov B. L. Constitutional mechanism of the state protection of human rights // Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2007. № 1. С. 76–80.

8. Malykhina T. A. About some approaches to understanding the essence of the constitutional right to judicial protection // Siberian legal bulletin. 2023. № 2 (101).

9. Metzger A. A. Realisation of guarantees of the rights of citizens in law enforcement activity of Russia // Education and Law. 2021. № 3.

10. Kurskova G. Yu. The system of protection of human rights and freedoms in the Russian Federation // Vestnik RGGU. Series «Economics. Management. Law». 2009. № 11.

11. Fomkina K. E. Role of the Commissioner for Human Rights in the protection of human rights // Bulletin of the Magistracy. 2022. № 7 (130).

12. Kutsenko O. V. Limits of constitutional restriction of human and civil rights and freedoms: concept and legislative fixation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 4.

Информация об авторе

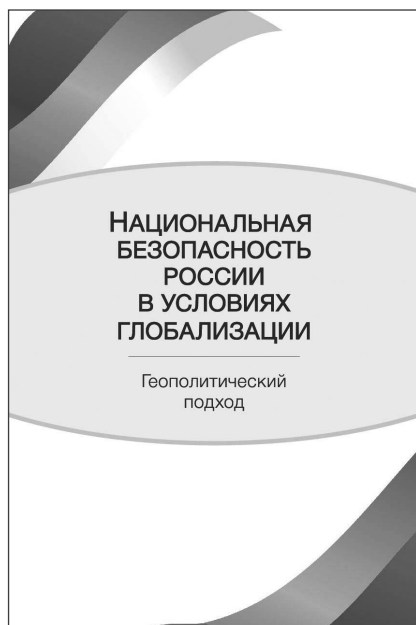
П. Г. Шеленговский – кафедра гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

P. G. Shelengovsky – Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 19.06.2024.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-165-168>

EDN: <https://elibrary.ru/fmjjor>

НИОН: 2015-0066-4/24-077

MOSURED: 77/27-011-2024-04-276

Генезис и современное состояние криминалистической идентификации в свете реализации ее основ в транспортной трасологии

Алексей Николаевич Шибаев

Главное управление МВД России по Московской области, Москва, Россия,
shibayev0805@mail.ru

Аннотация. Рассматривается генезис становления криминалистической идентификации, а также трасологической идентификации как ее составляющей. В свете развития основ идентификации в судебной экспертизе, автором изучены теоретические основы транспортной трасологии, ее предмета, объекта и задач. Приведено авторское определение предмета транспортной трасологии, определен перечень ее объектов. Рассмотрена теоретическая база идентификационных транспортно-трасологических исследований. Представлен предмет таких исследований, определены задачи и их роль в раскрытии и расследовании дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, трасология, транспортная трасология, идентификационные транспортно-трасологические исследования, предмет, объект, задачи транспортно-трасологических исследований

Для цитирования: Шибаев А. Н. Генезис и современное состояние криминалистической идентификации в свете реализации ее основ в транспортной трасологии // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 165–168. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-165-168>. EDN: FMJJOR.

Original article

The genesis and current state of forensic identification in the light of the implementation of its fundamentals in transport tracology

Alexey N. Shibaev

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow Region, Moscow, Russia,
shibayev0805@mail.ru

Abstract. The genesis of the formation of forensic identification, as well as tracological identification as its component are examined. In light of the development of the fundamentals of identification in forensic examination, the authors studied the theoretical foundations of transport tracology, its subject, object and tasks. The author's definition of the subject of transport tracology is given, and a list of its objects is defined. The theoretical basis of identification transport and traceability research is considered. The subject of such research is presented, the tasks and their role in the detection and investigation of road accidents are defined.

Keywords: forensic identification, tracology, transport tracology, identification transport and traceability research, subject, object, tasks of transport and traceability research

For citation: Shibaev A. N. The genesis and current state of forensic identification in the light of the implementation of its fundamentals in transport tracology. Bulletin of economic security. 2024;(4):165–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-165-168>. EDN: FMJJOR.

Криминалистическая идентификация играет немаловажную роль в развитии и совершенствовании теоретических положений идентификационных экспертных исследований. Ее основополагающие структурные

элементы являются базой для формирования судебной экспертизы в теоретическом аспекте и как следствие трасологии и транспортной трасологии. В этой связи в рамках данной статьи нам хотелось бы рассмотреть

© Шибаев А. Н., 2024

генезис становления криминалистической идентификации для наилучшего понимания ее сущности и реализации в транспортной трасологии.

Криминалистическая идентификация берет свое начало с 1940–1950 гг. На данном этапе зарождаются ее основные теоретические положения, принципы. Многие авторы делают попытку по разработке теории идентификации. Анализ литературы показал, что было несколько точек зрения по поводу формирования основ криминалистической идентификации.

Так, в статье С. М. Потапова «Принципы криминалистической идентификации» была сделана попытка по созданию теории идентификации [1, с. 37–38]. Однако авторская точка зрения по поводу криминалистической идентификации вызвала большой резонанс среди ученых. По мнению автора, идентификация представляет собой специальную методологию криминалистики и при этом она же является универсальным методом. Таким образом, криминалистика и криминалистическая идентификация равны между собой и имеют одинаковое значение. В то же время другие ученые высказывают противоположную точку зрения. В своих трудах они говорят о том, что идентификация не может носить универсальный характер, не должна иметь статус специального метода. Некоторые утверждают, что криминалистическая идентификация имеет статус задачи исследования [1, с. 39]. Так происходило зарождение криминалистической идентификации.

Следующим этапом становления идентификации считается период от 50-х годов до конца 60-х годов. Характеризуется он уже формированием более узких направлений идентификации, например, трасологической идентификации. Также учеными-криминалистами в тот период были сформулированы понятия родовой идентификации, групповой принадлежности, более детально определены объекты криминалистической идентификации. А. И. Винбергом обоснована необходимость уточнения условий криминалистической идентификации, которые, по мнению автора, должны заменить принципы идентификации. Одним из важных направлений разработки форм идентификации стала работа В. Я. Колдина. В ней автор обосновал необходимость разграничить идентифицируемые объекты на искомые и проверяемые, где искомые объекты изучаются по отображениям, а проверяемые по образцам и самому объекту исследования [2, с. 42]. На этом этапе развития идентификации учеными были определены такие понятия как идентификационное поле и идентификационный период. Указанные определения используются учеными и практиками и до настоящего времени.

Завершающий этап становления криминалистической идентификации характеризуется уточнением теоретических положений криминалистической идентификации, с учетом внедрения новых методов, математизации процесса. Параллельно новым разработкам происходило формирование структуры теории крими-

налистики с включением в нее положений частных криминалистических теорий.

Развитие теории криминалистической идентификации позволило в дальнейшем сформулировать общие положения идентификации в теории судебной экспертизы, совершенствуя, таким образом, идентификацию отдельных ее направлений. На современном этапе, в литературе также нет единой позиции по формулированию ее положений, вследствие чего встречаются противоречивые мнения по созданию идентификационных основ в том или ином роде судебной экспертизы. Так как нас интересует транспортно-трасологическая экспертиза как род судебных экспертиз, рассмотрим для начала ее теоретические аспекты в свете трасологии, а также ее идентификационных основ для дальнейшей оценки идентификационных положений транспортной трасологии.

В литературных источниках под криминалистической идентификацией понимается процесс установления конкретного материального объекта или личности, связанных с расследуемым событием. Данная формулировка приведена в обобщенном виде. Как правило, каждая авторская трактовка указанного термина имеет незначительные уточнения или дополнения. На данном этапе нас интересуют основы идентификации в транспортной трасологии. Развитию основополагающих начал идентификации в трасологии послужили работы Г. Л. Грановского. Автором был определен понятийный аппарат рассматриваемого определения, даны характеристики, представлена цель трасологической идентификации, которая заключается в получении доказательств в строго регламентируемом законом процессе доказывания [3, с. 46]. Ученый ограничил круг свойств трасологических объектов с учетом отображения их свойств в объектах исследования.

Однако, с учетом имеющихся общих теоретических положений трасологической идентификации, на сегодняшний день практически не изучены основополагающие аспекты транспортной трасологии, а вместе с ней и основные понятия транспортно-трасологической идентификации. Данному вопросу посвящено незначительное количество работ, в числе которых работы Е. И. Зуева, В. Е. Капитонова, Н. П. Майлис, М. В. Беляева и др.

Заслуживает внимания труд Н. П. Майлис, в рамках которого автором обоснована позиция выделения транспортной трасологии в отдельный раздел трасологии, сформулированы ее предмет, объект, вопросы, разрешаемые транспортно-трасологической экспертизой. Предмет транспортно-трасологической экспертизы определен как установление обстоятельств дела, связанных с идентификацией транспортного средства, участвовавшего в дорожно-транспортном происшествии в целом на основе специальных знаний в области судебной трасологии и судебной автотехники. С учетом изучения взаимосвязи, отражаемой и отражающей систем в транспортной трасологии, к объектам ученый относит

определенный перечень, непосредственно связанных с событием происшествия:

- следы, возникающие при дорожно-транспортном происшествии;
- отдельные части и детали (болты; гайки; фарные ободки; элементы полимерных молдингов, бамперов, крыльев; и т. д.), обнаруженные на месте происшествия;
- транспортное средство и следы на нем;
- одежда (обувь) потерпевшего. На ней могут быть обнаружены следы – отображения контактных поверхностей ТС, части его лакокрасочного покрытия, осколки светосигнальной арматуры и др.;
- фотографические снимки, выполненные по правилам судебной фотографии. Ориентирующие, панорамные, узловые и детальные снимки, показывающие положение и состояние ТС в целом на месте происшествия, так и части ТС с локализацией повреждений;
- в качестве образцов предоставляются колеса или шины транспортных средств; осколки фарных и защитных стекол, отделившиеся детали и части, изъятые при осмотре ТС, если аналогичные части найдены на месте происшествия и пр.;
- сведения о транспортном средстве после ДТП (не подвергалось ли оно ремонту; частичному выправлению имеющихся повреждений; не возникли ли имеющиеся повреждения при последующей эксплуатации ТС и т. д.) [4, с. 274].

На современном этапе транспортные средства изготавливаются с применением инновационных технологий, использованием электронных носителей информации, что должно послужить совершенствованию понятийного аппарата транспортной трасологии и расширению перечня объектов транспортно-трасологической экспертизы.

В этой связи обратимся к работе М. В. Беляева, где сформулировано авторское определение транспортной трасологии, под которым автор понимает самостоятельное научное направление в структуре общей трасологии, имеющее свой предмет и объект, в котором изучаются закономерности проявления признаков в следах транспортных средств, а также разрабатываются современные технологии обнаружения, извлечения, фиксации и исследования информации о событии ДТП и его участниках [5, с. 46].

На основе изученных материалов, с учетом применения инновационных технологий при производстве транспортных средств, применения цифровых технологий в судебной экспертизе нами определен предмет транспортной трасологии как раздел трасологии, изучающий закономерности возникновения следов, отражающих механизм дорожно-транспортного происшествия с учетом применения различных методов и средств обнаружения следов, их фиксации, изъятия и анализа следовой информации, способствующей расследованию, раскрытию и предупреждению ДТП.

Статистика ДТП, участие экспертов-трасологов в ОМП по данным видам происшествий, а также количе-

ство и качество производства транспортно-трасологических экспертиз свидетельствует о том, что на современном этапе существует потребность в выделении транспортной трасологии в отдельный раздел.

За последнее 10-летие в связи с увеличением количества автомобилей на дорогах возросло и количество ДТП. При этом в части таких ДТП виновники происшествия скрываются с места ДТП, нарушая при этом статьи УК РФ и КоАП РФ. Из общего количества дорожно-транспортных происшествий, связанных с тяжкими телесными повреждениями или смертью лиц, за 2022 год в 20,7 % случаев водители скрывались с места ДТП.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о возникновении затруднений при осмотре такого места происшествия и установлении истины по делу. В то же время, рост ДТП не свидетельствует об увеличении ОМП с участием эксперта-трасолога. Анализ дел такого рода показал, что как в ходе ОМП, так и в дальнейшем при расследовании дела не всегда правильно осуществляется оценка обнаруженных следов. Некачественно проведенный ОМП по факту ДТП приводит к снижению результативности транспортно-трасологических экспертиз.

Указанные факты подтверждают важность самостоятельности такого раздела как транспортная трасология, при этом экспертная практика свидетельствует о необходимости совершенствования подготовки экспертов-трасологов в части исследования следов ДТП.

В разделе транспортной трасологии следует отдельно выделить транспортно-трасологические идентификационные исследования. Исследованиям такого вида в теоретическом аспекте уделено недостаточно внимания. Как правило, изучению подлежат диагностические исследования. Во многих источниках литературы и научных работах рассмотрены и представлены предмет, объект, задачи таких исследований. С нашей точки зрения, теоретическим основам идентификации в транспортной трасологии не уделяется должного внимания. Как и любое исследование, идентификационное исследование имеет свой предмет, объект и задачи, а также свойства.

С нашей точки зрения, предметом идентификационных транспортно-трасологических исследований можно считать установление фактических данных, позволяющих выявить свойства объектов, с учетом анализа закономерностей отображения признаков транспортных средств, в следах, предметах или объектах с целью установления индивидуально-определенного объекта (транспортного средства), а также обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

В отношении объектов исследования мы придерживаемся позицию Н. П. Майлис, указанную выше. В свою очередь, считаем, что такой перечень должен обновляться с учетом современного состояния судебной экспертизы. Как ранее было отмечено учеными, идентификация подразумевает наличие у объекта исследования комплекса свойств. К таковым относят ин-

дивидуальность, устойчивость и рефлекторность. Где индивидуальность предполагает, что объект обладает комплексом неповторимых признаков, отображающихся в следе. В свою очередь, устойчивость проявляется в сохранении свойств и неизменности признаков в пределах идентификационного периода. Рефлекторность представляет собой способность отображаться в других объектах.

К задачам идентификационных исследований можно отнести групповую принадлежность и индивидуальную. В свое время В. А. Снетков выявил отличительную особенность групповой принадлежности в идентификации, которая, по его мнению, должна проявляться в отношении сравниваемых объектов к событию преступления, а именно установлении тождества [6, с. 3–12].

Таким образом, в статье мы затронули проблему выделения транспортной трасологии в отдельный раздел трасологии, а также рассмотрели современное состояние идентификационных транспортно-трасологических исследований. Считаем, что данный вид исследований на современном этапе совершенствования судебной экспертизы имеет важное значение. С целью его дальнейшего детального анализа, а также разработки и совершенствования понятийного аппарата необходимо более детально изучить теоретические аспекты и экспертную практику, в том числе практику подготовки судебных экспертов по направлению транспортной трасологии. В дальнейшем планируется продолжить работу по изучению идентификации в транспортной трасологии.

Информация об авторе

А. Н. Шибяев – начальник Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России по Московской области.

Information about the author

A. N. Shibaev – Head of the Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Moscow region.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1. М., 1997.
2. Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М. : МГУ, 1969.
3. Грановский Г. Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1965.
4. Майлис Н. П. Руководство по трасологической экспертизе. М. : Издательство «Щит-М», 2019.
5. Беляев М. В. Трасологическая диагностика по делам о дорожно-транспортных происшествиях : 12.00.12 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2016.
6. Снетков В. А. Экспертная криминалистическая диагностика // Сб. научных трудов. М. : ВНИИ МВД СССР, 1984.

References

1. Belkin R. S. Forensics course : in 3 v. V. 1. M., 1997.
2. Koldin V. Ya. Identification and its role in establishing the truth in criminal cases. M. : MSU, 1969.
3. Granovsky G. L. Fundamentals of tracology. A common part. M., 1965.
4. Maylis N. P. Guide to tracological examination. M. : Shchit-M Publishing House, 2019.
5. Belyaev M. V. Trace diagnostics in cases of road traffic accidents : 12.00.12 : dissertation for the degree of candidate of legal sciences. 2016.
6. Snetkov V. A. Expert forensic diagnostics // Sat. scientific works. M. : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1984.

Научная статья

УДК 340.1:34.03

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-169-173>

EDN: <https://elibrary.ru/gnedxf>

NIION: 2015-0066-4/24-078

MOSURED: 77/27-011-2024-04-277

К вопросу о дисфункциональности ценностей либеральной правовой идеологии в российской правовой культуре

Константин Станиславович Щелоков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

kon-bureocrat@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречий либеральной правовой идеологии в российской правовой культуре. На основе рассмотрения таких ценностей и институтов как правовое государство, гражданское общество, состязательность автор показывает мифологизированность и дисфункциональность их буквального воплощения в российской правовой среде.

Ключевые слова: правовая культура, ценности, либерализм, правовое государство, гражданское общество, правосознание, состязательность, традиции

Для цитирования: Щелоков К. С. К вопросу о дисфункциональности ценностей либеральной правовой идеологии в российской правовой культуре // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 169–173. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-169-173>. EDN: GNEDXF.

Original article

On the issue of the dysfunctionality of the values of liberal legal ideology in the Russian legal culture

Konstantin S. Shchelokov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

kon-bureocrat@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the contradictions of liberal legal ideology in the Russian legal culture. Based on the consideration of such values and institutions as the rule of law, civil society, competitiveness, the author shows the mythologization and dysfunctionality of their literal embodiment in the Russian legal environment.

Keywords: legal culture, values, liberalism, rule of law, civil society, legal awareness, competitiveness, traditions

For citation: Shchelokov K. S. On the issue of the dysfunctionality of the values of liberal legal ideology in the Russian legal culture. Bulletin of economic security. 2024;(4):169–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-169-173>. EDN: GNEDXF.

В современном российском обществе происходит очередной виток поиска своей идентичности в ответ на глобальные и внутренние вызовы общественно-политического развития. Мировой универсальный проект «общества достатка и благоденствия» основанного на либеральной парадигме переживает глубочайший кризис. Это вызвано рядом нарастающих противоречий как материального, так и духовно-культурного характера, и неспособности либерального проекта адекватно отвечать на них. Среди материальных проблем: прогрессирующее неравенство как отдельных граждан, так и целых стран, демографический кризис, геополитическое про-

тивостояние государств несогласных с «повесткой», изменение климата, истощение ресурсов. К духовно-культурным следует отнести приоритет материального над духовным, гедонистическая потребительская культура, стирание традиций и уникальности, неспособность генерировать высшие смыслы, разрушительность равенства доведенного до «абсурда» и т. д. [1, с. 36]. Каждая из этих вызревающих противоречий крайне болезненна, рефлексруется и выражается на самых разных уровнях общественного сознания.

В России «либеральный универсализм, связанный с отрицанием национально-государственных ценно-

стей, проявился в стремлениях к унификации общественной жизни страны по «мировым стандартам». В медиапространстве постсоветской России агрессивная либеральная пропаганда тесно переплелась с политическими идеологемами: «свобода личности», «цивилизованные страны Запада», «прогресс», «толерантность», «советский тоталитаризм», «сталинский террор», «ужасы ГУЛага» и т. д. Под видом исторической, политической, экономической «аналитики» происходило постулирование банальных либеральных догматов, наряду с постоянной апелляцией к опыту либеральных систем стран современного Запада» [2, с. 149].

В этом ракурсе интересно проанализировать процессы, происходящие в политико-правовой сфере жизни общества. Те противоречия, с которыми традиционно сталкивается российское правосознание под влиянием либеральной парадигмы. Безусловно, российская ментальность – это сложный конгломерат самых разных нарративов, порой довольно противоречивых. Это и традиционный поиск идентичности в антитезе Восток-Запад, и советское наследие, и православная культура, и ценности модерна, оправдавшие свою эффективность, и специфический набор констант, сформированный уникальным политико-географическим положением и природно-климатическими факторами. В любом случае, принятие какой-либо одной матрицы за догму и искусственное принижение остальных представляется контрпродуктивным. Наиболее оправданным видится тонкая настройка и гибкая политика государства и всего общества с опорой на общественно-политическую практику.

В целях данной статьи следует обратить внимание на одно методологическое замечание. Правосознание и его рациональный компонент – правовая идеология идут в теснейшей взаимосвязи и, в целом в фарватере, политико-экономических ценностных общественных установок. Поэтому все социально-политические процессы, происходящие в обществе, имеют определяющее значение для права и государства как идейные концепты. Однако в общем процессе трансформации правовой среды следует различать как детерминированные политико-экономическими факторами, так и тенденциями, вызванными самим явлением права и его внутренней логикой развития. Безусловно, эти процессы теснейшим образом переплетаются, и оказывают взаимное влияние, однако, следует стремиться учитывать и дифференцировать природу эволюции данных векторов развития.

Либерализм как ценностный проект и идейно-политическое течение возник в конце XVII века в Англии в работах Томаса Гоббса и Джона Локка. Либерализм возник не случайно или, наоборот, декларативно, как некий манифест или программа, а органично вырос на основе сложившихся социально-экономических условий и в ответ на запросы общественного развития того времени. Предпосылками возникновения либерализма стали разнообразные факторы: кризис феодальных отноше-

ний, переход от ремесленного труда к мануфактурному, разрушение традиционных сельских общин и урбанизацией, развитие товарно-денежных отношений, секуляризация и доступ к образованию, научно-технический прогресс и формирование критического мировоззрения и т. д. Следует признать, что возникновение либерализма стало значительным фактором модернизационного развития Европы, в значительной мере определившим облик современной цивилизации.

В основе либерализма лежат следующие принципы: личной свободы, автономии воли, защиты индивидуальных прав, свободного рынка и частной собственности, либерального демократизма. Так в политической сфере либеральные идеи в значительной степени определили социально-политические процессы и привели к французской революции 1789–1794 гг., крушению монархии и возникновению республики. Эти процессы далее затронули и другие страны Европы.

Идеи либерализма стали проникать в Россию в начале XIX века, проводником стала французская массовая культура. Хотя, известно, что еще Екатерина II переписывалась с Вольтером, французским просветителем, и в известной степени находилась под его влиянием, но историческая реальность России того периода к реформам была не готова. Победа в войне с Наполеоном, массовое возвращение участников европейского похода из «просвещенной» Франции стало катализатором политической либерализации России. Это вылилось в подготовку, организацию и реализацию неудавшегося декабрьского вооруженного восстания 1825 г. после смерти Александра I. В программы декабристов входило ограничение самодержавия, отмена крепостного права, всеобщее избирательное право, разделение властей, гражданские свободы [3]. Вступление на престол Николая I выразилось в период глубокой реакции на всеобщую либерализацию и вольнодумство. Государство ужесточило репрессии, общество также пережило период разочарования к либеральным идеям. Важнейшим периодом развития либеральных идей в разных сферах жизни общества стало правление Александра II и его знаменитые реформы. Крестьянская, земская, судебная и другие реформы оказали глубокий след на жизни нашей страны и определили развитие государства.

Апогеем либеральных умонастроений стало крушение Советского Союза и последующие за этим политические и экономические реформы. В Конституции РФ 1993 г., памятуя «о руководящей роли партии» в Конституции СССР, был провозглашен отказ от государственной идеологии. Однако, на самом деле, «через средства массовой информации в общественное сознание «дорогих россиян» интенсивно и изоциренно-агрессивно внедрялись идеи о прогрессивности, современности, значимости, и даже безальтернативности западных либеральных ценностей и либерально-рыночного пути развития» [2, с. 151]. Последовательно избочивая «мифологию коммунистического благоденствия», под

воздействием которой наша страна находилось 70 лет, стала возвращаться другая мифология – «либерального универсализма».

Мифологизация является процессом, связанным с наделением некоторого процесса, свойства «наилучше-сти», идеальности, совершенности, подлинности, обладающего качеством «чуда», возникающее как нечто случайное, но одновременно и неизбежное (закономерное). Мифологизация призвана обращаться к человеку, народу, культуре на символически-образном, ассоциативном и иррациональном уровне. Миф переплетает реальность и выдуманность, стремится к отрешению от объективной реальности и замещению ее желаемой реальностью. Принято считать, что все эти свойства продукт архаичного мифологического мировоззрения, утраченного в современной рациональной культуре. Однако мифологическая составляющая современной культуры не потеряла своей значимости; более того, она стала разнообразнее, тоньше, изощреннее и принимает гораздо менее очевидные формы [4, с. 222].

Интерпретацией данной мифологии в правовой среде стал миф о **правовом государстве**. Сущность идеи правого в государства в том, что это оптимальное состояние для человека и общества, где признается верховенство закона, гарантированы права и свободы человека и гражданина, власть и произвол государства ограничиваются правом. Вызревание данной идеи происходило в период крушения феодально-монархических государств Европы XVII века, борьбы за независимость США и утраты легитимности традиционных форм государства. В таких условиях на арену социально-политических процессов стало выходить сильное гражданское общество, которое нуждалось в идейном фундаменте трансформации.

Мифологичность данной идеи для современного состояния России прослеживается в нескольких аспектах:

1. Если право понимается в объективном смысле, как совокупность законов, а законы издаются только государством, тогда неправовых государств не бывает. В этом смысле указание на правовой характер любого государства самоочевидно и тавтологично. Если же право понимается шире и «просто государство» не является по природе правовым и, к этому нужно стремиться, тогда это мечта, идеальная недостижимая цель и миф.

2. Исторически, ограничение государственной власти правом – это механизм возникший как результат давления сильного гражданского общества на слабое государство в специфических социально-политических условиях разложения абсолютистских монархий для избежания повторения произвола. Современное государство в условиях усложняющихся общественных отношений не может позволить себе быть слабым. Для действительного государства связанность правом есть добровольное самоограничение. И потому оно по природе будет избирательным и ситуативным.

3. Исторические, политико-географические и природно-климатические условия существования российской цивилизации постоянно требовали «сильного государства» для адекватного ответа вызовов истории. Диалектика взаимосвязи государства и гражданского общества, в таких условиях, препятствует развитию институтов сильного гражданского общества: приоритета личного над общественным, развитых и гарантированных отношений частной собственности, достоинства личности перед лицом власти, инициативы и готовности взять на себя ответственность за судьбу города, поселка, страны, а не возлагать ее на власть и государство («моя хата с краю», «наше дело маленькое»). Феномен правового государства не может «вызреть» естественным путем в такой среде, а потому его декларативное обозначение в программных документах превращается в мифологему.

Таким образом, необходимым условием для формирования правового государства в либеральной парадигме является идея **гражданского общества**, которое также является крайне идеализированным и мифологизированным феноменом. Суть идеи в том, что гражданское общество позитивная, созидательная сила, обладающая способностью сдерживать и направлять государство. В истории России было несколько кризисных периодов, когда государство ослабевало настолько, что возникающий вакуум власти способствовал, а порой и вынуждал, к пробуждению сил гражданского общества. К такому моменту можно отнести «Смутное время» в России, «перестроечный» кризис в Советском Союзе, его крушение и «смутные 90-е» XX века. Определенно, можно обнаружить признаки гражданского общества в призвании варягов на княжение на Русь и, безусловно, Гражданскую войну в России в 1917–1922 гг. Однако во все эти периоды импульсы гражданского общества проявляли себя абсолютно по-разному.

Мифологизация выражается в преувеличении позитивной роли гражданского общества в целом и его отдельных структурных элементов в частности. В действительности, гражданское общество представляет собой противоречивое состояние общественной жизни в широком диапазоне ее форм. Оно – не исключительно созидательная сила, а сложное равновесие конфликтности интересов, сложная результирующая позитивных и негативных последствий гражданской жизни. Идеализация роли гражданского общества в Европе основана на рефлексии его созидательной роли в оформлении политических и правовых институтов в XVII–XIX веках. Однако при этом принято опускать, что данные процессы происходили в специфических и довольно уникальных исторических условиях. Государства в Европе представляли собой относительно однородные в социальном и религиозном плане политические образования, с опорой на моноэтническое единство. Для сравнения гражданское общество в современной Франции, образца начала XXI века, значительно подвергшееся влиянию эмигра-

ции из стран Северной Африки и Ближнего Востока и утратившее свое моноэтническое и религиозное единство, проявляет себя крайне противоречиво и, порой, деструктивно.

Одним из элементов либеральной правовой идеологии является принцип **состязательности** сторон в современном уголовном процессе. Хотя, безусловно, корни состязательности уходят в историю и вытекают из аналогии разбирательства по гражданским делам, и, многочисленные элементы этого института можно найти в феодальных сборниках уголовного права традиционного общества как России, так и Европы. Природа этого института лежит в становлении ранних организаций публичной власти, когда государство, постепенно преодолевая отношения талиона, становится арбитром между спорящими сторонами и монополизирует механизмы применения насилия и принуждения в общества [5, с. 60]. И, если вначале, государство вступало в уголовный процесс на стадии судопроизводства, то постепенно, по мере централизации власти, государство берет под свой полный контроль и стадию предварительного расследования.

Важный этап эволюции состязательности в отечественном уголовном процессе начинается с либеральных реформ Александра II. Элементы состязательности содержались и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и в законодательстве советского периода. Однако в целом уголовный процесс характеризовался как смешанный, с уклоном в сторону обвинительного. Состязательность сторон как институт появлялась лишь на стадии уголовного судопроизводства, на стадии предварительного расследования полностью «господствовал» следователь и прокурор.

Новый этап внедрения института состязательности сторон был воплощен после крушения Советского Союза с принятием «Концепции судебной реформы 1991 года», многочисленных постановлений конституционного суда РФ и утверждением Уголовно-процессуального Кодекса РФ 2003 г. Центральным моментом формирования института состязательности была либеральная идея защита личности от «произвола власти». Однако эта, в целом довольно благородная идея, начала воплощаться в российской среде в 90-х годах и начала 2000-х, в условиях разгула преступности, коррупции и, самое главное, в ином типе правосознания и правовой культуры. Результатом стал уход от ответственности преступников, ослабление принципа назначения справедливого наказания за преступление и «провисание» принципа неотвратимости наказания. Определенные элементы состязательности были все же реализованы, такие как введение суда присяжных и институт «судебной сделки». Однако, несмотря на критику либерального сообщества следователь, как лицо, осуществляющее предварительное расследование от имени государства, по-прежнему, осуществляет «полное, объективное и всестороннее исследование материалов уголовного дела, собирает в полном объеме доказательства, как уличаю-

щие, так и оправдывающие обвиняемого» на стадии досудебного разбирательства.

Введение полноценной состязательности, института параллельного расследования со стороны защиты, как в странах англо-американской правовой системы, потребовало бы совершенно иной роли судебной власти, увеличения штатов судей на целый порядок, существования развитых форм адвокатских и детективных агентств, осуществляющих сбор доказательств и, по сути, противодействующих государственным органам в их профессиональной служебной деятельности. И самое главное, иной правовой культуры, где обращение в суд – не чрезвычайная мера, используемая в самых крайних случаях, а самая обычная практика, вроде получения справки.

По сут, текущее состояние это определенный момент консенсуса и одновременно противоборства ценностей разных правовых идеологий выраженный как в общественном сознании, так и правоприменительной практике. Поэтому «продавливание» либерального подхода, без понимания специфики правовой среды – контрпродуктивно.

Безусловно, анализ существования таких правовых ценностей как правовое государство, гражданское общество, состязательность в российской правовой ментальности не исчерпывающий. Однако этого достаточно для формулирования ряда выводов. Одной из самых важных проблем в российском правосознании является не желание граждан к реальной политической деятельности, а именно в создании и участии в выработке политико-правовой идеологии в современных реалиях [6, с. 199]. Поэтому ценности, зачастую, «спускаются сверху». Это приводит к тому что, «современная российская правовая мысль продолжает «бурлить» в котле штампов либеральной правовой идеологии. Исходный продукт этого процесса противоречив вследствие того, что мало приспособлен для применения на российской правовой почве из-за того, что в целом идеал либерализма ориентирован на индивидуализм (что государство должно дать человеку в плане защиты его конкретных интересов), а российская правовая действительность ориентирована на коллективные формы диалога с властью (что государство может дать коллективному участнику социального процесса в плане защиты его интереса)» [7].

Личность на Руси никогда не понималась как самостоятельная, изолированная субстанция со своим кругом интересов и данными от рождения «естественными» правами и свободами, которые противопоставляются государственному «деспотизму». Благо личности, с позиции российского мировоззрения, заключается в большей степени в общественном благополучии, чем в благополучии личном [8, с. 8].

Таким образом, очевидно, что многие мифологизированные ценности западной правовой культуры противоречат базовым константам российского общества, таким как коллективизм, социальное равенство, долг, служение обществу и государству. Становится очевид-

ным, что реформы в современной России порождают не «государственного», а «частного» человека, т. е. озабоченного, прежде всего, собственным благополучием и благополучием своей семьи [9, с. 166], что, в принципе, недопустимо в суровых российских условиях для жизнеспособности российской цивилизации.

Поэтому, безусловно, прав С. Хантингтон, отмечая, что «политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально перекроить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры. Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не могут сотворить западные страны. Они могут надолго заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» [10, с. 237].

Список источников

1. Неганов В. В., Стрелкова Н. В., Щелоков К. С. К вопросу об истоках развития современного гедонизма // Вестник Московского Университета МВД России. 2016. № 2.
2. Матюхин А. В. Современный российский либерализм : конец проекта? // Журнал политических исследований. 2017. Том 1. № 3.
3. Большая российская энциклопедия. Северное общество // URL://<https://bigenc.ru/c/severnoe-obshchestvo-37ebbc> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011.
5. Васечко А. А., Щелоков К. С. К вопросу о монополизации государством насилия в современном обществе // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4.
6. Галанина Н. В., Стрелкова Н. В. Проблема модернизации правовой идеологии в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61).
7. Байков А. В. Проблемы правовой идеологии в современном российском государстве // URL://[https://](https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=742)

superinf.ru/view_helpstud.php?id=742 (дата обращения: 16.04.2024).

8. Величко А. М. Государственно-правовые идеалы России и Запада : соотношение правовых культур : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
9. Бурдейный В. В. Идеологические основы и ориентации Российского постсоветского государства : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

References

1. Neganov V. V., Strelkova N. V., Shchelokov K. S. On the question of the origins of the development of modern hedonism // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2.
2. Matyukhin A.V. Modern Russian liberalism: the end of the project? // Journal of Political Studies. 2017. Volume 1. № 3.
3. The Great Russian Encyclopedia. The Northern Society // URL://<https://bigenc.ru/c/severnoe-obshchestvo-37ebbc> (accessed: 22.02.2024).
4. Malakhov V. P. Methodological and ideological problems of modern theory of law. M., 2011.
5. Vasechko A. A., Shchelokov K. S. On the issue of state monopolization of violence in modern society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4.
6. Galanina N. V., Strelkova N. V. The problem of modernization of legal ideology in modern Russia // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (61).
7. Baykov A. V. Problems of legal ideology in the modern Russian state // URL://https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=742 (accessed: 16.04.2024).
8. Velichko A. M. State-legal ideals of Russia and the West : the correlation of legal cultures : dis... doctor of law sciences. SPb., 2000.
9. Burdeyny V. V. Ideological foundations and orientations of the Russian post-Soviet state : dis.... cand. of philol. sciences. SPb., 2004.
10. Huntington S. The clash of civilizations. M., 2003.

Информация об авторе

К. С. Щелоков – доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. S. Shchelokov – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-174-180>

EDN: <https://elibrary.ru/hocjvs>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-4/24-079

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2024-04-278

Концепция определения доходов для целей международного налогообложения: налоговые «схемы» и их последствия

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Александр Иванович Григорьев², Вера Алексеевна Мочалова³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия, professor60@mail.ru

^{2,3} Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Аннотация. Начиная с середины XX века, наступила эпоха глобализации новых экономических отношений. Зарегистрированные на налоговом учете компании в развитых странах Европы и США стали активно продвигать бизнес по всему миру. Транснациональные корпорации (концерны), используя недорогую рабочую силу, льготное налогообложение в других юрисдикциях, начали активно регистрировать бизнес в этих государствах.

На первое место встал вопрос регулирования экономических отношений при совершении трансграничных операций между контрагентами государств, поскольку это способствовало бы более «мягкому» налогообложению, притоку капитала и вложению инвестиций в экономику страны. В то же время отсутствие межгосударственных соглашений об урегулировании уплаты обязательных платежей порождает соблазн получить незаконную налоговую оптимизацию. Как следствие, государства на межправительственном уровне стали заключать соглашения об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал (СИДН). Ни для кого не является секретом, что некоторые государства, являясь по сути «трансграничной» территорией, предоставляют возможность за счет практически «нулевого» налогообложения незаконно минимизировать налоговые обязательства.

В предлагаемой статье авторы попытались проанализировать действующие СИДН, российское законодательство, разъяснения органов государственной власти и сделать некоторые выводы по данной проблематике.

Ключевые слова: соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН), дивиденды, место фактического получения доходов, презумпция добросовестности налогоплательщика, доктрина приоритета существа над формой, налоговый резидент

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Концепция определения доходов для целей международного налогообложения: налоговые «схемы» и их последствия // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 174–180. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-174-180>. EDN: HOCJVS.

Original article

The concept of determining income for international taxation purposes: tax «schemes» and their consequences

Nodari D. Eriashvili¹, Aleksander I. Grigoriev², Vera A. Mochalova³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, soldmival@gmail.com

^{2,3} Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Abstract. Since the middle of the 20th century, the era of globalization of new economic relations has begun. Tax-registered companies in developed countries of Europe and the USA began to actively promote business around the world. Multinational companies (concerns), using inexpensive labor, preferential taxation in other jurisdictions, have begun to actively register businesses in these states.

The issue of regulating economic relations in cross-border transactions between state counterparties came to the fore, since this would contribute to the establishment of more «soft» taxation, capital inflows and investments in the country

© Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А., 2024

economy. At the same time, the absence of interstate agreements on the settlement of mandatory payments provided a temptation to get illegal tax optimization. Thus, it is quite reasonable that States, at the intergovernmental level, began to conclude agreements on the avoidance of double taxation and the prevention of tax evasion on income and capital (SIDN). It is no secret to anyone that some states, being essentially a «cross-border» territory – in fact, they gave, at the expense of almost «zero» taxation, illegally minimize their tax obligations.

In the proposed article, the authors tried to analyze the current CID, Russian legislation, explanations of public authorities, and draw some conclusions.

Keywords: agreements on avoidance of double taxation (SIDN), dividends, place of actual receipt of income, presumption of good faith of the taxpayer, the doctrine of priority of substance over form, tax resident

For citation: Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. The concept of determining income for international taxation purposes: tax «schemes» and their consequences. Bulletin of economic security. 2024;(4):174–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-174-180>. EDN: HOCJVS.

Как справедливо заметили В. Селиванова и Л. Вольный, заключение соглашений (СИДН) между государствами фактически помогало развитию экономических отношений резидентов двух стран при совершении сделок, поскольку делало прозрачным налогообложение и уменьшало налоговое бремя, возникающее при выплате доходов резидента одной страны резиденту другой страны [1]. В то же время, содержание СИДН позволяет налогоплательщикам использовать их как «ширму» для получения незаконной налоговой оптимизации. Иными словами, формально используя положения СИДН, стороны той или иной сделки *de facto* уходят от налогов. Формально правильно, а по сути, издевательство, – так довольно остро в полемике со своими оппонентами о введении продналога отреагировал В. И. Ленин [2].

Все заключенные СИДН и их конструкции основаны на Модельной Конвенции ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) (далее – МК ОЭСР) для единообразного урегулирования вопросов, связанных с международным налогообложением. Постановлением Правительства РФ от 24 февраля 2010 г. № 84 одобрено Типовое СИДН.

Минфин России в письме от 9 апреля 2014 г. № 03-00-РЗ/16236 подчеркнул, что заключенные Российской Федерацией СИДН основываются на МК ОЭСР.

Заключая Соглашения об избежании двойного налогообложения, договаривающиеся государства взаимно ограничивают свои требования в отношении взимания налогов, источник которых расположен на территории одного государства, а получателем дохода (бенефициаром) является налоговый резидент другого государства.

Злоупотребления положениями СИДН дают возможность лицам перемещать прибыль между государствами полностью или частично, освобождая ее от уплаты обязательных платежей в той или иной юрисдикции.

Действующее налоговое законодательство Российской Федерации и иностранных государств постоянно изменяется, что нехарактерно для СИДН. В таком случае налогоплательщикам для разрешения вопросов, в том числе связанных с избежанием двойного налогообложения, необходимо обращаться за разъяснениями, данными в Комментариях к МК ОЭСР, в том числе и таких государств, которые не являются членами ОЭСР (Российская Федерация в настоящее время не

является членом ОЭСР). Можно согласиться с мнением К. К. Токаревой, что для Комментариев в силу правовой природы, практики их применения как на стадии ведения переговоров о заключении налоговых соглашений, так и на стадии толкования налоговых соглашений, характерен нетрадиционный правовой статус [3].

Доктрина российского налогового права основывается на том, что при анализе содержания заключенной сделки налоговые органы в ходе поведения мероприятий налогового контроля исходят не из формальных признаков контракта, а из его содержания. Иными словами, содержание превалирует над формой.

Следует заметить, что впервые эту доктрину применил ВАС РФ в 1996 году [4]. Дело в том, что налогоплательщик (СП «Сибсервис») заключал с покупателями договоры займа (заемные средства НДС не облагаются), возврат которых осуществлялся приобретенной оргтехникой.

Суд пришел к выводу, что такая конструкция бизнес-сделки позволила налогоплательщику «исключить из налогооблагаемого оборота часть товаров, фактически реализованных потребителям (возврат займа также не облагается налогом на добавленную стоимость)». Все вполне логично и соответствует принципам, изложенным в ст. 3 НК РФ (п. 3), а именно, экономическое обоснование обязательных платежей.

Надо заметить, что ВАС РФ в постановлении Пленума от 16 октября 2006 г. № 53 (которое, по сути, является и судебным прецедентом, и доктриной налогового права) закрепил это положение в п. 3, указав, что налоговая выгода может быть признана необоснованной, если операции по сделке не имеют экономического смысла, разумных экономических причин, а также если она противоречит целям делового характера.

Интересно, что ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. (Дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» (ОАО Neftyanaya Kompaniya «YUKOS») против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) (Бывшая Первая секция) (п. 391) обратил внимание на диспозицию п. 2 ст. 170 ГК РФ, из которой следует, что «мнимые» сделки – совершенные лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия, а «притворные» – совершенные с целью прикрыть другую сделку. Европейский суд подчеркнул, что такие сделки являются недействительными

ми сами по себе. Справедливости ради, отметим, что в постановлении Президиума ВАС РФ от 1 июня 2010 г. № 16064/09 по делу № А27-6222/2009-6 (ООО «Росконтракт») судом занята аналогичная позиция, с единственным уточнением – налоговым органам не требуется переквалификация указанных «сделок» согласно ст. 45 НК РФ (п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 16 октября 2006 г. № 53).

В этой связи показательным делом, изложенное в постановлении АС Дальневосточного округа № Ф03-1016/2020 от 30 июня 2020 г. по делу № А59-8433/2018 (ООО «КА Дойтаг Дриллинг» (далее – Общество). Перед судом встал принципиально важный вопрос: является ли соответствующей нормам налогового законодательства РФ выплата дивидендов иностранному лицу (взаимозависимому с российской компанией, и являющемуся ее учредителем), если она осуществлена непропорционально доле в уставном капитале?

В ходе проведения налоговой проверки контролирующий орган установил, что непосредственным учредителем является «КА EUROPEAN HOLDING LTD» (Великобритания), а участниками – ООО «КА Дойтаг Дриллинг», которой, в свою очередь, принадлежит ООО «КА ДОЙТАГ РАША» – 51 % участия и КА DEUTAG HOLDINGS LTD (Кипр) – 49 %. Причем согласно Уставу Общества чистая прибыль распределяется в размере 1 % ООО «КА ДОЙТАГ РАША» и 99 % КА DEUTAG HOLDINGS LTD (Кипр).

В соответствии со ст. 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенного 5 декабря 1998 г.¹, дефиниция «дивиденды» несколько отличается от термина «дивиденды», который дан в ст. 43 НК РФ.

На основании положения Устава Общества и Соглашения об избежании двойного налогообложения налоговый агент (Общество) удержало налог по ставке 5 % с КА DEUTAG HOLDINGS LTD (Кипр), исходя из норм СИДН, с остальной части налог не удерживался.

Предполагая заранее негативные последствия по совершенной сделке, налогоплательщик заранее обратился за разъяснениями в УФНС по Сахалинской области, которое фактически, предоставило право не удерживать налогом доход, так как ст. 22 СИДН предоставляет право обложения «других доходов» стране получателю дохода, то есть Республике Кипр.

В этой связи, интересны размышления Р. Исмаилова, который считает, ссылаясь, правда, на разъяснения

финансового регулятора², что поскольку Россия заключает такие соглашения на основе данной Модельной конвенции, то суд при рассмотрении спора вправе обратиться к Комментариям МК ОЭСР [5].

Как неоднократно обращали внимание финансовый и налоговый регуляторы, письменные разъяснения Минфина России и ФНС России не являются нормативными правовыми актами, тем более они не могут дополнять и изменять действующее налоговое законодательство РФ, и в то же самое время финансовый орган в письме от 24 июля 2019 г. № 03-02-08/55114 уведомил, что информация, изложенная в его письмах, не обязательна для исполнения налоговыми органами и налогоплательщиками (?). Возникает вопрос: как это соотносится с подп. 5 п. 1 ст. 32 НК РФ?

Безусловно, дискуссия о терминах «дивиденды» может привлечь интерес узкого круга правоведов, но если приведенная аргументация имеет место, нелишним будет напомнить, что тезис о едином правоприменении дефиниции «дивиденды» как в международном, так и внутрироссийском законодательстве является ошибочным, и не дает никаких оснований Р. Исмаилову утверждать подобное, так как СИДН должны имплементировать национальное налоговое законодательство с учетом положений международного права (ст. 7 НК РФ).

Более того, с одной стороны, в п. 28 Комментариев к МК ОЭСР отмечается, что платежи, рассматриваемые в качестве дивидендов могут включать не только распределение прибыли, утвержденной на общем ежегодном собрании акционеров, но и иные выплаты в денежной форме при условии, что такая компания является налоговым резидентом, и облагает такие выплаты как дивидендов.

С другой стороны, Комментарии к МК ОЭСР являются довольно спорными в правоприменении международными нормативными правовыми актами, и далеко не все государства придерживаются их, так как официальные Комментарии к Модельной конвенции ОЭСР являются, по сути, рамочным документом, устанавливающим общие принципы и подходы к устранению двойного налогообложения.

Используя разные формулировки определения «дивиденды», данные в НК РФ и СИДН, налогоплательщик, злоупотребляя нормами материального права, фактически применил «схему» ухода от налогов.

Говоря о конкретных видах злоупотребления правом, связанных с получением необоснованной налоговой выгоды с использованием СИДН, нельзя не остановиться на вопросе о включении в сделку так называемых «транзитных» юрисдикций. Заметим, что в настоящее время в связи с либо пересмотром действующих Соглашений, либо их приостановлением, либо их денонсацией Российской Федерации, такие налоговые «схемы» теряют свою актуальность. Одним из примеров уxo-

¹ В настоящее время в СИДН между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр внесены изменения Протоколом от 8 сентября 2020 г. (ратифицирован Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 487-ФЗ). Статьи 5–22, 24, 27 и 29 данного документа приостановлены с 8 августа 2023 г. (Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585, Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 598-ФЗ).

² Письмо Минфина России от 28 февраля 2020 г. № 03-08-05/1477 и др.

да от уплаты налогов является решение АС г. Москвы от 31 октября 2016 г. по делу № А40-113217/16-107-982 (ПАО «Северсталь») (9 арбитражный апелляционный суд от 7 февраля 2017 г. № 09АП-63468/2016 оставил решение суда без изменений).

Кратко об истории дела, или как говорили древние «Ab ovo».

Российская компания, используя так называемые кондуитные фирмы (взаимозависимые друг с другом), зарегистрированные на территории Республики Кипр, в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр от 5 декабря 1998 г. «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал» исчислило и удержало налог на дивиденды по ставке 5 %. Фактически эти фирмы, являясь «транзитными», перечисляли доход в офшорную зону. Юрисдикции, являющиеся офшорными территориями, привлекательны своим льготным (практически до 0 %) налогообложением, упрощенным порядком регистрации компаний (или на номинальных лиц или без раскрытия информации о них). Офшоры, являясь «налоговым раем» для лиц, которым сложно предоставить реальную налоговую декларацию о своих доходах – не предоставляют информацию в налоговые органы других стран, так как отсутствуют СИДН с ними. Надо констатировать факт, что до настоящего времени в российском законодательстве отсутствует легальное определение «офшор (офшорная территория)».

Если бы российская компания напрямую перечисляла доход иностранной фирме, зарегистрированной в офшорной зоне, то согласно положениям налогового законодательства РФ (подп. 1 п. 1 ст. 309 НК РФ, п. 2 ст. 310 НК РФ, подп. 3 п. 3 ст. 284 НК РФ), налоговый агент должен удержать налог по ставке 15 %.

Формально юридический характер сделки российским налогоплательщиком был соблюден, однако, используя положения СИДН, фактически было совершено злоупотребление правом с целью получения им необоснованной налоговой выгоды. Как неоднократно высказывался ВС РФ, получение необоснованной налоговой выгоды – есть обход закона злоупотребление правом, но не преступление (ст. 14 УК РФ) [6 и др.].

Более того, финансовый орган, обосновывая толкование Соглашений об избежании двойного налогообложения в письме от 9 апреля 2014 г. № 03-00-РЗ/16236 обратил внимание, что льготы, предусмотренные международными договорами (СИДН) при выплате дивидендов, процентов, могут иметь место, если резидент иностранного государства является фактическим получателем дохода.

Такой же алгоритм незаконных действий с использованием СИДН налогоплательщики применяют при заключении притворных сделок [7; 8]. Суть операции заключается в следующем: организация-займодавец предоставляет своему контрагенту (как правило, контрагент – взаимозависимое лицо с займодавцем) заем. Со-

гласно ст. 809 ГК РФ заем может носить и беспроцентный характер. В налоговом законодательстве заемные средства не рассматриваются в качестве доходов, подлежащих налогообложению. С формальной точки зрения, стороны указывают в договоре (контракте) предоставление займа, а фактически происходит скрытая выплата дивидендов. Таким образом, злоупотребляя правом и СИДН – контрагенты заключают притворную сделку.

Впрочем, заключаемые СИДН предоставляют определенные налоговые льготы контрагентам, зарегистрированным в иностранных юрисдикциях. Например, в ст. 12 СИДН между Россией и Республикой Кипр дана довольно расплывчатая формулировка понятия «роялти», которая давала возможность российским налогоплательщикам передавать взаимозависимым фирмам, как правило, это были «материнские» компании, объекты интеллектуальной собственности для уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций. В п. 1 ст. 312 НК РФ законодателем указаны основания для применения указанной льготы (письмо Минфина России от 27 марта 2020 г. № 03-08-05/24435).

Справедливости ради стоит заметить, что ранее судебная практика была довольно неоднозначная. В некоторых случаях суды становились на сторону налогоплательщика (постановление Президиума ВАС РФ от 6 февраля 2007 г. № 13225/06 (ООО «Фэшн Пресс»)), в других – занимали позицию контролирующих органов. В частности, в определении ВАС РФ от 30 мая 2011 г. по делу № ВАС-5258/11 (ООО «Агропромуслуга»), суд пришел к выводу, что правообладатель, передавая исключительные права на интеллектуальную собственность получает доход от уступки, а не доход от реализации собственного имущества, в связи с чем с данного вида дохода иностранной организации должен быть удержан налог налоговым агентом на территории РФ.

Для предотвращения злоупотребления положениями СИДН в п. 13 Обзора практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденного Президиумом ВС РФ от 12 июля 2017 г. (далее – Обзор) судом сделан вывод, что налоговые льготы не могут быть предоставлены налогоплательщику при совершении трансграничных операций, если последние связаны исключительно с получением необоснованной налоговой выгоды и без намерения совершения какой-либо предпринимательской деятельности.

В настоящее время суды очень внимательно относятся к положениям заключенных СИДН. В деле, которое рассматривалось в постановлении АС Северо-Западного округа от 21 февраля 2023 г. № Ф07-861/2023 по делу № А56-32007/2023 (Микрокредитная компания «Выручай-Деньги»), предметом изучения суда стала СИДН между Российской Федерацией и Чешской Республикой [9].

Российская организация выплатила иностранному инвестору дивиденды, не удержав, как налоговый агент, налог с дивидендов на территории РФ. Российский на-

логоплательщик не согласился с доводами налоговой инспекции, считая, что в таком случае возникает двойное налогообложение вследствие неправильного толкования норм международного договора.

Изучив материалы дела, суд констатировал, что согласно ст. 10 СИДН дивиденды, выплаченные иностранному резиденту, не освобождаются от уплаты налогом на прибыль организаций на территории РФ, но с учетом пониженной налоговой ставки (10 %). Суд еще раз обратился к Обзору (п. 9) отметив, что двойное налогообложение дивидендов устраняется частичным освобождением дохода от взимания налога в Российской Федерации.

Анализируя заключенные СИДН, налогоплательщик должен соблюдать положения НК РФ, в частности, в вопросе установления фактического получателя дохода. В п. 2 ст. 7 НК РФ законодатель раскрыл понятие фактического получателя дохода, и указал основания, при которых иностранное лицо не признается получателем дохода. Минфин России в письме от 24 августа 2018 г. № 03-12-12/2/60389, разъясняя и конкретизируя положения диспозиции п. 2 ст. 7 НК РФ, пришел к выводу, что для признания лица фактическим получателем дохода, кроме установленных правовых оснований, оно должно и является фактическим выгодоприобретателем, то есть лицом, которое фактически получает материальную выгоду от полученного дохода и при этом фактически определяет его дальнейшую экономическую судьбу.

В то же время в письме от 28 апреля 2018 г. № СА-4-9/8285 налоговый регулятор пришел к выводу, что при оценке доказательств того, что иностранная компания является фактическим бенефициаром, особо следует обращать внимание на ее финансово-хозяйственную деятельность (?). Довольно странный посыл нижестоящим налоговым органам. Конституционный Суд Российской Федерации в императивной форме указал, что налоговое законодательство не использует понятие экономической целесообразности и не регулирует порядок и условия ведения финансово- хозяйственной деятельности [10; 11].

Происходящие изменения геополитической ситуации вокруг Российской Федерации вынудили Президента РФ в «Обращении к гражданам России» от 25 марта 2020 года принять решение о корректировке действующих СИДН с взиманием адекватных ставок налогов с компаний, зарегистрированных в иностранных юрисдикциях.

Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 2023 г. № 585 ряд действующих СИДН (основная часть положений) с 38 «недружественными» государствами были приостановлены.

Не вдаваясь в дискуссию о правовом характере этого решения (считаем, что это отдельная тема, совершенно очевидно, что законодатель будет идти, с одной стороны, по пути ужесточения налоговой политики в отношении льготного налогообложения СИДН, трансфертного ценообразования, контроля в отношении

сделок взаимозависимых иностранных контрагентов российских налогоплательщиков, а с другой стороны, по пути предоставления преференций в отношении ряда доходов и платежей, которые позволят частично снизить налоговое бремя на бизнес-сообщество. Естественно, особое внимание уделяется взаимозависимым иностранным лицам, которые этой льготой не воспользуются.

Принятый Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 539-ФЗ (далее – Закон № 539-ФЗ) направлен на пресечение размывания налоговой базы внутри Российской Федерации и перемещение доходов иностранным фирмам, зарегистрированным в иностранных юрисдикциях. Ключевым моментом является контроль за трансфертным ценообразованием. Контролирующий орган при осуществлении мероприятий налогового контроля наделяется правом производить корректировку налоговой базы у иностранного контрагента, являющего взаимозависимым лицом с российской компанией в случае, если цена отличается от рыночной, и определять эти доходы как скрытые дивиденды с обложением их налогом на территории РФ по ставке 15 %. Возникает довольно двусмысленная ситуация: еще недавно, Верховный суд Российской Федерации высказал позицию, что налоговые органы не вправе оспаривать цену товаров (работ, услуг), указанную в сделке. Несоответствие примененной налогоплательщиком цены рыночному уровню не свидетельствует о получении необоснованной налоговой выгоды [12, п. 3]. Это вполне логично согласуется с требованиями ст. 40 НК РФ. Любой предприниматель (компания), реализуя товар взаимозависимому лицу, стремится снизить цену, и если этот процесс не является многократным, был осуществлен в непродолжительное время – все это имеет разумное, экономическое обоснование [13]. Как видно, позиция ВС РФ диссонирует с теми изменениями налогового законодательства, которые произошли в 2023 году.

Возникает закономерный вопрос: каким образом фискальный орган будет применять возможность начисления налога по ставке 15 % со «скрытых» дивидендов. И второе. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 79-ФЗ ратифицировал Многостороннюю конвенцию по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу из-под налогообложения. Многосторонняя конвенция (MLI) разработана ОЭСР с целью противодействия злоупотреблениям СИДН, связанным с тем, что стороны, используя заключенные соглашения, выводили полностью или частично прибыль из налогооблагаемой базы. Пока не совсем понятно, как налоговые органы будут трактовать термин «основная цель» MLI. Скорее всего будет проследиваться «пробюджетная» направленность толкования.

Указом Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585, Федеральным законом от 19 декабря 2023 г. № 598-ФЗ были частично приостановлены СИДН с рядом государств. Приказом Минфина России от 5 июня 2023 г. № 86н утвержден перечень государств и территорий,

предоставляющих льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия информации при проведении финансовых операций. Этот список самый большой и включает в себя 91 государство и территорию. По мнению финансового регулятора, к офшорам в настоящее время относятся США, Великобритания, Канада и страны ЕС.

Следует указать возможные негативные последствия для участников бизнес-сообщества могут возникнуть, если они связаны с компаниями, которые зарегистрированы в указанных юрисдикциях:

(1) сделки, размер которых превышают 120 млн руб., даже в отсутствии зависимости, считаются контролируемыми;

(2) в коммерческой деятельности российские налогоплательщики не могут претендовать на уплату налога на прибыль по ставке 0 % (подп. 1 п. 3 ст. 284 НК РФ, письмо Минфина России от 15 сентября 2023 г. № 03-03-06/1/88273);

(3) российская организация не может быть зарегистрирована как субъект малого и среднего бизнеса (ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 12.12.2023);

(4) российские кредитные организации должны закладывать в операции нормативы рисков с такими лицами и др.

Заметим, что Закон № 539-ФЗ ужесточил требования к понятию «взаимозависимые лица», изложенные в ст. 105.1 НК РФ. Начиная с 1 января 2024 года, взаимозависимыми лицами являются (подп. 12, 13 и 14 п. 2):

(1) лицо и организация признаются соответствующим контролирующим и контролируемой организацией;

(2) контролируемое иностранная компания и контролирующее лицо – одно и то же лицо;

(3) фактически, в подп. 12 законодатель устанавливает обязанность выявления конечного бенефициара, что в нынешних реалиях, является актуальной задачей для налоговых органов.

Надо признать, что на сегодняшний день определение конечного бенефициара является краеугольным камнем при проведении налоговых проверок. Запутанные схемы сделок, связанные с взаимозависимостью контрагентов, использование кондуитных юрисдикций, перерегистрация компаний через иностранные трасты – все это дает возможность недобросовестным российским налогоплательщикам получать необоснованную налоговую выгоду. Налоговый регулятор в письме от 30 декабря 2022 г. № СД-4-18/17916@ обобщил судебно-следственную практику по вопросу установления конечного бенефициара по сделке.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что принятые решения о приостановлении действий ряда СИДН направлены на ужесточение налогового администрирования в отношении трансграничных операций и трансфертного ценообразования. Все это приводит к ухудшению бизнес-климата в России. Однако если быть справедливым, то можно заметить, что государство,

минимизируя риски предпринимательского сообщества, устанавливает дополнительные льготы в СИДН с дружественными странами, и в то же время предоставляет возможность создания международной холдинговой компании на территории специальной административной зоны (САР) не только путем редомициляции, но и инкорпорации [14], т. е. создания нового юридического лица на территории, в случае, когда редомициляция запрещена или ограничена иностранным правом.

В заключение, отметим, что в настоящее время остро назрела необходимость внесения изменений в налоговое законодательство РФ в части порядка установления льгот для лиц, зарегистрированных на территориях, специальных административных и созданных путем инкорпорации, путем внесения нового правового регулирования в статью 24.2 Налогового кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Селиванова В., Вольный Л. Изменение соглашений об избежании двойного налогообложения // ЭЖ-БУХГАЛТЕР. 2021. № 06. 19 февраля.
2. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге // X Всероссийская конференция РКП(б). 1921. 27 мая.
3. Токарева К. К. Правовой статус Комментариев Организации экономического сотрудничества и развития к Модели Конвенции по налогу на доход и капитал в странах ОЭСР // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 350–362.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 17 сентября 1996 г. № 367/96 (СП «Сибсервис»).
5. Исмаилов Р. Концепция дивидендов для целей международного налогообложения // ЭЖБУХГАЛТЕР. 2020. № 33. Август.
6. Определение ВС РФ от 21 июля 2022 г. № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020 (ООО «Оптималстрой»).
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 ноября 2011 г. № 8654/11.
8. Определение ВС РФ от 18 марта 2016 г. № 305-КГ15-14263 по делу А40-87775/14 (ООО «Новая табачная компания»).
9. Конвенция между Правительством РФ и Правительством Чешской Республики от 17 ноября 1995 г. (ред. от 27.04.2007) «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал» (статьи 5–22 и 24 данного документа приостановлены с 8 августа 2023 года (Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585, Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 598-ФЗ)).
10. Определение КС РФ от 4 июня 2007 г. № 320-О-П.
11. Определение КС РФ от 4 июня 2007 г. № 366-О-П.
12. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации.

Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017).

13. Определение ВС РФ от 29 марта 2018 г. № 303-КГ17-19327 по делу № А04-9989/2016 (ИП Бурдинский А. В.).

References

1. Selivanova V., Volny L. Modification of agreements on avoidance of double taxation // EZHBUKHGALTER. 2021. № 06. February 19.

2. Lenin V. I. Concluding remarks on the report on the food tax // X All-Russian Conference of the Russian Communist Party(b). 1921. May 27.

3. Tokareva K. K. The legal status of the Comments of the Organization for Economic Cooperation and Development on the Model of the Convention on Income and Capital Tax in the OECD countries // Actual problems of Russian law. 2010. № 3. P. 350–362.

4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 17, 1996 № 367/96 (JV «Sibservice»).

5. Ismailov R. The concept of dividends for international taxation purposes // EZHBUKHGALTER. 2020. № 33. August.

6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 21, 2022 № 301-ES22-4481 in case № А29-2698/2020 (OptimaStroy LLC).

7. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 15.11.2011 № 8654/11.

8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.03.2016 № 305-KG15-14263 in the case А40-87775/14 (LLC «New Tobacco Company»).

9. Convention between the Government of the Russian Federation and the Government of the Czech Republic dated 17.11.1995 (as amended on 27.04.2007) «On Avoidance of Double Taxation and Prevention of Tax Evasion in Respect of Taxes on Income and Capital» (Articles 5–22 and 24 of this document have been suspended since August 8, 2023 (Decree of the President of the Russian Federation dated 08.08.2023 № 585, Federal Law of 19.12.2023 № 598-FZ)).

10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.06.2007 № 320-O-P.

11. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.06.2007 № 366-O-P.

12. Review of the practice of consideration by courts of cases related to the application of certain provisions of Section V.1 and Article 269 of the Tax Code of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 16.02.2017).

13. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.03.2018 № 303-KG17-19327 in case № А04-9989/2016 (IP Burdinsky A. V.).

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования;

А. И. Григорьев – доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Мочалова – доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education;

A. I. Grigoriev – Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Mochalova – Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Научная статья

УДК 347.736

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-181-187>

EDN: <https://elibrary.ru/htgzyg>

НИОН: 2015-0066-4/24-080

MOSURED: 77/27-011-2024-04-279

Основания отказа во введении процедуры финансового оздоровления в судебной практике

Екатерина Сергеевна Юлова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, katarina-dip@mail.ru

Аннотация. В сложившейся геополитической ситуации важное значение имеет устранение препятствий к сохранению жизнеспособного бизнеса, попавшего в затруднительное финансовое положение. В статье рассматриваются основания отказа арбитражных судов, рассматривающих дела о банкротстве, во введении финансового оздоровления по решению первого собрания кредиторов и ходатайству иных лиц. Среди них: несоответствие решения собрания кредиторов и прилагаемых документов, а также соответствующего ходатайства формальным требованиям закона; нарушение срока обращения с ходатайством; отрицательная оценка судом возможности восстановления платежеспособности должника. Цель исследования – проанализировать причины, по которым на практике участникам банкротных правоотношений не удается инициировать данную процедуру. Автором выделены факторы, создающие предпосылки для отказа в удовлетворении ходатайств о введении финансового оздоровления. Отмечены проблемы: отсутствия легальной возможности проведения повторного собрания кредиторов для устранения выявленных судом дефектов, в том числе незначительных; отсутствия обязанности и заинтересованности временного управляющего в оказании содействия в надлежащем инициировании процедуры; излишне жестких ограничений срока заявления ходатайства о введении процедуры; чрезмерная судебная дискреция при оценивании реалистичности восстановления платежеспособности; непригодности анализа временного управляющего в качестве объективного доказательства при таком оценивании. Автором выработан комплекс мер по преодолению выявленных проблем с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, финансовое оздоровление, отказ во введении финансового оздоровления

Благодарности: статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Юлова Е. С. Основания отказа во введении процедуры финансового оздоровления в судебной практике // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 181–187. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-181-187>. EDN: HTGZYG.

Original article

Grounds for the court's refusal to introduce a financial recovery procedure in judicial practice

Ekaterina S. Yulova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
katarina-dip@mail.ru

Abstract. In the current geopolitical situation, it is important to remove obstacles to maintaining a viable business in a difficult financial situation. The article discusses the grounds for the refusal of arbitration courts considering bankruptcy cases to introduce a financial rehabilitation procedure by decision of the first creditors' meeting and at the request of other persons. Among them: inconsistency of the decision of the creditors' meeting and the attached documents, as well as the relevant petition, with the formal requirements of the law; violation of the deadline for filing a petition; a negative assessment by the court of the possibility of restoring the debtor's solvency. The purpose of the study is to analyze the reasons why, in practice, participants in bankruptcy legal relations fail to initiate this procedure. The author identifies the factors that create prerequisites for the refusal of applications for the introduction of financial rehabilitation. Problems were noted: the lack of a legal possibility of holding a repeated meeting of creditors to eliminate defects identified by the court, including minor ones; the absence of the duty and interest of the interim manager in assisting in the proper initiation of the procedure; excessively strict time limits on the application for the introduction of the procedure; excessive judicial discretion in assessing the realism

© Юлова Е. С., 2024

of restoring solvency; unsuitability of the analysis of the interim manager as objective evidence in such an assessment. The author has developed a set of measures to overcome the identified problems, taking into account foreign experience.

Keywords: insolvency, bankruptcy, restructuring, refusal to introduce financial recovery

Acknowledgements: the article was prepared using the LRS «ConsultantPlus».

For citation: Yulova E. S. Grounds for the court's refusal to introduce a financial recovery procedure in judicial practice. Bulletin of economic security. 2024;(4):181–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-181-187>. EDN: HTGZYG.

Введение

Одна из основных проблем российского банкротного (конкурсного) права – это его ликвидационная направленность [6, с. 150; 14, с. 24]. Процедура финансового оздоровления – один из немногих способов сохранения и восстановления субъектов экономической деятельности [2, с. 91], столкнувшихся с финансовыми трудностями, поэтому увеличение случаев его введения крайне необходимо в сложившейся геополитической ситуации. Несмотря на редкое применение, ее востребованность со стороны участников должников и кредиторов сохраняется, а во имя спасения жизнеспособного бизнеса должна быть использована каждая возможность.

Низкий процент введения существующих реабилитационных процедур часто трактуется как аргумент в пользу их упразднения [11, с. 39; 13, с. 12]. Эта же идея положена и в основу отклоненного законопроекта № 239932-7¹ и находящегося на рассмотрении ГД ФС РФ с 2021 года законопроекта № 1172553-7², предлагающих замену таких процедур новой процедурой реструктуризации [5, с. 6]. При этом порядок введения процедуры законопроектом № 1172553-7, к сожалению, не упрощается [12, с. 11], да и его принятие в ближайшее время не планируется.

В связи с этим представляется важным определить причины редкого обращения к процедуре финансового оздоровления и там, где это возможно, снизить число препятствий для ее введения.

Основными причинами представляются следующие. У большинства должников к дате возбуждения производства по делу отсутствует имущество, на базе которого можно было бы восстановить его платежеспособность (так в 2023 г. в 38,5 % дел у должников-юридических лиц инвентаризация выявила полное отсутствие имущества, а по 54,7 % дел имущества было настолько мало, что реестровые кредиторы по итогам

банкротства получили ноль рублей³). Вопрос о введении процедуры решает собрание кредиторов, которым в большинстве случаев невыгодно ждать момента получения суммы долга полтора года в рамках данной процедуры, они стремятся вернуть долг как можно скорее, поэтому предпочитают голосовать за ликвидационную процедуру. Негативное отношение кредиторов к реабилитации должника гипотетически можно обойти (п. 3 ст. 75 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее по тексту – ЗоН(Б)), но только прибегнув к крайне затратному способу обеспечения – банковской гарантии. Зная о практическом отсутствии возможности спасения своего бизнеса в случае начала процесса банкротства, участники должника стремятся максимально его отсрочить, вывести активы, утаить от кредиторов истинное состояние, что приводит должника в настолько тяжелое финансовое состояние, из которого в ходе реабилитационных процедур выйти крайне затруднительно. Это системные проблемы института банкротства, каждая из которых требует отдельного обширного научного анализа.

В настоящей работе будут рассмотрены иные причины редкого введения рассматриваемой процедуры, которые имеют место в практике российских банкротств, а именно факторы, препятствующие введению финансового оздоровления в тех случаях, когда инициатива по его введению имела место, но не была поддержана арбитражным судом.

1. Отказ во введении финансового оздоровления в связи с несоответствием решения собрания кредиторов или ходатайства иных лиц формальным требованиям закона. В практике арбитражных судов распространено признание решения первого собрания кредиторов об обращении с ходатайством о введении финансового оздоровления недействительным либо не принятым в связи с несоответствием данного решения формальным требованиям закона, а также неточностями его формулировок⁵. Прежде всего, это требования

¹ Проект Федерального закона № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» (принят ГД ФС РФ в I чтении 13.12.2017, отклонен ГД РФ 07.07.2020) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

² Проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства)» (внесен Правительством РФ) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2024).

³ Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год – Федресурс // URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 30.03.2024).

⁴ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁵ Постановления Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 октября 2008 г. по делу № А28-122/2007-70/3, Восьмого арбитражного апелляционного суда (ААС) от 4 июля 2017 г. № 08АП-8587/2017 по делу № А70-7510/2016, Тринадцатого ААС от 29 марта 2018 г. № 13АП-24915/2017, 13АП-24913/2017 по делу № А56-28042/2016, Седьмого ААС от

п. 1 ст. 74, п. 1, 3 ст. 84 ЗоН(Б) об обязательном наличии в решении собрания утвержденного им графика погашения задолженности, о содержании такого графика, а в случае непредоставления обеспечения исполнения обязательств должника по графику – также и плана процедуры. По тем же основаниям суды отклоняют ходатайства участников должника и третьих лиц о введении финансового оздоровления, в том числе, ссылаясь на «отсутствие обеспечения»¹ или «погрешностей в условиях его предоставления»², «наличие арифметических неточностей в графике погашения задолженности»³.

Возникает ситуация, когда воля первого собрания кредиторов на введение данной процедуры из-за погрешностей оформления волеизъявления не реализуется, а если искомая процедура и была введена, то определение о введении процедуры подлежит отмене⁴. В результате право собрания кредиторов на решение наиболее значимых вопросов его компетенции (ст. 73 ЗоН(Б)), на определение дальнейшего вектора развития правоотношений банкротства остается нереализованным, а должник вместо получения возможности погасить долг в рассрочку, признается банкротом и в дальнейшем ликвидируется.

К сожалению, действующее законодательство не дает возможности привести в соответствие с требованиями ЗоН(Б) решение собрания и прилагаемые к нему документы, в которых арбитражный суд выявил дефекты. Провести в этих целях повторное собрание кредиторов не позволяют поздний срок проведения первого собрания, длительность процедуры созыва повторного собрания и жесткие временные рамки процедуры наблюдения и рассмотрения дела о банкротстве (п. 1 ст. 72, 13, 51, п. 2 ст. 75 ЗоН(Б)). Поэтому после судебного заседания по итогам наблюдения, где установлено несоответствие решения собрания легальным требованиям, времени для проведения повторного собрания уже нет. Отложение рассмотрения вопроса о введении следующей процедуры банкротства до получения решения повторного собрания за пределами императивного срока рассмо-

трения дела о банкротстве законом не предусмотрено (ст. 51, п. 2 ст. 75 ЗоН(Б)). По тем же причинам суд не предоставляет возможность лицу, ходатайствующему о введении финансового оздоровления, внести исправления в условия соглашения о предоставлении обеспечения.

Более гибкий подход мы видим в Сербии: «заявителю дается 8-дневный срок, который может быть продлен, для исправлений незначительных недостатков выполнения как материальных, так и формальных требований, либо технических ошибок, обнаруженных в плане реорганизации» [20, с. 189].

На наш взгляд, нарушение кредиторами и должником требований к содержанию и оформлению документов, необходимых для введения финансового оздоровления, во многом обусловлены бездействием временного управляющего, поскольку он является квалифицированным участником правоотношений банкротства, формирует повестку и проводит собрания кредиторов, обязан добросовестно осуществлять свои функции, учитывать интересы кредиторов и должника (п. 4 ст. 20.3 ЗоН(Б)). Умолчание управляющего об установленных законом условиях введения реабилитационных процедур, о правовых последствиях их несоблюдения является одной из предпосылок отказов суда во введении такой процедуры. Причиной бездействия можно считать как отсутствие в законе прямой обязанности арбитражных управляющих разъяснять кредиторам и должнику положения законодательства о банкротстве, так и его материальная незаинтересованность во введении рассматриваемой процедуры из-за низкого размера вознаграждения административного управляющего. Пока, к сожалению, практика показывает, что управляющие часто ориентированы на увеличение собственного вознаграждения в ущерб интересам кредиторов и должника [17, с. 118].

Что касается часто встречающегося основания отказа во введении рассматриваемой процедуры по ходатайству участников должника, когда первое собрание не проводилось или проголосовало за признание банкротом, – непредоставление обеспечения, то оно во многом обусловлено излишне жесткими требованиями закона к способу обеспечения (п. 3 ст. 75 ЗоН(Б)).

2. Отказ во введении финансового оздоровления в связи с нарушением срока заявления ходатайства. Другой причиной отказа судов во введении финансового оздоровления как собранию кредиторов, так и третьим лицам является нарушение заявителями срока обращения с ходатайством. В одном деле суд сослался на то, что «проведение этой процедуры после внешнего управления не предусмотрено законом»⁵. Этот вывод соответствует нормам закона, но противоречит как логике и целям сохранения бизнеса, так и целям российского конкурсного права [10, с. 199].

7 ноября 2022 г. № 07АП-9206/2022(1) по делу № А67-7236/2021, Седьмого ААС от 11 декабря 2023 г. № 07АП-9278/23(1) по делу № А45-562/2023 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 сентября 2021 г. № Ф07-11916/2021 по делу № А56-12367/2020, Пятнадцатого ААС от 28 июля 2022 г. № 15АП-11584/2022 по делу № А53-661/2020 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

² Постановление Тринадцатого ААС от 18 марта 2020 г. № 13АП-37632/2019 по делу № А56-130619/2018 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

³ Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 октября 2008 г. по делу № А28-122/2007-70/3 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2017 г. № 304-ЭС17-13698(2) по делу № А70-7510/2016 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁵ Постановление Семнадцатого ААС от 21 декабря 2020 г. № 17АП-4401/2020(3)-АК по делу № А60-65447/2018 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

В другом деле собрание кредиторов приняло решение о введении финансового оздоровления уже после признания должника банкротом. Эта инициатива была поддержана судами первой и апелляционной инстанций¹, которые исходили из необходимости предоставления новому участнику должника возможности воспользоваться правом на введение реабилитационной процедуры, которую он не мог реализовать в процедуре наблюдения. К сожалению, ВС РФ не согласился с таким подходом, сославшись на то, что повторное применение реабилитационной процедуры к должнику, находящемуся в конкурсном производстве, законодательством не предусмотрено (хотя первая реабилитационная процедура фактически не проводилась), график погашения задолженности нарушал права кредиторов, а возможность реализации участником должника своего намерения сохранить имущество и вывести должника из процедуры банкротства им не утрачена². По всей видимости, Суд подразумевал право участника погасить все реестровые требования на основании ст. 125 ЗоН(Б), но его нельзя признать эквивалентом финансового оздоровления в силу несоизмеримо более высокой стоимости.

3. Отказ во введении финансового оздоровления в связи с нереалистичностью восстановления платежеспособности. Наиболее распространенной причиной отказа в удовлетворении ходатайства о введении финансового оздоровления является вывод суда об отсутствии у должника реальной возможности восстановить платежеспособность, сделанный преимущественно на основе анализа финансового состояния должника, представленного временным управляющим³. Суды отклоняют представленные планы финансового оздоровления на том основании, что они носят «не подтверждены доказательствами и имеют декларативный характер»⁴.

Доходит до того, что суд ставит под сомнение и договоры должника, подтверждающие возможность осуществлять хозяйственную деятельность, и финансовые возможности лица, предоставившего обеспечение, и ликвидность активов должника. В ряде случаев вышестоящие суды называют такой подход «излишне формальным», а вывод об отсутствии достаточных доказательств реальной возможности должника исполнить

в реабилитационной процедуре принятые на себя обязательства, преждевременным⁵. Однако много примеров, когда недоверие суда к перспективам оздоровления перечеркивает решение собрания кредиторов о ее введении.

Мнения ученых по поводу правомерности и целесообразности оценивания судом реалистичности восстановления платежеспособности разделились. Одни считают, что тем самым суды выходят за рамки своих полномочий, что недопустимо, поскольку не соответствует роли суда и профессиональным познаниям судей, является произвольным вмешательством в частные дела [9, с. 201].

Другие поддерживают широкую судебную дискрецию в данном вопросе. Профессор С. А. Карелина считает, что даже при отсутствии у арбитражного суда формальных оснований для отказа во введении реабилитационной процедуры, суд должен быть вправе принять решение по своему усмотрению, если для него очевидно, что процедура не способна привести к поставленной цели» [7, с. 403], при этом в настоящее время «для суда обязательно решение собрания о введении оздоровления» [8, с. 38]. Солидарно мнение В. Г. Бородкина, который не считает безусловной связанность суда решением собрания кредиторов [4, с. 27].

С учетом того, что суд в оценке вероятности восстановления платежеспособности должника ориентируется на анализ временного управляющего, к качеству которого на практике очень много нареканий, нам представляется более верной позиция Г. Ф. Шершеневича о том, что задача суда при контроле над конкурсным управлением – это проверка не целесообразности хозяйственных решений, а их законности [16, с. 379]. Эффективная оценка может быть осуществлена только специалистом, как например, в США, где судьбу должника в процессе реорганизации решает оценка инвесторов [15, с. 17], или в Словакии, где должник обязан представить подтверждение аудитором того, что кредиторы могут рассчитывать на больший объем выплат в ходе реорганизации, чем при ликвидации [18, с. 569]. Российские же суды не могут получить даже объективную картину финансового состояния должника в моменте, поскольку отчеты временных управляющих зачастую содержат недостоверные сведения⁶, составляются на основании подчас неполной и давней отчетности, без учета инвентаризационных описей⁷, временные

¹ Постановление Восьмого ААС от 4 февраля 2022 г. по делу № А46-19146/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

² Определение ВС РФ от 23 сентября 2022 г. № 304-ЭС20-6248 (4) по делу № А46-19146/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

³ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 22 октября 2008 г. по делу № А28-122/2007-70/3, Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 9 февраля 2023 г. по делу № А56-28328/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁴ Постановления Восьмого ААС от 4 июля 2017 г. № 08АП-8587/2017 по делу № А70-7510/2016, Тринадцатого ААС от 18 марта 2020 г. № 13АП-37632/2019 по делу № А56-130619/2018 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁵ Постановление Тринадцатого ААС от 5 июня 2023 г. № 13АП-8407/2023 по делу № А56-28328/2019 (Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 сентября 2023 г. № Ф07-11253/2023 оставлено без изменения) // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁶ Решение Арбитражного суда Республики Коми от 20 января 2023 г. по делу № А29-11816/2020; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14 марта 2023 г. № Ф02-183/2023 по делу № А58-3352/2021 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14 декабря 2022 г. № Ф01-7068/2022 по делу № А11-10011/2018 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

управляющие допускают нарушения правил проведения анализа и приходят к неверным выводам¹, а сами правила анализа² имеют существенные недостатки [3, с. 48].

В основе этой проблемы лежит противоречие норм ЗоН(Б), одни из которых относят выбор следующей процедуры к компетенции первого собрания кредиторов (п. 1 ст. 73, п. 1 ст. 75), а другие требуют, чтобы в плане процедуры обосновывалась возможность исполнения графика (п. 1 ст. 84 ЗоН(Б)), что и проверяют суды. Кроме того, она основывается на теоретическом споре о том, является ли решение собрания кредиторов о выборе конкретной процедуры предопределяющим для суда, рассматривающего дело о банкротстве. Помимо традиционного понимания, согласно которому «законом приоритет при выборе процедуры банкротства отдан именно собранию кредиторов, поэтому его волеизъявление должно иметь решающее значение»³, получила распространение и противоположная точка зрения. Все больше судов толкуют п. 1 ст. 75 ЗоН(Б) таким образом, что суд выносит определение о следующей процедуре не на основании решения первого собрания, как указано в п. 1 ст. 73 и п. 1 ст. 75 ЗоН(Б), а лишь с учетом этого решения, что суд им не связан⁴ и вправе не согласиться с решением собрания кредиторов, поскольку выбор процедуры находится в компетенции суда⁵. Суд принимает во внимание решение собрания, но тем не менее обязан установить наличие предпосылок потенциальной возможности восстановления платежеспособности»⁶, в том числе, руководствуясь анализом временного управляющего, а при наличии возраже-

ний устанавливает наличие оснований для введения иной процедуры⁷. Отметим, что высшая судебная инстанция согласна с тезисом о том, что в исключительных случаях суд вправе не согласиться с решением собрания кредиторов о выборе следующей процедуры несостоятельности⁸.

В других юрисдикциях дискреция суда при введении реабилитационных процедур различна. Осуществимость и эффективность подобной процедуры проверяется судом в США, Франции, Нидерландах [15, с. 17]. Хотя в США должник при подаче заявления о ее введении не обязан доказывать ее реальность [1, с. 65].

В Сербии при утверждении плана реорганизации, наоборот, «судья проверяет только общую законность плана и соблюдение процедуры его принятия. А вопрос об осуществимости этого плана находится на усмотрении финансовых консультантов и кредиторов, кроме того, для ее подтверждения предоставляется заключение аудитора или лицензированного арбитражного управляющего. Вместо надзора суда предусмотрено раскрытие информации и другие гарантии» [19, с. 82–83]. Исследователи справедливо сомневаются в том, должен ли судья влиять на волю, четко выраженную большинством кредиторов, полагая, что их вмешательство только усилит правовую неопределенность [19, с. 96].

Заключение

Правовые последствия несоответствия решения первого собрания кредиторов о введении финансового оздоровления закону нормативно не определены, но несмотря на это суды трактуют такое несоответствие как основание недействительности решения собрания в части введения процедуры, что снижает число вводимых реабилитационных процедур, а также препятствует реализации права кредиторов на определение следующей процедуры банкротства. Для решения этой проблемы представляется целесообразным установить в п. 2 ст. 75 ЗоН(Б) возможность отложения рассмотрения дела по существу с целью проведения повторного собрания для устранения ошибок, на которые указал арбитражный суд. А для того, чтобы проведение повторного собрания кредиторов не затягивало процедуру банкротства, необходимо закрепить проведение первого собрания в более ранний срок, чем установленный в п. 1 ст. 72 ЗоН(Б), чтобы до истечения срока рассмотрения дела оставалось время на проведение повторного собрания. Следует предоставить участникам должника право участия в первом собрании кредиторов без права голоса для предоставления им возможности донести до кредиторов свою позицию, своевременно внести изменения в подготовленные план оздоровления и график погашения задолженности.

Для минимизации числа отказов во введении оздоровления из-за несоответствия соответствующего хо-

¹ Постановление Девятого ААС от 10 августа 2022 г. № 09АП-43374/2022 по делу № А40-109341/2019 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

² Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 ноября 2020 г. № Ф09-4477/20 по делу № А60-20352/2019 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁴ Постановление Пятнадцатого ААС от 2 апреля 2021 г. № 15АП-3092/2021, 15АП-3095/2021, 15АП-3096/2021 по делу № А32-26161/2019 (Постановлением АС Северо-Кавказского округа от 5 июля 2021 г. № Ф08-6077/2021 оставлено без изменения; Определением ВС РФ от 29 октября 2021 г. № 308-ЭС20-3526(2) отказано в передаче дела для пересмотра); Постановление Пятнадцатого ААС от 8 декабря 2021 г. № 15АП-21518/2021, 15АП-20093/2021 по делу № А32-50295/2019 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁵ Постановления АС Восточно-Сибирского округа от 22 октября 2020 г. № Ф02-5105/2020, Ф02-5106/2020 по делу № А19-14791/2014, Шестнадцатого ААС от 2 октября 2019 г. № 16АП-5392/2018 по делу № А63-9480/2018, Пятнадцатого ААС от 3 сентября 2019 г. № 15АП-14154/2019 по делу № А53-14322/2018 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁶ Постановление Первого ААС от 30 марта 2021 г. № 01АП-1031/2021 по делу № А43-46383/2018 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁷ Постановление Четвертого ААС от 25 февраля 2020 г. № 04АП-7495/2019 по делу № А19-5511/2019 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 306-ЭС19-13670(3-5) по делу № А57-3954/2015 // URL://<https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/> (дата обращения: 30.03.2024).

датайства требованиям закона, обусловленного бездействием временного управляющего необходимо на законодательном уровне переориентировать управляющих на оказание содействия в инициировании реабилитации должника, повысить их заинтересованность в поиске возможностей сохранения должника. Этого можно достичь как установлением соответствующих обязанностей временного управляющего (в том числе, разместить сведения о требованиях закона к порядку инициирования финансового оздоровления в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, оказывать содействие в составлении плана оздоровления и графика и т. п.), так и материальным поощрением, а также нематериальным стимулированием при формировании системы рейтингования управляющих.

Для сокращения числа судебных отказов во введении рассматриваемой процедуры имеет смысл снизить требования к сроку и моменту заявления ходатайства о ее введении, особенно если оно заявлено собранием кредиторов.

Проводимая российскими судами проверка реалистичности планируемого финансового оздоровления также сокращает число таких процедур, является примером излишне широкой дискреции суда, по крайней мере до тех пор, пока она основывается на выводах анализа временных управляющих. Такие выводы должны подкрепляться заключением незаинтересованного эксперта, но и оно не будет учитывать возможные соглашения между участниками должника и кредиторами, а также третьими лицами. На наш взгляд, если собрание кредиторов, к компетенции которого отечественным конкурсным правом пока отнесен выбор последующей процедуры, согласилось на введение оздоровления, оно приняло связанные с этим риски, и перепроверять возможность реабилитации суду нецелесообразно. Любая предпринимательская деятельность связана с риском неполучения прибыли, и отказ от ее ведения в связи с неопределенностью результата противоречит сущности предпринимательства. Запрет же кредиторам нести выбранные ими риски не соответствует их же интересам, а также интересам должника и его трудового коллектива. Задача законодателя при этом – расширить возможности кредиторов и административного управляющего по контролю сделок и решений должника в ходе финансового оздоровления для предотвращения злоупотреблений.

Список источников

1. Абрамова Е. А. Регулирование несостоятельности (банкротства) за рубежом : учебное пособие / Е. А. Абрамова, С. М. Волостнов, И. Л. Соколова; Иван. гос. хим.-технолог. ун-т. Иваново, 2017. 118 с.
2. Апоницкий С. В. Механизм реализации досудебной санации для восстановления платежеспособности должника – юридического лица: проблемы теории и практики // Современный юрист. 2017. № 2. С. 87–95.
3. Бобылева А. З. Проведение анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства: про-

блемы и решения // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 46–52.

4. Бородин В. Г. Введение финансового оздоровления и столкновение конкурирующих интересов // Право и экономика. 2014. № 11. С. 25–29.

5. Жильцова Ю. В., Маврина А. В. Современные тенденции развития национального института банкротства компаний // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2022. № 2. С. 2–13.

6. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2023. 348 с.

7. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М. : Волтерс Клувер, 2008. 568 с.

8. Карелина С. А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 28–44.

9. Кораев К. Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Проспект, 2017. 320 с.

10. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека : монография / А. З. Бобылева, Д. Е. Горев, Ю. А. Зайцева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2022. 312 с.

11. Мифтахутдинов Р. Т. Реформирование законодательства о банкротстве в части совершенствования реабилитационных процедур // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 37–40.

12. Набережный А. Реформа законодательства о банкротстве: реструктуризация вместо ликвидации // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 2. С. 4–25.

13. Попондопуло В. Ф. Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития // Юрист. 2021. № 5. С. 10–16.

14. Самигулина А. В. Проблема ликвидационной направленности процедур несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Право и экономика. 2023. № 4. С. 22–26.

15. Сушкова О. В. Реорганизация юридического лица как механизм защиты или «формальная процедура банкротства» в России и в зарубежных странах // Право и бизнес. 2021. № 2. С. 14–19.

16. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. М., 2003. Т. 4.

17. Юлова Е. С. Удовлетворение требований кредиторов третьим лицом в процедуре банкротства: пре-

имущества и проблемы реализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 117–143. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.117.144.

18. Cepec J., Grajzl P. Creditors, Plan Confirmations, and Bankruptcy Reorganizations: Lessons from Slovenia. *Eur Bus Org Law Rev.* 2021. № 22. P. 559–589.

19. Radulović Branko, Radović Marko. Bias and predictability in judicial decisions involving corporate restructuring: evidence from Serbia // *Anali Pravnog fakulteta u Beogradu, godina LXVIII.* 2020. № 2. Str. 80–99. DOI: 10.5937/AnaliPFB2002080R.

20. Radović Vuk. Stečajno pravo-knjiga druga (pobijanje pravnih radnji stečajnog dužnika, reorganizacija, međunarodni stečaj, stečaj povezanih društava). Pravni fakultet, Univerzitet u Beogradu, Beograd, 2017. Str. 365.

References

1. Abramova E. A. Regulation of insolvency (bankruptcy) abroad : a textbook / E. A. Abramova, S. M. Volostnov, I. L. Sokolova; Ivan. state chemical technolog. un-T. Ivanovo, 2017. 118 p.

2. Aponitsky S. V. The mechanism of implementation of pre-trial rehabilitation to restore the solvency of a debtor – legal entity: problems of theory and practice // *Modern lawyer.* 2017. No. 2. P. 87–95.

3. Bobyleva A. Z. Conducting an analysis of the debtor's financial condition in bankruptcy proceedings: problems and solutions // *Business law.* 2017. No. 3. P. 46–52.

4. Borodkin V. G. The introduction of financial recovery and the clash of competing interests // *Law and Economics.* 2014. No. 11. P. 25–29.

5. Zhiltsova Yu. V., Mavrina A.V. Modern trends in the development of the National Institute of Bankruptcy of companies // *Accounting in budgetary and non-profit organizations.* 2022. No. 2. P. 2–13.

6. Bankruptcy legislation: continuity and innovations: a monograph / P. R. Abdullayeva, N. V. Bandurina, Y. M. Voronina, etc.; ed. S. A. Karelina, I. V. Frolov. M. : Justicinform, 2023. 348 p.

7. Karelina S. A. The mechanism of legal regulation of insolvency relations. M. : Walters Kluwer, 2008. 568 p.

8. Karelina S. A. Signs of objective bankruptcy used in determining the grounds for bringing to subsidiary liability for the inability to fully repay creditors' claims due

to the actions and (or) inaction of the person controlling the debtor // *Economy and Law.* 2020. No. 3. P. 28–44.

9. Koraev K. B. Insolvency: A new institute of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy): monograph. M. : Prospect, 2017. 320 p.

10. Bankruptcy mechanisms and their role in ensuring human well-being : a monograph / A. Z. Bobyleva, D. E. Gorev, Yu. A. Zaitseva et al.; ed. S. A. Karelina, I. V. Frolov. M. : Justicinform, 2022. 312 p.

11. Miftakhutdinov R. T. Reforming bankruptcy legislation in terms of improving rehabilitation procedures // *Entrepreneurial law. Appendix «Law and Business».* 2016. No. 3. P. 37–40.

12. Naberezhnye Chelny A. Reform of bankruptcy legislation: restructuring instead of liquidation // *Legal work in a credit institution.* 2021. No. 2. P. 4–25.

13. Popondopulo V. F. The Russian system of legislative regulation of bankruptcy relations: the state and trends of development // *Lawyer.* 2021. No. 5. P. 10–16.

14. Samigulina A. V. The problem of liquidation orientation of insolvency (bankruptcy) procedures of legal entities // *Law and Economics.* 2023. No. 4. P. 22–26.

15. Sushkova O. V. Reorganization of a legal entity as a protection mechanism or «formal bankruptcy procedure» in Russia and abroad // *Law and Business.* 2021. No. 2. P. 14–19.

16. Shershenevich G. F. Course of commercial law. M., 2003. Vol. 4.

17. Yulova E. S. Satisfaction of creditors' claims by a third party in bankruptcy proceedings: advantages and problems of implementation // *Pravo. Journal of the Higher School of Economics.* 2023. Vol. 16. No. 1. P. 117–143. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.117.144.

18. Cepec J., Grajzl P. Creditors, Plan Confirmations, and Bankruptcy Reorganizations: Lessons from Slovenia. *Eur Bus Org Law Rev.* 2021. № 22. P. 559–589.

19. Radulović Branko, Radović Marko. Bias and predictability in judicial decisions involving corporate restructuring: evidence from Serbia // *Anali Pravnog fakulteta u Beogradu, godina LXVIII.* 2020. № 2. Str. 80–99. DOI: 10.5937/AnaliPFB2002080R.

20. Radović Vuk. Stečajno pravo-knjiga druga (pobijanje pravnih radnji stečajnog dužnika, reorganizacija, međunarodni stečaj, stečaj povezanih društava). Pravni fakultet, Univerzitet u Beogradu, Beograd, 2017. Str. 365.

Информация об авторе

Е. С. Юлова – доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. S. Yulova – Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 29.08.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 29.08.2024.

Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-188-192>

EDN: <https://elibrary.ru/ieimmy>

НИОН: 2015-0066-4/24-081

MOSURED: 77/27-011-2024-04-280

Фискальное пространство Российской Федерации в условиях санкций

Ольга Борисовна Буздалина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

obb7@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые ключевые аспекты по поводу методов государственного регулирования фискального пространства. Рассмотрены разные подходы к определению и содержанию понятия «фискальное пространство», инструменты реализации и регулирования фискального пространства через управление государственным долгом, налоговые расходы и их эффективное использование с целью снижения бюджетных рисков. Выявлена роль и значение фискального пространства в государственном управлении.

Ключевые слова: фискальное пространство, налоговые расходы, недополученные доходы, обзоры бюджетных расходов, государственное финансовое регулирование, государственных долг, финансовый потенциал

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Буздалина О. Б. Фискальное пространство Российской Федерации в условиях санкций // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 188–192. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-188-192>. EDN: IEIMMY.

Original article

Fiscal space of the Russian Federation under sanctions

Olga B. Buzdalina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

obb7@rambler.ru

Abstract. The article presents some key aspects regarding methods of state regulation of fiscal space. Different approaches to the definition and content of the concept of «fiscal space», tools for implementing and regulating fiscal space through public debt management, tax expenses and their effective use in order to reduce budget risks are considered. The role and significance of fiscal space in public administration is identified.

Keywords: fiscal space, tax expenditures, lost revenues, budget expenditure reviews, public financial regulation, public debt

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

For citation: Buzdalina O. B. Fiscal space of the Russian Federation under sanctions. Bulletin of economic security. 2024;(4):188–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-188-192>. EDN: IEIMMY.

Актуальность темы не вызывает сомнения. Современная финансовая система испытывает очередные преобразования в связи с принятыми основными направлениями бюджетно-налоговой политики в условиях оптимизации бюджетных средств, их рационального и эффективного использования и рисков, связанных с санкциями недружественных стран.

В этих условиях серьезное внимание уделяется вопросам увеличения масштабов фискального простран-

ства, что является позитивным элементом, характеризующим уровень качества финансового регулирования и управления. Прежде чем определить роль фискального пространства, следует рассмотреть разные точки зрения в отношении его содержания.

Итак, существуют разные подходы к определению понятия «фискальное пространство» (см. табл. 1).

Выше рассмотрены разные определения этого понятия, в работе предлагается следующее определение.

© Буздалина О. Б., 2024

Эволюция развития понятия «фискальное пространство»

Описание понятия	Автор/организация
Резерв бюджета правительства, который может быть использован в определенных целях без ущерба для финансовых позиций или стабильности экономики [1]	Питер Хеллер (МВФ, 2005 г.)
Объем финансирования, который доступен в результате конкретных действий по мобилизации ресурсов и реформ, необходимых для эффективного расходования этих возникших средств и достижения определенных целей развития	Ратин Рой (программа развития ООН, 2007 г.)
Денежные средства, доступные в пределах годового или среднесрочного бюджета	Аллен Шик (Мировой банк, 2008 г.)
Разница между предполагаемым верхним пределом государственного долга и фактическим государственным долгом, выраженным в процентах к ВВП	Moody's Analytics, 2016 г.
Правительство расширяет будущие сферы труда за счет инвестиций в человеческий капитал	Всемирный банк (доклад о мировом развитии, 2019 г.)
Превышение доходов бюджета субъекта федерации (муниципального образования) над его текущими расходами без учета расходов на обслуживание существующих долговых обязательств в каждом периоде выбранного интервала времени [1]	Е. Б. Дьякова, Л. В. Перекрестова (российские ученые, 2022 г.)

Итак, фискальное пространство – это резерв, который создается публично-правовыми образованиями с использованием инструментов государственного (муниципального) финансового регулирования для балансировки бюджета, снижения бюджетных рисков, обеспечения финансовых автономий и социально-экономического развития.

Кроме того, следует отметить, что грамотное использование фискального пространства способствует достижению национальных стратегических целей и приоритетов, обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие отдельных субъектов Российской Федерации и в целом безопасность государства.

Бюджетно-налоговая политика играет первостепенную роль в процессе финансового регулирования и перераспределения финансовых ресурсов в экономике государства.

Опыт прошлых лет показал, что изменения или точнее преобразования происходят после преодоления экономических, в том числе финансовых кризисов.

К инструментам реализации фискального пространства можно отнести, например, следующие: управление государственным долгом, обзор бюджетных расходов, налоговые расходы, суверенные фонды.

От качества управления, которыми во много зависит эффективность использования фискального пространства, то есть высвобождение дополнительных доходов для исполнения национальных целей и государственных программ, а также непредвиденных расходов, например, связанных с появлением новых санкций.

Говоря о масштабах государственного долга, можно отметить допустимую долговую нагрузку и соответствие ее уровня пороговым значениям согласно методике оценки долговой устойчивости Российской Фе-

дерации, которую проводит Минфин России, оценивая следующие показатели:

- отношение государственного долга Российской Федерации к ВВП;
- доля расходов на обслуживание государственного долга Российской Федерации в общем объеме расходов федерального бюджета;
- отношение годовой суммы платежей на погашение и обслуживание государственного долга Российской Федерации к доходам федерального бюджета;
- отношение государственного долга Российской Федерации к доходам федерального бюджета;
- отношение государственного внешнего долга Российской Федерации к годовому объему экспорта;
- отношение расходов на обслуживание государственного внешнего долга Российской Федерации к годовому объему экспорта товаров и услуг [2].

Тем не менее, рассматривая долг, следует отметить общую тенденцию к увеличению долга субъекта Российской Федерации. Важным является замещение кредитов кредитных организаций бюджетными кредитами под льготную ставку. С одной стороны, расходы у публично-правовых образований ниже на обслуживание государственного долга, с другой стороны, бюджетные кредиты в целом снижают мотивацию социально-экономического развития соответствующей территории и увеличивают риски для бюджетной системы.

Ниже представлена динамика долга Российской Федерации за ряд лет на основании данных Минфина России. Анализ проведен на основании данных официального сайта Минфина России и представлен на рис. 1 [3].

Проанализировав объем государственного долга Российской Федерации и процентное отношение госдолга к ВВП, можно отметить тенденцию к увеличению,

Рис. 1. Динамика государственного долга за 2007–2023 годы

за исключением некоторых колебаний внешнего долга в 2014–2018 годах. Наибольшую долю в государственном долге России занимает государственный внутренний долг, причем эта доля из года в год продолжает увеличиваться (с 54 % до 80 % в течение рассматриваемого периода).

Стоит отметить резкое увеличение государственного долга (особенно внутреннего) в 2014 и 2020 годах. Рост можно объяснить, например, влиянием санкций, введенных рядом стран против Российской Федерации. Это привело к ослаблению рубля, снижению стоимости российских активов и существенному снижению кредитного рейтинга страны.

В этой связи, очевидно, что управление долгом является одной из приоритетных задач в управлении фискальным пространством. Оптимизация государственного долга, снижение долговой нагрузки и соответственно расходов на обслуживание позволит высвободить финансовые ресурсы и увеличить фискальное пространство.

Другим инструментом, позволяющим влиять на фискальное пространство, являются налоговые расходы.

Понятие «налоговые расходы» – это достаточно новое явление для бюджетного процесса. Хотя в мировой практике этот термин используется давно и активно, но в нашей стране его можно встретить в аналитических финансовых и бюджетных документах в последние несколько лет. Налоговые расходы – это льготы по налогам и налоговым платежам, предоставляемые налогоплательщикам. По отношению к бюджету – это выпадающие доходы, именно этот термин использовался ранее [4].

То есть под выпадающими доходами понимали недополученные налоговые доходы в результате применения налоговых льгот по федеральным, региональным и местным налогам и освобождений в течение одного календарного года. Данные использовались при подго-

товке законов о бюджетах и отчетов об их исполнении. В результате реализации применения концепции налоговых расходов понятие «выпадающие доходы» было заменено [4].

Понятие закреплено Бюджетным кодексом и определено как «Налоговые расходы публично-правового образования – выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предусмотренными в качестве мер государственной (муниципальной) поддержки в соответствии с целями государственных (муниципальных) программ и (или) целями социально-экономической политики публично-правового образования, не относящимися к государственным (муниципальным) программам» [5, ст. 6].

В другой статье определен перечень налоговых расходов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования и формируется в порядке, установленном соответственно Правительством Российской Федерации, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией, в разрезе государственных (муниципальных) программ и их структурных элементов, а также направлений деятельности, не относящихся к государственным (муниципальным) программам [5, ст. 174.3].

Согласно ст. 192 Кодекса регламентированы требования о предоставлении в Государственную думу в составе пакета документов по проекту федерального бюджета отчета об оценке налоговых расходов за отчетный финансовый год и оценки налоговых расходов на текущий финансовый и плановый период [5, ст. 192].

Как видно из рис. 2, объем налоговых расходов Российской Федерации в 2018–2024 годах составля-

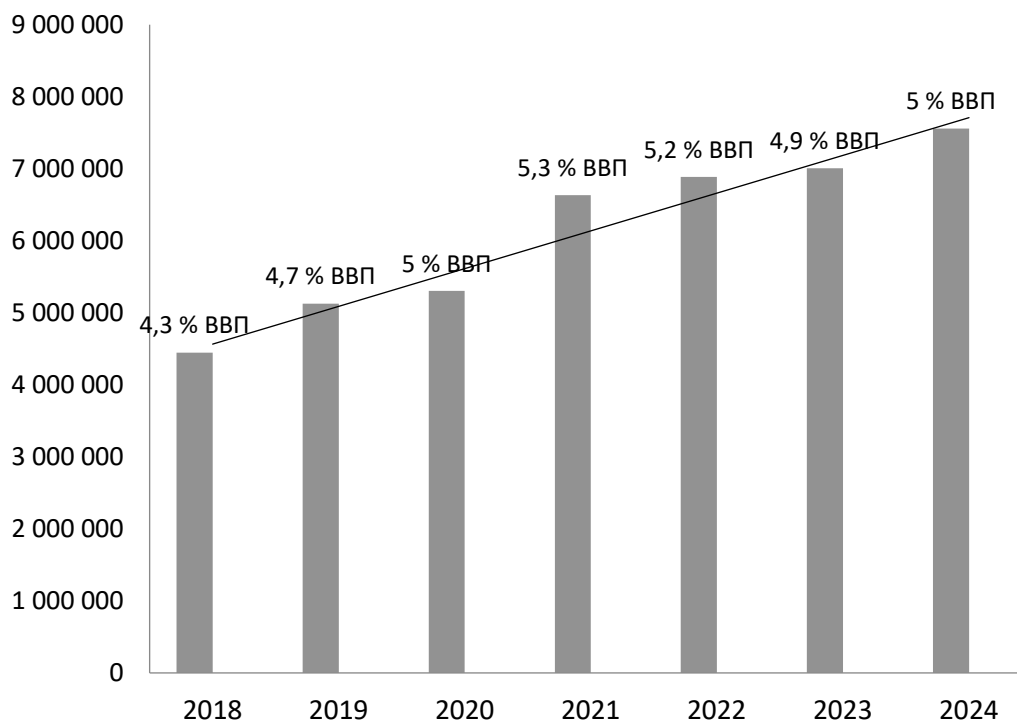

Рис. 2. Динамика налоговых расходов за ряд лет в 2018–2024 гг., млн руб.

ет по данным Минфина России от 4,3 % до 5,3% ВВП ежегодно. То есть это достаточно существенный объем выпадающих доходов бюджета. В этой связи продолжает осуществляться комплексная работа по внедрению в бюджетный процесс системы, обеспечивающей не только учет, анализ и контроль налоговых расходов, но также и обязательность проведения оценки объемов и эффективности налоговых расходов на основе единых для всех уровней бюджетной системы методологических подходов.

То есть, как мы понимаем, это действенный инструмент, позволяющий регулировать фискальное пространство субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в программах, разрабатываемых в регионах, описываются пути повышения финансовой устойчивости бюджетов бюджетной системы, например, развитие налогового потенциала, повышение достоверности планирования бюджетных доходов, оценка эффективности налоговых льгот и иных налоговых преференций, имеющих стимулирующий характер и направленных на решение определенных задач, сокращение имеющейся недоимки по платежам в бюджет области, обеспечение проведения оценки эффективности предоставленных налоговых льгот и отмены неэффективных налоговых льгот, повышение объективности и качества бюджетного планирования, повышение эффективности распределения бюджетных средств, ответственного подхода к принятию новых расходных обязательств с учетом их социально-экономической значимости и обеспеченности стабильными доходными источниками.

С целью государственного регулирования фискального пространства применяют разнообразные инструменты, которые позволяют создавать запас прочности

финансовых ресурсов для дальнейшего перераспределения.

Так, важным для субъектов в санкционных условиях является, например, повышение финансовой устойчивости бюджетов субъектов, обеспечение импортозамещения, создание мощностей для промышленных и аграрных регионов, технологической модернизации с активным внедрением инновационных решений и налаживание производственных линий. Необходима ориентация на производство собственных технологических разработок, производство отечественного оборудования и так далее.

Таким образом, в современных условиях для успешной реализации бюджетной политики государства и обеспечения бюджетных поступлений необходимо эффективно использовать имеющиеся ресурсы и искать новые источники, наращивая финансовый потенциал.

Список источников

1. URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-fiskalnogo-prostranstva-v-mirovoy-praktike-i-ee-adaptatsiya-v-regionah-rossii/viewer>.
2. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации // URL://https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/public_debt_arch/internal/policy?id_4=117428-osnovnye_napravleniya_gosudarstvennoi_dolgovoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2017-2019_gg.
3. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации // URL://<https://minfin.gov.ru/ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

4. URL://https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54515433_61392342.pdf.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. URL://<http://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-kontseptsii-fiskalnogo-prostranstva-v-mirovoy-practice-ee-adaptatsiya-v-regionah-rossii/viewer>.

2. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation // URL://https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/public_debt_arch/internal/policy?id_4=117428-osnovnye_napravleniya_gosudarstvennoi_dolgovoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2017-2019_gg.

3. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation // URL://<https://minfin.gov.ru/ru/> (accessed: 01.04.2024).

4. URL://https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54515433_61392342.pdf.

5. Budget Code of the Russian Federation № 145-FZ dated July 31, 1998 // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

2. Буздалина О. Б., Бондаренко Н. О. Анализ концепции налоговых расходов бюджета и ее реализация в Российской Федерации // Финансовая жизнь. 2020. № 1. С. 113–116.

3. Буздалина О. Б. Новое в управлении налоговыми расходами в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2023. № 3. С. 116–122.

4. Гузь Н. А., Хамалинская В. В. Совершенствование системы управления государственным

долгом России // Управленческие науки в современном мире: сборник докладов научной конференции, Москва, 13–15 ноября 2019 года / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М. : Издательский дом «Реальная экономика», 2020. С. 133–138.

5. Дорофеев М. Л. Матрица эволюции государственного финансового регулирования экономики // Банковское дело. 2021. № 10. С. 14–20.

6. Косов М. Е. Фискальная децентрализация и циклическая корректировка баланса государственного (федерального) бюджета // Аудиторские ведомости. 2023. № 1. С. 67–71.

Bibliographic list

1. Tax Code of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».

2. Buzdalina O. B., Bondarenko N. O. Analysis of the concept of tax expenditures of the budget and its implementation in the Russian Federation // Financial life. 2020. № 1. P. 113–116.

3. Buzdalina O. B. New in the management of tax expenses in the Russian Federation // Audit statements. 2023. № 3. P. 116–122.

4. Guz N. A., Khamalinskaya V. V. Improving the public debt management system in Russia // Management sciences in the modern world: collection of reports of a scientific conference, Moscow, November 13–15, 2019 / Financial University at Government of the Russian Federation. M. : Publishing House «Real Economy», 2020. P. 133–138.

5. Dorofeev M. L. Matrix of the evolution of state financial regulation of the economy // Banking. 2021. № 10. P. 14–20.

6. Kosov M. E. Fiscal decentralization and cyclical adjustment of the balance of the state (federal) budget // Audit statements. 2023. № 1. P. 67–71.

Информация об авторе

О. Б. Буздалина – кафедра общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. B. Buzdalina – Department of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 336.132.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-193-197>

EDN: <https://elibrary.ru/kaagfz>

NIION: 2015-0066-4/24-082

MOSURED: 77/27-011-2024-04-281

Режимы государственного финансового регулирования реализации современной экологической повестки

Елена Владимировна Бурякова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

EVBuryakova@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена трем видам государственного финансового регулирования: налогового регулирования, неналогового регулирования и регулирования на финансовом рынке. Описываются инструменты государственного финансового регулирования всех трех режимов.

Ключевые слова: экологическая повестка, государственное финансовое регулирование, налог на добычу полезных ископаемых

Для цитирования: Бурякова Е. В. Режимы государственного финансового регулирования реализации современной экологической повестки // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 193–197. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-193-197>. EDN: KAAGFZ.

Original article

Regimes of state financial regulation of the implementation of the modern environmental agenda

Elena V. Buryakova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

EVBuryakova@fa.ru

Abstract. The article is devoted to three types of state financial regulation: tax regulation, non-tax regulation and regulation in the financial market. The instruments of state financial regulation of all three regimes are described.

Keywords: environmental agenda, government financial regulation, mining tax

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

For citation: Buryakova E. V. Regimes of state financial regulation of the implementation of the modern environmental agenda. Bulletin of economic security. 2024;(4):193–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-193-197>. EDN: KAAGFZ.

Экологическая повестка – это отношения по поводу формирования и использования финансовых ресурсов субъектов экономических отношений, направленные на улучшение экологической безопасности, предотвращение и минимизацию экологических рисков, снижение факторов, негативно влияющих на экологическую составляющую и направленные на поддержание высокого уровня устойчивого развития.

Реализацией экологической повестки, в первую очередь, занимается государство, применяя различные методы и инструменты реализации, задачи более узкой направленности спускаются на организации и домохозяйства. Но для реализации должно быть должное финансирование, поэтому государство занимается финансовым регулированием реализации экологической повестки.

Государственное финансовое регулирование – это финансовое воздействие государства на субъекты хозяйствования путем целенаправленного применения определенных форм и методов для влияния на макроэкономические процессы с целью управления ими [9]. Таким образом, государственное финансовое регулирование реализации экологической повестки – это финансовое влияние государства на бизнес и деятельность домохозяйств путем применения специфических инструментов и методов на осуществление мероприятий, связанных с достижением целей в сфере экологии.

У государства нет конкретной модели финансового сопровождения экологической повестки ввиду ее распространения на большой спектр областей. Экологическая повестка касается не только направления расходов

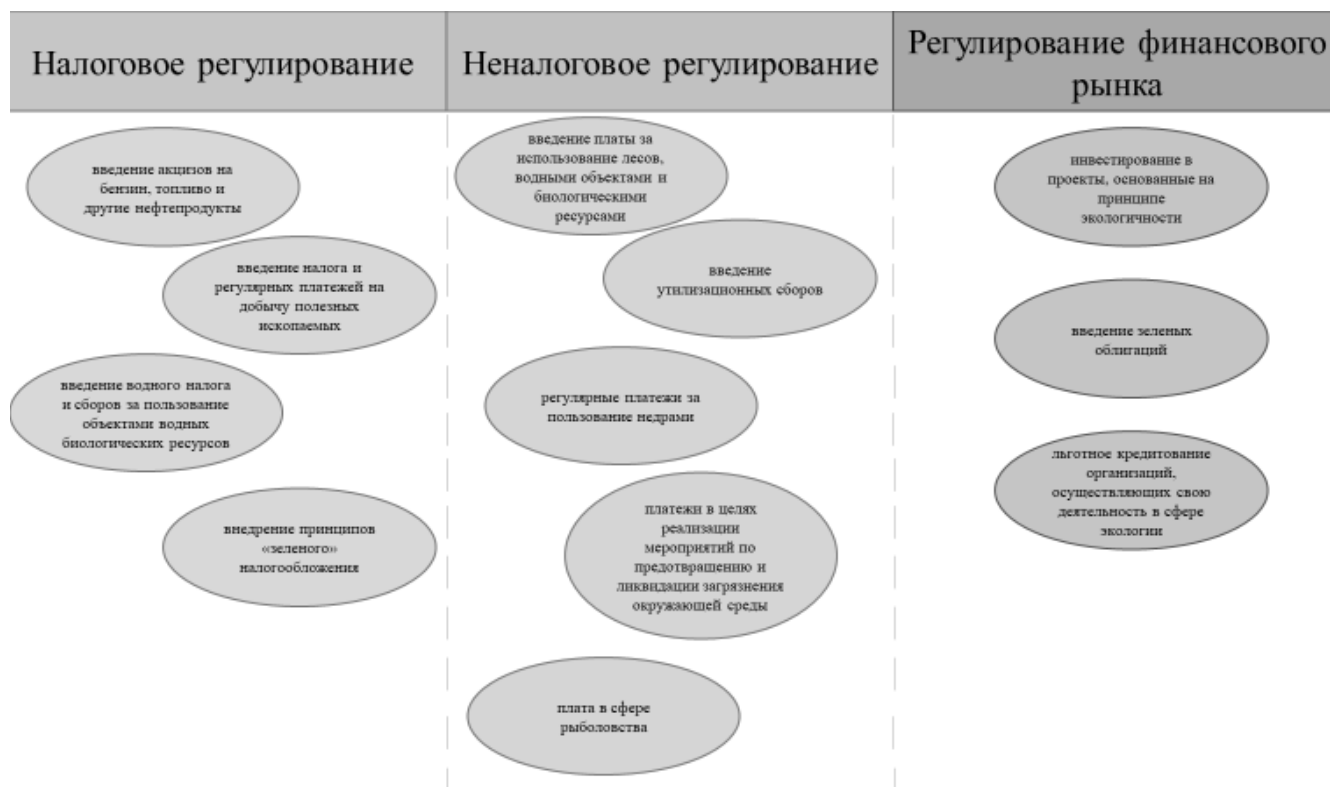

Рис. 1. Режимы государственного финансового регулирования реализации экологической повестки

«Экология», но и многих других, таких как «Социальная политика», «Национальная экономика», «Обслуживание государственного (муниципального) долга и др.

Помимо расходования средств на реализацию экологической повестки государство может пополнять доходную часть бюджета путем налогового, неналогового регулирования, а также путем регулирования финансового рынка, увеличивая источники финансирования дефицита бюджета. Иначе говоря, реализация экологической повестки осуществляется посредством бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики.

В рамках реализации экологической повестки государством введены налоги, связанные с использованием объектов биоресурсов и экосистемы, акцизы на бензин, дизельное топливо, углеводород и другие нефтепродукты.

Налог на добычу полезных ископаемых занимает самую большую долю налоговых доходов федерального бюджета. В 2020 году произошло резкое снижение доходов от НДПИ в связи со снижением цен на нефть и ослаблением рубля [8]. Помимо экономических факторов, повлиявших на снижение доходов по сравнению с 2019 годом почти на 2,5 трлн рублей, повлияло и период COVID-19, наступившего в марте 2020 года. Из-за низкой деловой активности и закрытием границ между государствами, экспорт нефтепродуктов снизился. Начиная со следующего года, доходность от НДПИ увеличилась и имеет положительную динамику. Также на повышенную доходность в 2022 году влияет переориентация экспорта нефтепродуктов на дружественные государства, так как с наступлением специальной военной операции экспорт нефти и газа существенно снизился.

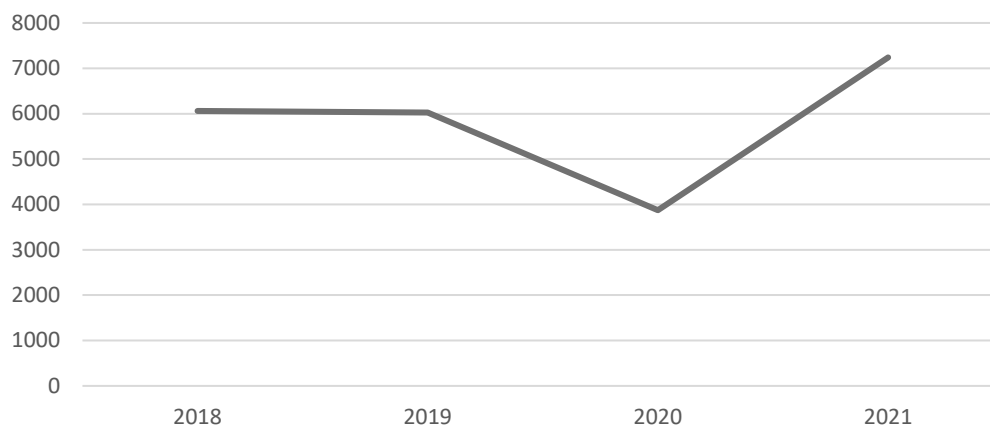

Рис. 2. Динамика доходов федерального бюджета от налога на добычу полезных ископаемых за 2018–2022 гг., млрд руб. [2; 3; 4; 5; 6]

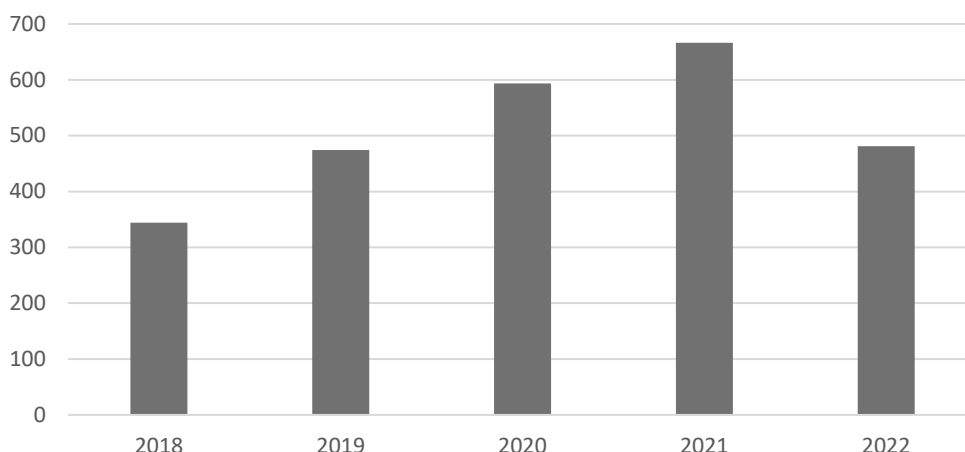

Рис. 3. Динамика доходов федерального бюджета от платежей при использовании природных ресурсов за 2018–2022 гг., млрд руб. [10]

На основе федеральных законов об исполнении федерального бюджета за 2018–2022 годы доходы от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами являлись самой крупной долей доходов федерального бюджета, кроме 2020 года. Тогда наибольшую долю занимал блок налогов на товары и услуги, реализуемые на территории государства.

Неналоговое регулирование присуще бюджетной политике, туда входит плата за пользование недрами, биоресурсами, водоемами и лесов. Также платежи за утилизационные сборы относятся к виду неналогового регулирования реализации экологической повестки, туда же входит плата за рыболовство и платежи, направленные на минимизацию и борьбу с загрязнением окружающей среды. В 2022 году платежи за пользование природными ресурсами являются третьим разделом по величине неналоговых доходов, составляя 481 млрд рублей.

Неналоговыми доходами являются доходы от продажи или сдачи в аренду государственной собственности, сборы, штрафы, таможенные пошлины и т. д. Неналоговыми доходами, регулирующими реализацию экологической повестки, являются плата за негативное воздействие на окружающую среду; использование лесов; пользование водными объектами, находящимися в государственной собственности; пользование недрами.

Данные инструменты способствуют домохозяйствам и организациям снижать свое пользование природными ресурсами, нисущее негативное влияние. Например: переход на инновационное оборудование с наименьшим негативным влиянием на окружающую среду; рациональное использование природных ресурсов для своей деятельности; сохранение первоначального биоразнообразия и качества экосистем.

К бюджетным методам относится предоставление межбюджетных и социальных трансфертов; предостав-

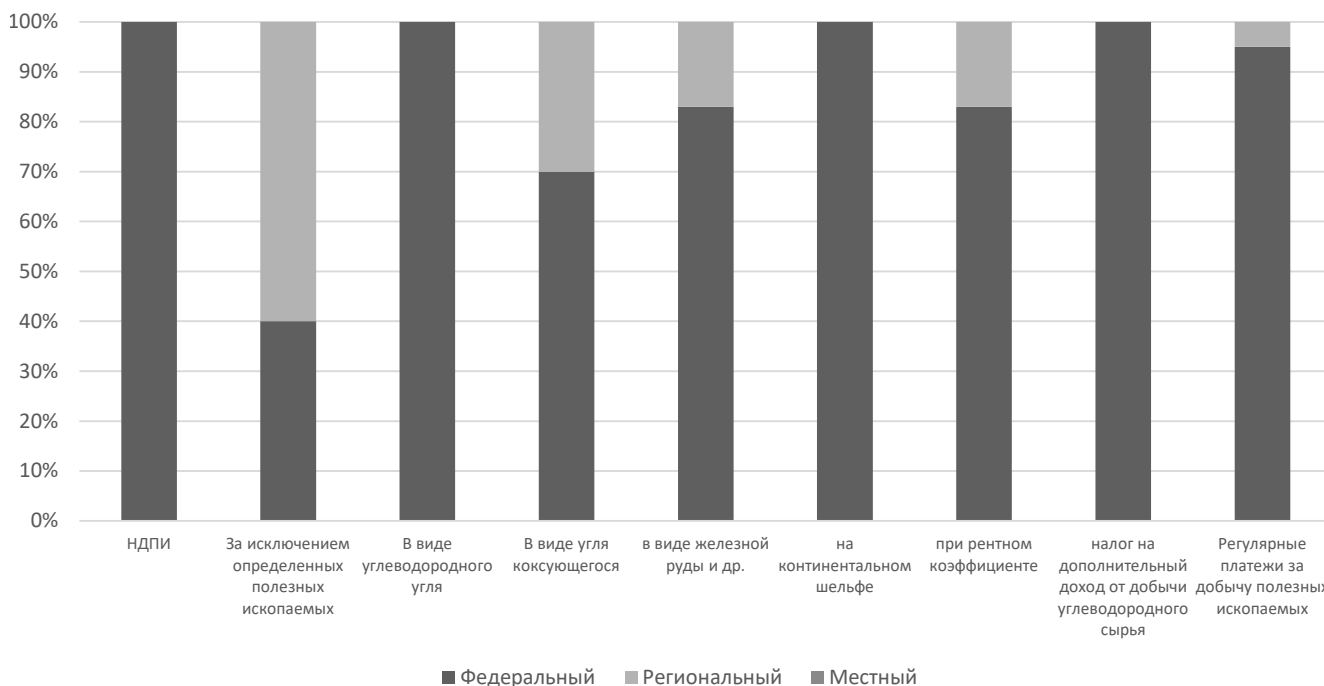

Рис. 4. Долевая доходность от НДПИ по уровням власти [1]

ление бюджетных средств в виде бюджетных кредитов, грантов, государственных гарантий; финансирование бюджетных учреждений, предоставляющих бесплатные услуги. Бюджетные методы относятся к деятельности бюджетной политики – это крупная составная часть финансовой политики, направленная на решение социально-экономических задач государства и определяющая организацию финансовых отношений, структуру доходов, расходов, поступлений и накоплений средств в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации.

За период 2018–2022 годов пик доходности от платежей при использовании природных ресурсов приходится на 2021 год, где доходность составляет 666,5 млрд рублей. На протяжении 4 лет наблюдается рост доходности по данному разделу, однако в 2022 году доходность упала почти на 200 млрд рублей.

На основании Бюджетного кодекса была составлена таблица налоговых и неналоговых доходов на всех уровнях власти, которые влияют на экологическую повестку (Приложение). Налоги, сборы и акцизы в большинстве случаев имеют долевого характер относительно уровня власти. Рассматривая налог на добычу полезных ископаемых, наблюдаются различные виды НДПИ:

- в виде углеводородного угля;
- в виде угля коксующегося;
- в виде железной руды и других видов руды;
- налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья;
- на континентальном шельфе;
- при рентном коэффициенте.

Почти каждый вид налога на добычу полезных ископаемых делится по уровням власти. Доходность от обычного налога на добычу полезных ископаемых приходится только на федеральный бюджет, как и доход от налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного угля; налога на добычу полезных ископаемых на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, за пределами территории Российской Феде-

рации; а также от налога на дополнительный доход от добычи углеводородного угля.

Доходность от налога на добычу полезных ископаемых распространяется только на федеральный и региональный уровень, в местные бюджеты данный налог не входит.

Сборы также распространяются только на федеральный и региональный уровень. 20 % доходов от сборов за пользование объектами водных биологических ресурсов поступает в федеральный бюджет, а большая часть (80 %) принадлежит бюджетам субъектов Российской Федерации. Сбор за участие в конкурсе на право пользования участками недр местного значения относится только к региональному уровню.

К местным бюджетам в основном относятся налоговые доходы, косвенно влияющие на реализацию экологической повестки. Большая часть доходов приходится от неналоговых доходов, а именно платы от пользования лесами, участками местного значения, а также 60 % от платы за негативное влияние на окружающую среду, остальная часть идет в региональные бюджеты.

Помимо налогово-бюджетной модели регулирования существует регулирование финансового рынка. В рамках государственного финансового регулирования осуществляется денежно-кредитная политика. Денежно-кредитная (монетарная) политика взаимодействует с финансовой политикой путем регулирования ключевой ставки, предоставления кредитов, управления курсом валют, осуществления эмиссии денежной массы, регулирования валютным рынком.

Финансовый рынок можно разделить на четыре части по видам финансовых инструментов: рынок ценных бумаг, кредитный рынок, валютный рынок и страховой рынок. Финансовыми инструментами на рынке ценных бумаг являются долговые, долевого и прочие виды ценных бумаг. На российском финансовом рынке преобладает доля облигаций. Кредитный рынок состоит из кредитов, займов, отсрочек и рассрочек платежей. Валютный рынок содержит валютные ценности, в

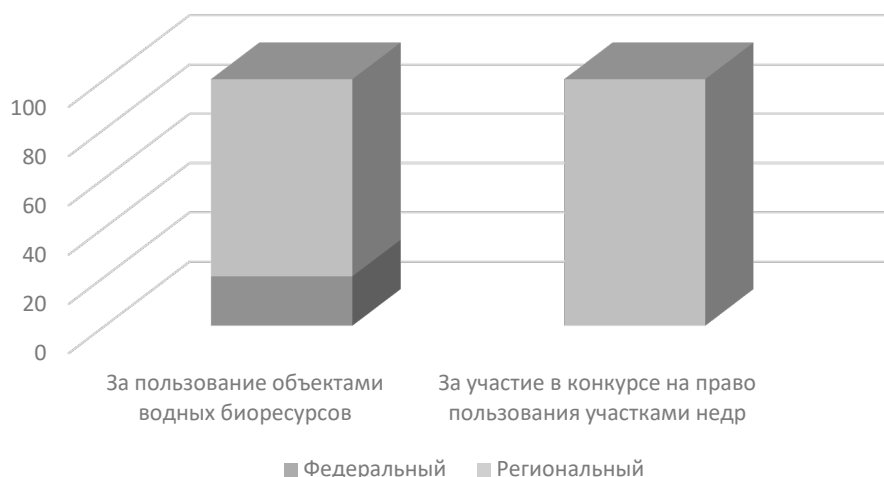

Рис. 5. Долевая доходность от сборов, влияющих на реализацию экологической повестки [1]

том числе драгоценные камни и драгоценные металлы. На страховом рынке финансовыми инструментами являются страховые услуги.

Актуальным инструментом денежно-кредитной политики является переход на зеленую экономику. Тем самым, на рынке ценных бумаг появился новый вид ценных бумаг – зеленые облигации. Зеленая облигация – это долговая ценная бумага, которая имеет фиксированный доход, но она основывается на финансировании экологических проектов (ответственное инвестирование – учет экологических, социальных и экологических факторов). Другими словами, инвесторы, вложившиеся в данный вид ценных бумаг, направляет свою деятельность на достижение целей и задач экологической повестки. Впервые выпуск ценных бумаг произошел в 2007 году для создания иных источников энергосбережения и для энергоэффективности. С 2013 года использование зеленых облигаций приобрело высокий спрос, следственно, увеличилась эмиссия зеленых облигаций. Эмитентами зеленых облигаций являются вышестоящие органы государственной власти и местного самоуправления, банки развития, корпорации и другие.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31 июля 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон № 332-ФЗ от 16 октября 2019 г. «Об исполнении федерального бюджета за 2018 год» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон № 314-ФЗ от 15 октября 2020 г. «Об исполнении федерального бюджета за 2019 год» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон № 361-ФЗ от 25 октября 2021 г. «Об исполнении федерального бюджета за 2020 год» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон № 249-ФЗ от 14 июля 2022 г. «Об исполнении федерального бюджета за 2021 год» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон № 329-ФЗ от 24 июля 2023 г. «Об исполнении федерального бюджета за 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, Министерство финансов Российской Федерации, 2023.

Информация об авторе

Е. В. Бурякова – ассистент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

E. V. Buryakova – Assistant of the Department of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 12.09.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 12.09.2024.

8. Бечелова Л. Р., Карацуклова Л. А. Анализ налоговых доходов федерального бюджета РФ за 2016–2020 годы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-1 (74).

9. Финансы : учебник / коллектив авторов ; под ред. Е. В. Маркиной. 2-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2014. 432 с. (Бакалавриат).

10. Официальный сайт Электронный бюджет // URL://<https://budget.gov.ru/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0?regionId=45000000> (дата обращения: 09.04.2024).

Bibliographic list

1. Budget Code of the Russian Federation № 145-FZ of July 31, 1998 // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law № 332-FZ of October 16, 2019 «On the Execution of the Federal Budget for 2018» // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law № 314-FZ of October 15, 2020 «On the Execution of the Federal Budget for 2019» // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal Law № 361-FZ of October 25, 2021 «On the Execution of the Federal Budget for 2020» // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law № 249-FZ of July 14, 2022 «On the Execution of the Federal Budget for 2021» // LRS «ConsultantPlus».
6. Federal Law № 329-FZ of July 24, 2023 «On the Execution of the Federal Budget for 2022» // LRS «ConsultantPlus».
7. The main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2024 and for the planning period 2025 and 2026, Ministry of Finance of the Russian Federation, 2023.
8. Bechelova L. R., Karatsukova L. A. Analysis of tax revenues of the federal budget of the Russian Federation for 2016–2020 // Journal of Economy and Business, 2021. № 4-1 (74).
9. Finance: textbook / ed. E.V. Markina. 2nd ed., stereotype. M. : KNORUS, 2014. 432 p.
10. The official site Electronic budget // URL://<https://budget.gov.ru/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0?regionId=45000000> (accessed: 09.04.2024).

Научная статья

УДК 31:33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-198-204>

EDN: <https://elibrary.ru/kalupv>

ИДОН: 2015-0066-4/24-083

MOSURED: 77/27-011-2024-04-282

Статистическая оценка негативных последствий внешней миграции

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

skad71@mail.ru

Аннотация. В научной статье затрагивается один из наиболее болезненных вопросов межгосударственных отношений, связанных с перемещением людей через административные границы страны для временного проживания с целью заработать средства для существования. Предметом рассмотрения данного явления как объекта статистического исследования выступила количественная оценка закономерностей и тенденций изменения показателя количества преступлений, совершенных внешними мигрантами.

Ключевые слова: внешняя миграция, миграционное пополнение, преступность мигрантов, прикладная статистика

Для цитирования: Дианов Д. В. Статистическая оценка негативных последствий внешней миграции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 198–204. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-198-204>. EDN: KALUPV.

Original article

Statistical assessment of the negative effects of external migration

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

skad71@mail.ru

Abstract. The scientific article touches upon one of the most painful issues of interstate relations related to the movement of people across the administrative borders of the country for temporary residence in order to earn a living. The subject of consideration of this phenomenon as an object of statistical research was the quantitative assessment of patterns and trends in the indicator of the number of crimes committed by external migrants.

Keywords: external migration, migration replenishment, migrant crime, applied statistics

For citation: Dianov D. V. Statistical assessment of the negative effects of external migration. Bulletin of economic security. 2024;(4):198–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-198-204>. EDN: KALUPV.

Введение

Миграция выступает неотъемлемым элементом в системе демографических явлений, оказывающим влияние на социальные, политические, экономические, культурные и иные сферы жизнедеятельности населения. Высокая значимость миграционных потоков для различных аспектов жизнедеятельности общества объективно обуславливает специфику природы и масштабов последствий преступности, исходящей от миграционного явления, что закономерно представляет угрозу общей национальной безопасности.

Актуальность всестороннего, под призмой многих отраслей общественных наук, изучения механического

движения населения преувеличить невозможно. В данной статье речь идет о внешней миграции, как факторе, влияющем, и даже, определяющем отдельные социальные и экономические процессы, так и явления, предопределяемом этими самыми факторами, современными условиями воспроизводства и общественными отношениями.

Ситуация с внешними миграционными потоками обладает отличительной особенностью, заключающейся в неоднозначности: несмотря на значительное влияние миграции на криминогенную обстановку, ее (миграцию) нельзя однозначно оценивать как негативное явление, поскольку внешние мигранты оказывают вос-

требуемое экономикой страны положительное влияние на различные сферы экономической деятельности, в результате чего данное демографическое явление вызывает повышенное внимание со стороны экономистов, политологов, социологов и иных специалистов в различных областях.

Миграция рассматривается демографами как социальная категория, отражающая, можно сказать, «популяционный» аспект механического движения населения в составе общего его прироста, наряду с естественным движением населения: рождаемостью и смертностью. Как экономическая категория, миграция представляет собой экономическое явление, основным мотивом которого является поиск нового места трудоустройства и улучшения своего экономического благосостояния.

Характерной особенностью, и даже, признаком динамично растущей экономики, саморазвивающейся экономической системы, служит востребованность мигрантов, потребность в них для «латания» тех незанятых вакансий, которыми начало «брезговать» постоянное население конкретных территорий в силу, как относительно тяжелых условий труда, так и низкой оплаты этого труда.

Следующая ступень – мощная, и одновременно стабильная и, даже гарантированная и надежно защищенная от краха экономика, характеризуется не просто привлечением рабочей силы в широком ее понимании из среды мигрантов массово, а созданием условий для того, чтобы заинтересовать зарубежных высококвалифицированных специалистов, количество которых ограничено ввиду обладания ими способностями, которые даны «не каждому», и даже, талантливых ученых и «виртуозов» высокотехнологичных сфер и естествознания. Здесь речь, уже не о медсестрах, а о непревзойденных врачах, и даже, «светилах» медицины; не о портнихах, а о «законодателях» моды и производства одежды; не об автомеханиках в шин-монтажах, а об инженерах «полета» самых последних достижений науки в их предметно-отраслевой области. Очевидно, что Россия только готовится к этой ступени, но готовится не желаниями и декларациями, а масштабными экономическими программами, стратегиями развития, конкретными действиями, и главное, достигаемыми целями.

Если российская экономика сегодня характеризуется привлечением малоквалифицированных тружеников, то тем самым можно говорить о воздействии, и даже существенном, на рынок труда с его конкуренцией и безработицей; о масштабном участии трудовых ресурсов из внешних источников в производстве, создании ими стоимости, составляющей валовой внутренний продукт. Этим приведен пример рассмотрения внешней миграции как фактора, и социальной напряженности, и реального вклада зарубежных тружеников в производство продуктов и услуг на экономической территории России.

Безусловно, в рамках одной статьи, невозможно не только рассмотреть все направления влияния миграции

на экономику и социальную напряженность, будь оно положительное, либо негативное, но даже и перечислить их. Рассмотрим наиболее радикальный отрицательный «вклад» внешних мигрантов в жизненный уклад российского общества, а именно то ее проявление, которое принято называть преступностью мигрантов.

Преступления в сфере миграции достаточно обширны, поскольку на сегодняшний день нередки случаи присутствия иностранных граждан и лиц без гражданства в таких сферах, как строительная, оказания услуг, транспорта и многих других. Общемировой же тренд таков, что влияние данного явления на состояние и тенденции преступной деятельности выражается в совершении экстремизма и террористической деятельности, незаконного оборота оружия и наркотических средств, а также торговли людьми и криминальной эксплуатации человека, что говорит о транснациональном характере данных видов преступлений.

Учитывая современные условия глобализации, а также тот факт, что миграция является благоприятной средой для роста преступности, необходимо иметь полное представление об актуальных и потенциальных угрозах национальной безопасности, исходящих от внешних миграционных потоков, а для определения уровня ущерба, нанесенного национальной безопасности, необходимо оценить влияние миграции на состояние преступности в Российской Федерации.

В данной статье непосредственно в качестве объекта анализа принята преступность мигрантов. И здесь, для уточнения границ объекта исследования следует развести понятия преступности мигрантов и миграционной преступности. Мигранты, зачастую становятся участниками, а правильнее сказать даже фигурантами, а подчас и потерпевшими, в различных схемах преступлений, о чем иной раз, в лучшем случае догадываются, а то и вообще не ведают. Будучи «далекими» от неопостижимых для них процедур соблюдения российского трудового законодательства, люди из миграционного контингента «нанимаются» на работу, например, в сферу ЖКХ, что стало приглядной картиной для местного российского, особенно городского населения, на условиях наличной оплаты. Совершенно очевидно, что речь идет о реализации одной из самых распространенных схем прикармливания должностными лицами и управляющими компаниями части оплаты труда этих людей, что крайне цинично и неприемлемо для России ввиду того, что это просто бессовестная эксплуатация людей, крайне нуждающихся в средствах для выживания и приехавших зарабатывать добросовестно. Таким образом, понятие миграционной преступности значительно шире, нежели преступность мигрантов, которая ограничивается критерием статуса личности преступника, а именно статуса внешнего мигранта.

Данная статья акцентирована на количественную оценку закономерностей и тенденций обозначенного явления, то есть преступности внешних мигрантов, ко-

торая представлена показателем количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Именно этот показатель взят качестве результативного (Y). Методологическим инструментарием выступают статистические и эконометрические методы: анализа первичных характеристик рядов динамики, динамического регрессионного моделирования, аналитического выравнивания, прогнозирования трендов. В табл. 1 представлены показатели, как преступности

внешних мигрантов, так и социального и экономического развития России.

Из представленных данных следует, что показатель выбывших в другие страны ежегодно снижается на 757,1 ед. или на 0,62 % ежегодно. При этом, выполненные расчеты показывают абсолютное значение 1 % прироста, равное 1206,74 ед. Наибольший абсолютный прирост преступлений мигрантов наблюдался в 2013 году. Данный факт обуславливается тем, что

Таблица 1

Общероссийская динамика показателей экономики и преступности внешних мигрантов

Годы	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	Среднегодовая численность безработных, тыс. чел.	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Производство сельского хозяйства, млрд. руб.;	Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	Оборот розничной торговли, млрд. руб.	Прибывшие из зарубежных стран, чел.	Выбывшие в другие страны, чел.	Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства	Фактор времени
	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	Y	t
2011	71 901	1 286	16 525	3 098 743	62 265	37 670	356 535	36 774	126 266	1
2012	72 198	1 175	18 450	3 160 307	65 742	40 237	417 681	122 751	122 124	2
2013	72 176	991	20 413	3 458 286	70 485	42 368	482 241	186 382	135 694	3
2014	72 081	901	21 838	4 031 064	84 191	45 826	590 824	310 496	131 772	4
2015	72 425	942	23 759	4 794 615	85 350	50 432	598 617	353 233	140 188	5
2016	72 065	948	23 069	5 112 356	80 240	52 038	575 158	313 210	128 319	6
2017	71 843	835	23 679	5 109 475	79 224	53 971	589 033	377 155	119 625	7
2018	71 562	734	24 696	5 348 803	75 658	57 195	565 685	440 831	112 892	8
2019	71 065	692	26 602	5 801 410	82 042	61 973	701 234	416 131	102 173	9
2020	69 550	1 732	28 126	6 468 834	82 185	63 203	594 146	487 672	101 214	10
2021	70 818	1 775	30 297	7 672 903	92 560	74 836	667 922	238 020	107 152	11
2022	71 217	671	35 493	8 563 466	102 713	86 784	730 347	668 430	117 938	12

Таблица 2

Расчет уровневых характеристик ряда динамики «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства»

Годы	Y	Абсолютный прирост, ед.		Коэффициент роста		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение 1 % прироста
		Цеп.	Баз.	Цеп.	Баз.	Цеп.	Баз.	Цеп.	Баз.	
2011	126 266	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2012	122 124	-4142	-4142	0,9672	0,9672	96,72	96,72	-3,28	-3,28	1262,66
2013	135 694	13570	9428	1,1111	1,0747	111,11	107,47	11,11	7,47	1221,24
2014	131 772	-3922	5506	0,9711	1,0436	97,11	104,36	-2,89	4,36	1356,94
2015	140 188	8416	13922	1,0639	1,1103	106,39	111,03	6,39	11,03	1317,72
2016	128 319	-11869	2053	0,9153	1,0163	91,53	101,63	-8,47	1,63	1401,88
2017	119 625	-8694	-6641	0,9322	0,9474	93,22	94,74	-6,78	-5,26	1283,19
2018	112 892	-6733	-13374	0,9437	0,8941	94,37	89,41	-5,63	-10,59	1196,25
2019	102 173	-10719	-24093	0,9051	0,8092	90,51	80,92	-9,49	-19,08	1128,92
2020	101 214	-959	-25052	0,9906	0,8016	99,06	80,16	-0,94	-19,84	1021,73
2021	107 152	5938	-19114	1,0587	0,8486	105,87	84,86	5,87	-15,14	1012,14
2022	117 938	10786	-8328	1,1007	0,9340	110,07	93,40	10,07	-6,60	1071,52

Таблица 3

Оценка средних характеристик ряда динамики «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства»

$\bar{y}$	$\bar{\Delta}$	$\bar{Kp}$	$\bar{Tp}$	$\bar{TpP}$	$\bar{\Delta}(1\%)$
120446,42	-757,09	0,9938	99,38%	-0,62%	1206,74

многие из иностранных граждан начали очень быстро лишаться мест работы ввиду мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. и, соответственно, мест проживания, так как платить было нечем. В результате, оставшись без денежных средств, необходимых для существования, и возможности вернуться на родину, иностранные граждане прибегали к совершению преступных деяний, в частности тяжких.

Высокое значение абсолютного прироста данного показателя в 2022 году характеризуется началом специальной военной операции на освобождаемых российских территориях. Факт прироста напрямую связан с данным событием, так как начало таких действий, как СВО, всегда сопровождается началом усиления деятельности правоохранительных органов, что неизбежно приводит к пополнению контингента выявленных участников преступлений, и внешние мигранты по своему относительному приросту, как правило, открывают этот самый список. Стоит отметить, что и в только минувший период 2020–2021 гг., который запомнится проявлением коронавирусной инфекции COVID-19, характеризуется активизацией органов исполнительной власти, в том числе органов внутренних дел, в части соблюдения и укрепления общественного порядка. Однако упомянутый «список» наоборот, видится совсем немногочисленным в «ковидные» годы, причем наименьшим за весь изучаемый, более чем десятилетний период: общество жило, словно «в прозрачных стеклах», обзор со стороны правоохранителей был повсеместный.

Для установления закономерностей и тенденций формирования показателя количества преступлений, совершенных внешними мигрантами, построим динамическую регрессионную модель, ниже, в табл. 4, представлен фрагмент протокола машинной обработки массива исходных данных.

При изменении в большую сторону показателя «среднегодовая численность занятых» на 1 тыс. чел., результирующий показатель количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, увеличивается на 0,63 ед., или на 0,38 % при росте занятых на один процент. Отметим, что изменение практически нулевое, и тем не менее, связь между занятостью и преступностью мигрантов положительная, и скорее, индикативная, а возможно просто экстенсивная. Это означает, что рост занятости свидетельствует о повышении спроса на рабочую силу вообще, а это увеличивает шансы приезжих тружеников на трудоустройство и показатель внешнего миграционного пополнения также растет. Стало быть, возрастает и количество лиц, которые потенциально могут отметиться в выше упомянутом «списке». Однако, спрос на рабочую силу, о котором мы говорим, касается именно трудовых мигрантов, которые едут в нашу страну именно трудиться. Этим и объясняется то, что рост преступности мигрантов при увеличении количества занятых трудовых ресурсов столь ничтожно малый.

Рост числа безработных сопровождается резким снижением числа преступлений, совершенных внеш-

Таблица 4

Регрессионная статистика для результирующего показателя

Регрессионная статистика			
Множественный R	0,998493185		
R-квадрат	0,99698864		
Наблюдения	12		Эластичность, %:
	Коэффициенты	t-статистика	$\varepsilon_i = b_i \cdot \frac{\hat{x}_i}{\hat{y}}$
Y-пересечение	85028,81484	0,36333256	-
Переменная X 1	0,63711124	2,202144328	0,38
Переменная X 2	-41,61810933	-3,945743312	-0,37
Переменная X 3	12,84557595	6,502936998	2,60
Переменная X 4	0,024607212	4,607265518	1,07
Переменная X 5	1,42218099	2,884236122	0,95
Переменная X 6	-6,630714788	-6,71009872	-3,06
Переменная X 7	0,211412387	4,105492325	1,01
Переменная X 8	-0,107855304	-3,834666412	-0,29
Переменная t-фактор времени	391,8043114	0,191073522	-

ними мигрантами: при пополнении числа безработных на одну тысячу человек резульативный показатель снижается более чем на 40 преступлений, а в относительном измерении: при росте безработных на 1 % число преступлений, совершенных иностранными гостями, снижается примерно на 0,37 %. Данный факторный показатель при своем увеличении свидетельствует о повышении конкуренции на рынке труда, а, следовательно, уменьшении шансов мигрантов на трудоустройство, что предопределяет снижение их численности на территории Российской Федерации, а значит и показатель числа преступлений, совершенных внешними мигрантами, неизбежно снижается.

Доходы населения, как следует из построенной модели динамической регрессии, выступают наиболее значимым, в наибольшей степени определяющим рост числа преступлений, совершенных приезжими из зарубежья: рост среднедушевых месячных доходов на 1 % сопровождается увеличением показателя преступности мигрантов на 2,6 %, а такое высокое по модулю значение является большой редкостью в математической статистике. Каждая тысяча рублей увеличения среднедушевых доходов за месяц притягивает «как магнит» преступников из миграционной среды, желающих пополнить свое благосостояние за счет чужих местных кошельков, что увеличивает резульативный показатель на 12 845 преступлений за год в среднем по стране.

При изменении показателя «продукция сельского хозяйства» количество преступлений, совершенных мигрантами увеличивается, но реакция резульативного показателя столь мала, что ей можно просто пренебречь. Тем не менее, вариантов объяснения положительной связи может быть несколько. Во-первых, рост продукции отечественного сельского хозяйства меняет традиционные торговые схемы, которые десятилетиями реализовывались внешними мигрантами. То есть, привоз собственной сельхозпродукции и ее реализация на колхозно-кооперативных рынках, ярмарках и прочих торговых площадках так называемого частного сектора, меняется банальной скупкой продукции российских сельхозпроизводителей, чтобы выдавать ее за привезенную. Подчас согласие на это отечественных сельхозпроизводителей сопряжено применением к ним незаконных, и даже насильственных действий со стороны внешних мигрантов. Во-вторых, не исключаются и иные способы устранения конкурентов, и в-третьих, увеличение количества продукции собственного производства в данном секторе естественным образом вытесняет часть

мигрантов, неспособных конкурировать с растущим аграрно-промышленным комплексом страны: конкуренция на рынке сельхозпродукции вытесняет самих внешних мигрантов, что также побуждает их пополнять свой бюджет преступными действиями на территории России.

При изменении показателя «ввод в действие жилых домов» на 1 тыс. м², происходит увеличение анализируемого показателя преступности мигрантов на 1–2 преступления в год. Причинно-следственная связь данной зависимости имеет некоторую вариативность, где изначально стоит исходить из абсолютного количества иммигрантов. С одной стороны, рост числа приезжих вызывает у них же потребность в осуществлении индивидуального строительства, включенного в расчет показателя «ввод в действие жилых домов», с другой стороны, рост числа приезжих может быть вызван именно ростом числа введенных в эксплуатацию жилых домов и стремлением мигрантов к улучшению условий проживания. Однако данная вариативность сводится к единому целому, иммигранты сталкиваются с проблемой недостатка денежных средств, как в части, касающейся приобретения готовых объектов строительства, так и в части индивидуального строительства, в результате чего у приезжих ухудшается положение, что подталкивает их на совершение преступлений, в целях получения денежных средств. Кроме того, ввод в действие жилых домов означает потенциальное возникновение новых рабочих мест в сфере расширяющегося ЖКХ, где преобладает внешний миграционный контингент.

При изменении оборота розничной торговли на 1 млрд руб., показатель преступности внешних мигрантов снижается, вопреки тенденций, наблюдавшихся в нулевые годы. Прозрачность учета, его автоматизация и цифровизация, перекрыли пути не только для уклонения от налогообложения посредством сокрытия доходов и проведения операций «мимо кассы», но и вброса на рынок контрафактной, некачественной, контрабандной и иной сомнительной продукции.

Что касается показателей непосредственно механического движения населения: X7 и X8 – то они объективно находятся в связи с преступностью внешних мигрантов экстенсивного характера. Прибытие в Россию каждой тысячи человек из зарубежья сопровождается ростом числа преступлений, совершенных мигрантами, на 211 ед. в среднем за год. Аналогично, в обратном направлении, следует интерпретировать и показатель выезда мигрантов за пределы территории нашей страны.

Таблица 5

Общероссийский прогноз признаков-факторов, включенных в модель динамической регрессии

Год	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	t
2023	70 430	509	34 209,3	663 186	68 963 552	8 614 535	95 050,03	83 447,9	24
2024	70 024	453	35 779,0	729 291,5	74 429 875	9 252 274	96 874,88	88 333	25
2025	69 560	419	37 354,5	798 682	80 120 292	9 915 005	98 608,93	93 343,5	26

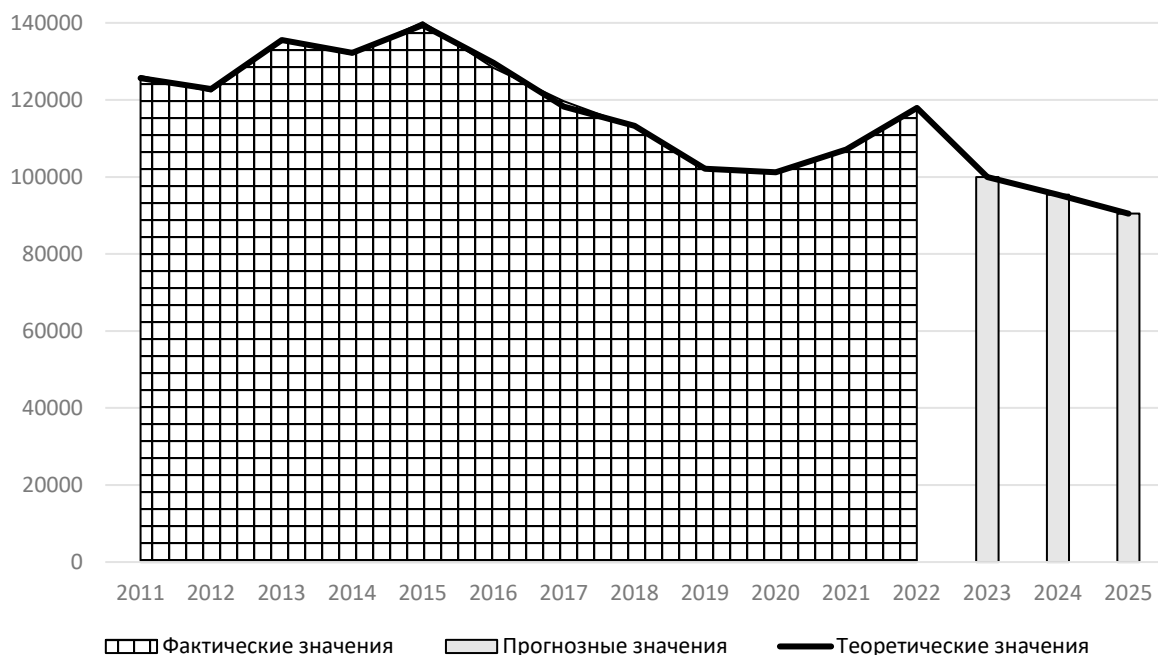

Рис. 1. Общероссийская динамика показателя «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства»

Ранее, в исследованиях миграции нами детально исследовалась динамика определяющих ее факторов, что привело к получению следующих прогнозных значений, представленных в табл. 5.

Подстановка прогнозных значений признаков-фактор в полученную нами модель динамической регрессии приводит к получению следующей прогнозной оценки количества преступлений, совершенных внешними мигрантами, на 2023 год:

$$\hat{Y}_1(X_1-X_8, t) = 85028,81 + 0,6371 * X_{1пр2023} + (-41,62) * X_{2пр2023} + 12,85 * X_{3пр2023} + 0,0246 * X_{4пр2023} + 1,4222 * X_{5пр2023} + (-6,631) * X_{6пр2023} + 0,2114 * X_{7пр2023} + (-0,1079) * X_{8пр2023} + 391,8 * t_{пр2023} = 99\,950 \text{ преступлений.}$$

Аналогично, получен прогноз на 2024 и 2025 гг.: 95 357 и 90 461 преступлений. Наглядно результаты прогнозирования представлены на графике рис. 1.

Как видим, несмотря на временное незначительное увеличение показателя преступности мигрантов в 2022 году, прогнозируется развитие тенденции к снижению данного негативного явления. Уже в 2024 году показатель должен преодолеть отметку, которая не наблюдалась ни разу за весь исследуемый период. Этому способствует, как отмечалось выше, нарастающая прозрачность учетных систем относительно экономических операций, обстановка в социальной сфере, работа органов внутренних дел, маневренность которых существенно повысилась за последние годы.

Библиографический список

1. Довгулева Н. А. Миграция населения как демографический ресурс // Актуальные исследования. 2023. № 52-2 (182). С. 68–71.
2. Карманов М. В., Киселева И. А., Кузнецов В. И., Трамова А. М. Актуальные проблемы измерения мигра-

ционной безопасности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 5 (115). С. 116–124.

3. Климова Д. В. Миграционная безопасность: угрозы и вызовы современности (на примере республики Крым) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1. С. 135–137.

4. Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства : монография. М. : Юнити-Дана, 2022. 303 с.

5. Лузянина Е. Ю., Наговицына В. П., Котанджян А. В. Миграция населения и ее влияние на экономическую безопасность Кировской области // Вектор экономики. 2023. № 11 (89).

6. Мирзоев Г. Б. Миграционная безопасность: современное состояние и меры по ее укреплению // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 3 (70). С. 5–7.

7. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 356–360.

8. Шевченко К. С., Сергеичева И. А. Миграция населения и анализ деятельности ГУ МВД России по вопросам миграции по Челябинской области // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 2. № 1 (36). С. 66–70.

Bibliographic list

1. Dovguleva N. A. Migration of the population as a demographic resource // Actual research. 2023. No. 52-2 (182). P. 68–71.
2. Karmanov M. V., Kiseleva I. A., Kuznetsov V. I., Tramova A. M. Actual problems of measuring migration

security // Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 5 (115). P. 116–124.

3. Klimova D. V. Migration security: threats and challenges of modernity (on the example of the Republic of Crimea) // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2023. No. 23-1. P. 135–137.

4. Kuznetsova E. I. Economic security and competitiveness. Formation of the economic strategy of the state : monograph. M. : Unity-Dana, 2022. 303 p.

5. Luzyanina E. Yu., Nagovitsyna V. P., Kotanjyan A. V. Migration of the population and its impact on the economic security of the Kirov region // Vector of Economics. 2023. No. 11 (89).

6. Mirzoev G. B. Migration security: the current state and measures to strengthen it // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2023. No. 3 (70). P. 5–7.

7. Troyanskaya M. A. Migration of the population: concept, types and significance for territories // Azimuth of scientific research: economics and management. 2021. Vol. 10. No. 2 (35). P. 356–360.

8. Shevchenko K. S., Sergeicheva I. A. Population migration and analysis of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia on migration issues in the Chelyabinsk region // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region. 2022. Vol. 2. No. 1 (36). P. 66–70.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 19.06.2024.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 338.054.23

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-205-209>

EDN: <https://elibrary.ru/pgkdlk>

NIION: 2015-0066-4/24-084

MOSURED: 77/27-011-2024-04-283

Значение искусственного интеллекта при выявлении следов преступлений в экономике

Ангелина Федоровна Дятлова¹, Марина Владимировна Свирина², Людмила Валерьевна Шманева³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ angelina09_63@mail.ru

² svirimarina@yandex.ru

³ shmaneva_luda@mail.ru

Аннотация. Рассматривается процесс развития информационных технологий с точки зрения повышения уровня выявления преступлений в сфере экономики. Предлагаются возможные варианты использования искусственного интеллекта в информационно-аналитической деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в сфере предотвращения экономической преступности с целью повышения их эффективности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, базы данных, экономические преступления, коррупция, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции

Для цитирования: Дятлова А. Ф., Свирина М. В., Шманева Л. В. Значение искусственного интеллекта при выявлении следов преступлений в экономике // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 205–209. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-205-209>. EDN: PGKDLK.

Original article

The importance of artificial intelligence in detecting traces of crimes in the economy

Angelina F. Dyatlova¹, Marina V. Svirina², Lyudmila V. Shmaneva³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ angelina09_63@mail.ru

² svirimarina@yandex.ru

³ shmaneva_luda@mail.ru

Abstract. The process of information technology development from the point of view of increasing the level of detection of crimes in the field of economics is examined. Possible options for using artificial intelligence in the information and analytical activities of economic security and anti-corruption units in the field of preventing economic crime are proposed in order to increase their effectiveness.

Keywords: artificial intelligence, information technology, databases, economic crimes, corruption, economic security and anti-corruption units

For citation: Dyatlova A. F., Svirina M. V., Shmaneva L. V. The importance of artificial intelligence in detecting traces of crimes in the economy. Bulletin of economic security. 2024;(4):205–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-205-209>. EDN: PGKDLK.

Со времен древности сбор и систематизация информации о внешнем мире помогали человечеству выживать и развиваться. Постепенно объем информации увеличивался, открывая новые горизонты для человеческого разума и содействуя научно-техническому прогрессу. С течением времени информация стала играть все более существенную роль в жизни человека и является ценнейшим достоянием. Существует известное высказывание о том, что обладание информацией означает

обладание миром. В настоящее время роль информации в жизни человека определяет его уровень знаний и профессионализм. Чем больше возможностей и знаний у каждого человека, тем выше уровень экономической безопасности страны.

Взаимодействуя с окружающим миром, человек постоянно сталкивается с информацией. Она помогает ему анализировать и понимать происходящие события, принимать обоснованные решения и выбирать наиболее

© Дятлова А. Ф., Свирина М. В., Шманева Л. В., 2024

подходящую стратегию действий. Тот, кто владеет большим объемом информации, всегда обладает преимуществом. В последние десятилетия все больше говорят о переходе от индустриального общества к информационному, живущему в век цифровой экономики, сетевых сообществ и мета вселенной. Это перерождение затрагивает способы производства, взгляды людей, их образ жизни, и, конечно, систему экономической безопасности. Благодаря информационным технологиям деятельность бизнеса и государственных структур динамично трансформируется. Информация становится одним из основных стратегических и управленческих ресурсов наравне с людскими и финансовыми. Ее производство и потребление являются неотъемлемой основой эффективного функционирования и развития всех сфер общественной жизни, в первую очередь экономики.

Информационное общество – это общество, в котором большинство людей заняты созданием, хранением, обработкой и распространением информации, особенно знаний. Ученые считают, что в информационном обществе компьютеризация позволит людям иметь доступ к надежным источникам информации, избавиться от рутинной работы и обеспечить высокий уровень автоматизации в обработке информации в различных сферах. Основой информационного общества станут различные информационные системы, основанные на компьютерной технике, информационных технологиях и телекоммуникационной связи. Взаимодействие всех структур государства и организаций будет строиться на основе информационно-коммуникационных технологий. Поэтому современный период развития экономики России характеризуется постоянно ускоряющимся темпом развития информационных технологий. Успешность развития страны в данном направлении будет играть доминирующую роль в системе ее экономической безопасности.

Экономическая преступность постоянно адаптируется к современным условиям, используя возможности новых информационных технологий, поэтому перед органами внутренних дел стоит задача по изучению и анализу особенностей организации и структуры экономической преступности, с целью полного понимания ее сути и динамики. Они стремятся выявить внутренние закономерности, установить связи, тенденции и отклонения от них, чтобы определить причины и условия, способствующие совершению экономических преступлений. В процессе своей деятельности сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБ и ПК) территориальных органов МВД России сталкиваются со следующими проблемами:

- 1) экономические преступления часто характеризуются высокой степенью скрытности и сложности, их исполнители используют различные схемы для сокрытия своих действий и маскировки преступной деятельности, что усложняет процесс выявления таких преступлений;
- 2) недостаток специальных навыков может замедлить или ограничить процесс раскрытия преступлений;

3) процесс выявления и расследования усложняется из-за большого объема данных, многочисленных участников и сложных финансовых схем;

4) значительное количество времени тратится на запросы данных и переписку с государственными исполнительными органами и банками;

5) внутренняя коррупция и вмешательство при расследовании деятельности субъектов экономической преступности;

6) экономическая преступность может иметь международный характер;

7) использование новых технологий субъектами преступлений экономической и коррупционной направленности требует от сотрудников подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России непрерывного обновления знаний и навыков.

Эффективность деятельности сотрудников подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России в направлении предупреждения и минимизации рисков и угроз экономической безопасности напрямую зависит от наличия достаточной для анализа информации, а также методов и инструментов для его проведения.

Для решения этих проблем и повышения эффективности деятельности подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России нужно систематизировать процесс сбора и анализа больших массивов информации из разных источников, используя современные информационные технологии. В нашем мире, управляемом данными, системы управления базами данных (СУБД) являются также основой для проведения аналитических исследований по выявлению преступлений в сфере экономики.

В целях повышения эффективности деятельности сотрудников подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России необходимо разрабатывать и внедрять СУБД с использованием искусственного интеллекта. Использование таких СУБД позволит сократить время, затрачиваемое на обработку данных, повысить эффективность работы правоохранительных органов и значительно расширить возможности ведения оперативно-розыскной деятельности. Одним из важнейших аспектов СУБД в деятельности сотрудников подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России по выявлению преступлений в сфере экономики является возможность объединения различных источников информации в одной информационной системе. Базы данных, содержащие информацию о налоговых плательщиках, банковских счетах, имуществе и транзакциях, а также других факторах, влияющих на экономическую сферу, становятся доступными специалистам для анализа и обработки данных. Это позволяет выявлять связи между лицами, компаниями, банками и осуществлять оперативное реагирование на экономические преступления. Применение СУБД с использованием искусственного интеллекта значительно повысит эффективность работы правоохранительных органов. Автоматизация и структурирование информационных процессов с помощью СУБД с использованием искусственного интел-

лекта позволит максимально эффективно использовать имеющиеся данные, проводить анализ, выявлять скрытые связи между объектами и предсказывать возможные последствия. Это позволит сотрудникам подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России быстрее и точнее разрабатывать стратегии оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию экономических преступлений.

Система управления базами данных с использованием искусственного интеллекта для информационных баз подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России является эффективным инструментом при реализации сотрудниками своих служебных полномочий, в частности при выявлении и раскрытии экономических преступлений.

«Искусственный интеллект рассматривается в качестве наиболее перспективной технологии для эффективной обработки больших объемов данных, генерируемых элементами цифрового общества, такими как социальные сети, системы видеонаблюдения и распределенные киберфизические системы» [1].

В данном направлении было бы не лишним обратить внимание и приобщиться к опыту зарубежных стран, таких, например, как США, Англия, Германия, Китай и др., которые уже с конца XX века применяют искусственный интеллект для противодействия экономической преступности, при этом получают высокие показатели эффективности своей деятельности. «В нашем все более автоматизированном будущем сочетание искусственного интеллекта с наукой откроет больше возможностей и придаст гибкость действиям против мошенников в борьбе с экономическими преступлениями как на стадии их предотвращения, так и на стадиях их выявления и расследования и, следовательно, повышения уровня экономической безопасности» [2]. В подразделениях ЭБ и ПК обнаружение следов экономических преступлений строится на принципе тщательного анализа различных массивов данных, включая государственные информационные системы, информационные системы мессенджеров и веб-сайтов в сети Интернет. Данный процесс выстраивается на соответствии определенным критериям. К таким критериям относятся: незаконные переводы между различными банками, использование нескольких кредитно-финансовых организаций, сокрытие деловых партнеров, сокрытие реальных доходов от занимаемой деятельности, оформление недвижимости на аффилированных лиц или родственников.

В современном мире научные разработки и инновации в информационной сфере постоянно развиваются, и уже в настоящее время технологии искусственного интеллекта уже могут проанализировать внушительные массивы информации, гораздо быстрее и эффективнее человека.

Следует отметить еще одно из преимуществ искусственного интеллекта. К нему хотелось бы отнести постоянное развитие и адаптирование к изменяющимся условиям. Благодаря данному умению технологии ИИ

могут решать задачи по распознаванию образов, естественного языка обработки, планирования и многое другое.

Так, например, в системе экономической безопасности США искусственный интеллект находит применение преимущественно в трех ключевых областях:

- 1) получение знаний;
- 2) исследование данных;
- 3) использование знаний.

Разберем детально каждую из областей.

Сфера получения знаний требует машинного обучения, статистического моделирования и обнаружения закономерностей в информационных массивах для создания информационных образов следов экономических преступлений и субъектов их совершающих. Метод машинного обучения основан на предоставлении больших наборов данных и использовании алгоритмов обучения без учителя для разделения исследуемого набора данных на группы. Искусственный интеллект генерирует выходные данные на основе наиболее значимых характеристик, обнаруживая закономерности и разделяя массив информации на две группы: одна группа очень похожа, другая – имеет весомые различия. После того как искусственный интеллект научиться распознавать следы экономических преступлений, можно использовать системы искусственного интеллекта, основанные на знаниях, для отслеживания динамики в исследуемых информационных массивах в процессе адаптации экономической преступности к новым условиям и обновления информационных образов следов экономических преступлений и субъектов экономической преступности.

Использование искусственного интеллекта при выявлении и расследовании экономических преступлений представляет собой эффективный метод, который поможет автоматизировать и оптимизировать процессы анализа и обработки большого объема данных. Далее приведены некоторые способы применения технологий искусственного интеллекта для решения задач, связанных с противодействием и минимизацией экономических преступлений (рис. 1).

Несмотря на положительную динамику применения искусственного интеллекта, очень важно подчеркнуть, что искусственный интеллект является лишь инструментом для правоохранительных органов и экспертов, и не может стать их стопроцентной альтернативой.

Также следует отметить возможности применения искусственного интеллекта в процессе выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности в государственных органах. При анализе огромных объемов данных, искусственный интеллект может выявлять нетипичные операции, которые прямо или косвенно будут свидетельствовать о коррупционной составляющей тех или иных деяний. Например, алгоритмы естественного интеллекта, анализируя финансовые транзакции, данные о государственных закупках, показатели финансовой отчетности, могут обнаружить несоответствие документальных данных фактическим, а также факты необъяснимого обогащения.

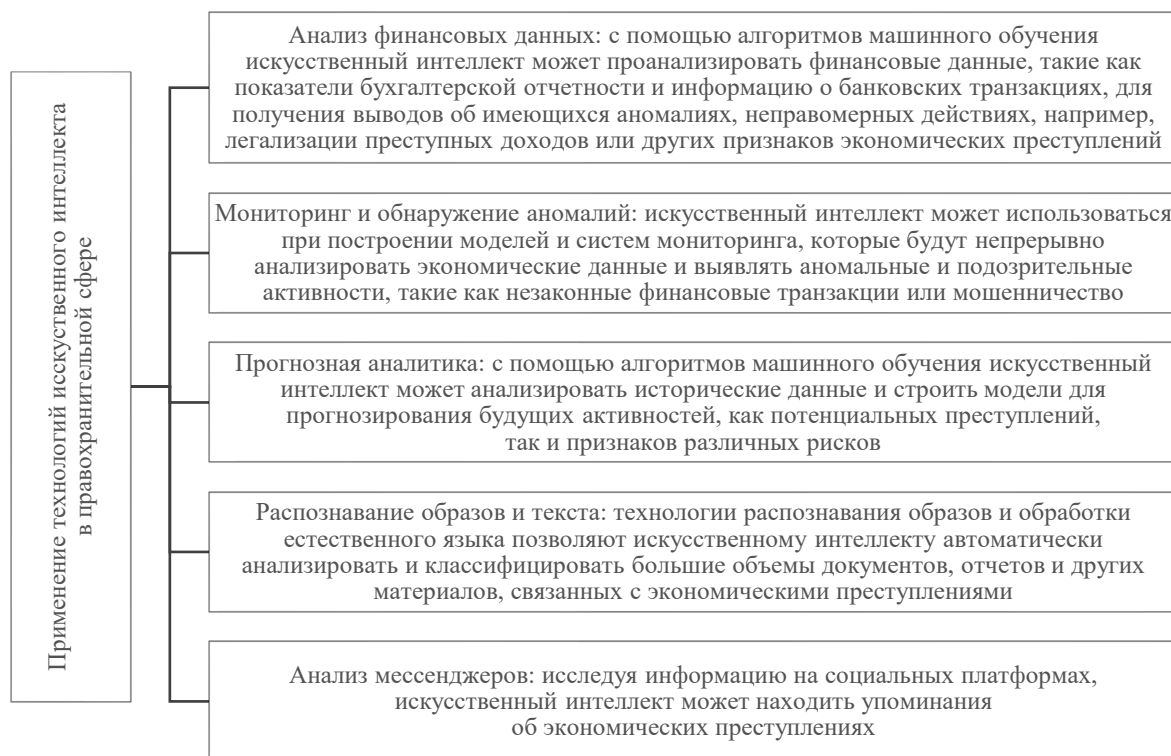

Рис. 1. Способы применения технологий искусственного интеллекта для противодействия экономической преступности

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что следует использовать имеющиеся потенциал информационных технологий, что в дальнейшем значительно скажется на повышении эффективности деятельности правоохранительных органов при выявлении и раскрытии экономических преступлений, что в свою очередь укрепит экономическую безопасность нашей страны. «Информационные компьютерные технологии бурно развиваются, и мы должны учитывать эти изменения, как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу. В этом видится взаимодействие науки и практики» [3].

Список источников

1. Попов А. Ю., Агеев В. В., Булгаков Д. Ю., Лоскутова О. А. Взаимодействие МГТУ имени Н.Э. Баумана и ФКУ «ГИАЦ МВД России» по вопросам использования технологий искусственного интеллекта в сфере безопасности и обеспечения правоохранительной деятельности // Искусственный интеллект на службе полиции : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2021. С. 20–35.
2. Свирина М. В. Роль искусственного интеллекта в системе обеспечения экономической безопасности страны // Современная наука. 2021. № 6. С. 55–56.
3. Павличенко Н. В. Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России // Искусственный интеллект на службе полиции : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2021. С. 13–20.

References

1. Popov A. Yu., Ageev V. V., Bulgakov D. Yu., Loskutova O. A. Interaction of the Bauman Moscow State Technical University and the Federal State Institution «GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia» on the use of artificial intelligence technologies in the field of security and law enforcement // Artificial intelligence in the police service : collection of articles of the International Scientific and practical Conference. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 20–35.
2. Svirina M. V. The role of artificial intelligence in the system of ensuring the economic security of the country// Modern Science. 2021. № 6. P. 55–56.
3. Pavlichenko N. V. Legal and organizational support for the introduction of artificial intelligence technologies into the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Artificial intelligence in the police service : collection of articles of the International scientific and practical conference. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 13–20.

Библиографический список

1. Искусственный интеллект на службе полиции : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2021. 118 с.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов, Е. Б. Аблязова, Е. М. Тимошина, Г. Ф. Коимшиди, Г. Э. Бицадзе. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. 102 с.

3. Методические рекомендации по организации системы управления данными государственных информационных систем, создаваемых, развиваемых и эксплуатируемых на Единой цифровой платформе Российской Федерации «Гостех» (политика по управлению данными), утверждено протоколом Президиума Правительственной комиссии от 30.03.2023. № 15 // URL://<https://platform.gov.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // URL://<https://base.garant.ru/71672608/> (дата обращения: 10.08.2024).

5. Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», утвержденное постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 № 2338 // URL://<https://base.garant.ru/405980325/> (дата обращения: 10.09.2024).

6. Свирина М. В., Малый В. С. Киберпреступность как угроза экономической безопасности государства // Сборник конференции: Современные проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 218–222.

7. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы : от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

Bibliographic list

1. Artificial intelligence in the police service : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 118 p.

2. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2022 and the

expected trends in its development / M. V. Goncharova, S. A. Nevsky, M. M. Babaev, R. V. Cherkasov, E. B. Abliazova, E. M. Timoshina, G. F. Koimshidi, G. E. Bitsadze. M. : Federal State Budgetary Institution «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2023. 102 p.

3. Methodological recommendations on the organization of the data management system of state information systems created, developed and operated on the Unified Digital Platform of the Russian Federation «Gostech» (data management policy), approved by the Protocol of the Presidium of the Government Commission dated 30.03.2023 № 15 // URL://<https://platform.gov.ru/> (accessed: 10.09.2024).

4. About Strategies of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 № 208 // URL://<https://base.garant.ru/71672608/> (accessed: 10.08.2024).

5. The Regulation on the unified digital platform of the Russian Federation «Gostech», approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 16, 2022 № 2338 // URL://<https://base.garant.ru/405980325/> (accessed: 10.09.2024).

6. Svirina M. V., Maly V. S. Cybercrime as a threat to the economic security of the state // Collection of the conference: Modern problems of ensuring economic security of an economic entity. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2022. P. 218–222.

7. Styryin E. M., Dmitrieva N. E., Sinyatullina L. H. State digital platforms: from concept to implementation // Issues of state and municipal management. 2019. № 4. P. 31–60.

Информация об авторах

А. Ф. Дятлова – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

М. В. Свирина – доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук;

Л. В. Шманева – заместитель начальника по заочному обучению Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

A. F. Dyatlova – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

M. V. Svirina – Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences;

L. V. Shmaneva – Deputy Head of Correspondence Studies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 11.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-210-216>

EDN: <https://elibrary.ru/kmofwc>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-4/24-085

МОСКОВСКИЙ: 77/27-011-2024-04-284

Система бюджетного федерализма в Российской Федерации

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия,
kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Система бюджетного федерализма в Российской Федерации представляет собой сложный механизм распределения финансовых ресурсов между различными уровнями власти, который играет ключевую роль в обеспечении социально-экономического развития страны. В условиях быстро меняющейся ситуации в мировой экономике система бюджетного федерализма сталкивается с рядом серьезных вызовов. К ним относятся необходимость обеспечения справедливого распределения ресурсов, повышение эффективности их использования, а также адаптация к изменяющимся экономическим условиям и региональным особенностям. Для решения этих проблем рассматриваются возможные пути реформации системы перераспределительных отношений, которые могут позволить усилить ее гибкость и увеличить результаты национальной экономики. Реформация системы бюджетного федерализма требует комплексного подхода и внимательного анализа. В первую очередь, необходимо учитывать интересы всех регионов и стремиться к созданию справедливой и эффективной системы распределения финансовых ресурсов в стране..

Ключевые слова: бюджетный федерализм, субвенции, субсидии, целевые трансферты, доноры, реципиенты

Для цитирования: Косов М. Е. Система бюджетного федерализма в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 210–216. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-210-216>. EDN: KMOFWC.

Original article

The system of budgetary federalism in the Russian Federation

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The system of budgetary federalism in the Russian Federation substitutes a complex mechanism for the allocation of financial resources between different levels of government, which plays a key role in ensuring the socio-economic development of the country. In the context of the rapidly changing situation in the global economy, the system of fiscal federalism is facing a number of serious challenges. These include the need to ensure an equitable distribution of resources, increase the efficiency of their use, as well as adaptation to changing economic conditions and regional peculiarities. To solve these problems the possible ways to reform the system of redistributive relations, which can enhance its flexibility and increase the results of the national economy, are considered. The reformation of the system of fiscal federalism requires a comprehensive approach and careful analysis. First of all, it is necessary to take into account the interests of all regions and strive to create a fair and effective system for allocating financial resources in the country.

Keywords: fiscal federalism, subventions, subsidies, targeted transfers, donors, recipients

For citation: Kosov M. E. The system of budgetary federalism in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(4):210–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-210-216>. EDN: KMOFWC.

© Косов М. Е., 2024

Введение. Система бюджетного федерализма в Российской Федерации подставляет собой сложный механизм распределения финансовых ресурсов между различными уровнями власти, который играет ключевую роль в обеспечении социально-экономического развития страны.

В условиях быстро меняющейся ситуации в мировой экономике, система бюджетного федерализма сталкивается с рядом серьезных вызовов. К ним относятся необходимость обеспечения справедливого распределения ресурсов, повышение эффективности их использования, а также адаптация к изменяющимся экономическим условиям и региональным особенностям. Для решения этих проблем мы рассматриваем возможные пути реформации системы перераспределительных отношений, которые могут позволить усилить ее гибкость и увеличить результаты национальной экономики.

Реформация системы бюджетного федерализма требует комплексного подхода и внимательного анализа. В первую очередь, необходимо учитывать интересы всех регионов и стремиться к созданию справедливой и эффективной системы распределения финансовых ресурсов в стране.

Российская модель бюджетного федерализма. Основной принцип российского бюджетного федерализма определен Конституцией: равноправие субъектов между собой: «Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны» [1]. Остальные черты российского федерализма состоят в том, что источники доходов и направления расходов федерального бюджета определяются исключительно федеральным законодательством. Так, федеральные органы власти

получают значительные полномочия, включая возможность введения или отмены любых налогов, изменение их ставок, привлечение займов и изменение расходов. Большая часть источников доходов и направлений расходов региональных бюджетов определяется федеральной властью. Региональные органы власти могут балансировать свои доходы и расходы путем введения или отмены региональных налогов, привлечения заемных средств в рамках федеральных законов, сокращения или увеличения расходов в пределах федерального законодательства, получения безвозмездной помощи из вышестоящего бюджета. Большая часть доходов и расходов местных бюджетов определяется федеральной и региональными властями совместно, местные органы власти также могут использовать те же инструменты для балансировки своих расходов и доходов, что и региональные власти.

Современная Российская Федерация использует модель имперских финансовых отношений. Она подразумевала под собой распределение ресурсов между центром и регионами, при этом центр (метрополия) направлял финансовые средства в регионы. Далее и в Советском Союзе сохранилась данная практика, где уже РСФСР являлась донором, а остальные республики представляли из себя реципиентов [2]. Модель межбюджетных отношений предполагала равное удовлетворение общественных потребностей всех республик, что определяло порядок распределения доходов между республиканскими и союзными бюджетами.

С появлением СССР были установлены строгие правила в отношении бюджетного управления. Часть доходов нижестоящих бюджетов формировалась благодаря налоговым отчислениям и иным доходам, посту-

Таблица 1

Проценты отчислений от государственного налога с оборота в бюджеты союзных республик [2]

Республика	Отчисления по годам, %			
	1956	1957	1958	1960
РСФСР	3,4	9,5	31,3	24,6
Украинская ССР	17,8	36,6	39,9	27,6
Белорусская ССР	21,4	46,4	54,3	44,1
Молдавская ССР	19	27,4	23,6	21,6
Грузинская ССР	16,3	31,9	55,4	63,3
Армянская ССР	25,8	42,8	70,1	58,7
Азербайджанская ССР	23	29,2	60,2	58,8
Казахская ССР	51,1	74	100	100
Узбекская ССР	13,8	24,4	34	47,7
Туркменская ССР	33,7	49,7	81,1	99,4
Киргизская ССР	35,9	43,6	77	93
Таджикская ССР	44,9	51,8	63,7	79,7
Эстонская ССР	23,2	41,3	52,2	50,7
Латвийская ССР	3,5	15,9	28,8	11,1
Литовская ССР	35,5	52,1	76,5	61,5
Карело-Финская ССР	66,9	упразднена		

Рассчитано по [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 62, л. 6; д. 63, лл. 5—6; д. 64, л. 49; д. 70, л. 46].

павшим в вышестоящие бюджеты. Как правило, большую значимость имел налог с оборота государственных предприятий и организаций, который составлял 50-55% от общих доходов государственного бюджета. Распределение господдержки для отдельных республик было неравномерно, поскольку зависело от поставленных планов и заданий (табл. 1).

Довольно значимая часть налоговых отчислений в госбюджет приходилась на местные бюджеты, поэтому союзный бюджет выделял им субсидии на нужды развития отдельных особо значимых отраслей, объем которых определялся в зависимости от финансового положения.

Понятие «субвенциональная форма регулирования доходов бюджета» в СССР появилось после второй сессии ЦИК СССР, проводились выплаты, направленные на финансирование расходных обязательств нижестоящих уровней бюджетов по выполнению ими переданных полномочий.

Субсидии, субвенции и дотации – типы межбюджетных трансфертов (МБТ), средств, предоставляемых одним бюджетом бюджетной системы РФ другому [3]. МБТ играют ключевую роль в системе перераспределения финансов. Оптимальное распределение данных трансфертов способствует экономическому развитию страны регионов, муниципалитетов, округов и страны в целом. Нормативно-правовые акты РФ являются основой для регулирования распределения межбюджетных трансфертов, включая БК РФ, федеральные законы и постановления Правительства РФ.

Субвенции и субсидии – целевые трансферты, направленные для выполнения расходных договоренностей, в то время как дотации относятся к категории нецелевых трансфертов, поскольку данные отчисления направляются на исполнение собственных расходных обязательств на бескорыстном и невозвратном основании, без указания направлений их реализации.

Дотации, как правило, предназначаются для регионов чье экономическое положение, возможности ниже средних показателей с целью выравнивания их финансовой обеспеченности. Таким образом, регионы делятся на два вида: доноры и реципиенты.

Недостатки действующей системы бюджетного федерализма. В российской системе перераспределительных отношений преобладает доля целевых трансфертов (субсидий и субвенций) над долей дотаций в федеральном финансировании. Такая структура значительно ограничивает бюджетную автономию регионов. Целевые трансферты направляются в субъекты РФ в соответствии с национальными целями и задачами, что лишает региональную и муниципальную власть возможности самостоятельно распределять средства, исходя из потребностей местного населения. В свою очередь, это может привести к недостаточному удовлетворению нужд региона из-за несоответствия федеральным приоритетами. Регионы могут сталкиваться с необходимостью адаптации своих проектов под специфические требования централизованных программ, провоцируя

тем самым неоптимальное распределение ресурсов. Высокая доля целевых трансфертов также снижает мотивацию региональных властей к самостоятельному развитию и увеличению тем самым собственных доходов, а в условиях быстро меняющейся экономической ситуации регионы без должного уровня самостоятельности могут оказаться менее адаптивными к непредвиденным обстоятельствам.

Также при расчете в целом межбюджетных трансфертов по регионам возникает проблема неэффективности распределения между субъектами. Так, в соответствии с вышесказанным, например, в Республику Дагестан по плану выделяется большее количество средств, чем расходуется фактически. Данные проблемы касаются не только этой Республики, но и других регионов. От данного явления возникает нехватка ресурсов в других субъектах. Например, в Белгородской области наблюдается нехватка денежных средств. Так как по плану в данный регион выделяют меньшее количество средств, чем по факту расходуется. Несомненно, данная проблема вызвана не только неэффективным распределением, но и другими факторами. Например, при несвоевременном проведении конкурсных процедур, при неисполнении подрядными организациями контрактных обязательств, изменении макроэкономической ситуации и т. д. Но, если бы данная проблема была только в одном субъекте, и только в течение одного года, тогда можно было бы утверждать, что это вызвано внешними факторами. Однако, многим субъектам не хватает финансирования, а другие, наоборот, обладают избыточными средствами. От этого возникает либо перевыполнение целевых показателей, либо же их не достижение.

Проблема, когда регионы, увеличивая свой налоговый потенциал и становясь донорами, порой не всегда способны отчислить необходимые средства в государственный бюджет для выравнивания бюджетной обеспеченности регионов-реципиентов, так же актуальна. Как это было показано на примере Мурманской области, регионы-доноры могут сталкиваться с определенными трудностями, например, из-за высокого налогового бремени или роста цен. Увеличение налогового потенциала не всегда сопоставимо с увеличением уровня бюджетной обеспеченности, ведь обязательства перед государством у данных субъектов не снижаются, когда происходят колебания в фискальной нагрузке. Большинство рассмотренных регионов-доноров, как правило, большую часть налоговых поступлений отчисляют в федеральный бюджет, из-за чего не всегда способны обеспечить достойный уровень жизни даже внутри своих территорий. При этом выходит не совсем справедливая система, регионы, являющиеся донорами, которые не всегда имеют возможность развивать собственную территорию, отчисляют огромное количество средств для выравнивая бюджетной обеспеченности других субъектов.

Реформация российской системы перераспределительных бюджетных отношений. Основной доход бюджета в условиях рыночной экономики — налоги.

Согласно действующей системе налогообложения в РФ НДС, налог на прибыль организаций (3 % из 20 %) и НДС поступают от налогоплательщиков в федеральный бюджет. На поддержание социальной инфраструктуры регионам и органам местной власти остается сумма поступлений с налога на имущество организаций и физических лиц, налог на игорный бизнес, транспортный и земельный налог и торговый сбор. Если регион получает доход, не покрывающий его объективные потребности с учетом собственного развития, государство вынуждено выделять средства из федерального бюджета.

Если в системе перераспределительных процессов в США межбюджетные трансферты направляются в достаточно развитые регионы, занимающие лидирующие позиции в рейтинге штатов по объему ВРП, то в России финансовая поддержка оказывается субъектам, доходная часть бюджета которых не покрывает расходы на социальное обеспечение региона.

Федеральные налоги и сборы составляют большую часть доходов регионов и аккумулируются в федеральном бюджете, а потому регионам с низким уровнем экономического развития не хватает средств на обеспечение социальных нужд населения. Межбюджетные трансферты субъектам РФ направляются непосредственно по указу федерального правительства. Зависимость регионов от «денег из центра» увеличивается, наиболее бедные субъекты за счет медленного развития инфраструктуры не стремятся наращивать темпы экономического роста, поскольку могут положиться на дотации от государства.

Российская система перераспределения действует по принципу «доноров-реципиентов» (рис. 1).

Для решения данной проблемы можно провести реформу системы бюджетного федерализма посредством ее децентрализации, опираясь на опыт США.

Для удобства распределим субъекты РФ по закрепленным на гос. уровне федеральным округам. Бюджетно-налоговая система в каждом округе будет приближе-

на к штатам в США. Это значит, что регионы продолжат выплачивать налоги в федеральный бюджет (НДС, НДФЛ, налог на прибыль организаций), параллельно уплачивая эти же виды налогов в бюджет федерального округа по установленной налоговой базе и ставкам, отличным от федеральных. Чтобы налоговая нагрузка была справедливой и не выросла за счет дополнительного взимания налогов в бюджет ФО, федеральную ставку стоит сократить, направляя процент сокращения в уплату органам ФО.

Таким образом, налоги, уплаченные в федеральный бюджет, будут направлены на общегосударственные нужды, такие как обслуживание сферы обороны и внутренних дел, федеральные программы здравоохранения и науки и другие расходы федерального значения. Налоги, направленные в бюджет федерального округа, будут распределяться посредством целевых трансфертов между регионами-реципиентами, входящими в состав данного ФО, на расходы, связанные со сферой образования, здравоохранения, развития инфраструктуры и обеспечения экономического роста в регионе. Такая система позволит направлять финансирование, учитывая особенности потребительских потребностей в каждом отдельном субъекте, и может стимулировать регионы к экономической самостоятельности, когда целевые трансферты будут не полностью обеспечивать жизнедеятельность региона, а станут финансовой поддержкой, мотивирующей на развитие «собственными силами». В каждом федеральном округе необходимо создать органы власти, пригласив представителей от каждого региона, входящего в конкретный ФО. Посредством коллективного планирования будут анализироваться отчеты внутренних регионов, формулироваться цели развития как каждого отдельного региона, так и всего округа в целом. После чего решению комитета налоги, собранные в бюджете ФО, будут распределяться между регионами посредством целевых трансфертов.

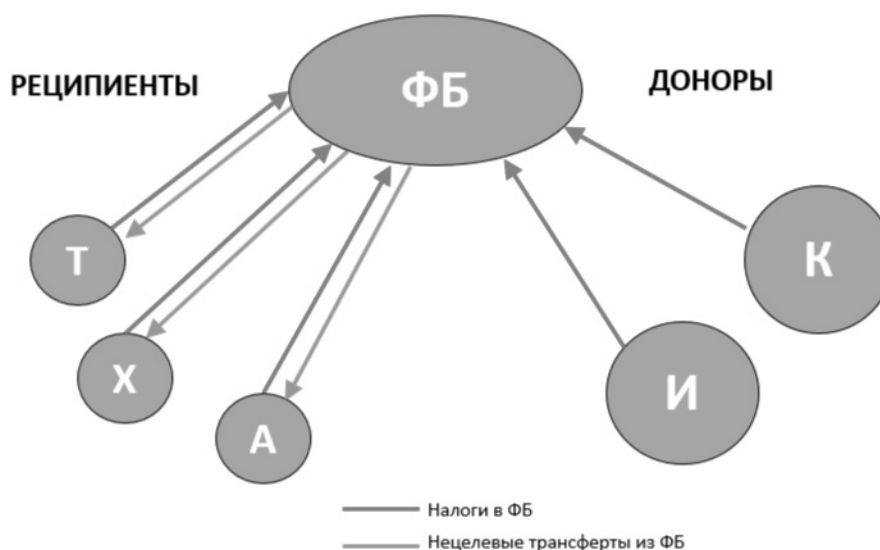

Рис. 1. Система бюджетного перераспределения в РФ

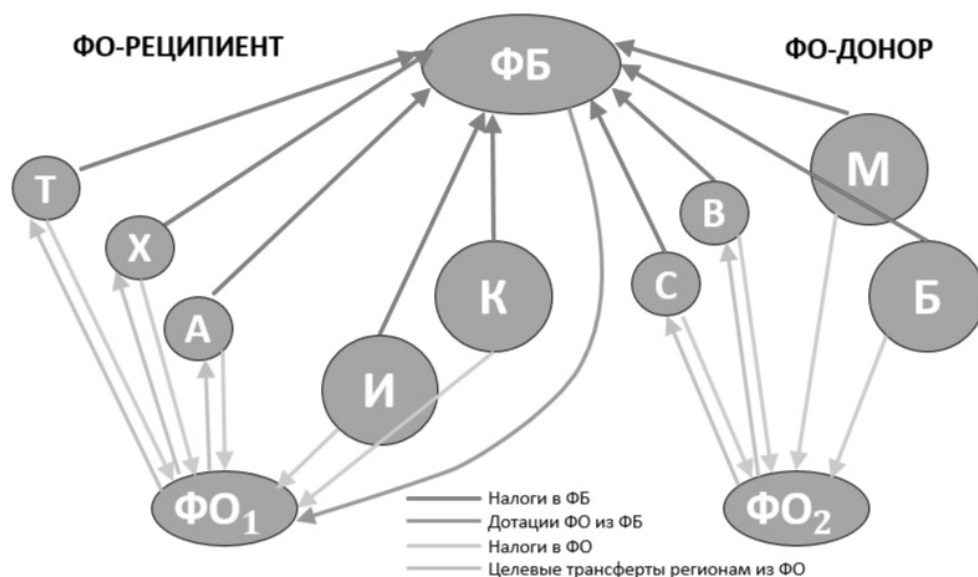

Рис. 2. Потенциальная система бюджетного перераспределения в РФ

Однако в условиях экономического неравенства между федеральными округами, мы не исключаем финансирование менее развитых округов со стороны федерального бюджета. Когда ФО не способен покрывать расходы входящих в него регионов за счет поступающих в бюджет налогов, он становится округом-реципиентом по аналогии с регионами в существующей системе РФ. Округа-доноры, в свою очередь, посредством перераспределительных процессов через федеральный бюджет будут способствовать равномерному развитию государства. Впоследствии длительного функционирования сформировавшейся системы децентрализованного бюджетного федерализма округа достигнут необходимой базы для осуществления собственных расходов и станут направлять свои средства на обеспечение экономического развития. В таком случае дотации из федерального бюджета уже будут направляться, наоборот, в развитые округа для достижения гос. целей экономического роста (рис. 2).

Чтобы подтвердить жизнеспособность нашей системы на практике, смоделируем ситуацию наложения реформированной модели перераспределения на результаты бюджетов РФ в 2023 году.

За 2023 год доходы федерального бюджета сложились в размере 28,9 трлн руб., в том числе в качестве налогов и сборов от субъектов РФ поступило 19,528 трлн руб. Расходы составили 32,4 трлн руб. При этом сумма межбюджетных трансфертов, за исключением межбюджетных трансфертов бюджету Федерального фонда обязательного медицинского страхования и бюджету Фонда пенсионного и социального страхования, составила 3,941 трлн руб., из которых 1,553 трлн руб. составили дотации регионам. Следовательно, на исполнение обязательств федеральному бюджету потребовалось 28,459 трлн руб.

Для примера рассмотрим распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ в Центральном, Сибирском и Северо-Кавказском ФО, как округах с разной экономической развитостью.

Таблица 2

Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ в Центральном, Сибирском и Северо-Кавказском ФО [4]

Субъект РФ	Сумма поступающих дотаций в бюджет, тыс. руб.
Центральный ФО	55 096 039,5
Брянская область	14 720 203,7
Владимирская область	6 483 626,1
Воронежская область	6 299 310,2
Ивановская область	13 740 878,2
Костромская область	4 516 813,9
Курская область	2 748 522,9
Орловская область	6 586 684,5
Рязанская область	5 562 219,3
Смоленская область	4 327 146,7
Тамбовская область	10 475 224,3
Тверская область	5 597 338,0
Сибирский ФО	87 233 264,2
Республика Алтай	11 289 420,9
Республика Тыва	20 488 443,4
Республика Хакасия	3 711 550,4
Алтайский край	32 473 758,1
Кемеровская область	2 868 455,6
Новосибирская область	4 803 638,6
Омская область	11 597 997,2
Томская область	7 515 144,9
Северо-Кавказский ФО	217 197 832,1
Республика Дагестан	85 915 276,3
Республика Ингушетия	14 390 565,0
Кабардино-Балкарская Республика	18 047 855,5
Карачаево-Черкесская Республика	12 949 405,8
Республика Северная Осетия – Алания	13 504 294,1
Чеченская Республика	43 094 737,3
Ставропольский край	29 295 698,1

В рамках трансформации действующей модели бюджетного федерализма предлагаем сократить налоговые отчисления в федеральный бюджет условно на 50 %, направляя оставшиеся средства в уплату органам ФО. Поскольку доходы федерального бюджета будут уменьшены на 9 764 млрд руб. за счет сокращения поступающих налогов и сборов от субъектов, необходимо сократить на эту же сумму и расходы федерального бюджета, непосредственно связанные с выполнением обязательств, которые в нашей системе планируется перевести в компетенцию федеральных округов. Таким образом, путем одновременного сокращения доходов и расходов федерального бюджета, его сальдо покажет неизменный результат профицита или дефицита бюджета. Расходы федерального бюджета в такой ситуации будут в большей степени сосредоточены на решении общегосударственных вопросов, в то время как все те же средства, что направлялись ранее на развитие регионов, продолжат распределяться между субъектами, предоставляя при этом федеральным округам возможность увеличить самостоятельность в принятии решений.

Мы взяли сумму распределения дотаций между регионами-реципиентами в округах, равную фактическим значениям на 2023 год. Из бюджета ФО, таким образом, будут выплачиваться уже целевые трансферты в соответствии с утвержденными программами развития на уровне округа (табл. 3).

В Северо-Кавказском ФО наблюдается дефицит бюджета, поскольку отсутствуют регионы-доноры. В такой ситуации округ не может самостоятельно обеспечить финансирование проектов и потребностей своих регионов. В то же время в Центральном ФО профицит бюджета составил 2 350,9 млрд руб. В Сибирском ФО

тоже наблюдается профицит, но меньше – 634,7 млрд руб. Посредством перераспределительных отношений эти средства должны аккумулироваться в федеральном бюджете и впоследствии распределяться в качестве дотаций округам-реципиентам, как, например, Северо-Кавказский ФО. Такая система позволит не только покрыть расходы малоразвитых округов, но и увеличить сумму целевых трансфертов в чуть более развитых округах, направляя в том же Сибирском ФО субсидии и субвенции наименее регионам в большем объеме.

Заключение. Исторически сложившиеся модели финансовых отношений в Российской Федерации, начиная с имперских времен и продолжаясь в СССР, оказывают значительное влияние на современную бюджетную систему. Механизмы перераспределения финансовых ресурсов между центром и регионами, а также внутри различных уровней бюджетов, играют ключевую роль в обеспечении социально-экономического развития страны и балансирования бюджетной обеспеченности субъектов.

Современные формы межбюджетных трансфертов, такие как субсидии, субвенции, дотации и другие, оказывают значительное влияние на обеспечение финансовой устойчивости бюджетов и способствуют равномерному развитию регионов. Однако важно непрерывно совершенствовать механизмы межбюджетных отношений, адаптируя их к изменяющимся экономическим условиям и потребностям регионов.

В современных условиях перед государством стоит важная задача: обеспечить эффективное распределение ресурсов между субъектами. Анализируя современную систему бюджетного федерализма выявлены проблемы, связанные с лишением региональной и муниципальной

Таблица 3

Потенциальная модель перераспределительных отношений на примере Центрального, Сибирского и Северо-Кавказского ФО

Центральный ФО			
Фактические значения		Планируемые значения	
Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.	Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.
Отчисления налогов в ФБ	4 812,1	Отчисления налогов в ФБ	2 406
		Отчисления налогов в ФО	2 406
Сумма дотаций реципиентам	55,1	Сумма целевых трансфертов реципиентам	55,1
		Остаток средств в бюджете ФО	+2350,9
Сибирский ФО			
Фактические значения		Планируемые значения	
Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.	Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.
Отчисления налогов в ФБ	1 445,8	Отчисления налогов в ФБ	722,9
		Отчисления налогов в ФО	722,9
Сумма дотаций реципиентам	88,2	Сумма целевых трансфертов реципиентам	88,2
		Остаток средств в бюджете ФО	+634,7
Северо-Кавказский ФО			
Фактические значения		Планируемые значения	
Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.	Наименование операции	Сумма, в млрд. руб.
Отчисления налогов в ФБ	102,6	Отчисления налогов в ФБ	47,5
		Отчисления налогов в ФО	47,6
Сумма дотаций реципиентам	217,2	Сумма целевых трансфертов реципиентам	217,2
		Остаток средств в бюджете ФО	-169,7

власти возможности самостоятельно распределять средства, из-за того, что средства из федерального бюджета на целевые трансферты направляются в субъекты. Также в связи с тем, что федеральный центр самостоятельно распределяет ресурсы, в некоторых регионах-реципиентах происходит переизбыток денежных средств, а в некоторых их недостаток. Многие регионы – доноры подвергаются большой фискальной нагрузке, что приводит к нехватке денежных средств на обеспечение собственного региона.

Так, благодаря добавлению в российскую систему бюджетного федерализма еще одного звена – федеральных округов, проблема неэффективного распределения средств между субъектами может быть решена, что способствует экономическому росту неразвитых регионов, при этом не оказывая чрезмерное давление на федеральный бюджет.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 03.07.2020 г.
2. Баканов С. А. Формы и практики межбюджетных отношений в сср в 1950-е – первой половине 1960-х годов / С. А. Баканов, И. А. Медведев, Н. Ю. Пивоваров. Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 355–375 //

URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-praktiki-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-sssr-v-1950-e-pervoy-pолоvine-1960-h-godov?ysclid=lue56plepq744014815>.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 6.

4. Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation from (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of legal information. 07/03/2020.
2. Bakanov S. A. Forms and practices of inter-budgetary relations in the ussr in the 1950s – the first half of the 1960s / S. A. Bakanov, I. A. Medvedev, N. Y. Pivovarov. Scientific dialogue. 2022. Vol. 11. No. 3. P. 355–375 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-praktiki-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-sssr-v-1950-e-pervoy-pолоvine-1960-h-godov?ysclid=lue56plepq744014815>.
3. The Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ of July 31, 1998. 1998. No. 31. Article 6.
4. Federal Law No. 466-FZ dated 05.12.2022 «On the Federal Budget for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

М. Е. Косов – заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института Юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov – Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 21.10.2024.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 21.10.2024.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-217-220>

EDN: <https://elibrary.ru/jxzrxg>

NIION: 2015-0066-4/24-086

MOSURED: 77/27-011-2024-04-285

Стратегическое планирование Республики Индонезия в призме национального развития

Наталья Владимировна Лапенкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

ms.nvla@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1644-4338, Researcher ID: U-1586-2019, Scopus ID: 57203788743

Аннотация. Проведен анализ системы стратегического планирования Республики Индонезия с точки зрения национального развития. В ходе исследования были изучены миссия и функции, возложенные на Министерство планирования национального развития, регламент взаимодействия министерства с другими ведомствами, а также оценка их деятельности по следующим показателям: ключевые показатели эффективности по достижению стратегических целей и показатели организационной эффективности. Анализ показал, что четко выстроенная иерархия и система оценки эффективности позволяют успешно выполнять функции по достижению стратегических целей национального развития. Благодаря этому Правительство Индонезии эффективно реализует планы по национальному стратегическому развитию страны.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие Индонезии, национальная безопасность, стратегическое планирование Республики Индонезия, национальное развитие, стратегическое целевое планирование, ключевые показатели эффективности (КПЭ)

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Для цитирования: Лапенкова Н. В. Стратегическое планирование Республики Индонезия в призме национального развития // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 217–220. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-217-220>. EDN: JXZRXXG.

Original article

Strategic planning of the Republic of Indonesia in the prism of national development

Natalia V. Lapenkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

ms.nvla@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1644-4338, Researcher ID: U-1586-2019, Scopus ID: 57203788743

Abstract. An analysis of the strategic planning system of the Republic of Indonesia from the point of view of national development was carried out. The study examined the mission and functions assigned to the Ministry of National Development Planning, the regulations for the interaction of the ministry with other departments, as well as the assessment of their activities according to the following indicators: key performance indicators for achieving strategic goals and indicators of organizational effectiveness. The analysis showed that a clearly structured hierarchy and performance assessment system make it possible to successfully perform functions to achieve the strategic goals of national development. Thanks to this, the Indonesian Government is effectively implementing plans for the country's national strategic development.

Keywords: socio-economic development of Indonesia, national security, strategic planning of the Republic of Indonesia, national development, strategic target planning, key performance indicators (KPI)

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

For citation: Lapenkova N. V. Strategic planning of the Republic of Indonesia in the prism of national development. Bulletin of economic security. 2024;(4):217–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-217-220>. EDN: JXZRXXG.

© Лапенкова Н. В., 2024

Крупные развивающиеся страны Азии все больше влияют на мировой экономический рост. Индонезия – самый молодой «Юго-Восточный тигр». Республика Индонезия – крупнейшее государство-архипелаг в мире, расположенное в экваториальном поясе между двумя океанами и двумя континентами, имеет уникальное географическое и геополитическое положение. Индонезия находится в зоне экономических и политических интересов сразу двух «мировых гигантов» – США и Китая, являющихся геополитическими соперниками [1].

Экономика Индонезии является одной из крупнейших в Азиатско-тихоокеанском регионе. Сильно пострадав от Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., страна сумела провести целый ряд реформ, что помогло ей не только в относительно короткие сроки восстановить докризисный рост, но и сохранить динамику устойчивого роста на протяжении следующих 20 лет [2].

Процесс трансформации в Индонезии, известный как «Эра реформ», начавшийся в 1999 году, представлял собой существенные институциональные изменения в социальной, политической и экономической сферах, которые смогли повлиять на дифференциацию доходов населения значительно ее сократив [3].

На замену сырьевым товарам в качестве движущей силы роста Правительство Индонезии сделало ставку на развитие инфраструктуры страны, в частности, в области транспортной доступности и развития логистики, для достижения синергетического эффекта не только в экономической сфере (содействие экономическому росту), но и в производственном сегменте [4].

Однако, в последнее десятилетие в стране наблюдается процесс демократического упадка, увеличение неравенства доходов, рост бедности и социального неравенства [5].

Данная тенденция лишь ухудшилась с пандемией COVID-19. По началу, не относясь серьезно к данной угрозе, Правительство Индонезии попросту проигнорировало ее, а когда отреагировало, антикризисная политика была фрагментарной и запутанной. Приоритет был отдан экономике, а не общественному здравоохранению. Основную ставку сделали на экономическое развитие и инвестиции в бизнес на протяжении всей пандемии [6; 7; 8].

Миссия по планированию, организации, координации и надзору в области национального развития в Республики Индонезия возложена на Министерство планирования национального развития. О своей деятельности Министерство отчитывается напрямую Президенту. Для реализации поставленных задач Министерство планирования национального развития использует организационные подразделения и ресурсы Агентства по планированию национального развития [9].

В функции Министерства планирования национального развития входит:

1. Формулирование и определение политики в области планирования национального развития, наци-

ональных стратегий развития, отраслевых, межотраслевых и межрегиональных направлений политики, а также макроэкономических, включающих комплексный подход к экономике (направления налогово-бюджетной политики, нормативно-правовую базу, институты и финансирование).

2. Координация и синхронизация реализации политики в области планирования и бюджетирования национального развития.

3. Содействие и оказание административной поддержки всем элементам организации в Министерстве планирования национального развития.

4. Управление государственной собственностью/активами, находящимися в ведении Министерства планирования национального развития.

5. Надзор за выполнением задач в рамках Министерства планирования национального развития [10].

Ежегодно при подготовке Стратегического плана работы Правительство формулирует национальные приоритеты. Определение приоритетных программ, мероприятий и дальнейших проектов осуществляется посредством многосторонних встреч, инициированных Министерством планирования национального развития и Агентством по планированию национального развития с несколькими координирующими министерствами и профильными ведомствами.

Стратегический план содержит задачи, стратегические цели, политику и стратегические направления, нормативно-правовую базу, целевые показатели и структуру финансирования министерства сроком на пять лет.

Цели, содержащиеся в Стратегическом плане, ежегодно пересматриваются координирующим министерством и могут подвергаться корректировке с целью их актуализации и оптимизации работы.

Все Министерства обязаны определить ключевые показатели эффективности по достижению стратегических целей, экономического роста и обеспечения национальной безопасности.

Измерение эффективности деятельности министерств проводится путем сравнения реализации с целевым показателем, установленным в начале года.

Для измерения уровня эффективности деятельности проводятся измерения по достижениям организационной эффективности или так называемым показателям организационной эффективности. Показатель организационной эффективности демонстрирует консолидацию всех стратегических целевых значений работы. Статус достижения показателя организационной эффективности, который показан красным/желтым/зеленым цветом, определяется оценкой достижения показателя организационной эффективности следующим образом [10] (табл. 1):

Значение организационной эффективности показывает консолидацию всех стратегических целевых значений, в то время как стратегические целевые значения представляют собой объединение всех достижений ключевых показателей эффективности по этим целевым по-

Достижение показателя организационной эффективности [10]

	Значение достижения	Оценка значения достижения	Условный цвет
1	$100 \leq X \leq 120$	Соответствует ожиданиям	Зеленый
2	$80 \leq X < 100$	Еще не соответствует ожиданиям	Желтый
3	$X < 80$	Совсем не соответствует ожиданиям	Красный

казателям. Показатель организационной эффективности используется для оценки производительности на всех уровнях работы.

Ежегодно координирующим министерством составляется Отчет о деятельности. Отчет представляет собой форму отчетности по достижениям стратегических целей с согласованными показателями эффективности.

В заключительном Отчете по итогам пятилетнего планирования координирующим министерством подводится итог реализации стратегических целей, а также выстраиваются планы и ключевые показатели на следующую пятилетку.

Основанием подготовки такого Отчета служит Постановление Президента № 29 от 2014 г. о системах отчетности о результатах деятельности государственных органов и Постановление Министра государственного аппарата и бюрократической реформы № 53 от 2014 г. о Технических рекомендациях по соглашениям об исполнении, отчетности о результативности и процедурах проверки.

Во многом благодаря четко выстроенной системе стратегического планирования, жесткой иерархии и системе оценки эффективности удается достигнуть стратегических целей национального развития, что в свою очередь позволяет Правительству Индонезии эффективно реализовывать планы по национальному стратегическому развитию страны, а, следовательно, и обеспечивать национальную безопасность.

Несмотря на давление, оказываемое со стороны США и Китая, руководство страны проводит независимую внутреннюю и внешнюю политику, что позволяет Индонезии сохранять суверенитет и занимать достойное место на мировой арене.

Список источников

1. Другов А. Ю. Индонезия между двух скал // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 2, № 2 (59). С. 75–89.
2. Мельянцева В. А., Адрова И. С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвертой экономики Азии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106.
3. Małgorzata Szczepaniak, Andrzej Geise, Nurul Bariyah. Impact of institutional determinants on income inequalities in Indonesia during the Era Reformasi // Journal of Asian Economics. 2022. Volume 82. 101526.

4. McCawley P. Infrastructure policy in Indonesia, 1965–2015 : a survey // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2015. Volume 51. Issue 2, P. 263–285.

5. Eve Warburton & Edward Aspinall. Explaining Indonesia's Democratic Regression : Structure, Agency and Public Opinion // Contemporary Southeast Asia. 2019. Volume 41. Issue 2, P. 255–285.

6. Greg Fealy. Jokowi in the Covid-19 Era : Repressive Pluralism, Dynasticism and the Overbearing State // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2020. Volume 56. Issue 3, P. 301–323.

7. E. Warburton. Indonesia in 2021 : A Year of Crisis, Development, and Democratic Decline // Asian Survey. 2022. Volume 62, Issue 1, P. 93–104.

8. Marcus Mietzner. Populist Anti-Scientism, Religious Polarisation, and Institutionalised Corruption: How Indonesia's Democratic Decline Shaped Its COVID-19 Response // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2020. Volume 39, Issue 2, P. 227–249.

9. «Peraturan Presiden Nomor 65 Tahun 2015 tentang Kementerian Perencanaan Pembangunan Nasional». Presidential Decree № 65 of 2015 // URL://<https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/41804/perpres-no-65-tahun-2015> (дата обращения: 29.07.2022) (in Indonesian).

10. «Function and Primary Job Ministry of National Development Planning/ National Development Planning Agency». Bappenas. Retrieved 2019-10-01 // URL://<https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/41804/perpres-no-65-tahun-2015> (дата обращения: 05.04.2024) (in Indonesian).

11. Постановление Министра-координатора по экономическим делам Республики Индонезия № 4 от 2018 года относительно Руководства по осуществлению оценки внедрения системы подотчетности за деятельностью в государственных учреждениях в координационном Министерстве экономики Индонезии // URL://<https://kinerja.ekon.go.id/public/files/Permenko%204%20Tahun%202018%20-%20Pedoman%20Evaluasi%20SAKIP.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

References

1. Drugov A. Yu. Indonesia between two rocks // Southeast Asia: current problems of development, 2023, Volume 2, № 2 (59). P. 75–89.
2. Melyantsev V. A., Adrova I. S. Main factors of economic growth in Indonesia – the fourth economy of Asia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 1. P. 86–106.

3. Małgorzata Szczepaniak, Andrzej Geise, Nurul Bariyah. Impact of institutional determinants on income inequalities in Indonesia during the Era Reformasi // *Journal of Asian Economics*. 2022. Volume 82. 101526.

4. McCawley P. Infrastructure policy in Indonesia, 1965–2015 : a survey // *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2015. Volume 51. Issue 2, P. 263–285.

5. Eve Warburton & Edward Aspinall. Explaining Indonesia's Democratic Regression: Structure, Agency and Public Opinion // *Contemporary Southeast Asia*. 2019. Volume 41. Issue 2, P. 255–285.

6. Greg Fealy. Jokowi in the Covid-19 Era: Repressive Pluralism, Dynasticism and the Overbearing State // *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2020. Volume 56. Issue 3, P. 301–323.

7. E. Warburton. Indonesia in 2021: A Year of Crisis, Development, and Democratic Decline // *Asian Survey*. 2022. Volume 62, Issue 1, P. 93–104.

8. Marcus Mietzner. Populist Anti-Scientism, Religious Polarisation, and Institutionalised Corruption: How Indonesia's Democratic Decline Shaped Its COVID-19

Response // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2020. Volume 39, Issue 2, P. 227–249.

9. «Peraturan Presiden Nomor 65 Tahun 2015 tentang Kementerian Perencanaan Pembangunan Nasional». Presidential Decree № 65 of 2015 // URL://<https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/41804/perpres-no-65-tahun-2015> (accessed: 29.07.2022) (in Indonesian).

10. «Function and Primary Job Ministry of National Development Planning / National Development Planning Agency». Bappenas. Retrieved 2019-10-01 // URL://<https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/41804/perpres-no-65-tahun-2015> (accessed: 05.04.2024) (in Indonesian).

11. Resolution of the Coordinating Minister for Economic Affairs of the Republic of Indonesia № 4 of 2018 on the Guidelines for the Assessment of the implementation of the Accountability System for Activities in Public Institutions in the Coordinating Ministry of Economy of Indonesia // URL://<https://kinerja.ekon.go.id/public/files/Permenko%204%20Tahun%202018%20-%20Pedoman%20Evaluasi%20SAKIP.pdf> (accessed: 07.04.2024).

Информация об авторе

Н. В. Лапенкова – младший научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

N. V. Lapenkova – Junior Researcher of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Основы экономической безопасности. Учебное пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах. Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике. Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-221-224>

EDN: <https://elibrary.ru/ihxenf>

NIION: 2015-0066-4/24-087

MOSURED: 77/27-011-2024-04-286

Инновационные подходы в гостиничном бизнесе

Константин Амбарцумович Маноян

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия,

konstantinmanoan@gmail.com

Аннотация. В настоящее время в сфере гостиничного бизнеса наблюдается стремительное развитие новых технологий. Специалисты в этой области сталкиваются с задачами, направленными на привлечение постоянных клиентов и получение дохода от предоставляемых услуг, а также на создание лояльной клиентской базы. Реализовать поставленные цели без применения современных технологий практически невозможно. В данной статье автор рассматривает различные подходы к интерпретации понятия «инновации», а также анализирует последние достижения в области гостиничного сервиса и технологий.

Ключевые слова: гостиничный бизнес, инновации, интернет, новшества, таргетированная реклама, чат-бот, push-уведомления, робот

Для цитирования: Маноян К. А. Инновационные подходы в гостиничном бизнесе // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 221–224. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-221-224>. EDN: IHXENF.

Original article

Innovative approaches in the hotel business

Konstantin A. Manoyan

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

konstantinmanoan@gmail.com

Abstract. Currently, there is a rapid development of new technologies in the hospitality industry. Specialists in this field face challenges aimed at attracting regular customers and generating income from the services provided, as well as creating a loyal customer base. It is almost impossible to achieve these goals without the use of modern technologies. In this article, the author examines various approaches to the interpretation of the concept of «innovation», as well as analyzes the latest achievements in the field.

Keywords: hotel business, innovations, Internet, innovations, targeted advertising, chatbot, push notifications, robot

For citation: Manoyan K. A. Innovative approaches in the hotel business. Bulletin of economic security. 2024;(4): 221–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-221-224>. EDN: IHXENF.

© Маноян К. А., 2024

Современная сфера гостеприимства представляет собой область бизнеса, состоящую из различных услуг, основанных на принципах теплого приема и дружелюбного отношения к посетителям. В этой индустрии главными ценностями являются отзывчивость и щедрость, которые помогают создать комфортную атмосферу для гостей.

Гостиничный сектор, являясь важнейшей и многогранной частью туристической и гостиничной отрасли, нуждается в постоянном совершенствовании и поиске новых методов привлечения клиентов. При этом туристическая и гостиничная индустрия представляет собой значимый аспект сектора услуг, где инновации играют ключевую роль, обеспечивая динамичное развитие. Новшества в этой области помогают улучшить качество обслуживания и повысить эффективность работы с туристами, создавая уютную атмосферу гостиничного сервиса, где путешественники могут чувствовать себя комфортно, как дома. Инновационная деятельность является одной из основных составляющих функционирования любого бизнеса, включая гостиницы и туристические компании, особенно в условиях конкурентного рынка. Для успешной реализации этих инициатив в современных реалиях требуется применять самые современные подходы и решения.

При проведении любого научного изыскания, в первую очередь, необходимо определиться с терминологией. Термин «инновация» возник в XIX веке в области культурологии и использовался для анализа влияния европейских традиций на африканские и азиатские страны. Производное от английского слова «innovation», оно обозначает внедрение новшеств и подразумевает применение новейших технологий, разработку новых товаров и услуг, а также создание свежих форм организации труда, управления и сервиса [1].

Следует подчеркнуть, что термины «нововведение», «новшество» и «инновация» зачастую воспринимаются как синонимы, хотя между ними существуют важные различия. На сегодняшний день ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не предложено единого определения для этих понятий. Хотя точное понятие «инновация» еще не установлено, роль различных типов инноваций, включая технические и управленческие, в экономическом развитии активно исследуется учеными. В русском языке также имеется определенная неясность в определении терминов «нововведение» и «новшество». Оба слова могут обозначать новое правило, метод или изобретение, но в контексте теории инноваций они имеют разные значения. Новшество чаще ассоциируется с открытиями в фундаментальной науке или новыми моделями техники, в то время как «инновация» и «нововведение» нередко рассматриваются как взаимозаменяемые. Некоторые авторы утверждают, что инновация имеет более широкий смысл, чем нововведение.

Для глубокого осознания термина «инновация» необходимо рассмотреть различные подходы к этому понятию. В научной литературе в таких областях, как

экономика и социология, предлагают множество определений, однако большинство авторов согласны в том, что инновации связаны с развитием и прогрессом.

Термин «инновация» был впервые введен в экономическую теорию австрийским экономистом Йозефом Шумпетером в его книге «Теория экономического развития». В 1911 году он предложил концепцию нововведений как ключевой компонент предпринимательства. В то время Шумпетер акцентировал внимание на «новых комбинациях», которые подразумевали изменения, способствующие улучшению производственных и рыночных процессов, а не на современных инновациях в их нынешнем смысле.

В 1930-е годы в научный дискурс входит понятие «инновация», которое рассматривается как переменный процесс внедрения различных комбинаций. Этот процесс охватывает пять основных направлений: во-первых, появление на рынке новых товаров, с которыми потребитель не знаком, или новых модификаций существующих; во-вторых, реализацию новых методов производства, ранее не применявшихся в отрасли; в-третьих, освоение новых рынков; в-четвертых, поиск новых источников сырья, независимо от их исторического присутствия; и, наконец, создание новых организационных структур. Шумпетер подчеркивает, что именно термин «новый» является самым подходящим для описания изменений, связанных с инновациями, утверждая, что предприятие считается инновационным только при внедрении новой продукции и технологий [2].

П. Витфилд предлагает аналогичное понимание инноваций. В своих исследованиях он утверждает: «...инновация – это процесс креативного мышления, трансформируемого в конечный продукт, процесс или систему». При этом ученый подчеркивает, что нововведение следует рассматривать как идею, иллюстрирующую новые способы решения общественных задач или достижения иных социальных целей [3].

Твисс Б. рассматривает нововведения как сочетание науки и искусства. С одной стороны, это подразумевает необходимость профессионального управления, с другой – создание условий для успешного развития бизнеса. Этот термин также связан с эффективным использованием технологий и техник в компании [4].

Важно отметить, что в советской литературе впервые, основываясь на международном опыте, было сделано различие между «инновацией» и «новшеством» в исследовании А. С. Коротаева, которое затем уточнил А. А. Кутейников в своей монографии. Он рассматривает термины «новшество», «нововведение» и «инновация» как научные и технические достижения, которые могут лучше удовлетворять человеческие потребности. Кутейников полагает, что инновационный процесс представляет собой динамику, где производители, стремящиеся к прибыли, создают и внедряют новшества. Дополнительно, он подчеркивает рыночную классификацию инноваций и указывает, что наличие научно-технической новизны не является ключевым критерием для понима-

ния нововведения, так как это больше относится к изобретениям [5].

Научные исследования, проведенные учеными, показали, что в современных экономических условиях инновации возникают в результате научных изысканий и разработок, ориентированных на производственные процессы. Это не только способствует их развитию, но и затрагивает различные аспекты экономики, а также правовые и социальные взаимоотношения в науке, культуре, образовании и других областях общественной деятельности.

На сегодняшний день главными средствами создания эффективной системы управления гостиничным бизнесом выступают внедрение современных технологий, включая интернет и интерактивное телевидение, а также фокус на энергоэффективность, учет потребностей клиентов, multifunctionality, адаптивность, социальную и экологическую ответственность, а также оптимизацию операционных расходов.

Развитие сети Интернет приносит гостиничному бизнесу такие преимущества, как снижение затрат, рост эффективности, облегчение доступа к потребителям даже для небольших компаний. Электронный маркетинг развивается особенно быстро.

Одним из ключевых направлений 2024 года станет персонализация. Индивидуализированные предложения не только придают людям ощущение уникальности, но и позволяют существенно экономить время, упрощая процесс выбора.

Персонализацию можно внедрять на различных этапах взаимодействия с клиентом:

- целевые e-mail-рассылки;
- специализированные лендинги;
- персонализированные товарные рекомендации на сайте или в приложении;
- многоканальная поддержка пользователей;
- чат-боты;
- push-уведомления;
- индивидуализированные программы для постоянных клиентов.

Такой подход помогает установить более тесные отношения с клиентами и делает их опыт более приятным и эффективным.

Степень персонализации варьируется от универсальных электронных писем до предложений, адаптированных под конкретного гостя с учетом различных аспектов его путешествия.

Искусственный интеллект (ИИ) все активнее проникает в нашу жизнь — и путешествия не исключение. Планирование поездки становится более персонализированным. Турагент может всего за пару минут составить индивидуальный маршрут для клиента, внося его запросы в приложение на основе ИИ (например, ChatGPT и TripAdvisor). Агрегированные данные из отельных отзывов позволяют сервисам бронирования также обстоятельнее подходить к советам для путешественников и тревел-агентов.

Приведем пример инноваций в гостиницах. Сегодня технологии «умного дома» прекрасно работают в условиях гостиницы. Так, к примеру наиболее известные международные сети отелей **Marriott** и **Hilton** используют приложения для мобильных телефонов вместо ключей или пластиковых карт. Постояльцу достаточно установить приложение на свой телефон, чтобы получить беспрепятственный доступ в свой номер на время проживания. Эта система очень удобна, ведь она избавляет гостей от беспокойства о сохранности ключа и повышает уровень безопасности номеров [6].

Отметим, что «Умные» гостиницы не только добавляют удобства туристу, но и экономят бюджет отельеров. Так, многие гостиницы уже используют технологии дистанционного управления. С помощью приложения можно раздвигать шторы, регулировать освещение, работу кондиционера и отопления, телевизора, кофеварки и других устройств с электронными чипами. В гостиницах **Four Seasons**, к примеру, для этого в номерах имеются специальные планшеты, на которых установлено управляющее приложение.

Одним из первых «умных» отелей в России стал **Hyatt Regency Moscow, Petrovsky Park**. Затем в столице появились еще два похожих проекта — **Vertical Boutique** и **AperionSpace**. В них управлять номером можно через мобильное приложение: настроить освещение и температуру в комнате или заказать еду.

В самых технологичных отелях персонал заменяют роботы или виртуальные помощники, которые заменяют стойки ресепшен: отвечают на вопросы и советуют, какие достопримечательности, кафе и рестораны посетить. Так, во Владимирской области в парке-отеле «Доброград» тестируют робота-дворецкого, помогающего при заселении гостей. Кроме дворецких, популярностью пользуются роботы-уборщики и носильщики. Последние могут доставить до нужного номера не только багаж, но и заказы из бара или ресторана, а также чистые полотенца. Например, таких роботов-доставщиков и беспилотное такси можно встретить в **Cosmos Collection Izumrudny Les** в Подмоскovie.

Оригинальная идея, которая уже реализована в одном из отелей — «умное зеркало», поверхность которого одновременно является сенсорным экраном. На нее выводятся данные о погоде и другая информация, которую может запросить постоялец.

В заключении исследования, отметим, что одна из ясных причин большого интереса к инновациям в целом и их определению — то, что инновации напрямую связаны с успешными, рентабельными новшествами, позволяющими получить конкурентные преимущества, улучшить свойства продуктов или услуг в конкретной ситуации. Инновационная теория гораздо тоньше понимает новшества, чем обычное линейное понимание научно-технического прогресса; здесь играет роль не абстрактное стремление — производить больше и лучше, вкладывая как можно больше денег в научно-технические разработки. Инновация — то, что может быть

успешно внедрено именно в данной ситуации, учитывая требования рынка, состояние конкурентной борьбы.

Одним из ключевых направлений современных инноваций в гостиничном секторе является автоматизация управления и маркетинга. В настоящее время существует множество программных решений, значительно упрощающих процесс организации и контроля бизнес-операций. Крупные гостиничные сети разрабатывают собственные программные продукты, каждый из которых адаптируется под уникальные требования их структур. В условиях высокой вероятности кибератак безопасность данных становится приоритетом, поскольку базы данных отелей содержат информацию о многих известных клиентах. Современные технологии позволяют персонализировать сервис для каждого гостя, учитывая его предпочтения и образ жизни при составлении набора гостиничных услуг.

Развитие новых технологий может сделать доступным еще более фантастические инновации в гостиничном бизнесе. В скором будущем планируется внедрение таких сервисов как: расчет по биометрии, где не будет необходимости в чипировании. Личность человека будет подтверждаться совокупностью его биометрических данных, в том числе сканированием папиллярных линий или рисунка глазной сетчатки. Для оплаты счета может быть достаточно голосового подтверждения перевода средств.

Появится интерактивный интерьер, где постоялец сможет формировать оформление номера по своему вкусу: менять цветовую гамму, расположение предметов мебели, источников света.

Индивидуальное приготовление блюд: в этом инновационном подходе будет присутствовать индивидуальное приготовление блюд, с учетом вкусовых предпочтений и состояния здоровья каждого клиента.

Перечисленные выше технологии, существуют и сегодня в разных стадиях готовности. Однако окружающий нас мир меняется очень быстро, и всего через несколько лет, будут доступны сервисы, о которых предыдущие поколения, могли только мечтать, не надеясь увидеть их реализации.

Целью внедрения новшеств в любом бизнесе является увеличение его конкурентоспособности. Этот

принцип применим ко всем отраслям, включая сферу гостиничного бизнеса. Современные технологии в гостиничной индустрии улучшают процесс бронирования номеров и пребывания в отеле, делая его более комфортным для гостей. Это способствует увеличению лояльности клиентов, переводя их в категорию постоянных посетителей, привлекает туристов и вызывает интерес, что в итоге увеличивает загрузку номеров. Кроме того, такие технологии улучшают управление отелем, способствуя повышению качества обслуживания и снижению операционных расходов.

Список источников

1. Крючкова С. Е. Творчество как новационный процесс. М. : БФРГТЗ «СЛОВО», 2007. С. 55.
2. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М., 1982.
3. Балабанов И. Т. Экономика туризма : учебное пособие / И. Т. Балабанов, А. И. Балабанов. М. : Финансы и статистика, 2014. С. 17.
4. Б. Твисс. Управление нововведениями. М. : Экономика. 2009.
5. Василенко И. А. Международные переговоры : учебник. М. : Юрайт, 2014. С. 34.
6. URL://<https://bnovo.ru/blog/innovation-in-hotels/> Инновации в гостиницах (дата обращения: 29.07.2024).

References

1. Kryuchkova S. E. Creativity as an innovative process. M. : BFRGTZ «SLOVO», 2007. P. 55.
2. Schumpeter J. A. Theory of economic development. M., 1982.
3. Balabanov I. T. Economics of tourism : textbook. handbook / I. T. Balabanov, A. I. Balabanov. M. : Finance and Statistics, 2014. P. 17.
4. B. Twiss. Innovation management. M.: Economics. 2009.
5. Vasilenko I. A. International negotiations : textbook. M. : Yurayt, 2014. P. 34.
6. URL://<https://bnovo.ru/blog/innovation-in-hotels/> Innovations in hotels (accessed: 29.07.2024).

Информация об авторе

К. А. Маноян – аспирант Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the author

K. A. Manoyan – Postgraduate Student of the Graduate School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 31.07.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 339.972

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-225-231>

EDN: <https://elibrary.ru/kvdygo>

NIION: 2015-0066-4/24-088

MOSURED: 77/27-011-2024-04-287

Технология трансформации экономики: от роста к замкнутому циклу

Роман Петрович Скляренко¹, Андрей Сергеевич Лошаков²

¹ Российская академия естественных наук, Москва, Россия,
hr-03@mail.ru, ORCID 0000-0003-4294-5435, Author ID: 436960

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
Loshakov@inbox.ru

Аннотация. Цели статьи заключаются в поиске точек сопряжения мировой и российской экономики в части осмысления осуществляемого перехода к новому экономическому укладу. В разных регионах планеты происходит неравномерный переход от экстенсивной модели высокоэнергоемкой экономики к экономике замкнутого цикла. Промышленно развитые страны стали технологическими и экономическими лидерами за счет наукоемких технологий, рассматривающих сырье не как объект, подлежащий механической или химической обработке, а как объект молекулярной и нано трансформации. Актуальность статьи обусловлена вопросом повышения производительности труда в рамках новой сформировавшейся экономической модели. Возможности применения аддитивных технологий совместно с нано и биотехнологиями позволяют многократно повысить производительность труда в сегменте массовых товаров с целью удовлетворения чрезмерного спроса. Однако, затраты на разработку и переход к новому производственному подходу доступны только наиболее развитым экономикам мира. Российская Федерация уверенно проводит трансформацию своей экономической модели, в рамках которой значительное финансирование получают наукоемкие производства. Методы исследования, примененные в статье, основаны на сравнительном подходе и анализе юридических конструкций, разрозненных явлений и публичных заявлений ведущих экономистов и политиков с целью получения синтезированного знания возможных путей развития текущей ситуации. Основные результаты, опубликованные в статье, заключаются в сопоставлении путей развития экономики мира в региональном аспекте. Изучение возможных угроз развитию экономики России привело к пониманию необходимости интенсификации привлечения в российский производственный сектор новейших производственных технологий стран Западной Европы и других стран.

Ключевые слова: международный технологический обмен, замкнутая экономика, циклическая экономика, экономическая безопасность, производительность труда

Для цитирования: Скляренко Р. П., Лошаков А. С. Технология трансформации экономики: от роста к замкнутому циклу // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 225–231. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-225-231>. EDN: KVDYGO.

Original article

Technology for economic transformation: from growth to a cycle economy

Roman P. Skliarenko¹, Andrey S. Loshakov²

¹ Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia,
hr-03@mail.ru, ORCID 0000-0003-4294-5435, Author ID: 436960

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
Loshakov@inbox.ru

Abstract. The goal of the article is to find points of interface between the world and Russian economy in terms of understanding the transition to a new economic system. Overcoming the extensive model of a highly carbon energy-intensive economy and the transition to a low carbon circular economy are not evenly distributed. The industrialized countries have moved ahead with knowledge-intensive technologies that treat raw materials not as machining or chemical objects, but as

© Скляренко Р. П., Лошаков А. С., 2024

objects for molecular and nano transformation. The urgency of the article is conditioned by the issue of labor productivity within the new economic model. The possibilities of applying additive technologies in combination with nano and biotechnology, in theory, allow increasing the productivity of labor in the segment of mass goods and mass demand. However, development costs and the transition to a new production approach are only available to the world's largest economies. The Russian Federation is confidently transforming its economic model, with significant funding for science-intensive production. The research methods applied in the article are based on the comparative approach of analysis of legal constructs and public statements of leading economists and politicians. Analyzing disparate phenomena can be given on the basis of synthesized knowledge of the way of development of the current situation. The main results published in the article are to compare the ways of development of the world economy in a regional perspective. The main results of the study conducted as part of the study of possible threats to the development of the Russian economy are an understanding of the need to intensify the attraction to the Russian production sector of the latest production technologies from Western Europe.

Keywords: international technological exchange, closed economy, cyclical economy, economic security, labor productivity

For citation: Skliarenko R. P., Loshakov A. S. Technology for economic transformation: from growth to a cycle economy. Bulletin of economic security. 2024;(4):225–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-225-231>. EDN: KVDYGO.

Введение

В рамках реализации стратегии достижения Целей устойчивого развития [1], провозглашенных Организацией Объединенных Наций как продолжение Декларации тысячелетия ООН [5], одним из направлений является переосмысление вопросов экономического роста. Так 8 цель Устойчивого развития ООН посвящена всеобщему и устойчивому экономическому росту, занятости и достойной работы для всех.

Переосмысление экономического роста приводит к противоречию. Суть противоречия заключается в формировании «цифрового разрыва»: отделении высокотехнологичного сектора крупнейших экономик промышленно развитых стран от все более замедляющегося в своем развитии первичного сектора экономик наименее развитых стран мира. С одной стороны, невероятная скорость обновления производственной базы и переход к природоподобным технологиям развитых стран, с другой стороны – опустынивание и нехватка продовольствия в экстенсивных сельскохозяйственных регионах планеты. Одновременно в развитых странах существуют роботизированные «сити-фермы», производящие свежую зелень с заданным набором микроэлементов для лучших городских ресторанов, и на нашей же планете есть страны (регионы), где десятки лет жители не могут победить кишечные инфекции из-за нехватки дезинфицирующих средств, лекарств с плохими условиями жизни.

Развитие природоподобных технологий обеспечивает невероятную скорость и масштаб воспроизводства товаров и продовольствия, что сокращает количество рабочих мест в экономиках промышленно-развитых стран и не позволяет создать новые рабочие места в формирующихся секторах промышленности развивающихся стран.

Ответ на данный глобальный вызов, с которым сталкиваются экономики всех стран мира, является вынужденное продолжение трансформации сложившихся традиций, или в научной терминологии «общественных институтов».

Изменение основ социальной системы происходит через достижение 13-й цели Устойчивого развития ООН как набора срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями (13 цель Устойчивого развития ООН посвящена климатическим действиям). На всех уровнях социальной лестницы реализуются собственные стратегии трансформации. Если школьникам прививают навыкам развития экологического мышления, то для руководителей предприятий внедряют методику расчета размера налога на углеродный след.

Цели устойчивого развития поддерживают и взаимно усиливают друг друга: на уровне национальной законодательной власти, они превращаются в свод законодательных актов, отраслевых стандартов и тем телевизионных передач. В Европейском союзе был сформирован механизм имплементации целей в экономические планы государств путем коррекции законодательных актов.

Трансформация экономики

Европейский союз (далее ЕС) регулирует трансформацию экономики своих стран участниц по направлению к модели экономики замкнутого цикла. Основные институты ЕС в г. Брюссель (Бельгия) разрабатывают директивы, направляемые в национальные парламенты, где они оформляются как решения местных парламентариев. Задержек, как правило, не бывает, поскольку национальные партии, представленные в Европейском парламенте, могут получать информацию заблаговременно для подготовки национальных парламентариев своих стран к текущей повестке дня.

Первым документом в начале 2000-х годов стал краеугольный вопрос циклической экономики (экономики замкнутого цикла) родившейся из социалистических воззрений индийских экономистов на основе осмысления советского опыта переработки отходов при безотходном производстве.

«Пакет законов по обращению с отходами» Европейского союза нацелен на создание рынков повторного использования, восстановления, переработки и утилизации товарных потоков, называемых кратким словом –

отходы. Создание каждого рынка привело к разработке научных решений по извлечению полезных веществ из ежедневных отходов крупнейшего на планете рынка потребления с населением около 480 миллионов человек с целью формирования рационального механизма распределения и потребления товаров и услуг.

Зная состав и структуру входящих товарных потоков можно создать технологии разделения, сортировки и оценки стоимости исходящих потоков. Конечно, экономистам нужен был общий параметр оценки, приводящий к учетной единицы, пригодной для сравнения стоимости массы поступающих товаров и отходов. Такой показатель нужен для подсчета стоимости потребления и остаточной стоимости товарного потока. Согласно общепризнанному товару номер один – нефти, данная единица стала называться углеродным коэффициентом.

Углеродные единицы, расчет углеродного следа и возникшая на этой основе идея углеродного налога в разных формах обсуждалась в ООН и различных площадках согласования наднациональных решений с конца 1970-х годов. К 2000 годам населению ЕС на законодательном уровне было предписано соблюдение норм по раздельному сбору бытовых отходов. Это стало завершением формирования системы переработки промышленных отходов, общеевропейский рынок которых сложился к 1985 году.

К 2035 году планируется достигнуть планки в 65 % по сортировке и обработке промышленных и бытовых отходов. Одновременно происходит изменение к требованиям формирования и вывода на рынок новых товаров в части снижения углеродного следа, и сокращения объемов и упрощении переработки новых товаров, попадающих со временем в отходы [3].

Законодательно произошло усиление и расширение меры ответственности производителя не только в части экологической безопасности, безопасности потребления, но и безопасности хранения, сортировки, переработки и утилизации отходов. Стали замкнутыми цифровые системы учета движения товарных потоков, их потребления и контроля последующей жизни отходов (отсюда популярно применение к экономике слов «замкнутая», «циклическая»).

С 2005 года национальные парламенты Европейского союза принимали законы о реализации планов перехода к устойчивому потреблению и производству. Речь идет о социалистической идеи государства как корпорации, работающей по планам производства, сбыта и потребления для предотвращения перерасхода ресурсов, кризисов недопотребления и стабилизации уровня занятости для снижения нагрузки на систему социальной помощи.

Поскольку большинство ресурсов в Европейском союзе закончилось, либо подойдет к порогу дефицита в обозримом будущем, то в 2009-м году была утверждена общеевропейская Стратегия использования природных ресурсов, которая трансформировалась во множество

национальных стратегий. Таким образом, стал возможен подсчет сырьевого баланса и дефицита торговых и платежных балансов. То, что было положено в основу Европейской организации угля и стали и Европейского центрального банка – было сведено в один документ.

Идея создания Европейского объединения угля и стали впервые была предложена 9 мая 1950 года Робером Шуманом, министром иностранных дел Франции, в качестве меры пресечения возможных войн между Германией и Францией. В то время Западная Европа была под полным внешним управлением со стороны оккупационной военной администрации США. Начиная с 3 апреля 1948 года по 1951 год, крупнейшим получателем денег по плану Маршалла была Великобритания (получившая около 26 % от общей суммы), Франция (18 %) и Западная Германия (11 %) [13].

В 2011 году концепция экономики замкнутого цикла была предложена национальным парламентам стран ЕС для подготовки на ее основе будущих бюджетных планов. Государственные планы, программы, дорожные карты, проекты бюджетов, задающие направление и скорость социально-экономической трансформации общества с этого года, стали формироваться на основе новой экономической концепции.

К 2014 году в национальных документах стран ЕС появились практические меры, подкрепленные бюджетными статьями и целевыми показателями реализации «дорожной карты» по переходу к экономике замкнутого цикла.

К 2019 году экономика замкнутого цикла официально стала основой европейской экономической модели. Эта «новая экономика» была закреплена в бюджетах национальных стран, как инструмент реализации плана по сокращению углеродного следа, достижению углеродной нейтральности.

Учет выбросов углекислого газа, его аналогов, компенсация выбросов путем создания углеродно-отрицательных производств, с целью достижения углеродной нейтральности европейской экономики к 2035 году казалось легко достижимой целью в наиболее развитых странах ЕС. Помимо наднациональной и национальной системы управления, в ЕС существуют муниципальная форма прямого управления территориями. Фактически часть властных полномочий с национального уровня была передана на наднациональный уровень управления, а часть – спущена на муниципальный. При этом объединение муниципалитетов сформировало «Европу регионов» – со своей системой нормотворчества и реализации принятых решений, подкрепленных местными бюджетами. Такая система позволяла оставлять собранные налоги на уровне муниципалитетов, не передавая их на национальный уровень, откуда бы они уходили в Европейский союз, НАТО, ООН и прочие многочисленные наднациональные и международные организации, определяющие сумму взносов в зависимости от размеров ВВП и налоговых сборов национальных государств.

Европейские муниципалитеты разрабатывают конкретные прикладные планы местной трансформации региональной экономики путем составления и реализации «дорожных карт» перехода к циклической экономике. Сотни муниципалитетов объединены в союзы с целью достижения на их территории углеродно-нейтрального баланса. Отдельные союзы включают муниципалитеты с целями полного отказа от производства и экспорта со своей территории отходов. Также есть союзы муниципалитетов, нацеленные на снижение потребления, то есть импорта товаров потребления на своей муниципальной территории.

Цифровые биржи вторичного сырья и углеродных единиц действуют под контролем Министерств окружающей среды ЕС. Отсюда и расцвет зеленых партий, имеющих стабильные источники пополнения партийных касс за счет экологических сборов, взносов, экспертиз законодательных актов и отдельных производственных цепочек [2].

Разрабатываются научные программы во многих отраслях знания, нацеленных на создание новых прорывных технологий использования привычного вида сырья. Переход на молекулярный уровень, а затем на нано уровень позволил получить совершенно новый взгляд на десятки видов сырья и отходов [9].

Фактически произошел эволюционный переход к новому технологическому укладу. Важно отметить, что стандарты нового уклада стран ЕС не могут быть применены к развивающимся странам. Это перенаправит их усилия с пути экстенсивной индустриальной экономики в русло низко-углеродной замкнутой экономики с последующим снижением темпов экономического роста. Новое экологическое мышление с одной стороны сдерживает экстенсивный промышленный рост, с другой повышает качество жизни в рамках когнитивного уклада циклической экономики.

Это привело к формированию точки зрения, согласно которой активно навязываемая Западом развивающимся странам экологическая повестка по ограничению углеродных выбросов служит инструментом сдерживания их промышленного роста. Насаждение им экологического мышления приводит к отказу от потребительской модели экономического развития, в которой постоянно растущее потребление рассматривается как источник экономического роста и показатель качества жизни, – популярна в нефтедобывающих странах [3].

Фактически речь идет о вопросе поддержания рециркуляции нефтедолларов. Мы продаем нефть и на полученные нефтедоллары покупаем теперь не люксовые автомобили, а дорогие смартфоны и при их помощи тратим деньги внутри создаваемых в развитых странах мета вселенных.

Происходит переток денег от нефтедобывающих компаний (стран) к высокотехнологическим консорциумам, оперирующими большими данными (технология Big Data) при помощи когнитивных технологий, включая искусственный интеллект и квантовые компьютеры.

Генерация денежных потоков внутри цифровых экосистем повышает стоимость акций данных высокотехнологических консорциумов развитых стран.

Замкнутая экономика или осажденная крепость

Создание сложных экономических условий жизни на селе и выдавливание сельского населения в города широко распространилось в ряде стран мира после Второй мировой войны и носило название «урбанизации», т. е. сознательного развития и укрупнения городов, сохранение в сельской местности минимального числа населения, занятого высокопроизводительным сельским хозяйством. Причины были как в необходимости перехода к индустриальному образу жизни, так и в невозможности защитить население сельской местности в условиях нового поколения войн. Противоракетная оборона позволяла в тот период защитить от нападения с применением термоядерного оружия только отдельные районы, как правило, столицы государств и крупные военные базы.

Относительно Российской Федерации можно сказать, что предпосылки к развитию в обществе экологического сознания имеются весьма слабые. Этим можно объяснить предпринятые огромные усилия государства в течение 20 века по формированию городского индустриального образа жизни граждан.

Можно последовательно упомянуть явления, каждое из которых формировало многомиллионную волну миграции в города из сельской местности, как то: борьба с кулаками, середняками и коллективизация села; индустриализация, предполагавшая перемещение огромного числа сельских жителей в промышленные центры; оккупация части территории СССР фашистскими захватчиками, повлекшая за собой массовую эвакуацию и создание новых промышленных центров; послевоенные «стройки родины»; развитие новых добывающих центров страны и создание мощнейшей промышленности в целом; «комсомольский набор» на «стройки пятилеток»; «поднятие целены»; отсутствие пенсий для колхозников и паспортов в сельской местности; компания по ликвидации «бесперспективных» деревень; «лимиты» на переселение сельских жителей в города; наборы на восстановление городов, разрушенных землетрясениями; высылка в сельскую местность и малые населенные пункты лиц, освободившихся из мест заключения; эмиграционная волна за рубеж в 1990-х годов; укрупнение муниципалитетов, сопряженное с ликвидацией школ, больниц, отделений банков, почт в районных центрах.

Вышеприведенные примеры показывают миграционные волны в России из сельской местности в города, а также из развивающихся стран к нам и от нас в развитые страны. Одновременно идут миграционные движения из районов с тяжелыми климатическими условиями в районы с более благоприятными условиями жизни, из районов условно пригодных для проживания в благоприятные регионы.

К 2021 году в нашей стране сформировались три устойчивых крупных центра притяжения миграции:

г. Москва, г. Санкт Петербург, Кубань (Ростовско-Краснодарско-Сочинская агломерация – южный мегалополис) и еще около 10–12 городов, уверенно формирующих вокруг себя многомиллионные городские агломерации. Это новый индустриальный каркас российской экономики, разнесенный по огромной территории страны. При этом город Москва единственный полностью постиндустриальный мегаполис нашей страны.

В 21 веке проживание в городах стало также финансово выгодным с точки зрения помещения семейных накоплений в строящиеся городские квартиры и иную жилую недвижимость на территории городов. Развитие рынка ипотечного кредитования также позволило улучшить условия проживания миллионам граждан Российской Федерации [11; 12].

Рецепты организации «дауншифтинга», расселения старых де индустриальных городов, применимые в малых по территории промышленно развитых странах, где условия проживания по уровню коммунальных удобств и инфраструктуры мало отличаются между городами и селами слабо применимы к Российской Федерации. Под «дауншифтингом» (от англ. downshifting, «понижение») понимается идеологический отказ от ценностей общества потребления и индустриального образа жизни. Климат Европы позволяет восстановить частное мелкотоварное производство продуктов питания в форме досуга, хобби или осознанного решения. Органическое земледелие увязано с заботой о плодородном слое почвы и сборе мусора, его переработке и повторном использовании. Экономия энергии, отказ от энергоемких производств, бытовых приборов поддерживается высокой стоимостью энергоносителей и утилизационными сборами в рамках сформированной замкнутой экономики. Рост производительности труда приводит к сокращению времени, проводимого на работе, при увеличении времени, отводимого на не оплачиваемую социальную активность. Крайние формы дауншифтинга предполагают отказ от проживания в городах, миграцию в сельскохозяйственные развивающиеся страны для работы учителем или санитаром в международных благотворительных проектах.

Если посмотреть на этот процесс с точки зрения военной экономики и специальных психологических операций, то речь идет о подготовке к массовой эвакуации из Европы наиболее образованных и социально ответственных граждан с формированием на новом месте жизни сетей доверия.

Вместе с тем Российская Федерация не может позволить себе отставание в процессе перехода к новому экономическому укладу. Трансформация экономической реальности ведет к изменению расходов, принципов потребления и традиций формирования образа жизни населения. До 2022 года этот стихийный процесс был под значительным влиянием международных транснациональных корпораций, формирующих у россиян путем оплачиваемой телевизионной рекламы счастливый образ будущего потребления и через это модели потре-

бительского поведения (отметим, что сформированная стилистика рекламы сейчас не поменялась и модель потребительского поведения продолжает устойчиво закрепляться в новых поколениях граждан).

Этап технологической трансформации российская экономика встретила под руководством правительства технократов. Если накопленные фонды будут направлены на инвестирование, то можно предполагать взрывной рост разработок в сферах биотехнологии, телекоммуникаций, нано и когнитивных технологий, транслируемый на все отрасли российской экономики [10]. Это приведет к пересмотру норм и правил городского индустриального образа жизни населения.

В первую очередь речь идет об увеличении продолжительности жизни людей за счет создания новых платформ для разработки вакцин от широкого круга инфекционных заболеваний. Развитие телемедицины и медицинских систем искусственного интеллекта по идее должны поднять уровень диагностики вне зависимости от места проведения обследования. Генная терапия позволит продлить период активной жизни в пожилом возрасте.

Трансформация энергетического комплекса за счет распространения водородной энергетики, мобильных атомных электростанций и роста емкости аккумуляторов – позволит освоить и сделать пригодными для проживания, ранее считавшиеся климатически экстремальными территории в районах крайнего севера и портах Северного морского пути.

Понижение углеродной емкости экономики предполагает поиск путей адаптации к изменению климата не только сельского хозяйства и так считающегося рискованным на территории России, но и промышленности, инфраструктуры городов. Введение налогов на углеродный след и создание отрасли по утилизации углеродных выбросов, разработку требований по их снижению и введение здесь жесткого цифрового контроля и мониторинг пообещал Президент России В. В. Путин в обращении к Федеральному Собранию [7].

Предполагается, что Россия будет более быстрыми темпами сокращать накопленный объем чистой эмиссии парниковых газов по сравнению с Европейским союзом. При этом «решение климатических проблем должны стать мощным стимулом для комплексной модернизации всех отраслей экономики и социальной сферы. Это прямой путь к созданию современных, хорошо оплачиваемых рабочих мест. Подходы в области охраны окружающей среды носят абсолютно принципиальный характер и ревизии, безусловно, не подлежат... принцип «загрязнитель платит» должен в полной мере работать и в сфере обращения с отходами, чтобы обеспечить переход к так называемой экономике замкнутого цикла. Для этого нужно уже в текущем году запустить механизм расширенной ответственности производителей и импортеров за утилизацию товаров и упаковки» [7].

«И еще, как уже говорил, в 12 крупнейших индустриальных центрах страны объем вредных выбро-

сов в атмосферу должен снизиться на 20 процентов к 2024 году. Мы об этом уже говорили. Эта задача должна быть, безусловно, решена за счет комплексной модернизации промышленности, ЖКХ, транспорта, энергетики. Более того, предлагаю распространить систему квотирования вредных выбросов на все города России, где остро стоит проблема качества воздуха, и предусмотреть строгую ответственность за соблюдение таких экологических норм. Сделать это нужно, конечно, на основе прозрачного мониторинга» [7].

Заключение

Последовательная трансформация российской экономики позволила сравнительно гибко реагировать на поправки международного права и торговых обычаев со стороны ряда государств. Европейские журналисты, называя свою экономику циклической, заявляют, что это им поможет преодолеть грядущий энергетический кризис. При этом экономику России, прошедшую схожий путь, называют экономикой осажденной крепости, которая должна задохнуться.

Тем не менее, показатели экономической статистики говорят, что в 2024 году Россия стала по паритету покупательской способности ВВП крупнейшей экономикой Европы [8].

Длительные цепочки многократных переделов сырья в замкнутой экономике должны привести к удорожанию товаров и сокращению расходов на заработную плату, за счет роста производительности. То есть жизнь дорожает, а качество ее ухудшается. Но усилия российского правительства, действующего в противофазе к мировому кризису, развернуло ситуацию так, что российская экономика стала испытывать дефицит кадров, зарплаты пошли вверх, а импорт в 2023 году вернулся на прилавки магазинов.

Гибкое управление статьями бюджетов на основе информационной системы Министерства финансов Российской Федерации и электронного согласования межведомственных финансовых интересов на базе ситуационного центра Правительства России обеспечило прохождение наиболее острых фаз экономической агрессии в отношении России с минимальными потерями для российского потребителя большинства товаров и услуг [4]. Стабилизация валютного курса, насыщение автомобильного рынка новыми моделями (правда, более дорогими), развернутые ипотечные программы, расширение потребительского кредитования – это примеры из ряда мер активизации экономического поведения населения.

Обобщение полученных научных результатов нашего исследования можно описать следующим образом: диалектическое развитие идей экономики с опорой на внутренние силы от идей И. Тюнена и Чучхе до циклической замкнутой безотходной экономики 21 века говорит о наличии непрерывной экономической агрессии со стороны наиболее развитых стран Европы в отношении сырьевых доноров. Кризисы, выход из которых европейцы ищут во внутри европейских войнах, гово-

рят о росте энтропии замкнутых систем, их распаде и увядании без внешней подпитки дешевыми энергетическими ресурсами. Что ведет к непрерывной внутренней борьбе между получателями сырья и внешней борьбе за доступ к ресурсам на мировых рынках. Данные явления сопровождаются ростом цен и увеличением денежной массы.

Перспективы применения полученных результатов заключаются в систематизации, анализе и сравнении экономических практик 19–20-х веков на новом витке развития, применительно к увеличению производительности российской экономики [6], и выходу ее на позиции лидера в условиях экономической агрессии и распада международного права.

Список источников

1. 17 целей устойчивого развития // Официальный сайт ООН // URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 11.05.2024).
2. Авдокушин Е. Ф. Развитие цифровых платформ в современной экономике // Вопросы новой экономики. 2021. № 2 (58). С. 4–13.
3. Атласов Н. Циклическая экономика – что это за «зверь»? // Бизнес-газета 19.03.2021 г. // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/502698> (дата обращения: 11.05.2024).
4. Гатиятулин Ш. Н., Орлов А. В. Проблемы импортозамещения в России и пути их разрешения // Форум. 2022. № 3 (26). С. 8–12.
5. Декларация тысячелетия ООН // Официальный сайт ООН // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/422015> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Лошаков А. С. Актуальные направления повышения производительности труда в современной России // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2020. № 2. С. 75–83.
7. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 21.04.2021 г. // Официальный сайт Президент России // URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 11.05.2024).
8. Путин В. В. ответил на вопросы Такера Карлсона. Интервью Такеру Карлсону. 09.02.2024 г. // Официальный сайт Президент России // URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 11.05.2024).
9. Складенко Р. П. Россия на мировом рынке технологий // Вопросы новой экономики. 2007. № 1. С. 25–37.
10. Складенко Р. П. Экологическое измерение постиндустриальных технологий формирует требования к экономической безопасности // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2023. № 2. С. 70–75.
11. Хачатурян М. В. Механизмы обеспечения структурной безопасности экономики России в условиях глобализации и пути их совершенствования // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2012. № 2. С. 21.

12. Трофимов М. Н., Коноваленко С. А., Корнилович Р. А., Гаджиев Н. Г. Эффективность финансового сектора как важнейшее условие обеспечения экономической безопасности государства // Экономика. Информатика. 2021. Т. 48, № 2. С. 307–318.

13. Schain Martin. The Marshall Plan : Fifty Years After. New York : Palgrave, 2001. ISBN 978-0333929834.

References

1. 17 Sustainable Development Goals // Official UN website <https://sdgs.un.org/goals> (accessed: 11.05.2024).

2. Avdokushin E. F. The development of digital platforms in the modern economy // Issues of the new Economy. 2021. № 2 (58). P. 4–13.

3. Atlasov N. Cyclical economy – what kind of «beast» is this? // Business newspaper 19.03.2021 // URL://<https://www.business-gazeta.ru/article/502698> (accessed: 11.05.2024).

4. Gatiyatulin Sh. N., Orlov A.V. Problems of import substitution in Russia and ways to resolve them // Forum. 2022. № 3 (26). P. 8–12.

5. The UN Millennium Declaration // The official website of the United Nations // URL://<https://digitallibrary.un.org/record/422015> (accessed: 11.05.2024).

6. Loshakov A. S. Actual directions of increasing labor productivity in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of Finance and Law MFUA. 2020. № 2. P. 75–83.

7. Putin V. V. President's Message to the Federal Assembly on 21.04.2021 // Official website of the President of Russia // URL://<https://kremlin.ru/events/president/news/65418> (accessed: 11.05.2024).

8. Vladimir Putin answered questions from Tucker Carlson. Interview with Tucker Carlson. 09.02.2024 // Official website of the President of Russia // URL://<https://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (accessed: 11.05.2024).

9. Sklyarenko R. P. Russia on the global technology market // Issues of the new economy. 2007. № 1. P. 25–37.

10. Sklyarenko R. P. The environmental dimension of post-industrial technologies forms the requirements for economic security // The global economy: security issues. 2023. № 2. P. 70–75.

11. Khachaturian M. V. Mechanisms for ensuring structural security of the Russian economy in the context of globalization and ways to improve them // GosReg: state regulation of public relations. 2012. № 2. P. 21.

12. Trofimov M. N., Konovalenko S. A., Kornilovich R. A., Gadzhiev N. G. The effectiveness of the financial sector as the most important condition for ensuring the economic security of the state // Economy. Computer science. 2021. Vol. 48, № 2. P. 307–318.

13. Schain Martin. The Marshall Plan: Fifty Years After. New York : Palgrave, 2001. ISBN 978-0333929834.

Информация об авторах

Р. П. Складенко – ученый секретарь секции «Глобалистика и методология науки» Российской академии естественных наук, кандидат экономических наук, доцент;

А. С. Лошаков – заместитель начальника кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

R. P. Skliarenko – Secretary of the Section «Global Studies and Methodology of science» of the Russian Academy of Natural Sciences, Candidate of Economics Sciences, Associate Professor;

A. S. Loshakov – Deputy Head of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contribute equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 01.10.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 01.10.2024.

Научная статья

УДК 33.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-232-236>

EDN: <https://elibrary.ru/lvlinx>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-4/24-089

МОСКОВСКИЙ: 77/27-011-2024-04-288

Блокчейн технологии как перспективный механизм развития

Нелли Викторовна Цхададзе

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

nelly-vic@mail.ru

Аннотация. В статье показано влияние цифровой экономики и использования блокчейн технологии как перспективного механизма развития. Систематизированы преимущества и риски внедрения технологии блокчейн для экономических систем различного уровня. Показано, что блокчейн обеспечивает прозрачность, неизменность и защищенность транзакций, однако существуют ограничения по производительности и масштабируемости технологии, а также проблемы нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: цифровизация экономики, блокчейн технологии, блокчейн-платформы, кибербезопасность, области использования блокчейн технологий

Для цитирования: Цхададзе Н. В. Блокчейн технологии как перспективный механизм развития // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 232–236. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-232-236>. EDN: LVLINX.

Original article

Blockchain technology as a promising development mechanism

Nelli V. Tskhadadze

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

nelly-vic@mail.ru

Abstract. The article shows the influence of the digital economy and the use of blockchain technology as a promising development mechanism. The advantages and risks of implementing blockchain technology for economic systems of various levels are systematized. It is shown that blockchain provides transparency, immutability and security of transactions, however, there are limitations in the performance and scalability of the technology, as well as regulatory problems.

Keywords: digitalization of the economy, blockchain technologies, blockchain platforms, cybersecurity, areas of use of blockchain technology

For citation: Tskhadadze N. V. Blockchain technology as a promising development mechanism. Bulletin of economic security. 2024;(4):232–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-232-236>. EDN: LVLINX.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект, большие данные, Интернет вещей, облачные сервисы, происходит масштабная цифровая трансформация глобальной экономики. Эти процессы кардинально меняют способы ведения бизнеса, формы занятости, скорость и масштабы экономических взаимодействий. Появляются принципиально новые цифровые бизнес-модели, которые заменяют традиционные отрасли. Технологии распределенных реестров, такие как блокчейн, открывают большие перспективы для повышения прозрачности и доверия в экономических отношениях.

Вместе с тем возникает множество рисков – от кибератак до массовой технологической безработицы из-за роботизации производств. Эти процессы оказывают ко-

лоссальное влияние на характер и динамику глобальных экономических процессов. Изучение данных тенденций крайне важно для формирования адекватной государственной политики в этой сфере, а также для бизнеса в плане понимания грядущих изменений конкурентной среды. Таким образом, тема исследования обладает высокой актуальностью.

Блокчейн – это технология распределенного хранения и передачи данных, основанная на децентрализованной модели с применением криптографических методов защиты. В основе лежит выстроенная по определенным правилам непрерывная цепочка блоков с информацией, копии которой хранятся на множестве узлов одновременно. Изменять информацию в одном блоке невозможно без одновременного изменения всех остальных.

© Цхададзе Н. В., 2024

Блокчейн нашел применение при осуществлении транзакций с криптовалютами, выпуске цифровых активов, хранении данных об образовательных сертификатах, записях о праве собственности и т. д.

Блокчейн представляет собой распределенную базу данных, работающую в режиме реального времени, на основе технологии одноранговой сети передачи криптографически защищенных блоков с информацией от участника к участнику без участия какого-либо посредника.

Концептуальной основой системы блокчейн является идея передачи цифровых записей по цепочке блоков, где каждый следующий блок содержит в себе информацию о предыдущем, образуя, таким образом, непрерывную логическую цепочку. Это обеспечивается за счет использования криптографических методов: каждая транзакция и содержимое блока хешируются при помощи специальных алгоритмов, что практически исключает возможность подделки информации. Реестр данных блокчейна реплицируется на всех узлах сети одновременно, изменять данные в одном из блоков практически невозможно без одновременного изменения информации во всех остальных блоках. Это гарантирует надежность, прозрачность и неизменность реестра.

Блокчейн активно применяется в финансовой сфере для проведения операций, связанных с криптовалютами и токенизацией цифровых активов. Например, технология лежит в основе платформ Биткоин и Эфириум. Перспективными являются проекты по применению блокчейн для повышения эффективности банковского дела (умные контракты, цифровые профили клиентов, межбанковские расчеты и др.) [4].

Значимой областью использования блокчейна являются корпоративная логистика и цифровая трансформация бизнеса. Распределенные реестры с криптозащищенными транзакциями позволяют отслеживать перемещение товаров, проводить инвентаризацию, обеспечивать прозрачность поставок и т. д. В будущем это ускорит процедуры таможенного администрирования, снизит расходы компаний на логистику, а также минимизирует риски мошенничества и подделок [8].

Также блокчейн перспективен для внедрения в системы государственного и муниципального управления. В частности, для идентификации перемещений граждан, ведения земельных и других кадастров, автоматизации оказания государственных услуг, организации открытых голосований и выборов, учета результатов голосования и др. На блокчейне могут основываться цифровые профили граждан, содержащие историю полученных услуг, выданных разрешений и сертификатов, что позволит существенно повысить эффективность государственных органов.

Таким образом, блокчейн – это прорывная технология, обеспечивающая защищенный обмен данными без посредников в режиме реального времени. Ее потенциал и масштабы внедрения будут постоянно расширяться по мере совершенствования технологии и появления ин-

новационных бизнес-моделей на ее основе. Это позволит повысить эффективность и конкурентоспособность различных отраслей экономики и сфер общественной жизни.

Блокчейн базируется на концепции распределенного реестра (distributed ledger) – выстроенной по определенным алгоритмам непрерывной последовательной цепочки блоков транзакций, защищенных криптографией. Копии реестра реплицируются на множество узлов реестро-реестр сети одновременно. Это исключает возможность централизованного контроля и вмешательства в работу системы.

Для обеспечения консенсуса в распределенной децентрализованной среде и подтверждения транзакций в блокчейне используется механизм доказательства работы (PoW). Он заключается в решении сложной криптографической головоломки участниками с последующим представлением результата в виде хеша для верификации остальными узлами. Чем больше вычислительных ресурсов задействовано для решения задачи конкретным майнером, тем выше вероятность генерации им нового блока с набором транзакций для добавления в общую цепочку. Майнер, первым представивший верное решение, получает вознаграждение. Так реализуется принцип конкуренции, повышающий отказоустойчивость и защищенность сети [6].

Структурно блокчейн представляет собой выстроенную в хронологическом порядке непрерывную цепочку блоков, содержащих набор транзакций. Каждый блок ссылается на предыдущий при помощи хеш-указателей – результатов работы криптографических хеш-функций предыдущих блоков. Это обеспечивает целостность и неизменность всей цепи, так как при модификации информации в одном из блоков нарушится вся последовательность хешей. Также в состав блока входит заголовок, временная метка и, опционально, произвольные поля под метаданные. Размер блока и время генерации нового блока в сети зависят от конкретной реализации блокчейна и консенсусного алгоритма.

Таким образом, принципы децентрализации, криптографической защиты, консенсуса участников и сквозной целостности транзакционных записей лежат в основе устройства и функционирования технологии блокчейн. Ее уникальная структура из последовательно связанных блоков позволяет обеспечить прозрачность, неизменность и отказоустойчивость распределенного реестра данных, работающего без какого-либо административного контроля.

Среди блокчейн платформ можно выделить три основных типа в зависимости от модели управления и доступа: публичные, приватные и консорциумные.

Публичный блокчейн характеризуется полной децентрализацией и открытостью, а участие в валидации транзакций и согласовании новых блоков может принимать любой пользователь сети. К публичным блокчейн относятся платформы Биткоин, Эфириум, Litecoin. Их преимущества – высочайшая степень отказоустой-

чивости, неизменности и прозрачности реестра. Недостатки же обусловлены относительно невысоким быстродействием и ограничениями масштабируемости из-за использования консенсусных алгоритмов типа PoW.

Приватные блокчейн работают в закрытой среде под управлением владельца сети, имеющего полный контроль над доступом. Это обеспечивает высокую скорость транзакций, но в ущерб децентрализации. Примеры – платформы Hyperledger Fabric, R3 Corda, Quorum. Их чаще всего используют для решения корпоративных задач, требующих конфиденциальности и защищенного обмена информацией между фиксированным кругом организаций-партнеров.

Консорциумный блокчейн находится под управлением группы компаний-участников консорциума. Они совместно вырабатывают политики сети, верифицируют транзакции и генерируют блоки. Такая модель объединяет частичную централизацию с сохранением ключевых свойств публичного блокчейна: прозрачность, аудит, криптозащита. Пример – платформа Energy Web Chain в энергетической отрасли.

В перспективе ожидается появление кросс-чейн решений, позволяющих объединить в единую сеть различные типы блокчейнов для решения комплексных задач, а также новых высокопроизводительных блокчейн-платформ на основе продвинутых алгоритмов консенсуса и технологии прямых ациклических графов (DAG). Это выведет потенциал блокчейна и децентрализованных приложений на новый уровень в масштабе мировой экономики.

Технология блокчейн благодаря присущим ей свойствам децентрализации, криптографической защиты, распределенности реестра и консенсуса участников обладает рядом существенных преимуществ для экономики.

Во-первых, использование блокчейна повышает прозрачность и доверие между контрагентами при осуществлении транзакций, поскольку исключает возможность мошенничества, подделок и фальсификации благодаря криптозащите и распределенной природе реестра. Каждый участник может проверить подлинность транзакции, а ее параметры невозможно в одностороннем порядке изменить.

Во-вторых, децентрализованный характер блокчейн позволяет снизить транзакционные издержки за счет устранения посредников, таких как банки, регистраторы, биржи, юридические конторы и т. д. Их функции при осуществлении платежей, заключении контрактов, удостоверении прав собственности могут быть автоматизированы смарт-контрактами. Экономия от внедрения блокчейна, по разным оценкам, составит в мировом масштабе к 2030 г. от 50 до 100 млрд долл. ежегодно.

В-третьих, блокчейн позволяет существенно – на порядки и более по сравнению с традиционными средствами – ускорить выполнение транзакций, будь то пла-

тежи, заключение сделок, регистрация активов и т. п. Например, межбанковские платежи на платформе Ripple осуществляются в среднем за 4 секунды.

Наконец, технология блокчейн гарантирует полную неизменность хранящихся в распределенном реестре транзакций и исключает возможность их фальсификации или несанкционированного доступа благодаря криптографической защите и механизму консенсуса. Это критически важно для многих областей экономики, где требуются гарантии подлинности и целостности данных.

Таким образом, использование технологии блокчейн в экономике имеет целый спектр значимых преимуществ как для отдельных организаций, так и для экономики в целом. Эти преимущества будут только возрастать по мере развития платформ и накопления практического опыта.

Наряду с несомненными достоинствами, технология блокчейн имеет и ряд ограничений, которые могут создавать барьеры для ее повсеместного внедрения в экономику.

Первой группой ограничений являются технические факторы. К ним относятся сложности масштабирования, то есть наращивания производительности при росте нагрузки, для публичных платформ, работающих на алгоритмах консенсуса типа PoW. Есть вызовы и с обеспечением требуемой скорости транзакций для решения задач реального времени. Кроме того, майнинг в публичных сетях чрезвычайно энергоемок, что негативно сказывается на экологии при глобальном распространении.

Еще одним барьером выступает недостаточная проработка нормативно-правовой базы в области регулирования криптоактивов, smart contracts, цифровых прав, что сдерживает масштабное практическое применение блокчейн в таких областях как финансы, недвижимость, логистика. Неоднозначны подходы к юридическому статусу децентрализованных организаций и распределенных реестров [3].

Серьезным вызовом является технологическая и организационная неготовность традиционных институтов внедрять и использовать децентрализованные реестры, поскольку блокчейн кардинально меняет устоявшиеся подходы к хранению, обмену и управлению данными. Это требует значительных инвестиций в трансформацию.

Таким образом, несмотря на ряд сдерживающих факторов для внедрения, потенциал и перспективы блокчейн чрезвычайно высоки. Поэтому важно комплексно работать по совершенствованию этой технологии и созданию необходимых правовых и организационных условий для ее распространения [3].

В данном случае весьма велика роль государства в обеспечении кибербезопасности и защите персональных данных.

Во-первых, необходима разработка эффективного законодательства, регулирующего сферу кибербезо-

пасности. Российское законодательство в данной области еще недостаточно развито и нуждается в доработке с учетом последних тенденций в сфере киберугроз. В частности, требуется более четкое определение полномочий госорганов, бизнеса и граждан при предотвращении и ликвидации последствий кибератак. Также важно прописать жесткие меры ответственности за нарушения в сфере кибербезопасности. Кроме того, России необходим специализированный орган, координирующий деятельность различных ведомств в данной сфере. Такой централизованный координационный центр позволит более эффективно обмениваться информацией о киберугрозах и оперативно реагировать на них.

Во-вторых, ключевое значение имеют технические меры защиты критической информационной инфраструктуры. Без внедрения передовых технологий кибербезопасности невозможно обеспечить надежную защиту. В частности, это относится к таким областям как искусственный интеллект, машинное обучение, блокчейн и квантовые вычисления. Их интеграция способна качественно повысить возможности по предотвращению и выявлению кибератак.

Параллельно необходимо вести подготовку высококвалифицированных специалистов по кибербезопасности, способных грамотно использовать передовые технологии. В настоящее время остро ощущается нехватка компетентных кадров в этой сфере.

Более того, важно повышать киберграмотность не только профессионалов, но и рядовых пользователей. Можно сказать, что зачастую кибератаки удаются из-за халатного отношения пользователей к вопросам информационной безопасности. Массовое обучение населения кибергигиене может существенно снизить уязвимости.

Наконец, приоритетной задачей является техническая защита информационных систем, содержащих персональные данные граждан. К сожалению, до сих пор многие базы данных защищены недостаточно надежно и уязвимы перед кибератаками – как это продемонстрировал недавний инцидент с утечкой данных с сайта госуслуг. Необходимо стимулирование внедрения современных решений в сфере кибербезопасности – шифрования трафика, мультифакторной аутентификации, систем обнаружения вторжений и др. Это также требует подготовки высококвалифицированных ИТ-специалистов по защите информации [11].

Таким образом, обеспечение конфиденциальности персональных данных – сложная комплексная проблема, для решения которой необходимы согласованные действия законодательной, исполнительной и технической составляющих под контролем государства. Только так можно минимизировать риски злоупотреблений в отношении личной информации граждан в процессе цифровой трансформации всех сфер общества.

В последние годы технология блокчейн активно обсуждается как одно из перспективных направлений цифровой трансформации государственного управления.

Однако в научном сообществе нет однозначного мнения по поводу возможностей и ограничений ее применения в данной сфере.

Сторонники внедрения блокчейна в госсектор выделяют следующие ключевые преимущества [9]:

1. Повышение прозрачности и доверия общества к госорганам за счет хранения данных в распределенном и неизменяемом блокчейне. Это ограничивает возможности для коррупции и фальсификаций.

2. Автоматизация многих бюрократических процедур посредством «умных контрактов», что ускоряет оказание госуслуг гражданам и бизнесу.

3. Высочайший по современным меркам уровень кибербезопасности хранимых в блокчейне данных за счет их децентрализованности и криптографической защиты.

Однако критики применения блокчейна в госсекторе высказывают и серьезные контраргументы [10]:

1. Недостаточная зрелость и масштабируемость самой технологии блокчейн для использования в крупнейших информационных системах госорганов. Риски сбоев и отказов очень высоки.

2. Колоссальная стоимость перевода всех государственных баз данных в блокчейн. При этом возврат инвестиций под большим вопросом.

3. Сложности с внесением изменений в блокчейн и нехватка квалифицированных специалистов по его эксплуатации в госструктурах.

По нашему мнению, и сторонники, и противники внедрения блокчейна в госсектор выдвигают веские аргументы. Действительно, эта технология несет большой потенциал для качественной трансформации системы государственного управления. Однако в текущем виде блокчейн едва ли готов к широкомасштабному применению на государственном уровне – слишком высоки риски неудач, что может нанести непоправимый репутационный ущерб госорганам.

Можно согласиться с тем, что массовое внедрение блокчейна во всей государственной системе в ближайшие годы преждевременно и может принести больше вреда, чем пользы. Однако локальное тестирование этой технологии в рамках пилотных государственных проектов видится весьма конструктивным. Это позволит на практике оценить готовность блокчейна к применению в сфере государственного управления и выработать оптимальную стратегию его масштабирования с учетом всех рисков.

Кроме того, крайне важно параллельно стимулировать совершенствование самой технологии блокчейн – повышение ее производительности, надежности, масштабируемости, а также решение проблемы изменения данных. Это потребует, как государственной поддержки фундаментальных исследований в данной сфере, так и тесной кооперации с частным ИТ-бизнесом, обладающим передовыми разработками.

Таким образом, несмотря на очевидный потенциал, технология блокчейн в настоящее время еще неспособна

на полноценно ответить на вызовы цифровой трансформации системы государственного правления. Требуются как доработка самой технологии, так и накопление практического опыта ее ограниченного применения в рамках пилотных государственных проектов. Лишь после этого можно будет с уверенностью говорить о масштабном внедрении блокчейна в госсекторе.

Библиографический список

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. М. : Манн, Иванов и Фербер. 2019. 326 с.
2. Барнэс Дж. Секреты Google. Масштабирование от стартапа до глобальной компании. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 336 с.
3. Ершов А. Н. Правовое регулирование защиты персональных данных. М. : РИОР, 2020. 296 с.
4. Иванкина Л. И. Кибербезопасность баз персональных данных. Информационные технологии, 2021. № 8. С. 28–39.
5. Parker G. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. WW Norton & Company, 2016. 352 p.
6. Reillier L. C., Reillier B. Platform Strategy: How to Unlock the Power of Communities and Networks to Grow Your Business. Routledge, 2017. 238 p.
7. Van Alstyne M. W., Parker G. G. and Choudary S. P. Pipelines, platforms, and the new rules of strategy. Harvard Business Review. Vol. 94, 2016.
8. Zhu F., Iansiti M. Why Some Platforms Thrive and Others Don't. Harvard Business Review, January-February 2019.
9. Клечиков А. В. Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 12 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-tehnologii-i-ih-ispolzovanie-v-gosudarstvennoy-sfere> (дата обращения: 29.04.2024).
10. Михаленко Ю. А., Крюкова А. А. Блокчейн как один из элементов цифровизации государства // Вестник евразийской науки. 2018. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-kak-odin-iz-elementov-tsifrovizatsii-gosudarstva> (дата обращения: 29.04.2024).

11. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work // IMF // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2024/01/14/Gen-AI-Artificial-Intelligence-and-the-Future-of-Work-542379> (дата обращения: 29.04.2024).

Bibliographic list

1. Adizes I. Corporate life cycle management. M. : Mann, Ivanov and Ferber. 2019. 326 p.
2. Barnes J. The secrets of Google. Scaling from a startup to a global company. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 336 p.
3. Ershov A. N. Legal regulation of personal data protection. M. : RIOR, 2020. 296 p.
4. Ivankina L. I. Cybersecurity of personal data databases. Information Technology, 2021. No. 8. P. 28–39.
5. Parker G. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. WW Norton & Company, 2016. 352 p.
6. Reillier L. C., Reillier B. Platform Strategy: How to Unlock the Power of Communities and Networks to Grow Your Business. Routledge, 2017. 238 p.
7. Van Alstyne M. W., Parker G. G. and Choudary S. P. Pipelines, platforms, and the new rules of strategy. Harvard Business Review. Vol. 94, 2016.
8. Zhu F., Iansiti M. Why Some Platforms Thrive and Others Don't. Harvard Business Review, January-February 2019.
9. Klechikov A. V. Pryanikov M. M., Chugunov A. V. Blockchain technologies and their use in the public sphere // International Journal of Open Information Technologies. 2017. No. 12 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-tehnologii-i-ih-ispolzovanie-v-gosudarstvennoy-sfere> (accessed: 29.04.2024).
10. Mikhalenko Yu. A., Kryukova A. A. Blockchain as one of the elements of digitalization of the state // Bulletin of Eurasian Science. 2018. No. 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-kak-odin-iz-elementov-tsifrovizatsii-gosudarstva> (accessed: 29.04.2024).
11. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work // IMF // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2024/01/14/Gen-AI-Artificial-Intelligence-and-the-Future-of-Work-542379> (accessed: 29.04.2024).

Информация об авторе

Н. В. Цхададзе – профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. V. Tskhadadze – Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-237-242>

EDN: <https://elibrary.ru/lzgspl>

NIION: 2015-0066-4/24-090

MOSURED: 77/27-011-2024-04-289

Пути совершенствования антиинфляционного регулирования в России

Сергей Владимирович Шманев¹, Гуйчгелди Аразгелдиев²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ shmanev_s_v@mail.ru

² guycharazgeldiyev7@gmail.com

Аннотация. В современной мировой экономике инфляция является важнейшими фактором макроэкономической нестабильности. Именно поэтому с целью эффективного регулирования инфляционных процессов уделяют серьезное внимание анализу факторов макроэкономической нестабильности, причинам и формам их проявления, социально-экономическим последствиям. Статья посвящена анализу и выработке методов регулирования инфляции на основе опыта, который Российская Федерация получила за последние десятилетия. Исследование основано на теории Дону с использованием статистических данных и метода скользящих средних. Цель исследования – предложить новый подход к разработке модельного построения основных факторов влияния на уровень инфляции разными компонентами макроэкономики, состоящего из двух уровней: глобального и локального, обеспечивающего стабильность экономики страны в условиях современных вызовов и угроз. При исследовании были использованы методы статистического анализа и метод скользящей средней с данными временных рядов для сглаживания краткосрочных колебаний и выделения основных тенденций и/или циклов.

Ключевые слова: инфляция, управление социально-экономическими процессами, прогноз, модель

Для цитирования: Шманев С. В., Аразгелдиев Г. Пути совершенствования антиинфляционного регулирования в России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 237–242. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-237-242>. EDN: LZGSPL.

Original article

Ways to improve anti-inflationary regulation in Russia

Sergey V. Shmanev¹, Guichgeldi Arazgeldiev²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ shmanev_s_v@mail.ru

² guycharazgeldiyev7@gmail.com

Abstract. In the modern world economy, inflation is the most important factor of macroeconomic instability. That is why, in order to effectively regulate inflationary processes, serious attention is paid to the analysis of factors of macroeconomic instability, the causes and forms of their manifestation, and socio-economic consequences. The article is devoted to the analysis and development of methods for regulating inflation based on the experience that the Russian Federation has gained over the past decades. The study is based on the Dow theory using statistical data and the moving average method. The purpose of the study is to propose a new approach to the development of a model of the main factors influencing the inflation rate by different components of macroeconomics, consisting of two levels: global and local, ensuring the stability of the country's economy in the face of modern challenges and threats. Statistical analysis methods and the moving average method with time series data were used in the study to smooth out short-term fluctuations and highlight the main trends and/or cycles.

Keywords: inflation, management of socio-economic processes, forecast, model

For citation: Shmanev S. V., Arazgeldiev G. Ways to improve anti-inflationary regulation in Russia. Bulletin of economic security. 2024;(4):237–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-237-242>. EDN: LZGSPL.

Инфляция является одним из самых важных направлений в исследованиях макроэкономики. На сегодняшний день инфляция присуща всем суверенным странам,

поскольку нынешние деньги являются фиатными (ничем не обеспеченными), что в свою очередь приводит к тому, что в каждой стране орган, регулирующий эконо-

© Шманев С. В., Аразгелдиев Г., 2024

мику, уделяет особое внимание инфляционной политике страны. Немаловажное значения инфляция имеет и для России: после 70 лет социального строя и фактически моментального перехода к капитализму инфляция оставила свой уникальный след в экономической истории нашей страны. В эпоху геополитической нестабильности сдерживание инфляции является стратегически важным направлением экономической политики России [2; 9; 13].

На данный момент инфляция составляет чуть более 7 %, однако заявлена цель довести значение ее уровня до 4 %. Чтобы привести инфляцию к целевому показателю и убрать лишний спрос Банк России сохраняет ключевую ставку на уровне 16 %. Помимо этого, он усиливает контроль и надзор в сфере выдачи кредитов коммерческими банками. Информационная открытость, ведение денежно-кредитной политики в открытом формате способствуют тому, чтобы инфляционные ожидания оставались в рамках стратегии Банка России. Сохранение плавающего курса рубля по отношению к другим валютам также является высоким показателем надежности экономики России в условиях геополитической нестабильности. Чтобы активировать политику «дорогих денег» Министерство финансов РФ выпускает ОФЗ, с помощью которой государство уменьшит количество денег в экономике [13; 14; 15].

Как известно, при ведении денежно-кредитной политики регулятор обычно сталкивается с рядом проблем, выступающих причиной негативных последствий, связанных с результатами решения центрального банка. Среди них можно заметить:

- отсутствие контроля ЦБ над наличностью в экономике;
- повышение ключевой ставки, не приводящее к изменению объема кредита, предоставляемого на рынке;
- плохо прогнозируемые результаты и так далее.

В качестве ключевой проблемы выделим наличие временных лагов, которые бывают следующих видов:

1) первый лаг: промежуток времени между возникновением необходимости действовать и осознанием этой необходимости;

2) второй лаг: между осознанием необходимости действовать и осуществлением действий;

3) третий лаг: между действиями и их последствиями.

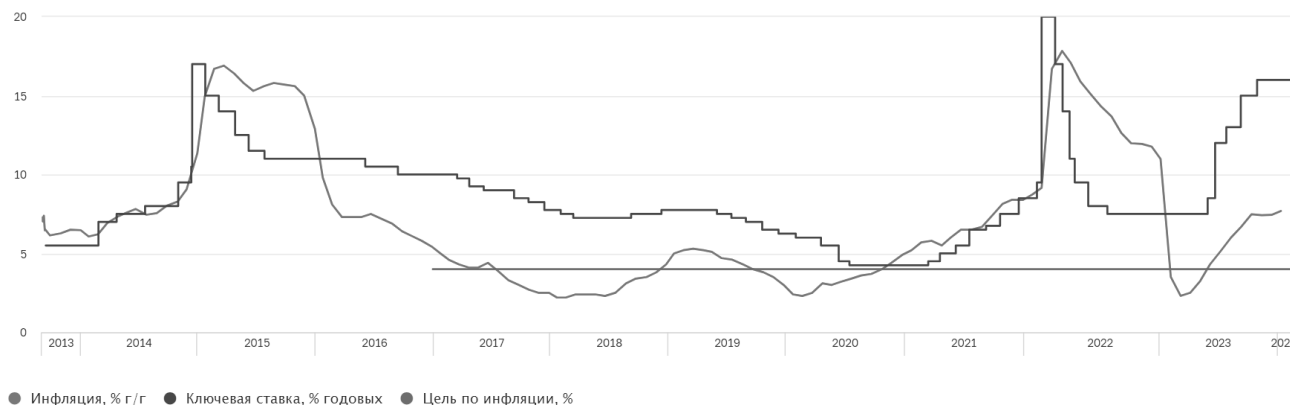
Второй вид временного лага зависит от эффективности работы аппарата управления ЦБ, третий – является объективной проблемой и на него воздействовать не получится ни в каком случае, а вот первый лаг является более чем прогнозируемым, но наиболее сложным [11; 12].

Особенно это заметно при анализе второй проблемы – повышение ключевой ставки. Как известно основной целью Банка России является поддержание стабильно низкой инфляции, и здесь важно подчеркнуть, что Центробанк не стремится убрать инфляцию полностью, он лишь пытается понизить ее уровень основным инструментом ЦБ сдерживания на целевых уровнях инфляции в экономике посредством изменения ключевой ставки.

Поясним. Центробанк принимает решение о ключевой ставке не в соответствии с той инфляцией, которая существует сейчас (имеющиеся у Центробанка данные об инфляции текущего момента не являются актуальными сразу же, так как отражают информацию о прошлом периоде (месяца, квартале, годе)). Центробанк полагает, что основной инструмент «Ключевая ставка» будет действовать на инфляцию через минимум как три квартала в будущем, с условием быстрой адаптации субъектов экономики.

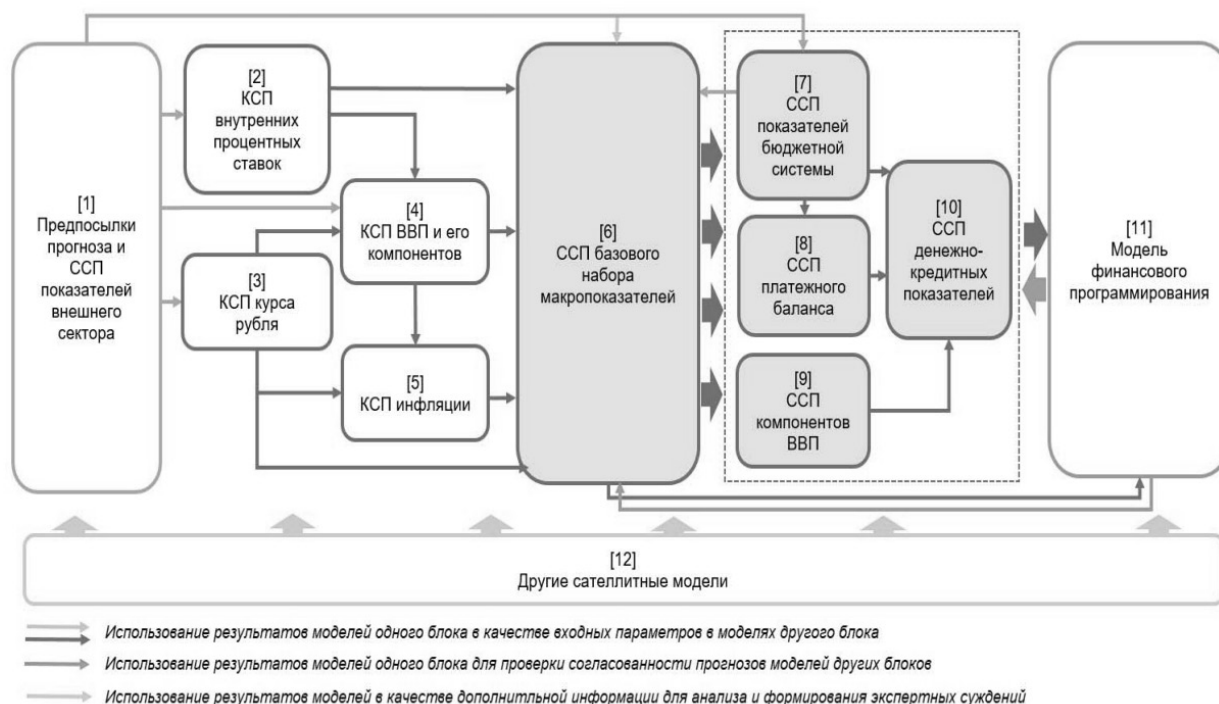
Таким образом, Центробанк вынужден действовать с поправкой на предположительное будущее и для принятия решения строит разного рода модели, которые учитывают большое количество вариантов развития событий в положительную или же отрицательную сторону для экономики. Первым этапом является формирование предпосылок прогноза: для этого Центробанк собирает и обрабатывает данные об основных показателях экономики и составляет краткосрочные прогнозы. На основе этих краткосрочных прогнозов Центробанк привлекает модели среднесрочного периода (от 6 до 1,5 лет) и это в свою очередь является вторым прогнозным этапом модельного аппарата Центрального банка.

Прогнозы и модели, полученные в первых двух этапах, обрабатываются с помощью финансовой модели

Источник: данные Банка России

Рис. 1. Инфляция и ключевая ставка

Источник: данные Банка России

Рис. 2. Этапы подготовки сценарного макроэкономического прогноза

программирования, в рамках которой рассчитываются разного рода индикаторы, способствующие вычислению долгосрочных экономических прогнозов [3; 6; 10].

Таким образом, ЦБ остается уязвимым перед разного рода экономическими шоками, так как действует в неопределенности, и ДКП может быть неэффективна из-за, как уже говорилось, первого рода временного лага.

Для того чтобы решить эту ключевую проблему авторами были приняты попытки модельного построения основных факторов влияния на уровень инфляции разными компонентами макроэкономики, состоящими из двух уровней:

глобального: фирмы, государство, домохозяйства, внешний сектор; и

локального: образуемого глобальным – ВВП; уровень безработицы; средний уровень заработной платы; инфляционные ожидания; стоимость нефти; курс рубля; факторские резервы коммерческих банков.

Основная идея заключается в том, что для того, чтобы установить ключевую ставку, способствующую развитию экономики в определенный период, необходимо правильно прогнозировать инфляцию в будущем. А для того, чтобы правильно прогнозировать инфляцию в будущем необходимо правильно определить те факторы и компоненты экономики, которые окажут наибольшее влияние на инфляцию. Вычислив все векторы направления и сложив их, можно будет более точно прогнозировать саму инфляцию, а вместе с ней и установить правильную ключевую ставку [11; 17].

Прогнозирование коридора влияния факторов было осуществлено с помощью вычисления исправленного стандартного отклонения по формуле:

$$S_{BTC} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (r_i - \bar{r}_{\text{среднее фактора}})^2}{n-1}},$$

где:

r_i – i -ое значение фактора;

$\bar{r}_{\text{среднее фактора}}$ – среднее значение фактора;

n – количество исследуемых значений.

А также при помощи среднего значения каждого фактора:

$$\bar{r}_i = \frac{\sum_{t=1}^n r_{it}}{n},$$

где:

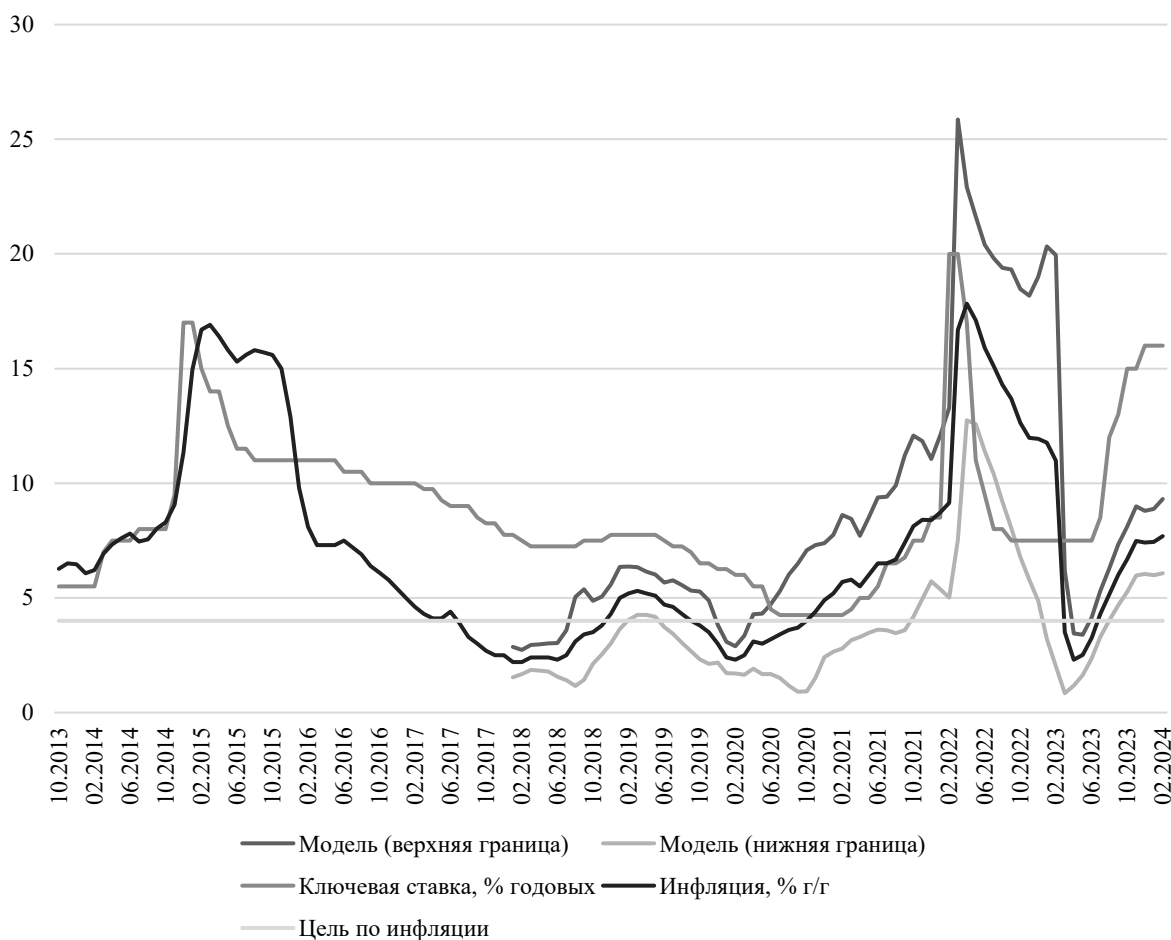
$\bar{r}_i$ – ожидаемое значение фактора;

r_{it} – значение фактора в момент времени t ;

n – количество измерений.

Далее после того, как на каждый момент времени t в динамике у нас есть показатели, мы приводим все факторы в каждый момент к общему значению при помощи коэффициента вариации, которая вычисляется как стандартное отклонение, деленное на среднее значение фактора в динамике, и приводим все значения к общему знаменателю через среднее.

После этого находим коэффициент вариации для годовых значений самой инфляции и с их помощью строим два столбца: в первом – из значений инфляции на момент времени t отнимаем коэффициент вариации, а во втором столбце к коэффициенту вариации прибавляем значение вариации факторов. Результат превращаем посредством обратной функции в значение самой инфляции, и в динамике с использованием всех данных получаем следующую модель, состоящую из верхней и нижней границ уровня прогнозируемой инфляции.

Источник: составлено на основе данных Росстата

Рис. 3. Коридор значений модели для инфляции

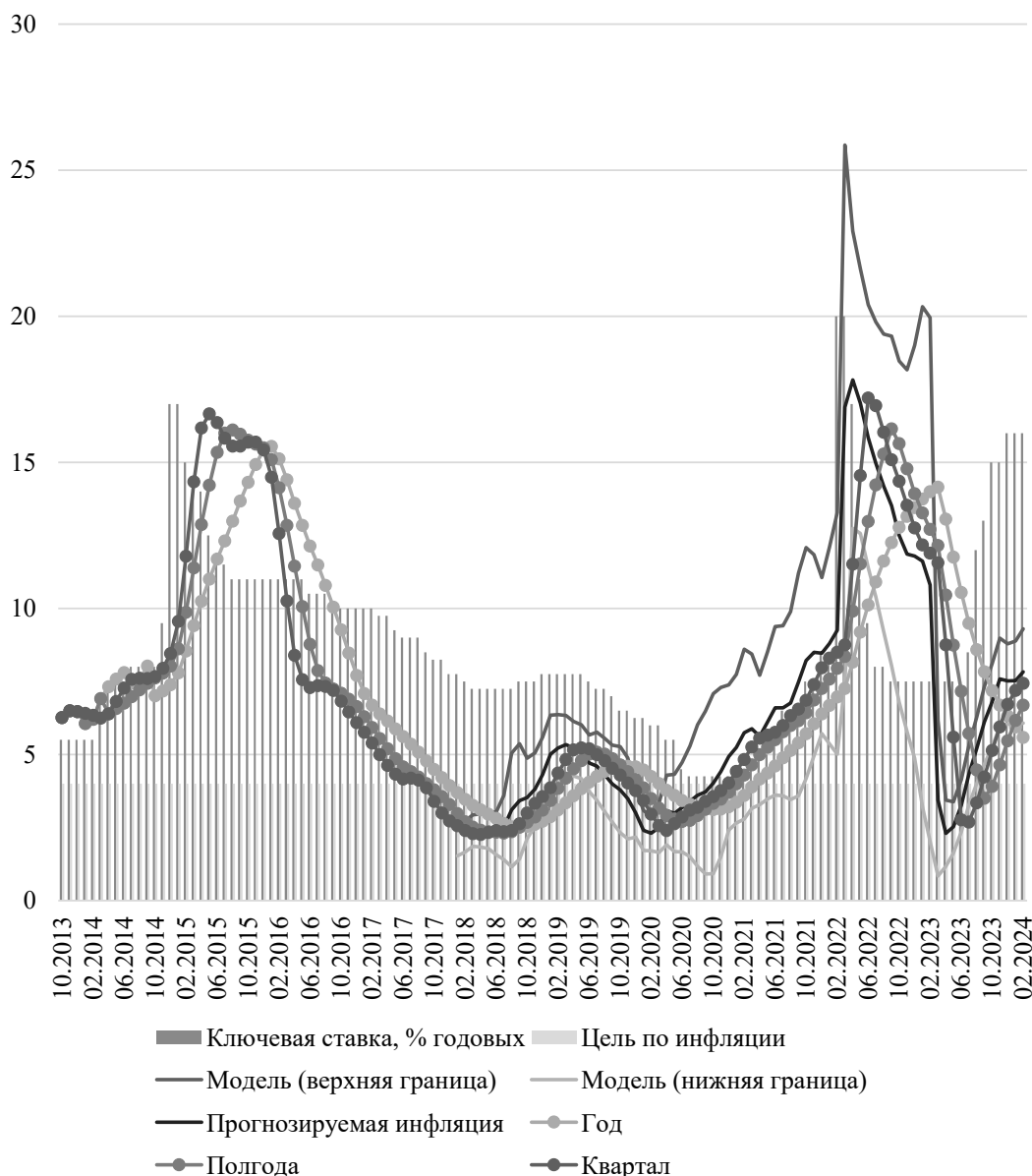
Предполагается, что инфляция не может выйти за рамки этой модели в каждый следующий период времени, так как все основные факторы, влияющие на уровень инфляции, отражены в вариации модели, и в случае экономических шоков результаты будут видны сначала на факторах, а потом на инфляции. Таким образом, модель покажет отклонения от заданных параметров и позволит оперативно действовать ЦБ РФ.

Следующим шагом является построение скользящих средних каждого из факторов, затем вычисление цепных темпов роста каждого из них. Предполагается, что ключевая ставка не должна превышать удвоенного значения верхней и нижней границы, а момент ее изменения принимается на основе теории Доу с данными инфляции и 3-х уровней скользящих средних[1; 4; 7].

Умение сдерживать инфляцию на целевых значениях является очень непростой задачей, но в условиях многополярного мира она является стратегически важной. В своей новейшей истории Россия сталкивалась неоднократно с большими трудностями и преградами на пути к экономическому развитию, однако это всегда становилось важным уроком [5; 8; 6]. Но, несмотря на накопленный опыт и некоторые успехи Центробанка в своей деятельности, остаются большие упущения и проблемы, каждое из которых может быть решено с помощью новых инструментов и моделей.

Библиографический список

1. Ахмедова М. М. Антиинфляционная политика и механизмы инфляции // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2021. № 1-1 (83). С. 189–193.
2. Боробов В. Н., Миндлин Ю. Б. Особенности инфляции и антиинфляционной политики государства в рыночных условиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 10. С. 9–17.
3. Брыскина Е. О. Анализ и оценка инфляционных процессов в России // МНИЖ. 2020. № 4-2 (94). С. 6–10.
4. Воронин Б. А., Чупина И. П., Воронина Я. В. Сущность антиинфляционной политики России // АОН. 2020. № 3.
5. Городюк Ю. Ж., Юдина О. В. Антиинфляционная политика государства и ее основные направления // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2022. № 1. С. 92–95. EDN OWMVAO.
6. Зименкова А. А., Уланова О. И. Появление и развитие скрытых форм инфляции в России // Инновационные идеи молодых – десятилетие науки и технологий: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 ноября 2023 года.

Источник: составлено на основе данных Росстата

Рис. 4. Модель принятия решений о ключевой ставке

Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 157–161.

7. Китиева М. И., Точиева Л. К. Антиинфляционная политика как метод борьбы с инфляцией // Colloquium-Journal. 2020. № 1-8 (53). С. 40–41.

8. Кочубей Е. И. Влияние инфляции на экономику России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-2. С. 22–25.

9. Куклинова П. С. Специфика развития инфляционных процессов в современной российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 1. С. 26–33.

10. Лякин А. Н. Кризис 2022 : потенциальные масштабы и ожидаемые следствия // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 4.

11. Минакова И. В., Быковская Е. И., Распопин Д. И. Повышение эффективности антиинфляционной полити-

ки на основе учета специфики российской инфляции // Modern Economy Success. 2020. № 1. С. 12–18.

12. Османова Б. М. Выбор нового уровня цели по инфляции в рамках режима таргетирования инфляции Банка России // Студенческий. 2023. № 42-7(254). С. 31–34.

13. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // URL://[https://cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024\(2025-2026\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024(2025-2026).pdf) (дата обращения: 20.11.2023).

14. Примышев И. Н. Основные этапы российской инфляции : их характеристика и особенности // Вестник ГУУ. 2020. № 11. С. 133–140.

15. Потребительские цены // Росстат // URL://<https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.01.2024).

16. Сковрцова М. А., Хайров Р. Р. Антиинфляционная политика : опыт России и зарубежных стран

в условиях пандемии // Вестник РУК. 2021. № 2 (44). С. 74–77.

17. Тюкавкин Н. М., Морозова С. А., Носова М. К. Экономико-математическое моделирование зависимости показателей инфляции от динамики государственных расходов в России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 4. С. 202–212. DOI 10.18287/2542-0461-2023-14-4-202-212.

Bibliographic list

1. Akhmedova M. M. Anti-inflationary policy and mechanisms of inflation // Bulletin of Nosir Khusrav Bokhtar State University. Series of Humanities and Economic Sciences. 2021. № 1-1 (83). P. 189–193.

2. Borobov V. N., Mindlin Yu. B. Features of inflation and anti-inflationary policy of the state in market conditions // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2021. № 10. P. 9–17.

3. Bryskina E. O. Analysis and assessment of inflationary processes in Russia // MNIZH. 2020. № 4-2 (94). P. 6–10.

4. Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V. The essence of anti-inflationary policy of Russia // AON. 2020. № 3.

5. Goroduk Yu. Zh., Yudina O. V. Anti-inflationary policy of the state and its main directions // Bulletin of the Tula branch of the Financial University. 2022. № 1. P. 92–95. EDN OWMVAO.

6. Zimenkova A. A., Ulanova O. I. The emergence and development of hidden forms of inflation in Russia // Innovative ideas of the young – the decade of science and technology: A collection of materials of the International scientific and practical conference, Penza, November 30, 2023. Penza : Penza State Agrarian University, 2023. P. 157–161.

7. Kitieva M. I., Tochueva L. K. Anti-inflationary policy as a method of combating inflation // Colloquium-Journal. 2020. № 1-8 (53). P. 40–41.

8. Kochubey E. I. The impact of inflation on the Russian economy // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 8-2. P. 22–25.

9. Kuklinova P. S. Specifics of the development of inflationary processes in the modern Russian economy // Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2022. № 1. P. 26–33.

10. Lyakin A. N. The crisis of 2022 : potential scales and expected consequences // Russian Economic Journal. 2022. № 3. P. 4.

11. Minakova I. V., Bykovskaya E. I., Raspopin D. I. Improving the effectiveness of anti-inflationary policy based on taking into account the specifics of Russian inflation // Modern Economy Success. 2020. № 1. P. 12–18.

12. Osmanova B. M. Choosing a new level of inflation target within the framework of the inflation targeting regime of the Bank of Russia // Studentskiy. 2023. № 42-7 (254). P. 31–34.

13. The main directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025 and 2026 // URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024\(2025-2026\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024(2025-2026).pdf) (accessed: 20.11.2023).

14. Primyshev I. N. The main stages of Russian inflation : their characteristics and features // Bulletin of GUU. 2020. № 11. P. 133–140.

15. Consumer prices // Rosstat // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (accessed: 25.01.2024).

16. Skvortsova M. A., Khairov R. R. Anti-inflationary policy : the experience of Russia and foreign countries in a pandemic // Bulletin of HANDS 2021. № 2 (44). P. 74–77.

17. Tyukavkin N. M., Morozova S. A., Nosova M. K. Economic and mathematical modeling of the dependence of inflation indicators on the dynamics of government spending in Russia // Bulletin of the Samara University. Economics and management. 2023. Vol. 14, № 4. P. 202–212. DOI 10.18287/2542-0461-2023-14-4-202-212.

Информация об авторах

С. В. Шманев – заместитель руководителя кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор;

Г. Аразгелдиев – студент гр. МЭО22-1 факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

S. V. Shmanev – Deputy Chief of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor;

G. Arazgeldiev – Student of the group MEO 22-1 of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 13.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 13.09.2024.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-243-247>

EDN: <https://elibrary.ru/piqomg>

НИОН: 2015-0066-4/24-091

MOSURED: 77/27-011-2024-04-290

Компетентностный подход в саморазвитии курсантов вузов МВД РФ в условиях глобальных вызовов

Людмила Александровна Казанцева¹, Сергей Яковлевич Казанцев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Казанский юридический институт МВД РФ, Казань, Республика Татарстан,
menedgment-kfu@mail.ru

Аннотация. Анализируются перспективные возможности реализации компетентностного подхода в вузах МВД РФ с учетом глобальных вызовов. Представлены барьеры в эффективной реализации компетентностного подхода в инновационном образовательном процессе и условия их преодоления. Раскрыты возможности эффективного овладения курсантами профессионально значимыми компетенциями в процессе самообразования.

Ключевые слова: глобальные вызовы высшему профессиональному образованию, метауровень профессиональной подготовки курсантов, компетентностный подход, принципы реализации компетентностного подхода, саморазвитие в контексте компетентностного подхода

Для цитирования: Казанцева Л. А., Казанцев С. Я. Компетентностный подход в саморазвитии курсантов вузов МВД РФ в условиях глобальных вызовов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 243–247. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-243-247>. EDN: PIQOMG.

Original article

Competence approach in self-development of cadets of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of global challenges

Lyudmila A. Kazantseva¹, Sergey Ya. Kazantsev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Republic of Tatarstan,
menedgment-kfu@mail.ru

Abstract. The promising opportunities for the implementation of competence-based approach in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia taking into account global challenges are considered. The barriers to the effective realization of the competence approach in the innovative educational process and the conditions of their overcoming are presented. The possibilities of effective mastering of professionally significant competences by cadets in the process of self-education are revealed.

Keywords: global challenges to higher professional education, meta-level of cadets' professional training, competence approach, principles of competence approach realization, self-development in the context of competence approach

For citation: Kazantseva L. A., Kazantsev S. Ya. Competence approach in self-development of cadets of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the conditions of global challenges. Bulletin of economic security. 2024;(4):243–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-243-247>. EDN: PIQOMG.

В современных условиях особую значимость приобретает подготовка будущих кадров для системы органов внутренних дел как конкурентоспособных, компетентных, креативных специалистов, способных решать

профессиональные задачи с учетом их нестандартности, противоречивости, лавинообразного расширения информационного социокультурного и профессионального пространства, «вбросов» фейковой информации,

© Казанцева Л. А., Казанцев С. Я., 2024

способных проектировать, моделировать, исследовать и готовых к системному, непрерывному личностно-профессиональному саморазвитию с учетом особенностей нарастающих глобальных вызовов.

Одним из современных глобальных вызовов системе высшего профессионального образования являются принципиально новые требования к уровню профессиональной подготовки специалиста. В недалеком прошлом уровень профессиональной подготовки определялся преимущественно академическими достижениями выпускника вуза – сформированной в процессе обучения системой профессиональных знаний, умений и алгоритмов деятельности. Но, на практике этого оказывалось недостаточным для эффективного осуществления профессиональной деятельности, повышения уровня профессиональной компетентности и карьерного роста. А выпускники, в большинстве своем, не были готовы и способны к оперативному самостоятельному обновлению профессиональных знаний (тем более к творческому применению полученных) и личностно-профессиональному саморазвитию в контексте концепции непрерывного образования и самообразования «через всю жизнь». Все это приводило и приводит к негативным психологическим состояниям молодых специалистов, порой необоснованному разочарованию в выборе профессии и, как следствие, к уходу из нее.

Ответом на этот глобальный вызов была и остается разработка принципиально новой гуманистической парадигмы высшего профессионального образования, проектирование и реализация инновационной образовательно-профессиональной среды на основе компетентностного подхода. Внедрение компетентностного подхода не является на сегодняшний день новым. В течение двух последних десятилетий были разработаны и внедрены несколько поколений ФГОСов по всем уровням и направлениям профессиональной подготовки. Все ФГОСы были ориентированы на овладение компетенциями – многомерными по сути, которые формировались как система: инновационного индивидуально-личностного учебно-профессионального отношения (ценностно-смысловой и мотивационно-прогностический компонент), метазнания (когнитивный компонент), познавательной активности, интеллектуальной инициативы и самопроцессов (прогностический, организационно-деятельностный и рефлексивно-коррекционный компоненты). При разработке ФГОСов предполагалось, что при их освоении значительное внимание будет уделено самообразованию обучающихся и субъектному овладению курсантами компетенциями.

Однако в вузовской практике обнаруживаются барьеры, снижающие эффективность реализации государственных образовательных стандартов, основанных на компетентностном подходе.

Для эффективной реализации компетентностного подхода на основе ФГОСов необходим принципиально новый системный мониторинг динамики овладения курсантами именно компетенциями, условно разделенными

на три группы: универсальные (в первых поколениях ФГОС они были представлены в соответствующих обозначениях как общекультурные), общепрофессиональные, профессиональные. Справедливости ради отметим, что необходима тщательная коррекция совокупности представленных компетенций по всем трем обозначенным группам. Например, в группе универсальных компетенций (ФГОС по специальности 40.05.02 – «правоохранительная деятельность», 44.05.01 – «педагогика и психология девиантного поведения» УК-1 «Системное и критическое мышление»). Здесь нужен существенный пересмотр формулировки [1; 2]. То же самое касается других компетенций. В соответствии с требованиями к особенностям инновационного мышления курсантов – будущих сотрудников правоохранительных органов обязательно включение фундаментальных интеллектуальных приемов мыследеятельности: анализ, сравнение, синтез, индукция, дедукция, гипотеза, абстрагирование, а также таких ее особенностей, как: нестандартность, креативность, прогностичность, вариативность и др. В ряде научно-практических исследований представлена авторская конкретизация особенностей мыследеятельности обучающихся. Общепринятого же представления набора таких особенностей нет ни теоретическом, ни на прикладном уровнях.

Только в случае общепринятого понимания, мониторинг динамики овладения курсантами инновационной, профессионально значимой мыследеятельностной компетенцией будет объективно верным.

Универсальные компетенции, по сути, должны обеспечивать многомерную в наполнении и реализации методологию учебно-профессиональной деятельности. Овладение универсальными компетенциями создает реальную основу овладения обучающимися методологической культурой учебно-профессиональной деятельности, в том числе на основе самопроцессов – самообразования и саморазвития.

Универсальные компетенции – это инвариант для всех направлений профессиональной подготовки. В процессе их целенаправленного, осмысленного овладения курсантами в разных дисциплинах должно обеспечиваться их наполнение новым содержанием и смыслами. Поэтому, совместными усилиями всех педагогов по всем дисциплинам (это особенно важно!), необходимо обеспечивать не только их целенаправленное, системное формирование, развитие, но и системный, поэтапный, многомерный мониторинг уровней их сформированности и диалектики перехода с одного уровня на другой. Системный мониторинг овладения компетенциями может и должен проводиться педагогами, но также самими курсантами с последующим самоанализом и обсуждением достигнутых результатов, выявленных барьеров и т. д. Процесс овладения ими должен носить «сквозной характер» (по курсам обучения, дисциплинам, формам учебно-профессиональной деятельности) с учетом принципов преемственности, интегративности, вариативности, дополнительности.

При этом должен активизироваться когнитивный компонент учебно-профессиональной деятельности. У курсантов при этом формируется индивидуально осмысленное знание: что такое компетенции, как ими овладеть; какое значение имеет каждая из компетенций в будущей эффективной профессиональной деятельности и карьерном росте; какой личностный потенциал для этого необходим и что требует саморазвития.

Совокупность компетенций, прописанных во всех вариантах ФГОС в каждой из трех групп (универсальные, общепрофессиональные, профессиональные), к сожалению, не является целостной, полномерной системой, создающей фундаментальный образовательный и личностный методологический и технологический базис успешности общенаучной и профессиональной подготовки.

В образовательной практике не обеспечивается соотношение особенностей формируемых компетенций (особенно универсальных) с особенностями мышления курсантов, обладающих принципиально новыми особенностями мышления цифрового поколения, к которому они относятся. А без такого учета эффективность формирования инновационной мыследеятельностной компетенции в целом весьма низкая.

Кроме того, на практике, в процессе внедрения ФГОСов в образовательный процесс, отсутствуют качественная и количественная оценки (промежуточные и итоговые) преподавателями и отсутствием самооценки курсантами уровня овладения именно компетенциями, представленными в ФГОС. Результаты замеров, представленных в диссертационных и других научных исследованиях, также представлены некорректно. Например, констатируется, что 65 % обучающихся овладели некой компетенцией. Но, каждая компетенция – это интегрированный феномен – а результаты замеров и системного мониторинга (в рамках дисциплины, цикла дисциплин, всех дисциплин) по составляющим ее структурным компонентам (с учетом индивидуально-личностных особенностей покомпонентного овладения) не приводятся и не обсуждаются. А это важно, потому что каждый из структурных компонентов компетенции имеет свою динамику развития. Только интеграция качественных и количественных оценок по каждому структурному компоненту по отдельности может дать развернутый, аргументированный, валидный результат оценки уровня индивидуального овладения обучающимися компетенцией в целом. В этом плане эффективной является оценка преподавателями, самооценка и взаимооценка курсантами уровня овладения значимыми компонентами компетенций и, в конечном итоге, компетенцией в целом в условиях применения в образовательном процессе инновационных форм и технологий обучения, нацеленных на формирование, развитие или совершенствование той или иной компетенции и их совокупности. Следует подчеркнуть, что такой подход должен быть реализован всеми без исключения преподавателями. Каждая дисциплина с учетом своих особенностей вносит свой

вклад в развитие и совершенствование компетенций. Только в этом случае оценивание уровня овладения курсантами компетенциями можно считать объективным и надежным.

На практике же сохраняется тенденция к оцениванию, преимущественно, знаний обучающихся: на репродуктивном уровне «узнавания», репродуктивного воспроизведения в аналогичной и очень редко в частично-измененной учебно-познавательной ситуации и на творческом уровне.

Все более устойчивой становится тенденция научно-исследовательского поиска дополнительных, значимых компетенций, применительно к тому или иному профилю профессиональной подготовки, которая, безусловно, является оправданной. Однако здесь обнаруживается другой парадокс. Практически все исследователи в процессе проведения фундаментальных и прикладных исследований, педагоги-практики, предлагая дополнительные, объективно важные компетенции, обосновывая и защищая их важность, при этом не обосновывают их место и значение в совокупности выделенных в ФГОС компетенций. Практика показывает, что некорректно и малоэффективно рассматривать значимость и эффективность дополнительно выделенной компетенции изолированно от существующих в ФГОСах.

На наш взгляд, в самом начале обучения в вузе, во всех дисциплинах принципиальное значение имеет ознакомление обучающихся с ФГОС и со всей совокупностью компетенций, которыми они должны овладеть по выбранному направлению профессиональной подготовки. Кроме того, у курсантов должно сложиться понимание того, что овладение всеми ими должно носить «сквозной характер» (через все без исключения учебные дисциплины). Это позволит, на основе принципов системности и преемственности, обеспечить эффективное овладение курсантами компетентностными основами будущей профессиональной деятельности, профессиональной успешности, конкурентоспособности и карьерного продвижения. Особое значение в индивидуальном, личностно-профессиональном овладении курсантами компетенциями приобретает их саморазвитие.

Но, к сожалению, курсантов не знакомят с ФГОСами и перечнем компетенций, который в них заложен по профилю профессиональной подготовки и тем, как в каждой дисциплине предполагается их формировании, поэтапное развитие и оценивание.

С самого начала обучения необходимо ознакомить курсантов с ФГОС по направлению подготовки, а в начале изучения каждой дисциплины обсудить с курсантами – какими конкретно компетенциями они должны овладеть, какой опыт (сформированный в других дисциплинах) и уровень сформированности инвариантных компетенций у них есть, что будет развиваться, а что саморазвиваться.

Для «сквозных» универсальных компетенций итоговый результат уровня их овладения курсантами явля-

ется интегральной оценкой (с учетом промежуточных и итоговых результатов по каждой дисциплине).

Существует еще одна проблема в практике целенаправленного, системного формирования и развития компетенций курсантов. Курсанты поступают в учебное заведение высшего профессионального образования после окончания средней школы. В школе также реализуется компетентностный подход. То есть к моменту поступления в вуз у них должно быть сформировано знание о сущности компетенций, их видах, методах, формах (когнитивный метакомпонент) и средствах их формирования (в том числе сложившийся индивидуальный опыт). Такого разрыва не должно быть. Компетентностный подход – поэтапный процесс овладения компетенциями обучающимися на основе принципов преемственности, инвариантности-вариативности, системности, дополняемости.

Обратим внимание еще на один глобальный вызов высшему профессиональному образованию – лавинообразное нарастание внешнего глобального, многомерного, противоречивого информационного пространства, прямого и быстрого доступа к нему с помощью современных информационных технологий (что по объективным причинам не приводит к моментальному, зеркальному изменению внутренней информационно-образовательной среды вуза), что объективно обоснованно создает предпосылки для самопроцессов: самообучения, саморазвития, самовоспитания, особенно в контексте компетентностного подхода.

Опираясь терминологией П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной, поэтапное саморазвитие курсантов в процессе самостоятельной познавательной деятельности в информационном пространстве (внешнем или на основе интеграции внешнего и внутривузовского) и овладение профессионально значимыми компетенциями обеспечивается следующими особенностями:

- первостепенное значение приобретают умения поиска необходимой информации, ее критического анализа, сравнения, систематизации информации, конструктивно-критического мышления, его эвристичности, творческой, инсантийности при решении квази-профессиональных задач курсантами. При этом важное место занимают процессы самоактуализации, самоуправления, самоконтроля;

- структурированное преобразование приобретенной информации в личностное знание (интериоризация информации);

- дальнейшая презентация в виде индивидуально-го мнения, суждения, умозаключения, гипотезы, аргументации и др. на семинарах, в разработке творческих профессионально значимых проектах, в выступлениях на научных конференциях (экстериоризация сформированного личностного знания и сформированных компетенций).

Каждый аспект перечисленных особенностей вносит весомый вклад в процесс саморазвития курсантов

в целом и профессионально значимых компетенций в частности. Результаты саморазвития должны учитываться преподавателями при оценке академической успеваемости курсантов по предметам, практике и в процессе Итоговой аттестации, что послужит значительным мотивирующим фактором для такой деятельности курсантов.

Но, пока в вузах саморазвитие не рассматривается и не реализуется как система деятельности – самодостаточная и самооценная с одной стороны и как органическая неотъемлемая часть инновационного образовательного процесса (объективно взаимосвязанные и взаимообусловленные) с другой стороны. Только в том случае, если курсанты будут способны анализировать индивидуальные достижения в своем развитии (в конкретных личностных и профессиональных проявлениях), понимать значимость и перспективы самообразования – эффективность его будет реальной в контексте концепции непрерывного личностного и профессионального саморазвития.

Особое значение для понимания нами особенностей саморазвития курсантов в контексте инновационной парадигмы и концепций высшего профессионального образования послужили инновационные фундаментальные психологические исследования Щукиной М. А. [3], Гришиной Н. В. [4], Ожигановой Г. В. [5].

Мы разделяем принципиально значимую научную идею Щукиной М. А., Ожигановой Г. В., интерпретирующих саморазвитие личности как субъекта развития (с учетом интеграции общей субъектности личности и субъектности личностного развития) и, как результат, формирование субъектного опыта развития личности. При этом, Ожигановой Г. В. аргументируется принципиально новая идея о разделении понятий «способность к саморазвитию» и «высшая способность к саморазвитию».

Саморазвитие, с точки зрения субъектности, следует, на наш взгляд, рассматривать как индивидуально-организуемый самоуправляемый и самокорректируемый процесс поэтапного преобразования личности (личностно-профессиональных качеств, подлежащих системному самомониторингу) – как субъекта саморазвития в контексте интеграции компетентностного и субъектного подходов. Кроме того, саморазвитие, следует рассматривать как внутренне побуждаемое непрерывное, имеющее диалектические переходы с одного уровня на другой самоизменение личности, способной и готовой к осмыслению внешних «вызовов» и адекватных им внутриличностных изменений (как объективной и субъективной необходимости).

Инновационный образовательный процесс должен обеспечивать необходимые и достаточные педагогические условия для реализации компетентностного подхода на основе индивидуально моделируемой и реализуемой курсантами индивидуальной траектории саморазвития. Этот процесс должен интегрироваться с процессом развития личности. Эти процессы самодо-

статочны, с одной стороны, но должны реализоваться как единое целое, с точки зрения синергетики как две взаимосвязанные и взаимообусловленные открытые системы, находящиеся в постоянном состояниях переходов «от состояния неравновесности – через диалектическое разрешение возникающих противоречий на уровне личности деятельности, коммуникаций – к равновесию и стабильности».

Список источников

1. Приказ Минобрнауки России от 28 августа 2020 г. № 1131 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 правоохранительная деятельность». Зарегистрировано в Минюсте России 14 сентября 2020 г. № 59828 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минобрнауки России от 15 апреля 2021 г. № 297 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения». Зарегистрировано в Минюсте России 24 мая 2021 г. № 63580 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Шукина М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 7–22.
4. Гришина Н. В. Самоизменения личности : возможное и необходимое // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 126–136.

5. Ожиганова Г. В. Саморазвитие, способность к саморазвитию и высшая способность к саморазвитию // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2021. 6 (40). С. 190–198.

References

1. Order № 1131 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated August 28, 2020 «On Approval of the Federal State Educational standard of Higher Education – specialty in the specialty 40.05.02 law enforcement». Registered with the Ministry of Justice of Russia 14.09.2020 № 59828 // LRS «ConsultantPlus».
2. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 15.04.2021 № 297 «On approval of the Federal State educational standard of higher education – specialty 44.05.01 Pedagogy and psychology of deviant behavior». Registered with the Ministry of Justice of Russia 24.05.2021 № 63580 // LRS «ConsultantPlus».
3. Shchukina M. A. Subjective approach to personal self-development: possibilities of theoretical understanding and empirical study // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. V. 11. № 2. P. 7–22.
4. Grishina N. V. Self-change of personality : possible and necessary // Bulletin of St. Petersburg State University. Psychology and pedagogy. 2018. Vol. 8. Issue 2. P. 126–136.
5. Ozhiganova G. V. Self-development, the ability to self-development and the highest ability to self-development // Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review. 2021. 6 (40). P. 190–198.

Информация об авторах

Л. А. Казанцева – профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор;

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД РФ, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Information about the authors

L. A. Kazantseva – Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

S. Ya. Kazantsev – Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contribute equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 623.746.-519

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-248-254>

EDN: <https://elibrary.ru/nquwkwf>

ИПОН: 2015-0066-4/24-092

MOSURED: 77/27-011-2024-04-291

Функции и задачи беспилотных воздушных судов

Ирина Борисовна Качурина¹, Юлия Сергеевна Белокурова², Дмитрий Владимирович Качурин³

^{1,2} Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

Тверь, Россия

³ Тверской филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Тверь, Россия

¹ kachurinaib@mail.ru

Аннотация. В настоящее время нормативное правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в Российской Федерации находится на первоначальном этапе становления. Актуальной научной проблемой выступает тот факт, что по данному вопросу отсутствует единая общепринятая система понятий; на правовом уровне не закреплены критерии отнесения технических устройств к беспилотным воздушным судам, до конца не сформирован перечень лиц, имеющих полномочия по их управлению и т. д.

Формулировка и анализ функций и задач беспилотных воздушных судов позволит регламентировать принципы их применения различными силовыми структурами в целях обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, воздушное пространство, правовая основа, федеральный закон, постановление Правительства Российской Федерации Воздушный кодекс Российской Федерации, Федеральные авиационные правила

Для цитирования: Качурина И. Б., Белокурова Ю. С., Качурин Д. В. Функции и задачи беспилотных воздушных судов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 248–254. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-248-254>. EDN: NQUWKF.

Original article

Functions and tasks of unmanned aircraft

Irina B. Kachurina¹, Yulia S. Belokurova², Dmitry V. Kachurin³

^{1,2} Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Tver, Russia

³ Tver Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Tver, Russia

¹ kachurinaib@mail.ru

Abstract. Currently, the regulatory legal regulation of the use of unmanned aircraft in the Russian Federation is at the initial stage of development. An urgent scientific problem is the fact that there is no single generally accepted system of concepts on this issue; at the legal level, the criteria for classifying technical devices as unmanned aerial vehicles are not fixed, the list of persons with authority to control them has not been fully formed, etc.

The formulation and analysis of the functions and tasks of unmanned aerial vehicles will make it possible to regulate the principles of their use by various law enforcement agencies in order to ensure national security.

Keywords: unmanned aircraft, airspace, legal framework, federal law, decree of the Government of the Russian Federation, Air Code of the Russian Federation, Federal Aviation Regulations

For citation: Kachurina I. B., Belokurova Yu. S., Kachurin D. V. Functions and tasks of unmanned aircraft. Bulletin of economic security. 2024;(4):248–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-248-254>. EDN: NQUWKF.

Активное развитие беспилотной авиации военно-го назначения во многих странах мира на современном

этапе научно-технического прогресса свидетельствует об изменении взглядов военных специалистов на страте-

© Качурина И. Б., Белокурова Ю. С., Качурин Д. В., 2024

гию и способы ведения вооруженной борьбы [1], когда решение определенных задач уже возлагается на роботизированную авиационную технику, эксплуатация которой осуществляется дистанционно без опасности для внешнего пилота (оператора).

В последние годы важным инструментом в этой борьбе стал искусственный интеллект. Реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года является необходимым условием вхождения Российской Федерации в группу мировых лидеров в области развития и внедрения технологий искусственного интеллекта и, как следствие, технологической независимости и конкурентоспособности страны [2].

Принятие на вооружение новых, уникальных и, что более важно, перспективных образцов беспилотных воздушных судов (далее по тексту – БВС), открывает для нашей страны, отвечающие современным геополитическим вызовам перспективы по комплексированию боевых возможностей беспилотной и пилотируемой авиации. Для этого уже в ходе разработки бортовых систем необходимо обеспечить рациональную связь информационно-боевых сетей на уровне беспилотных и пилотируемых комплексов [3]. Практика применения беспилотной авиации в последних военных конфликтах продемонстрировала ее равнозначную эффективность. Современные БВС различной размерности и целевого назначения широко использовались в боевых операциях, среди которых особое место занимают операции в Ираке и Афганистане, во время которых общий налет БВС составил 894 335 часов [4].

Основными функциями БВС, характерными для большинства современных военных конфликтов являются (и будут являться):

- 1) ведение воздушной разведки;
- 2) целеуказание;
- 3) корректировка артиллерийского огня;
- 4) контроль поля боя;
- 5) радиоэлектронная борьба;
- 6) нанесение ударов по объектам противника;
- 7) ретрансляция и возобновление связи;
- 8) радиационная, химическая и биологическая разведка;
- 9) обнаружение мин;
- 10) метеорологическая разведка;
- 11) поиск и спасание в боевой обстановке;
- 12) эвакуация с поля боя и др.

С учетом приведенной совокупностью функций спектр решаемых задач с применением БВС в военных конфликтах, контртеррористических и специальных военных операциях достаточно широкий. Как подчеркивают В. Б. Косовский и С. Н. Мартынюк, использование беспилотников позволяет в режиме реального времени получать детальную информацию о местонахождении боевиков, их численности, вооружении и характере действий, что критически важно для обеспечения

скрытности и внезапности действий спецподразделений [5, с. 28].

Кроме того, БВС могут эффективно применяться для корректировки огня, целеуказания и оценки результатов поражения целей.

Функция ведения воздушной разведки. В процессе ведения воздушной разведки с помощью БВС решаются следующие задачи: сбор разведывательной информации о наземных объектах противника при ведении предварительной и непосредственной разведки; доразведка; непосредственная поддержка полевого командования; контроль результатов нанесения ударов по противнику; проверка степени маскировки своих войск и др. [6; 7].

Для выполнения задач воздушной разведки используются разнообразные технические средства, размещаемые на БВС: аппаратура видовой разведки (прим. с формированием изображения) видимого диапазона длин волн электромагнитного спектра; аппаратура видовой разведки инфракрасного диапазона длин волн электромагнитного спектра; лидар (лазерный локатор); радиолокационные станции с синтезированной аппаратурой; мультиспектральная аппаратура видовой разведки; спектрозональная аппаратура видовой разведки; аппаратура радиотехнической разведки; аппаратура магнитной разведки; георадар; аппаратура радиационной, химической и биологической разведки.

Целеуказание. Реализация функции целеуказания осуществляется путем решения задач передачи с БВС данных о целях в масштабе реального времени для нанесения артиллерийских, ракетных и авиационных ударов и лазерной подсветки для наведения высокоточного оружия [8]. Решение указанных задач осуществляется с помощью аппаратуры видовой разведки, обеспечивающей ведение воздушной разведки в масштабе реального времени, и лазерной аппаратуры целеуказания.

Контроль поля боя. В ходе контроля поля боя БВС осуществляют информационное обеспечение наземного боя, операций сил специального назначения, операций по перехвату на море, огня корабельной артиллерии по наземным объектам и т. п. При этом используется видовая разведывательная аппаратура [8].

Радиоэлектронная борьба. При участии в радиоэлектронной борьбе с использованием БВС будут решаться задачи подавления средств противовоздушной обороны противника (постановка ложных целей, шумовое радиоэлектронное подавление) и ведения радиотехнической разведки [8].

Осуществление ударной функции связано с решением задач выявления и поражения наземных (надводных) объектов противника ракетами или авиационными бомбами, которыми оснащаются разведывательно-ударные или ударные БВС.

Функция ретрансляции связи выполняется путем решения задач увеличения дальности действия систем командования и управления БВС, а также задач ретран-

сдачи информации с использованием специальной аппаратуры связи, устанавливаемой на БВС.

Возможность применения противником химических и биологических средств воздействия на личный состав определяет необходимость **ведения химической и биологической разведки**. Для выполнения задач мониторинга потенциально опасных зон, обнаружения химической угрозы, идентификации отравляющих веществ, обнаружения биологической угрозы, идентификации биологических средств, предупреждения и определения местоположения угрозы на беспилотное воздушное судно устанавливается аппаратура химической и биологической разведки или используются одно-разовые беспилотники [6; 7]. В условиях возможного радиационного заражения используются специальные датчики для ведения радиационной разведки.

Функция по обнаружению мин. Проведение противоминных мероприятий направлено на сохранение личного состава, вооружения и военной техники. При этом на БВС возлагаются следующие задачи: обнаружение и установление местоположения минных полей и препятствий с воздуха; поддержка высадки на побережье морского десанта. Для решения указанных задач используются RGB-камеры, многоспектральная и спектрально-аналитическая аппаратура видовой разведки, инфракрасная аппаратура разведки, магнитометрическая аппаратура, лидар и георадар [9; 10; 11].

Еще одной немаловажной функцией, возлагаемой на БВС, является **корректировка артиллерийского огня**. Ее реализация обеспечивается решением задач контроля нанесения ударов по объектам противника и передачей информации о результатах нанесенных противнику потерь (ущерба); наведением огня артиллерии и ракетных систем залпового огня на наземные объекты противника. Выполнение задач осуществляется путем использования аппаратуры видовой воздушной разведки [9; 10; 11].

Метеорологическая разведка. На беспилотные воздушные суда возлагаются также задачи метеорологического обеспечения. Они осуществляют сбор информации над территорией противника, в зонах тропических циклонов и ураганов, в сложных погодных условиях естественного (песчаные бури) и искусственного происхождения (высокая задымленность от нефтяных пожаров), а также ее передачу на наземные пункты. Для выполнения этих задач на БВС устанавливаются датчики температуры, давления и влажности. Для измерения вертикального профиля ветра используется глобальная навигационная спутниковая система.

Функция поиска и спасения в боевой обстановке. Еще одним важным моментом в использовании БВС является их задействование для поиска и спасения личного состава в боевой обстановке. В процессе полета над полем боя внешние пилоты (операторы) с применением аппаратуры видовой разведки выявляют местоположение спасаемого личного состава и передают информацию на установленные пункты ее приема.

Среди перспективных функций можно выделить следующие: оказание домедицинской помощи и эвакуация раненных с поля боя, а также доставка необходимых грузов в район поля боя.

Наличие определенного количества и типа БВС, их базирование на границе, а также надлежащая организация применения, позволяют оперативно реагировать на нарушения пограничного законодательства [6; 7; 8]. Основными функциями беспилотных воздушных судов при охране государственной границы являются (и будут являться): разведка и патрулирование государственной границы. В ходе воздушной разведки решаются следующие задачи: разведка специально назначенных районов; разведка наземных объектов, разведка инженерного оборудования и др. [6; 7; 8].

Патрулирование государственной границы с применением беспилотников направлено на решение следующей группы задач: анализ состояния государственной границы; анализ состояния побережья; анализ протяженных малозаселенных пограничных территорий; контроль удаленных и труднодоступных участков местности; выявление наркотрафиков; выявление контрабандных путей; выявление перехода государственной границы нелегальными иммигрантами; обнаружение террористов и фактов незаконного ввоза оружия; выявление браконьерской деятельности и наведение пограничных нарядов на нарушителей; информационная поддержка операций противодействия крупным криминальным контрабандным и террористическим группам; экологический мониторинг; обнаружение ЧС и др.

Для выполнения задач разведки и патрулирования используются различные технические средства: видовая аппаратура (прим. с формированием изображения объектов) видимого диапазона (RGB-камеры); видовая аппаратура инфракрасного диапазона; радиолокационные станции с синтезированной апертурой; мультиспектральная и спектрально-аналитическая аппаратура; радиационная аппаратура и т. п., а также их комбинации [6; 7; 8]. Перспективными функциями являются: возможное пресечение незаконных действий лиц, нарушающих режим государственной границы с применением вооружения, устанавливаемого на БВС, а также локальная подсветка местности в темное время суток, на которой выявили нарушителей государственной границы. Согласно мировому опыту, беспилотники активно помогают спасателям при ликвидации ЧС разного характера. Они также используются в процессе оценки ущерба от аварий на промышленных предприятиях, железнодорожных катастроф с опасными грузами, террористических актов; для определения загрязнения территорий химическими или ядерными отходами; для оказания помощи пострадавшим: медикаменты, средства питания, вещи, средства связи и тому подобное. Следует раскрыть основные функции БВС и в сфере гражданской защиты. Среди них: разведка (наблюдение, мониторинг); целеуказание; восстановление и ретрансляция связи; радиационная, химическая и биологическая разведка; выявление мин

(взрывоопасных объектов); поиск и спасание; тушение пожаров; транспортировка грузов; домедицинская помощь.

При ведении разведки (наблюдения) с помощью БВС решаются следующие задачи: сбор информации в интересах предупреждения, прогнозирования и выявления ЧС; наблюдение за состоянием объектов; разведка состояния объектов и информационная поддержка при ликвидации ЧС; контроль результатов ликвидации ЧС; сбор информации для оценки ущерба от ЧС и др. Для выполнения задач разведки (наблюдения) используются различные технические средства: видовая аппаратура видимого диапазона (RGB-камеры); видовая аппаратура инфракрасного диапазона; радиолокационные станции с синтезированной апертурой; мультиспектральная и спектроскопическая аппаратура; газодатчики, радиационная аппаратура и т. п., а также их комбинации [12].

Реализация **функции целеуказания** осуществляется путем решения задач передачи с борта БВС данных в масштабе реального времени об объектах, на которых необходимо ликвидировать ЧС (на которых ликвидируется ЧС).

Функция восстановления и ретрансляции связи выполняется путем решения задач восстановления функционирования линии связи, увеличения дальности действия управления БВС и ретрансляции данных с его борта в условиях отсутствия прямой связи с использованием специальной аппаратуры связи, устанавливаемой на беспилотник, ретрансляции информационных сообщений населению.

Функция локальной подсветки в темное время суток реализуется мультитрассовыми БВС с установленным на них прожектором, то есть используется в качестве источника света, чтобы поисково-спасательная команда могла увидеть состояние объекта или место, где находится пострадавший (пострадавшие).

Возможность радиационного, химического и биологического заражения местности во время ЧС определяет необходимость **ведения радиационной, химической и биологической разведки**. Для выполнения задач мониторинга потенциально опасных зон, выявления радиационной, химической и биологической опасности или угрозы, идентификации ядовитых веществ, идентификации биологических средств, предупреждения и определения местоположения опасностей и угроз на беспилотник устанавливается аппаратура радиационной, химической и биологической разведки, в том числе используются одноразовые беспилотники [12].

Проведение противоминных мероприятий направлено на сохранение личного состава, некомпатантов и техники. При этом на БВС возлагаются следующие задачи: обнаружение и установление местоположения минных полей и отдельных мин с воздуха; обнаружение и установление местоположения взрывоопасных объектов.

Еще одним важным моментом в использовании БВС является их привлечение как для авиационного,

так и для общего процесса поиска и спасения с целью выявления мест крушения воздушного судна, расположения людей (животных), подлежащих спасению в условиях ЧС, информация о которых передается на установленные пункты ее приема, а также оперативной доставки средств спасания к лицам, к подлежащим спасанию.

Возможно **применение БВС при тушении пожаров**. В частности, в КНР введена практика применения беспилотников при поиске и обнаружении людей в горящих помещениях здания; для тушения локального пожара в труднодоступных местах, а также ликвидация возгораний в высотных зданиях. Также с их помощью обеспечивается доставка необходимых средств (канаты, защитные вещи и т. д.) для спасания людей во время пожаров.

Важной функцией БВС считается **транспортировка грузов** в зону ЧС: доставка медицинских препаратов в труднодоступные места для оказания оперативной медицинской помощи; доставка продуктов питания и необходимых вещей в труднодоступные места во время ЧС; доставка оборудования для спасания и средств спасания на воде и т. д.

Перспективной функцией является оказание первичной медицинской помощи и срочная эвакуация пострадавших в ЧС.

Еще одним ценным новым применением беспилотников в сфере общественной безопасности является усиление реагирования. Текущие тенденции позволяют прогнозировать будущее, указывая на то, что значимость БВС для полиции будет возрастать и менять проводимые полицейские операции к лучшему с целью обеспечения безопасности и пользы для общества в целом [13; 14]. Основными функциями БВС в интересах полиции являются (и будут являться): воздушное патрулирование, улучшение ситуационной осведомленности и подсветка в темное время суток. При выполнении воздушного патрулирования решаются (могут решаться) следующие функциональные задачи: выявление и информационная поддержка задержания нарушителей на дорогах; выявление наркопосевов; наблюдение за правопорядком во время мероприятий; скрытое наблюдение за подозреваемыми и преследование подозреваемых; контроль проведения массовых мероприятий и др. Обеспечение лучшей ситуационной осведомленности реализуется путем решения таких задач, как: картографирование города; реконструкция аварий (катастроф); информационная поддержка в расследовании мест преступления; картирование места после ЧС; документирование мест преступлений; идентификация людей после ЧС; анализ ситуации в труднодоступных местах и др. Функция локальной подсветки в темное время суток места, где произошло событие (авария, автомобильная катастрофа, преступление и т. п.), реализуется беспилотником с установленным на нем прожектором, что позволяет улучшить обзор места, где произошло событие, и находящиеся на нем объекты.

Однако, применение беспилотных воздушных судов в деятельности органов внутренних дел и других силовых ведомств сопряжено с рядом правовых вопросов и ограничений.

В первую очередь, следует отметить недостаточную проработанность нормативно-правовой базы, регламентирующей использование беспилотников силовыми структурами. Многие аспекты применения этой техники пока не имеют четкого законодательного регулирования [15]. Кроме того, существует необходимость обеспечения соблюдения прав граждан, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, при осуществлении мониторинга и слежения с помощью беспилотников. Их применение не должно приводить к нарушению конституционных прав граждан [16].

Существуют также правовые ограничения на применение вооружения и специальных средств с беспилотных аппаратов. В настоящее время использование беспилотников в качестве носителей оружия в ОВД РФ законодательно не предусмотрено [15].

Наконец, остается открытой проблема ответственности за ущерб, который может быть причинен гражданам и объектам в результате аварий беспилотной техники или ее неправомерного использования. Нормы об ответственности за вред, причиненный беспилотными аппаратами, на данный момент проработаны недостаточно [16].

С правовой точки зрения, необходимо совершенствование нормативно-правовой базы в области регламентации использования беспилотных аппаратов правоохранительными органами с учетом специфики решаемых ими задач. Крайне важно обеспечить строгое соблюдение законности и уважение прав граждан при проведении мероприятий с применением беспилотников, не допуская незаконного вторжения в частную жизнь.

Многие ученые также высказывают свои соображения по рассматриваемой проблеме. Так, по мнению Д. А. Митюшина, преимущества беспилотных летательных аппаратов перед традиционной пилотируемой авиацией вызывают особый интерес правоохранительных органов к данной технике [15]. В то же время, как отмечают И. С. Лукинский и П. В. Несмелов, применение беспилотников в ОВД требует совершенствования подготовки личного состава, развития нормативно-правовой базы и организационно-штатной структуры подразделений [16].

Таким образом подводя итог можно сделать вывод, что разноплановость задач, к решению которых могут привлекаться беспилотные воздушные суда, высокая интенсивность работ, проводимых за рубежом по их созданию и адаптации в систему вооруженного противоборства, отсутствие отработанной системы взглядов на порядок организации борьбы со средствами подобного класса позволяют отнести вопросы противодействия БВС к категории наиболее актуальных, новых проблем, рассмотрение и дальнейшее изучение которых долж-

но стать приоритетным направлением исследований и опытно-конструкторских разработок.

Имея широкий спектр применения БВС, они во многом используются как самостоятельные боевые средства. Их возможности и преимущества в современных войнах делают БВС незаменимыми инструментами для решения различных боевых задач, при этом обеспечивая безопасность, эффективность и экономичность использования. Даже имея средства противодействия БВС, они предоставляют существенную ударную силу в противостоящих сторонах, перевес во многом будет балансировать как в сторону БВС, так и в сторону их противодействия им.

Список источников

1. Траектория полета: как промышленные дроны меняют традиционные производственные процессы // Российская Газета – 2020 г.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 (в ред. от 15.02.2024 № 124) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
3. Горчица Г. И., Степанов В. Д. Определение рациональных областей существования авиационных комплексов в смешанной группировке при решении задач их внешнего проектирования // Известия РАН. 2019. № 2 (107). С. 58–66.
4. Стефанов В. А., Зайцев А. В., Титков О. С., Чабанов В. А., Введенская И. Г. Беспилотные Л. А. как вид авиационной техники в борьбе США за военное превосходство. Ч. 1 / под общ. ред. Е. А. Федосова. М. : ГОСНИИАС, 2019. 189 с.
5. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 25–29.
6. Макаренко С. И., Иванов М. С. Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы : монография. СПб. : Наукоемкие технологии, 2018. 898 с.
7. Аниськов Р. В., Архипова Е. В., Гордеев А. А., Пугачев А. Н. К вопросу борьбы с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов коммерческого типа // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2017. № 9-10 (111-112). С. 71–75.
8. Еремин Г. В., Гаврилов А. Д., Назарчук И. И. Малоразмерные беспилотники – новая проблема для ПВО // Отвага [Электронный ресурс]. 29.01.2015. № 6 (14) // URL://<http://otvaga2004.ru/armiya-i-vpk/armiya-i-vpkvzglyad/malorazmernye-bespilotniki/> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Митрофанов Д. Г., Шишков С. В. Инновационный подход к вопросу обнаружения малогабаритных

беспилотных летательных аппаратов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2018. № 1 (195). С. 22, 28–40.

10. Демьянович М. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21). С. 108–112.

11. Самойлов П. В., Иванов К. А. Угрозы применения малоразмерных БПЛА и определение наиболее эффективного способа борьбы с ними // Молодой ученый. 2017. № 45. С. 59–65 // URL://<http://moluch.ru/archive/179/46398/> (дата обращения: 20.04.2024).

12. Бугаков И. А., Сорокин А. Д., Хомяков А. В. Показатели эффективности применения группы беспилотных летательных аппаратов при решении задачи воздушной разведки в условиях противодействия противника // Известия Института инженерной физики. 2019. № 1 (51).

13. Смык Е. И., Комаров В. В., Качурина И. Б. Применение беспилотных воздушных судов органами внутренних дел Российской Федерации для решения оперативно-служебных задач. Некоторые вопросы формирования навыков их применения в оперативно-служебной деятельности ОВД РФ // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 228–232.

14. Смык Е. И., Степанченко Е. Е. Беспилотные летательные аппараты как современное средство охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // В сборнике: Современные подходы к подготовке сотрудников ОВД к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Сборник научных статей реферативных чтений, посвященных дню российской науки кафедры ДОВД в ОУ УНК СП Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя / Под общей редакцией В. Н. Гонтаря. 2019. С. 178–186.

15. Митюшин Д. А. Роль и место систем и комплексов с беспилотными летательными аппаратами в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 12. С. 123–127.

16. Лукинский И. С., Несмелов П. В. Совершенствование подготовки сотрудников ОВД к применению БЛА для решения оперативно-служебных задач // Совершенствование тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Под общей редакцией А. Х-А. Пихова. 2018. С. 426–431.

References

1. Flight path: how industrial drones are changing traditional production processes // Rossiyskaya Gazeta – 2020.

2. National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 // Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 (as amended, dated 02/15/2024 No. 124) «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation».

3. Gorchitsa G. I., Stepanov V. D. Definition of rational areas of existence of aviation complexes in a mixed grouping when solving problems of their external design // Izvestia RARAN. 2019. No. 2 (107). P. 58–66.

4. Stefanov V. A., Zaitsev A.V., Titkov O. S., Chabanov V. A., Vvedenskaya I. G. Unmanned L. A. as a type of aviation technology in the struggle of the United States for military superiority. Part 1 / under the general editorship of E. A. Fedosova. M. : GOSNIAS, 2019. 189 p.

5. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Topical issues of the practical application of unmanned vehicles in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2020. No. 3 (80). P. 25–29.

6. Makarenko S. I., Ivanov M. S. Network-centric warfare – principles, technologies, examples and prospects : monograph. SPb. : Science-intensive technologies, 2018. 898 p.

7. Aniskov R. V., Arkhipova E. V., Gordeev A. A., Pugachev A. N. On the issue of combating the illegal use of commercial unmanned aerial vehicles // Issues of defense technology. Series 16: Technical means of countering terrorism. 2017. No. 9-10 (111-112). P. 71–75.

8. Eremin G. V., Gavrilov A.D., Nazarchuk I. I. Small-sized drones – a new problem for air defense // Courage [Electronic resource]. 29.01.2015. No. 6 (14) // URL://<http://otvaga2004.ru/armiya-i-vpk/armiya-i-vpkvzglyad/malorazmernye-bespilotniki/> (accessed: 20.04.2024).

9. Mitrofanov D. G., Shishkov S. V. An innovative approach to the issue of detecting small-sized unmanned aerial vehicles // Izvestiya SFU. Technical sciences. 2018. No. 1 (195). P. 22, 28–40.

10. Demyanovich M. A. The use of unmanned aerial vehicles for criminal purposes: methods of counteraction and struggle // Law and order: history, theory, practice. 2019. No. 2 (21). P. 108–112.

11. Samoilov P. V., Ivanov K. A. Threats of using small-sized UAVs and determining the most effective way to combat them // Young Scientist. 2017. No. 45. P. 59–65 // URL://<http://moluch.ru/archive/179/46398/> (accessed: 20.04.2024).

12. Bugakov I. A., Sorokin A.D., Khomyakov A. V. Indicators of the effectiveness of the use of a group of unmanned aerial vehicles in solving the task of aerial reconnaissance in the conditions of enemy counteraction // Proceedings of the Institute of Engineering Physics. 2019. № 1 (51).

13. Smyk E. I., Komarov V. V., Kachurina I. B. The use of unmanned aircraft by the internal affairs bodies of the Russian Federation to solve operational and service tasks. Some issues of the formation of skills for their application in the operational and official activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 4. P. 228–232.

14. Smyk E. I., Stepanchenko E. E. Unmanned aerial vehicles as a modern means of protecting public order and ensuring public safety // In the collection: Modern approaches

to the training of police officers to act in case of emergency. Collection of scientific articles of abstract readings dedicated to the Day of Russian Science of the Department of Internal Affairs at the OU UNK SP of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot / Under the general editorship of V. N. Gontar. 2019. P. 178–186.

15. Mityushin D. A. The role and place of systems and complexes with unmanned aerial vehicles in the activities of

internal affairs agencies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 12. P. 123–127.

16. Lukinsky I. S., Nesmelov P. V. Improving the training of police officers to use UAVs to solve operational and service tasks // Improving tactical and special training of law enforcement officers. Collection of scientific papers of the All-Russian Conference. Under the general editorship of A. X-A. Pichova. 2018. P. 426–431.

Информация об авторах

И. Б. Качурина – начальник кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. С. Белокурова – заместитель начальника кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

Д. В. Качурин – доцент кафедры государственной политики и управления Тверского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. B. Kachurina – Head of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Yu. S. Belokurova – Deputy Head of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

D. V. Kachurin – Associate Professor of the Department of Public Policy and Management of the Tver Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 03.07.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 796:005.591.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-255-258>

EDN: <https://elibrary.ru/puunay>

НИОН: 2015-0066-4/24-093

MOSURED: 77/27-011-2024-04-292

Повышение эффективности образовательного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России на основе технологий системы кроссфита

Виктор Викторович Корнюхин¹, Александр Лукич Славко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kornuxinv@yandex.ru

² slavko-a@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос повышения эффективности образовательного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России на основе технологий системы кроссфита. Результаты, приведенные в статье, основываются на анализе научной литературы и экспериментальных данных, полученных в ходе проведенных исследований в образовательных организациях МВД России. Выполнен анализ эффективности применения технологий системы кроссфита в развитии физических качеств сотрудников полиции.

Ключевые слова: физическая подготовка, курсант, эффективность, кроссфит, учебный процесс, физические качества, боевые приемы борьбы, технологии обучения, здоровье

Для цитирования: Корнюхин В. В., Славко А. Л. Повышение эффективности образовательного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России на основе технологий системы кроссфита // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 255–258. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-255-258>. EDN: PUUNAY.

Original article

Improving the efficiency of the educational process in the discipline «Physical training» in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the technologies of the crossfit system

Viktor V. Kornukhin¹, Alexander L. Slavko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kornuxinv@yandex.ru

² slavko-a@mail.ru

Abstract. The issue of increasing the efficiency of the educational process in the discipline «Physical training» in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the technologies of the crossfit system, is considered. The results presented in the article are based on the analysis of scientific literature and experimental data obtained during the studies conducted in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The analysis of the efficiency of the use of crossfit system technologies for the development of physical qualities of police officers is carried out.

Keywords: physical training, cadet, efficiency, crossfit, educational process, physical qualities, combat fighting techniques, training technologies, health

For citation: Kornukhin V. V., Slavko A. L. Improving the efficiency of the educational process in the discipline «Physical training» in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the technologies of the crossfit system. Bulletin of economic security. 2024;(4):255–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-255-258>. EDN: PUUNAY.

На всех этапах развития общества обеспечение правопорядка и укрепление законности являются первостепенными направлениями деятельности государства.

В последние несколько лет в Российской Федерации количество регистрируемых преступлений остается на высоком уровне, в частности за 2022 г. было заре-

© Корнюхин В. В., Славко А. Л., 2024

гистрировано 1 966 795 преступлений [1]; за 2023 – 1 947 161 преступлений [2]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что на современном этапе существует необходимость в поиске путей сокращения совершаемых правонарушений. Большое значение в данном процессе имеет уровень профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов.

К профессиональной подготовке сотрудников полиции в настоящее время предъявляются высокие требования, обусловленные необходимостью повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. Согласно ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ» правом поступления на службу обладают лишь граждане, которые обладают такими личными, деловыми качествами, физической подготовкой и состоянием здоровья, позволяющими выполнять служебные обязанности [3]. Основные компетенции сотрудников органов внутренних дел формируются в процессе обучения в образовательных организациях МВД России. При этом специфика учебного процесса сотрудников заключается в том, что большое значение в нем имеет развитие не только умственных способностей, но и физической подготовки. Значимость физической подготовки на службе в полиции подтверждает статья 20 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции», закрепляющая право сотрудников полиции на использование физической силы против правонарушителей. Иными словами, сотрудник полиции при выполнении законных обязанностей зачастую вынужден вступать в непосредственный физический контакт с лицом, представляющим серьезную общественную опасность.

Целью учебной дисциплины «Физическая подготовка» является доведение физической подготовленности курсантов до уровня, необходимого для выполнения служебных обязанностей [4]. Тем не менее, эксперты зачастую критикуют существующую систему подготовки, в связи с чем рассмотрение методов и средств, необходимых для ее модернизации, поэтому проведение данного является актуальным. Изучение данного вопроса имеет крайне важное практическое значение, так как инновационные методы и средства, применяемые в дисциплине «Физическая подготовка» позволяют повысить уровень развития физических качеств курсантов. От того, насколько качественно развивались физические качества курсанта, зависит его дальнейшая профессиональная реализация.

Во время обучения в образовательной организации нельзя предугадать ту специальность, по которой курсант или слушатель после окончания учебного процесса будет работать, так как специализация факультета является лишь одним из определяющих факторов. Все категории сотрудников органов внутренних дел подвергаются физической нагрузке различной интенсивности. Например, служба оперативных сотрудников связана с активной деятельностью, нередко с серьезными физи-

ческими нагрузками, в то время как работа следователя носит преимущественно малоподвижный характер, но с большим объемом умственной деятельности. Тем не менее наличие определенного уровня физической подготовки является обязательным условием несения службы для сотрудников полиции любой специализации.

Организация физической подготовки в образовательных организациях МВД России включает в себя комплексное развитие физических качеств и служебно-прикладных навыков. При таком целенаправленном развитии силовых и двигательных способностей курсантов формируется их превосходство в физических качествах правонарушителя, в будущем позволяющее успешно пресекать противоправную деятельность с помощью силовых приемов. Таким образом, уровень эффективности выполнения боевых приемов борьбы находится в прямой зависимости от развития таких физических качеств, как выносливости, ловкости и быстроты курсанта.

Однако кроме развития физических способностей и сохранения здоровья, физическая подготовка в образовательных организациях МВД России преследует и другие, не менее важные цели. Например, занятия по данной дисциплине укрепляют психологическое состояние курсанта, подготавливая его к напряженной службе в правоохранительных органах. Регулярные занятия также развивают у сотрудников самодисциплину, способствуют осознанию важности здорового образа жизни и физических нагрузок.

Для того, чтобы организованный процесс физической подготовки в учебной организации был эффективным, необходимо правильное и соответствующее тенденциям развития общества определение методов и средств проведения занятий, обеспечение высокого уровня квалификации педагогического состава, использование различных технологий обучения, в том числе и с учетом индивидуальных способностей обучающихся, разработка контрольных нормативов, способных отразить качественный уровень освоения навыков и компетенций, предусмотренных рабочей программой.

Из вышеизложенного становится очевидно, что в процессе обучения в образовательных организациях МВД России физические способности курсантов должны развиваться всесторонне. Подобный вывод можно сделать и из данных исследования, проведенного в 2023 году в Белгородском юридическом институте МВД России имени И.Д. Путилина. В ходе проводимого исследования были опрошены сотрудники, проходящие повышения квалификации в указанном институте, о том, какие физические качества они считают приоритетными для практической деятельности. По результатам опроса 31 % высказался о том, что главным качеством является сила, 28 % признают выносливость приоритетным качеством, 24 % опрошенных отдали свой голос за быстроту, 10 % и 7 % считают таковыми координационные способности и гибкость соответственно [5].

Современная система обучения курсантов образовательных организаций МВД России основывается на

средствах и методах, которые развивают все перечисленные качества, но необходимо исследование новых технологий, применяемых в спорте высших достижений и внедрение их в учебный процесс с целью повышения его результативности. Для успешного разрешения данной задачи необходимо применение современных специальных программ тренировок, к которым, в частности, относится кроссфит.

Кроссфит – это система физической подготовки, созданная в 2000 году Грегом Глассманом и Лореном Дженаи. Тот факт, что занятия одним видом спорта помогают достигать высоких результатов в другом виде спорта, Глассман осознал еще в юности и во взрослом возрасте стал применять это знание на практике, работая тренером. Важно отметить, что его основными клиентами были сотрудники силовых ведомств и пожарной охраны. Поэтому существует версия, что первая полноценная программа кроссфита была разработана в связи с просьбой, поступившей Грегу, о том, чтобы он помог повысить уровень физической подготовки одного из полицейских отделов.

Кроссфит представляет собой программу функциональных высокоинтенсивных тренировок, применяются упражнения из таких видов спорта, как тяжелая и легкая атлетика, гимнастика, аэробика, гиревой спорт. Дифференцированный подход кроссфита проявляется в том, что в программах меняются вес снарядов, интенсивность упражнений, нагрузка. По этой причине кроссфит используется в тренировках для людей разной степени подготовленности, в том числе и для тех, кто имеет проблемы со здоровьем, например, сердечно-сосудистые заболевания.

Другим преимуществом использования программ кроссфита является то, что в тренировках задействованы все группы мышц, что позволяет полноценно и равномерно совершенствовать физическую подготовленность. В то время как при классических тренировках односторонне развиваются только сила, быстрота, выносливость, а в процессе занятий по программам кроссфита развиваются также не менее важные для сотрудника полиции качества: гибкость, ловкость, скорость, координация действий. Кроме того, за счет высокой интенсивности упражнений – развивается работоспособность дыхательной и сердечно-сосудистой системы, что является полезным для общего состояния здоровья [6]. Тренировка по системе кроссфита обычно занимает от 15 до 40 минут, то есть высокая интенсивность позволяет добиться высоких результатов в более короткое время, что является безусловным преимуществом, так как на дисциплину отводится строго определенное количество времени, так и для сотрудников органов внутренних дел, имеющих напряженный и загруженный график.

Кроссфит позволяет применять разные программы занятий в зависимости от того, для каких целей используются тренировки, а также уровня подготовленности тренирующегося. Таким образом, занятия кроссфитом включают в себя круговые тренировки с разными про-

должительностью, количеством подходов, упражнений, кругов и перерывов между ними. Подобное разнообразие способствует формированию у курсантов заинтересованности в тренировочном процессе, что признается необходимым фактором для повышения его эффективности. Результативность кроссфита в совершенствовании профессионально-прикладной подготовленности сотрудников правоохранительных органов доказывает и то, что на сегодняшний день в некоторых странах методики кроссфита на государственном уровне признаются неотъемлемой частью процесса физической подготовки сотрудников силовых структур.

В России для определения обоснованности внедрения программ кроссфита в образовательный процесс курсантов проводились эксперименты, в частности на базе Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России. Суть эксперимента заключалась в том, что одну из учебных групп поделили пополам, на контрольную и экспериментальную группу. У контрольной группы занятия проходили по традиционному плану, в то время как у экспериментальной группы кроме обычных занятий проводились тренировки по программе кроссфита по полчаса, четыре раза в неделю. Программа экспериментальной группы включала в себя подтягивания, наклоны туловища из положения лежа, челночный бег, отжимания и выпрыгивания из глубокого приседа [7]. Все упражнения выполнялись на максимальное количество раз в течение 20 минут. Спустя четыре месяца были подведены итоги исследования с помощью тестирования, по результатам которого было установлено, что силовые показатели курсантов из экспериментальной группы увеличились на 13,7 %. Кроме того, отмечались повышение выносливости, улучшение реакции, тонус сенсорных центров. Проведенный эксперимент доказал, что методики кроссфита позволяют усовершенствовать общепринятую программу занятий по физической подготовке.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел предъявляются высокие требования, особенно к физической подготовке. Ключевую роль в образовательном процессе курсантов играет дисциплина «Физическая подготовка». Для обеспечения продуктивной физической подготовки курсанта необходимо применять инновационные программы тренировок, состоящие из упражнений, которые развивают различные группы мышц и различные физические качества. Кроссфит, будучи системой многофункциональных упражнений, применение данной системы может стать одним из основных условий повышения уровня физического развития курсантов образовательных организаций МВД России. Расширение практики применения программ кроссфита в ведомственных учебных организациях позволяет, с одной стороны, подготовить курсантов к дальнейшей профессиональной деятельности, а, с другой стороны, формирует у них мотивированность в улучшении своих физических способностей, что при-

водит к тому, что сотрудники полиции после окончания образовательных организаций продолжают вести здоровый образ жизни и регулярно выполнять физические упражнения, что является крайне важным, поскольку от физической подготовленности сотрудника правоохранительных органов напрямую зависит эффективность служебной деятельности, безопасность граждан и благополучие общества в целом.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/item/41741a442/>.
3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/?ysclid=lwggql/.
4. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Коник А. А. Совершенствование физической подготовки сотрудников МВД России в период профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 58-3. С. 139–143.
6. Романов Р. В. Влияние Crossfit на выполнение курсантами оперативно-служебных задач, связанных с применением приемов борьбы // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2018. № 4. С. 83–87.

7. Колегов А. Л. Применение кроссфита в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел // Гуманитарные науки. 2019. № 4 (48). С. 91–98.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2023 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL: <https://мвд.рф/reports/item/41741a442/>.
3. Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/?ysclid=lwggql/.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.02.2024 No. 44 «On approval of the procedure for organizing the training of personnel to fill positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. Konik A. A. Improving the physical fitness of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia during professional training // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 58-3. P. 139–143.
6. Romanov R. V. The influence of Crossfit on the performance of cadets of operational and service tasks related to the use of wrestling techniques // Izvestiya Tula State University. Physical Education. Sport. 2018. No. 4. P. 83–87.
7. Kolegov A. L. Use of CrossFit in the physical training of employees of internal affairs bodies // Humanities. 2019. No. 4 (48). P. 91–98.

Информация об авторах

В. В. Корнюхин – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. Л. Славко – заместитель начальника кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Kornukhin – Associate Professor of the Department of Physical Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. L. Slavko – Deputy Head of the Department of Physical Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-259-264>

EDN: <https://elibrary.ru/kbpbub>

NIION: 2015-0066-4/24-094

MOSURED: 77/27-011-2024-04-293

Тренировочные макеты и реплики снаряжения на занятиях по обучению действиям с палкой специальной

Игорь Анатольевич Кушнarenко¹, Александр Михайлович Хомутов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kushnarenko_igor@list.ru

² amh83@mail.ru

Аннотация. Рассматривается типовое содержание занятия по обучению действиям с палкой специальной на этапе углубленной подготовки. Затрагивается вопрос специальной разминки и развития психофизических качеств в парной работе. Обсуждается использование тренировочных макетов и реплик вспомогательного снаряжения. Представлены конструктивные особенности и технические характеристики имитационных образцов, даны рекомендации по их самостоятельному изготовлению.

Ключевые слова: палка специальная, тренировочные макеты, процесс обучения, разминка, вспомогательное снаряжение, учебное занятие

Для цитирования: Кушнarenко И. А., Хомутов А. М. Тренировочные макеты и реплики снаряжения на занятиях по обучению действиям с палкой специальной // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 259–264. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-259-264>. EDN: KBPBUB.

Original article

Training models and replicas of equipment for training with a special stick

Igor A. Kushnarenko¹, Aleksandr M. Khomutov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kushnarenko_igor@list.ru

² amh83@mail.ru

Abstract. The typical content of the lesson on teaching actions with a special stick at the stage of training improvement is considered. The question of special warm-up and development of psychophysical qualities in pair work is touched upon. Attention is paid to the use of training models and replicas of auxiliary equipment. Constructive features and technical characteristics of imitation samples are presented, recommendations on their independent manufacturing are given.

Keywords: special stick, training models, training process, warm-up, auxiliary equipment, training session

For citation: Kushnarenko I. A., Khomutov A. M. Training models and replicas of equipment for training with a special stick. Bulletin of economic security. 2024;(4):259–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-259-264>. EDN: KBPBUB.

Программа физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России включает три раздела: общеподготовительный, служебно-прикладной и тактику применения боевых приемов борьбы [1]. В рамках общефизической подготовки курсанты развивают основные физические и морально-волевые качества, в прикладном разделе разучивают технику боевых приемов, в тактическом – их комплексное применение в моделируемых условиях служебной деятельности. Все три раздела неразрывно связаны. В ходе

практического занятия учебный материал в большинстве случаев включает элементы двух или всех разделов одновременно, но с различной акцентуацией. Вводная часть занятия состоит из общеразогревающего этапа разминки и специально-подготовительных упражнений, которые, как правило, относятся к средствам общефизической подготовки. В заключительной части, для приведения курсанта в оптимальное состояние применяется комплекс посленагрузочных восстановительных мероприятий, включающих заминочный бег, дыхатель-

ные упражнения, растяжку. Содержание основной части зависит от темы учебного занятия, при этом развитие качеств, умений и навыков будет направленным, нацеленным на достижение плодотворного эффекта в конкретном действии или движении.

Посредством общефизической подготовки курсанты нарабатывают необходимый физический базис, без которого формирование компетенций прикладного раздела невозможно. С другой стороны, отработка боевых приемов борьбы вхолостую, на снарядах или в парной работе является процессом высокоинтенсивным и энергозатратным, а стало быть, опосредованно влияющим на развитие общефизических качеств. Вопрос о совершенствовании подготовки курсантов путем создания надлежащих условий для успешного усвоения учебного материала стоит довольно остро. Изменения социально-культурных ориентиров, сидячий и малоподвижный образ жизни подрастающего поколения, снижение общих требований к уровню физической подготовки в школе и на этапе поступления в ВУЗ обуславливают или являются неизбежной реакцией на низкий или недостаточный уровень их физического развития. В период первоначальной подготовки от преподавателя требуются огромные усилия, чтобы побудить слабоуспевающего первокурсника работать с высокой самоотдачей и быть ориентированным на достижение результата.

Существуют множество подходов к решению данной проблемы. Опыт и знания педагога имеют определяющее значение. Чем значительнее опыт, тем шире инструментарий. Занятия по физической подготовке должны быть увлекательными и интересными [2]. Курсант должен иметь четкое понимание важности получаемого материала, его ценность и применимость в будущей профессии. Только осознание практической значимости приобретенных компетенций может побудить к дальнейшей активной мотивированной работе. Для повышения продуктивности образовательного процесса креативные преподаватели часто выходят за рамки академического формализма: ищут и внедряют образовательные инновации, насыщают учебный материал передовыми достижениями науки и техники.

Область специальной полицейской подготовки – не исключение. Применение новых средств имитации и специально-вспомогательного оборудования получило широкое распространение на занятиях по тактико-специальной и огневой подготовке. Ввиду усложнения содержательного курса физической подготовки на занятиях все чаще возникает необходимость использования особых тренировочных устройств, макетов оружия и спецсредств, средств индивидуальной защиты. Включение технического компонента в обучение упрощает и одновременно ускоряет формирование практических компетенций. Анализируя проблему развития навыков применения специальных средств активной обороны, нужно отметить, что именно здесь вспомогательный инвентарь – предмет первой необходимости.

Одним из актуальных требований к профессиональной деятельности полицейского является умение применять специальные средства на практике. В тренированных руках спецсредство является надежным инструментом самозащиты и действенным аргументом принуждения нарушителя к правомерному поведению. Из всей номенклатуры специальных средств наиболее часто применяемыми видами выступают палка специальная и наручники. Данными спецсредствами обеспечивается каждый сотрудник ОВД, привлекаемый к службе по охране общественного порядка. В обращении с указанными образцами требуется соблюдать определенный алгоритм действий. Начиная с их размещения на пояском ремне при ношении до момента зачехления после применения, сотрудник руководствуется нормами действующего законодательства, личным опытом и практическими рекомендациями. Поскольку даже, казалось бы, незначительный нюанс в виде наработки извлечения палки специальной из держателя с левой стороны ношения или с правой влияет на скорость приведения ее к бою. При этом принципиальное значение имеет не только сторона размещения держателя на ремне, но и его модель. Ведь большинство подвесных креплений и палкодержателей, поставляемых в ОВД, изготовлены из натуральной или искусственной кожи, имеют опорное кольцо из указанного материала и фиксирующую петлю с металлической кнопочной застежкой. При частой и активной эксплуатации такие модели быстро приходят в негодность, палка при извлечении начинает застревать, само кольцо рвется, металлическая застежка выходит из строя. Заменяемость испорченных элементов при починке не предусмотрена.

В качестве важных аспектов можно также выделить форменную одежду по сезону, наличие огнестрельного оружия и иной специальной амуниции. Например, извлечение палки из держателя в зимний период усложняется не только толщиной одежды, но и множеством других факторов, будь то скользкая поверхность опоры или низкая температура. Особенно если эти действия сопряжены с ношением бронежилета.

Существенным остается вопрос, что делать с палкой после нанесения расслабляющих ударов, когда действие по задержанию еще не окончено, а времени для фиксации ее в держателе нет. Отбрасывать ее в сторону, просовывать за ремень или за пазуху – выбор далеко не второстепенный. Все эти моменты, помимо собственно самих ударов, тычков и блокирующих действий, необходимо отрабатывать в процессе обучения. А это подразумевает создание особых условий и наличие сопутствующего снаряжения. Как правило, работая в учебной группе, личный состав сталкивается с проблемой достаточного количества тренировочного инвентаря. И если наличие самих спецсредств гарантируется нормами положенности, то оснащение их темляками и надежными держателями – вопрос открытый. Но только полноценное обеспечение всех элементов учебного процесса ведет к формированию устойчивой компетенции вне

зависимости от сложности ситуации. Компетентностно-ориентированный подход в обучении применению специальных средств активной обороны предполагает наличие не только совершенной методики, но и условий ее реализации при помощи использования требуемого инструментария [3].

Положим, включение в подготовительную часть занятия разминочных упражнений с палкой специальной обеспечивает скорейшее привыкание к предмету и одновременно дает сопутствующую нагрузку. Ускоренное передвижение с палкой на ремне формирует привыкание к ее форме и весу при многочасовом патрулировании или службе на посту. Говоря о динамической работе с предметом, стоит заметить, что одного лишь табельного образца недостаточно. Ради отработки ударов, особенно в парной работе, требуются особые имитационные средства, массогабаритные макеты, которые копируют штатный образец, но вместе с тем обладают дополнительными характеристиками, облегчающими их применение. Так, использование палок с мягкой рабочей частью позволяет наносить удары с меньшим риском получения травм, при том, что вес и длина имитации полностью соответствуют оригиналу.

Сегодня внедрение в учебную практику адаптированных массогабаритных макетов происходит в тестовом порядке. Существуют перспективные учебно-тренировочные материалы, разрабатываемые специализированными фирмами. Довольно часто их продукция экспонируется на различных форумах в стенах ведомственных учреждений, вызывая неподдельный интерес у специалистов. Высоким спросом на демонстрацию и пробу пользуются резиновые ножи со световой и звуковой индикацией, электрошоковые устройства и другие адаптированные спецсредства. Однако в большинстве случаев далее ознакомления с выставочными образцами дело не движется. Пути решения проблемы видятся в изготовлении материалов собственными силами или централизованном заказе в порядке госзакупки. Понятно, что кустарным способом наделить конструкцию светозвуковой индикацией крайне сложно, особенно если количество моделей выходит за рамки штучных экземпляров. Тем не менее, при самостоятельном изготовлении остальные элементы реплики легко приводятся к нужным кондициям.

Чтобы имитационная модель служила долго, ее необходимо изготовить из качественного и крепкого сырья. Производство должно быть простым и дешевым. Будь то имитация самой палки или ее держателя, все должно соответствовать основным показателям подлинников. Главной технической характеристикой реплики палки следует считать относительную мягкость ее тела при

достаточной упругости. Тренировочный образец состоит из плотного армированного шланга (образует каркас палки), теплоизоляционной трубки, обернутой цветным скотчем, и металлического стержня, закрепленного в рукоятке. Длина армированного шланга 604 мм, диаметр 32 мм, толщина 5 мм. Каркас делится на рабочую часть (длина 455 мм) и рукоять (длина 155 мм). Рабочая часть каркаса обернута утеплителем для труб из вспененного полиэтилена: внутренний диаметр 32 мм, толщина стенки 13 мм. Утеплитель приклеивается к телу палки. Рукоять вдет в резиновый шланг внутренним диаметром 32 мм и толщиной 4 мм. Таким образом, внешний диаметр рабочей части палки составляет 56 мм, рукояти 40 мм. Металлический стержень (отрезок арматуры) длиной 155 мм плотно вставляется в рукоять и проталкивается на глубину 20 мм от основания, затем с распорами вклеивается в нее, доводя вес изделия до 0.825 кг – в точности как у оригинала. В сантиметре от края основания в рукояти просверливается отверстие под темляк. Рабочая часть палки многократно обертывается цветным скотчем, рукоять – прорезиненной хлопчатобумажной изолентой (рис. 1).

Данная имитация позволяет безопасно наносить амплитудные удары и совершать блокирующие действия во всех направлениях в полную силу. Целесообразность ее использования – в отработке ударов по живой цели согласно нормам правовой допустимости, без лишнего риска причинения вреда здоровью статиста. Визуальный контроль успешных попаданий по критическим точкам тела объекта позволяет оценивать эффективность вырабатываемой техники и совершенствовать ее.

Тренировочный макет держателя для палки специальной изготовлен из ременной стропы шириной 30 мм, контактной ленты шириной 25 мм, вошечных ниток для кожи толщиной 0,8 мм и разъемного металлического кольца 40×4,0 мм. Держатель имеет подвеску со шлевкой под широкий поясной ремень, крепежную стропу с контактной лентой и удерживающее кольцо под палку резиновую с гардой. Фурнитура и элементы держателя надежно скреплены вошечными нитками. Изделие обеспечивает легкий доступ и быстрое извлечение спецсредства, без утыканий и задержек. Ценность представленного изделия в его высокой надежности, дешевизне и простоте изготовления. В случае порчи все детали подвесного крепления могут быть легко восстановлены или заменены на новые (рис. 2).

Каждое занятие по физической подготовке в независимости от темы начинается с разминки [4]. Для того чтобы привести тело в состояние повышенной работоспособности и акцентированно разогреть мышцы, задействованные в действиях с палкой специальной,

Рис. 1.

Рис. 2.

личный состав учебного взвода снаряжается тренировочным комплектом (палкой в держателе на ремне). Курсанты подгоняют амуницию под размер талии, размещая палку со стороны правого бедра. Типовая разминка начинается с построения обучающихся в колонну по два и по команде преподавателя выдвижения на маршрут пешим порядком. По ходу разминочного пути курсанты переходят на бег трусцой с постепенным увеличением темпа перемещения. Амплитудные колебания палки при беге вынуждают обучающихся придерживать рукоять правой рукой, прижимая ее к боку. Это усложняет передвижение, но формирует умение двигаться с палкой на ремне в динамике быстрого хода.

По мере преодоления дистанции курсанты извлекают палку из подвеса и, удерживая ее двойным хватом, выполняют различные упражнения. В исходном положении палка размещается на плечах, прижата к груди или удерживается в опущенных руках. Курсанты, действуя по заданию, выполняют прыжки приставными шагами, развороты по оси, идут в полуприседе и гуськом, вращают туловищем, делают разнонаправленные подъемы. По окончании беговой части разминки, обучающиеся переходят к общеподготовительным упражнениям с палкой на месте. В этой части разминки набор упражнений нацелен на разогрев мелких мышц рук и туловища. С отшагом назад палка вынимается из держателя для принятия положения к бою. Спецсредство извлекается различными способами, правой рукой обратным хватом рукоятью вверх, за рукоять прямым хватом, с проталкиванием вверх правой рукой за середину рабочей части и удержанием прямым хватом за рукоять левой рукой. При размещении палки с левой стороны действия выполняются аналогично или зеркально.

Описанные действия повторяются с нарастающей скоростью по несколько раз. Вслед за этим осуществляются перекидывания палки из правой руки в левую и наоборот. Подбросом удерживающий хват смещается по телу палки с рукояти на середину рабочей части и далее до наконечника. Курсанты производят вращения рукой с палкой в плечевом, локтевом и лучезапястном суставах, пронацию и супинацию предплечья. Выполняют тыч-

ки наконечником и основанием рукояти, удерживая палку одной или двумя руками, одиночные амплитудные и маховые удары по воздуху, серии ударов, комбинации с отходом, смещением, выпадами, уходом на средний и нижний уровни, подставки и блоки.

После разминки с оригинальной палкой начинается основная часть занятия. Курсанты делятся на пары, самостоятельно определяют очередность выполнения задания по номерам, берут тренировочные модели палок. Вторые номера (ассистенты) экипируются в защитное снаряжение (мягкую кирасу, спортивный шлем с забралом, боксерские перчатки), берут макивары [5]. В парной работе отрабатываются удары в динамике: сначала по статичной цели на разных уровнях справа налево и слева направо, затем в движении. Акцент делается на рубящих ударах с проносом по диагональной траектории, когда удары наносятся по косой сверху вниз. Особенностью этих ударов следует считать их направленность на выбивание орудия из рук статиста. Нанося удар на среднем уровне, курсант целится в область предплечья ближе к запястью или по кисти, на верхнем уровне в плечо, на нижнем – в бедро и голень. После отработки одиночных ударов следуют комплексные связки с блоками и тычками (рис. 3) [6].

Первый номер действует в атакующей манере в игровом или темповом стиле. Содержание задания устанавливает преподаватель. Все действия выполняются под строгим контролем и по мере необходимости корректируются. Точность и эффективность ударов оценивается визуально. Переход от атаки к защите происходит в порядке чередования. В ходе отработки защитных действий второй номер снимает перчатку с рабочей руки и берет в нее тренировочную палку. Действия по отражению атакующих ударов ведутся подставками и контрударами. Далее роли курсантов в парах меняются. Стандартное время на выполнения задания для одного номера в паре – не более 20 минут. Заключительное задание в парах представлено имитацией учебно-тренировочного поединка. Ассистент надевает на рабочую руку полукруглую макивару и боксерскую перчатку. В перчатку вставляется резиновый макет ножа. Задача статиста –

Рис. 3.

нанести удар ножом в жизненно важные органы, задача «сотрудника» – выбить оружие из руки нападающего, не пропустив удар.

Поединки быстротечные, три–пять выпадов. В данном задании отрабатываются исключительно действия с палкой без перехода на задержание.

На следующем этапе курсанты приступают к работе на снарядах. Используется весь арсенал тренировочного оборудования, имеющегося в рамках учебно-материальной базы. Как правило, оборудованный тактический полигон включает набор тренировочных устройств, позволяющих развивать все психофизические качества, необходимые при использовании палки специальной. В многоповторном режиме нанесения ударов по ростовому манекену вырабатывается не только силовая выносливость отдельных групп мышц, прямо или косвенно задействованных в работе с палкой специальной, но и общая выносливость [7]. Отрабатывая задачи применения палки на скорость, курсанты одновременно развивают моторно-функциональные качества и быстроту реакции на угрозу. Психический компонент в тренинге занимает не последнее место. На выработку психомоторных реакций в ходе каждого занятия отводится время, даются специальные задания. Моментальное принятие наиболее оптимального решения в выборе способа защиты либо меры силового воздействия в совокупности с физической возможностью их реализации является лейтмотивом всей подготовки.

Описанное содержание основной части занятия типично для середины обучающего курса на этапе углубленной подготовки, когда базовые представления о предмете уже сформированы, физические возможности достаточны, а простейшие технические действия воспроизводимы. Это лишь один из вариантов построения учебного занятия, связанного с обучением применению палки специальной. Вариаций множество, и все они в той или иной степени зависят от опыта, разума и фантазии педагога. Понятно, что наполнение содержательной части занятия происходит в строгом соответствии с учебной программой и тематическим планом. Однако выбор форм, методов, рабочих техник и акцентуаций

остается за преподавателем. Наличие вспомогательного оборудования, средств имитации и тренировочной экипировки в количестве, покрывающем потребности учебных групп, существенно обогащает процесс обучения, формирует познавательный интерес к предмету, приводит к общему улучшению подготовки.

В заключении следует сказать, что только исключительное внимание всем аспектам изучаемого вопроса способно обеспечить переход курсантов на новый, более высокий компетентностный уровень. А стало быть, поиск и внедрение новых инструментов, обеспечивающих условия для постоянного прогресса, будет продолжен.

Список источников

1. Троян Е. И. Комплексные занятия в физической подготовке сотрудников полиции : принципы отбора содержания учебного материала // *Kant*. 2018. № 4 (29). С. 86–89. EDN VQWKJQ.
2. Родин В. Ф., Хомутов А. М. Стимулирование познавательного интереса у курсантов образовательных учреждений МВД России к овладению навыками применения палки специальной (организационно-методический аспект) // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 2. С. 346–351.
3. Герасимов И. В. Особенности моделирования типовых ситуаций профессиональной деятельности с использованием имитационных задач в ходе комплексных практических занятий // *Автономия личности*. 2021. № 1 (24). С. 120–126. EDN KEXXXB.
4. Кушнаренко И. А., Мякенький Г. С. Формирование навыков ближнего боя и вариативность их применения на учебных занятиях по рукопашному бою // *Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): сборник научных трудов VI Международной конференции, Москва, 09–10 июня 2022 года*. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 237–241. EDN MNBCFN.

5. Силантьев В. В., Евтушенко А. А. Применение защитного снаряжения при обучении боевым приемам борьбы курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 2(27). С. 81–85. DOI 10.51980/2542-1735_2017_2_81. EDN ZCDICJ.

6. Комплексы специальных упражнений с палкой резиновой : учебно-методическое пособие / Е. А. Чигорьяев, В. И. Анисин, П. А. Кочетов, С. В. Литунев. Омск : Омская академия МВД России, 2009. 87 с. ISBN 978-5-88651-421-6. EDN VRSBGB.

7. Осипов Д. В. Особенности специальной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Наука-2020. 2020. № 3 (39). С. 20–33. EDN TYKKSA.

References

1. Troyan E. I. Integrated classes in physical training of police officers : principles of selection of training material content // Kant. 2018. № 4 (29). P. 86–89. EDN VQWKJQ.

2. Rodin V. F., Khomutov A. M. Stimulating cognitive interest in cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to master the skills of using a special stick (organizational and methodological aspect) // Bulletin of economic security. 2020. № 2. P. 346–351.

3. Gerasimov I. V. Features of modeling typical situations of professional activity using simulation tasks

during complex practical training // Autonomy of personality. 2021. № 1 (24). P. 120–126. EDN KEXXXB.

4. Kushnarenko I. A., Myakenkiy G. S. Formation of close combat skills and variability of their application in training sessions on hand-to-hand combat // Professional education of internal affairs officers. Pedagogy and psychology of service activities: status and prospects (to the 20th anniversary of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'): collection of scientific papers of the VI International Conference, Moscow, June 9–10, 2022. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2022. P. 237–241. EDN MNBCFN.

5. Silantiev V. V., Evtushenko A. A. Application of protective equipment in the training of combat fighting techniques for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (27). P. 81–85. DOI 10.51980/2542-1735_2017_2_81. EDN ZCDICJ.

6. Complexes of special exercises with a rubber stick : educational and methodical manual / E. A. Chigoryaev, V. I. Anisin, P. A. Kochetov, S. V. Litunov. Омск : Омск Академия МВД России, 2009. 87 p. ISBN 978-5-88651-421-6. EDN VRSBGB.

7. Osipov D. V. Features of special physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Nauka-2020. 2020. № 3 (39). P. 20–33. EDN TYKKSA.

Информация об авторах

И. А. Кушнаренко – профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор;

А. М. Хомутов – старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. A. Kushnarenko – Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

A. M. Khomutov – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contribute equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-265-268>

EDN: <https://elibrary.ru/oaixeb>

NIION: 2015-0066-4/24-095

MOSURED: 77/27-011-2024-04-294

Использование органами внутренних дел потенциала добровольческих (волонтерских) организаций в гражданско-патриотическом воспитании и сохранении исторической памяти

Шамиль Магомедович Нурадинов¹, Алексей Владимирович Константинов²,
Виталий Михайлович Палий³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{1,3} palyvitaly@gmail.com

² alexk_pochta@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы совместной деятельности органов внутренних дел и добровольческих (волонтерских) организаций в гражданско-патриотическом воспитании и сохранении исторической памяти. Авторами изучена и проанализирована существующая в стране практика проведения совместных мероприятий.

Ключевые слова: органы внутренних дел, волонтеры, добровольцы, патриотическое воспитание, историческая память

Для цитирования: Нурадинов Ш. М., Константинов А. В., Палий В. М. Использование органами внутренних дел потенциала добровольческих (волонтерских) организаций в гражданско-патриотическом воспитании и сохранении исторической памяти // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 265–268. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-265-268>. EDN: OAIXEB.

Original article

Use by the internal affairs bodies of the potential of volunteer (volunteer) organizations in civic and patriotic education and preservation of historical memory

Shamil M. Nuradinov¹, Alexey V. Konstantinov²,
Vitaly M. Paliy³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

^{1,3} palyvitaly@gmail.com

² alexk_pochta@mail.ru

Abstract. The topical issues of joint activities of internal affairs bodies and volunteer (volunteer) organizations in civil and patriotic education and preservation of historical memory are being considered. The authors studied and analyzed the existing practice of holding joint events in the country.

Keywords: internal affairs bodies, volunteers, volunteers, patriotic education, historical memory

For citation: Nuradinov Sh. M., Konstantinov A. V., Paliy V. M. Use by the internal affairs bodies of the potential of volunteer (volunteer) organizations in civic and patriotic education and preservation of historical memory. Bulletin of economic security. 2024;(4):265–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-265-268>. EDN: OAIXEB.

Использование потенциала добровольческих (волонтерских) организаций в деятельности, направленной на патриотическое, духовно-нравственное воспитание,

показывает эффективность совместного участия в реализации многих федеральных, региональных и местных программ и проектов.

© Нурадинов Ш. М., Константинов А. В., Палий В. М., 2024

Большое распространение во всех регионах Российской Федерации получили следующие добровольческие (волонтерские) организации и движения:

- Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»;
- Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы»;
- Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников»;
- Всероссийская общественная организация «Молодая гвардия Единой России».

На уровне субъектов Российской Федерации осуществляют свою деятельность региональные отделения, которые всесторонне содействуют территориальным органам МВД России в проведении мероприятий и реализации проектов, направленных на сохранение исторической памяти и гражданско-патриотическое воспитание.

Одной из самых крупных добровольческих организаций является Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», объединяющее тысячи людей разных политических взглядов, религиозных конфессий и общественных объединений, имеющее 85 региональных отделений, 1 093 муниципальных штаба, 438 общественных центров на базе вузов и средних специальных учебных заведений и 447 школьных отрядов [1].

Другой крупной добровольческой организацией является Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», которое объединило более 1 млн детей и подростков. Ее региональные штабы представлены в 85 субъектах Российской Федерации [2].

Сотрудники территориальных органов МВД России совместно с представителями общественных советов при территориальных органах МВД России, волонтерами и добровольцами движений «Волонтеры Победы» и «Юнармия» постоянно участвуют в патриотических акциях (Всероссийская акция «Свеча памяти», Всероссийская акция «Георгиевская ленточка», Всероссийская акция «Вахта памяти», Общероссийская патриотическая акция «Завтра была война», шествия «Бессмертный полк»). Наряду с совместной работой в рамках всероссийских движений и акций в регионах имеется положительный опыт межведомственного взаимодействия с привлечением волонтеров.

МВД по Республике Хакасия совместно с Министерством образования и науки Республики Хакасия, воинской частью и некоммерческой организацией «Фонд „МЦСИП“» в целях формирования у детей гражданской жизненной позиции, социальной активности, духовности и важнейших патриотических качеств личности, направленных на укрепление государства и защиту интересов, организовали военно-полевые сборы «Неделя в армии» на базе воинской части № 7922 для воспитанников ГБПОУ РХ «Боградское специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиант-

ным (общественно опасным) поведением открытого типа».

Большую совместную работу провели сотрудники УМВД России по Архангельской области, продемонстрировав эффективность использования добровольческих (волонтерских) организаций.

В рамках организации фестиваля УМВД России по Архангельской области «Большая Медведица», проходившего 12 июня 2022 г., волонтеры помогали в организации следующих площадок:

- «Главная сцена» (концерт артистов региона и приглашенных гостей);
- «Полицейская палитра» (работа с детьми, аниматорство, организация игр);
- «Исторический островок» (помощь в организации постановочного сражения солдат Красной Армии с войсками Вермахта);
- «Кинологический островок» (сбор гостей для лекций, ориентирование участников фестиваля по тематическим площадкам);
- «Спортивный островок» (встреча спортсменов, ориентирование участников на площадки, сопровождение);
- «Фото на память» (помощь в организации и кураторов выставки техники);
- «Безопасная дорога» (сопровождение «Лаборатории безопасности» и тренажера имитатора лобового столкновения СТРИЛС).

Волонтеры совместно с сотрудниками органов внутренних дел курировали интерактивные зоны фестиваля: «Сдача ГТО», «Папа может» (семейные эстафеты), «Чеканка», «Бьем рекорды», выставка оружия. По результатам фестиваля были поощрены правами начальника УМВД России по Архангельской области 219 волонтеров из общественных организаций: студенческие отряды Архангельской области, Архангельское региональное отделение Общероссийского движения «Клуб исторической реконструкции России», Всероссийское детско-юношеское движение «Юнармия», военно-патриотический центр «Вымпел», Архангельский сводный отряд «Феликс», «Молодая гвардия», ресурсный центр добровольчества Архангельской области, «Серебряные волонтеры».

Особенно стоит отметить проходивший в мае 2022 г. II Международный поход «Наследие», посвященный сохранению исторической памяти о событиях и участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С 2020 г. в целях патриотического воспитания подрастающего поколения организовано проведение походов. Организовано взаимодействие с волонтерами Совета по молодежной политике г. Пскова, волонтерами Всероссийского студенческого корпуса спасателей.

В мае 2021 г., в память встречи партизанских отрядов на Кургане Дружбы, на территории Себежского района Псковской области состоялся международный поход, в котором приняли участие делегации сотрудников

органов внутренних дел и несовершеннолетних Псковской области (28 человек), Пермского края (14 человек) и Витебской области Республики Беларусь (22 человека), в том числе 38 несовершеннолетних в возрасте от 13 до 17 лет, состоящих на учетах в органах и учреждениях системы профилактики.

В мае 2022 г. в мероприятии приняли участие представители Псковской области (28 человек), Пермского края (14), Забайкальского края (14), Удмуртской Республики (14), Витебской области Республики Беларусь (17) в количестве 95 человек (50 несовершеннолетних в возрасте от 13 до 17 лет, состоящих на учетах в органах и учреждениях системы профилактики, 31 сопровождающий, десять военнослужащих).

В рамках Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения в Чеченской Республике создан из числа волонтеров Республиканское общественное движение «Турпалхой» (в переводе с чеченского – «герои»). Участники проекта публикуют посты о сотрудниках силовых структур, религиозных и общественных деятелях, работниках образования, государственных и муниципальных служащих, а также деятелях культуры и журналистах, погибших в ходе военных действий от рук террористов. Каждый очерк публикуется в социальных сетях.

Также Республиканское общественное движение «Турпалхой» проводит благотворительные акции и мероприятия для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. В г. Грозном участники движения открыли «Сад героев», «Аллею героев», «Лагерь патриотов», «Турпалхойн мехкари», «Турпалхойн амал», передвижную выставку «Ожившие герои», фотошколу для детей погибших сотрудников. Представители движения проводят регулярные встречи со школьниками и студентами в рамках проекта «Листая историю», а также встречи с ветеранами МВД России.

Ежегодно подготовленные материалы о совместной работе МВД Чеченской Республики и Республиканского общественного движения «Турпалхой» выходят в местных СМИ.

5 февраля 2022 г. Министр внутренних дел по Чеченской Республике генерал-полковник полиции Р. Ш. Алханов поздравил волонтеров Республиканского общественного движения «Турпалхой» с пятой годовщиной со дня создания организации и от-

метил вклад участников проекта в духовно-нравственное воспитание подростков, подчеркнув, что последующие поколения должны помнить ушедших героев и Республиканское общественное движение «Турпалхой» вносит огромный вклад по увековечиванию их памяти.

Подводя итог, стоит отметить, что во многих муниципальных образованиях зарегистрированные добровольческие (волонтерские) организации отсутствуют, однако имеются общественные (волонтерские) организации при школах, в которых состоят учащиеся старших классов. Данные объединения не имеют регистрации, тем не менее их деятельность направлена на решение задач, связанных с патриотическим воспитанием и сохранением исторической памяти. Существующий потенциал общественных (волонтерских) организаций при школах необходимо учитывать и использовать территориальными органами МВД России.

Дальнейшую совместную работу территориальных органов МВД России с добровольческими (волонтерскими) организациями в сфере гражданско-патриотического воспитания и сохранения исторической памяти целесообразно осуществлять как с использованием ресурсов региональных отделений всероссийских волонтерских организаций, так и с привлечением ресурсов местных молодежных движений. Огромное значение имеет деятельность общественных советов при территориальных органах МВД России по поддержанию региональных инициатив добровольческих (волонтерских) организаций.

Список источников

1. Сайт Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» // URL://<https://волонтерыпобеды.рф> (дата обращения: 08.02.2023).
2. Сайт Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» // URL://<https://yunarmy.ru> (дата обращения: 08.02.2023).

References

1. Website of the All-Russian public movement «Volunteers of Victory» // URL://<https://волонтерыпобеды.рф>.
2. Website of the All-Russian children's and youth military-patriotic social movement «Yunarmiya» // URL://<https://yunarmy.ru>.

Информация об авторах

Ш. М. Нурадинов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук;

А. В. Константинов – заместитель начальника кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. М. Палий – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

Sh. M. Nuradinov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences;

A. V. Konstantinov – Deputy Head of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

V. M. Paliy – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

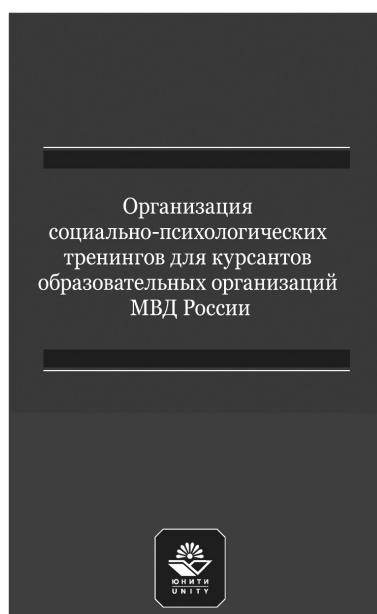
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 29.07.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 29.07.2024.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-269-273>

EDN: <https://elibrary.ru/ojdcog>

NION: 2015-0066-4/24-096

MOSURED: 77/27-011-2024-04-295

Поликультурная образовательная среда вуза: готовность преподавателя к творческому взаимодействию

Алина Вячеславовна Скрипкина¹, Наталья Романовна Туравец², Евгений Андреевич Щуров³

^{1,3} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

² Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

¹ c80@inbox.ru

² nata51.n@bk.ru

³ e.a.mvd@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы совершенствования поликультурного образования в вузе, освоение новых технологий, способствующих взаимодействию в поликультурной среде. Определены основные направления готовности преподавателя к творческому взаимодействию: социальное, психолого-педагогическое, культурологическое; способствующие пониманию своей миссии в воспитании студентов, ориентированности в постоянно меняющейся социальной и политической ситуации. В контексте поликультурной образовательной среды рассмотрены функции и роли преподавателя высшей школы, который не только организует и управляет познавательной деятельностью студента, но и осуществляет передачу необходимого знания, выступая, при этом, в роли тьютера, менеджера, наставника, консультанта и т. д. Особое внимание уделено творческому освоению технологии стартапа, способствующей осмыслению уникального поликультурного опыта, умений и знаний в процессе развития у студентов лидерских качеств, практического овладения способами урегулирования конфликтов; определены вспомогательные средства, привлекаемые для наглядности: слайды, флипчарты, постеры, компьютерные игры, воспроизводящие исторические документальные фильмы, изучение традиционных обычаев и этикета, характерных для той или иной культуры.

Ключевые слова: поликультурная образовательная среда, студенты, преподаватели, творческое взаимодействие, технологии

Для цитирования: Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А. Поликультурная образовательная среда вуза: готовность преподавателя к творческому взаимодействию // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 269–273. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-269-273>. EDN: OJDCOG.

Original article

Multicultural educational environment of the university: teacher's readiness for creative interaction

Alina V. Skripkina¹, Natalia R. Turavets², Evgeny A. Shchurov³

^{1,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

¹ c80@inbox.ru

² nata51.n@bk.ru

³ e.a.mvd@inbox.ru

Abstract. The current problems of improving multicultural education at the university, the development of new technologies that promote interaction in a multicultural environment are considered. The main directions of teacher readiness for creative interaction are identified: social, psychological, pedagogical, cultural; contributing to the readiness for creative activity in understanding their mission in educating students, orientation in an ever-changing social and political situation. In the context of a multicultural educational environment, the functions and roles of a higher school teacher who not only organizes and manages the cognitive activity of a student, but also transfers the necessary knowledge, acting, at the same time, as a tutor, manager, mentor, consultant, etc. Special attention is paid to startup technology, which contributes to the

© Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А., 2024

understanding of unique multicultural experience, skills and knowledge in the process of developing students' leadership qualities, practical mastery of conflict resolution technologies; the auxiliary means used for visualization are identified: slides, flipcharts, posters, computer games reproducing historical documentaries, the study of traditional customs and etiquette characteristic of a particular culture.

Keywords: multicultural educational environment, students, teachers, creative interaction, technology

For citation: Skripkina A. V., Turavets N. R., Shchurov E. A. Multicultural educational environment of the university: teacher's readiness for creative interaction. Bulletin of economic security. 2024;(4):269–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-269-273>. EDN: OJDCOG.

Поликультурная образовательная среда вуза представляет собой модель современного общества, в которой субъекты взаимодействуют: осуществляется диалог людей разных культурных традиций, национальностей, религий, системы ценностей. Такая среда подвижна, неустойчива, находится в постоянном движении. Ряд авторов Т. В. Болотина [3], Л. П. Карпушина [4], Е. С. Протанская [6], М. В. Троссель [9] и др. определяют основные задачи поликультурной образовательной среды, как необходимости ориентировать студентов на понимание современного состояния картины мира, на осмысление имеющихся концепций поликультурного образования, на создание позитивного климата и доброжелательных отношений между субъектами поликультурной среды и т. д. Авторы утверждают, что поликультурная образовательная среда вуза способствует адаптации разнообразных точек зрения по проблемам развития культуры, стимулирует студентов и преподавателей на понимание традиций, на межкультурное взаимодействие. Ученые, педагоги полагают, что наличие поликультурной образовательной среды способствует решению таких проблем, как стимулирование интереса к новым знаниям, а также, зачастую, способствует формированию своей позиции относительно поликультурного мира.

Готовность преподавателя к взаимодействию в поликультурной образовательной среде определяет успешность в формировании специалиста новой формации. Анализ исследований последних лет свидетельствует, что ученые рассматривают данную готовность, как качество личности и ее способность к осуществлению определенного вида деятельности [1]. Так, отмечается, что «особенностью готовности к профессиональной деятельности является ее интегративный характер, проявляющийся в упорядоченности внутренних структур, согласованности основных компонентов личности профессионала, в устойчивости, стабильности и преемственности их функционирования, т. е. профессиональная готовность обладает признаками, свидетельствующими о психологическом единстве, целостности личности профессионала, способствующими продуктивности деятельности» [8, с. 296].

На основе теоретического анализа литературы по изучаемой проблеме мы выделяем основные функциональные пласты готовности преподавателей к взаимодействию в поликультурной образовательной среде. Это ценностно-мотивирующее освоение культуры, основанное на принципах культуросообразности, созда-

ния условий для идентификации человека в социокультурной сфере. Проблема готовности преподавателей вуза к деятельности в поликультурной образовательной среде содержит комплекс направлений социального, психолого-педагогического и культурологического характера.

Социальные аспекты связаны с необходимостью формирования толерантности студентов, их продуктивного взаимодействия в поликультурной среде, признание многообразных ценностных ориентаций. Социальная направленность в деятельности преподавателя предполагает достижение определенного уровня осознания значения знаний и умений в этой сфере профессиональной деятельности, учитывающей взаимодействие человека с обществом, социумом и другими людьми.

Психолого-педагогический аспект готовности преподавателя к продуктивному взаимодействию определяют личностные смыслы, способствующие приобретению рефлексии и критического мышления, деятельности, направленной на адекватный выбор направлений в работе со студентами. Для успешного субъект-субъектного взаимодействия в вузе преподаватель повышает качество самопрезентации, обеспечивающей готовность к проявлению деятельности в современной социокультурной ситуации с переходом традиционных форм взаимодействия к инновационным, обеспечивающим движение к стратегическому мышлению. Психологические аспекты в деятельности преподавателей в поликультурной образовательной среде, предполагают овладение необходимой поликультурной информацией, ориентированной на многообразие социальной и профессиональной действительности в условиях нестабильности и неустойчивости. Готовность преподавателя в работе в поликультурной образовательной среде вуза предполагает осмысление приобретаемого в процессе обучения опыта, навыков адаптации приобретенных знаний к современным проблемам в развитии общества [9].

Преподаватели в процессе поликультурного взаимодействия со студентами ощущают психологические барьеры, в ряду которых называют несогласованность и разночтение понятий, используемых в педагогической практике, сложившиеся стереотипы, ложные установки, которые приводят к непониманию, или даже – неприятию объективных поликультурных фактов. Вместе с тем, поликультурное образование в вузе предусматривает связь человека с культурой, признание культурного многообразия, формирование студентов, способных к

активной профессиональной деятельности в поликультурной среде. Содержание поликультурного образования в вузе учитывает индивидуальные потребности студентов и их социокультурное окружение; характеристику региона, вуза, группы, возникновение конфликтов, их причины и технологии их преодоления.

Особое значение при формировании готовности преподавателя к взаимодействию в поликультурной образовательной среде имеет *культурологический аспект*, предполагающий глубокие знания в области теории и истории культуры, видение перспектив развития культуры, освоение методов выстраивания межкультурного диалога. Культурологическая составляющая основывается на способности личности преподавателя осмыслить и передать достижения мировой и отечественной культуры через особенности культур, своеобразие традиций, обрядов, народное творчество. Поликультурная образовательная среда вуза способствует развитию творческого потенциала студента, способствует развитию природных способностей каждой личности. Творческое развитие студентов в поликультурной среде предполагает создание условий, включающих ориентацию на создание творческой среды, способствует овладению принципами творческой деятельности с учетом специфики поликультурной среды. Известно, что творчество, как развивающаяся система, представляет «элемент свободы, благодаря которой только и возможно творчество нового» [2].

Эффективное управление развитием творческого потенциала студентов в поликультурной среде осуществляет преподаватель с высоким уровнем профессионального опыта, способного к осознанию своих педагогических качеств, способствующих поликультурному образованию обучающихся с использованием оптимальных форм и способов работы, направленных на активизацию резервов развития личности. Творческое развитие студентов зависит от готовности преподавателя овладеть механизмами передачи поликультурных знаний, складывавшихся веками культурно-исторических и этических традиций разных народов и культур. В процессе осуществления творческого взаимодействия преподавателя и студентов формируется опыт поликультурного взаимодействия. Опора на имеющийся жизненный опыт студентов обогащает и актуализирует приобретение поликультурных знаний.

В современной высшей школе поликультурное взаимодействие предполагает изменение профессиональных функций преподавателей, которые выходят за пределы традиционной деятельности. Социальные, психолого-педагогические, культурологические знания и умения в сфере поликультурного взаимодействия предполагают готовность преподавателя к определению стратегических ориентиров своего творческого развития, учитывающих особенности исторического пути России, современных требований к педагогической деятельности. Творческая деятельность преподавателя в условиях поликультурной среды проявляется в понима-

нии своей миссии в воспитании студентов, которые способны осознать собственную индивидуальность, могут ориентироваться в постоянно меняющейся социальной и политической ситуации.

В настоящий момент остро стоит вопрос о пересмотре функций и ролей преподавателя высшей школы. Исследователи отмечают, что нового качества поликультурного образования можно добиться на основе изменения взаимодействия преподавателей и студентов в образовательном процессе вуза: происходит изменение функций акторов образовательного процесса. Преподаватель не только организует и управляет познавательной деятельностью студента, но и осуществляет передачу необходимого знания, выступая, при этом, в роли тьютера, менеджера, наставника, консультанта и т. д. Меняется и роль студента, который из простого потребителя знаний, превращается в личность, которая берет на себя ответственность за свое саморазвитие. На современном этапе в вузе востребованы преподаватели, освоившие функции игромастера, тренера по майнд-фитнесу и т. д.

В числе новых функций преподавателя все более востребованной становится деятельность *ментора стартапа*, как человека генерирующего идеи, вызывающие затруднения в процессе подготовке кадров. Ментор – как советчик, наставник, воспитатель – в стартапе преподаватель, выполняющий роль консультанта [9; 10]. В поликультурной образовательной среде технология стартапа становится все более востребованной: появляются программы по организации стартапов, распространяются технологии применения стартапов по разным направлениям обучения студентов. В процессе формирования готовности преподавателя к творческому взаимодействию в поликультурной среде определяются основные функции ментор стартапов, которые заключаются в необходимости оказания помощи в объективной оценке эффективности своего взаимодействия в поликультурной среде, личного участия в межличностном и поликультурном диалоге на основе понимания ценностно-целевых ориентиров в достижении запланированного результата саморазвития. Организация коллективных форм поликультурного взаимодействия при проведении мероприятий, в целом ложится на преподавателя ментора или стартапа, способствующего эффективному взаимодействию.

Готовность преподавателя к творческому взаимодействию в поликультурной среде вуза предполагает научно-педагогическое и научно-исследовательское самосовершенствование в овладении образовательными технологиями, и в том числе проектной деятельностью на основе стартапа. В поликультурном взаимодействии субъектов в вузе стартап является важной составляющей при осмыслении уникального поликультурного опыта, умений и знаний в процессе развития у студентов лидерских качеств, практического овладения технологиями урегулирования конфликтов. Наиболее эффективными при реализации технологии стартапа становятся формы и методы, основанные на диалоге, дискуссии, ролевых и

деловых играх, использовании практических ситуаций, разработке проектов и др. Продуктивными являются вспомогательные средства, привлекаемые для наглядности: слайды, флипчарты, постеры, компьютерные игры, воспроизводящие исторические документальные фильмы, изучение традиционных обычаев и этикета, характерных для той или иной культуры.

В поликультурном образовании использование стартапа не имеет широкого распространения. Вместе с тем, можно утверждать, что данная технология способствует организации и реализации качественного образовательного процесса.

Таким образом, для успешной готовности к творческому взаимодействию в поликультурной среде, использование новых технологий в контексте обновления функций и ролей преподавателя, предполагает:

- сформированность целостной системы знаний о поликультурных особенностях народов, населяющих Россию, знаний о поликультурной образовательной среде;
- обеспечение процесса обучения новыми технологиями, учитывающими ценностные основы поликультурной среды;
- создание атмосферы доверия, стремления к взаимопониманию и сотрудничеству, толерантности;
- формирование способности проектировать поликультурное взаимодействие с учетом культурных и индивидуальных различий студентов.

Среди основных преимуществ использования инновационных технологий в формировании готовности преподавателя к творческому взаимодействию в поликультурной образовательной среде, стимулировании и развитии педагогического творчества, основанного на использовании разнообразного материала по процессу культурного развития страны и региона, основано на богатом личном профессиональном опыте. Изучение различных точек зрения и взглядов, изучаемых по проблемам поликультурного взаимодействия, приводят к нестандартным решениям: пониманию процессов, происходящих на территории нашей страны, что позволяет осмысленно реализовывать образовательные программы.

Библиографический список

1. Башмакова Н. И. Поликультурная образовательная среда гуманитарного вуза как основа полипарадигмальности современного образования в условиях глобализации // В сборнике: Модернизация профессионально-педагогического образования : тенденции, стратегия, зарубежный опыт. Материалы международной научно-практической конференции. Алтайская государственная педагогическая академия. 2014. С. 32–36.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Политиздат, 1993. 383 с.
3. Болотина Т. В. Формирование поликультурных компетенций педагогов средствами межкультурного диалога в поликультурной образовательной среде //

Управление образованием: теория и практика. 2014. № 2. С. 108–129.

4. Карпушина Л. П., Варданын В. А., Козлова Т. А. Поликультурная образовательная среда общеобразовательной организации как педагогический феномен // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 12. С. 22–33.

5. Полушкина А. О. Технология использования стартапа в процессе обучения студентов // Вестник бурятского государственного университета. 2017. № 7. С. 166–175.

6. Протанская Е. С. Поликультурное образование в системе ценностей современного мира // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 2 (51). С. 136–145.

7. Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А. Фокус стратегия в процессе самопрезентации молодых ученых и преподавателей высшей школы // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 254–258.

8. Субботина Л. Ю. Формирование профессиональной готовности студентов к самостоятельной деятельности // Ярославский педагогический вестник, 2011. № 4. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 295–298.

9. Троссель М. В. Поликультурная образовательная среда в вузе: особенности и проблемы // В сборнике: Интеграция медицинского и фармацевтического образования, науки и практики. Сборник статей II Международного научно-педагогического форума. Сер. «Вузовская педагогика». 2023. С. 19–24.

10. Online Etymology Dictionary // URL: http://www.etymonline.com/in-dex.php?l=f&allowed_in_frame=0 (дата обращения: 10.05.2024).

Bibliographic list

1. Bashmakova N. I. The multicultural educational environment of a humanitarian university as the basis of the polyparadigmality of modern education in the context of globalization // In the collection: Modernization of vocational pedagogical education: trends, strategy, foreign experience. Materials of the international scientific and practical conference. Altai State Pedagogical Academy. 2014. P. 32–36.
2. Berdyaev N. A. On the appointment of a person. M. : Politizdat, 1993. 383 p.
3. Bolotina T. V. Formation of multicultural competencies of teachers by means of intercultural dialogue in a multicultural educational environment // Education management: theory and practice. 2014. № 2. P. 108–129.
4. Karpushina L. P., Vardanyan V. A., Kozlova T. A. Multicultural educational environment of a general education organization as a pedagogical phenomenon // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2023. № 12. P. 22–33.

5. Polushkina A. O. Technology of using a startup in the process of teaching students // Bulletin of the Buryat State University. 2017. № 7. P. 166–175.

6. Protanskaya E. S. Multicultural education in the value system of the modern world // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2022. № 2 (51). P. 136–145.

7. Skripkina A. V., Turavets N. R., Shchurov E. A. Focus strategy in the process of self-presentation of young scientists and teachers of higher education // Bulletin of Economic Security. 2023. № 6. P. 254–258.

8. Subbotina L. Yu. Formation of professional readiness of students for independent activity // Yaroslavl

Pedagogical Bulletin, 2011. № 4. Vol. II (Psychological and pedagogical sciences). P. 295–298.

9. Trossel M. V. Multicultural educational environment at the university: features and problems // In the collection: Integration of medical and pharmaceutical education, science and practice. Collection of articles of the II International Scientific and Pedagogical Forum. Ser. «University pedagogy». 2023. P. 19–24.

10. Online Etymology Dictionary // URL://http://www.etymonline.com/in-dex.php?l=f&allowed_in_frame=0 (accessed: 10.05.2024).

Информация об авторах

А. В. Скрипкина – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор;

Н. Р. Туравец – профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры, доктор педагогических наук, профессор;

Е. А. Щуров – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Skripkina – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

N. R. Turavets – Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Education of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

E. A. Shchurov – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 25.06.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 03.10.2024.

Научная статья

УДК 796:799

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-274-282>

EDN: <https://elibrary.ru/ikpduh>

ИИОН: 2015-0066-4/24-097

MOSURED: 77/27-011-2024-04-296

Становление и квинтэссенция рукопашного боя в деятельности общественных организаций и учреждений на примере российского казачества

Хорен Аветисянович Тоноян¹, Артем Юрьевич Лахтин²

¹ Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor-tonoyan@mail.ru

² Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), Москва, Россия, skbpгу@mail.ru

Аннотация. Популярность рукопашного боя, как вида единоборств, с каждым годом становится больше и больше. На сегодняшний день в более чем 43 странах в пяти континентах занимаются этим видом спорта. Учитывая, что многие элементы и тактико-технические комплексы рукопашного боя входят в образовательную программу по подготовке специалистов для органов внутренних дел России и многих силовых структур, стало необходимо выявить становление и развитие рукопашного боя в России и популярность этого вида единоборств среди различных государственных и общественных организаций. Для достижения поставленной цели были использованы методы сравнительного анализа, анализ научной и художественной литературы и изучение архивных материалов по старославянским и казачьим видам борьбы. Полученные результаты позволяют говорить о том, что старославянские и казачьи виды единоборств являются источником современного рукопашного боя и имеют не только социальное, но и культурное значение для студентов и будущих специалистов силовых структур.

Ключевые слова: рукопашный бой, спортивные единоборства, казачьи виды борьбы, старославянские виды борьбы, боевые искусства славян, культурные и спортивные традиции казаков

Для цитирования: Тоноян Х. А., Лахтин А. Ю. Становление и квинтэссенция рукопашного боя в деятельности общественных организаций и учреждений на примере российского казачества // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 274–282. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-274-282>. EDN: IKPDUH.

Original article

Formation and quintessence of hand-to-hand combat in the activities of public organizations and institutions on the example of the Russian Cossacks

Horen A. Tonoyan¹, Artem Yu. Lakhtin²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor-tonoyan@mail.ru

² Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky
(First Cossack University), Moscow, Russia, skbpгу@mail.ru

Abstract. The popularity of hand-to-hand combat as a form of martial arts is growing more and more every year. Today, more than 140 countries around the world practice this sport. Considering that many elements and tactical-technical complexes of hand-to-hand combat are included in the training program for specialists in the Russian Ministry of Internal Affairs and many security agencies, it has become necessary to identify the formation and development of hand-to-hand combat in Russia and the popularity of this martial art among various state and public organizations. To achieve this goal, methods of comparative analysis, analysis of scientific and literary sources, and the study of archival materials on Old Slavic and Cossack forms of wrestling were used. We believe that the results of the study will allow us to assert that Old Slavic and Cossack martial arts are the source of modern hand-to-hand combat and have not only social but also cultural significance for students and future specialists in security services.

Keywords: hand-to-hand combat, sports martial arts, Cossack types of wrestling, Old Slavic types of wrestling, Slavic martial arts, cultural and sports traditions of the Cossacks

© Тоноян Х. А., Юлина Г. Н., 2024

For citation: Tonoyan H. A., Lakhtin A. Yu. Formation and quintessence of hand-to-hand combat in the activities of public organizations and institutions on the example of the Russian Cossacks. Bulletin of economic security. 2024;(4):274–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-4-274-282>. EDN: IKPDUH.

Введение.

Искусство борьбы так же старо, как само человечество. Борьба (единоборства) всегда являлась составной частью общей культуры не только современных, но и древнейших народов, живущих на планете Земля. От Шумеров это искусство перешло к Вавилонянам и далее по всему Средиземноморью. А это ни много, ни мало четыре тысячелетия до нашей эры (рис. 1, 2).

Существуют три основные теории его происхождения: Культура и религия, биологическое стремление человека к движению, и идеологическое, философское толкование [14].

В попытках с помощью единоборства противостоять силам природы следует усматривать начало спортивной борьбы как вида спорта.

Как зарождался рукопашный бой, как вид борьбы в России? Период его становления и развития на разных этапах времени? Мотивация происхождения, популярность этого вида спортивной борьбы сегодня, особенно среди силовых структур и в армии? Какие исторические предпосылки подтолкнули древних славян заниматься этим видом единоборств? В каких регионах России пользовались большой популярностью поединки рукопашного боя?

Поиск ответов на эти вопросы стал научным интересом нашего исследования.

Теоретическая основа любой научной дисциплины, в том числе теория и методика спортивных единоборств, представляет собой обобщенную систему научных знаний о сущности физической культуры и закономерностях ее использования для физического совершенствования человека. Она осмысливает ее фундаментальные черты и свойства, открывает закономерности, выходящие за пределы частных наук. Особенности современ-

ного рукопашного боя как вида спорта, входящего в образовательную программу по подготовке сотрудников правоохранительной деятельности, раскрывается после анализа цели и задачи рукопашного боя.

Цели рукопашного боя в системе МВД:

- формирование навыков самозащиты, обезвреживания и задержания лиц, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан;

- воспитание смелости, решительности, инициативы и находчивости.

Задачи рукопашного боя в системе МВД:

- обучение приемам рукопашного боя, тренировки и их совершенствование;

- обучение умелым действиям в средствах индивидуальной бронезащиты, применения наручников и использования подручных средств в рукопашной схватке;

- развитие силы, выносливости, ловкости, быстроты, смелости, решительности, инициативы и находчивости;

- воспитание уверенности в своих силах, стремление сблизиться с противником и обезвредить его [6; 13].

Анализируя социальные функции и значения этих двух видов единоборств, можно сказать, что изучаемые нами виды борьбы: «Рукопашный бой», «Казачьи виды единоборств» рассматривают закономерности идеального построения физической подготовки учащихся, т. е. каким оно должно быть в норме, если следовать ее положениям и установкам. А что касается теоретических основ, то оно частично затрагивает историю развития боевых единоборств в России, систему упражнений и игр, историю боевых искусств, смешанные единоборства и спортивные единоборства. Для понимания терминов, которые будут использоваться в нашей работе, представляем понятийный аппарат.

Рис. 1. Гильгамеш в поединке со львом (Вавилония, 6000–4000 гг. до н. э.) выполняет прием, напоминающий «мельницу»

Рис. 2. Бронзовая скульптура из Месопотамии, увековечившая борьбу на поясах (начало III тыс. до н. э.)

Казачьи виды спорта являются одной из составных частей физической культуры. Сюда входят занятия различными физическими упражнениями и игры, обязательным условием которых является наличие соревновательной деятельности, чтобы занимающиеся стремились к дальнейшему повышению результата: шермиции с шашкой и пикой, состязания в рубке, борьба «на ломка», кулачный бой, наездничество, стрельба из лука, а также различные исконные забавы и состязания (танец с оружием, перетяжки на палках, коллективные кулачки и фехтовальную игру «бой на шашках» и др.).

Казачьи виды единоборств – соревнования пары казаков-участников, проходящие по правилам боевых искусств. Только те физические состязания, цель которых – определить лучшее боевое искусство и чемпиона в конкретных видах. Практикуются следующие виды единоборств: борьба «на ломка»; кулачное единоборство; палочно-кулачный бой; стенка на стенку; вольная борьба.

Спортивное единоборство – поединок с вооруженным или безоружным противником, либо группой противников без использования оружия. В данном случае разрешается атака и защита любым способом, но использовать можно лишь свое тело. Если же по ходу поединка Вам удастся завладеть оружием противника, допускается его использование против него же самого.

Смешанные боевые искусства (СБИ) – это полноконтактный вид единоборств, основанный на ударах, борьбе и рукопашном бое, включающий в себя техники различных боевых искусств со всего мира.

Кулачный бой – это древняя забава русских удалцов. Подрасться, потешиться или провести праздник (народный, спортивный) в полном разгуле. Кулачный бой составлял особый род военного упражнения, которое приучало молодых людей смертоносной битве.

Рукопашный бой (от старославянского «рукопашь», рука и пахать – размахивать) – бой (схватка) с применением оружия, либо вообще без использования оружия. Является научной, военно-прикладной и учебной дисциплиной.

Казачьи виды боевых искусств – виды единоборств и самозащиты, в основном полагающиеся на технику рукопашного боя в качестве средств его ведения. Сейчас они распространены и активно используются во многих государствах. Живущие там казаки стремятся развиваться не только физически, но и духовно. Все боевые искусства казаков делятся на направления, виды, стили и школы. Кроме ударной или борцовской техник, частью казачьих боевых искусств являются и более возвышенные вещи, как, например, философия, традиции и сознательное совершенствование.

«Казачья верховая борьба» – это система упражнений и игр, объединяющая специальные комплексы джигитовки, казачьи игры, рукопашный бой без оружия и техники работы с оружием, выполняемые верхом на имитаторе лошади.

Казаки с давних времен являлись особой частью населения России. Их выделяла смелость, отвага, народ считал их прекрасными воинами. Некоторые уникальные техники верховой езды, сабельного и рукопашного боя появились именно благодаря казакам. Все накопленные великими воинами и защитниками знания их потомки бережно хранят и передают из поколения в поколение. В настоящее время в России, особенно на южных территориях, ведется масштабная работа по возрождению казачьих традиций. Прямые потомки казаков и простые энтузиасты по крупицам собирают информацию и стараются восстановить древнее боевое искусство. Имеется в виду не только владение холодным оружием или искусство конной езды, но и абсолютно уникальный стиль рукопашного боя, множество раз помогавший доблестным воинам одолеть бесчисленных врагов Родины в боевых схватках [9; 10].

Во-первых, подобные рукопашные состязания берут свое начало еще во всаднической культуре и родовых мужских инициациях. К ним можно отнести борьбу «на ломка», борьбу вольную, кулачный бой, происходящий или в коллективной форме, или в форме единоборства [7; 14].

Во-вторых, это были коллективные тактические умения и навыки, порожденные условиями степной войны («лава», «карусель», «завеса», «вентерь»), к ним вплотную примыкает умение вести индивидуальный бой верхом во время перепалок, джигитовать на коне, рубить и колоть противника с коня.

В-третьих, значительное влияние на формирование базы ратных умений казачества оказала строгая регламентация всех указанных форм казачьими уставами. Эти документы создавались русскими и европейскими армиями на основе казачьего и кавалерийского боя. В практике казачьей подготовки присутствуют типовые элементы рубки и фехтования, которые облегчали обучение молодых казаков.

В-четвертых, не последнюю роль играли различные станичные «домашние» игры, на которых старики учили молодежь владеть оружием и искусству верховой езды, и праздничные шермиции, когда освоенные умения и навыки демонстрировались казаками на станичных гуляниях и игрищах, в составе гулебных команд. Все это позволяло молодым казакам осваивать военные навыки под руководством опытных представителей старшего поколения [7; 9; 10; 14].

В-пятых, все умения и навыки ведения войны были тесно связаны с традиционным бытом народа. Гульбище, как коллективная облавная охота или индивидуальная охота, сопровождаемая «засидами», стрельбой на скорость и меткость, установка ловушек для зверя, охота в плавнях, рыболовство на реке и море, пастьба животных, обезд коней – все эти занятия помогали казаку сформировать те личностные качества, которые были необходимы ему как хорошему воину, способному спокойно вести боевые действия в степной местности, в лесу, в реке и на море.

На традиционно устраиваемых в каждой станице гульбищах и игрищах в честь больших праздников или, например, сбора хорошего урожая, свои навыки могли показать подростки. Рукопашные соревнования такого типа исторически восходят из родовых инициаций юных воинов. На подобных состязаниях юные казаки доказывали старшему поколению, что они имеют право встать плечом к плечу со своими отцами и братьями на поле боя. Такие казачьи игры назывались «шермичиями», и могли устраиваться в совершенно разных вариациях. Некоторые поединки проводились локально, а некоторые – с размахом, похожим на смотр войсковой молодежи отдельных, обширных регионов. Победителей каждой из дисциплин обязательно ждала награда. В качестве приза могли выступать боевые кони и ценное, хорошее оружие. Все виды соревновательного рукопашного боя казаков можно разделить на 5 стилей: борьба «на ломку»; вольная борьба; кулачное единоборство; стенка на стенку; палочно-кулачный бой.

Результаты исследования и обсуждения.

Анализируя литературные источники о старославянских боевых искусствах и видов борьбы, мы пришли к выводу, что из всех ныне действующих общественных организаций, движений, Российское Казачество, заселившееся в разных регионах нашей необъятной Родины, было первым, где стал применяться рукопашный бой в России. На наш взгляд, истоки современного рукопашного боя исходят из истории боевых искусств казаков.

В разных архивных материалах, связанных с историей России говорится, что уже в 1068 году казаки проводили поединки кулачных боев. А в летописи, преподобный Нестор Летописец: «Повести временных лет» были зафиксированы поединки по кулачному бою (Петрухин В. Я. Русь в 9–11 веках. От призвания варягов до выбора веры). Эти состязания способствовали эффективному воздействию на физическую и военную подготовку казаков. Способствовали развитию всех физических качеств без исключения, оздоровлению и восстановлению организма, формированию боевого духа [18].

Несмотря на то, что некоторые боевые приемы были весьма жесткими и считались нечестными в других регионах России, у казаков они использовались и во время тренировочных боев, а все потому, что этими навыками они могли воспользоваться в настоящем сражении, где от знаний человека зависит его жизнь и жизнь товарищей.

Изучение исконных боевых искусств несет в себе не только цель расширения кругозора молодежи, но и помогает воспитывать в детях чувство патриотизма и любви к Родине, так как изначально боевые искусства жителей Дона были созданы и активно применялись для защиты Отечества, т. е., в реальных сражениях. В ходе образовательного процесса ребята, узнавая о блистательных победах своих предков, еще больше проникаются гордостью за свою страну. Связь поколений, благодаря которой тонкости ратного дела передаются молодежи, едва не была утеряна, но, к счастью, современные энтузиасты очень внимательно и ответственно занимаются возрождением донского воинского искусства. Благодаря историческим записям, мы можем точно узнать, что русские имели несколько разновидностей борьбы (в обхват, на поясах, не в схватку), в которой применялись такие приемы, как подножки, подсечки, подхваты, удержания при борьбе лежа и способы страховки товарища [1]. Описания борьбы можно обнаружить в таких документах, как Лаврентьевская летопись X–XI веков, старинные русские былины, работы А. Терещенко (1847 г.), Д. Равинского (1881 г.), Е. Покровского (1887 г.) и других авторов. Среди современных российских ученых в области национальных видов борьбы особое место занимает исследование Чумакова Е. М. [16]. В работе Дашинобаева предложена новая классификация национально-самобытных видов борьбы [4] (рис. 3, 4), схватки которых проводятся только в стойке и стойке и в партере.

Казачьи виды единоборства являются неотъемлемой частью традиционной культуры казачьих станиц и хуторов Фурунжиев А. С. [11]. Необходимость приспособления с воинственными соседями диктовали формирование особого образа жизни и ценностей, связанных с воспитанием храбрости, силы духа, воинских умений. Физическое выживание казака зависело от тех навыков и умений, которые он приобретал с детства. Сильное закаленное тело, тренированные мышцы, дух единоборства составляли, по сути, самый важный капитал воина-казака и гарантию его выживания в бою. Ежедневные тренировки по боевым единоборствам воспитывали у молодых казаков боевой дух, умение самостоятельно отстаивать свою честь и защищать свою семью. Искусство борьбы было известно казакам еще с древних времен, а это ни много ни мало несколько тысячелетий.

Типология единоборств рассматривает в качестве основных единоборческие традиции, устойчивые и передаваемые из поколения в поколение, культивируемые

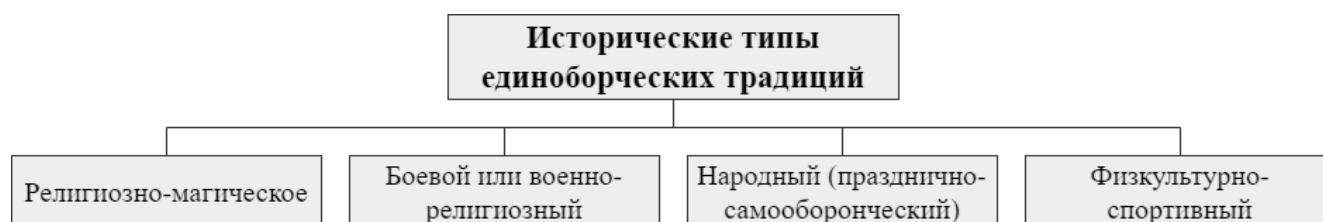

Рис. 3. Исторические типы единоборческих традиций

определенными социальными слоями и классами. Искусство казачьих видов борьбы так же старо, как само человечество.

Выделяются четыре исторических типа единоборческих традиций:

- 1) религиозно-магический
- 2) боевой или военно-религиозный
- 3) народный (празднично-самооборонческий)
- 4) физкультурно-спортивный

В настоящее время имеется немало исследований по проблеме казачьих традиций и видов единоборств (Н. А. Мининков, В. С. Кобзов, А. Л. Худобородов, В. А. Дорофеев). Однако ни одна из этих работ не дает полное представление о многообразии казачьих видов единоборств. Представленные ими единоборства относятся к Русско-славянским боевым видам. Восстанавливать их в историческом виде, популяризировать и делать массовым видом спорта в России очень нелегко.

Казачьи виды единоборства, как вид спорта и как единая система подготовки казаков к защите Родины, подразделяются на несколько направлений:

- а) исторические вехи развития и истоки международной популярности;
- б) казачьи виды единоборства, как общественное явление;
- в) спортивные виды единоборства;
- г) казачьи боевые искусства.

Казачьи виды единоборств, как одни из древних видов спорта, были очень популярны среди древних славян. В разных источниках говорится, что уже в 1068 году казаки проводили поединки кулачных боев. А в летописи преподобный Нестор Летописец; «Повести временных лет», были зафиксированы поединки по кулачному бою (Петрухин В. Я. Русь в 9–11 веках. От призвания варягов до выбора веры). Эти состязания способствовали эффективному воздействию на физическую и военную подготовку казаков. Способствовали развитию всех фи-

зических качеств без исключения, оздоровлению и восстановлению организма, формированию боевого духа [7; 18].

Вот уже более трех столетий казаки, верно, несут службу на границах постоянно расширяющегося российского государства, охраняют его от вражеских нападений и демонстрируют абсолютную верность власти. Это объясняет тот факт, что вся жизнь казачества была неразрывно связана с войнами и воинской службой. На появление особого образа жизни, формирование воинских умений и духовных ценностей, таких как, например, храбрость, сила духа, значительное влияние оказывали необходимость военного образа жизни и постоянная угроза нападения враждебных соседей. Ведь от тех навыков, которые воспитывались в казачестве с детства, зависело сохранение его жизни. Гарантировали выживанию воина сильное закаленное тело, тренированные мышцы и дух единоборства. Такие виды казачьих единоборств как «кулачный бой», «борьба на поясах», «борьба за вороток», «рукопашный бой», «стенка к стенке» и др. зародились еще в древности и развивались многие годы.

Традиция единоборств у казаков весьма разнообразна и богата своеобразными деталями, потому и привлекает огромное количество внимания и в наше время. Все особенности казачьих боевых искусств появились под влиянием многонациональной культуры нашей Родины. Самые разные народы внесли свой вклад в развитие техники и тактики единоборств казаков. Сам по себе борцовский поединок считается эффективным физическим упражнением, ведь он одновременно развивает несколько физических качеств (сила, быстрота, выносливость, ловкость), воспитывает некоторые морально-волевые качества и обеспечивает всестороннее совершенствование человека. Борьба занимает особое место в спортивной культуре каждого народа. Понятие «спортивная борьба» с точки зрения вида единоборства состоит из десятков различных видов борьбы. Определенные национальные и народные виды боевых искусств сохранились и до наших дней в ходе многовековой бережной передачи из поколения в поколение. При этом виды постоянно претерпевали изменения и совершенствовались, каждый раз приобретая все новые особенности.

В то время как славяне появились на исторической мировой арене, у них уже образовались соревнования в борьбе, палочном и кулачном бое в форме «один на один». Первоначально коллективные рукопашные поединки существовали в виде форм имитации реальных сражений. Тогда использовался прикладной рукопашный бой, то есть смесь борьбы, кулачного боя и фехтования. Позже появились новые формы соревнований без использования оружия, менее травмоопасные, чем прикладной рукопашный бой. Все больше форм коллективных состязаний постепенно возникало в связи с развитием военного дела, причем это происходило параллельно у совершенно разных народов.

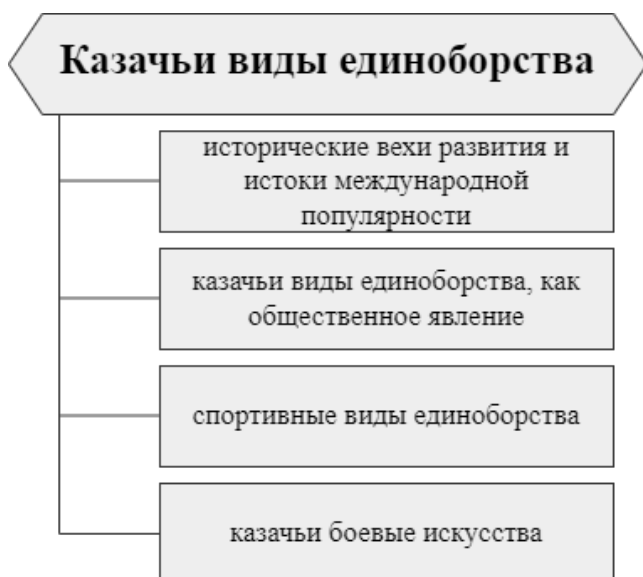

Рис. 4. Казачьи виды единоборства

Польский писатель и ученый-археолог Ян Потоцкий в 1797 году, проезжая через донские земли по пути в Астрахань, оставил подробное описание казачьей борьбы: «...Искусство состоит в том, чтобы схватить противника за пояс, потом бросить изо всей силы задом наземь, так чтобы борец полетел через голову; подумаешь, что он переломает себе руки и ноги, но казак не так нежен: при мне они оба встали, здоровы и невредимы, как будто просто упали».

В настоящем сражении противника, подходящего по весу и комплекции, никто не выбирает, поэтому при проведении соревнований было не принято делить участников на весовые категории. Сражаясь друг с другом не на поясах, всегда старались взять туловище оппонента «в тиски», чтобы потом было удобнее совершить бросок. На Дону был свой стиль вольной борьбы, отличный от классического. Каждый борец стремился сбить с ног своего противника.

На протяжении казачьих кулачных поединков разрешены были любые удары: ладонями, разными частя-

ми кистей рук, предплечьями и даже локтями; соперника можно было удерживать, хватать за одежду и применять подсечки и болевые приемы. К примеру, боец мог бросить оппонента о землю, а если тот упал – добить ударами ног, которые наносились с размаху по коленям, голеним и животу. Делалось это для того, чтобы человек упал на землю или сбил свое дыхание, тем самым быстрее ощутив усталость. По словам Андрея Ярового, во время состязаний казаки, несмотря на крутой нрав, все же старались придерживаться правила: «Сам бьешь – Бога помни, тебя бьют – молчи». Если бой проходил «стенка на стенку», обязательно устанавливались общие правила: запрещено кусаться, царапаться, бить соперника в крови до тех пор, пока он не утрет ее, и добивать упавших на землю.

В процессе исторического развития упражнения и игры с военным уклоном стали важной частью традиционных славянских «потех». Связано это было с постоянными войнами, которые древние славяне вели в те времена. Хорошим примером является «кулачная потеха»,

Рис. 5. Национальные виды борьбы, схватки в стойке и в партере

или, по-другому, русский кулачный бой. Главное оружие борца – его ловкость. Если получится схватить соперника и заставить его потерять равновесие, будет проще повалить его на землю или совершить бросок. Поэтому, в данном виде боя одолеть оппонента, полагаясь лишь на силу, не получится. Далее перечислены названия некоторых боевых наигрышей (те же названия носили бойцовские традиции): буза, галаниха, семьдесят четвертая, шараевка, веселого, потешного, под-драку, на-задор, скобарь, горбатого, собака, мамонька и др. «Бузой» называли одновременно и бойцовский наигрыш с пляской, и драку с техникой боя. Этот вариант был наиболее распространенным по сравнению с остальными. В некоторых донских станицах (Вешки или Мечетка, Ростовская область, и др.) активно развивался палочно-кулачный вид боя, сам по себе весьма травмоопасный. Эта разновидность борьбы представляла собой некую смесь фехтования и единоборств, и позволяло подготовить молодых воинов

к пешим поединкам с холодным оружием. В принципе, славянских (и, в частности, русских) стилей единоборств существует весьма большое количество, но одним из самых любимых народом видов считалось «на ломка».

Казаки всегда считались прекрасными воинами. Об их доблести и отваге пишет в своих исследованиях Андрей Фетисов. Именно казаки являются основателями многих новшеств в искусстве военного дела того времени. Благодаря труду не одного поколения легендарных воинов разработана уникальная техника верховой езды, сабельного и рукопашного боя, а также время, правила и порядок проведения спортивных рукопашных состязаний. Ратному делу казачьих мальчиков обучали с раннего детства. Каждый день они занимались физическим трудом, помогали старшим казакам и ухаживали за лошадьми.

В станицах регулярно проходили гульбища и игрища по случаю общенародных праздников. Для всех казачьих мальчиков это служило шансом показать себя

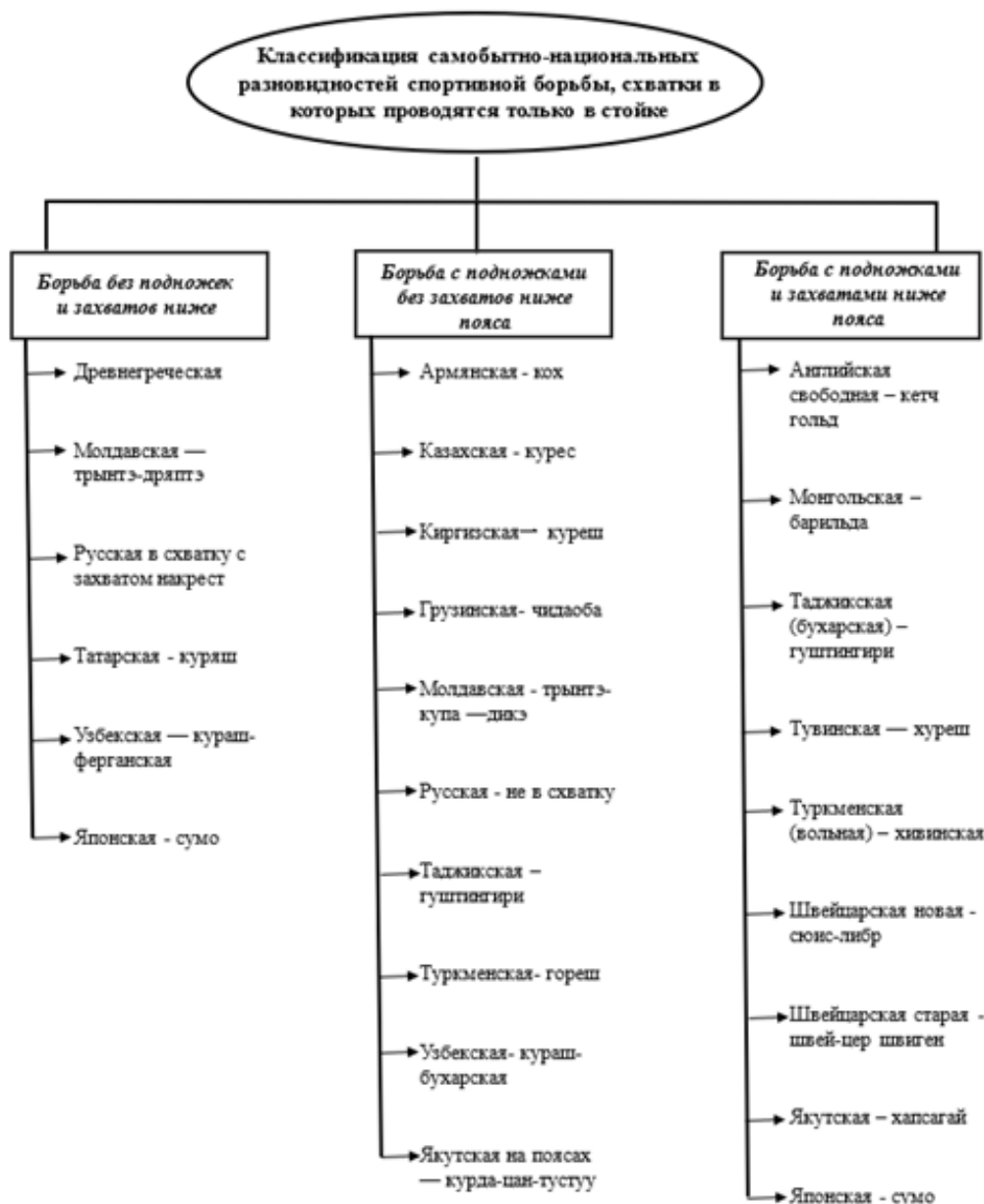

Рис. 6. Национальные виды борьбы, схватки только в стойке

как искусно владеющего навыками рукопашного боя воина. В различных исследованиях указано, что основы рукопашных соревнований могут быть заключены в родовых ритуалах, когда подобными поединками юноши доказывали старшим, что способны быть достойными, храбрыми воинами и биться наравне со своими отцами в настоящем бою.

Многие приемы, которым учились казаки в ходе показательных рукопашных боев, были применимы при участии в реальных военных конфликтах, а потому в некоторых регионах были разрешены весьма жестокие для постановочных поединков приемы. Например, удар кулаком в кадык возбуждался на Урале, но не был нарушением на Дону.

Традиции легендарных защитников Отечества не забыты до сих пор. Необходимо подчеркнуть, что с первых дней специальной военной операции роль военнослужащих из числа казаков заметно усилилась. Сразу выяснилось, что их военные функции – далеко не игрушечные, и Россия вновь нуждается в казаках – отважных, стойких, истинно верующих, искусных в своем деле военных профессионалах (Д. М. Володихин, 2023). В этом случае обучение студентов в (ПКУ) боевым искусствам и видам единоборств становятся важнейшей задачей в процессе обучения.

В настоящее время казачьи кулачные бои перешли в реальную спортивную дисциплину. На данный момент функционирует несколько спортивных школ, где можно приобрести навыки и опыт в различных видах борьбы включая и рукопашный бой.

Выводы.

Изучая теоретическую и практическую основу современного рукопашного боя, можно сказать, что вид спорта базируется на традиционно-славянских видах единоборств, где основная цель – это защита Родины от вражеских нападений и демонстрация абсолютной верности власти в одном, и обезвреживания и задержания лиц, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан, в другом. Это объясняет тот факт, что вся жизнь казачества была неразрывно связана с войнами и воинской службой.

Проявление особого образа жизни, регулярные и систематичные тренировки по рукопашному и кулачному бою, формировали у казаков воинских умений и духовных ценностей, таких как, храбрость, сила духа.

Богатый арсенал технических и тактических действий современного рукопашного боя базируется на старославянских видах единоборств и боевых искусствах, на казачьи виды борьбы. Делает современный рукопашный бой интересным и зрелищным, одновременно, включает многие элементы, приемы из интернациональных и самобытно-национальных разновидностей спортивной борьбы (рис. 5, 6) [1; 4].

Библиографический список

1. Ахмедова Е. А., Мельникова Н. Ю. Использование приемов и методики национальных видов

борьбы народов России в современном тренировочном процессе // Физическая культура и спорт. 2016. С. 44–46.

2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Бои кулачные. Энциклопедический словарь : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

3. Гарник В. С. Боевые искусства и единоборства в психофизической подготовке студентов : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2012. 176 с.

4. Дашиноборцев В. Д. Особенности национальных видов борьбы у народов России, СНГ, Азии и их влияние на современную методику тренировки борцов вольного стиля : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2000. 380 с.

5. Никишкин В. А., Бумарскова Н. Н., Крамской С. И., Барков А. Ю., Колотильщикова С. В., Лазарева Е. А., Гарник В. С., Амельченко И. А., Гурулева Т. Г., Попов А. В. Физическая культура и спорт : учебник. М. : Изд-во МГУ, 2021. 380 с.

6. Паршин С. В., Муслимов М. Ш. Рукопашный бой как составляющая физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Эпоха науки. 2022. № 25. С. 45–52.

7. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках : от призвания варягов до выбора веры : 2-е изд., испр. и доп. М. : Форум ; Неолит, 2014. 464 с.

8. Покасов В. Ф., Черкасов В. А. Казачество на Ставрополье : учеб.-метод. пособие. Ставрополь : СКИПКРО, 2011. С. 231.

9. Тоноян Х. А., Юлина Г. Н. Методика преподавания казачьих видов единоборств (на примере дополнительного образования в Первом Казачьем Университете) // Власть. 2015. № 3. С. 86–90.

10. Тоноян Х. А., Юлина Г. Н., Небогатилов А. В. Современные средства физического воспитания подростков в кадетских казачьих классах по традициям российского казачества // Власть. 2017. Т. 25. № 12. С. 54–60.

11. Тоноян Х. А. Боевые виды единоборств : учеб. программа. М. : Изд-во МГУ, 2014. 20 с.

12. Тоноян Х. А. Методика преподавания базовых видов спорта в высших учебных заведениях России (на примере боевых видов единоборств) : рабочая учебная программа для студентов очной и заочной форм обучения. М. : Изд-во МГУ, 2014. 24 с.

13. Торопов В. А., Куликов М. Л., Науменко С. В., Хабыртов Р. Б. Боевые искусства : учебное пособие. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД РФ, 2022. 75 с.

14. Туманян Г. С. Спортивная борьба : пропедевтика. Москва : Советский спорт, 1997.

15. Фурунжиев А. С. Русский «стеночный» бой // Боевые искусства планеты. 1991. Вып. 4. С. 71–84.

16. Чумаков Е. М., Табаков С. Е. 100 уроков самбо : учебное пособие. М. : Изд-во МГУ, 2021. 476 с.

17. Бытовые и боевые традиции // URL://<https://mydocx.ru/6-66227.html>.

18. Преподобный Нестор Летописец. Повесть временных лет // URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Повесть_временных_лет.

Bibliographic list

1. Akhmedova E. A., Melnikova N. Yu. Use of techniques and methods of national wrestling styles of the peoples of Russia in the modern training process // Physical Culture and Sports. 2016. P. 44–46.
2. Brockhaus F. A., Efron I. A. Fists // Encyclopedic Dictionary : in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). SPb., 1890–1907.
3. Garnik V. S. Martial Arts and combat sports in psychophysical training of students : textbook. M. : Moscow State University Publishing, 2012. 176 p.
4. Dashinorboev V. D. Features of national wrestling styles of the peoples of Russia, CIS, and Asia and their influence on the modern training methods of freestyle wrestlers : doctoral thesis in Pedagogical Sciences. SPb., 2000. 380 p.
5. Nikishkin V. A., Bumarskova N. N., Kramskoy S. I., Barkov A. Yu., Kolotilshchikova S. V., Lazareva E. A., Garnik V. S., Amelchenko I. A., Guruleva T. G., Popov A. V. Physical culture and sports : textbook. M. : Moscow State University Publishing, 2021. 380 p.
6. Parshin S. V., Muslimov M. Sh. Hand-to-hand combat as a component of physical training for employees of the Russian Ministry of Internal Affairs // Era of Science. 2022. № 25. P. 45–52.
7. Petruhin V. Ya. Rus in the 9th–10th centuries : from the invitation of the varangians to the choice of faith : 2nd edition, revised and expanded. M. : Forum; Neolit, 2014. 464 p.

8. Pokasov V. F., Cherkasov V. A. Cossacks in Stavropol : educational and methodological guide. Stavropol : SKIPKRO, 2011. 231 p.

9. Tonoyan H. A., Yulina G. N. Methodology of teaching Cossack martial arts (based on supplementary education at the First Cossack University) // Vlast. 2015. № 3. P. 86–90.

10. Tonoyan H. A., Yulina G. N., Nebogatikov A. V. Modern means of physical education for adolescents in cadet Cossack classes based on Russian Cossack traditions // Vlast. 2017. Vol. 25, № 12. P. 54–60.

11. Tonoyan H. A. Martial arts : educational program. M. : Moscow State University Publishing, 2014. 20 p.

12. Tonoyan H. A. Methodology of teaching basic sports in Russian higher educational institutions (based on martial arts) : syllabus for full-time and part-time students. M. : Moscow State University Publishing, 2014. 24 p.

13. Toropov V. A., Kulikov M. L., Naumenko S. V., Khabyrtov R. B. Martial arts : textbook. St. Petersburg : Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 75 p.

14. Tumanyan G. S. Sports wrestling : propaedeutics. M. : Soviet Sport, 1997.

15. Furunzhiev A. S. Russian «stenochka» fight // Martial Arts of the Planet. 1991. Issue 4. P. 71–84.

16. Chumakov E. M., Tabakov S. E. 100 Lessons of sambo : textbook. M. : Moscow State University Publishing, 2021. 476 p.

17. Household and combat traditions // URL://<https://mydocx.ru/6-66227.html>.

18. Saint Nestor the Chronicler. The Tale of Bygone Years // URL://https://en.wikipedia.org/wiki/Primary_Chronicle.

Информация об авторах

Х. А. Тоноян – профессор кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор;

А. Ю. Лахтин – заведующий кафедрой физического воспитания и допризывной подготовки Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

H. A. Tonoyan – Professor of the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

A. Yu. Lakhtin – Head of the Department of Physical Education and Pre-Conscription Training of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University), Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contribute equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.